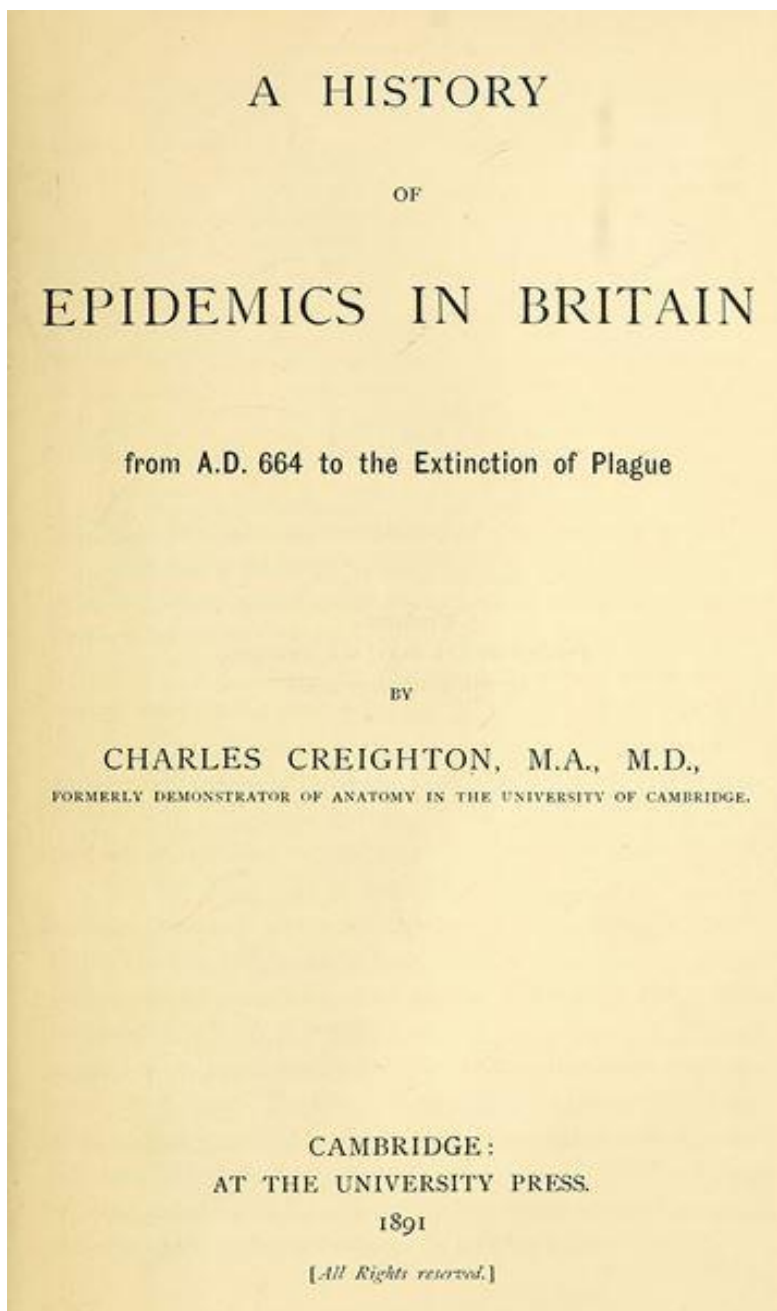

История эпидемий в Британии, том 1 (из 2). С 664 г. н.э. до исчезновения Чумы

Чарльз Крейтон

Электронная книга проекта Гутенберга по истории эпидемий в Великобритании, том 1 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История эпидемий в Великобритании, том 1 (из 2)

Автор: Чарльз Крейтон

Дата выхода: 11 мая 2013 г. [Электронная книга № 42686]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЭПИДЕМИЙ В Великобритании", ТОМ 1 (ИЗ 2) ***

ИСТОРИЯ ЭПИДЕМИЙ В БРИТАНИИ.

Лондон: К. Дж. КЛЕЙ и СЫНОВЬЯ,
ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
И
Х. К. ЛЬЮИС,
136, ГАУЭР-СТРИТ, Вашингтон

Кембридж: ДЕЙТОН, БЕЛЛ И КОМПАНИЯ.

Лейпциг: Ф. А. БРОКГАУЗ.

Нью-Йорк: МАКМИЛЛАН И КОМПАНИЯ

ИСТОРИЯ ЭПИДЕМИЙ В БРИТАНИИ с 664 года н. э. до исчезновения чумы

ЧАРЛЬЗ КРЕЙТОН, магистр МЕДИЦИНЫ,

БЫВШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ АНАТОМИИ В КЕМБРИДЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

КЕМБРИДЖ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО УНИВЕРСИТЕТА.

1891

[Все права защищены.]

Кембридж:

НАПЕЧАТАНО С. J. CLAY, M.A. And SONS,

ИЗДАТЕЛЬСТВОМ UNIVERSITY PRESS.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Заголовок и таблица содержания этого тома в достаточной степени отражают его объем, а беглый взгляд на ссылки в нескольких главах покажет его источники. Но, возможно, будет удобно подвести несколько общих замечаний под каждую из этих глав. Дата 664 г. н.э. была выбрана в качестве отправной точки по той причине, что это год первой эпидемии в Британии,

зафиксированной на основании современных или почти современных источников, а именно 'Церковной истории' Беды. Другой предел объема - исчезновение чумы в 1665-1666 годах - знаменует конец долгой эпохи эпидемических заболеваний, которая сильно отличалась по характеру от эпохи, последовавшей за ней. В момент Реставрации или около нее мы как бы приходим к открытию новой печати или излиянию другого флакона. С тех пор история развивается в другом русле и черпается в основном из источников другого рода; с учетом небольшого совпадения примерно с серединой семнадцатого века, ее можно было бы продолжить с 1666 года почти без привязки к тому, что было раньше. История ограничена Великобританией и Ирландией, за исключением главы XI, которая посвящена первым колониям и ранним путешествиям, за исключением также некоторых разделов других глав, где история должна проследивать предшествующие случаи какой-либо серьезной эпидемической болезни на чужой земле.

Источниками этой работы были обычные источники по английской истории из первых рук в целом. В средневековый период к ним относятся монашеские истории, хроники, жития и тому подобное (частично в изданиях Гейла, Сэвила, Твисдена и Хирна, а также Английского исторического общества, но главным образом в большой серии, редактируемой для the Master of the Rolls), старые печатные сборники государственных документов и, что касается "Черной смерти", недавно опубликованные исследования о списках судов поместий и других записях. Примерно с начала тюдоровского периода Календари государственных газет (отечественных, иностранных и колониальных) стали бесценным источником информации как для эпидемиолога, так и для других историков. Кроме того, отчеты Комиссии по историческим рукописям вместе с ее Календарями частных коллекций документов содержат немало фактов. Многие точные данные, относящиеся, в частности, к локальным вспышкам чумы, были обнаружены в историях графств, округов и приходов, которые не имеют достаточной ценности для данной цели и часто, к сожалению, требуют составления индекса. Различные источники, на которые опирались, были очень многочисленными, возможно, более многочисленными, исходя из характера предмета, чем в большинстве других отраслей истории.

Собственно медицинские книги по истории английских эпидемий до елизаветинского периода едва ли доступны, и они начинают приобретать реальное значение для этой цели незадолго до даты, на которой заканчивается настоящая история. Они были тщательно разысканы, большинство известных книг были прочитаны и внимательно изучены в поисках иллюстративных фактов. Во второй половине семнадцатого века лучшие английские авторы по медицине занимались в основном эпидемиями своего времени, и британская школа эпидемиологии, которая взяла выдающееся начало благодаря Уиллису, Сайденхэму и Мортону, была достойно продолжена многими авторами на протяжении всего восемнадцатого века; так что история, последовавшая за рассматриваемым здесь периодом, становится все более и более зависимой от медицинских источников и представляет все больший интерес для самой профессии.

Нередко делались ссылки на рукописи; из них наиболее важными, которые были использованы (впервые), являются трактат о потливости 1485 года, написанный современным лондонским врачом, два оригинальных лондонских чумных счета периода правления Генриха VIII и ценный набор таблиц еженедельных похорон и крестин в Лондоне за пять лет (почти полный) с 1578 по 1583 год, среди бумаг Сесила - последние с любезного разрешения маркиза Солсбери.

Сбор материалов для британской эпидемиологии из этих различных источников - непростая задача; если бы это было так, вряд ли бы это было сделано или, насколько известно, даже предпринято впервые в столь поздний период. Там, где источники информации настолько разрозненны и случайны, неизбежно следует упустить из виду некоторые вещи: какими бы незначительными или многочисленными ни были упущения, их, несомненно, было бы больше, если бы не предложения и помощь, любезно предоставляемые время от времени различными друзьями.

Материалы были собраны, оставалось подумать, как их лучше всего использовать. Существующие национальные эпидемиологии, такие как итальянская, написанная профессором Корради, или более старая "Epidemiologia Española" Вильяльбы, представлены в форме анналов. Но казалось практически осуществимым, не жертвуя ни единым элементом хронологии, построить на основе более значительных событий болезни в национальных анналах систематическую историю, которая должна была бы во многих моментах соприкасаться с общей историей и составить дополнительный к ней том. Такова была попытка; и, оценивая степень ее успеха, следует иметь в виду, что это первая попытка подобного рода, британская или иностранная, в своем собственном ведомстве. Автор вряд ли может надеяться полностью избежать ошибок, касаясь общей истории страны за столь длительный период; но он старался как можно меньше выходить за пределы своей компетенции и избегать беспричинных размышлений об исторических персонажах и событиях. Более серьезные эпидемические заболевания, однако, обсуждались свободно - с научной стороны или с точки зрения их теории.

Остается признать щедрость Синдиката издательства Кембриджского университета в вопросе публикации и дружеский интерес, проявленный к работе их Председателем, Хозяином Питерхауса.

Ноябрь 1891 года.

Содержание.

	СТРАНИЦА
ГЛАВА I.	
ЭПИДЕМИИ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ЧЕРНОЙ СМЕРТИ, В ОСНОВНОМ ВЫЗВАННЫЕ МАССОВЫМ ГОЛОДОМ.	
Чума 664-684 годов, описанная Бедой, и ее вероятная связь с чумой времен правления Юстиниана, 542-	4
Другие средневековые эпидемии, вызванные не голодом	9
Хронология голодных болезней с полным описанием болезней 1194-7, 1257-9 и 1315-16 гг.	15
Несколько следов эпидемий эрготизма; причина невосприимчивости Англии к	52

Общие сведения о средневековом голоде в Англии	65
--	----

ГЛАВА II.

ПРОКАЗА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ Британии.

Средневековые значения <i>лепры</i>	69
Библейские ассоциации с проказой	79
Средневековые религиозные чувства по отношению к прокаженным	81
Проказа -распространенность, о которой судят по лепрозориям, их количеству в Англии, особенностям назначения и продолжительности	86
Лепрозории в Шотландии и Ирландии	99
Предубеждение против прокаженных	100
Законов против прокаженных	106
Обстоятельства, благоприятствующие проказе в образе жизни -Современная аналогия пеллагры	107

ГЛАВА III.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ 1348-1399 гг.

Приход черной смерти и ее распространение по Британии с современными английскими и ирландскими заметками о симптомах	114
Расследование масштабов смертности	123
Предпосылки черной смерти на Востоке —условия, благоприятствующие торговле сухопутного Китая в Китае	142
Теория бубонной чумы	156
Иллюстрации из современности	163
Краткое изложение причин и благоприятных условий в Европе	173

ГЛАВА IV.

С ЭПИДЕМИЯМИ До 1485 г.

Усилия по возобновлению войны с Францией	177
Прямые социальные и экономические последствия в городе и деревне	180
Более долгосрочные последствия для сельского хозяйства, промышленности и населения	190
Эпидемии, последовавшие за Черной смертью	202
Средневековые английские рукописи о чуме	208
Хронология 14 века продолжалась	215
Общественное здравоохранение в 15 веке	222
Хронология эпидемий, 15 век	225

Чума и с. в Шотландии и Ирландии 1349-1475 гг.	233
--	-----

ГЛАВА V.

ПОТЛИВОСТЬ, 1485-1551гг.

Первое нашествие Пота в 1485 г.	237
Вторая вспышка в 1508 г.	243
Третий Пот в 1517 г.	245
Четвертый Пот в 1528 г.	250
Распространение Четвертого Пота на Континент в 1529 г.	256
Пятый Пот в 1551 г.	259
Происхождение английского Пота	265
Эндемичный пот Нормандии	271
Теория английского Пота	273
Исчезновение Пота в Англии	279

ГЛАВА VI.

ЧУМА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТЮДОРОВ.

Хронология вспышек чумы в Лондоне, провинциальных городах и стране в целом с 1485 по 1556 год	282
Лондонская чума 1563 г.	304
Профилактическая практика во время чумы при Тюдорах	309
Санитария во времена Плантагенетов и Тюдоров	322
Захоронение мертвых	332
Хронология чумы 1564-1592-Статистика жизнедеятельности Лондона 1578-1583 гг.	337
Лондонская чума 1592-1593 гг.	351
Чума в провинциях, 1592-1598	356
Чума в Шотландии, 1495-1603—Скене о чуме (1568)	360
Чума в Ирландии в период Тюдоров	371

ГЛАВА VII.

ТЮРЕМНЫЕ ЛИХОРАДКИ, ГРИППОЗНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ И ДРУГИЕ ЛИХОРАДКИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТЮДОРОВ.

Черные судебные заседания в Кембридже, 1522 г.	375
Черных судебных заседаний в Оксфорде, 1577 г.	376
Черных судебных заседаний в Эксетере, 1586 г.	383
Рост пауперизма, бродяжничества и т. Д. В период Тюдоров	387
Инфлюэнца и другие “странные лихорадки” и приливы, 1540-1597 гг.	397

ГЛАВА VIII.

ФРАНЦУЗСКАЯ ОСПА.

Скудость английских записей	414
Свидетельств о ее вторжении в Шотландию и Англию в 1497 и последующие годы	417
Английских трудов о оспе в елизаветинский период с некоторыми примечаниями к периоду Стюартов	423
Обстоятельства великой европейской вспышки в 1494 году — Вторжение Карла VIII в Италию.	429

ГЛАВА IX.

ОСПА И КОРЬ.

Первые счета от оспы в арабских сочинениях—характера заболевания	439
Европейской оспы в Средние века	445
кори в средневековых сочинениях—происхождение фамилии “корь” и “оспин”	448
первые английские уведомления о оспе, в эпоху Тюдоров	456
большое увеличение оспы в Стюарт срок	463
оспы в Континентальной труды 16-го века	467

глава X.

чумы, лихорадки и гриппа от вступления Якова I. К восстановлению.

Рост Лондона в периоды Тюдоров и Стюартов	471
Лондонская чума 1603 г.	474
Ежегодная чума в Лондоне после 1603 г.	493
Чума в провинциях Ирландии и Шотландии в 1603 и последующие годы	496
Злокачественная лихорадка, предшествовавшая чуме 1625 г.	504
Лондонская чума 1625 г.	507
Чума в провинциях в 1625 и последующие годы	520
Лондонская чума 1636 г.	529
Лихорадка в Лондоне и в Англии в целом до 1643 г.	532
Военный тиф в Оксфордшире и окрестностях и в Тивертоне, 1643-44 гг.	547
Чума в провинциях Шотландии и Ирландии во время гражданских войн	555
Лихорадка в Англии 1651-52 гг.	566
Инфлюэнца или лихорадка 1657-59 гг.	568

ГЛАВА XI.

БОЛЕЗНИ ПЕРВЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ И КОЛОНИЙ.

Цинга в ранних плаваниях, северных и южных	579
Замечательная эпидемия лихорадки в экспедиции Дрейка 1585-1586 гг. к Материковой Испании	585
Другие случаи судовых лихорадок, флюса, цинги и т. Д.	590
Цинга и т. Д. На кораблях Ост-Индской компании: лечение	599
Болезни во время путешествий и в колониях Вирджинии и Новой Англии	609
Ранние эпидемии Вест—Индии, включая первую желтую лихорадку - работорговля	613
Эпидемия 1655-6 годов при первом заселении Ямайки	634

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКАЯ ЛОНДОНСКАЯ ЧУМА И ПОСЛЕДНЯЯ ВСПЫШКА ЧУМЫ В АНГЛИИ.

Литература о Великой чуме	646
Предпосылки, начало и ход лондонской чумы 1665 года	651
Смертность и случаи Великой чумы—Характеры болезни	660
Чума близ Лондона и в провинциях, 1665-66	679
Чума в Эйаме, 1665-66	682
Чума в Колчестере, 1665-66, и последняя вспышка чумы в Англии	688

ОШИБКИ.

На стр. 28, строка 4, *вместо “для” прочитать “at”*. На стр. 126, строка 2, *вместо “1351” прочитать “1350”*; то же изменение на стр. 130, строки 6 и 9. На стр. 185 примечание 1 *прочитайте “Оченковский”*. На стр. 264 строка 18, а на стр. 554 строка 11 снизу прочитайте *“патогномоничный”*. На стр. 401 примечание 3 к “1658” *прочитайте “1558”*. На стр. 420, строка 17, *вместо “Генрих IV”, прочитайте “Генрих V.”* На стр. 474, строка 4, *вместо “больше” прочитайте “меньше”*. На стр. 649, строка 22, *опустить “Хэнкок”*.

ГЛАВА I.

ЭПИДЕМИИ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ЧЕРНОЙ СМЕРТИ, В ОСНОВНОМ ВЫЗВАННЫЕ МАССОВЫМ ГОЛОДОМ.

Средний век европейской истории не имеет естественно зафиксированных начала или конца. Античный период можно считать завершенным к четвертому христианскому веку, или к пятому, или к шестому; современный период можно отнести к четырнадцатому, или к пятнадцатому, или к шестнадцатому. Историк Халлам включает в себя тысячелетний период средневековья, от вторжения Хлодвиги во Францию до вторжения Карла VIII в Италию в 1494 году. Мы начинаем, говорит он, во тьме и бедствиях, и заканчиваем, когда на нас веет утром и сумерки краснеют, превращаясь в сияние дня. Для эпидемиолога средневековый период представляется более определенным. С одной стороны, начинается великая чума в правление Юстиниана, а с другой - Черная смерть. Это два величайших бедствия в истории человечества; каждому из них нет параллели, кроме как в другом. Они были в центре событий, и не следует заикливаться на том, что они внесли нечто большее, чем свою лепту в формирование хода истории. Но ничто так отчетливо не выделяет удар судьбы, приведший древнюю цивилизацию к концу, как огромная депопуляция и одиночество, вызванные чумой, которая пришла с кораблями с зерном из Египта в Византию в 543 году; и ничто так определенно не указывает на выход Европы из среднего периода застоя, как другая депопуляция и социальные потрясения, вызванные чумой, которая пришла по сухопутному пути генуэзских и венецианских торговцев из Китая в 1347 году. В то время как в воздухе витало множество других факторов, определявших приход и уход срединной тьмы, эти две всемирные эпидемии были уникальны по своим соответствующим последствиям: о первой мы можем сказать, что она повернула ключ в средневековой тюрьме; а о другой - что она отперла дверь спустя восемьсот лет.

Черная смерть и ее последствия займут большую часть этой работы, так что то, что только что было сказано о ней, не будет восприниматься как голое утверждение. Но чума в правление Юстиниана едва ли затрагивает британскую историю, и ее следует оставить с краткой ссылкой. Гиббон не был равнодушен к той роли, которую она сыграла в великой драме его истории. "Произошло, - говорит он, - заметное сокращение численности человеческого рода, которое так и не было восстановлено в некоторых из прекраснейших стран земного шара". После тщетных попыток истолковать арифметику Прокопия, который был свидетелем бедствия в Византии, он соглашается вычеркнуть один или несколько шифров и принимает в качестве оценки "не совсем неприемлемую" смертность в сто миллионов человек. Последствия этой депопуляции, частично вызванной войной, в истории не прослеживаются. Насколько позволял метод Гиббона, чума относилась для него к той же группе явлений, что кометы и землетрясения; она была частью декораций, среди которых разворачивалась драма императоров, понтификов, генералов, евнухов, Теодоров и авантюристов. Даже о кометах и землетрясениях он замечает, что они подчинялись физическим законам; и именно из-за недостатка научного духа он не стал показывать, как чума такого масштаба имела место в физическом порядке, и не в меньшей степени в моральном.

Новая наука эпидемиология возникла со времен Гиббона, которому приходилось полагаться на труды Мида, занятого и не очень сведущего придворного врача. В частности, египетское происхождение чумы VI века и ее значение были прояснены блестящей теорией Паризе, некоторый отчет о которой будет дан в конце главы о Черной смерти. В настоящее время нас это интересует только в той мере, в какой это может иметь отношение к эпидемиям в Британии. Чума VI века, естественно, произвела наибольшее впечатление на древнейшие цивилизованные страны Европы; но она распространилась также на отдаленные провинции империи и на страны варваров. Это была та же болезнь, что и Черная смерть четырнадцатого

века, бубонная чума; и она распространялась из страны в страну и передавалась из поколения в поколение, как, как известно, делала эта более знакомая инфекция[1].

О его возобновлении слышали то в одной части Европы, то в другой вплоть до конца VI века, когда его преемственность была утрачена. Но ясно, что в последующие столетия в Риме и других местах недостатка в семенах эпидемии не было. Таким образом, примерно в 668 году избранный английский архиепископ Вигхард, отправившись в Рим, чтобы получить подтверждение своего избрания папой Виталианом, вскоре после своего прибытия был уничтожен эпидемией вместе почти со всеми, кто отправился с ним[2]. Двенадцать лет спустя, в 680 году, в июле, августе и сентябре произошла еще одна серьезная эпидемия, вызвавшая большую смертность в Риме и такую панику в Павии, что жители бежали в горы[3]. Говорят, что в 746 году эпидемия распространилась с Сицилии и Калабрии и произвела в Риме такие опустошения, что в домах не осталось ни одного жителя[4]. Общее название для всех таких эпидемий - *pestis* или *pestilencia* или *magna mortalitas*, так что можно смело утверждать, что какой-то другой тип инфекции, помимо бубонной чумы, такой как лихорадка или флюс, мог быть, по крайней мере, частью их; но ни один тип инфекции никогда не был таким смертоносным, как бубонная чума, и смертность, которая, по мнению хрониста, вызывает панику и опустошение, предположительно относилась к этому типу.

Эпидемия в Англии и Ирландии в седьмом веке.

Прошло более столетия после того, как первая большая волна эпидемии прошла по Европе во времена правления Юстиниана, прежде чем мы услышали о великой чуме в Англии и Ирландии. Доктор Уиллан, единственный английский писатель по медицине, обративший свою эрудицию к этому периоду, предполагает, что инфекция, должно быть, попала в эту страну с континента в более ранний период. С 597 года, по его словам, прогресс обращения в христианскую религию “привел к таким частым сношениям с Италией, Францией и Бельгией, что эпидемические и заразные болезни, преобладавшие на континенте в конце VI века, неизбежно должны время от времени передаваться через Гептархию[5]”. До тех пор, пока мы не перейдем к *Церковной истории* Беды, единственными авторитетными источниками являются ирландские анналы; и в них первое несомненное упоминание о великой чуме совпадает по дате с датой из истории Беды - 664 годом. Действительно, верно, что ирландские анналы или их более поздние редакции относят название, данное чуме 664 года (*pestis ictericia* или *buide connail*), к предполагаемой смертности в 543 или 548 году, и делают последнюю “первой *буйде коннайл*”; но некролог святых по этому случаю - это всего лишь то, что могло произойти обычным образом, и, судя по форме записи, вероятно, что на самом деле это был слух о смерти. великая чума в Византии и других местах в 543 году и последующие годы, дошедшая до ирландского летописца[6].

Чума 664 года - единственная эпидемия в ранних британских летописях, которую можно рассматривать как чуму той же природы и в тех же масштабах, что и опустошение Европейского континента более чем столетием ранее, независимо от того, считать ее поздним ответвлением или нет. Английский мор 664 года - это то же самое, о чем много лет спустя в прозе и стихах писали как о великой чуме “времен Кэдуолладера”. Это оставило след в традициях Англии, который можно рассматривать как показатель его реальности и серьезности; и можно сказать, что с него начинается история эпидемий в Британии. Это было еще достаточно недавно, чтобы

быть рассказанным очевидцами Беда, чья *церковная история* является единственным достоверным источником, помимо записи в ирландских анналах, нашей информации о нем.

Эпидемия разразилась внезапно в 664 году и, “обезлюдив” южные районы Англии, охватила провинцию Нортумбрия, где долгое время свирепствовала повсюду, уничтожив огромное количество людей[7]. В другом отрывке Беда говорит, что такая же смертность произошла и среди восточных саксов, и он, по-видимому, связывает это с их обращением к язычеству[8].

Говорят, что эпидемия проникла в Ирландию в начале августа, но неясно, в 664 или 665 году. Согласно одной из тех расплывчатых оценок, с которой мы снова столкнемся в связи с Черной смертью, смертность в Ирландии была настолько велика, что в живых осталась только третья часть людей. Ирландские анналы, однако, содержат длинный список знаменитостей, погибших во время эпидемии[9].

Беда следует за своим общим упоминанием чумы историей о монастыре Ратмельсиги, отождествляемом с Мелфонтом в Мите, которую он услышал много лет спустя от главного действующего лица. Эгберт, английский юноша благородного происхождения, отправился в Ирландию, чтобы вести монашескую жизнь, как и многие другие его соотечественники того же ранга или среднего класса. Чума в его монастыре была настолько сильной, что все монахи либо умерли от нее, либо бежали перед ней, за исключением его самого и еще одного человека, которые оба лежали больные этой болезнью. Товарищ Эгберта умер; а сам он, поклявшись вести аскетическую жизнь, если его пощадят, выжил, чтобы привести в исполнение свой обет, и умер в 729 году с громким именем святости в возрасте девяноста лет.

Говорят, что чума 664 года, возможно, на основании конструктивных свидетельств[10], продолжалась в Англии и Ирландии в течение двадцати лет; и есть несколько рассказанных Бедой историй об инцидентах в монастырях, которые показывают, по крайней мере, что вспышки смертельной инфекции происходили здесь или там еще в 685 году. Некоторые из них относятся к новому монастырю Баркинг в Эссексе, основанному для монахов епископом Лондона в 676 году. Сначала у нас есть история, касающаяся множества смертей на мужской половине дома[11], а затем две истории, в которых фигурируют трехлетний ребенок и несколько монахинь, умирающих от чумы[12]. Другая история, по-видимому, связана с чумой в монастыре на побережье Сассекса, по-видимому, в Селси[13]. Еще в одном, в котором, как предполагается, сыграл роль сам Беда, рассказывается о монастыре Джарроу, дата которого выводится из контекста как 685 год.

Из двух нортумбрийских монастырей, основанных Бенедиктом, Вермутский потерял нескольких своих монахов из-за чумы, а также своего аббата Истервайна, который, как известно, умер в марте 685 года. Другой монастырь в Джарроу, настоятелем которого был Кеолфрит, пострадал от эпидемии еще больше. Все, кто мог читать, или проповедовать, или произносить антифоны и ответы на них, были отрезаны, за исключением аббата и одного маленького мальчика, которого вырастил и обучил Кеолфрит. В течение недели настоятель сам проводил сокращенные службы, после чего к нему присоединился голос мальчика; и эти двое продолжали работу до тех пор, пока не были проинструктированы остальные. Беде, которая, как известно, была ученицей Кеолфрита в Джарроу, тогда было бы около двенадцати лет, и она соответствовала бы мальчику из рассказа[14].

О природе этих бедствий, начиная с великого нашествия 664 года, можно только догадываться. Похоже, что они возникли из-за какого-то яда в почве, распространились туда-сюда, как это сделала Черная смерть семь столетий спустя, и остались в стране, чтобы вспыхнуть заново, не повсеместно, как вначале, а кое-где, например, в монастырях. Гипотеза о позднем распространении на Англию и Ирландию великого европейского нашествия бубонной чумы в 543 году соответствовала бы фактам, насколько мы их знаем. Единственная медицинская деталь, которая сохранилась на основании сомнительных источников, что болезнь была *pestis ictericia*, отмеченная желтизной кожи и в просторечии известная на ирландском языке как *buide connaill*, не является несовместимой с гипотезой о бубонной чуме и в остальном непонятна[15].

В течение следующих семи столетий эпидемии в Британии были в основном результатом голода и, следовательно, имели местное происхождение. Тип голода-мора настолько сильно повлиял на историю эпидемий средневековой Англии, что хронисты и романисты не в состоянии отделить голод от своих представлений о море в целом. Так, Хигден, ссылаясь на вспышку юстиниановой чумы в Константинополе, связывает ее только с массовым голодом[16]; а романтик-метрик Роберт Брюннский, у которого в памяти был свеж великий английский голод 1315-16 годов, подробно описывает чуму 664 года или чуму времен Кэдуолладера как массовый мор, его подробности частично взяты из рассказа Симеона Даремского о разграблении Йоркшира Вильгельмом Завоевателем, а частично, несомненно, исходя из его собственного недавнего опыта великого английского голода[17]. Но прежде чем мы перейдем к этим типичным для Британии случаям массового голода, которые заполняют средневековый промежуток между иностранным нашествием чумы во времена Беды и иностранным вторжением 1348 года, остается описать в этом месте те вспышки на английской земле, которые не несут на себе следов голодной болезни, но, с другой стороны, следы вирулентной инфекции, возникающей в определенных местах, вероятно, из зараженной почвы. Они должны быть собраны из случайных заметок в самых неожиданных уголках монастырских хроник; но именно случайный характер ссылок делает их заслуживающими доверия и заставляет предположить, что зарегистрированные случаи являются всего лишь образцами эпидемий, не столь уж редких в средневековой жизни Англии.

Ранние эпидемии, не связанные с голодом.

Самый ранний из них упоминается в анналах приората Крайст-Черч в Кентерберии. Говорят, что в 829 году все монахи, за исключением пятерых, умерли от чумы, так что монастырь остался почти в запустении. Архиепископ Кеолнат, который также был настоятелем монастыря, заполнил вакансии светскими клерками, и, как говорят, он сделал это с согласия пяти монахов, "которые пережили чуму". Инцидент упоминается в Кентерберийской рукописи "Англосаксонской хроники"[18] под 870 годом в связи со смертью Кеолнета и действиями его преемника по изгнанию секуляров и пополнению первоначального числа постоянных членов. Насколько нам сообщают записи, эта большая смертность в приорате Крайст-Черч через два столетия после его основания Августином была единичным событием; ближайшей к ней всеобщей эпидемией в англосаксонских хрониках была большая смертность людей и животных примерно в 897 году после датского вторжения, которое Альфред наконец отразил.

То, что такие смертельные очные эпидемии в монастырях не были невозможны, убедительно доказывается достоверными сведениями о внезапной и тяжелой смертности среди богатых

монахов Кройленда в гораздо более поздний период — между 1304 и 1315 годами. В приложении к "Хронике аббатства Рэмси"[19] напечатано письмо Саймона, аббата Кройленда, без даты, но относящееся к периоду между указанными выше годами, адресованное его соседям, настоятелям Рэмси, Питерборо и Торни, и настоятелю Сполдинга. В письме содержится просьба об их молитвах по случаю внезапной смерти тринадцати монахов Кройленда и болезни других; это большое количество братьев было отрезано в течение пятнадцати дней — “*potius violenter rapti quam fataliter resoluti*”[20]. Письмо написано из Даддингтона, куда аббат Саймон, несомненно, уехал, спасаясь от инфекции.

Это два примера смертельных эпидемий в стенах английских монастырей. В годы чумы 664-685 и много позже, во время Черной смерти, смертность среди монахов была одинаковой, только в одном, если не в обоих случаях, имелось простое объяснение: они были частью занесенной инфекции, повсеместно распространенной на английской земле. Какова могла быть природа случайных вспышек в прежние времена, мы можем только догадываться: что-то, можно сказать, почти такое же смертоносное, как сама чума, и столь же внезапное. Этот опыт не был характерен только для Англии. Инцидент в Риме, почти идентичный инциденту при Вигхарде в 668 году, описан в письме, отправленном домой в 1188 году Гонорием, приором Кентерберийским, который вместе с другими членами аббатства отправился с миссией в Рим, чтобы добиться решения в споре между архиепископом и аббатством, о том, что все его последователи были поражены болезнями и что пятеро умерли. Джон де Брембл, которому, также находясь за границей, было приказано отправиться на помощь приору, написал домой в аббатство, что, когда он добрался до Рима, в живых был только один из братьев, и он в большой опасности, и что первое, что он должен был сделать по прибытии, это присутствовать на похоронах повара[21].

Нет никакого ключа к разгадке типа этих смертельных вспышек болезней в монашеских общинах. Естественно думать о почвенном яде, бродящем внутри монастырских стен и вокруг них и поражающем обитателей общим воздействием, как будто одним ударом. В средневековой истории, предшествовавшей Черной смерти, было несколько случаев локальных эпидемий среди простых людей, которые отличались от обычных голодных болезней того времени. Наиболее значимой из них является история, рассказанная Уильямом Ньюбургским в конце его хроники и вероятно, относящаяся к соответствующему периоду, примерно к 1196 году[22]. В течение нескольких лет, как мы увидим, в Англии были голод и лихорадка; но конкретный инцидент не имеет отношения к голоду, хотя может быть связан с ним. Это история о ходячем призраке, и она происходит из деревни Аннан на Солуэе, поскольку была рассказана монаху из Ньюбурга в Йоркшире одним из актеров, сыгравшим в ней роль. Мужчина, бежавший из Йоркшира и нашедший убежище в деревне под замком Аннан, был убит в ссоре из-за женщины, на которой он женился, и похоронен без церковных обрядов. Его беспокойный призрак бродил по деревне, и его труп отравлял воздух; чума была в каждом доме, так что место, которое было густонаселенным, выглядело так, словно те, кто избежал чумы, бежали. Информатор Уильяма Ньюбургского был в эпицентре этих бедствий и взял на себя ведущую роль в их смягчении; он пошел к неким мудрецам, живущим “в священной доминике, как Пальмовая ветвь”, и, посоветовавшись с ними, обратился к людям: “Давайте выкопаем эту заразу и сожжем ее огнем” (*effodiamus pestem illam et comburamus igni*). Соответственно, двух молодых людей побудили взяться за выполнение этой задачи. They had not far to dig: “*repente cadaver non multa humo egesta nudaverunt, enormi corpulentia distentum, facie rubenti turgentique supra modum.*”

Эта история, как и другие подобного рода, в которых есть доля легенды, скорее символична, чем реальна. Мудрецы Аннана, возможно, ошибались, связывая эпидемию в своей деревне с одним-единственным трупом, но они, вероятно, были на верном пути причинно-следственной связи. Любопытно отметить у другого хрониста того же периода, Ральфа из Коггсхолла в Эссексе, и в той части его хроники, которая относится к последним годам правления Ричарда I и первым годам правления Иоанна, комментарий к действиям папы Иннокентия III. (около 1200 г. н. э.) при запрете духовенством всех христианских обрядов, кроме крещения, во Франции: “О , как ужасно ... отказать телам умерших в христианском обряде погребения, чтобы они заражали воздух своим зловонием и вселяли ужас в души живых своим жутким видом[23]”. Тот же папский запрет на достойные похороны и другие церковные обряды распространился на Англию в 1208 году - знаменитый запрет времен правления Иоанна. Это был папский метод проверки королевств этого мира; то, что он подрывал традиционную порядочность и извечные санитарные меры предосторожности, было мелочью по сравнению с утверждением власти Петра.

Правильно или нет, наученный опытом или введенный в заблуждение фантазией, средневековый мир твердо верил, что формальное и тщательно продуманное захоронение мертвых имеет не только благочестивый, но и санитарный аспект. Заражение воздуха, о котором мы еще услышим в связи с чумой, было распространенным понятием в Англии за несколько столетий до Черной смерти. Особенно сильный страх перед этим проявляется там, где трупы не были захоронены после битвы, резни или стихийного бедствия. Усилия, прилагаемые в этих обстоятельствах для погребения умерших, даже когда все благочестивые и домашние чувства были сведены к малейшей мысли о самосохранении, в определенных терминах объясняются как спровоцированные страхом вызвать эпидемию. Инстинкт столь же широк, как и природа человека, и у наших собственных ранних авторов есть четкие свидетельства того, что его санитарное значение было признано. Один из таких примеров можно процитировать из "Сент-Олбанского летописца времен Иоанна" и первых лет правления Генриха III.[24] В 1234 году валлийцы совершили необычайно жестокий набег до самого Шрусбери; они опустошали страну огнем и мечом; путники приходили в ужас при виде обнаженных и непогребенных трупов без числа по обочинам дорог, на которых охотились хищные звери и птицы; запах такой сильной порчи разлагал воздух со всех сторон, что даже мертвые убивали людей. живые. Язык летописца, “кто эти люди, кто умершие”, отмечен пронизательностью или корректностью, которая отличает его самого. Когда более века спустя бубонная чума была приручена на английской земле, утилизация мертвых стала санитарным вопросом очевидной важности. Но даже за столетия до Черной смерти, и прежде всего во времена, когда традиционная практика достойного погребения была запрещена папами или обращена духовенством в корыстных целях[25], мы, возможно, не ошибемся, если будем искать, по крайней мере, одну из причин локальных вспышек чумы в загрязнении почвы и воздуха из-за разложения недостаточно захороненных трупов и захороненных в гробах.

Прежде чем мы перейдем к голодомору как распространенному виду эпидемии в средневековой Англии, все еще остается найти в записях какие-либо свидетельства эпидемии, вызванной войной и вторжением. Отечественная история от начала до конца на редкость свободна от подобных бедствий. Вся история мусульманских завоеваний и оккупации - это история заражения, следующего в ходе войны; и в Западной Европе, по крайней мере, начиная с вторжения Карла VIII в Италию, когда средневековый период (согласно Халламу) заканчивается, осады, сражения и кампании постоянно ассоциируются с эпидемическими

заболеваниями как среди людей, так и среди войск. В истории Англии есть только один период - период гражданских войн парламента и роялистов, в ходе которого народ по-настоящему ощутил общий континентальный опыт. Гражданские войны Йорка и Ланкастера, как мы увидим, мало затронули простых людей и, по-видимому, не вызвали эпидемий.

Помимо гражданской войны, были вторжения валлийцев и шотландцев на западные и северные границы, а также датчан. Один случай эпидемии после набега валлийцев в XIII веке был передан от Роджера Уэндоверского. Единственный случай зафиксирован в истории датских вторжений. Оно было сохранено несколькими независимыми хронистами с некоторыми различиями в деталях; и, по-видимому, оно привлекло к себе такое пристальное внимание по той причине, что иллюстрирует великодушие, святость и чудодейственную силу святого Эльфиджа, архиепископа Кентерберийского.

В 1010 году (или 1011-м, по некоторым данным) датчане взяли штурмом Кентербери, сожгли прекрасный город, перебили жителей или увели их пленными на свои корабли в Сандвиче. Архиепископа Эльфеге посадили на борт небольшого судна и доставили (несомненно, по внутреннему каналу, который тогда был открыт от Стаура до Темзы) в Гринвич, где он был заключен в тюрьму на семь месяцев[26]. В Лондоне собрался совет с целью собрать сорок тысяч фунтов стерлингов, чтобы откупиться от захватчиков. Согласно сообщению, использованному Хигденом[27], Эльфег отказался санкционировать выплату выкупа в размере трех тысяч фунтов стерлингов за свою собственную персону: соответственно, он был выведен из тюрьмы и 13 мая 1010 года был забит камнями до смерти датчанами, разочарованными в его выкупе. Поэтому на захватчиков обрушилась эпидемия, *внутренняя скорбь*, которая уничтожала их десятками и двадцатками, так что большое количество погибло. Более раннее повествование Уильяма Малмсберийского[28] разнообразится упоминанием чуда и в остальном более обстоятельное. Пока архиепископа держали в дюрансе, среди датчан вспыхнула смертельная болезнь, поразившая их войска (*catervatim*), последствия которой оказались настолько быстрыми, что смерть наступила прежде, чем они успели почувствовать боль. Зловоние от их непогребенных тел настолько пропитало воздух, что навлекло чуму на тех из них, кто остался здоров. Когда выжившие были повергнуты в панику, “*sine numero, sine modo*”, Эльфидж появился на сцене и, раздав им освященный хлеб, вернул им здоровье и положил конец чуме.

Не обращая внимания на сказки, мы можем воспользоваться этими рассказами, чтобы установить тот факт, что среди датчан в Кенте действительно разразилась быстрая и смертельная эпидемия. Вероятно, оно состояло из тех же форм лагерной болезни, включая дизентерию (как следует из названия *болезни внутренних органов*), которые встречались и в более поздние времена. Это единственный случай подобного рода, зарегистрированный в ранней истории.

Средневековый голод-эпидемии.

Выше приведены все случаи мора в ранней истории Англии, не связанные с массовым голодом, которые были собраны в ходе поиска по наиболее вероятным источникам. История английских эпидемий, предшествовавших Черной смерти, почти полностью представляет собой историю

болезней от голода; и список таких случаев голода с сопутствующими болезнями, не упоминая годы простого дефицита, является значительным.

ТАБЛИЦА ГОЛОДА-ЭПИДЕМИИ В АНГЛИИ.

Год	Характер	Власти
679	Трехлетний голод , в Сассексе из-за засухи	Беда, <i>История</i> . Экклз. § 290
793	Всеобщий голод и высокая смертность	Англосаксонская хроника, <i>sub anno</i> . Вас понял из Хаудена. Симеон Даремский
897	Смертность людей и крупного рогатого скота в течение трех лет во время и после датского вторжения	Англосаксонская хроника. Флоренс Вустерская. <i>Annales Cambriae</i> (<i>anno</i> 896)
962	Великая смертность: “великая лихорадка в Лондоне”	Англосаксонская хроника
976	Голод	. Роджер Хоуденский
984 986 987	Голод. Лихорадка среди людей и падеж скота	Англосаксонская хроника. Роджер Хоуденский. Симеон

				Даремский. Малмсбери. <i>Gest.</i> <i>Pontif. Angl.</i> p. 171. Flor. из Вустера. Роджер из Уэндовера, <i>Флор. История.</i> Бромтон (в Твисдене). Хигден
1005		Опустошение после изгнания датчан		Генри Хантингдонский
1036				
1039	Голодом		Англосаксонская хроника.	. Генри Хантингдон
1044		голод		англо- саксонской хронике
1046		очень суровая зима; мор и падеж скота		англо- саксонской хронике
1048		большой		англо- саксонской
1049		смертности людей и скот		хронике (подпункт в <i>Аппо</i> 1049). Роджер из Хаудена. Симеон из Дарема (до 1048)
1069		Опустошение Йоркшира		Симеон Даремский, ii. 188

1086 1087	Великая лихорадка-мор. Острый голод	Англосаксонская хроника. Малмсбери. Генрих Хантингдонский и большинство летописцев
1091	Осада Дарема шотландцами	Симеон Даремский, ii. 339
1093 1095 1096 1097 1097	Наводнения; суровая зима; жестокий голод; всеобщие болезни и смертность	Англосаксонская хроника. Анналы Винчестера. Уильям из Малмсбери. Генрих из Хантингдона. "Анналы Маргана". Мэтью Пэрис, и другие
1103 1104 1105	Всеобщий мор и убой	Англосаксонская хроника. Роджер Уэндоверский
1110 1111	Голод	Англосаксонская хроника. Роджер Уэндоверский
1112	“Разрушительны й мор”	Англосаксонская хроника. Анналы Осни. Кембрийские анналы
1114 г.	Голод в Ирландии;	"Анналы Маргана"

	бегство или гибель людей	
1125	Самый страшный . голод во всей Англии; мор и смерч	Англосаксонская хроника. ВУильям из Малмсбери, <i>Вест. Понт.</i> стр. 442. Генрих Хантингдонский. Анналы Маргана. Вас понял из Хаудена.
[1130	Великий меррейн	Анналы Маргана. Англосаксонская хроника (<i>sub anno</i> 1131)]
1137 1140	Голод в результате гражданской войны; смертность	Англосаксонская хроника. Анналы Винчестера. Генрих Хантингдонский (1138)
1143	Голод и смертность.	Геста Стефани, стр. 98. Уильям Ньюбургский. Генрих Хантингдонский
1171 г.	Голод в Лондоне весной	Стоу, <i>Обзор Лондона</i>
1172 г.	Дизентерия среди войск в Ирландии	Радульфуса де Дицето, <i>Изображение. История.</i> i. 348

1173	“Tussis quaedam mala et inaudita”	Хроника Майроса
1175 г.	Мор; голод	Бенедикт Питерборо. Роджер из Хоудена
1189	голода и смертности	Анналы Маргана. Giraldus Cambrensis, <i>Итин. Уоллиа</i>
1194 1195 1196 1197	Последствия пятилетнего дефицита; большая смертность по всей Англии	"Анналы Бертон". Уильям из Ньюбурга. Роджер из Хаудена iii. 290. Ригорд. Бромтон (в Твисдене, округ 1271). Радульфус де Дичето (к югу от 1197)
1201	Беспрецедентны й мор людей и падеж животных	Хроника Ланеркоста (вероятно, относится к 1203 году)
1203 г.	Великий голод и смертность	"Анналы Уэверли". Анналы Тьюксбери. Анналы Маргана. Ральф из Коггешалл (подпункт в Анно

			1205)
1210	хило года по всей Англии		летописях Марган
1234	третий год дефицит; болезни		Роджера из Вендовера. "Анналы Тьюксбери"
1247 г.	Эпидемия с сентября по ноябрь; нехватка и голод		Мэтью Пэрис. Кембрийские анналы Хигдена (к югугода
1248)			
1257	Неурожаи; голод		Анналы
1258	и		Тьюксбери.
1259	лихорадка в Лондоне и стране		Продолжатель М. Пэриса (1259). Ришангер
1268	Вероятно, только маррейн. ("Легкое на юге")		Хроника Ланеркоста
1271 г.	Великий голод и мор в Англии и Ирландии		Продолжатель правления Вильгельма Ньюбургского ii. 560 [сомнительно]
[1274	Начало большого завоза падежа среди овец	Ришангер (также	к югу от 1275 г.). Продолжение. Фл. из Вустера южнее 1276 года]
1285	Смертность от жары и засухи	в	Ришангер

1294

Большой
дефицит;
эпидемии

притока
переливов

Ришангере.

Продолжатель
Флоренс
Вустерской, стр.
405. Тривет

1315

1316

Всеобщий голод
в Англии;
большая
смертность от
лихорадки,
флюса и т. Д.;
мюррейн

Трокелу.
Уолсингем,
История. Англ. i.
146.
Продолжение.
Тривет, стр.
18, 27. Роджерс,
историк
сельского
хозяйства. и
цены

1322

1322

Голод и
смертность в
армии Эдуарда II
в
Шотландии;
дефицит в
Лондоне

Хигдене. *Annales*
Londinenses

Период, охватываемый этим длинным списком, сам по себе длинный; и интервалы между последовательными вспышками голода и мора иногда превышают поколение. История эпидемий - это обязательно болезненная история. В этой главе мы исследуем неурожайные годы, ничего не говоря о тучных годах; и, сосредоточившись исключительно на темной стороне, мы можем составить совершенно неверное мнение об удобствах или трудностях, процветании или невзгодах тех далеких времен. Английские писатели древнейшего периода, когда они прибегали к обобщениям, громко восхваляли преимущества своего собственного острова; пока мы не дойдем до поэмы четырнадцатого века 'Видение пахаря Пирса', мы вряд ли заподозрим, исходя из их обычной манеры, что Англия была чем-то иным, чем земным раем, и каждая деревня была Золотисто-коричневой, "где здоровье и изобилие ободряли труженика". В *Полихрониконе* Хигдена сохранилось стихотворение некоего Хенрика, который почти наверняка является Генри архидиаконом Хантингдона во времена Генриха I., хотя это стихотворение не включено в число дошедших до нас стихотворений архидиакона. Тема - 'De Praerogativis Angliae', и следует отметить, что речь идет о периоде раннего нормандского правления, когда, как предполагается, пята расы завоевателей была на шее англичан. И все же это стихотворение

содержит знаменитое хвастовство "Веселой Англией" и многое другое, что является противоположностью несчастливой:

“Anglia terra ferax et fertilis angulus orbis.
Anglia plena jocis, gens libera, digna joci;
Libera gens, cui libera mens et libera lingua;
Sed lingua melior liberiorque manus.
Anglia terrarum decus et flos finitimarum,
Est contenta sui fertilitate boni.
Externas gentes consumptis rebus egentes,
Quando fames laedit, recreat et reficit.
Commoda terra satis mirandae fertilitatis
Prosperitate viget, cum bona pacis habet[29].”

Или, если взять другой отрывок, по-видимому, Альфреда из Беверли,

“Insula praedives, quae toto non eget orbe,
Et cujus totus indiget orbis ope.”

Или, по собственным словам Хигдена, сделанным в четырнадцатом веке, после цитирования этих более ранних оценок: “Prae ceteris gulae dedita, in victu et vestitu multum sumptuosa”[30].

С другой стороны, есть средневековая пословица, которая выставляет Англию в свете, странно расходящемся с этим местным хвастовством плодородием, изобилием и обилием, обрушивающимся на голодающие народы за границей: “Tres plagae tribus regionibus appropriari solent, Anglorum fames, Gallorum ignis, Normannorum lepra” — три бедствия, присущие трем странам: голод в Англии, пожар Святого Антония во Франции, проказа в Нормандии[31]. К чему бы ни относилась “нормандская лепра”, нет сомнений, что огонь Святого Антония, или эрготизм от употребления хлеба, содержащего зерна споротой ржи, был частым бедствием в некоторых частях Франции; и, по общему мнению за границей, голод, по-видимому, был в равной степени характерен для Англии. Возможно, зловещее название Англии "голодомором" объясняется тем, что в средневековой истории Англии, до Черной смерти, было три великих голода, разделенных поколениями, без сомнения, но все же таких масштабов и сопровождавшихся такими позорными обстоятельствами, что слух о них, должно быть, распространился по зарубежным странам и сделал Англию притчей во языцех среди народов. Это были голодоморы 1194-96, 1257-59 и 1315-16 годов. О первом у нас есть довольно полный отчет Уильяма из Ньюбурга, который видел это в Йоркшире; о втором у нас есть много подробностей и обобщений Мэтью Пэриса из Сент-Олбанса, который умер ближе к концу; и о третьем у нас есть отчет одного из его преемников на посту историографа в Сент-Олбансе, Джона Троkelоу. Все другие упоминания о голоде в Англии скудны по сравнению с рассказами этих компетентных наблюдателей, хотя, вероятно, в нормандский период было два или три голода, одинаково достойных пера историка. Для понимания английских случаев массового голода в целом нам следует сначала взять наиболее хорошо зарегистрированные; но в целом удобнее соблюдать хронологический порядок и, по мере возможности, приводить некоторые общие сведения о типах болезней, вызванных голодом, масштабах смертности и условиях английского сельского хозяйства и снабжения продовольствием, которые делали возможными случайные случаи голода такого масштаба.

Начиная с великой чумы “времен Кэдуолладера”, которая соответствует в истории иностранному вторжению моря в 664 году, почти до конца англосаксонского правления, о голоде и последовавших за ним эпидемических заболеваниях зарегистрировано мало. Из этого не следует, что тот период был периодом изобилия и процветания для людей в целом. Англосаксонская хроника ни в коем случае не содержит подробных или обстоятельных сведений о голоде и эпидемиях; и хотя записей стало больше за последние сто лет до того, как Хроника закончилась в 1137 году, их скудость в более ранний период, вероятно, означает не более чем несовершенство летописи. Некоторые общие положения Мальтуса можно было бы применить, чтобы помочь воображению представить период истории, который в противном случае мы были бы склонны рассматривать как Золотой век. Одно из них, первоначально написанное для островов Южного моря, применимо ко всем романтическим картинам “грубого изобилия”, таким как изображение англосаксонского дома в “Айвенго”. О Скотте как романисте было замечено, что он всегда хорошо кормит всех; но эта картина, какой бы благодарной она ни была воображению, вероятно, является иллюзией. “При таком состоянии общества,” говорит Мальтус, - когда жизнь низших слоев населения, по-видимому, рассматривается их начальством как мало или вообще не имеющая ценности, очевидно, что мы очень склонны обманываться относительно видимости изобилия”; и еще: “Мы можем с уверенностью заявить, что среди пастухов Севера Европы война и голод были основными сдерживающими факторами, которые удерживали население на уровне их скудных средств к существованию”. История английского сельского хозяйства известна с некоторой степенью точности с XIII века, и это история того, как цены становились более стабильными, а урожай - более определенным. Не следует предполагать, что земледелие было более развитым до завоевания, чем после него. С другой стороны, существует вероятность того, что Англия постепенно выходила из состояния скотоводства. Было бы несправедливо судить о состоянии сельской Англии в любое время по состоянию Уэльса в двенадцатом веке, как это описано Хиральдом Камбрэнсисом, или по состоянию Ирландии, как описано из наблюдений того же путешественника. Но в отсутствие какого-либо конкретного представления о самой первобытной Англии здесь можно представить картину двух соседних провинций.

Ирландия, говорит Гиральдус, внимательно следящий за Бедой, - плодородная земля, заброшенная; в ней не было сельского хозяйства, промышленности или искусств; ее жители были грубыми и негостеприимными, вели чисто пасторальный образ жизни, и питались больше молоком, чем мясом. В то же время болезней было мало; остров не нуждался во врачах; вы вряд ли когда-нибудь найдете людей больными, если только они не находятся на грани смерти; между постоянным хорошим здоровьем и окончательным распадом не было промежуточного срока. Чрезмерное количество детей, рождающихся слепыми, или глухими, или с уродствами, он приписывает кровосмесительным союзам и другой сексуальной распущенности[32].

Картина Уэльса представляет собой не менее примитивное общество[33]. Валлийцы не собираются ни в городах, ни в деревнях, ни в укрепленных местах, но живут уединенно в лесах; они не строят роскошных домов из камня и извести, а только шалаши из озеры, которых хватает на весь год, и которые они возводят без особого труда или затрат. У них нет ни садов, ни огородов, и почти ничего, кроме пастбищ. Вечером они принимают трезвую пищу, и если к концу дня еды будет мало или вообще ничего не будет, они терпеливо ждут до следующего вечера. Они не используют ни скатертей, ни полотенец; они скорее натуральные, чем опрятные (*naturae magis student quam nitori*). Они ложатся спать в своей дневной одежде, все в одной комнате, накрывшись грубым покрывалом, вытянув ноги к огню, прижавшись друг к другу, чтобы

согреть друг друга, и когда у них болит один бок от лежания на жестком полу, они переворачиваются на другой. Среди этой нации нет нищих. Интересно, с точки зрения "положительных проверок" Мальтуса, отметить, что Гиральдус более чем намекает на практику более грубой формы безнравственности, чем он обвинял ирландцев. Прядение и ткачество были, конечно, небезызвестны, поскольку жесткое и грубое одеяло, упомянутое выше, было местным продуктом. К тому времени, когда Хигден писал (около 1340 года), он должен был зафиксировать значительный прогресс в цивилизации Уэльса. Воспользовавшись описанием Гиральдуса, он добавляет: "Теперь они приобретают собственность, занимаются сельским хозяйством и живут в городах[34]". Но в правление Генриха II оказалось легко примирить мятежных валлийцев, прекратив поставки кукурузы из Англии, от которой они в значительной степени зависели[35].

О состоянии Шотландии в двенадцатом веке у нас нет такого наброска, какой оставил Гиральдус для Уэльса и Ирландии. Северная часть острова, несомненно, была нецивилизованной по сравнению с Англией, если мы можем доверять возмущенным ссылкам Симеона Даремского и Генриха Хантингдонского на дикие обычаи шотландцев, которые толпами перешли границу, с их королем во главе или без него, или замечанию Уильяма Малмсберийского о шотландцах, отправившихся в крестовый поход, оставив после себя насекомых своей родной страны.

Гиральдус намеревался также написать маршрут или топографию Англии, но его цель, по-видимому, не была достигнута. Хигден, его непосредственный преемник в такого рода сочинениях полтора столетия спустя, довольствуется в своем разделе, посвященном Англии, воспроизведением общих положений более ранних авторов, начиная с Плиния. Из них мы уже цитировали "Прерогативы Англии" Генриха Хантингдонского, из чего можно сделать вывод, что Британские острова под нормандским игом были Островами Блаженных. С другой стороны, впечатление, произведенное подробностями исследования "Страшного суда" на историка самых здравых суждений Хэллема, - это впечатление о плохом воспитании и скудном питании. "Не может быть более поразительного доказательства, - говорит он, - низкого состояния английского сельского хозяйства в XI веке, чем то, что представлено в книге Страшного суда. Хотя почти вся Англия была частично возделана, и мы находим почти такие же поместья, за исключением севера, которые существуют и в настоящее время, все же ценность и протяженность возделываемых земель невообразимо малы. Со всеми оговорками на неточности и пристрастность тех, кто проводил это знаменитое исследование, мы теряемся в изумлении при постоянном повторении двух или трех карукатов в поместье, когда фолкленд занимают десять или дюжина вилланов, оцениваемых все вместе в сорок шиллингов, как возвращение поместья, которое теперь приносило бы приличный доход джентльмену[36]".

Независимо от того, было ли население по данным опроса Domesday ближе к двум миллионам, чем к одному, люди почти полностью находились на суше. О размерах главных городов, какими их нашли норманны, мы можем составить не ошибочную оценку из приведенного в Судный день перечисления домов, принадлежавших королю или другим высокопоставленным лицам[37]. Лондон, Винчестер и Бристоль вообще не попадают в обзор. Помимо них, городами первого ранга являются Норвич, Йорк, Линкольн, Тетфорд, Колчестер, Ипсвич, Глостер, Оксфорд, Кембридж и Эксетер.

Во времена Эдуарда Исповедника в Норвиче проживало 1320 горожан; в округе проживало 665 английских горожан, соблюдавших обычаи, и 480 бордарийцев, не соблюдавших обычаи из-за своей бедности; также было более ста французских семей. Во времена короля Эдуарда в Линкольне было 970 жилых домов, из которых 200 были заброшены при обследовании. В Тетфорде до завоевания было 943 жителя, а при обследовании - 720, при этом 224 дома пустовали. Непосредственно перед обследованием Йорк был настолько опустошен, что оценить его обычное население непросто; но можно предположить, что оно составляло около 1200 домов. В Глостере проживало 612 горожан. В Оксфорде, по-видимому, насчитывалось около 800 домов; а что касается Кембриджа, то во времена короля Эдуарда мы находим перечисление домов в девяти из десяти городских округов, общее количество которых составляло около 400. В Колчестере, по-видимому, было около 700 домов, в Ипсвиче - 538 жителей, из которых 328 домов были “ненужными” с точки зрения налогов. В Эксетере было 300 королевских домов и неопределенное количество других. Следующими по значимости идут такие города, как Саутгемптон, Уоллингфорд, Нортгемптон, Лестер, Уорик, Шрусбери, Ноттингем, Ковентри, Дерби, Кентербери, Ярмут, Рочестер, Дувр, Сэндвич (около 400 домов) и Садбери. К третьему классу могут быть отнесены такие города, как Дорчестер, Илчестер, Бридпорт, Уорхэм, Шафтсбери, Бат, Чичестер, Льюис, Гилфорд, Хайт, Ромни, Певенси, Виндзор, Бат, Честер, Вустер, Херефорд, Хантингдон, Стэмфорд, Грэнтэм, Хартфорд, Сент-Олбанс, Торчизи, Мэлдон, в каждом из которых проживает от 100 до 200 жителей. Дувр и Сэндвич предоставили по двадцать кораблей с экипажами из двадцати четырех человек для службы королю Эдуарду в течение пятнадцати дней в году. В Херефорде было шесть кузнецов, каждый из которых платил по одному пенни в год за свою кузницу и делал 120 гвоздей из королевского железа. Многие из этих домов были чрезвычайно малы, с фасадом в семь футов; беднейший класс представлял собой простые сараи, построенные во рву у городской стены, как в Йорке и Кентербери.

Было бы уместно сказать, что менее одной десятой части населения Англии составляли горожане в каком-либо особом смысле этого термина. После Лондона, Норвича, Йорка и Линкольна, вероятно, не было городов с населением в пять тысяч человек. Существовали, конечно, более простые формы промышленности, и существовал определенный объем торговли с Темзы, Восточного побережья и портов Ла-Манша. Плодородная почва Англии, несомненно, поддерживала изобилие фруктовых деревьев и давала кукурузы в количестве, возможно, в четыре-шесть раз превышающем количество семян. Там были отары овец, дающие шерсти больше, чем потребляла страна, стада свиней и крупного рогатого скота. Экспорт шерсти, шкур, железа, свинца и белых металлов дал повод для импорта товаров первой необходимости и предметов роскоши из Фландрии, Нормандии и Гаскони. Если в Англии и было “грубого изобилия”, то только для немногочисленного населения, и это зависело от милосердия небес. Неурожайный сезон принес с собой нехватку скота, а два плохих сезона подряд принесли голод и мор.

Об общем состоянии здоровья мы можем составить некоторое представление из англосаксонских пивачных мастерских, или коллекций лекарств, амулетов и гаданий, предположительно относящихся к одиннадцатому веку[38]. Болезни, которым был подвержен английский народ в те давние времена, в целом соответствуют повседневным болезням нашего времени. Тогда, как и сейчас, были раковые заболевания и чахотка, золотуха или “ядрышки”, подагра и камни, падучая болезнь и пляски Святого Витта, апоплексии и параличи, желтуха, водянки и флюсы, квинсы и ангины, воспаленные глаза и вонючий запах во рту, карбункулы,

фурункулы и лесной пожар, лихорадка, ревматоидный артрит и кашель. Болезни, свойственные женщинам, занимают главное место, и есть свидетельства того, что истерия, являющаяся результатом перенесенных лишений, в значительной степени вошла в число форм болезней, как это было во времена Сайденхэма. Среди курьезов нозологии можно упомянуть выпадение запястья, несомненно, из-за работы со свинцом. Одна великая глава в истории болезней - болезни и смертность младенцев и детей младшего возраста - почти полностью пропущена. Несомненно, это должна была быть величайшая глава из всех. Население оставалось небольшим, в том числе и по той причине, что детей было бы трудно воспитывать. Прямых доказательств нет, но из аналогичных обстоятельств мы можем сделать вывод, что малочисленность населения означала огромную младенческую смертность. Звуки, донесшиеся до слуха Эния, когда он переступил порог нижнего мира, могут быть восприняты как пророческие, как и многое другое у Вергилия, о переживаниях средневековья:

“Continuo auditaе voces, vagitus et ingens
Infantumque animae flentes, in limine primo:
Quos dulcis vitae exsortes, et ab ubere raptos,
Abstulit atra dies, et funere mersit acerbo.”

Итак, мы переходим к хронологии массовых бедствий, и сначала в англосаксонский период. Годы с 664 по 685 год, как мы видели, были заняты великой эпидемией, вероятно, бубонной чумой, которая вернулась в 1348 году как Черная смерть, поразив, подобно последней, всю Англию и Ирландию при своем первом появлении, а впоследствии отдельные монастыри, такие как Баркинг и Джарроу. Но ясно, что массовый голод также был случаем тех же лет. Романтик-метрик четырнадцатого века Роберт Брюннский, вероятно, ошибался, связывая великую чуму “времен Кадваладра” в первую очередь с голодом; в подлинной истории Беды такого предположения нет. Но этот историк действительно ясно ссылается на голод в Сассексе примерно в 679 году[39]. Описывая обращение Уилфридом Сассекса в христианство, он говорит, что провинция была охвачена голодом из-за трех сезонов засухи, что люди умирали от голода и что часто сорок или пятьдесят человек вместе, “инедиа мачерати”, подходили к краю Сассекских утесов и, взявшись за руки, бросались в море. Но в тот самый день, когда люди приняли христианское крещение, пролился обильный дождь, земля снова расцвела, и наступило радостное и плодородное время года[40].

Говорят, что анархия в Нортумбрии, последовавшая за смертью Беды (в 735 году), с упадком благочестия и учености в северных монастырях, привела к голоду и чуме[41]. Только в 793 году в Англосаксонской хронике появляется упоминание о голоде и смертности. Именно в соответствии с разочаровывающим характером всех этих ранних записей Симеон из Дарема и Роджер из Хоудена, два составителя, имевшие доступ к утерянным записям, более скрупулезны в перечислении предзнаменований, предшествовавших бедствию, чем в описании его реальных обстоятельств. Затем проходит целое столетие (если не считать расплывчатой записи под 822 годом), пока мы не переходим к трем катастрофическим годам, центром которых является 897 год, последовавший за знаменитым сопротивлением Альфреда датчанам. В результате этой смертности погибло много главных танов, и в Ирландии произошел мор крупного рогатого скота из-за нехватки продовольствия. Проходит два поколения, прежде чем в хронике появляется еще одна запись подобного рода: в 962 году была большая смертность, а в Лондоне свирепствовала “великая лихорадка”. С небольшими интервалами произошли еще два голода, в 976 и 986 годах. 986 (или 987) год, по-видимому, был суровым; церковная утварь в

Винчестере была расплавлена в пользу голодающих[42], и там была “лихорадка среди людей и падеж скота”[43]. После изгнания датчан в 1005 году, говорит Генри Хантингдонский, наступило такое опустошение от голода, какого никто не помнил. Затем, в 1010 или 1011 году, происходит инцидент в Святом Эльфеге, уже приведенный. С 1036 по 1049 год мы находим упоминания о четырех или, возможно, пяти голодоморах, причем 1046 и 1049 годы были отмечены большой смертностью людей и падежом скота.

За исключением Йоркшира, нормандское завоевание не оказало непосредственного воздействия на народ Англии в виде голода и мора. С момента последней великой смертности в 1049 году проходит почти сорок лет, пока мы не переходим к великому мору и сильному голоду в последний год правления Завоевателя (1086-107). Однако разграбление Йоркшира - слишком важный местный инцидент, чтобы его можно было обойти в этой истории. Об этих безжалостных ужасах осени 1069 года у нас есть некоторые подробности из-под пера Симеона Даремского, авторитетного современника. По его словам, был такой голод, что люди ели мясо себе подобных - лошадей, собак и кошек. Другие продали себя в вечное рабство, чтобы иметь возможность поддерживать свою жалкую жизнь на любых условиях (как китайцы в более поздние времена). Другие, отправившиеся в изгнание из своей страны, погибли до того, как их путешествие закончилось. Было ужасно заглядывать в дома и фермерские дворы или на обочины дорог и видеть человеческие трупы, разлагающиеся и кишачие червями. Некому было похоронить их, потому что все ушли, либо спасшись бегством, либо пав от меча и голода. Страна превратилась в одно широкое безлюдье и оставалась такой в течение девяти лет. Между Йорком и Даремом никто не жил, и путешественники шли в большом страхе перед дикими зверями и разбойниками[44]. Уильям Малмсберийский говорит, что город Йорк был настолько опустошен пожаром, что старый житель не узнал бы его; и что на момент его написания (1125 г.) местность на протяжении шестидесяти миль все еще была пустынной[45]. В опросе Domesday мы обнаружили, что 540 домов были настолько запущенными, что за них ничего не платили, 400 домов “необитаемыми”, из которых лучшие платят один пенни, а другие меньше, и только 50 жилых домов платили полные взносы.

Тот же местный хронист, который оставил подробные сведения о разрушениях 1069-70 годов, дал также картину осады Дарема Малькольмом Кэнмором в 1091 году, которая может помочь нам понять, что такое средневековая осада и что шотландским маршам приходилось терпеть с перерывами в течение нескольких столетий: —

Наступающий Малькольм гонит нортумбрийцев перед собой, одних в леса и холмы, других в город Дарем; ибо там у них всегда есть надежное убежище. Туда они пригоняют все свои стада и возят мебель, так что в городе едва хватает места для такой огромной толпы. Прибывает Малькольм и захватывает город. Человеку было нелегко выйти на улицу, а овец и крупный рогатый скот нельзя было выгнать на пастбище: церковный двор был заполнен ими, и сама церковь едва держалась от них в стороне. Вперемешку со скотом толпа женщин и детей окружила церковь, так что голоса певчих тонули в шуме. Летняя жара усугубляет страдания от голода. Повсюду-где по всему городу раздавались звуки скорби ‘et plurima mortis imago’, как при разграблении Трои. Осада снята чудесным вмешательством святого Катберта[46].

Опустошение Йоркшира Вильгельмом и пять вторжений шотландцев в Нортумберленд и Дарем в правление Малькольма Кэнмора привели к тому, что значительная часть земель Англии пришла в сравнительно непродуктивное состояние. Уничтожение ферм (и церквей) в Хэмпшире

ради посадки Нового Леса в незначительной степени имело тот же эффект. Строгое соблюдение законов о лесах в интересах нормандской знати, должно быть, послужило также лишению людей одного значительного источника средств к существованию. Независимо от того, сильно или мало эти события вкупе с общим угнетением бедных способствовали тому, что последовало за ними, это факт, что длительный период от последних двух лет правления Вильгельма до долгожданного прихода к власти Генриха II. восшествие на престол в 1154 году изобилует описаниями голода, эпидемий и других национальных бедствий, каких нет ни в одном другом периоде английской истории.

Первый всеобщий голод и мор под властью норманнов пришелся на 1086 и 1087 годы, последние в правление Завоевателя. Судя по записям в "Англосаксонской хронике", вероятно, что обострение (на которое мы всегда должны обращать внимание, чтобы объяснить исторический голод и мор) было вызвано двумя неурожаями подряд. 1086 год был "тяжелым, изнурительным и печальным" из-за неурожая кукурузы и фруктов из-за ненастного сезона, а также из-за падежа крупного рогатого скота[47]. По-видимому, в период между этим сбором урожая и следующим была распространена какая-то форма болезни. Почти каждый второй мужчина, говорится в "Англосаксонской хронике", был поражен лихорадкой, причем настолько острой, что многие от нее умерли. "Увы! какими несчастными и унылыми были тогда времена! когда несчастные люди лежали, загнанные почти до смерти, а потом наступил жестокий голод и уничтожил их совсем". Вероятно, историк следующего поколения небрежно замалчивает это,[48], когда он говорит, что "беспорядочная лихорадка уничтожила более половины людей", и что наступивший после нее голод уничтожил тех, кого лихорадка пощадила[49]. Но не может быть никаких сомнений в том, что это было одно из тех великих периодических совпадений голода и лихорадки (λιπὼν ὄμοῦ καὶ λοιπὸν), более подробные сведения о которых мы найдем в хрониках двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого веков. Легко понять, что у Англии, при всем ее изобилии фруктов и кукурузы в хороший сезон, не было резервов, по крайней мере, для бедных, а иногда даже для богатых, чтобы пережить два или более плохих сезона. Насколько урожай кукурузы в те дни зависел от сезона, ясно из записи в хронике, сделанной два года спустя (1089 г.), о том, что жатва все еще продолжалась на праздник Мартина (11 ноября) и даже позже. Поля, возделываемые для получения в среднем лишь в четыре-шесть раз большего количества семян, были, конечно, в большей степени зависимы от времени года, чем высоко возделываемые кукурузные поля нашего времени.

Следующий голод с мором в Англии, произошедший семь лет спустя, или на седьмом году правления Уильяма Руфуса, подводит нас к новому ряду соображений. Это было время, когда взимание дани за войны короля в Нормандии или за удовлетворение его жадности и алчности его двора остро ощущалось как церковью, так и народом. Англия, говорит один из них,[50], была задущена и не могла дышать. И духовенство, и миряне, говорит другой[51], были в такой нищете, что устали от жизни. Но самая замечательная фразеология принадлежит Уильяму Малмсберийскому, главному историку того периода, который редко покидает область высоких политических и церковных дел, чтобы обратить внимание на такие вещи, как голод и мор. На 7-м году правления Руфа, по его словам, "сельское хозяйство пришло в упадок" из-за податей, которые король установил со своего поста в Нормандии. Поля пришли в запустение, последовал голод, а за ним, в свою очередь, последовала смертность настолько всеобщая, что за умирающими не ухаживали, а мертвых не хоронили[52]. Фраза о недостатке культуры является значительным и не невероятным утверждением, которое ставит Англию Руфуса в один ряд с некоторыми запоздалыми феодальными частями Индии на недавней памяти.

В деревнях Гуджерата, когда в начале мая проходит фестиваль, глава деревни собирает земледельцев и говорит им, что им пора приступать к работе. Они говорят: “Нет! в прошлом году налог был слишком велик, вы возложили на нас слишком много налогов”. Однако после долгих махинаций и подарков, сделанных более важным людям, назначается день начала обработки, и расчистка и удобрение полей продолжают, как и прежде[53]. Но в то время как Гуджератом все еще владели сотни мелких феодальных вождей под властью магратты, до создания британского агентства в 1821 году, поборы с дани со стороны правительства Бароды были настолько экстремальными и применялись столь жестокими средствами[54], что земледелием почти пренебрегали; города и деревни кишели бездельниками, которые питались молоком и гхи от своих коров, в то время как леность и бездействие затронули всю общину[55]. Ужасный голод “бушевал с разрушительной яростью” в Гуджерате и Каттиваре более одного года примерно в 1812-13-14 годах, за которым последовала не заразная лихорадка, а настоящая бубонная чума.

Если формулировка английского историка “*agricultura defecit*” с ссылкой на дань, взимаемую Руфом, соответствует тому, чего мы имеем основания ожидать от него, — Хигден меняет ее на “*ita ut agricultura cessaret et fames succederet*”, — то голод и смертность примерно в 1094-5 годах были вызваны не менее примечательной причиной, чем отказ обрабатывать землю. Не следует предполагать, что инкуб чрезмерной дани исчез с восшествием на престол Генриха I. Англосаксонская хроника повторяет жалобы на высокие налоги в связи с неурожаями и опустошениями в 1103, 1105 и 1110 годах[56]. Суровые зимы, или осенние наводнения, с дождями и нехваткой продовольствия, зарегистрированы также для 1111, 1115, 1116, 1117, 1124 и 1125 годов, причем голод 1125 года сопровождался высокой смертностью и был достаточно большим и повсеместным, чтобы быть упомянутым несколькими хронистами[57]. В разгар этих лет дефицита и его последствий для населения в англосаксонской хронике под 1112 годом встречается одна необычная запись другого рода: “Это был очень хороший год, изобилующий лесом и полями; но он был очень печальным из-за самой разрушительной эпидемии”[58]. Под 1130 годом летописец валлийского монастыря Марган, который особенно внимательно следит за событиями внутри страны, записывает массовый падеж скота по всей Англии, который продолжался несколько лет, так что это был ужасный год. едва ли хоть один населенный пункт избежал чумы, как свинарники внезапно опустели, а целые луга были вымыты из них скотом. Именно на тот же мюррейн Англосаксонская хроника ссылается под 1131 годом: в городах, где работало десять или двенадцать плугов, не осталось ни одного, а у человека, у которого было 200 или 300 свиней, не осталось ни одной; после этого сдохли домашние птицы.

Подобные вещи время от времени случались в сравнительно благополучное правление Генриха I. Но со смертью Генриха в 1135 году началось состояние нищеты и беззакония, продолжавшееся почти до восшествия на престол Генриха II в 1154 году, после чего о бывшем государстве Англии говорили как о “самом процветающем”[59]. Помимо варварства шотландцев и валлийцев на северной и западной границах[60], были гражданские войны группировок короля Стефана и императрицы Мод, а также жестокость и хищничество непокорной знати под стенами тысячи недавно построенных крепостей. Донас дошел наглядный отчет о состоянии Англии, вышедший из-под пера очевидца, наблюдательного автора “*Гесты Стефана*”[61]. Под 1143 годом он пишет, что во всей Англии был самый страшный голод; люди ели мясо собак и лошадей или сырые отбросы в виде трав и корней. Люди толпами чахли и умирали, или другая часть отправлялась в скорбное изгнание со всеми своими семьями. Можно было увидеть дома с громким именем, стоящие почти пустыми, жители обоего пола и любого возраста умерли. Когда приблизилась осень и поля побелели для сбора

урожая, некому было их собирать, потому что земледельцы были отрезаны от мира свирепым голодом, который разразился между ними. К этим домашним неурядицам добавилось присутствие множества варваров-авантюристов, лишенных жалости и сострадания, которые стекались в страну для прохождения военной службы. Этот случай был одним из тех, которые заставляют архидьякона Хантингдонского разразиться своим элегическим стихом:

“Ecce Stygis facies, consimilisque lues[62].”

“И в те дни, - говорит другой, - не было царя в Израиле[63]”. “Англосаксонская хроника”, которая заканчивается этой сценой всеобщего уныния, описывает, как можно пройти целый день пути и никогда не найти ни одного человека, сидящего в городе, ни возделанной земли, и как людям, которые когда-то были богаты, приходилось просить милостыню, завершая словами: “И они открыто говорили, что Христос и Его святые спят”.

Среди покаяний Генриха II. после убийства Бекета зафиксировано его благотворительное участие в кормлении во время нехватки десяти тысяч человек ежедневно с первого апреля 1171 года до сбора урожая[64]. Но, помимо упоминания о переменах в войсках в Ирландии в 1172 году из-за ошибок в диете[65], долгого правления Генриха II. отмечен только одним сообщением о всеобщем море. Это записано лучшим современным писателем Бенедиктом Питерборо, и это первый случай, когда приводится количество похорон за день (возможно, в Питерборо). В 1175 году, по его словам, в Англии и прилегающих регионах наблюдалась такая эпидемическая смертность мужчин, что в течение многих дней выносили для захоронения по семь или восемь трупов. И сразу же за этой чумой последовал страшный голод[66]. Следует отметить, что прямо указано, что голод наступил после эпидемии, как и в случае с великой смертностью 1087 года; и, как и в последнем случае, возможно, что суровая зима с нехваткой продовольствия привела к общей болезни, и что дефицит был доведен до критической точки из-за второго неурожая. Запись в “Хронике Мелроуза” за 1173 год может относиться только к Шотландии: тяжелый, неслыханный ранее вид кашля поразил почти всех повсюду, от чего, “или от какой заразы”, многие умерли. Это, пожалуй, единственное специальное упоминание о “кашле” как эпидемии до эпидемии гриппа семнадцатого века.

Сравнительная свобода долгого правления Генриха II от голода и национальных бедствий, вероятно, была вызвана не столько сменой времен года, сколько хорошим правительством. Страна богатела за счет внешней торговли. В 1190 году два ведущих еврея Йорка, Джойс и Бенедикт, занимали резиденции в самом центре города, похожие по размерам и роскоши убранства на королевские дворцы. Тот же историк Уильям Ньюбургский, который описывает защиту короля этими вызывавшими зависть капиталистами, упоминает также его защиту “бедных, вдов и сирот” и его либеральную благотворительность. То, что защита королем своих бедных подданных не была излишней, было бы очевидно, если бы мы могли доверять экстраординарному рассказу заядлых лондонских торговцев, который Ричард Девизес вложил в уста враждебно настроенного свидетеля[67]. Народы всех наций, по-видимому, стекались в Лондон, каждая национальность вносила свой вклад в нравственность столицы, присущие ей пороки и манеры. В Лондоне не было ни одного праведного человека, нет, ни одного; в Лондоне было больше воров, чем во всей Франции[68]. В совершенно другом отчете, датированном той же датой, написанном восторженным лондонцем преподобным Фиц-Стивенем, единственными “бедствиями” Лондона названы “неумеренное пьянство дураков и частые пожары”. В городе и пригородах насчитывалось сто двадцать шесть небольших приходских церквей, помимо

тринадцати больших монастырских церквей; и это был образец для всего мира в отношении религиозных обрядов. “Почти все епископы, аббаты и магнаты Англии являются, так сказать, гражданами и свободными жителями Лондона; у них там свои собственные великолепные дома, к которым они прибегают, где они проводят большую часть времени, когда их созывает на большие советы король или их митрополит, или привлекают туда их собственные частные дела[69]”. Архидиакон Лондона того же времени Петр из Блуа в письме папе Иннокентию III относительно объема своих обязанностей и небольшого содержания называет число приходских церквей в городе в сто двадцать, а население - в сорок тысяч[70]. Немцы, прибывшие в свите Ричарда I. по его возвращении в Англию в 1194 году, после освобождения из рук императора, были поражены демонстрацией богатства и нарядов, которую устроили лондонцы, приветствуя возвращение короля; по их словам, если бы император знал о богатствах Англии, он потребовал бы более крупный выкуп[71]. Выкуп, тем не менее, потребовал второго или даже третьего сбора, прежде чем он был собран, из-за, как говорили, казнокрадства; и у священнослужителей, которым принадлежала большая часть земли, по-видимому, было так мало средств для уплаты своей доли, что им пришлось заложить золотые и серебряные сосуды алтаря[72].

Летописец валлийского монастыря Марган называет 1189 год восшествия на престол Ричарда как год жестокого голода и высокой смертности людей. Вероятно, это был местный голод, и вполне мог быть тот самый, о котором говорит Хиральд Камбрэнсис, что он сам видел толпы бедняков, день за днем подходивших к воротам монастыря Марган, так что братья посоветовались и послали корабль в Бристоль за зерном[73]. Великий и повсеместный голод с мором во времена Ричарда был в 1193, 1194, 1195, 1196 и 1197 годах, и, по-видимому, он ощущался во Франции, в бассейне Дуная и по всей Европе, а также в Англии. О чуме, которая пришла вместе с этим в Англию, у нас есть исключительно полный отчет из-под пера Уильяма Ньюбургского. Монастырь, в котором Уильям писал свою историю, располагался среди лесов на берегу ручья под Хэмблдонскими холмами в Йоркшире, на дороге между Йорком и устьем реки Тис; так что, когда он говорит об этом голоде и чуме: “мы говорим то, что знаем, и свидетельствуем то, что видели”, его можно рассматривать как описание опыта достаточно типичного региона сельской Англии.

Его рассказ о чуме[74] приводится под 1196 годом, который был четвертым годом дефицита или голода: После того, как толпы бедняков умирали со всех сторон от нужды, последовала самая жестокая чума, как будто воздух был испорчен мертвыми телами бедняков. Эта эпидемия проявила мало уважения даже к тем, у кого было в изобилии пищи; что же касается тех, кто испытывал нужду, то она положила конец их долгим мучениям от голода. Болезнь распространялась повсюду, всегда одного типа, а именно острой лихорадки. День за днем она захватывала столько людей и прикончила еще столько, так что едва ли можно было найти кого-нибудь, кто ухаживал бы за больными или хоронил мертвых. Обычные обряды погребения были опущены, за исключением случаев смерти более знатных или богатых людей; в какой бы час кто-либо ни умирал, тело немедленно предавалось земле, и во многих местах были сделаны большие траншеи, если количество трупов было слишком велико, чтобы хватило времени похоронить их одного за другим. И поскольку каждый день умирало так много людей, даже те, кто был здоров, впадали в уныние и ходили с бледными лицами, сами являя собой живую картину смерти. Только в монастырях эта эпидемия сравнительно не ощущалась. После того, как она свирепствовала со всех сторон в течение пяти или шести месяцев, она утихла с наступлением зимних холодов.

За этими неурожайными годами, несомненно, последовали семь тучных лет; ибо только в 1203 году, на четвертый год правления Иоанна, мы снова встречаемся с упоминаниями о голоде и море. Из разных монастырей, из Уэверли в Сассексе, из Тьюксбери в Глостере и из Маргана в Гламоргане, мы получаем одни и те же свидетельства — “великая и смертная семья”, “семья валида и саэва смертных, которые умножают нищету”, “максимальная семья”. Монахам Уэверли пришлось покинуть свой собственный дом и рассеяться по разным монастырям. Два года спустя, в 1205 году, наступил такой суровый сезон, что посеянные под зиму семена почти погибли от морозов. Темзу переправляли по льду, и пахота не производилась в течение многих недель. Эссекский летописец сообщает, что был голод, и приводит цены на него: четверть пшеницы продавалась за фунт во многих частях Англии, хотя во времена Генриха II она часто составляла всего двенадцать пенсов; четверть бобов десять шиллингов; четверть овса сорок пенсов, что раньше составляло четыре пенса[75]. Летописец из Маргана также упоминает 1210 год как болезненный по всей Англии[76].

Теперь мы подошли к периоду, когда можем прочесть последовательность этих событий во внутренней жизни народа по более заслуживающим доверия записям сент-олбанской школы историков. О нехватке и болезнях среди бедных в 1234 году у нас есть некоторые наводящие на размышления подробности от Роджера Уэндоверского[77], а о серии голодовок и эпидемий с 1257 по 1259 год у нас есть сравнительно полный отчет его знаменитого преемника на посту историографа аббатства Мэтью Пэриса[78]. Следующий Сент-олбанский *скрипторий*, Ришангер[79], отмечает вид урожая каждый год с 1259 по 1305 год, и только в течение одного из этих лет после того, как прошел неурожай 1259 года, а именно в 1294 году, он говорит о людях, умирающих от голода. Его преемник, Джон Троkelоу[80], продолжает летопись до 1323 года и сообщает нам некоторые подробности, не лишённые диагностической ценности, о великой голодоморе 1315-16 годов и о череде дорогих лет, эпизодом которых была эпидемия. Именно на этих современных отчетах школы Сент-Олбанс, а также на записях за 1196 год Уильяма Ньюбургского, должны основываться наши знания о массовом голоде в Англии.

С "Урожая 1259 года" начинается составление профессором Торольдом Роджерсом таблицы цен на сельскохозяйственную продукцию по отчетам управляющих фермами - труд огромного труда, в котором экономическая история английского народа изложена бесспорными буквами и с помощью которого мы можем проверить более общие и часто риторические утверждения современных историков.

Хотя история последних года или двух правления Иоанна и первых лет правления Генриха III. он полон беспорядков и грабежей, однако мы не слышим об общем бедствии среди земледельцев. Современный авторитет, Роджер из Уэндовера, не имеет записей подобного рода до 1234 года, за исключением единственной заметки под 1222 годом, в которой говорится, что пшеница подорожала до двенадцати шиллингов за квартал. Мы слышим о короле Иоанне и его последователях, грабивших богатых церковников и мирян на всем пути от Сент-Олбанса до Ноттингема, об Уильяме Лонгспи, графе Солсбери, продолжавшем ту же практику в графствах Эссекс, Миддлсекс, Хартфорд, Кембридж и Хантингдон, о разграблении острова Или и о занятии городов и деревень в Эссексе, Саффолке и Норфолке Людовиком, дофином Франции, избранным королем, или сломанным ридом, на которого бароны Лонгспи, граф Солсбери, наложили арест. Великая хартия вольностей какое-то время думала опереться[81]. Но весь этот период и последующие до 1234 года годы абсолютно свободны от каких-либо свидетельств о широко распространенных бедствиях среди низшего класса. Нам вспоминается замечание

Филиппа де Комина, имея в виду гражданские войны Йорка и Ланкастера, высказывание, которое, несомненно, справедливо в отношении всей борьбы в Англии за урегулирование соответствующих притязаний короля и аристократии: “Англия обладает тем особым изяществом, - говорит французский государственный деятель, - что ни страна, ни люди, ни дома не опустошаются и не разрушаются; но бедствия и невзгоды войны падают только на солдат и особенно на дворян, которым они более чем обычно завидуют: ибо ничто не идеально в этом мире”. мир“. Это, конечно, не может относиться к варварским вторжениям шотландцев и валлийцев; ибо северные границы часто приходили в запустение в течение трехсот лет после Завоевания и никогда не были более опустошенными, чем в правление Ричарда II.; в то время как границы Уэльса подвергались не менее безжалостным разграблениям до уступок валлийцам со стороны Эдуарда I. Иммунитет крестьян от бедствий гражданской войны также нельзя считать абсолютным; ибо мы находим под 1264 годом, когда Симон де Монфор был на поле боя против короля Уэльса Эдуарда II., прямое утверждение о том, что мелкое крестьянство было разграблено даже до убогого убранства своих хижин. Но в целом мы можем считать, что парализующий эффект гражданской войны редко достигал английских низших классов в средневековый период, что течение их жизни редко нарушалось, за исключением голода или чумы, и что королям и знати было предоставлено бороться с этим между собой.

Однако со времен Великой Хартии и в период неуклонного роста благосостояния страны мы осознаем растущую пропасть между богатыми и бедными в рядах самих общин, и это тоже не только в торговых центрах (как мы увидим), но и в сельских округах. Требования феодальной службы не помешали некоторым жителям деревни пристраивать дом к дому и поле к полю, тем самым отмечая в каждом приходе промежуток между процветанием и комфортом и остатками *лауперов*, состоящих из менее способных или менее удачливых. Любопытная история, рассказанная Роджером из Уэндовера из деревни Эбботсли близ Сент-Неотса, послужит иллюстрацией факта, в котором в противном случае мы могли бы быть вполне уверены из первых принципов[82].

1234 год был третьим в череде неурожайных лет. Голод перед жатвой того года был настолько сильным, что толпы бедняков вышли на поля в июле месяце и срывали незрелые початки кукурузы, растирая их в руках и поедая сырое зерно. Монах из Сент-Олбанса полон негодования против господствующего духа скупости, который довел некоторых людей до этой печальной необходимости: милостыня повсеместно вышла из моды; богатые, изобилующие всевозможными мирскими благами, были настолько поражены слепой жадностью, что позволяли христианским мужчинам, созданным по образу Божьему, умирать от недостатка пищи. Некоторые, действительно, были настолько нечестивы, что говорили, что своим богатством они обязаны собственному трудолюбию, а не Божьему дару. Такого мнения, по-видимому, придерживались более преуспевающие земледельцы деревни Эбботсли, “которые смотрели на нуждающихся с подозрением[83]”.

О них рассказывают следующую историю. Видя, что бедняки раздают початки бесплатно, они собрались в приходской церкви в августовское воскресенье и обрушились с криками на священника, требуя, чтобы он немедленно наложил церковный запрет на тех, кто угощается початками. Священник, несмотря на хорошо известный прецедент в Евангелиях, уже собирался уступить их настояниям, когда среди прихожан поднялся человек религиозный и благочестивый

и заклинал священника во имя Бога и всех Его святых воздержаться от приговора, добавив, что те, кто нуждается, могут сами угощаться его хлебом. Остальные, однако, настаивали, и пастор только начал запрещать воров, когда внезапно разразилась гроза с градом и проливным дождем. Когда буря утихла, крестьяне вышли и обнаружили, что их урожай уничтожен, — все, кроме одного простого и справедливого человека, который нашел свою кукурузу нетронутой.

Нам стоит только вспомнить мельчайшие деления общего поля или нив прихода на полосы по пол-акра, разделенные кусками дерна, и тот факт, что никакие две половины акра одного и того же культиватора не лежали рядом, чтобы понять, насколько приятной должна была быть дискриминация[84].

Но мораль этой истории очевидна. Это апелляция к учению и одобрению Евангелий, против укоренившейся веры естественного человека в то, что всем, что у него есть, он обязан своему собственному трудолюбию и бережливости и что не его дело расставаться со своим имуществом ради пропитания беспомощного и расточительного класса.

Дух скупости, по словам Уэндовера, в тот период был пронизан всеми классами общества, начиная с высших церковников и ниже. У Уолтера, архиепископа Йоркского, во время дефицита были полные амбары зерна, причем некоторым из них было по пять лет. Когда летом 1234 года крестьяне в его поместьях попросили снабдить их из этих запасов, архиепископ приказал своим судебным исполнителям выдать старую кукурузу при условии получения новой после окончания сбора урожая. Нет необходимости подробно рассказывать, как при осмотре амбаров архиепископа в Рипоне было обнаружено, что они кишат паразитами, как кукуруза заплесневела и протухла и как все это пришлось уничтожить огнем[85]. Такое же значение имеют набеги на амбары иностранного или итальянского духовенства в 1228 году в епархии Винчестера и в других местах, а также демонстративная раздача налетчиками пожертвований бедным[86].

Несколько параллельный ход общественной морали в торговых центрах, или, как называл бы это Уэндовер, преобладание алчности, требует для нашей цели краткого замечания.

В любом состоянии общества, конечно, будут богатые и бедные. Но класс *нищих*, по-видимому, более отчетливо проявляется в жизни Англии примерно с начала XIII века. Этот период соответствует появлению на сцене святого Франциска и его монахов. Несомненно, святой Франциск был вдохновлен истинным пониманием того, чего требовало время, даже если можно смело утверждать, что его благотворительная деятельность выявила, консолидировала и сохранила жизнь беспомощному классу, о котором было бы меньше слышно, если бы их оставили на милость экономических принципов. Миссия монахов была обращена не только к бедным; она была обращена и к богатым, как церковным, так и мирским, “смягчать твердость их сердец елеем проповеди[87]”. Это было одно из таких вмешательств, которое всегда было необходимо и которого никогда не требовалось, чтобы уменьшить неравенство в человеческой судьбе, не проповедуя правый теоретический коммунизм, но, скорее силой риторики, чем логики, вымогая у сильных некоторые уступки слабым, чтобы смягчить остроту борьбы за существование и вынести на суд совести такие респектабельные пороки, как жадность и изощренная практика.

Еще в 1196 году в лондонском сити произошел значительный инцидент с восстанием беднейших слоев населения и среднего класса, возглавляемого Фицосбертом Длиннобородым,

который сам был одним из привилегированных граждан, против оценки, в которой класс, представленный мэром и олдерменами, как утверждалось, очень бережно относился к своим собственным интересам[88]. Длиннобородый был провозглашен “другом бедных”, и, отдав свою жизнь за их дело (будь то на улице перед церковью Боу, или на виселице в Тайберне, или в “Смитфилд элмс”, рассказы не согласуются), сочувствующий Мэтью Пэрис прославляет его как “мученика бедных”[89]. Этот историк продолжает, в манере своего предшественника Уэндовера, говорить о лондонцах как, с одной стороны, о “посредственностях, популярах и плебее”, а с другой стороны, о “дивитах”. В 1258 году последний класс переусердствовал: они были уличены в фактическом вульгарном присвоении денег, собранных в результате сбора взносов на ремонт городских стен; некоторые из них были брошены в тюрьму и избежали смерти только благодаря королевскому милосердию по просьбе печально известного плюралиста Джона Мэнсела и возврату награбленного; но один из них, мэр, так и не оправился от удара, нанесенного его респектабельности, и вскоре умер от горя[90]. Означало ли это широко распространенный дух мелкого мошенничества или какое-то нескорректированное изменение стоимости, но молодой король в 1228 году, во время путешествия из Йорка в Лондон, воспользовался случаем по пути следования, чтобы уничтожить “фальшивые меры” кукурузы, эля и вина, заменить их более объемными и увеличить вес буханки.

Дефицит или голод 1234 года, к которому относится инцидент в Эбботсли, сопровождался, как утверждает "Летописец Сент-Олбанса", массовой смертностью, которая свирепствовала повсюду. С другой стороны, летописцу из Тьюксбери можно верить, когда он говорит, что, хотя год был неурожайным, кукуруза стоила восемь шиллингов, все же “по милости Божьей бедняки жили лучше, чем в другие годы”[91].

В 1247 году была эпидемия, но неясно, была ли она вызвана массовым голодом. Хотя Хигден, цитируя какие-то неизвестные записи, говорит, что в тот год в Англии был дефицит пшеницы по двенадцать шиллингов за четверть, тем не менее он вообще не упоминает болезни; а Мэтью Пэрис, который был тогда жив, недвусмысленно утверждает, что урожай 1247 года был обильным, и что смертность началась только в сентябре того же года. Однако, по-видимому, в Уэльсе был сильный голод; и записано, что епископ Норвичский “около 1245 года” во время великой нехватки продал всю свою посуду и раздал ее бедным[92]. Все, что мы знаем об этой эпидемии, - это заявление Мэтью Пэриса о том, что она началась в сентябре и продолжалась три месяца; и что девять или десять тел были похоронены за один день на единственном кладбище собора Святого Петра в Сент-Олбансе[93].

Мэтью Пэрис каждый год отмечает качество урожая и цены на зерно, и его преемник Ришангер продолжает эту практику. Указанные цены, судя по сравнению с ценами, приведенными Торольдом Роджерсом на основе фактических отчетов, были самыми низкими рыночными ценами за год. Урожай 1248 года был обильным, и пшеница продавалась по два шиллинга шесть пенсов за четверть. В 1249 и 1250 годах она стоила два шиллинга, а овес - один шиллинг. Но за этими годами исключительного изобилия вскоре последовала череда лет дефицита или голода, которые принесли с собой тяжелейшие болезни.

Дефицит или голод в 1256-59 годах ощущался еще острее из-за нехватки денег в стране. Бремя истории Мэтью Пэриса, прежде чем он дойдет до "голода", заключается в том, что Англия была лишена сокровищ из-за притеснений короля и папы. Генрих III. у него были какие-то не совсем понятные денежные обязательства перед своим братом, графом Корнуоллским. Английский

граф был кандидатом на императорскую корону и настолько приблизился к императорскому достоинству, что был провозглашен королем германцев. Это были английские деньги, которые пошли на жалование его немецким войскам и на продвижение его дела в отношениях с князьями-выборщиками; но обращающейся монеты Англии, по-видимому, было недостаточно как для этих, так и для внутренних целей. Урожай 1256 года был испорчен дождем, и погода весной 1257 года была крайне отвратительной. Вся Англия была покрыта болотами и грязью, а дороги непроходимы. Многие засевали свои поля заново, но осень оказалась такой же дождливой, как и все остальное время года. “Что бы ни было посеяно зимой, что бы ни проросло весной, что бы ни принесло лето — все утонуло в осенних наводнениях”. Нехватка монет в обращении привела к неслыханной бедности. В конце года поля оставались непахаными, и множество людей умерло от голода. На Рождество пшеница подорожала до десяти шиллингов за четверть. Но в 1257 году, по-видимому, была “смертельная лихорадка” еще до того, как можно было ощутить потерю урожая того года. Не говоря уже о других местах, говорит историк Сент-Олбанса, в Сент-Эдмундсбери в страшные времена была такая большая смертность, что на его просторном кладбище было похоронено более двух тысяч тел^[94].

В полной мере последствия голода не ощущались до весны 1258 года. Положение Лондона из-за неурожая и нехватки денег было настолько велико, что, как говорят, пятнадцать тысяч^[95] умерли от голода и тяжелой и широко распространившейся эпидемии, которая разразилась в праздник Троицы (19 мая).

Граф Корнуоллский (и король Германии), который освободил страну от значительной части обращающейся монеты, воспользовался возможностью купить кукурузу в Германии и Голландии для поставок на лондонский рынок. Пятьдесят больших кораблей, говорит Мэтью Пэрис, прибыли в Темзу, груженные пшеницей, ячменем и другими зерновыми. Не в трех английских графствах производилось столько зерна, сколько импортировалось. Кукуруза предназначалась для тех, кто мог ее купить; но король издал указ, согласно которому, хотя жадность следует пресекать, никто не должен покупать иностранную кукурузу, чтобы запастись ею и торговать ею. Нам прямо говорят, что те, у кого не было денег, умирали от голода даже после прибытия кораблей; и даже люди с хорошим положением ходили с перекошенными от голода лицами и проводили бессонные ночи, тоскуя о хлебе. Никто не видел такого голода и нищеты, хотя многие помнили бы кукурузу по более высоким ценам. Цена, указанная на этом этапе повествования, хотя и без особой привязки к иностранной пшенице, составляет девять шиллингов за четверть. В других местах цена, как говорят, выросла до пятнадцати шиллингов, что, возможно, было таковым до того, как поступили иностранные поставки. Но, как нам говорят, нехватка денег была такова, что, если бы цена четверти пшеницы была ниже, вряд ли нашелся бы кто-нибудь, кто ее купил. Даже те, кто привык помогать несчастным, теперь были обречены погибнуть вместе с ними. Трудно поверить, что историк не поддавался искушениям риторики, и приятно иметь возможность дополнить его картину следующим образом. После того как в Лондоне умерло около 15 000 человек, в основном из числа бедняков, можно было услышать, как глашатай обращается к голодающей толпе с призывом прийти на раздачу хлеба тем или иным дворянином в таком-то месте, упоминая имя благотворителя и место получения пособия.

В других отрывках, которые могут быть восприняты как изображение положения дел в стране, историк говорит, что тела умерших от голода находили распухшими и багровыми, лежащими по пять или шесть человек вместе в свинарниках, или на навозных кучах, или в грязи фермерских

дворов. Умиравшим отказывали в убежище и помощи из-за боязни заразиться, и вряд ли кто-нибудь подходил к мертвым, чтобы похоронить их. Там, где было найдено много трупов вместе, они были похоронены в просторных траншеях на церковных дворах.

Теперь мы переходим к сбору урожая 1258 года. После суровой и поздней весны посевы хорошо взошли при чрезмерной летней жаре, и урожай был необычайно обильным, хотя и поздним. Дожди начались еще до того, как можно было скосить кукурузу, и на праздник Всех Святых (1 ноября) обильный урожай сгнил так, что поля стали похожи на навозные кучи. Лишь в некоторых местах предпринимались какие-либо попытки доставить урожай домой, и тогда он был настолько испорчен, что едва ли стоил таких хлопот. Даже заплесневелое зерно продавалось по шестнадцать шиллингов за четверть. Голодающие люди прибегали к различным ухищрениям, продавая свой скот и сокращая свои домохозяйства. Как страна пережила зиму, нам не рассказывают. Сам Мэтью Пэрис умер рано, в 1259 году, и летописец, который добавил несколько страниц к *Большой* хронике после его смерти, просто упоминает, что кукуруза, масло и вино испортились, и что, когда солнце вошло в Рак, неожиданно начались эпидемия и смертность людей, в результате которой многие умерли. Среди прочих Фульк, епископ Лондонский, умер от чумы весной 1259 года; и, не говоря уже о многих других местах, в Париже были похоронены тысячи (число не указано).

Расплывчатость последнего утверждения напоминает нам, что теперь мы лишены сравнительно надежного руководства Мэтью Пэриса. Его преемник на посту летописца в Сент-Олбансе, Ришангер, заслуживает гораздо меньшего доверия. Он подводит итог 1259 году в абзаце, который в точности повторяет факты печально известного 1258 года и, вероятно, применим только к нему; что касается 1260 года, то его резюме сводится к тому, что он был более суровым, более жестоким и более ужасным для всего живого, чем годом ранее, мор и голод были невыносимыми. Однако в подлинных ценах того года, собранных Торольдом Роджерсом, этому нет подтверждения. Посылки пшеницы урожая 1259 года продавались примерно по пять-шесть шиллингов, а урожая 1260 года - от трех шиллингов шести пенсов до шести шиллингов. В течение ряда лет, соответствующих войне баронов и войне в Уэльсе, цена была умеренной или низкой, цифры из сохранившихся отчетов судебных приставов в целом совпадают с краткими отчетами Ришангера о соответствующих урожаях[96]. Годы с 1271 по 1273 были дорогими годами, и в отношении первого из серии мы находим сомнительную запись йоркширского продолжателя Уильяма Ньюбургского о том, что в Англии и Ирландии был "великий голод и мор"[97]. Урожай 1288 года был настолько обильным, что цена пшеницы на счетах судебных приставов в основном составляет около двух шиллингов, варьируясь от шестнадцати пенсов до четырех восьми пенсов. Цены Ришангера за год достаточно близки к отметке: в некоторых местах пшеница продавалась по двадцать пенсов за квартал, в других - по шестнадцати пенсов, а в третьих - по двенадцати пенсов. С этой чрезвычайно низкой точки начинается подъем, который достигает кульминации в 1294 году. Заявление хрониста за 1289 год о том, что в Лондоне бушель пшеницы вырос с трех пенсов до двух шиллингов, не подтверждается отчетами судебных приставов, которые показывают диапазон от двух шиллингов восьми пенсов до шести шиллингов за квартал. Но эти отчеты подтверждают утверждение о том, что последующие годы были дорогими годами и что 1294 год был годом голода: в июле в Кембридже пшеница подешевела на четырнадцать шиллингов. Две заметки Ришангера заключаются в том, что бедняки погибли от голода, и что бедняки умерли от голода со всех сторон, пораженные рыхлостью (*lienteria*)[98]. Два последующих года также были тяжелыми для бедных, но не как годы голода или болезней; в то же время страна была обложена высокими налогами на расходы,

связанные с войной, которую Эдуард I вел против шотландцев. Обычное процветание сопутствует земледельцам до конца хроники Ришангера в 1305 году; и с начала хроники Трокелу в 1307 году, в год восшествия на престол Эдуарда II. для нашей цели нет ничего подходящего, пока мы не дойдем до великого голода 1315 года[99].

Однако ясно, что цены были высокими каждый год с 1309 года до того самого голода, за единственным исключением урожая 1311 года. На заседании парламента в Лондоне перед Пасхой 1315 года проблема нехватки была предметом обсуждения, и был издан королевский указ с попыткой установить цены, по которым жирные быки, коровы, овцы, свиньи, гуси, домашняя птица, каплуны, цыплята, голуби и яйца должны продаваться по первому требованию с конфискацией в случае отказа в продаже. Закон оказался неэффективным (год спустя он был отменен), и положения стали дороже, чем когда-либо. Четверть зерна пшеницы, фасоли и гороха продавалась за двадцать шиллингов, овса - за десять шиллингов, а соли - за тридцать пять. По словам Трокелу, когда король остановился в Сент-Олбансе на праздник Святого Лаврентия, едва ли было возможно купить хлеб для нужд его семьи. Дефицит ощущался сильнее всего с мая месяца и до сбора урожая. С новым урожаем, испорченным дождями и наводнениями, дефицит несколько уменьшился, но не раньше, чем многие почувствовали укол голода, и других видели (как летописец Сент-Олбанса утверждает, что видел их) лежащими убогими в деревнях и по обочинам дорог. В середине лета 1316 года пшеница подорожала до тридцати шиллингов, а затем и до сорока шиллингов (самая высокая цена, установленная Торольдом Роджерсом, составляет двадцать шесть шиллингов и восемь пенсов в Лезерхеде в июле). Упоминаются различные формы голодной болезни: дизентерия от испорченной пищи, поражающая почти всех, острая лихорадка, от которой многие умирают, или гнилостная ангина (*pestis gutturosa*). Чтобы показать крайности, до которых была доведена Англия, Трокелу специально вставляет следующее: Обычное мясо было недоступно, но ели конину, жирных собак крали для еды, и ходили слухи, что во многих местах и мужчины, и женщины тайно ели мясо своих собственных детей или детей других людей. Но подробность, о которой, по справедливому мнению Трокелу, потомки будут в наибольшем ужасе читать, заключается в том, что заключенные в тюрьмах нападали на только что доставленных воров и пожирали их живьем.

Вероятно, это тот же самый голод и мор, которые, как мы находим, фигурируют в метрическом романе Роберта Брюннского (1338) под видом чумы 'во времена Кадваладра', то есть мора, зафиксированного Бедой за 664 год. Линкольнширский романтик, должно быть, видел голод и мор 1315-16 годов, поскольку он был тогда в расцвете сил, и, вероятно, он перенес свой собственный опыт голода и чумы на отдаленный эпизод седьмого века, которому он посвящает тридцать восемь строк своего романа. Во времена Кадваладра кукуруза погибает, и наступает великий голод. Человек может уйти на три дня, прежде чем сможет купить какую-либо еду в бурге, или в сити, или на возвышенности; он действительно может ловить диких животных, или рыбу, или собирать листья и корни. Хуже того, от гнилого воздуха и злых ветров приходит чума, так что здоровые люди внезапно падают и умирают; все смиренные и рабы уходят, почти никого не остается возделывать землю, живые не могут похоронить мертвых, те, кто пытается, падают замертво в могилу. Мужчины покидают дома и землю, и в стране мало кого остается. Одиннадцать лет Британия лежит в запустении, и лишь немногие люди обрабатывают землю[100].

После голода 1315-16 годов, третьего и последнего из великих и, можно сказать, позорных голодоморов, который дал начало так называемому “английскому голоду”, цены оставались на своем обычном уровне в течение нескольких лет. Но с 1320 по 1323 год они снова достигли расцвета. К этому периоду, вероятно, относится смертность, которая занесена в хронику следующего столетия[101] под 1325 годом. Из свидетельств современников Хигдена мы знаем, что в 1322 году король отправился в Шотландию на праздник Святого Петра ад Винкула, “и хотя он не встретил сопротивления, потерял многих своих из-за голода и болезней”. После этого периода дефицита наступает долгая череда дешевых лет, охватывающих промежутки до следующего великого события в анналах мора, которое касается нас, прихода Черной смерти осенью 1348 года. С этим великим событием история английских эпидемий вступает в новую главу. Конечно, в последующие столетия были годы голода и скудости, но не было таких сильных эпидемий, как в 1196, 1258 и 1315 годах.

Период великого голода не следует оставлять без еще одного упоминания о расширяющейся пропасти между богатыми и бедными и пронизательности торговцев, которая иногда приводила их к ограничениям со стороны правительства и судебным карам.

26 марта 1269 года был издан один из тех указов против опережающего развития, которым многие другие следовали в течение нескольких столетий: ни один гражданин не должен выезжать за пределы лондонского сити, ни по дороге, ни по реке, чтобы купить продукты, поступающие на рынок. На 7-м году правления Эдуарда I. Обрезание или порча монет производились настолько систематически, что почти триста человек, в основном еврейской расы, были привлечены к ответственности и повешены за это. На 11-м году правления Эдуарда I. (1283) был принят закон, направленный против мошенничества пекарей и мельников. Тем временем знать нанесла ответный удар, ограбив торговцев на Бостонской ярмарке, и король рассчитался с этими мародерствующими дворянами, повесив их. Закон 1316 года, второго года голода, устанавливающий цену на эль, представляет интерес из-за своего мотива - “*ne frumentum ulterius per potum consumeretur*”. О доле кукурузы в стране, превращаемой в солод, или о количестве, перенаправляемом с хлеба на пиво, можно догадаться из того факта, что в Лондоне, для которого впервые было принято постановление о пиве, в 1309 году насчитывалось 1334 пивоварни и 354 таверны[102]. В самый год великого голода, 1316, был издан указ (на французском языке, датированный королевским Лэнгли) против экстравагантного ведения домашнего хозяйства[103]. В год великого дефицита и смертности, 1322 год, на похороны в Блэкфрайарсе (за упокой души Генри Фингрета) собралась такая толпа, что пятьдесят пять человек, детей и взрослых, были раздавлены насмерть в давке[104]. В то же самое время настоятель Церкви Христа в Кентерберии устраивал обеды из семнадцати блюд, у келаря в подчинении было тридцать восемь слуг, у камергера и ризничего было большое количество людей, нанятых портными, скорняками, прачками и тому подобным, а слуги и экипировка ста сорока братьев были многочисленными и великолепными[105]. Монастыри, от которых в основном зависела помощь бедным, были охарактеризованы следующим образом:

“С конца XII века и до Реформации, - говорит епископ Стаббс, - со времен Хьюберта Уолтера и до времен Вулси монастыри оставались великолепными гостиницами: их церкви были великолепными часовнями для знатных покровителей; их обитателями были сельские джентльмены-холостяки, более утонченные и милосердные, но не более образованные или более чистые в жизни, чем их соседи-миряне; их поместьями хорошо управляли и пользовались большими преимуществами и льготами; фактически, они были элементом мира в стране,

которая наслаждалась войной. Но, за несколькими благородными исключениями, в системе не было ничего, что служило бы духовно[106].”

В настоящее время мало что можно сказать о профессии, наиболее непосредственно связанной с болезнями, эпидемиями или чем-либо другим, а именно о враче. Мы узнаем о его существовании в редких случаях: например, в отчете о смерти Вильгельма Завоевателя в Руане 9 сентября 1087 года, о болезни и смерти Хьюберта, архиепископа Кентерберийского, 13 июля 1205 года в одном из его поместий по пути в Рочестер[107], или в упоминании Уильямом Ньюбургским известного врача-еврея из Кингс-Линна, чья почетная репутация среди горожан за мастерство и скромность не спасла его от убийственного фанатизма против его расы в 1190 году.[108], или в случайных письмах того времени[109]. Несомненно, среди практикующих врачей, как тогда, так и сейчас, были доброжелательные люди; но эта профессия никогда не была такой, в которой индивидуумы могли заметно подняться над уровнем своего возраста, а моральный стандарт тех столетий был низким. Поэтому неудивительно, что Джон Солсберийский, любивший эпиграммы, охарактеризовал профессию врача в двенадцатом веке следующим образом: “У них есть только две максимы, которые они никогда не нарушают: ”Не обращай внимания на бедных; никогда не отказывай в деньгах богатым”[110].

Единственным английским врачом, чьи труды дошли до нас из того периода, которым мы все еще занимаемся, является Джон Гаддесденский. Есть все основания полагать, что он практиковал во время голода и мора 1315-16 годов; но не из его объемистого трактата по медицине мы узнаем нозологические типы эпидемических заболеваний тех лет. Некоторый отчет о его “Розе Английской” можно найти в главе, посвященной оспе; здесь достаточно сказать, что он был вербалистом-компилятором из других книг, которые сами по себе не совсем оригинальны, и что, по словам доктора Фрейнда, он не проявляет больших знаний в своей профессии.

Поэтому нет ничего странного в том, что Гаддесден не проливает света на массовый голод в Англии, подобный тем, что были в 1315-16 годах, которые он пережил. Дизентерию и ветряную оспу он описывает почти теми же словами, что и Гильберт Англикус; но эти болезни могли быть у обитателей другой планеты, насколько позволяет судить местный опыт. Он воспроизводит целые главы из своих предшественников, посвященные *синоху* и *синохе*, без намека на то, что Англия когда-либо была свидетелем таких сцен голодного тифа, которые хронисты Сент-Олбанса зафиксировали для нас на основании своих собственных наблюдений. Ссылка Трокелу на распространенность *pestis gutturosa* в 1316 году - это та, которую писатель-медик того времени вполне мог бы усилить; но Гаддесден упустил возможность, возможно, предвосхитить описание Фотергиллом гнилостной ангины более чем на четыреста лет.

Эпидемии огня Святого Антония, или эрготизм.

Одна форма эпидемического заболевания, тесно связанная с неурожаями и плохим состоянием сельского хозяйства, а именно эрготизм, вызванный подмешиванием отравленных зерен в рожь или другую кукурузу, явно отсутствует в английских записях средневекового периода, хотя она играет большую роль в истории французских эпидемий средневековья под такими названиями, как *ignis sacer*, *ignis S. Antonii* или *ignis infernalis*. Согласно уже цитировавшейся поговорке, Франция была так же печально известна *ignis*, как Англия голодом, а Нормандия проказой: “Tres

plagae tribus regionibus appropriari solent, Anglorum fames, Gallorum ignis, Normanorum lepra[111]”. Болезнь была такого рода, что привлекала внимание и возбуждала жалость; о ней упоминают хронисты, и она часто упоминается во французских легендах о святых. Его возникновение в форме эпидемии можно проследить во Франции, с некоторой степенью вероятности, еще в 857 году (возможно, до 590 года); шесть крупных вспышек зарегистрированы в десятом веке, семь - в одиннадцатом, десять - в двенадцатом и три - в тринадцатом, средневековая серия заканчивается одной в 1373 году. Оценки смертности от нескольких эпидемий эрготизма на большей или меньшей территории Франции варьируются от 40 000 до 14 000 человек, и эти цифры можно считать самыми приблизительными; но в более поздние времена было точно подсчитано свыше 500 смертей от эрготизма в результате одной вспышки в ограниченном районе. Эпидемии наблюдались в определенные сезоны, иногда по прошествии двадцати и более лет болезнь не проявлялась; они происходили также в определенных провинциях — в бассейне Луары, в Лотарингии и, с конца средневекового периода, особенно в Солони. Заболеванию обычно связывают с испорченным урожаем ржи; но есть несомненные свидетельства более позднего периода, что яд с соответствующими эффектами может вырабатываться в некоторых других злаках, даже в самой пшенице.

На поле ржи, особенно после влажного посева или влажного сезона роста, определенная часть головок имеет длинные коричневые или фиолетовые мозоли, по одной или более на головке, выступающие в форме петушиной шпоры, откуда и пошло французское название спорыньи. Шпора, по-видимому, является переросшим ржаным зерном; она покрыта бороздками, как ржаное зерно, занимает место зерна между двумя оболочками из мякоти и содержит обильную беловатую муку. Микроскопические исследования выявили в споротой ржи или на ней нити мелкой паразитической плесени; так что именно благодаря вторжению паразита мы можем проследить огромное разрастание одного или нескольких зерен в початке, и, вероятно, именно бродильному действию гриба мы должны приписать ядовитые свойства муки. Доля всех стеблей на поле, пораженном таким образом, будет значительно различаться, так же как и доля зерен в каждом пораженном колосе кукурузы[112]. Рожь, пораженная спорыньей, в любом случае может быть неурожайной; из-за одной или нескольких споровых зерен на головке остальные зерна остаются мелкими или не налившимися; и если на поле, пораженном таким образом, будет много стеблей, то споровое зерно будет составлять значительную долю во всем урожае. Когда больные зерна перемалывают в муку вместе со здоровыми, мука и хлеб будут содержать значительное количество яда спорыньи; и если бы основным продуктом питания был ржаной хлеб, после необычно плохого урожая существовал бы большой риск вспышки замечательных конституциональных эффектов эрготизма. Ржаной хлеб с большим количеством спорыньи может быть чернее обычного, но, как говорят, у него нет особого вкуса.

Симптомы эрготизма наблюдались почти исключительно среди крестьянства, и особенно среди детей. Нападение обычно начиналось с сильных болей в ногах или ступнях, заставлявших жертв корчиться и кричать. Казалось, огонь горел между плотью и костями, а на более поздней стадии - даже в кишечнике, поскольку поверхность тела все это время оставалась холодной, как лед. Иногда кожа пораженных конечностей становилась багровой или черной; время от времени на ней появлялись большие пузыри, как при тяжелых видах рожистого воспаления. Последовала гангрена или отслоение конечностей; нога или рука отваливались, или плоть целой конечности разрушалась до костей в результате процесса, который начинался в более глубоких тканях. Самопроизвольное отделение гангренозной руки или ноги было в целом хорошим признаком выздоровления пациента. Таков был *ignis sacer*, или *ignis S. Antonii*, который,

как мне сказали, занимает видное место во французских легендах о Святых и эпидемии которого описаны во французских средневековых хрониках. Соответствующие эффекты эрготизма могли проявляться, а могли и не проявляться в средневековый период в других странах Европы, где выращивали рожь.

Примечательно то, что, когда мы начинаем в шестнадцатом и семнадцатом веках получать свидетельства аграрных эпидемий в Германии, Швеции и России, которые в конечном итоге были идентифицированы, в свете более поздних знаний, с эрготизмом, тип заболевания отличается, возможно, не фундаментально и не при окончательном патологическом анализе, но, во всяком случае, отличается как функциональное расстройство нервной системы, а не расстройство по нервным линиям, влияющее на питание частей тела и их структурную целостность. Эта более новая форма, характерная для Германии и северо-восточной Европы, была известна под названием *Kriebelkrankheit* из-за ощущений мурашек или зуда в конечностях в начале ее развития; эта повышенная чувствительность часто приводила к острой боли, как и в начале гангренозной формы; но поражение чувствительных нервов, вместо того, чтобы приводить к нарушению питания частей тела и к гангрене, сопровождалось расстройством двигательных нервов, - спазмами кистей, стоп и голеней, очень часто переходящими в контрактуры суставов, которые не поддаются лечению. силой может разгибаться, а в некоторых случаях переходя в периодические судорожные припадки всего тела, подобные эпилепсии, откуда и название судорожного эрготизма[113].

Параллельно с этими немецкими, шведскими и русскими вспышками судорожного эрготизма, или *Kriebelkrankheit* (названного Линнеем в Швеции латинским названием *рафания*), возобновились средневековые эпидемии во Франции, особенно в Солони; но французский эрготизм сохранил свой старый тип *ignis* или гангрены. Только в восемнадцатом веке ученому миру стала ясна связь между любой из этих форм крестьянских заболеваний и повреждением урожая ржи, хотя сами сельские жители и наблюдательные врачи пострадавших районов задолго до этого соединили то и другое. Таким образом, еще в 1672-1675 годах в Парижскую медицинскую академию поступали сообщения[114] от наблюдателей из Солони и особенно вокруг Монтаржи, в которых четко описывается ржаная спорынья, а также связанные с ней симптомы гангренозного заболевания у крестьян; но связь между ними по-прежнему считалась сомнительной и как вопрос, который мог быть разрешен только экспериментальным путем; в то время как нет ни малейшего намека на то, что эти современные вспышки были той же природы, что и пресловутый средневековый *священный огонь*. Согласно Хазеру, только во французском эссе Рида (Страсбург, 1771) была указана идентичность старого *ignis* с современным гангренозным эрготизмом.

Результатом современного изучения вспышек эрготизма, включая подробные записи отдельных случаев, стало то, что не существует четкой границы между гангренозной и конвульсивной формами, что французские эпидемии, хотя в целом и характеризовались явлениями гангрены, не отличались недостатком функциональных нервных симптомов и что вспышки в Германии или на севере часто были смешанного типа. Так, во французских отчетах 1676 года “зловредные лихорадки, сопровождающиеся сонливостью и бредом”, упоминаются наряду с “гангреной рук, но в основном ног, которые обычно поражаются в первую очередь”.

Опять же, наблюдения Т. О. Хойзингера[115] над вспышкой близ Марбурга в 1855-56 годах привели его к решительному выводу о существенном сходстве *ignis* и *Kriebelkrankheit*, а также о

существовании среднего типа, хотя, несомненно, сенсорные и моторные расстройства, включая гиперестезию, боль и обезбоживание, с одной стороны, и контрактуры суставов, хореические движения и конвульсии, с другой, были более характерны для эпидемий эрготизма на территории Германии или северной Европы. .

К настоящему времени изучен зарубежный опыт эрготизма, как средневекового, так и современного, и нескольких его видов. Теперь мы сможем изучить английские архивы в поисках указаний на те же последствия повреждения зерна.

В английских средневековых хрониках время от времени можно встретить упоминание о *ignis* или диком огне. Ссылка на лесной пожар в Дербишире в Англосаксонской хронике под 1049 годом, вероятно, означает какое-то метеорологическое явление, в другом месте называемое *ignis sylvaticus*: “Eac þ wilde fyr on Deorbyscire micel yfel dyde”[116].” Каким бы ни был *ignis sylvaticus* или *ignis aereus*, который уничтожил дома, а также посевы, по-видимому, нет оснований для заключения К. Ф. Хойзингера, что это было одно и то же как *священное начало* французского крестьянства[117]. Несомненная ссылка на *infernalis* как на болезнь человека встречается в “*Топографии Ирландии*” Хиральда Камбрэнсиса: некоего лучника, изнасиловавшего женщину на мельнице Сен-Фешен в Форте, постигла быстрая смерть: “igne infernali in membro percussus, usque in ipsum corpus statim exarsit, et nocte eadem exspiravit”. Принимая этот инцидент за легенду, а диагноз за ничто, мы все же можем заключить, что, по крайней мере, название *ignis infernalis* было знакомо английским писателям. Но во всех отчетах об английском голоде и широко распространенных болезнях средневекового периода, которые были извлечены из ближайших источников того времени, я не нашел упоминания о какой-либо болезни, которая могла бы соответствовать эрготизму[118].

Первый несомненный случай эрготизма в Англии относится к восемнадцатому веку. Примерно 10 января 1762 года крестьянская семья (отец, мать и шестеро детей) из Уоттишема в Саффолке почти одновременно подверглась нападению с симптомами гангренозного эрготизма, некоторые из них в конечном итоге потеряли части конечностей. Болезнь началась с сильной боли в ногах и контрактур кистей и стоп. Было доказано, что они не использовали ржаную муку; но их хлеб незадолго до этого готовился исключительно из испорченной пшеницы, выращенной по соседству и хранившейся отдельно от хорошей кукурузы фермера, чтобы не испортить его образец. Его отправили на мельницу незадолго до Рождества, и им пользовались еще несколько человек, помимо членов семьи, у которых развились симптомы эрготизма[119].

В этом достоверном случае эрготизма (хотя и не от ржи) имелся один симптом - контрактуры кистей и стоп, который является отличительным признаком конвульсивной формы; так что можно сказать, что английский тип был смесью французской формы и формы, характерной для северо-восточных стран Европы. Взяв этот пример за образец, давайте теперь выясним, нельзя ли отнести какие-либо эпидемии в Англии в более ранние периоды к эрготизму. Следует иметь в виду, что ни одна из средневековых вспышек не была названа своим нынешним названием или прослежена до их истинного источника лишь столетия спустя; так что наша задача состоит не в том, чтобы искать в записях название эрготизма, а в тщательном изучении любой аномальной вспышки болезни или любой вспышки, отмеченной в хрониках каким-либо необычным признаком, с целью выяснить, соответствует ли это гипотезе эрготизма. Мне придется рассказать о трех таких вспышках в четырнадцатом веке и об одной в Ланкашире и Чешире в 1702 году[120].

Первое из них приведено Найтоном для периода и местности, которые, возможно, были ему известны. Летом 1340 года в Англии в целом, но особенно в графстве Лестер, произошла некая прискорбная и огромная немощь. Это было отмечено пароксизмами или припадками, сопровождавшимися невыносимыми страданиями; пока припадок продолжался, жертвы издавали звуки, похожие на собачий лай. Говорят, что последовал “великий мор” или, возможно, большая смертность[121]. В этом отчете важными моментами являются, во-первых, широкое распространение или эпидемия заболевания, во всяком случае, в Лестершире, который был собственным графством Найтона; во-вторых, пароксизмальный характер приступов и издаваемые при этом странные звуки; в-третьих, невыносимые страдания (*poena*), сопровождавшие каждый припадок (*passio*). За исключением явных признаков боли, можно было бы подумать о странных истерических вспышках, распространяющихся в результате своего рода психического заражения на целые сообщества, которые наблюдались примерно в тот же период в некоторых частях Европейского континента. Но от этих средневековых психопатий, как их называют, в Англии почти не осталось и следа. Флагелланты прибыли из Зеландии в Лондон в 1349 году и устраивали выставки в соборе Святого Павла, но эта псевдорелигиозная мания, по-видимому, не распространилась среди англичан. Эпидемия, зафиксированная Найтоном, вероятно, имела более существенную причину. Чтобы проиллюстрировать несколько скудное упоминание Найтоном странной эпидемии 1340 года, я сразу перейду к замечательной вспышке в Ланкашире и Чешире в 1702 году, которая явно не была психопатической или истерической вспышкой, и все же в ней, по-видимому, были истерический элемент. Отчет об этом был направлен в Королевское общество доктором Чарльзом Ли “из Ланкашира”[122].

“У нас в этом году [1702] была эпидемическая лихорадка, сопровождавшаяся очень удивительными симптомами. Вначале на пациента часто нападали желудочные колики; судороги в различных частях тела, иногда сильная рвота и дизентерия; желтуха, и во многих случаях задержка мочи; и та моча, которая вырабатывалась, была сильно насыщена желчью. Что касается состояния чумы, то появились большие фиолетовые пятна, а с каждой стороны от них по два больших волдыря, которые сохранялись три или четыре дня: эти волдыри были так расположены вокруг пятен, что их в какой-то мере можно было бы назвать сателлитами или тендерами: таких высыпаний было много при четырех различных высыпаниях. Но самый замечательный пример лихорадки, который я наблюдал, был у бедного мальчика из Лимма в Чешире, некоего Джона Паунела, примерно 13 лет, у которого были следующие симптомы:

“При обострении или повороте лихорадки его охватила афония, и он потерял дар речи на шесть недель [?] дней со следующими судорогами: чума поражала нервы обеих рук и ног, что вызывало хорею Санкти Вити, или танец Святого Вита; и иногда обе ноги были так сжаты, что ни один человек не мог привести их в естественное положение. Помимо этого, у него были самые ужасные симптомы, которые начинались следующим образом: [далее следует описание судорог] ... а потом он залалял всеми обычными собачьими нотами, иногда рыча, лая и под конец завывая, как гончая. После этого нервы нижних челюстей были сведены судорогой, а затем челюсти сомкнулись с такой силой, что у него было выбито несколько зубов, а затем несколько раз у него изо рта выступила большая пена.... Эти симптомы были настолько удивительными, что несколько человек из его окружения поверили, что он одержим. Я сказал им, что для таких предположений нет оснований, но что расстройство было естественным и являлось разновидностью эпилепсии, и по результатам я убедил их в правдивости этого; ибо через неделю я вернул мальчику речь, к нему вернулись чувства, конвульсии исчезли, и мальчик

теперь очень бодр. В этой стране были и другие люди, действовавшие во многом таким же образом”.

Эта эпидемия 1702 года в Ланкашире и Чешире была зарегистрирована как нечто необычное. У него были определенные кишечные симптомы, такие как колики, которые вполне могли последовать за употреблением отравленной пищи и действительно описаны среди симптомов эрготизма; были также судороги, большие фиолетовые пятна с волдырями, появляющиеся и исчезающие на коже рядом с ними, и в единственном случае, который приводится с подробностями, были контрактуры ног, “так что ни один человек не мог вернуть их в естественное положение”, и продолжающиеся в течение нескольких дней болезненные эпилептиформные припадки, сопровождавшиеся звуками, подобными собачьему лаю или шипению гуся, “которые по-разному звучали”. (Я так понимаю) исходят из различных сокращений легких, по-разному выталкивающих воздух”. Примечательный случай с мальчиком, подтвержденный несколькими свидетелями, прямо указывается как относящийся к общей эпидемии в данной местности, поскольку другие пострадали “во многом таким же образом”. Какие бы предположения об эрготизме ни содержались в этих подробностях, ничего не говорится о гангрене конечностей, хотя багровые пятна и волдыри являются частью симптомов гангренозного эрготизма, точно так же, как судороги и контрактуры являются симптомами судорожного эрготизма. В случаях с Саффолком в 1762 году имели место как контрактуры конечностей, так и гангрена.

Упоминание Найтоном лающих звуков, издаваемых пострадавшими в 1340 году, навело Николса, автора *Истории Лестершира* [123], на мысль сравнить их со случаями, расследованными доктором Фрейндом в 1700 году в деревне Блэкторн в Оксфордшире. Летом того же года до доктора Фрейнда дошел громкий слух о том, что некоторые девушки в той оксфордширской деревне часто лаяли, как собаки, и он отправился туда, чтобы расследовать эти случаи [124].

Он обнаружил, что этот мор или чума поразила две семьи в деревне, находившиеся в близких отношениях друг с другом. Особо упоминаются две или три девочки в каждой семье: с интервалом в несколько часов у них возникали спазмы шеи и рта, сопровождавшиеся громкими криками; судорожные движения усиливались до кульминации, когда жертвы падали обессиленными. Припадки продолжались в течение нескольких недель и появились во второй семье через значительный промежуток времени после первой. Симптомы, сказал Фрейнд, были теми же, что были описаны Зайделиусом — перекошенный рот, неуместная работа языком и звуки, издаваемые, похожие на лай. Он не нашел в симптомах девочек ничего, что нельзя было бы отнести к разновидности танца Святого Витта или к истерии, при которой иногда наблюдаются недомогания, смех, вой и биение в грудь, а также спазматические движения шеи и конечностей.

Остается открытым вопрос, были ли случаи 1700 года в оксфордширской деревне, если предположить, что прочтение их доктором Фрейндом верно, такими же иллюстративными к вспышке 1340 года, как случаи 1702 года в Ланкашире и Чешире, которые, вероятно, были слишком многочисленными и слишком осложненными симптомами материального токсического расстройства, чтобы их можно было объяснить как истерические. Действительно, возникает более важный вопрос, не могли ли так называемые психопатии средневековья и

более поздних периодов иметь своим началом, по крайней мере, некоторые токсичные свойства основных продуктов питания. Воображение легко фиксируется на таких симптомах, как пена у рта и лающие звуки, превозносит эти явления над более глубокими симптомами, которые мог бы обнаружить врач, и находит простое объяснение всему сложному припадку как одержимости демонами или, говоря современным языком, как психопатии. Не ставя под сомнение субъективный или имитационный характер многих вспышек, которые были отнесены к истерии, возможно, было бы неплохо использовать некоторую дискриминацию, прежде чем мы полностью исключим элемент материального отравления, такой как спорынья в основных продуктах питания, особенно в случае широко распространенных истерических эпидемий в Швеции, стране, также подверженной эрготизму[125].

Эти примеры восемнадцатого века были приведены для иллюстрации рассказа Найтона об эпидемии 1340 года. Следующая странная вспышка четырнадцатого века зарегистрирована историком Сент-Олбанса (“Уолсингемом”) менее чем за год между 1361 и 1365 годами, вероятно, в 1362 году. Как и многие другие средневековые записи об эпидемических заболеваниях, это скудное и путаное утверждение: “Многие умерли от летаргической болезни, предвещавшей многим беды; многие женщины также умерли от флюса; и был общий падеж скота[126]”. Наряду с этой загадочной записью, мы можем взять последнюю в том роде, которая нас здесь интересует. В Кембридже в 1389 году произошла эпидемия “френсии”; она описывается как “великая и грозная эпидемия, возникшая внезапно, и при которой люди были внезапно поражены болезнью френсии разума, умирая без *виатикума* в бессознательном состоянии”[127]. Названия френсия и летаргия встречаются в рукописных медицинских трактатах того времени в главах, посвященных болезням мозга и нервов[128]; строго говоря, это названия симптомов, а не форм или типов заболеваний, и их можно свободно использовать для обозначения различных болезненных состояний, которые имеют мало общего. Летаргия в некоторых случаях может быть названием комы при лихорадке или паралитического инсульта; френсия может быть настоящей манией, или это может быть бред при чуме или сыпном тифе. Утверждается, что у ряда людей в 1362 году была “летаргия”, как во время эпидемии, что бы ни означала странная фраза “многочисленные пророки удачи”; и “помрачение рассудка”, от которого многие внезапно умерли в Кембридже в 1389 году, не выглядит так, как если бы оно было симптомом чумы или морной лихорадки. Рассудительный читатель сделает все, что сможет, из этих разочаровывающе скудных подробностей. Но для его справки можно добавить, что французские отчеты об эрготизме 1676 года сообщают об одном из ядовитых эффектов как о “вызывающем иногда зловерные лихорадки, сопровождающиеся сонливостью и бредом”, что может обозначать летаргию и френсис; также, что не всегда было легко во время эпидемии среди крестьян после неурожая отличить случаи эрготизма от случаев тифа, контрактуры конечностей, которые кажутся столь характерными для эрготизма, были описаны также для несомненных случаев тифа[129].

Были ли эти аномальные эпидемии в средневековой Англии случаями конвульсивного эрготизма или нет, в английских записях в целом отсутствуют свидетельства о таких широко распространенных и частых бедствиях из-за отравленного урожая, которые характерны для французских летописей того же периода. Одной из причин нашего иммунитета, возможно, было то, что зерно было лучше выращено; другая причина, безусловно, заключается в том, что рожь была сравнительно редкой культурой в Англии, предпочитали пшеничный хлеб, хотя хлеб, приготовленный из бобов и ячменя, не был редкостью. Торольд Роджерс говорит: “Рожь возделывалась скудно. Редкая культура во многих поместьях, обычно ее сеют в немногих. Его

регулярно сеют в Кембриджшире и некоторых других восточных графствах. По мере прохождения рассматриваемого нами периода [1259-1400] он становится все более редким, и, как будет видно ниже, некоторые из более поздних лет этого расследования не содержат записей о его покупке и продаже[130].” Но из записей в хрониках, особенно о том самом периоде четырнадцатого века, к которому относятся три эпидемии, наводящие на мысль об эрготизме, ясно, что английские крестьяне страдали от ядовитого воздействия испорченных продуктов, даже если они мало пострадали от побегов ржи. Таким образом, под 1383 годом в истории, известной как история Уолсингема, есть безошибочное упоминание о многих смертельных случаях, а также серьезных заболеваниях, вызванных употреблением в пищу поврежденных фруктов[131]. Опять же, под 1391 годом говорится, что это был “тяжелый год для бедняков из-за нехватки фруктов, которая длилась уже два года; поэтому случилось так, что во время появления орехов и яблок многие бедняки умерли от дизентерии, вызванной их употреблением в пищу; и эпидемия была бы еще сильнее, если бы не похвальное усердие мэра Лондона, который распорядился доставлять кукурузу в Лондон из-за моря”[132].

Общие сведения о средневековом голоде в Англии.

Подводя итог английским эпидемиям средневекового периода, мы обнаруживаем, что они включали обычные формы таких заболеваний — пятнистую лихорадку, похожую на сыпной тиф, дизентерию, лиентерию или слабость (такая, которая впоследствии часто сопровождала сыпной тиф или голодную лихорадку в Ирландии), и гнилостную ангину. Мы можем обоснованно заключить, что некоторые из этих последствий были вызваны испорченным зерном и фруктами, а также абсолютной нуждой; например, урожай 1258 года сгнил на земле, и все же заплесневелая кукуруза продавалась по голодным ценам. Учитывая все эти записи оголоде и сопутствующих ему заболеваний в Англии, важно отметить, что существует мало указаний на эрготизм. Невосприимчивость Англии к эрготизму при таком количестве случаев голода, как показывают анналы, могла быть только потому, что выращивалось мало ржи и употреблялось мало черного хлеба. Уровень жизни, по-видимому, был выше среди английского крестьянства, чем среди французского. Неурожай, тем более два неурожая подряд, заставили их, возможно, острее ощутить укол голода, чем если бы они привыкли к более умеренному рациону ржаного хлеба. Отсюда несколько парадоксальное, но, несомненно, верное высказывание средневековья — “Англорум фамес, Франкорум игнис”. Это высказывание на самом деле означает не то, что Англия была бедной страной, что было бы абсурдной репутацией, если бы иностранцы закрепили за ней такую репутацию; но то, что англичане были подвержены чередующимся периодам изобилия и нехватки, переизбытка и голода. Самым ранним английским произведением, полностью и конкретно описывающим социальное положение страны, является поэма четырнадцатого века “Видение пахаря Пирса”. Несколько отрывков из этого стихотворения будут полезны, чтобы пролить свет на голод в Англии, прежде чем мы окончательно покинем период, для которого он характерен.

Поэма Лэнгленда описывает социальное состояние Англии в особых обстоятельствах, а именно после потрясений, вызванных Великой смертностью 1349 года; и в этом отношении она представляет интерес для нашей темы, которая будет рассмотрена в более поздней главе. Но в той мере, в какой это иллюстрирует чередование периодов изобилия и дефицита, видение средневековой Англии интересует нас здесь, прежде чем мы оставим тему голода-эпидемий.

Средний трудолюбивый пахарь, представленный самим Пирсом, живет вполне трезво, пока Ламмас не приходит в себя[133]:—

- У меня нет ни пенни, ни куропаток, ни молодки, чтобы купить,
Ни гусей, ни поросят, но есть два зеленых сыра,
немного крекеров со сливками и кекс с гарниром,
И две лепешки с фасолью и отрубями для моих любимцев.
И все же, клянусь душой, у меня нет ни соленого бекона,
Ни, клянусь Христом, биточков соокенеу для приготовления.
И у меня есть персил, и поретты, и много сельскохозяйственных животных,
А еще у меня есть корова, теленок и ломовая кобыла
, чтобы возить в поле мой навоз, пока длится засуха.
И благодаря этому способу я не доживу до праздника ламмас;
И благодаря этому я надеюсь собрать урожай на своем участке;
И тогда я смогу приготовить тебе обед, как пожелает моя дорогая ”.

Некоторым приходится хуже, чем пахарю в период перед уборкой урожая:

“Все бедняки, которые ходили за песекотдом, приносили
фасоль и печеные яблоки, которые они приносили в своих лепешках,
Чиболе, кервели и много спелых вишен”,
И преподносили Пирсу этот подарок, чтобы он утолил Голод.
Весь Голод съел в спешке и набросился на добавку.
Тогда бедняки из страха накормили Голодранца
зеленым перцем и песеном, чтобы отравить Голод, как они думали.
Судя по тому, что приближалась ночь сбора урожая, новая кукуруза подходила к колке.
Тогда народ упал в обморок и утолил Голод лучшим,
добрым элем, как учил обжора, а герте Голод отправилась спать.
И хотя бы он не работал впустую, а бродил без дела,
Ни один нищий не ест хлеба, в котором были бобы,
только из кокета, или клементина, или еще из чистой пшеницы;
Ни в одном другом напитке нет эля за полпенни,
но из самого лучшего и коричневого, что есть в городе на продажу.
Рабочие, у которых нет земли, на которой можно жить, кроме своих рук,
не соизволили пообедать ни разу в день старым вортесом.
Пусть они не заплатят ни пенни за эль, ни за кусок бекона,
Но если это будет свежее мясо, другая рыба, жареная или запеченная ”.

Расточитель, находящийся сейчас в поре изобилия, начинает злоупотреблять Статутом Трудящихся:

“А потом проклял он короля и весь его совет за то, что они
нарушили Такие законы, огорчили рабочих.
Но пока Голод был их хозяином, никто из них не упрекал
И не боролся против его устава, так сурово он выглядел.
И я предупреждаю вас, рабочие, добывайте, пока косите,
Ибо Голод до сих пор быстро подстегивает его.
Он проснется с расточителями воды для наказания.

Прежде чем исполнится пять лет, начнется такой голод,
Из-за наводнений и непогоды плоды погибнут.
Так сказал Сатурн и послал тебя предупредить...
Тогда смерть отступит, и недостаток будет справедливым,
И дайкер умрет с голоду,
Но если Бог по своей доброте дарует нам перемирие”.

Он предлагает накормить ленивых расточителей фасолью:

“И если конюхи недовольны, прикажи им отправиться в свинк,
И он отведаст чего послаще, когда заслужит”.

Пахарь спрашивает у Голода, почему и он сам, и его слуги не могут работать:

- Я хорошо знаю, квод Алчуший, какая у тебя болезнь.
Ты слишком много пережил, и это заставляет тебя стонать...
Пусть сэр Пресыщение не сидит за твоим столом...
И если твоя диета будет такой, я осмелюсь прислушаться,
Что Лекари будут продавать свои меховые капюшоны за еду,
И свой калабрийский плащ со всеми мешками золота,
И буду рад, клянусь верой, позволить ему это лекарство,
И научиться работать на земле, ибо жизнь сладка:
Для убийц много пиявок, Господь их исправит!
Мужчины убивают из-за выпивки, или так было бы предначертано судьбой.
Клянусь Святым Полем, квод Пирс, это невыгодные слова.

В другом месте менестрель Хокин признается в обжорстве:

“И съел и выпил больше мяса, чем могла переварить природа,
И в какой-то момент заболел из-за частого переедания”.

Любовь к лучшей еде и ее обилию, когда ее можно было съесть, явно была чертой характера англичан с самых ранних времен. И наоборот, бережливость, по-видимому, не была добродетелью или милостью рабочего класса в Англии. Таким образом, неурожай привел к повсеместному дефициту, а два неурожая привели к голоду, а голод - к эпидемиям. Контрасты были резкими, потому что уровень жизни был высоким. И хотя, по крайней мере, три голодомора в Англии были позорными для такой богатой страны и, вероятно, послужили поводом для упреков иностранцев в “английской фамилии”, все же важным фактом остается то, что болезни европейского крестьянства, которая является вернейшим показателем неполноценного питания, а именно эрготизму, почти нет места в наших анналах болезней.

ГЛАВА II.

ПРОКАЗА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ Британии.

История проказы в Британии вряд ли может быть историей только проказы, но и этой болезни наряду с другими, которые были либо ошибочно приняты за нее, либо удобно и эвфемистически включены в нее. То, что в стране была проказа, несомненно; но столь же несомненно, что существовала *lues venerea*; что последнее, как первичное поражение, вело анонимное существование или называлось *lepra* или *morphea*, если это вообще как-то называлось; что отдаленные последствия *lues* не были известны как таковые, поскольку принимались за отдельные или первоначальные последствия расстройства со стороны гуморальной системы и, следовательно, относились к тому же общему классу, что и проявления проказы; и что народные и клерикальные представления о проказе были слишком суеверными и неточными, даже если это и называлось как-то иначе. диагностическая цель была более решительной, чем это было на самом деле, - позволить сколь-нибудь четко отделить прокаженных от сифилитиков, не говоря уже об их отделении от бедных жертв волчанки и рака лица, золотушных потечков или запущенных кожных высыпаний, более отталкивающих глаз, чем серьезных по своей природе. Я приведу некоторые доказательства каждого из этих утверждений — в качестве важного предварительного шага к правильному обращению с историческими записями о британской проказе.

Проказа в средневековых медицинских трактатах.

Картина истинной проказы, представленная в средневековых трактатах по медицине, безошибочна. Есть два систематических автора о 1300 году, которые оставили лучший отчет об этом, чем арабские авторы, у которых они в основном копировали. В то время как авторы, о которых идет речь, перенесли целые главы без изменений из Авиценны, Разеса и Теодориха, они улучшили свои модели в стандартной главе 'Де Лепра'. Так случилось, что эти два писателя, Бернард Гордонио и Гильбертус Англикус, носят имена, которые были взяты для обозначения британской национальности, и картина проказы, созданная последним, фактически была представлена как современный отчет о болезни, наблюдаемой в Англии[134]. Гордонио был профессором в Монпелье, и его опыт и ученость являются чисто иностранными. Обстоятельства жизни Гилберта англичанина не так хорошо известны; но с достаточной долей уверенности можно сказать, что он не был, как часто предполагают, Гилбертом Лэнгли, Гилбертом де л'Эглем или Гилбертом де Аквиллой, который был врачом Хьюберта, архиепископа Кентерберийского († 13 июля 1205 г.)[135], будучи учеником в Салерно во времена Эгидия Корбейского (около 1180 г.). Трактат Гильберта Англикуса несет в себе внутренние свидетельства более позднего века и школы; он отличается методичностью и всесторонностью и почти в точности повторяет "*Lilium Medicinae*" Гордонио, дата публикации которого в Монпелье с некоторой точностью известна с 1285 по 1307 год. Будущие исследования, возможно, позволят выяснить, где Гилберт преподавал или был обучен; между тем мы можем с уверенностью предположить, что его ученость и система имели иностранный оттенок. Автором медицинской литературы того времени в Англии был Джон из Гаддесдена, упомянутый в конце предыдущей главы; он является простым плагиатом, и одно или два оригинальных замечания в его главе "Де Лепра" почти оправдывают эпитет "глупый", который применил к нему Ги де Шолиак.

Хотя мы не можем обратиться к Жильбертусу Англикусу за опытом изучения английского языка, как и к его *alter ego*, Гордонио, все же мы можем предположить, что картина проказы, которую они дают, могла быть нарисована в Англии, а также в Италии или в Провансе. Условия были практически одинаковыми во всем христианском мире; истинная проказа любой части средневековой Европы - это истинная проказа всей.

Портрет Гилберта[136], как мы уже говорили, ни с чем не спутаешь, и то же самое можно сказать о портрете Бернарда[137]— брови обнажаются и становятся узловатыми с неровными бугорками, нос и другие черты лица становятся толстыми, грубыми и бугристыми, лицо теряет подвижность или игру выражений, хриплый голос, руки теряют чувствительность, и в конечном итоге прокаженные наросты или *naufragium* распадаются на зловонные кровоточащие язвы. Перечисление нервных симптомов, которые в настоящее время признаны основополагающими в патологии проказы, показывает, что Гилберт не скрывал этого. Среди “общих признаков лепры” он упоминает такие формы гиперестезии, как *formicatio* (ползание муравьев) и ощущение “иголок и укулов”; а в качестве способа обезболивания он говорит о потере чувствительности от мизинца до локтя, а также в открытых частях тела, где появляются побледневшие пятна или утолщения — лоб, щеки, брови, к которым он добавляет язык. Вся глава Жильбера “О лепре” является очевидным улучшением по сравнению с соответствующей главой Авиценны, который говорит, что *лепра* - это рак всего тела, при этом рак является *проказой* отдельного члена, и, вероятно, путает волчанку с проказой, когда описывает, что хрящи носа разъедены в последнем, а ноздри разрушены тем же видом *науфрейгуума*, что и пальцы рук и ног. Все изучающие историю или клинические проявления проказы, от Ги де Шолиака, писавшего около 1350 года, до Хенслера и Шпренгеля, признали в рассказе Жильбера и Бернарда о ней признаки наблюдения из первых рук; так что мы можем без дальнейших споров принять, что проказа, при правильном диагнозе, была болезнью Европы и Британии в средние века.

Зайдя так далеко, мы подходим к области почти неразрешимой путаницы, области секретности и мистификации, а также к настоящему современному невежеству. Лучше всего мы можем подойти к этому с помощью одного или двух отрывков из самих Гилберта и Гордонио. Систематическое использование *лепры* в их трудах - это одно, а их более конкретные замечания об условиях ее происхождения, поводах или обстоятельствах - совсем другое. Что мы должны делать с такого рода проказой?—“In hoc genere, causa est accessus ad mulierem ad quam accessit prius leprosus; et corrumpit velocius vir sanus quam mulier a leproso.... Et penetrant [venena] in nervos calidos et arterias et venas viriles, et inficiunt spiritus et bubones, et hoc velocius si mulier,” etc. Or to quote Gilbert again: “Ex accessu ad mulieres, diximus superius, lepram in plerisque generari post coitûs leprosos[138].” Or in Gordonio: “Et provenit [lepra] etiam ex nimia confibulatione cum leprosis, et ex coitu cum leprosa, et qui jacuit cum muliere cum qua jacuit leprosus[139].” То, что эти обстоятельства заражения *лепрой* не были просто словесными теоретизированиями, вдохновленными патологией того времени и которые теперь можно отбросить, очевидно из *истории* или случая, который Гордонио вводит в свой текст. “Я расскажу, что произошло”, - говорит он; и затем переходит к следующей связи:[140]

“Quaedam comtissa venit leprosa ad Montem Pessulanum [Montpellier], et erat in fine in cura mea; et quidam Baccalarius in medicina ministrabat ei, et jacuit cum ea, et impregnavit eam, et perfectissime leprosus factus est.” Поэтому счастлив тот, добавляет он, кто учится осторожности на рисках других.

Здесь у нас есть достаточно свидетельств, датируемых началом четырнадцатого века, о болезни, называемой *лепрой*, которая не соответствует условиям проказы в том виде, в каком мы их сейчас понимаем. Такая же путаница между проказой и *венерической болезнью* преобладала на протяжении всего средневекового периода. Так, в единственном известном случае сурового эдикта против прокаженных в Англии - ордене Эдуарда III. мэру и шерифам Лондона в 1346 г.[141]приводятся причины изгнания прокаженных из Города, среди прочего, потому, что они передают свою болезнь “через плотские сношения с женщинами в тушеных блюдах и других тайных местах” и через их загрязненное дыхание. Давным-давно Беккет указал в своей статье о древности *венерической болезни*[142], что загрязненное дыхание было характерно для последней, но не для проказы. Конечно, загрязнение их дыхания могло означать не более чем теоретическое обоснование книг (как в книге Гилберта, где дыхание прокаженных, а также простой их вид, как говорят, вызывают болезнь, стр. 337), но дыхание, вероятно, было неприятным в более реальном смысле, точно так же, как мы знаем из дела Гордонио в Монпелье, что другой предполагаемый источник “прокаженной” инфекции был не просто теоретическим выводом. Когда средневековый период подошел к концу, было обнаружено, что в лепрозориях (во Франции) содержится множество случаев, обычно называемых прокаженными; и примерно в то же время, в 1488 году, эдикт того же содержания, что и лондонский Эдуарда III от 1346 года, был издан мэром Парижа против *лепре* этого города. 1488 год настолько близок к вспышке эпидемии *галльской болезни* во время французских кампаний на итальянской земле в 1494-95 годах, что историк без колебаний приписал это внезапное повторное появление прокаженной инфекции в государственном заявлении реальному распространению уже в Париже заразной болезни, о которой несколько лет спустя стало известно в самых отдаленных уголках Европы[143].

нетрудно найти доказательства из средневековых английских записей о распространенности *венерической болезни*, которая не скрывалась под эвфемистическим или ошибочным диагнозом “проказы”. Примеры очень плохого рода, подтвержденные именами людей, приведены в “*Liber Veritatum*” Гаскойна под датой 1433 года[144].

В средневековых учебниках Авиценны, Гильберта и других неизменно встречаются параграфы о *пустулах и апостематических девах*. В единственной оригинальной английской медицинской работе того времени, написанной Джоном Ардерном, который практиковал в Ньюарке с 1349 по 1370 год, а затем переехал в Лондон, описаны явления, которые не могут означать ничего другого, как кондиломы[145]. Из рукописной рецептурной книги средневекового периода, хранящейся в Британском музее, я собрал несколько рецептов (или их заголовков), которые относятся, как гласит указатель более поздней даты, помещенный перед рукописью, к “старой оспе”[146].

Некоторые отказываются видеть в таких случаях какое-либо реальное соответствие современным формам сифилиса, поскольку описываются только местные эффекты и не прослеживаются конституциональные последствия. Но в те времена никто не думал о первичном очаге инфекции с ее более отдаленными последствиями в целом, в случае какого бы то ни было заболевания. Даже во время великой эпидемии сифилиса в конце пятнадцатого века последовательность первичного и вторичного (третичные были неслышанны еще долгое время спустя) сначала не была понята; сыпь на коже, которую сравнивали с плохой разновидностью натуральной оспы, вздутия головы и костей в других местах, вместе со всеми другими конституциональными или общими симптомами, добросовестно были отнесены к нарушенной

печени, органу, который был теоретически выбран в качестве *минера морби* или лаборатории болезни[147]. Обстоятельства великой эпидемии были, конечно, особыми, но они не были совершенно новыми. Никакое средневековое чудо не могло бы в большей степени нарушить порядок природы, чем то, что *luxuria, immunditia* и *foeditas*, с сопутствующим им *corruptio membrorum*, должны были быть свободны от тех последствий для индивида и общества, которые более привычны в наши не менее чистые дни просто потому, что последовательность событий лучше понятна. Тому, что подобные пороки изобиловали в средневековом мире, у нас есть достаточно доказательств. Они были печально известны среди норманнских завоевателей Англии, особенно печально известны в правление Уильяма Руфуса[148]; отсюда, возможно, значение фразы *lepra Normannorum*. Этот конкретный порок, приравняемый к уголовному преступлению, был предметом шестого обвинения (недоказанного) в обвинительном заключении ордена тамплиеров перед папой Климентом V. в 1307 году. Последствия для общественного здравоохранения, обусловленные такими причинами, по большей части, *sub rosa*, часто ощущались в истории народов, начиная с библейского эпизода с Ваал-фегором и заканчивая современностью. Доказательства широко изложены в работах Аструка, Хенслера и Розенбаума. Нас здесь интересует гораздо меньший вопрос, а именно, любые свидетельства из Англии, которые могут пролить свет на категории случаев, которые были названы прокаженными, если их вообще называли каким-либо именем.

Под 1258 годом Мэтью Пэрис вводит особый абзац, озаглавленный “Епископ Херефордский, сраженный полипом”. Епископ, провансалец, сделал себя неприятным из-за своего предательского поведения в качестве агента Генриха III. в Святом Престоле по делу об английских субсидиях папе римскому. Соответственно, по справедливости Божьей он был изуродован самой постыдной болезнью, а именно *морфеей*, или, опять же, “*morphea polipo, vel quadam specie leprae*”[149]. Согласно медицинскому учению того времени, как мы находим это у Гильберта Английского, *морфея* была инфекцией, вызывающей изменение естественного цвета кожи; она была ограничена кожей, тогда как *проказа* была и во плоти; первое было излечимо, второе неизлечимо; *морфея* могла быть белой, красной или черной[150]. Рассказ Гордонио о *морфее* несколько полнее. Все, говорит он, что является причиной *проказы*, является причиной *морфеи*; так что то, что находится во плоти *прокаженного* является *морфеей* в коже. Это было пятнистое изменение цвета кожи, красноватое, желтоватое, беловатое, темное или черное, вызывающее *terribilis aspectus*; излечимо, если недавно, неизлечимо, если длительное; излечимо также, если средней степени, но трудно излечимо, если большой степени[151]. В этом описании Гордонио, современного французского писателя о проказе[152], раскрываются классические признаки сифилиса наших дней: “нет недостатка ни в одном признаке”.

Несомненно, авторы-медики проводили различие между *морфеей* и *лепрой*, как мы видели, цитируя Гилберта и Гордонио. Гаддесден также, который в основном копирует их, вставляет сюда оригинальное замечание. Никто не должен быть признан больным проказой, говорит он, и отделен от своих собратьев только потому, что “фигура и очертания” (общепринятое выражение) лица испорчены: болезнь может быть “чесоткой фоеда”, а если на ногах, то это может быть “рак”. Узелки или бугорки не следует воспринимать как заболевание проказой, если только они не подтверждены (застарелые) на лице[153]. Но насколько неопределенны эти диагностические показания, например, между *лепрой* и *морфеей*, *лепрой* и “чесоткой фоеда”, *лепрой* и “раком в родильном доме”! Если бы существовала какая-то цель в том, чтобы называть болезнь одним именем, а не другим, то ясно, что одна и та же болезнь могла бы быть названа эвфемизмом в одном случае и термином, предназначенным для порицания, в другом. Хотя

проказа, как правило, не была болезнью, которую кому-либо хотелось бы приписать, все же были обстоятельства, когда диагноз проказы имел свои преимущества. Нищему или бродяге было полезно, когда его называли прокаженным: он вызывал бы больше жалости, его могли бы поместить в больницу, и он мог бы просить милостыню в соответствии с королевской привилегией, хотя попрошайничество в обычных условиях каралось. Возможно также, что диагноз "проказа" был удобен мужчинам, занимавшим видные посты в Церкви и государстве. Крайне маловероятно, что "норманнская лепра" была сплошь проказой; абсурдно предполагать, что проказа стала обычным явлением в Европе из-за того, что вернувшиеся крестоносцы занесли ее с Востока, как будто проказа могла быть "занесена" каким-либо таким способом; и нелегко прийти к уверенности, что все случаи проказы у принцев и других высокопоставленных особ (Болдуин IV. Иерусалима, умершего в возрасте двадцати пяти лет,^[154] Роберт Брюс Шотландский,^[155] и Генрих IV. из Англии^[156]) были случаи, которым теперь был бы поставлен диагноз "прокаженный".

Можно привести примеры, показывающие, что имя прокаженного было произнесено несколько случайно. Так, в эдикте, изданном Генрихом II во время отсутствия Бекета за границей для урегулирования его ссоры с королем, было постановлено, что любому, кто привезет в страну документы, относящиеся к угрожаемому папскому интердикту, следует отрезать ноги, если он обычный священнослужитель, выколоть глаза, если светский служащий, повесить, если мирянин, и сжечь, если у него *проказа*, то есть скажем, нищему или бродяге. Опять же, в обвинениях, выдвинутых Генрихом III против могущественного министра Хьюберта де Бурга в 1239 году, одним из пунктов является то, что он предотвратил брак господина нашего короля с некой благородной дамой, представив последней и ее опекуну, что король был "косоглазым, и глупцом, и ни на что не годным, и что у него было что-то вроде проказы, и что он был обманщиком, и клятвопреступником, и большим трусом, чем любая женщина"^[157] и т.д.

Существует также любопытный пример применения термина "прокаженный" к шотландцам, очевидно, в том смысле, в каком Уильям Малмсберийский и многие другие после него подтрунивали над этим народом из-за его кожных недугов. Когда Черная смерть 1348-1399 годов достигла северных графств Англии, шотландцы воспользовались своим распростертым положением, чтобы собраться в лесу Селкирк для вторжения, ликуя по поводу "грязной смерти Англии". Найтон говорит, что там их настигла чума, что пять тысяч из них умерли, и что их разгром был завершен нападением англичан^[158]. Но другой современный летописец "Черной смерти", Джеффри ле Бейкер^[159], рассказывает эту историю с любопытным отличием. Шотландцы, говорит он, клянясь подлой смертью англичан, перешли от крайнего ликования к крайнему горю; меч Божьего гнева был поднят над англичанами и в своей ярости обрушился на шотландцев "et [Scotos] per lepram, nec minus quam Anglicos per apostemata et pustulos, mactavit". *Apostemata* и *pustuli* действительно были правильно названными бубонами, фурункулами и карбункулами чумы; но что такое *the проказа* у шотландцев? Вероятно, это было расплывчатое ругательство; но, если клерк из Осни придавал ему какое-либо значение, ясно, что он не видел ничего невероятного в болезни под названием *лепра*, возникшей внезапно и распространившейся среди множества людей.

Таким образом, мы приходим к выводу, что *лепра* был термином, используемым в общем смысле из-за реальной неопределенности диагноза, или потому, что можно было получить какое-то преимущество от того, что его называли *проказой*, или потому, что им пользовались наугад. Но есть еще одна причина неточного использования терминов *проказа* и *лепрос* в

средневековый период, а именно доминирующее влияние религиозной традиции. Унаследованные или усилившиеся религиозные чувства не только исказили правильное использование названия, но и привели к введению правил и запретов, которые были неуместны даже для настоящей болезни.

Библейские ассоциации с проказой.

Среди синонимов *проказы* мы находим термины “нищие Христа”, а именно Лазарес, название “христовы нищие”, данное прокаженным Элредом в двенадцатом веке и Мэтью Парисом в тринадцатом. Ассоциация идей с Лазарем - хороший пример отсутствия дискриминации во всем, что относится к средневековой проказе. Лазарь из Евангелия от святого Луки, который был положен у ворот богача, весь в язвах, является репрезентативной личностью, существующей только в притче. С другой стороны, Лазарь из Евангелия от Святого Иоанна, Лазарь из Вифании, брат Марфы и Марии, человек со многими друзьями, является одновременно историческим персонажем и святым в календаре. Но нет ничего, что указывало бы на то, что он был прокаженным. У него был замечательный опыт возвращения к дневному свету, и, вероятно, именно из-за эпизода в его жизни, вызвавшего столько разговоров, он получил посмертно имя Лазарь, или “помощник Божий”^[160]. Имя человека из притчи также является общим, таким же общим, как и имя его контрастных Погружений; но конкретно между одним Лазарем и другим не было ничего общего. Однако святой Лазарь, специально названный братом Марфы и Марии (как в уставе лепрозория в Шерберне), стал покровителем прокаженных. Приписывание Лазарю из Вифании болезни Лазаря в притче во многом повысило престиж болезни последнего; в средневековом мире это окружало всех людей, полных язв, ореолом святости, как в особом смысле “*pauperes Christi*”, преемников одновременно того, кого любил Иисус, и “Лазаря изъязвленного”. Несомненно, прокаженные заслужили всю ту милостыню, которую им оказывали; но нам нелегко будет понять исключительный интерес, проявленный к ним среди обильных страданий и убожества в других формах, если мы не будем иметь в виду, что они каким-то образом стали рассматриваться как нищие Христа.

Рядом с образом Лазаря, или, скорее, составным изображением двух Лазарей, образ проказы, который наполнял воображение, был изображен в тринадцатой и четырнадцатой главах книги Левит. Эта картина еще более сложная, чем другая, и для проказы в строгом смысле она абсолютно вводит в заблуждение. Слово, переведенное как “проказа”, является общим термином для обозначения различных инфекционных заболеваний, большинство из которых излечивались в течение определенного периода, иногда не дольше недели. Умение священнослужителей различать формы инфекционных заболеваний и назначать соответствующее церемониальное лечение для каждой из них зависело от умения жрецов; у народа для всех них было одно общее название, и, кроме того, они находились в руках своих священников, которые достаточно хорошо знали, о чем идет речь. Христианская церковь относилась ко всем этим архаичным институтам восточного народа в детском духе вербального или буквального толкования, несомненно находя большую их часть бессмысленным жаргоном. Но некоторые стихи могли бы тронуть воображение и вызвать реальную и яркую картину, например, такие стихи, как следующие:

“И у прокаженного, на котором язва, одежда его должна быть разодрана, а голова непокрыта, и он должен прикрыть верхнюю губу свою и кричать: нечистый, нечистый. Во все дни, пока язва будет на нем, он будет осквернен; он нечист; он будет жить один; вне стана будет его жилище”.

Даже в этом сравнительно простом направлении очевидное предположение о том, что нечистый человек не всегда будет нечистым и что у его пребывания за пределами лагеря был определенный срок, мало что даст при чтении Священного Писания. Средневековый религиозный мир взял те части еврейского учения, которые вызвали к их пониманию, и применил их к обстоятельствам своего времени со всем усердием, насколько позволял здравый смысл общины. У нас есть ясное свидетельство влияния левитского учения о “проказе” на английскую практику в таинствах больницы для прокаженных Сент-Олбанс при Сент-Джулиане, которое будет приведено в дальнейшем.

Средневековое религиозное отношение к прокаженным.

Несколько случаев, рассказанных хронистами о прокаженных, подчеркивают этот преувеличенно религиозный взгляд на болезнь. Роджер Хоуденский сохранил следующую мифическую историю об Эдуарде Исповеднике. Направляясь однажды из своего дворца в церковь Аббатства с помпой и величием, он прошел со своей свитой вельмож и священнослужителей по улице, на которой сидел прокаженный, весь в язвах. Придворные уже собирались выгнать несчастного из королевского присутствия, когда король приказал им позволить ему сидеть там, где он был. Прокаженный, осмелев после этой уступки, обратился к королю: “Я заклинаю тебя живым Богом, возьми меня на плечи и внеси в церковь”; после чего король склонил голову и взял прокаженного к себе на плечи. И когда король уходил, он молился, чтобы Бог даровал здоровье прокаженному; и его молитва была услышана, и прокаженный выздоровел с того самого часа, восхваляя и прославляя Бога^[161].

Нас больше всего должно удивлять не чудесное завершение этого инцидента; ибо королевское прикосновение, с помощью которого Исповедник совершал свои многочисленные исцеления слепых, хромых и золотушных, продолжалось с неослабевающей добродетелью вплоть до восемнадцатого века, и, наконец, оно перешло под надзор придворных хирургов, которые были членами Королевского общества. Именно смирение коронованной особы в присутствии прокаженного характеризует религиозное чувство старого света. Ближайшим приближением к этому в наше время является омовение ног бедняков императрицей в Вене в день Тела Христова.

Похожая история, с более правдивым оттенком натуры, рассказывается о Матильде, королеве Генриха I. И так случилось, что она настолько достоверна, что мы можем верить каждому ее слову. Матильда была саксонской принцессой, дочерью Маргариты Ательинг, королевы Малькольма Кэнмора. Другим действующим лицом этой истории был ее брат Дэвид, впоследствии король Шотландии и, как и его мать, почитаемый Церковью как святой. Рассказчик - Элред, аббат Риво в Северном Райдинге Йоркшира, известный своим латинским стилем и вниманием к саксонской истории. Аббат был другом святого Давида, чьи добродетели он подробно восхваляет; об инциденте с королевой Матильдой и прокаженными он часто слышал из уст самого Давида (*quod ex ore saepe Davidis regis audivi*). Принцесса Матильда, больше похожая на свою мать, чем на отца, воспитывалась в английском монастыре под

руководством своей тети, его настоятельницы. Когда дело дошло до брака между ней и Генрихом I. Союз, который должен был примирить саксов с нормандским правлением, в голове Ансельма возник вопрос, действительно ли принцесса Матильда не приняла постриг и может ли он законно выдать ее замуж за короля. На вопрос об этом факте принцесса ответила, что она действительно носила вуаль на публике, но только для защиты от распущенной наглости нормандской знати. Ей не нравился устроенный для нее грандиозный брак, и она согласилась неохотно, хотя король был влюблен в нее. Ее смирение было таково, что Элред называет ее “Эстер нашего времени”. Свадьба состоялась 15 ноября 1100 года; а в следующем году, согласно обычно указываемой дате, молодая королева искала утешения своим религиозным инстинктам, основав больницу для прокаженных Сент-Джайлз в Филдсе, “с часовней и достаточным зданием”. Мэтью Пэрис полтора столетия спустя увидел его в том виде, в каком его построила королева Матильда, и сделал цветной набросок на полях своей страницы, до сих пор хранящейся в библиотеке Кембриджа, с описанием: “Мемориал Матильды. Реджина”.

История, которую ее брат Давид рассказал аббату Риво, такова:

Когда он в юности служил при английском дворе, однажды вечером он был со своими товарищами в своей квартире, когда королева позвала его в свои покои. Он обнаружил, что это место полно прокаженных, а королева стоит посреди него, откинув в сторону свое одеяние и опоясавшись полотенцем. Наполнив таз водой, она принялась омыwać ноги прокаженных и вытирать их полотенцем, а затем, взяв их обеими руками, преданно поцеловала. Кому ее брат: “Что ты делаешь, миледи? Несомненно, если бы король узнал об этом, он никогда бы не соизволил поцеловать своими губами твои уста, оскверненные грязью прокаженных ног”. Но она ответила с улыбкой: “Кто не знает, что ноги Вечного Короля следует предпочесть губам смертного короля? Тогда смотри, дорогой брат, зачем я призвал тебя, чтобы ты мог научиться на моем примере поступать так же. Возьми таз и сделай то, что ты видел, как я делал”. “Услышав это, - сказал Давид, рассказывая об этом аббату, - я сильно испугался и ответил, что ни в коем случае не смогу этого вынести. Ибо я еще не знал Господа, и Дух Его не был открыт мне. И пока она продолжала выполнять свою задачу, я рассмеялся —*моя вина*— и вернулся к своим товарищам^[162].

Однако пример своей сестры не остался для него незамеченным, ибо, когда он приобрел графство и поместье Хантингдон и таким образом стал богатым английским дворянином, он основал там больницу для прокаженных. Элред видит его на лоне Авраама с Лазарем.

Значение всей этой преданности прокаженным проявляется в имени, которое Элред применяет к ним —*нищие христиане*. Омывая им ноги, благочестивая Матильда, по сути, омывала ноги Вечному Королю; и это, по ее мнению, было лучше, чем целовать губы смертного короля.

Опять же, в Жизнеописании святого Гуго Линкольнского мы видим, что добрый епископ относился к больным проказой с таким вниманием, в котором они вряд ли нуждались или ожидали, просто потому, что они были, как говорит его биограф, преемниками *Лазаря Язвенного* и особыми *протеже* Иисуса. Немало людей, говорит биограф, были вынуждены жить в уединении из-за этой болезни, как мужчин, так и женщин. Епископ Хью поселялся среди них и говорил им слова ободрения, обещая им райские цветы и бессмертную корону. Отослав с дороги женщин-прокаженных, он обходил мужчин, чтобы поцеловать их, и когда он подходил к

тому, кто был более жестоко поражен болезнью, чем кто-либо другой, он заключал его в более длительные и нежные объятия. Это было слишком для биографа епископа: “Пощади, добрый Иисус, несчастную душу того, кто рассказывает об этих вещах” — по его словам, он пришел в ужас, увидев “опухшие и мертвенно-бледные лица, изуродованные и здравомыслящие, с вывернутыми веками, выколотыми глазными яблоками и опустошенными губами, лица, к которым невозможно было прикоснуться вблизи или даже увидеть издали[163]”. Но эти ужасные уродства лица ни в коем случае не являются отличительными признаками проказы. Оттягивание век вниз является следствием проказы, но с такой же вероятностью может наблюдаться при волчанке или язве у грызунов. Потеря глазного яблока может быть признаком проказы или, возможно, следствием опухоли. Опускание губ является характерным признаком волчанки после образования рубцов или при фактической потере вещества эпителиального рака; с другой стороны, при проказе губы, а также другие выступающие складки лица утолщаются и, вероятно, останутся утолщенными до конца. Страдальцы, вызвавшие сострадание святого Гуго, должно быть, заслуживали этого; только не все они были прокаженными и, вероятно, не большинство из них[164].

В честь святого Франциска Ассизского рассказаны две истории о прокаженных. Увидев однажды монаха своего ордена по имени Джеймс Симпл, общающегося по дороге в церковь с прокаженным из больницы, находящейся на его попечении, святой Франциск упрекнул монаха за то, что тот позволил прокаженному разгуливать на свободе. Делая монаху такое замечание, он подумал, что заметил, как покраснел прокаженный, и внезапно почувствовал угрызения совести из-за того, что сказал что-то, что могло оскорбить чувства несчастного. Исповедавшись и посоветовавшись, он решил в качестве епитимьи сесть рядом с прокаженным за стол и есть с ним из одного блюда, епитимья тем более тяжкая, как говорит биограф, что прокаженный был весь покрыт отвратительными язвами и что кровь и соки стекали по его пальцам, когда он макал их в блюдо. Другая история более приятна. Среди тех, за кем ухаживали монахи, был некий прокаженный, который, судя по его описанию, принадлежал к разряду отъявленных самозванцев, что усугублялось нездоровым вниманием, с которым относились к его болезни, или предполагаемой болезни. Одной из его жалоб было то, что никто не хотел его мыть; после чего святой Франциск, приказав монаху принести таз с ароматизированной водой, приступил к омовению прокаженного собственными руками[165].

Эти четыре истории, все они повествуют о святых, за исключением истории Матильды — она каким-то образом не была канонизирована вместе со своей матерью святой Маргаритой и братом святым Давидом, — помогут показать, какой ореол болезненного преувеличения окружал идею проказы в средневековом религиозном сознании. Мы живем во времена более здоровых и уравновешенных чувств; но критический дух, который представил многое другое в трезвом свете, пощадил средневековую традицию проказы. Не только это, но и то, что наши авторы-графики выдвинули эту болезнь на передний план в средневековье, как если бы она была самым распространенным недугом того времени. Нас учат видеть фигуры прокаженных в их серых или красновато-коричневых одеждах, мелькающих повсюду на сцене; воздух тех далеких времен как будто наполнен глухим поскрипыванием погребушки святого Лазаря. Наша задача здесь состоит в том, чтобы применить к вопросу о проказе в средневековой Британии тот же подход, который был применен к вопросу о голоде и моровых лихорадках, и который еще предстоит применить к великому вопросу о чуме - подход, от которого не был бы освобожден ни один историк, если бы его дело касалось политики, или кампаний, или экономики, или манер и

обычаев. Лучшим доступным доказательством для нашей цели является история лепрозориев, к которой мы сейчас и перейдем.

Английские лепрозории.

Число английских благотворительных фондов или больниц всех видов, существовавших до роспуска монастырей, включая богадельни, лазареты, Мезон-Дье и лазареты, составляет пятьсот девять в указателе *Notitia Monastica епископа Таннера*. В издании 1830 года *Monasticon Anglicanum*, последней редакции этих огромных томов антикварных исследований, приводится сто четыре таких фонда, для которых известны оригинальные уставы, или подтверждающие уставы, или отчеты инквизиции; и, помимо них, в разделе “Дополнительные больницы” приведено около трехсот шестидесяти, существование и обстоятельства которых основаны на таких свидетельствах, как случайные упоминания в старых документах, или записи в монастырских анналах, или сохранившиеся названия и традиции местности. Наша задача - выяснить, если сможем, какая доля этой благотворительной помощи в средневековой Англии, охватывающей по меньшей мере четыреста шестьдесят домов, предназначалась для класса *прокаженных*; какие имеются указания на то, к какому типу пациентов относились *прокаженные*; сколько больных было в лепрозориях, абсолютно, а также пропорционально их духовному персоналу; и насколько люди пользовались спросом на эти убежища либо из-за естественного желания найти убежище, либо из-за социального давления на них, чтобы они не попадались им на глаза.

Ясно, что благотворительные больницы средневековой Англии ни в коем случае не были лечебницами для прокаженных, а общим учреждением, подчинявшимся религиозной дисциплине, для немощных бедняков, для немощных и немощных монахов и духовенства, а кое-где и для опустившихся дворян. Самая ранняя из известных больниц, больница Святого Петра и Святого Леонарда в Йорке, основанная в 936 году королем Ательстаном и расширенная, особенно в религиозном плане, королем Стефаном, была крупным учреждением для помощи бедным, без какого-либо отношения к прокаже; она рассчитана не менее чем на двести шесть постельничих, и обслуживалась мастером, тринадцатью братьями, четырьмя мирянами, восемью сестрами, тридцатью певчими и шестью слугами. Когда Ланфранк, первый нормандский архиепископ Кентерберийский, приступил к организации благотворительной помощи своему престолу в 1084 году, он пожертвовал две больницы: одну для больных и немощных бедняков в целом, а другую для *прокаженных* [166]. Первая, больница Святого Иоанна Крестителя, находилась у северных ворот, в просторном каменном доме для бедных, немощных, хромых или слепых мужчин и женщин. Последним был госпиталь Хербалдауна, сооруженный из бревен в лесах Блиана, примерно в миле от западных ворот, для лиц *regia valetudine fluentibus* (?), которые называются *лепрозориями* в подтверждающей хартии Генриха II. [167] В ведении обоих этих домов находился новый приорат Святого Григория, расположенный напротив больницы Святого Иоанна Крестителя, получающий десятину для светского духовенства. Дом для прокаженных в Хербалдауне был разделен между мужчинами и женщинами; но в более позднее царствование (Генрих II) в Таннингтоне, недалеко от Кентербери, была основана больница исключительно для женщин (двадцать пять сестер-прокаженных) с мастером, настоятельницей и тремя священниками. В Кентербери все еще существовала третья больница,

Святого Лаврентия, основанная около 1137 года для оказания помощи прокаженным монахам или бедным родителям и родственникам монахов монастыря Святого Августина.

В Лондоне было две больницы для больных прокаженными, находящиеся в ведении церкви, а также несколько приютов сравнительно позднего времени. Больница и часовня Святого Джайлса в Филдсебыли основаны, как мы уже видели, Матильдой, королевой Генриха I. в 1101 году и долгое время были широко известны как больница Матильды. Он был построен для сорока *лепрозориев*, которые, возможно, жили в нем, а возможно, и не все; частично строительство поддерживалось добровольными взносами граждан, собранными проктором. Поначалу его штат был исключительно мал из—за количества пациентов - капеллан, клерк и посыльный; но по мере увеличения штата к нему добавились еще несколько священнослужителей и несколько матрон. Согласно королевской хартии от 1208 года (10-е Иоанна), он должен был получать шестьдесят шиллингов ежегодно. Далее об этом сообщается в списках парламента в связи с петицией от 1314-15 гг. (8 Изд. II.), из условий которой и ответа на нее мы можем видеть, что в больнице тогда было несколько прокаженных, но также и пациенты другого рода. Уэндовер упоминает его под 1222 годом как место испытания сил между горожанами *iscomprovinciales extra urbem positos*[168]: в то время он хорошо стоял за городом, вероятно, недалеко от того места, где сейчас стоит церковь Святого Джайлса в конце олд-Хай-Холборн. Рисунок больницы на полях рукописи Мэтью Пэриса изображает ее как каменный дом с башней в восточном конце и башней поменьше над западным крыльцом, а также с часовней и залом, но, вероятно, без общежитий для сорока прокаженных[169].

Другим благотворительным лепрозорием метрополии был госпиталь Святого Иакова, расположенный в полях за Вестминстером. Оно было древним и предназначалось для четырнадцати пациенток женского пола, которых почему-то стали называть *лепрозой белой*[170], хотя молодость ни в коем случае не ассоциируется с проказой. Этот дом разбогател и содержал восемь братьев для религиозных служб шестнадцати пациентов[171].

Обычно перечисляют пять, а иногда и шесть других больниц для прокаженных на окраинах Лондона — в Кингсленде или Хакни, на Кент-стрит, в Саутурке (Замке), в Хайгейте, в Майл-Энде, в Найтсбридже и в Хаммерсмите. Но самые ранние из них были основаны во времена правления Эдуарда III. (около 1346 г.) в то время, когда в старых церковных лепрозориях почти не было прокаженных. Было бы неверно относить их непосредственно к средневековым лепрозориям, и я упомяну их в более поздней части этой главы.

Примеру архиепископа Ланфранка в Кентербери и королевы Матильды в Лондоне вскоре последовали другие основатели и благотворители. Движение в пользу прокаженных — вероятно, повод был слишком реален, чтобы называть его повальным увлечением, — многое выиграло от появления на сцене рыцарей ордена Святого Лазаря Иерусалимского. Эти рыцари были самыми сентиментальными из рыцарских орденов и, вероятно, не более авторитетными, чем тамплиеры или основная группа госпитальеров, от которых они отделились. Если мы можем судить о них по современным примерам, они хотели совершить какое-то великое дело, и сделать это самым театральным образом, на всеобщее обозрение. Какие реальные услуги они могли оказать больным беднякам, больным проказой или кому-то еще, показать практически невозможно. Штаб-квартира ордена находилась в Иерусалиме, где великий магистр и рыцари были *всепокаженными*- несомненно, в широком смысле этого термина. Мы не окажем им никакой несправедливости, если будем считать, что они были крестоносцами, настолько

сильно пострадавшими от своих пороков или несчастий, что были выделены в отдельный орден естественной линией. Однако многие другие встали под знамена святого Лазаря, которые не были *прокаженными*; они обосновались в разных странах Европы, приобрели множество поместий и построили прекрасные дома[172]. В Англии их главный дом находился в Бертоне в Лестершире; это была ни в коем случае не большая больница для прокаженных, а Командорство или Прецептория для целых восьми рыцарей с некоторым обеспечением для неопределенного числа бедных братьев — настоящих Лазарей, которые, подобно своему прототипу, получали крохи с высокого стола. Дом Бертон Лазарса постепенно поглощал земли лепрозориев в других местах, по мере того как они приходили в запустение и по оценке Генриха VIII. он возглавил список с годовой арендной платой в 250 фунтов стерлингов. Их основание в Англии датируется началом двенадцатого века, и хотя дом в Бертоне, по-видимому, был их единственным значительным владением, по смутным свидетельствам, они завербовали многих рыцарей из Англии и, что достаточно любопытно, еще больше из Шотландии. Сохранилось письмо знаменитого схоласта Джона Солсберийского, впоследствии епископа Шартрского, написанное в царствование Генриха II. епископу Солсберийскому, из чего следует, что к “Братским госпиталям” священнослужители относились с завистью и неприязнью; “*rapiant ut distribuunt*”, - говорит автор, как будто в их благотворительности было что-то одновременно принудительное[173].

Одновременно с появлением в Англии рыцарей Святого Лазаря мы обнаруживаем, что монастыри, а иногда и частные благотворители из числа знати, начинают заботиться о прокаженных либо вместе с другими достойными бедняками, либо в отдельных домах. После больниц в Кентерберии и Лондоне (а также фонда одиннадцатого века в Нортгемптоне, который, возможно, изначально предназначался для *лепрозория*, а может, и нет), следуют два *лепрозория*, основанные великим аббатством Сент-Олбанс. Поскольку это, вероятно, были самые хорошие примеры, какие только можно найти, за их историей стоит проследить.

Во времена аббата Григория (с 1119 по 1146 год) на лондонской дороге были построены больница и церковь Святого Юлиана для шести бедных братьев (*Лазарес* или *пауперс Кристи*), которыми управляли учитель и четыре капеллана. Мастерство Святого Юлиана дважды упоминается в хрониках аббатства как ценное достижение. В 1254 году земли госпиталя были обложены такими высокими налогами для короля и папы римского, что у *мизелли*, по словам Мэтью Пэриса, едва хватало средств к существованию. Но столетие спустя, в 1350 году, доходы были слишком велики для его нужд, и были приняты новые законы; размещение в нем шести коек ни в коем случае не требовалось, количество заключенных никогда не превышало трех, иногда только двух, а иногда и только одного[174]. Судьба другого *лепрозория* аббатства Сент-Олбанс, женского приюта Святой Марии де Пратис, не менее поучительна. Дата его основания неизвестна, но в 1254 году здесь были церковь и больница, которые занимали *мизеллы*[175]. Столетие спустя мы слышим о том, что дом был поделен между неграмотными сестрами и монахинями. Первых называют не прокаженными, а просто бедными сестрами; кем бы они ни были, монахини и они не очень хорошо ладили друг с другом, и аббат восстановил гармонию, превратив больницу в чистый женский монастырь[176]. Похожей была история одного из богатейших фондов подобного рода - фонда Мэйдена Брэдли в Уилтшире. Первоначально он был выделен незадолго до или вскоре после восшествия на престол Генриха II. (1135) знатной семьей для неуставленного числа бедных женщин, которые, как обычно предполагается, были *прокаженными*, и для неуставленного числа обычных и светских священнослужителей для исполнения религиозных обязанностей и управления имуществом. Однако он

просуществовал недолго, когда епископ Солсберийский в 1190 году изменил хартию таким образом, чтобы распределить доходы между восемью канониками и бедными сестрами, и так продолжалось до оценки Генрихом VIII, когда было установлено, что он обладает значительным состоянием. Аналогичным образом был основан госпиталь Святого Иакова в Таннингтоне близ Кентербери во времена правления Генриха II. в течение правления Эдуарда III было обнаружено, что в двадцати пяти “сестрах-прокаженных” (1344) не было прокаженных, и его “корродии” были очень востребованы нуждающимися благородными женщинами[177].

Еще одним учреждением времен правления Генриха II была больница для прокаженных Святой Марии Магдалины в Спонне, за стенами Ковентри. Он был основан графом Честерским, который, имея в своем доме некоего прокаженного рыцаря, пожертвовал в качестве чистой милостыни за здоровье своей души и душ своих предков свою часовню в Спонне с прилегающим к ней участком и половину гектара земли для содержания тех прокаженных, которые случайно оказались в городе Ковентри. Праздновать должен был один священник, и с ним обычно были также некоторые братья или сестры вместе с прокаженными, молящиеся Богу о благополучии всех своих благодетелей. “Но совершенно очевидно, ” говорит Дагдейл, “ что монахи вскоре после этого присвоили его себе”. Однако со временем они были лишены собственности короной, которой больница принадлежала до 14-го года правления Эдуарда IV[178].

Одним из наиболее типичных и самых ранних фондов был госпиталь Святых Невинных в Линкольне, подаренный Генрихом I. Своим знанием о его уставе мы обязаны инквизиции Эдуарда III. Он предназначался для десятипрокаженных, которые должны были быть изгоями (*de ejectibus*) города Линкольна, вручение должно было быть подарком короля или мэра или других добропорядочных людей города, и управление им осуществлялось мастером или надзирателем, двумя капелланами и одним клерком. За два столетия с момента его основания характер его обитателей постепенно изменился. Уполномоченные Эдуарда III обнаружили в нем девять бедных братьев или сестер; только у одного из них былапроказа, и он получил доступ с помощью золотого ключа; также семь бедных женщин получили доступза наличные. Во времена Генриха VI было предусмотрено, что прокаженные все еще нуждаются в приюте —*quod absit*, как гласила новая хартия.

В то же царствование (конец правления Генриха I.) аббатом Ансельмом в Бери-Сент-Эдмундсе был основан госпиталь Святого Петра для священников и других людей, когда они состарились и ослабели, заболели проказой. В другой больнице Бери, больнице Святого Спасителя, вообще не было прямого упоминания о проказе. Он был основан знаменитым аббатом Самсоном около 1184 года для старосты, двенадцати священников-капелланов, шести клерков, двенадцати бедных джентльменов и двенадцати бедных женщин. Примерно сто лет спустя бедным сестрам пришлось уйти, чтобы освободить место для старых и немощных священников.

Незадолго до своей смерти в 1139 году Терстан, архиепископ Йоркский, основал в Рипоне больницу для оказания помощи “всем прокаженным Ричмондшира”; в ней содержались восемнадцать пациентов, капеллан и сестры. Позднее, в неопределенный срок, было обнаружено, что в доме проживали мастер, два или три капеллана и несколько братьев, которых не называлилепрозориями; и из инквизиции Эдуарда III. мы узнаем, что его первоначальным назначением была помощь как бедным, так и прокаженным (*там пауперум квам лепрозорум*), и что на момент инквизиции в нем не было прокаженных.

Смешанный характер больниц, которые обычно считаются лепрозориями, демонстрируют несколько других примеров. Церковь Святой Марии Магдалины в Линне (1145) содержала настоятеля и двенадцать братьев или сестер, девять из которых должны были выздороветь, а трое - заболеть проказой. Церковь Святого Леонарда в Ланкастере (во времена короля Иоанна) была выделена для учителя, капеллана и девяти бедняков, трое из которых были больны проказой. Школа Святого Варфоломея в Оксфорде содержала магистра, клерка, двух полных братьев и шестерых немощных или прокаженных братьев; но все немощные или прокаженные братья были преобразованы в полных братьев ко времени правления Эдуарда III[179]. И снова было обнаружено, что в нориджском замке норманнов укрываются “семь целых сестер и семь сводных”.

Больница для прокаженных в Стоурбридже, недалеко от Кембриджа, была основана для прокаженных королем Иоанном, единственным королем в истории Англии, который очень заботился о своих больных проказой подданных. Он был передан на попечение граждан Кембриджа, но вскоре после этого был захвачен Хьюго де Норволдом, епископом Эли, и спустя немногим более пятидесяти лет с момента его основания (7 Изд. I.) было обнаружено, чтотогдашний епископ Эли использовал его для каких-то своих целей, но “не держал в нем прокаженных, как ему следовало, и как это было принято”[180].

Показному покровительству прокаженных королем Иоанном, о котором можно было бы сказать еще кое-что, предшествовало более важное вмешательство от их имени третьего Латеранского собора в 1179 году (Александр III.). Положение *прокаженных* в сообществе явно стало аномальным, и одно из постановлений Совета было направлено на то, чтобы исправить это. Прокаженным, которые были “неспособны жить со здоровыми людьми, или посещать церковь вместе с ними, или быть похороненными на одном церковном дворе, или пользоваться услугами надлежащего священника”, было предписано иметь свой собственный пресвитериум, церковь и погост, а их земли должны были быть освобождены от уплаты десятины[181]. В течение двух или трех лет после этого указа, в 1181 году или около того, мы находим епископа Дарема Хью де Пюизе, основавшего величайшую из всех английских больниц для прокаженных в Шербурне, в миле или более от города Дарем. Епископ был выдающимся примером мирского священнослужителя своего времени. Король обвинил его в незаконном присвоении денег, оставленных архиепископом Йоркским, и его защита заключалась в том, что он потратил их на слепых, глухих, немых, прокаженных и тому подобные достойные предметы[182]. Уильям Ньюбургский оставил нам свое мнение о благотворительности епископа: это была благородная больница, щедро обеспеченная, “но с щедростью, не совсем честно заработанной” (*sed tamen ex parte minus honesta largitione*)[183]. Больница епископа Хью, посвященная Спасителю, Пресвятой Деве, святому Лазарю и его сестрам Марии и Марфе, до сих пор существует как Больница Христа, четырехугольное здание площадью около акра в солнечной долине к югу от города, с прекрасной часовней, большим залом (древняя стропильная крыша которого сохранилась до нынешнего столетия), ложей учителя и невысоким рядом зданий на западной стороне площади для бедных братьев с их собственным скромным залом посередине. Первоначальное основание, безусловно, было королевского масштаба, как обстояли дела в то время: оно предназначалось для пяти “монастырей” прокаженных, в том числе для шестидесяти пяти человек обоего пола, с управляющим или опекуном, который был их собственным надлежащим представителем или защитником, тремя священниками, четырьмя служащими, а также настоятелем и настоятельницей. Мы больше ничего не слышали о больнице в течение полутора столетий, в течение которых она, несомненно, была заполнена

чередой бедных братьев или больных бедных братьев, но были ли прокаженные братья, или даже в основном прокаженные, можно усомниться после описанных событий в Рипоне, Линкольне и Стоурбридже. Ее устав был утвержден епископом Келло около 1311-1316 годов; и в указе 1349 года мы все еще читаем, но не без ощущения чего-то вымученного и нереального, о больнице, служащей для лечения голода, жажды, наготы прокаженных и других нужд и невзгод, от которых они постоянно страдают. Но в течение девяноста лет с того времени (1434 г.) реальное положение дел становится очевидным; бедными братьями пренебрегали, а поместьями настолько неумело управляли или отчуждали для других целей, что были приняты новые законы, сокращающие число обитателей до тринадцати бедных братьев и двух прокаженных, причем последние были брошены туда, “если их можно найти в этих краях”, чтобы сохранить память о первоначальном основании[184].

К этим образцам, которые также являются главными образцами английских лепрозориев, можно добавить еще два или три, чтобы выявить другую сторону вопроса. В уже приведенных случаях было видно, что положение о канцелярском персонале либо поначалу было очень либеральным, либо стало таковым со временем. Больницы, будь то для больных проказой или другие, по большей части находились в ведении аббатств, предоставляя занятие и жилище гораздо большему количеству монахов, точно так же, как если бы они были “кельями” аббатства. Огромная диспропорция между канцелярским персоналом и обитателями больниц (однако не прокаженных) видна на примерах больниц Святого Джайлса в Норвиче, Святого Спасителя в Бери и Святого Креста в Винчестере. Припасов было около шести для бедных и полдюжины для монахов. Но даже чисто внутрибольничная часть этих благотворительных организаций в немалых случаях была направлена на немедленную помощь самим монастырям. Церковь Святого Варфоломея в Чатеме, одно из самых ранних учреждений, обычно причисляемых к больницам для прокаженных, предназначалась для больных или немощных монахов. Больница в Бейсингстоке, предоставленная Мертон-колледжем в Оксфорде, предназначалась для неизлечимо больных сотрудников и ученых самого Мертон. Больница для прокаженных в Илфорде в Эссексе была основана около 1180 года богатым аббатством Баркинг для больных проказой арендаторов и слуг аббатства, при этом содержались светский магистр, больной проказой магистр, тринадцать братьев-прокаженных, два капеллана и клерк. Церковь Святого Лаврентия в Кентербери (1137) предназначалась для прокаженных монахов или для бедных родителей и родственников монахов. Собор Святого Петра в Бери-Сент-Эдмундсе, основанный аббатом Ансельмом в царствование Генриха I. Предназначался для священников и других людей, когда они состарились, ослабели, заболели проказой.

Примеры, подробно описанные на последних нескольких страницах, возможно, не без риска показаться скучными, были выбраны не для того, чтобы придать окраску представлению о средневековой проказе; они представляют собой прекрасный образец в целом, и они включают почти все лепрозории, о которых известны уставы или другие достоверные записи[185]. Используя каждое словесное упоминание о проказе, которое можно найти в связи со всеми пятьюстами или более средневековыми английскими больницами в “Монашеской записке” епископа Таннера или в “Монастиконе” Дагдейла, можно составить список из более чем ста лепрозориев того или иного типа. Но, вероятно, не наберется и тридцати из них, для которых особое назначение благотворительности известно из хартий или инквизиций; и даже они, как мы видели, не были предназначены исключительно для прокаженных или даже главным образом для прокаженных. Что касается остальной части списка из ста, то связь с проказой носит самый расплывчатый характер. Таким образом, четыре из пяти больниц в Корнуолле

называются лазаретами или лечебницами для прокаженных, но они были названы так исключительно благодаря авторитету антикваров после шестнадцатого века. Та же критика почти в равной степени применима к восьми так называемым больницам для прокаженных из общего числа четырнадцати средневековых больниц всех видов в Девоншире. Ясно, что “дом лазаря” стал даже более широким общим термином, чем сам *термин* *лепра* [186].

Таким образом, наши сомнения относительно количества настоящей проказы, которая когда-то существовала в Англии и была обеспечена распространением рыцарских чувств, охвативших христианский мир в двенадцатом и тринадцатом веках, имеют тенденцию множиться в сложном соотношении. Мы сомневаемся, что многие из так называемых домов для прокаженных или лазаретов в списке из более или менее ста, который может быть составлен на основе *Monasticon*, не были обычными убежищами для больных и немощных бедняков, подобно трем или четырем сотням других религиозных благотворительных организаций страны. Мы знаем, что в некоторых случаях в лепрозориях с подлинными уставами для больных проказой выделялось содержание в пропорции один к трем или четырем пациентам, не страдающим проказой. Мы знаем, что уже в конце XIII века *прокаженные* исчезали или вытеснялись даже из больниц, намерения основателя которых были недвусмысленны. И, наконец, мы сомневаемся в однородности болезни, называемой *лепра*, и класса, называемого *лепрози*.

Что касается фундаментов более поздней эпохи, то они больше не находились под управлением церкви и, по-видимому, представляли собой в основном грубые убежища на окраинах крупных городов. В 1316 году горожанин из Рочестера, заседавший в парламенте, оставил дом в Истгейте под названием St Katharine's Spital, “для городских бедняков, больных проказой или другими болезнями, импотентов и нищих” — или, другими словами, обычную богадельню. Примечательный указ Эдуарда III об изгнании прокаженных из Лондона в 1346 году, по-видимому, послужил поводом для основания двух так называемых лазаретов: одного на Кент-стрит, Саутуорк, под названием “the Loke” [187], а другого в Хакни или Кингсленде. Это единственные двое, упомянутые в последующих приказах привратникам городских ворот в 1375 году и даже в правление Генриха VI. это единственные два здания, не считая старинной больницы Матильды на Сент-Джайлс-Филдс, которые были завещаны Ральфом Холландом, торговцем Тейлором [188]. Другой пригородный приют для прокаженных был основан в Хайгейте горожанином в 1468 году [189], и это произошло только во времена правления Генриха VIII. что мы слышим о спиталах в Майл-Энде, Найтсбридже и Хаммерсмите [190]. К тому времени о проказе в Англии перестали слышать; но другое заболевание, сифилис, стало чрезвычайно распространенным; и известно, что эти плевательницы, вместе со старыми лепрозориями, использовались для лечения более бедных жертв этой болезни. Стоу не может назвать точную дату ни одного из этих фундаментов, за исключением того, что был заложен в Хайгейте. Он предполагает, что все остальные были построены по случаю указа 20 Эдуарда III.; но вполне вероятно, что только два из них, Замок и Кингсленд или Хэки спитал, были построены в то время [191].

Ранний случай приюта для прокаженных, по-видимому, без соблюдения церковной дисциплины, упоминается в свитке хартий 1207-8 годов, в котором король Иоанн дарует лепрозориям Бристоля участок земли за Лаффардскими воротами, где они могут жить под защитой короля и безнаказанно просить милостыню. На дорогах, ведущих в Норвич, было четыре таких убежища, за воротами Святой Марии Магдалины, Святого Беннета, Святого Джайлса и Святого Стефана соответственно; каждый из этих домов находился под присмотром

смотрителя и содержался на подаяния горожан или путешественников; предполагается, что только к одному из четырех домов была пристроена часовня. Дата их выпуска неизвестна, но, вероятно, они были запоздалыми. На дорогах, ведущих из Линна, было три таких сооружения - в Каугейте, Летчайте и Вест-Линне, которые впервые упоминаются в завещании 1432 года. Эти нерелигиозные и никому не принадлежащие приюты для прокаженных, вероятно, были грубыми сооружениями на окраине города, у дверей которых или на обочине дороги рядом сидели один или несколько прокаженных и просили милостыню. Свобода просить милостыню была одной из их привилегий, только им не разрешалось заходить в своей назойливости слишком далеко; отсюда постановление большинства стран, запрещающее прокаженным заходить на мельницы и пекарни; и отсюда некоторые постановления шотландского парламента, ограничивающие прогулки прокаженного народа. Одна из самых значительных привилегий для прокаженных была дарована прокаженным Шрусбери в 1204 году королем Иоанном, который не упустил шанса заработать дешевую репутацию христианского милосердия своим показным покровительством *pauperes Christi*: они имели право взять горсть кукурузы или муки из всех мешков, выставленных на рынке Шрусбери.

Лепрозории в Шотландии и Ирландии.

Большинство лепрозориев Шотландии, по-видимому, принадлежали к самому бедному сословию, не имели никаких дарований и не были обеспечены священниками. Самое богатое учреждение для прокаженных в Шотландии находилось в Кингкейсе, недалеко от Прествика в Эйршире, наделенное землями и состоящее из больницы на восемь коек. Одна или несколько больниц для прокаженных были построены богатыми аббатствами в Твиде (в Олдкамбуре в Бервикшире и, вероятно, в другом месте). В другом крупном церковном центре Шотландии, Элджине, в Ротфанах был приют для прокаженных, вмещавший семерых прокаженных, капеллана и слугу. После всего этого шотландские лепрозории можно считать простыми убежищами, в которых прокаженные поддерживали себя попрошайничеством. Одна из таких светских больниц находилась в Горбалсе в Глазго, основанном в 1350 году. Предполагается, что Либертон, расположенный недалеко от Эдинбурга, означает город прокаженных и был курортом для больных из-за своего целебного источника. Больница в Гринсайте, в то время находившаяся за пределами Эдинбурга, была построена в 1589 году. За воротами Виселицы в Абердине, на дороге, которая до сих пор носит название Спиталь, находился приют для прокаженных. Можно предположить, что подобные убежища существовали в Перте, Стерлинге, Линлитгоу и других местах. Яков IV. в своих путешествиях обычно раздавал небольшие суммы больным в “грандгоре” (сифилис), беднякам и липерам “на окраине города” [192].

В Ирландии было несколько больниц для прокаженных, но не во всех случаях их легко отличить от больниц общего профиля для больных бедняков. Таким образом, больница, построенная монахами Иннисфаллена в 869 году, называется просто *нозокомиум*, хотя обычно ее считают первым учреждением для прокаженных в Ирландии. Больница в Уотерфорде была “открыта для бедных” бенедиктинцами в 1185 году. Собор Святого Стефана в Дублине (1344) специально назван резиденцией “бедных прокаженных города” в дарственной грамоте около 1360-70 годов; район города под названием Лепрозорий, возможно, был местом другого убежища. Прокаженные также могли быть обитателями больниц в Килбрикси в Уэстмите (St Bridget's), Святой Марии Магдалины в Уэксфорде (до 1408 года), дома в “Больнице” Лисмор (1467 год), в

Даунпатрике, в Килклифе в графстве Даун, в Клойне и одной или нескольких из четырех старых больниц в Корке или недалеко от него. Больница в Голуэе, построенная “для городской бедноты” около 1543 года, не была приютом для прокаженных, и нет причин использовать старую больницу в Дангарване в качестве фундамента специально для прокаженных[193].

Предубеждение против прокаженных.

Из многих приведенных подробностей можно сделать вывод, что изоляция прокаженных в средние века была далека от полной и что многие служили им без страха и риска. В одну и ту же больницу поступали как *прокаженные*, так и другие, больницы обслуживались капелланами, клерками, а иногда и служанками; и все же нигде не говорится о том, что опасались заражения или что болезнь распространялась путем заражения. Опыт работы в этих средневековых больницах, несомненно, был таким же, как в Вест-Индии и других частях мира в наши дни. Это правда, что писатели-медики объявляют болезнь заразной, *согласно докету Авиценны*; но публика, по-видимому, не знала об этом, и они, конечно, ничего не потеряли из-за своего незнания медицинской догмы, которая в учебниках является просто результатом сочетания вербалистических аргументов. В то же время ясно, что имела место определенная сегрегация больных проказой. Обитатели больницы в Линкольне многозначительно описываются как “изгнанники” города. Третий Латеранский собор основал одно из своих постановлений на том, что, должно быть, было обычным опытом, а именно на том, что прокаженные не могли свободно общаться с другими людьми и что против них возражали в одной церкви и даже в виде трупов на одном церковном дворе. У хронистов есть некоторые особые указания на это чувство.

Одна из самых замечательных историй - это история высокопоставленного священнослужителя до-нормандского периода. В 1044 году Элфвард, епископ Лондона, будучи пораженным проказой (*lepra perfusus*), попросил убежища в монастыре Ившем, настоятелем которого он был. Возможно, у монахов было несколько причин не приветствовать возвращения своего настоятеля; во всяком случае, они отказались позволить ему остаться, так что он отправился в аббатство Рэмси, где прошел послушничество и был пострижен в монашество. Он увез с собой из Ившема кое-какие ценности и реликвии; и его старые товарищи в Рэмси, не испугавшись его проказы и не обратив внимания на его сокровища, приняли его к себе и держали до самой смерти. Этот инцидент вряд ли можно назвать легендарным, поскольку описан в “Анналах аббатства Рэмси” тем, кто писал в течение ста лет после этого события[194].

Другой случай, который также может быть принят за достоверный, приводится Эдмером в его *Жизни Ансельма*. Среди кающихся, которые искали совета и утешения у Ансельма, когда он еще был аббатом Бека в Нормандии, прославившегося своей святостью, был некий могущественный дворянин с фландрских границ. Он был поражен проказой во всем теле, и его горе было тем сильнее, что он видел себя презираемым ниже своего наследственного ранга и избегаемым своими сверстниками *pro obscenitate tanti mali*[195].

Помимо таких примечательных случаев, мы находим больше свидетельств в постановлениях больницы Святого Юлиана в Сент-Олбансе, которые сохранились более полно, чем постановления любого другого лепрозория. Поскольку болезнь проказы из всех недугов вызывает наибольшее презрение, несчастному, которого вот-вот примут в Сент-Олбанс-хаус, предписывается довести себя до состояния самой наигранной меланхолии; ему напоминают не

только о отрывке из книги Левит о “Нечистом, нечистый!”, но и о блаженном Иове, который сам был прокаженным (в 14 веке его фурункулы стали отождествлять с чумой, а в конце 15 века патриарх считался первой жертвой чумы). *lues venerea*); и далее стих 53-й главы Книги Пророка Исаи: “И никто не пострадает от проказы, от перкуссии, от Смерти, от унижения”[196]. Дом на Сент-Олбансе с его шестью кроватями, по-видимому, содержался тщательно, а его обитатели были хорошо обеспечены; но нереальная атмосфера этого места была невыносима для больных проказой или других пациентов округа; поскольку мы находим в записях, что их с трудом можно было убедить надеть его красновато-коричневую униформу и до конца жизни подчиняться его дисциплине.

Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что лица, признанные больными проказой, были отвергнуты общественным мнением, изгнаны или подвергнуты остракизму и даже законодательно запрещены. Реальность этих практик не следует путать с реальной потребностью в них. Меньше всего их следует приписывать общей вере в заразность болезни. На практике никто не обращал внимания на медицинскую догму о заразности проказы, потому что никто не придавал этому никакого конкретного значения и не имел с этим никакого реального опыта. Существовало предубеждение против прокаженных, отчасти из-за библейской традиции, а отчасти потому, что “*terribilis aspectus*” прокаженного был отталкивающим или сверхъестественным. Далее, при настоящей проказе самой плачевной чертой состояния жертвы была не его внешность (которая в значительной части случаев может быть мало заметна для постороннего наблюдения), а его неспособность к физическим нагрузкам, вялость и подавленность духа вследствие глубокой дезорганизации его нервов. Больной проказой член семьи был бы настоящим бременем для своих родственников; и в суровый и жестокий век ему было бы немногим лучше, чем раненому оленю в стаде или крылатой птице в стае. Стать нищим было его естественной судьбой; и как нищий он получил привилегию по королевскому патенту или по рецепту, в то время как обычные нищие были под запретом.

Несомненно, что привилегией просить милостыню, предоставленной прокаженным, злоупотребляли, и на нее претендовали многие, кто притворялся прокаженным[197]. Единственным суровым эдиктом против прокаженных в Англии был указ Эдуарда III. за исключение прокаженных из Лондона в 1346 году; однако из текста указа ясно, что причиной этого было не какое-либо твердое убеждение в необходимости изоляции больных проказой, а какое-то невыносимое поведение прокаженных или тех, кто выдавал себя за таковых. Мэру и шерифам приказано обеспечить, чтобы все прокаженные избегали города в течение пятнадцати дней по той причине, что лица этого класса, а также из-за загрязнения их дыхания и т.д. “как плотские сношения с женщинами в закусных и других тайных местах, отвратительно часто посещающие их, так и здоровые люди, как мужчины, так и женщины, наносят большой вред и т.д.”[198] Это старая путаница, которую мы уже заметили у Бернарда Гордонио и Гилберта; это указ против *лепры* в его общем смысле и против того же класса, который Уильям Клоуз так убедительно характеризует в своей книге о *галльском морбусе* 1579 года. В период, промежуточный между этими двумя, в 1488 году, мэр Парижа издал приказ о том, что “прокаженные” должны покинуть город; но это слишком поздний срок для проказы, хотя и не слишком ранний для сифилиса. 24 августа 1375 года привратники городских ворот были приведены к присяге не допускать проникновения прокаженных в город или оставаться в нем самом или в его пригородах; и в тот же день бригадир в “Ле Локе” (замковая больница в Саутуорке) и бригадир в лепрозории Хакни принесли клятву, что они не будут приводить

прокаженных или знать об их приносе в город, но что они проинформируют указанных привратников и не допустят проникновения указанных прокаженных, насколько это возможно[199].

Когда в Англии давно утихли все слухи о проказе, у привратников городских ворот были те же обязанности по отношению к нищим в целом. Так, в *Диалоге* Буллейна 1564 года действие начинается с хнычущего нищего из Нортумберленда, произносящего молитву "Отче Наш" у двери горожанина. Гражданин спрашивает его: "Как ты попал в ворота?" после чего выясняется, что у нортумбрийца был друг при дворе: "У меня много соотечественников в городе", среди прочих влиятельный человек, Бидл нищих[200].

Хотя нельзя утверждать, что к прокаженным относились терпимо или на них смотрели с безразличием, все же они были нежелательны не только из страха заразиться. Предубеждения против них были проиллюстрированы еще в одиннадцатом веке. Они были, мягко говоря, нежелательными компаньонами, и в определенных занятиях они, должно быть, вызывали особое отвращение. Таким образом, 11 июня 1372 года в лондонском сити Джону Мэйну, пекарю, которому мэр и олдермены часто приказывали уехать из города, обеспечить себе какое-нибудь жилище без такового и избегать обычных разговоров с людьми, видя, что он, тот самый Джон, поражен пятном проказы, - снова было приказано уехать[201]. Неизвестно, ушел ли пекарь в то время, и нет никакого достоверного диагноза его проказы; определенно, против него существовало предубеждение, но причиной этого, возможно, были не что иное, как экзематозные корочки на руках, иногда очень застарелые, которым подвержены люди его профессии.

Также из единичного случая в *Федереясно*, что против человека иногда выдвигалось ложное обвинение в проказе, возможно, из вражды, подобно обвинению в колдовстве. В 1468 году женщина, обвиненная в проказе, обратилась к Эдуарду IV, который выдал ордер канцелярии на ее обследование.

Судебный приказ от 3 июля 1468 года адресован королевским врачам, "покаявшимся охранять нашу особу", Уильяму Хаттеклиффу, Роджеру Маршаллу и Доминику де Серего, докторам искусств и медицины; а предметом расследования инквизиции является Джоанна Найтингейл из Брентвуда в Эссексе, которая, как предполагали некоторые из ее соседей, была заражена зловонной заразой *проказой*, и об удалении которой от обычного общения с мужчинами было подано прошение в канцелярию. Она отказалась удалиться в уединенное место, *соблюдая мораль*; соответственно, врачам предписано связать себя с определенными юридическими лицами, выяснить, была ли женщина прокаженной, и, если да, перевести ее в уединенное место *honestiori modo quo poteris*. 1 ноября 1468 года следственный суд сообщил, что они установили, что женщина никоим образом не больна проказой и не была ею когда-либо. Женщина предстала перед ними: они рассмотрели двадцать пять или более общепринятых признаков *лепры*, но они не обнаружили, что по ним или по достаточному количеству из них ее можно было обвинить в проказе; опять же, рассмотрев каждый из четырех видов *лепры* (*алопеция*, *тиния*, *леонина* и *слоновость*) и сорок или более отличительных признаков *видалепра*, они не обнаружили, что женщина была отмечена каким-либо из видов проказы. *лепра*, но что она была совершенно свободна и невосприимчива ко всем видам *лепры*[202].

Законы против прокаженных.

Указ от 21 июля Эдуарда III. (1346) против укрывательства прокаженных в Лондоне - единственный в своем роде (насколько я знаю) в истории Англии; Статуты королевства не содержат никаких упоминаний о прокаженных или проказе от начала до конца; ссылки в Списках парламента касаются налогообложения их домов и земель. Законы, лишавшие прокаженных супружеских прав и права наследования, по-видимому, были совершенно иностранными; в Англии проказа как препятствие для наследования рассматривалась в судах. Однако, по-видимому, закон против прокаженных был издан королем Уэльса в десятом веке[203]. Нелегко представить состояние валлийского общества в десятом веке; но мы достаточно знаем о нем в двенадцатом веке из описания Хиральда Камбрэнсиса, чтобы с некоторой уверенностью утверждать, что “проказа” могла означать что угодно — возможно, “лепра норманнорум”[204].

В Шотландии законов и постановлений, гражданских и церковных, направленных против прокаженных было больше. В 1242 и 1269 годах были приняты каноны Шотландской церкви, предписывающие отделять прокаженных от общества в соответствии с общим обычаем. В 1283-84 годах устав Общества торговцев, или Гильдии, Бервика предусматривал, что прокаженные не должны входить в район и что “какой-нибудь добрый человек должен собирать для них милостыню”. В 1427 году парламент Перта уполномочил министров и других лиц обыскивать приходы в поисках прокаженных[205].

Таким образом, мы заключаем, что английские законодатели (а шотландцы - гораздо больше) мало заботились о борьбе с проказой, точно так же, как мы обнаружили, что в пожертвованиях благотворительных организаций больным проказой принадлежала лишь небольшая доля, и эта доля несколько преувеличена из-за болезненной сентиментальности рыцарского периода. Самая либеральная оценка количества истинной проказы в любое время в Англии вряд ли позволила бы сделать ее такой высокой, как в худших провинциях Индии в наши дни. В провинции Бурдван с населением более двух миллионов человек, которое, как можно считать, составляло почти все население Англии в XIII веке, насчитывается 4604 прокаженных, или 2,26 на каждую тысячу жителей. Но даже при такой чрезмерной распространенности проказы и при отсутствии изоляции прокаженных путешественник может посетить провинцию Бурдван и не знать, что проказа в ней “ужасно распространена”. В средневековой Англии деревенский прокаженный, возможно, был примерно таким же обычным явлением, как деревенский дурачок; в то время как в крупных городах, таких как Лондон, Норвич, Йорк, Бристоль и Линкольн, настоящих прокаженных вряд ли было так много, как самих монахов, которые, как предполагается, большую часть своего занятия находили в удовлетворении своих нужд. Строгий скептицизм может быть оправдан отсутствием каких-либо хороших диагностических данных для того, чтобы идти дальше этого. Но совпадение вероятностей действительно указывает на реальную распространенность проказы в средневековой Англии; и эти вероятности будут значительно усилены, если обнаружить в тогдашних привычках англичан *истинную причину* этой болезни.

Причины средневековой проказы.

Что такого было в средневековом образе жизни, что привело к возникновению определенного числа случаев проказы во всех странах Европы? Допуская, что не все, кого называли *лепрозориями* и *проказой*, на самом деле были подвержены *лепре*, как было правильно диагностировано, и что это неправильное название, скорее всего, применялось в случае с принцами, дворянами и великими духовными лицами, мы все же должны считаться с появлением проказы среди людей в средневековой Европе и с ее постепенным исчезновением, исчезновением, которое стало абсолютным в большинстве частей Европы еще до начала современного периода.

О “ввозе” проказы в Британию из какого-то источника извне не может быть серьезных размышлений; эти слова представляют собой бессмысленную фразу, к которой никто, обладающий реальными знаниями об условиях, природе и проявлениях проказы, не захотел бы прибегать. Различные типы болезней или их наличие в одно время и отсутствие в другое являются отражением различий в жизни людей — в еде и питье, заработной плате, домашнем комфорте, городской или сельской жизни и тому подобном. Никто не сомневается, что уровень рождаемости и смертности время от времени сильно варьировались в зависимости от большего или меньшего изобилия средств к существованию, перенаселенности или других факторов; и изменение уровня рождаемости и смертности является лишь наиболее очевидным и точным в числовом отношении из целого ряда изменений в жизненных явлениях, из которых последовательности, чередования и новшества в типах заболеваний наименее просты и наименее доступны простому умозрительному восприятию или простому статистическому управлению. Появление и исчезновение проказы в средневековой Европе было одним из таких жизненно важных явлений. Это может быть легче воспринято, если привести рядом с ним простой пример из нашего времени.

Пеллагра североитальянских крестьян (а также Румынии, Гаскони и некоторых других ограниченных областей) является ближайшим родственником проказы среди видов заболеваний. Лишите проказу всех ее поверхностных и сентиментальных признаков, проанализируйте ее существенные явления, сведите ее патологию к наиболее правильным очертаниям, и мы обнаружим, что это хроническое конституциональное заболевание, по типу близкое к пеллагре. При обоих заболеваниях ранние признаки проявляются в повышенной чувствительности, чрезмерном покраснении и изменении цвета определенных участков кожи на лице или около него, а также на руках и ногах. При обоих заболеваниях постоянная потеря чувствительности следует за предыдущим обострением, побледнение кожи навсегда останется в местах, где покраснение и изменение цвета были склонны появляться и исчезать, и эти поражения концевых отделов нервов будут менее определенным образом сказываться на нервной системе в целом — цереброспинальной нервной системе, или органической нервной системе, или на обеих вместе. Что отличает проказу от других заболеваний, так это образование узелков или шишек на пораженных участках кожи в определенной доле случаев. Если бы проказа была полностью анестезирующей проказой, ее сходство с пеллагрой было бы замечено быстрее; именно потому, что примерно половина из них имеет более или менее туберкулезный характер, создается перенаправление в сторону другого вида патологии. Но тот факт, что в некоторых случаях проказы образуются узелки вдоль поврежденных нервов, не исключает заболевание в целом из класса, к которому относится пеллагра. При обоих заболеваниях мы имеем дело, по существу, с глубоким расстройством нервов и нервных

центров, начинающимся с локальных кожных поражений, которые возникают, проходят и в конце концов проходят, продолжая затрагивать нервные функции в целом, снижая работоспособность индивидуума и приводя его к плачевному концу. Эти две болезни расходятся каждая по своему пути, проказа становится все более безнадежным расстройством нервов, отвечающих за питание тканей, и, таким образом, приобретает структурный характер в основном, но не исключительно, а пеллагра становится все более безнадежным расстройством органической нервной системы (пищеварения, кровообращения и т.д.) С вовлечением высших нервных функций, таких как чувства, интеллект и эмоции, и, таким образом, приобретает главным образом, но не исключительно функциональный характер. Взаимосвязь структуры и функции прослеживается как в патологии, так и в биологии; и здесь мы обнаруживаем, что она придает характер каждому из двух хронических заболеваний нервной системы, в зависимости от того, структурная или функциональная сторона преобладает.

Каковы же тогда обстоятельства возникновения пеллагры и проливают ли они свет на распространенность проказы в средневековье? С наивысшей достижимой научной достоверностью доказано, что пеллагра возникает из-за основного рациона питания, состоящего из хлеба или каши, приготовленных из поврежденной или испорченной кукурузы. Это произошло после интродукции кукурузы в Ломбардию с интервалом в два или три поколения, и ее распределение близко соответствует более бедным сортам кукурузы на более холодных почвах и классу крестьянства, которое получает в пищу худшие сорта кукурузы или шрота. По последним оценкам, случаев заболевания среди крестьян Ломбардии и некоторых других провинций Северной Италии, выращивающих кукурузу, было около ста тысяч; благотворительные дома и приюты для умалишенных переполнены ими. Связь болезни с ее причинами прекрасно понятна; но экономические вопросы, связанные с голодной зарплатой, грузовиками, крупными фермами с судебными исполнителями и использованием сельскохозяйственной продукции, оказались непосильными для торговых палат и правительства; так что пока нет практически никаких признаков снижения заболеваемости пеллагрой в богатейших провинциях Италии. Эта болезнь не упоминается в Библии, следовательно, у нее нет традиционной моды; она не очень подходит для странствующего рыцарства, потому что это обычное зло для целых провинций; ее причины экономические и социальные, поэтому систематическими попытками справиться с ними невозможно заслужить благосклонность; и нет абсолютно никаких возможностей для героизма и самопожертвования более показного рода. Это одна из причин, по которой этот великий наглядный пример хронического нарушения питания, неуклонно развивающегося на наших глазах, был так мало воспринят. Однако именно в пеллагре мы находим ключ к древней проблеме проказы. Эти два заболевания тесно связаны в скрытом проявлении своих симптомов, в том, что они затрагивают питание тканей через нервы или нервные функции через питание, в их кумулятивном и неизлечимом характере, а также в их возможности передачи по наследству. Таким образом, нозологически связанные, они могут быть обоснованно заподозрены в наличии аналогичных причин; и поскольку мы знаем, что причиной современной пеллагры является нечто вредное в обычном рационе питания людей, мы можем искать причину средневековой проказы в чем-то того же рода.

Диетическую причину искать недалеко, и она не может быть изложена лучше, чем в следующем хорошо известном отрывке философа Гилберта Уайта из его *Естественной истории Селборна*[\[206\]](#):-

“Следовательно, в наши дни для гуманного и мыслящего человека должно быть предметом равного удивления и удовлетворения, когда он размышляет о том, насколько близко искоренен этот вредитель, и замечает, что прокаженный сейчас [1778] является редким зрелищем. Более того, погруженный в такой ход мыслей, он, естественно, поинтересуется причиной. Эта счастливая перемена, возможно, возникла и получила продолжение из-за гораздо меньшего количества соленого мяса и рыбы, которые теперь употребляются в пищу в этих королевствах; из-за использования льна рядом с кожей; из-за обилия хлеба; и из-за изобилия фруктов, кореньев, бобовых и зелени, столь распространенных в каждой семье. Три или четыре столетия назад, еще до того, как появились какие-либо загоны, посевные травы, полевая репа или морковь, или сено, весь крупный рогатый скот, который разжирел летом и не был забит для зимнего использования, вскоре после Михайлова Дня выгнали, чтобы он перебивался, как мог, мертвыми месяцами; так что ни зимой, ни весной нельзя было достать свежего мяса. Отсюда чудесный отчет об огромных запасах соленого мяса, обнаруженных в кладовой старшего Спенсера даже такой поздней весной, как 3 мая (600 беконов, 80 туш говядины и 600 бараньих)[207]. Именно за счет подобных журналов буйные бароны поддерживали в праздности свои буйные толпы слуг, готовых на любой беспорядок или пакость. Но сельское хозяйство сейчас достигло такого совершенства, что наше лучшее и жирнейшее мясо убивается зимой; и ни один человек не должен есть соленое мясо, если только он не предпочитает его, у которого есть деньги на покупку свежего.

“Одной из причин этой эпидемии, без сомнения, может быть количество отвратительной свежей и соленой рыбы, потребляемой простолюдными в любое время года, а также в Великий пост, к которой наших бедняков сейчас вряд ли убедили бы притронуться.... Обилие хорошего пшеничного хлеба, который сейчас есть у людей всех слоев населения на юге, вместо того жалкого сорта, который в старину готовили из ячменя или бобов, может немало способствовать подслащиванию их крови и исправлению соков”.

Давайте добавим к этому, что мясной рацион беднейшего класса, будь то крепостные или свободные люди, обычно состоял из самых бесполезных порций, полусгнивших кусочков в соленых гарнирах бекона, баранины или говядины, и что плохо вяленая свинина была во многих частях обычным мясным рационом; и нам не составит труда найти в рационе средневековья тот вредный элемент, которого требует диетическая гипотеза о проказе. Некоторые из тех, кто отстаивал эту гипотезу о современной проказе, подвергли себя, несмотря на способность и усердие своих исследований, правдоподобным возражениям, которые не имеют отношения к делу, если гипотеза достаточно надежно защищена. Проказа, как и любое *другое страдальческое заболевание*, требует взаимодействия ряда факторов, чтобы вызвать ее, причем ее более или менее однородный специфический характер или отличительный признак определяется наличием одного конкретного фактора. Особый фактор следует максимально обобщить, чтобы охватить все обстоятельства заболевания проказой: это не только наполовину вяленая или полутухлая рыба[208], но и наполовину вяленое или полутухлое мясо любого вида. Наиболее общим выражением проказы является полугнилотный или токсичный характер животной пищи, точно так же, как для родственной пеллагры это полугнилотный или токсичный характер хлеба или каши. Более того, это та вредная или неестественная вещь в пище, которая присутствует не раз за разом или как *бон-буш*, а несколько устойчиво изо дня в день, как основная часть пищи, и из года в год. Как капли дождя разъедают камни, так яд в ежедневном рационе сказывается на организме. Опять же, такие особые причины могут присутствовать в стране в целом, среди бедняков всех городов, деревень и поселков, и все же

только у одного человека здесь и там могут проявляться специфические эффекты, которые можно распознать как болезнь, которой мы даем название. Если не будет присутствовать пособничество и подстрекательство, особый фактор вряд ли даст о себе знать; а если этого особого фактора не будет, может быть какой-то другой *morbis miseriae*, но этого не будет. Эти вспомогательные средства по большей части являются обычными сопутствующими факторами бедности и лишений, изнашивая нервы гораздо сильнее, чем принято предполагать, и вызывая в обычных условиях чрезмерное количество нервных расстройств у бедных. Но среди самих бедных, так же как и среди состоятельных людей, существует особая восприимчивость отдельных людей и семей. У одного человека может быть такое же нездоровое окружение, как у другого, и тот же ядовитый элемент в его рационе, но у него может не быть такого ряда симптомов, как у его соседа-прокаженного, потому что он не совсем так устроен, потому что у него “нет нервов”, или он более выносливого склада, или потому что его нездоровый образ жизни проявляется в какой-то другой форме заболевания (возможно, золотуха, менее вероятно, подагра), или по какой-то другой причине, глубоко скрытой в его происхождении и личных особенностях. Шансы всегда были бы в значительной степени против той конкретной комбинации факторов, которая необходима для возникновения проказы. Это был *morbis miseriae* средневековья, но в целом не очень распространенный; и национальная жизнь легко избавилась от него, когда условия изменились совсем незначительно. От этого было тем легче избавиться из-за льгот для развода, запрета брака и монашеской дисциплины.

Основные продукты питания как причина проказы подозревались в Средние века и такими древними писателями, как Гален. Не лишено значения, что подробные инструкции по диете для прокаженных в богатой больнице Шербурна, недалеко от Дарема, призывают соблюдать особую осторожность в отношении свежести рыбы: когда свежей рыбы нет, ее можно заменить красной сельдью, но только в том случае, если она хорошо прожарена, не протухла и не испортилась. Эти указания соответствовали лучшему медицинскому учению того времени о диетологии при проказе или о том, как предотвратить проказу, как это со значительной подробностью изложено у Гордонио и Гилберта[209].

С другой стороны, мы находим странное постановление шотландского парламента в Сcone в 1386 году, или примерно через сорок лет после даты принятия Даремских постановлений: “Если каждый человек выставит на рынок продажную свинью или салмонда на растерзание, они все будут взяты судебным приставом, а недержащие, не задавая никаких вопросов, будут отправлены в леппер-фолк; и если там не будет леппер-фолк, они все будут уничтожены по всей Европе”[210]. “Ничто не может быть более значительным для распространенности и стойкости коррупции. проказы в Шотландии[211]. Протухшая рыба и свинина действительно поступали на рынок; об их опасности с точки зрения распространения проказы никто и не подозревал; и прокаженных (настоящих или ошибочных) действительно кормили ими. Такая пища для “прокаженных” могла только подпитывать болезнь; и если это действительно так, что с настоящей проказой столкнулись в Эдинбурге и Глазго более чем через два столетия после того, как о ней перестали слышать в Англии, нам не составит труда определить причину, по которой болезнь была более распространена в одной стране, чем в другой.

ГЛАВА III.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Наиболее вероятным из английских летописцев четырнадцатого века, давшим нам хороший отчет о Черной смерти, был историк Ранульф Хигден, автор *Полихроникона*, который стал монахом аббатства Святого Вербурга в Честере примерно в начале века и дожил до катастрофического 1349 года[212]. Ту часть своей истории, которая относится к его собственному периоду, он год за годом сводит к 1348 году, с меньшей полнотой деталей в последующие годы, как будто старость сделала его немногословным. Под 1348 годом он начинает тему великой смертности, говорит о непрекращающихся дождях второй половины года, с середины лета до Рождества, ссылаясь на опустошительные последствия чумы в Авиньоне, тогдашней духовной столице христианского мира, просто упоминает Англию и Ирландию, а затем выпускает перо из рук. Считается, что Хигден возобновил свои летописи после 1352 года; но тогда он был очень старым человеком, и последние записи неважны. Но период с 1348 по 1352 год абсолютно пуст. Он подходит к краю великой темы того времени, как будто намеревался рассмотреть ее всесторонне, начиная с заметки о прошлой погоде, которая ни в коем случае не имеет отношения к делу, и еще через две-три строчки обрывает. Большинство монастырских хроник прерывается на том же месте; если и есть запись под 1349 годом, то по большей части это просто слова *magna mortalitas*. Преобладающее чувство опустошенности и отчаяния проявляется в записи, сделанной монахом из Килкенни, который вел хронику проходящих событий и избежал участи своих братьев в монастыре лишь на время, достаточное для того, чтобы записать несколько подробностей великой смертности[213]:

“И я, брат Джон Клинтон, из ордена Малых братьев и из монастыря Килкенни, описал в этой книге те примечательные события, которые произошли в мое время, которые я видел своими глазами или о которых я узнал от людей, достойных доверия. И чтобы то, что достойно памяти, не исчезло со временем и не изгладилось из памяти тех, кто придет после нас, я, видя это множество зол и весь мир, лежащий, так сказать, в лукавом, среди мертвых, ожидающих смерти, пока она не придет, — как я действительно слышал и исследовал, я свел эти вещи к письменности; и чтобы письма не погибли вместе с писателем, а работа не удалась вместе с работником, я оставляю пергамент для продолжения работы, если, может быть, кто-нибудь выживет, и кто-нибудь из рода Адама избежит этого. мор и продолжу работу, которую я начал”.

В английских хрониках нет ничего настолько личного, как это, но есть некоторые факты, зафиксированные о смерти четырех из них, которые имеют современную ценность или почти современную. Лучшим из этих рассказов, как части истории, является рассказ Генри Найтона, каноника Лестера[214], который признает, что он в долгу перед *Полихрониконом* Хигдена за события вплоть до 1326 года, но после этой даты либо пишет на основе собственных наблюдений, либо берет факты из какого-то неизвестного современного источника. Следующим по значимости является Джеффри ле Бейкер[215], клерк аббатства Осни, недалеко от Оксфорда, чей отчет о приходе Черной смерти в Англию получил широкое распространение, поскольку дословно скопирован в издании *Stow's Annals*. Третий - Роберт де Эйвсбери[216], чья *История Эдуарда III*. служит, в частности, хроникой лондонского сити. Четвертый - Малмсберийский монах, написавший около 1367 года хронику, известную как *Панегирик*[217].

Из систематизированных абзацев этих авторов и из различных других случайных заметок можно проследить развитие эпидемии в Англии, Шотландии и Ирландии. Он вступил на английскую землю в порту Дорсетшира, который, как сказано в *Панегирике*, назывался Мелкомб (Уэймут), в начале августа 1348 года. Говорят, что он быстро распространился по Дорсету, Девону и Сомерсету, почти лишив эти графства жителей, и достиг Бристоля к 15 августа. Жители Глостера тщетно пытались предотвратить распространение инфекции, прекратив все сношения с Бристолем; из Глостера она пришла в Оксфорд, а из Оксфорда в Лондон, достигнув столицы на Михайлов День, согласно одному сообщению, или на Всех Святых (1 ноября), согласно другому. Хотя 15 августа определенно указано в качестве даты его прибытия в Бристоль с побережья Дорсета, не следует предполагать, что инфекция распространилась по земле так быстро, как в остальные периоды ее распространения. У нас есть данные о скорости его продвижения на юго-запад через Девоншир в Корнуолл из современной записи в реестре церкви братьев Майнор в Бодмине[218]: подтверждая независимые заявления о том, что чума проникла в Англию в начале августа, далее в реестре отмечается, что она достигла города Бодмин незадолго до Рождества и что в этом городе умерло, по оценкам, около полутора тысяч человек.

Корпоративные отчеты Бридпорта, городка недалеко от того места в Дорсете, куда попала инфекция, показывают, что в 23-е годы правления Эдуарда III должность занимали четыре судебных пристава вместо двух, *in tempore pestilentiae*; 23-е годы правления Эдуарда III. начался бы 25 января 1349 года, но муниципальный год, вероятно, продлился бы с сентября 1348 года, так что Бридпорт, возможно, заразился до конца того же года[219]. Представляется вероятным, что небольшие города и деревни по всему Юго-западу были заражены в конце 1348 года, но несколько позже, чем Бристоль и Глостер. Наказ Ральфа, епископа Бата и Уэллса, “Об исповеди во время эпидемии” датирован Уинчелкомбом, 4 января н.э. М.ССС.XLVIII. (10 января 1349 г.) и в нем говорится о повсеместном распространении заразы и о том, что многие приходские церкви и другие лечебные учреждения в его епархии остались без викария и священника для посещения больных и совершения таинств[220].

Таким образом, осень 1348 года может быть принята как правильная для Юго-запада; и нет сомнений в том, что инфекция была достаточно серьезной в Лондоне до конца того года, чтобы побудить власти к действию.

“В связи с растущей с каждым днем серьезностью внезапной эпидемии чумы в Вестминстере и прилегающих к нему местах” 1 января 1349 года был объявлен перерыв в работе парламента[221]. 10 марта был объявлен дальнейший перерыв по той причине, что “эпидемия продолжалась в Вестминстере, в Лондонском сити и в других местах, более серьезная, чем раньше” (*gravius solito*)[222]. Это согласуется с утверждением Эйвсбери о том, что эпидемия в Лондоне достигла апогея (*in tantum excrevit*) после Сретения Господня 1349 года и что она закончилась примерно к Пятидесятнице. Одним из лучших доказательств сезона и продолжительности Черной смерти в Лондоне является количество завещаний, зарегистрированных в суде Хастинга города в последующие месяцы. Умершие от чумы, оставившие завещания, составляли, конечно, лишь малую долю от общей смертности; но завещаний в течение примерно восьми месяцев 1349 года в десять-пятнадцать раз больше, чем в любой другой год до или после, за исключением, возможно, года *второй чумы*, 1361 года. Начиная с 3 ноября 1348 года (ни одного в декабре), число завещаний увеличивается до 18 в январе 1349 года, 42 в феврале, 41 в марте, ни одного в апреле (несомненно, из-за паралича

бизнеса), но 121 в мае, 31 в июне, 51 в июле, ни одного в августе и сентябре, 18 в октябре, 27 в ноябре, а затем обычный средний показатель[223]. Таким образом, в столице она продолжалась бы около семи-восьми месяцев с кривой нарастания, максимальной интенсивности и спада, подобно тому, как известно из еженедельных отчетов о великих лондонских эпидемиях той же болезни в 16-17 веках.

Похоже, что он вообще не ощущался в Норвиче и других местах Восточных графств до конца марта 1349 года, поскольку его огромные разрушения в этой части Англии приходились в основном на лето. Есть определенное утверждение, что это началось в Йорке во время праздника Вознесения, к тому времени оно почти прекратилось в Лондоне, и что это продолжалось в столице северной провинции до конца июля. Инфекция почти лишила аббатство Мо в Холдернессе его монахов, а земли аббатства - их арендаторов; а дата, указанная в хронике аббатства, - август 1349 года. Весна и лето того года, по-видимому, были сезонами высокой смертности по всей Англии, за исключением, возможно, южных графств, где началась вспышка; даже в Оксфорде, который является одним из городов, упомянутых как находящиеся на пути распространения чумы из Дорсетшира в Лондон, смертность указана под 1349 годом, который также был годом ее огромного распространения среди фермеров и крестьянок в поместье Уинслоу в графстве Бакс.

Его вторжение в горную страну Уэльс (никоим образом не освобожденную от чумы в 17 веке), возможно, произошло сезоном позже — *anno sequenti*, говорит Ле Бейкер, что может означать либо 1349, либо 1350 год. В ирландских летописях первое упоминание о эпидемии относится к 1348 году; но, вероятно, только слухи о смертности в Авиньоне и других местах за границей вызвали тревогу в Ирландии среди духовенства и народных собраний. Впервые его видели на берегах Дублинского залива, в Хауте и Далки, и немного севернее на побережье в Дрохеде; он бушевал в Дублине “с начала августа до Рождества”[224], что может означать 1348 год, хотя 1349 год - дата, указанная для большой смертности в Ирландии в более поздних хрониках.

Опыт Шотландии еще больше иллюстрирует медленное распространение чумы и ее зависимость в некоторой степени от времени года. Два английских хрониста (Ле Бейкер и Найтон) упоминают, что он попал к шотландцам, собравшимся в лесу Селкирк для вторжения в то время, когда смертность в северных графствах была наибольшей, осенью 1349 года. Но зимние холода, должно быть, сдерживали его в отношении остальной Шотландии; поскольку из Фордауна ясно, что его великим сезоном в этой стране обычно был 1350 год. Таким образом, можно сказать, что Черная смерть продолжалась на Британских островах в течение трех сезонов — неполного сезона на юге Англии в 1348 году, большого сезона по всей Англии, в Ирландии и на юге Шотландии в 1349 году и позднего распространения на Шотландию в целом в 1350 году. Опыт всей Европы был схожим: средиземноморские провинции заразились этой инфекцией еще в 1347 году, а северные страны на Балтийском и Северном морях - еще в 1350 году.

Симптомы и тип Черной смерти.

Эта повсеместная эпидемия была частью огромной волны инфекции, которая накрыла Европу с далекого Востока, и о происхождении которой мы расскажем во второй части этой главы. Тип и симптомы заболевания достаточно хорошо известны из зарубежных описаний — Ги де Шолиака

и Раймона де Шалена, обоих из Авиньона, Боккаччо и Виллани из Флоренции. Это была бубонная чума, болезнь, которая, как известно, существовала в Египте во времена Птолемеев и совершила свое первое крупное вторжение из этой страны в Европу в правление Юстиниана в 543 году (см. Главу I.). Ее вторым крупным вторжением, но с нового направления, была Черная смерть 1347-1339 годов; и с того времени она более трехсот лет оставалась одомашненной на европейской почве как "чума". Первые медицинские описания этого заболевания коренными британскими писателями появились сравнительно поздно. Рукописные трактаты или "постановления" о чуме циркулировали в Англии со времен правления Ричарда II, большинство из них представляли собой копии небольшого труда, не представляющего большой ценности, некоего Джона Бургойна или Джона Бордоского. Также сохранился английский перевод в рукописи, относящийся к 14 веку (но относящийся к его концу, если не к 15-му), действительно хорошей работы о чуме епископа Орхусского в Дании, о которой я подробнее расскажу в следующей главе. Но ни одно из них не дает представления об английском языке; и самая ранняя из наших книг о чуме 16 века, написанная Фаером, представляет собой компиляцию в основном, если не полностью, трактата датского епископа, последний был напечатан на английском языке в 1480 году или около того. Только когда мы переходим к работе доктора Гилберта Скена из Эдинбурга, напечатанной в 1568 году, мы находим трактат о чуме, содержащий следы наблюдений и размышлений из первых рук. Затем следуют эссе Саймона Келлуэя о лондонской чуме 1593 года и эссе известного поэта и врача елизаветинской эпохи Томаса Лоджа о чуме 1603 года. Таким образом, царствование чумы в Британии подходило к концу еще до того, как местные медики начали писать о ней. Его богатая событиями история с момента его появления в 1348 году и до сравнительно позднего периода должна быть построена на других материалах, помимо записей или систематических трудов факультета.

Тип Черной смерти в Англии в достаточной степени указан Ле Бейкером, который, вероятно, жил в Осни, недалеко от Оксфорда, когда началось заражение, и, несомненно, монахом Клином из Килкенни. Ле Бейкер упоминает *оапостематах* или вздутиях в различных частях тела, их внезапном прорезывании, а также об их чрезвычайной твердости и сухости, так что при вскрытии в соответствии с обычным методом их лечения практически не вытекала жидкость[225]. Он говорит также об особенно смертельной форме, от которой мало кто или вообще никто не выздоравливал; она характеризовалась "маленькими черными пустулами" на коже, вероятно, багровыми пятнами или "признаками", которые стали считаться особым признаком чумы и, несомненно, указывали на ее злокачественный тип, точно так же, как соответствующие кровотечения бывают при чумной лихорадке (или сыпном тифе) и при желтой лихорадке. Болезнь, добавляет он, быстро сделала свое дело: в один прекрасный день люди были совершенно здоровы, а на следующий день умирали и их хоронили. Найтон также говорит, с особой ссылкой на Бристоль, что атака приводила к летальному исходу иногда в течение двенадцати часов, а обычно самое большее в течение трех дней. Лечение, которое, согласно всему последующему опыту, было привилегией только тех, кто мог за него заплатить, по-видимому, состояло в вскрытии наростов или впадин в подмышечных впадинах, на шее или в паху; это были лимфатические железы, увеличенные до размеров грецкого ореха или куриного яйца и багрового цвета, — наиболее яркие и верные из всех признаков чумы.

Рассказ Клайна об этой болезни, какой он видел ее в Килкенни в 1349 году, важен тем, что включает один замечательный симптом, которому придавалось большое значение как отличительному признаку Черной смерти среди эпидемий бубонной чумы, а именно кровотечение из легких: "Ибо многие умерли от карбункулов, фурункулов и шрамов, которые

росли на ногах и под мышками; другие от боли в голове, как будто впадали в безумие; третьи от рвоты кровью”[226]. “Это было настолько заразно, говорит он, что те, кто умер, умерли от ожогов”. те, кто прикасался к мертвым или даже больным, немедленно заражались, так что умирали, и кающийся, и исповедник были вместе унесены в одну могилу. Таков был страх и ужас этого, что люди едва осмеливались проявлять сострадание, а именно навещать больных и хоронить мертвых. Список симптомов Клайна включает все наиболее характерные признаки чумы в том виде, в каком мы найдем их описанными для великих эпидемий периода Стюартов — язвы в подмышечных впадинах или паху, карбункулы, фурункулы (или пузыри), безумие или бред, а также особый симптом великой смертности — рвоту кровью.

Что касается бубонной чумы, которая была наиболее ярким признаком чумы, то здесь можно привести следующее описание, сделанное Вудаллом (1639), в дополнение к более скудным отчетам о бубонной чуме при ее первом появлении. Вудолл сам страдал от бубона или ботча в двух случаях, в его сравнительно безопасной гнойной форме; его описание относится к твердому, напряженному и сухому бубону, особенно упомянутому Ле Бейкером в 1349 году, и всегда указывающему на большую злокачественность:

“Но чумной бубон или бойл появляется всегда яростно, как в ярости Пожирателя, так и в спешке; иногда он загорается на паховой поверхности или рядом с ней, но чаще ниже бедра, направленный одним концом вниз, верхний конец, направленный к животу, обычно является самой большой или самой полной частью бубона, также воспалено все бедро”.[227].

От этой болезни, говорит Ле Бейкер, умерло мало людей первого ранга, но из простых людей - неисчислимо количество, а из духовенства и сословия священнослужителей - множество, известное только Богу. В основном были отрезаны молодые и сильные, пожилых и слабых обычно щадили. Никто не осмеливался приближаться к больным, а тел мертвых избегали. И Ле Бейкер, и Найтон говорят о целых деревнях и поселках, оставшихся в запустении, и о множестве домов, как больших, так и маленьких, опустевших и приходящих в упадок. Монах Клинтон из Килкенни говорит, что умер не просто кто-то в доме, но обычно муж, жена, дети и домочадцы умирали одним и тем же путем; сам монах писал как один *inter mortuos mortem expectans*. Не называя местности, Эйвсбери говорит, что за один день в одной траншее было захоронено двадцать, сорок, шестьдесят или более трупов[228]. Стереотипная фраза в монастырских хрониках гласит, что в живых осталось не более десятой части людей. Однако автор *Панегирика*, монах из Малмсбери, который довел свою историю до 1366 года, дает численную оценку с другой стороны. Он говорит, что чума проникла в Англию в Мелкумбе, уничтожила бесчисленное количество людей в Дорсете, Девоне и Сомерсете и, оставив немногих в живых в Бристоле, двинулась на север, не оставив ни одного города, ни деревушки, ни едва ли дома, в котором она не истребила большую часть людей или их всех целиком; но он добавляет, несколько непоследовательно, “так что пятая часть мужчин, женщин и детей во всей Англии были отправлены в могилу”[229]. Таковы расплывчатые современные оценки смертности — от девяти десятых до одной пятой всего населения. Однако можно значительно приблизиться к точности, систематически используя документы; и в этом упражнении мы сейчас перейдем в порядке от более общего к более частному.

Оценки смертности.

Существуют два государственных документа, формулировки которых благоприятствуют более умеренной оценке. В письме короля[230], датированном 1 декабря 1349 г. или после окончания эпидемии, мэру и судебным приставам Сандвича, приказывающем им следить за всеми, кто садится на корабль, направляющийся в зарубежные страны, чтобы пресечь вывоз людей и денег, преамбула или мотив звучит так: “Quia non modica pars populi regni nostri Angliae praesenti Pestilentia est defuncta”. (Поскольку немалая часть населения нашего королевства Англии погибла от нынешней эпидемии.) Статут о чернорабочих от 18 ноября 1350 года начинается так: “Quia magna pars populi, et maximé operariorum et servientium jam in ultima pestilentia est defuncta”. (Поскольку большая часть людей, в основном ремесленников и чернорабочих, погибла во время позднего мора.) В статуте подчеркивалась бы потеря ремесленников и чернорабочих, поскольку они были его особыми субъектами, но *максима эксплуатации и обслуживания* может быть справедливо понята в буквальном смысле как означающая, что взрослые и трудоспособные представители рабочего класса пострадали больше всего. В одной из современных хроник говорится, что женщины и дети были отправлены на полевые работы вместо мужчин[231]. Также важно, что “вторая чума” 1361 года названа двумя независимыми хронистами *pestis puerorum*, или чумой подростков, как будто теперь настала их очередь. *Вторая чума* также была известна как в Англии, так и на Континенте количеством дворян, которых она уносила, и в этом отношении ее противопоставляли Черной смерти.

Далее мы переходим к некоторым числовым утверждениям относительно смертности 1349 года, которые кажутся точными. Они касаются Лестера, Оксфорда, Бодмина, Норвича, Ярмута и Лондона. В Лестере, по словам Найтона, который был там каноником в то время или вскоре после, захоронений от Черной Смерти было более 700 на кладбище церкви Святой Маргариты, более 400 в приходе Святого Креста (впоследствии Святого Мартина), более 380 в небольшом приходе Святого Леонарда и в такой же пропорции в других приходах, которых было три или четыре, и ни один из них не был таким большим, как два названных выше. Круглые цифры Найтона для трех приходов не кажутся невероятными, учитывая, что Лестер был сравнительно густонаселенным городом во времена подушной подати 1377 года: число тех, кто платил налог, составляло 2101 человек, что при обычном способе подсчета дает население в 3939 человек. Население тех же трех приходов в 1558 году или вскоре после периода, когда английские города были описаны в статуте 32 Генриха VIII, поскольку они сильно обветшали, их было бы около 820 в церкви Святой Маргариты, 800 в церкви Святого Мартина (Святой Крест) и 160 в церкви Святого Леонарда[232]. В 1712 году, когда чулочно-носочная промышленность процветала в течение тридцати лет, население Сент-Маргарет составляло около 1900 человек, а Сент-Мартина - около 1750, при этом, по оценкам, население всего города составляло 6450 человек, или примерно вдвое больше, чем мы можем предположить в 1349 году.

Чтобы понять, что значила эпидемия 1349 года для этих приходов Лестера, давайте возьмем фактические данные о захоронениях из приходской книги одного из них, Святого Мартина, в сравнительно мягкие годы чумы 1610 и 1611 годов, в период, когда население, рассчитанное на основе среднегодовых показателей рождаемости и смертности, составляло от 3000 до 3500 человек, следовательно, вероятно, на несколько сотен меньше, чем за годы до Черной смерти. В 1610 году в приходе Святого Мартина было 82 захоронения, или примерно в два раза больше, чем в среднем за годы без чумы; в 1611 году было 128 захоронений, или в три-четыре раза больше, чем в среднем за год[233]. 400 смертей Найтона в том же приходе в 1349 году означали

бы, что обычные захоронения были увеличены примерно в десять раз; в то время как его цифры для двух других приходов означали бы еще больший коэффициент увеличения[234].

Для Оксфорда оценка не является менее точной или более умеренной. “Сообщается, - пишет Энтони Вуд под 1349 годом, - что на одно церковное кладбище за один день было перенесено не менее шестнадцати тел[235]”.

Информация для Бодмина в Корнуолле исходит от Уильяма Вустерского[236], который прочитал ее примерно через столетие после события в реестре францисканской церкви в этом городе. Запись в реестре, несомненно, была сделана в то время, и как сделанная францисканцами, знакомыми с захоронениями, она заслуживает некоторой похвалы за приблизительную точность. Смерти указаны круглыми цифрами в полторы тысячи, что может показаться Бодмину большим на ту дату. Но правда в том, что Корнуоллский городок тогда имел относительно большее значение, чем впоследствии. В королевском указе 1351 года для вооруженных людей, в котором каждый город оценивался на старой основе до Черной смерти, Бодмин занимает четырнадцатое место по порядку, имея рейтинг в восемь человек, в то время как такие города, как Глостер, Херефорд и Шрусбери, оцениваются в десять человек каждый. Вполне возможно, что в нем проживало три или четыре тысячи человек, из которых, как говорят, погибло меньше половины.

Пожалуй, наиболее удовлетворительным подсчетом погибших на основе современных заявлений является то, что можно сделать для Лондона. Болезнь, как мы знаем, достигла столицы на Михайлов День, или День Поминовения Усопших (1 ноября), и ее распространение привело к переносу заседаний парламента на 1 января, а затем снова на 10 марта, причиной дальнейшего переноса было то, что чума свирепствовала *agravius solito*— сильнее, чем обычно. Зимняя смертность, должно быть, была значительной, хотя, несомненно, время года сдерживало ее, как и во всем последующем опыте. Но есть свидетельства того, что в начале 1349 года возникла необходимость в еще трех местах для захоронения. Один из них, небольшой по протяженности, находился на восточной стороне города, в той части, которая сейчас является Минори[237]; а два были на северной стороне, недалеко друг от друга. Из последних одно, ранее называвшееся Номансленд, в Западном Смитфилде, также имело небольшую площадь[238]; но другое представляло собой поле площадью тринадцать акров и руд, которое с годами стало собственностью картузианцев и местом расположения Чартерхауса (частично занятого сейчас школой Мерчанта Тейлора). Более крупное захоронение, названное кладбищем Мэнни в честь его дарителя сэра Уолтера Мэнни, королевского министра и верховного адмирала, было освящено епископом Лондона и открыто для использования на Сретение 1349 года. Теперь приводится свидетельство Эйвсбери, единственного авторитетного лондонского хроникера тех лет. Смертность возросла настолько, говорит он (*in tantum excrevit*), что на кладбище Мэнни с праздника Очищения (когда оно было открыто) до Пасхи было похоронено более 200 человек за один день (*quasi diebus singulis*), помимо захоронений на других кладбищах[239]. Язык летописца подразумевает, что число захоронений на новом кладбище достигало максимум 200 за день. Черная смерть, должно быть, была подобна великим лондонским эпидемиям более поздних времен, по крайней мере, в том отношении, что она достигла максимума, оставалась на самом высоком уровне в течение примерно двух, трех или четырех недель и постепенно пошла на убыль. Максимум 200 человек в день на кладбище, которое на той стадии принимало почти всех умерших, означало бы смертность от чумы от первого до последнего, или эпидемическую кривую, мало чем отличающуюся от лондонской

чумы 1563 года, для которой у нас есть точные еженедельные итоги[240]: пять последовательных недель в разгар этой чумы (с 3 сентября по 8 октября) привели к смертности 1454, 1626, 1372, 1828 и 1262 годов; и эпидемия на протяжении всей своей кривой интенсивности с июня по декабрь вызвала смертность в 17,404. Если бы цифры Эйвсбери были хоть сколько-нибудь близки к истине, то Черная смерть в Лондоне была бы чумой в двадцать тысяч человек, или, если учесть самые щедрые скидки на захоронения на других кладбищах, кроме кладбища Мэнни, когда эпидемия была в самом разгаре, это могла быть тридцатитысячная чума. Даже по меньшей из этих оценок это было бы гораздо более суровым ударом по Лондону Эдуарда III. чем чума с 17 404 смертями обрушилась на Лондон 5-го числа правления Елизаветы.

Смертность Лондона от Черной смерти обычно оценивается в гораздо более высокую цифру, чем 20 000 или 30 000 человек. На церковном дворе Чартерхауса (кладбище Мэнни) к каменному памятнику была прикреплена латунная табличка с надписью, которую там прочитали и Стоу, и Камден. Стоу приводит латинские слова, перевод которых приводится ниже: “Anno Domini 1349, когда царила великая эпидемия, это кладбище было освящено, на котором и в стенах нынешнего монастыря было похоронено более пятидесяти тысяч тел умерших, помимо многих других с того времени по настоящее время, души которых да помилует Бог. Аминь”. Камден говорит, что цифра на латуни была сорок тысяч, но, вероятно, память его обманула[241]. Это было воспринято как заслуживающее доверия, очевидно, потому, что это было начертано на памятнике на кладбище; и утверждалось, что если бы на одно кладбище во время чумы поступило 50 000 трупов, то на другие кладбища и приходские погосты Лондона вместе поступило бы на столько же больше, так что общая смертность в Лондоне составила бы 100 000[242].

Но такой способ подсчета не учитывает как тщательное изучение документов, так и вероятности самого дела. Надпись на нем свидетельствует о том, что он был написан после возведения картезианского монастыря, которое было начато только в 1371 году[243]. Округленная оценка в 50 000 человек, по крайней мере, на двадцать два года позже, чем смертность, к которой она относится, и, возможно, была легко увеличена слухами в ходе передачи. Даже если бы это имело современную ценность, нам пришлось бы принять это за самую грубую догадку. Последнее возражение в определенной степени применимо к оценке Эйвсбери о 200 захоронениях в день в разгар эпидемии; но очевидно, что легче правильно сосчитать до 200 за день, чем до 50 000 за три или четыре месяца. Кроме того, с точки зрения вероятности, число в 50 000 человек на одном кладбище (или 100 000 человек на весь Лондон) совершенно невероятно. Доказательства, которые будут приведены в дальнейшем, показывают, что смертность составила примерно половину населения. Если предположить, что уровень смертности равен половине, то это привело бы к тому, что все население Лондона жило в 23-е годы правления Эдуарда III. примерно до 200 000 человек — число, едва превышенное при восшествии на престол Якова I. После значительного расширения, которое заметно наблюдалось в елизаветинский период на глазах таких граждан, как Джон Стоу, оно заполнило наполовину занятое пространство между городскими воротами и решетками Свободы и распространилось на внешние приходы до такой степени, что прокламации с 1580 года были сочтены необходимыми для его ограничения[244].

Вряд ли известны какие-либо подробности Черной смерти в Лондоне, но те немногие личные факты, которые у нас есть, имеют большое значение. Так, в учредительной грамоте Компании

Катлеров, выданной в 1344 году, восемь человек названы надзирателями, и в примечании указано, что все они умерли пять лет спустя, то есть в год Черной смерти, 1349 год, хотя их смерть не связана с чумой[245]. Опять же, в уставе Компании Шляпников, который был составлен всего за год до начала чумы (13 декабря 1347 г.), шесть человек названы надзирателями, и, согласно примечанию того времени, все они умерли до 7 июля 1350 г.[246], причина смертности снова не упоминается, вероятно, потому, что это было знакомо тем, кто тогда жил. Известно также, что четверо надзирателей Компании Ювелиров умерли в год Черной смерти. Эти примеры показывают, что чума при своем первом появлении унесла гораздо больше представителей более богатого класса граждан, чем во время катастрофических эпидемий шестнадцатого и семнадцатого веков. О том же свидетельствует количество уже составленных завещаний. Возможно, величайшей из жертв чумы в Лондоне был Брэдуорд, «доктор профундус», новоназначенный архиепископ Кентерберийский, который скончался в Ламбете от смертельной раны в подмышечных впадинах 26 августа 1349 г., всего через неделю после высадки в Дувре из Авиньона.

Часто приводимые цифры по Норвичу - 57 374 смерти в городе от эпидемии 1349 года - совершенно невероятны. Они взяты из записи в городских записях в Гилдхолле[247]: «В вашем городе был свидетель в Норвегии, что там умерли от моровой язвы LVII Mil III C LXXVIII бесид Религиус и нищие». Вероятно, мы должны быть намного ближе к истине, прочитав «XVII млн.» вместо «LVII млн.». Не указано, в какое время была сделана запись и с помощью каких вычислений были получены цифры. Норвич, безусловно, был меньше Лондона; в королевском указе 1351 года для вооруженных людей квота Лондона составляет 100 человек, а для Норвича - 60; следующими по порядку являются Бристоль, 20 человек, и Линн, 20 человек. Вероятно, это были старые пропорции, установленные до Черной смерти и переизданные в 1351 году без учета того, что произошло за это время, и в целом они соответствуют количеству приходов в каждом городе (около 120 в Лондоне и 60 в Норвиче[248]). До эпидемии в Норвиче могло проживать от 25 000 до 30 000 человек, но почти наверняка не больше. Город, должно быть, ужасно пострадал в 1349 году, поскольку мы находим по отчетам в Списке субсидий, показывающим сумму, собранную за счет подушного налога 1377 года, и цифры в каждом округе и городе, с которых он взимался, что только 3952 человека заплатили налог в Норвиче, тогда как 23 314 заплатили его в Лондоне[249]. Это совсем другое соотношение по сравнению с 60 к 100, как в приказе для ратников; и разница представляет собой показатель упадка Норвича вплоть до 1377 года. В тот год население, по обычному подсчету подушной подати, составляло около 7410 человек; и вполне возможно, что весной и летом 1349 года от чумы в городе умерло по меньшей мере вдвое больше людей.

Приведенные цифры смертности в Ярмуте, 7052 человека, указаны на документе или латунной табличке, которая когда-то стояла в приходской церкви; ее видел там в пятнадцатом веке Уильям Вустерский, сквайр семьи Фастольф, связанной с Ярмутом, который называет цифры 7000, указывая также точные размеры самой большой церкви[250]. Они приведены горожанами Ярмута в петиции от 17 января Генриха VII. (1502) следующего содержания: «Похоронено в приходской церкви и на погосте указанного города 7052 человека». Ярмут, как и Норвич, необычайно пострадал от Черной смерти; в 1377 году, согласно подсчету подушного налога, его население составляло около 3639 человек. Можно предположить, что он потерял более половины своего населения; но он быстро восстановился, стал центром производства шерсти и угрожал соперничать с Норвичем.

Заявление Клайна о том, что с начала августа до Рождества в Дублине умерло 14 000 человек, также можно рассматривать просто как иллюстрацию неспособности ранних авторов правильно считать до больших чисел.

Наиболее достоверные цифры смертности от Черной смерти, которые были зарегистрированы в то время, приведены для обитателей конкретных монастырей; и они таковы, что придают колорит замечанию, вставленному в *Полихроникон* Хигдена, что “в некоторых религиозных домах из двадцати человек осталось только двое”.

В Сент-Олбансе аббат Майкл умер от обычной чумы на Пасху 1349 года, став одной из первых жертв в монастыре. Смертность в доме увеличивалась с каждым днем, пока сорок семь монахов, “выдающихся в религии”, включая приора и заместителя приора, не умерли, не считая тех, кто умер в большом количестве в различных кельях или пристройках великого религиозного дома[251]. В йоркширском аббатстве Мо, в Холдернессе, посещение состоялось в августе, хотя эпидемия в городе Йорк закончилась уже к концу июля[252]. Аббат Хью скончался в Мо 12 августа, и в тот же день пятеро других монахов лежали непогребенными. До конца августа умерло двадцать два монаха и шесть братьев-мирян, а когда эпидемия закончилась, в живых осталось только десять монахов и братьев-мирян из общего числа сорока трех монахов (включая настоятеля) и семи братьев-мирян. Хронист добавляет, что большая часть арендаторов на землях аббатства также умерла[253]. В линкольнширском монастыре Крокстон погибли все монахи, кроме аббата и приора[254]. В больнице Сандона, графство Суррей, все учитель и братья скончались[255].

В Эли выжили 28 монахов из 43[256]. В ирландских монастырях смертность была столь же высокой: во францисканском монастыре в Дрохеде умерло 25 монахов; в соответствующем братстве в Дублине - 23; и в братстве в Килкенни - 8 вплоть до 6 марта[257], возможно, с другими (сам Клин) впоследствии.

По религиозным домам Восточной Англии были собраны данные о следующих смертях: В Хиклинге, религиозном доме в Норфолке, с настоятелем и девятью или десятью канониками (‘Монастикон’), сохранился только один каноник. В Хеверингеме в том же графстве умер один человек - приор и каноники. В колледже Святой Марии в Филдсе, недалеко от Норвича, скончались пятеро из семи пребендариев. Из семи женских монастырей в Норфолке и Саффолке пять потеряли свою настоятельницу, а также неизвестное количество монахинь[258]. В женском монастыре Грейт-Уинторп на Холме, недалеко от Стэмфорда, все монахини, кроме одной, либо умерли от чумы, либо бежали от нее, так что дом пришел в упадок, а земли были присоединены к расположенному рядом монастырю[259].

Опыт Кентербери, по-видимому, был совершенно иным и, возможно, исключительным. В общине из примерно восьмидесяти монахов только четверо умерли от чумы в 1349 году[260]. Известно, однако, что, когда новый настоятель Сент-Олбанса остановился в Кентербери по пути в Авиньон после своего избрания на Пасху, один из двух сопровождавших его монахов заболел там чумой и умер[261].

Этот монашеский опыт в Англии был таким же, как и в других частях Европы. В Авиньоне в 1348 году шестьдесят шесть монахов-кармелитов были найдены мертвыми в одном монастыре, и никто за стенами не слышал, что среди них была чума. Говорят, что в Английском колледже в Авиньоне умерли все монахи[262].

То, что остается сказать о смертности во время великой смертности 1349 года, является конструктивным или логическим выводом, и эта часть доказательств, не наименее ценная из всего, была получена только в последнее время. Огромное прореживание рядов духовенства было зафиксировано в то время Найтоном в общих чертах, а трудность снабжения приходов образованными священниками выявляется различными причинами, включая основание колледжей для их обучения в Кембридже (Корпус-Кристи) и Оксфорде (Даремский колледж). Первым, кто внимательно изучил количество вакансий среди врачей после великой смертности, был Бломфилд в третьем томе *Истории Норфолка*, опубликованном в 1741 году. Учрежденческая книга епархии Норвича, говорит он (со ссылкой на № IV *Библиотеки. Instit.*), показывает 863 благотворительных учреждения в 1349 году, "духовенство умирало так быстро, что они были вынуждены допустить настоятелями приходов большое количество молодых людей, которые посвятили себя служению только потому, что были выбриты"[263]. " Более точное использование Книг учреждений, но больше для того, чтобы показать, насколько усердно духовенство подвергало себя заражению, чем для установления уровня смертности, было сделано (1825) для архидиакон Салопа. Было обнаружено, что за один только 1349 год было сделано двадцать девять новых презентаций после вакансий в связи со смертью, при этом среднее количество вакансий в связи со смертью на тот момент составляло три за два года[264]. Первая систематическая попытка вывести смертность 1349 человек из числа пособий, вакантных по причине смерти, была предпринята в 1865 году мистером Сибомом путем оригинальных исследований для Йоркской епархии и использования коллекций Бломфилда для Норвичской епархии[265]. В 1349 году в архидьяконстве Западного Райдинга было 96 вакансий после смерти, в результате чего только в 45 приходах выжил действующий глава. В Восточном Райдинге 60 действующих лиц умерли из 95 приходов. В архидьяконстве Ноттингема были убиты священники в 65 приходах и 61 выжил. В епархии Норвича было 527 вакансий в связи со смертью или переводом, в то время как в 272 бенефициях изменений не произошло. Таким образом, заявление, сделанное папе римскому епископом Норвичским о том, что две трети духовенства умерли во время великой смертности, почти точно относится как к его собственной епархии, так и к епархии Йорка. Эти цифры смертности среди норфолкского духовенства были подтверждены с более полными деталями более поздним автором[266]: 527 новых учреждений в епархии Норвича приходится на период с марта по октябрь - 23 до конца апреля; 74 в мае; 39 с 30 мая по 10 июня; 100 с 10 июня по 4 июля; 209 в июле; и еще 82 к октябрю. Согласно другому перечислению того же автора для Восточной Англии, более 800 приходов потеряли своих священников с марта 1349 по март 1350 года, 83 прихода были дважды вакантны, а 10 - трижды.

Значение этих фактов для духовенства неоспоримо: около двух третей класса, состоящего из взрослых мужчин, живущих в умеренных условиях и в основном в сельских деревнях, были истреблены чумой в Норфолке и Саффолке, Йоркшире и Шропшире и, вероятно, по всей Англии. Одного этого было бы достаточно, чтобы показать, что вирус Черной смерти проник в почву повсюду, как в деревне, так и в городе. Именно эта универсальность заболеваемости главным образом отличает Черную смерть от более поздних вспышек чумы, которые чаще происходили в городах, чем в деревнях или разбросанных домах, и редко происходили во многих местах в один и тот же год. Но, наконец, остается упомянуть свидетельства, полученные из другого источника, которые показывают, что заболеваемость в сельских районах была распространена на население в целом. Это свидетельство почерпнуто из протоколов судебных заседаний поместий.

В одной из самых ранних работ (1852 г.), посвященной истории английского поместья и его дворов, было отмечено, что “реальную жизнь или историю нации следует собирать из скромных и, казалось бы, тривиальных отчетов этих мелких местных судов”[267], и исследования следующего поколения убедительно доказали это. Большая часть этих любопытных сведений лежит за пределами данной темы и незнакома автору, но кое-что из них глубоко касается нас, и, по-видимому, требуется сделать несколько общих замечаний.

Поместье было единицей местного самоуправления в том виде, в каком его нашли норманны. Владелец поместья и земледельцы имели соответственно свои права и обязанности, и взыскивать их должен был суд. Нет никаких письменных свидетельств о судах поместий, сохранившихся с периода до правления Эдуарда I., когда правосудие начало осуществляться в соответствии с обычными формами. Но в 1279 году мы находим письменные списки двора поместья[268]. Из правления Эдуарда III. этих свитков становится довольно много; например, сохранилась их полная серия для поместья Чедзи в Сомерсете с 1329-30 по 1413-14 годы. Суд собирался дважды, трижды или четыре раза в год, и на каждом заседании секретарь заносил информацию о делах на длинный свиток пергамента. Бизнес был связан со штрафами и наследствами, выплачиваемыми лорду различными распоряжениями арендаторов в различных случаях, включая изменения в аренде, наследование по наследству, пошлины после смерти, браки дочерей, рождение незаконнорожденных детей, совершение неприятностей, браконьерство и все вопросы мелкого местного самоуправления. У первого суда года обычно самый длинный свиток, пергамент исписан с одной стороны, возможно, длиной в двадцать или двадцать четыре дюйма; на полях напротив каждой записи указана сумма штрафов; иногда появляются списки присяжных, в которых должны были рассматриваться дела. О сообществе, чей бизнес управлялся таким образом, представление можно составить на примере поместья Касл-Комб[269]: в 1340 году на склонах холмов было два открытых поля, каждое площадью около 500 акров, которые обрабатывали 10 арендаторов-свободных людей, 15 вилланов, 11 других крепостных, обрабатывающих по пол-акра каждое; 8 арендаторов коттеджей с участками, 12 арендаторов коттеджей без участков, а также 3 арендатора коттеджей в Малмсбери.

Нетрудно понять, что такое необычное событие, как великая смертность 1348-1349 годов, оставило бы свой след в списках дворов поместий; вакансий, связанных со смертью, с их штрафами и наследственными доходами, а также всех записей, касающихся изменений в аренде, было бы необычайно много. Соответственно, в свитках за тот год мы находим много интересного для записей; на первый взгляд видно, что пергаменты исписаны внутри и снаружи, как на свитке в видении пророка; и это, пожалуй, все, что покажет проверка, если только изучающий не разберется в одном из самых сложных из всех видов древнего почерка, самом сложном, потому что в нем больше всего сокращений и условных форм. Но немногими эти палеографические трудности были преодолены (несомненно, ценой определенного труда экспертов), и результаты, касающиеся великой смертности 1349 года, были обнародованы.

Поместье Уинслоу в Бакингемшире, принадлежащее великому аббатству Сент-Олбанс, было большим и типичным[270]. Помимо главной деревни, в нем было шесть хуторов. В судах по делам поместий, состоявшихся в 1348-9 годах, не менее 153 владений были переданы в качестве переходящих из рук в руки после смерти предыдущих владельцев, при этом права аренды были либо повторно предоставлены единственному наследнику умершего, либо лицам, возвратившимся, либо, в случае отсутствия таковых, сохранены лордом. Из 153 умерших

арендаторов 28 были владельцами виргатов и 14 - полувиргатов; или, другими словами, погибло 42 мелких фермера, обрабатывавших от сорока до пятнадцати акров каждый на полосах в пол-акра, разбросанных по общим полям поместья. Эти 42 человека владели вдвое большим количеством земли, чем все остальные 111 вместе взятые; последним, более многочисленным классом, были земледельцы, которые обрабатывали одну или более полосок площадью в пол-акра: к ним относились различные мелкие торговцы, ремесленники и чернорабочие деревни и ее хуторов; в то время как первый класс представлял "высшие классы арендаторов в сельской местности".

Из обоих классов вместе взятых 153 человека умерли в результате великой смертности. Какое отношение это число имело ко всему числу арендаторов поместья, можно понять из следующего: из 43 присяжных, принадлежавших почти исключительно к классу крупных землевладельцев, которые входили в состав мелкого жюри в 1346, 1347 и 1348 годах, 27 умерли в 1349 году; так что мы можем считать, что трое из каждых пяти взрослых мужчин умерли в округе Уинслоу, хотя было бы ошибочным заключать, что такая же доля взрослых женщин умерла, или престарелых лиц, или младенцев и маленьких детей.

Другой, более разнообразный массив доказательств был получен в результате исследований списков поместных дворов в Восточной Англии[271].

В приходе Ханстентон, на крайнем севере Норфолка, площадью от 2000 до 2500 акров, за два месяца были похищены 63 мужчины и 15 женщин: в 31 из этих случаев наследниками были только женщины и дети, а в 9 случаях вообще не было наследников; общее число арендаторов поместья, умерших за восемь месяцев, составило 172 человека, из которых 74 не оставили наследников мужского пола, а у 19 других не осталось кровных родственников, которые могли бы претендовать на наследство. Ниже приводится отчет суда поместья Корнард Парва, небольшого прихода в Саффолке: 31 марта 1349 года сообщалось о смерти 6 женщин и 3 мужчин; 1 мая - 13 мужчин и 2 женщины, из которых у 7 не было наследников; на следующем заседании 3 ноября было зафиксировано еще 36 смертей арендаторов, из которых 13 не оставили наследников. В Хэдстоне, деревушке Банвелл, в двенадцати милях от Норвича, в которой вряд ли могло быть 400 жителей, за шесть месяцев были похищены 54 мужчины и 14 женщин, 24 из них не получили наследства. В мэнор-корте Крокстона, недалеко от Тетфорда, 24 июля было зарегистрировано 17 смертей со времени последнего судебного заседания, 8 из них без наследников. В Рейнхэм-корте в тот же день 18 многоквартирных домов перешли в руки лорда, 8 из них были полностью отчуждены, а остальные оставлены за собой до появления наследника. В других судах иски, назначенные к слушанию, не могли быть продолжены из-за смерти свидетелей (например, 11 погибших из 16 свидетелей) или принципалов. В списках мэнор-корта Лессингема от 15 января 1350 года есть запись, что требовалось всего тридцать шиллингов таллажа, "потому что большая часть тех арендаторов, которые обычно производили таллаж, умерла в предыдущем году из-за смертельной эпидемии"[272].

Дальнейшее изучение архивов судов поместий, несомненно, покажет, что опыт Бакингамшира, Норфолка, Саффолка и Ланкашира не был единичным. Из "Касл Комб роллс" ничего не было извлечено относительно смертности в 1348-9 годах, за исключением одной записи (13 ноября 1357 г.) о том, что некий доходный дом пришел в упадок, оставаясь в руках лорда со времен эпидемии из-за отсутствия покупателя; но было бы небезопасно делать вывод, что это

изолированное поместье в Уилтшире не разделило общей участи. Отчеты о некоторых поместьях в Хартфордшире в течение тридцати лет после Черной смерти были озаглавлены списком тех, кто освободил жилье из-за смерти во время этой эпидемии[273]. Истлевшая надпись, высеченная в камне приходской церкви Эшвелла в том же графстве, повествует о великой смертности 1349 года и великой буре в январе 1362 года[274]. Почти все обитатели аббатства Мо, расположенного в графстве Холдернесс в Йоркшире, были мертвы, так же как и монахи в монастырских стенах. В поместье Эншем, недалеко от Оксфорда, “едва ли осталось два арендатора[275]”.

Непосредственные последствия великой смертности оказались не столь поразительными, как можно было бы предположить. Хотя он обрушился на города и сельскую местность одним ужасающим ударом, все же некоторые места оправились от него раньше, чем другие почувствовали его; он закончился в Бристоле (насколько нам известно) до того, как достиг апогея в Лондоне, и почти закончился в Лондоне до того, как начался в Йорке. Погибших быстро хоронили в траншеях; вакансии среди духовенства были быстро заполнены; суды поместий встречались и вели дела, а их записи велись по большей части в обычном канцелярском стиле. Столь сильное потрясение в обществе, естественно, привело к некоторым нарушениям: из одного округа в Норфолке сообщают о раздевании мертвых, в 1349 и 1350 годах драки и ссоры происходили в судах чаще, чем когда-либо, и мы читаем о двух женщинах, у каждой из которых было по три мужа за столько же месяцев[276]. Найтон говорит, что овцы и крупный рогатый скот были брошены бродить без присмотра и что они часто погибали в канавах на обочине. В том же году произошел падеж скота; в одном месте пять тысяч овец погибли на пастбище и были оставлены разлагаться[277]. Цена лошади упала с сорока шиллингов до половины марки; жирного быка можно было купить за четыре шиллинга, корову - за двенадцать пенсов, телку - за шесть пенсов, жирную овцу - за четыре пенса, комочек шерсти - за девять пенсов[278]. С другой стороны, когда нужно было собрать урожай 1349 года, цена рабочей силы резко возросла. По словам Найтона, жнец получал восемь пенсов в день вместе с едой, а косилка - двенадцать пенсов. Дошедшие до нас отчеты, сведенные в таблицу Торольдом Роджерсом, подтверждают заявление современника: темпы обмолота урожая 1349 года были темпами паники и принуждения, не имевшими аналогов ни до, ни после в Восточных, Центральных и Южных графствах; непосредственным следствием нехватки рабочих рук было почти удвоение заработной платы за труд на данный момент. Многие вилланы или крепостные воспользовались возможностью сбежать в города или в отдаленные поместья, где они могли бы выдвинуть свои собственные условия. Из инцидентов последнего рода, вероятно, очень распространенных, у нас есть зарегистрированный случай[279]: В ходе расследования, проведенного через несколько лет после Черной смерти, в различных поместьях близ Оксфорда, принадлежащих Крайст-Черч, было установлено, что “во время смертности или эпидемии, которая была в 1349 году, в упомянутом поместье [Эншем] оставалось едва ли два арендатора, и они пожелали бы уехать, если бы брат Николас де Аптон, тогдашний настоятель упомянутого поместья, не присоединился к ним заново, как это было в прошлом году”. так же, как и с другими жильцами, которые пришли сюда.

Что касается непосредственных последствий великой смертности. Ее последствия, ощущаемые в течение года или двух на экономике и нравах страны, на могуществе старого правящего класса, на распространении промышленности и новой жизни городов, на системе земледелия, на развитии юридической профессии в Лондоне и на различных других вещах, являются гораздо более сложной и спорной темой, некоторая часть которой будет рассмотрена в

следующей главе в связи с последующей историей чумы или ее приручения на почве Англии. Многие события в Англии были отмечены как произошедшие “во время эпидемии”, если процитировать расхожую фразу из "Видения Пирса Пахаря", и не последним из них были частые повторения чумы или распространение болезней настолько устойчивое, что поэт сравнивает это с дождем, проникающим через прохудившуюся крышу.

Некоторые историки сомневаются, что, в конце концов, Черная смерть так уж сильно изменила ход событий[280]. Возможно, неизбежно, что ученые, привыкшие иметь дело только с очевидной человеческой причинностью, должны с некоторым недоверием относиться к многочисленным заявлениям о моральных и социальных последствиях явления, которое было склонно причислять к кометам и землетрясениям. Внезапное уменьшение численности населения действительно может стать предметом обсуждения экономистов без какого-либо учета причинно-следственной связи и независимо от средств, с помощью которых численность была сокращена; и это было единственным историческим интересом к великой смертности до сих пор. Но действие эпидемии своеобразно; уменьшение численности населения происходит не так, как это положено природе; более близка аналогия с войной на уничтожение. Вторжение Черной Смерти было частью великой человеческой драмы, точно так же, как если бы в ней зримо присутствовал кишаский народ или варвар-завоеватель. Если в четырнадцатом веке события развивались в направлении какой-то конкретной проблемы, как ретроспективно обнаруживают историки, то приход великой чумы был частью этого движения, органично связанной с другими его силами и не более произвольной, чем они сами. Таким образом, становится интересным проследить предшествующие события Черной смерти, прежде чем мы попытаемся проследить за ее последствиями; и это не менее интересно, чем то, что цепь событий уводит нас так далеко на восток, на территорию Китая, и к инцидентам, которые сопровождали крах величайшего государства Средневековья, империи Великого хана.

Предшествующие события Черной смерти.

Когда Черная смерть в своем продвижении на запад пришла в Константинополь в 1347 году, император-историк Иоанн Кантакузин присутствовал в своей столице, чтобы засвидетельствовать приход эпидемии; в своей истории он написал, что она пришла к ним из страны гиперборейских скифов, то есть крымских татар. Другой современный византийский историк, Никифор Грег, говорит, что эпидемия началась среди скифов в Крыму и в устьях Дона. В русских летописях, которые являются независимым источником и, вероятно, имеют правильную традицию, также говорится, что чума была Божьей карой для жителей Донской территории и нескольких других населенных пунктов с устаревшими названиями, включая знаменитый город Сарай на Волге[281]. Херсонес и страна от Дона до Волги или от Эвксинских островов до Каспия - вот регионы, которые, таким образом, ясно указаны как место первой вспышки Черной Смерти; но не было никакого ключа к ее необъяснимому появлению там или к связи между ее вспышкой на границах Европы и далеким домом на Востоке, который молва того времени смутно приписывала ей. Более определенная связь Черной смерти с Китаем датируется 1757 годом, когда аббат Де Гинь в своей *Истории гуннов*[282] продолжил старую традицию арабского историка Абуэля Махасина о том, что чума началась в Татарии, что запах трупов распространился повсюду, что инфекция перешла из Китая или Татарии к татарам Капчака (Крыма), а от них в Константинополь и Европу, с одной стороны, и в Малую Азию,

Сирию, С другой стороны, Египет и Северная Африка. Он также отметил, что сухопутная караванная торговля является готовым средством транспортировки инфекции. То, что особенно привлекло его внимание как историка монгольской державы, было другим заявлением арабского историка в том же контексте, что Китай подвергся наводнениям настолько катастрофическим, что погибли люди, звери и даже птицы, и что страна почти обезлюдела. По этому намеку Де Гинь собрал из китайских летописей первой половины четырнадцатого века значительный список[283] бедствий, которые действительно произошли — наводнений, унесших миллионы жизней, землетрясений и тому подобного, приложив каталог без комментариев в качестве примечания к тексту, где он имеет случай упомянуть Черную смерть. Записка Де Гиня была дословно воспроизведена Хеккером в его эссе о Черной смерти в 1832 году, и необычная серия явлений в Китае была положена в основу определенных мистических предположений о влиянии землетрясений на “прогрессирующее заражение зон”, возмущение “земного организма”, “пагубное возмущение атмосферы” и тому подобное. В таком туманном и неудовлетворительном состоянии старая традиция о Черной смерти, зародившаяся в Китае, сохранилась до настоящего времени; интуиция пекинского иезуита была просто заимствована и изложена по-своему немецким “натурфилософом”[284].

Между тем, в 1842 году ключ к гипотезе Де Гиня о связи между ввозом Черной смерти и сухопутным маршрутом в Китай был найден (но не получил дальнейшего развития) в обнаружении Хеншелем латинской рукописи в библиотеке Редигера в Бреслау[285]. Это было повествование, составленное неким Габриэлем де Муссисом, юристом из Пьяченцы, который практиковал в качестве нотариуса или адвоката среди генуэзцев и венецианцев, торговавших у берегов Эвксинского и Каспийского морей, и был очевидцем вспышки чумы в этом регионе. У де Мюсси нет теории о происхождении чумы; он просто рассказывает о событиях так, как они разворачивались у него на глазах; он был настолько вовлечен в них, что был пассажиром на борту того самого корабля, который доставил первые семена Черной смерти прямо из Крыма в Геную еще весной 1347 года.

Суть этой истории заключается в том, что итальянские купцы, которые потом осели в значительном количестве на различных Термини или что сухопутный торговля из Китая и Центральной Азии по более северному маршруту, они подвергались преследованиям со стороны татарских орд; что они выдержали осаду в Тане, на Дон, но был изгнан из него, и укрылся за себя и свои товары в стенах Кафы, небольшой укрепленный пункт на Крымском проливы (в Kertch), строили генуэзцы незадолго до того; что Каффы был осажден в свое время татарские варвары; что инвестиции продолжалась почти три года; что купцам и другим, скученные на узком пространстве внутри стен, были помещены в большие проливы и с трудом мог дышать, лишь частично освобождается от прибытия корабля с припасами; что чума разразилась среди осаждающих зубного камня хозяина и ежедневно уничтожаются тысячи; что татары бросили зловредные трупы внутри стен по их двигателей осады, так что инфекция взял в Форт; что татары рассеялись в панике и распространению инфекции по всей берегов Эвксинского, Каспийского и Леванта; что такое итальянские торговцы как могли, де Mussis себя с ними, бежал из Кафы в судно; и, что инфекция появилась в Генуе в своей самой смертоносной форме через день или два после прибытия судна, хотя никто из находившихся на борту страдали от чумы.

Таковы все обстоятельства, связанные Де Мюсси с началом эпидемии, известные ему из первых рук: остальная часть его повествования посвящена различным случаям чумы в Европе,

благочестивым размышлениям и описаниям предзнаменований. Единственное его упоминание о Китае звучит следующим образом: “На Востоке, около Китая, где находится глава мира и начало земли, появились ужасные и устрашающие знамения; ибо змеи и лягушки, спускаясь с проливными дождями, проникали в жилища и поглощали бесчисленное количество людей, ранив их своим ядом и разъедавая своими зубами. В меридиональных частях, около Индии, регионы были опрокинуты землетрясениями, города лежали в руинах, вырывались языки пламени. Огненные пары сожгли многих, и местами прошли обильные дожди из крови и смертоносных камней”. Де Муссис, безусловно, не преследует научных целей; нельзя также сказать, что его рукопись использовалась в каких-либо научных целях с момента ее обнаружения. Ибо Хазер, его редактор, просто воспроизводит в своей истории отрывок из Хеккера о трех сухопутных маршрутах между Европой и Востоком, не обращая внимания на тот факт, что Де Мюсси определенно относит вспышку чумы к европейскому конечному пункту одного из них: ее отдаленное происхождение окутано “непроницаемой тьмой”; все, что мы можем сказать, это то, что она пришла с Востока, “колыбели человеческой расы”[286].

Но полностью достоверный рассказ Де Муссиса о вспышке чумы при осаде Каффы - это всего лишь ключ, который помог разгадать значение широко распространенных в то время слухов о том, что чума пришла из Китая. Давайте сначала поближе рассмотрим источник этого слуха. Наиболее определенное выражение это находит в арабском рассказе о Черной смерти в Гранаде, написанном известным мавританским государственным деятелем этого города Ибн-уль-Хатибом[287]. Помимо описания местных условий в Гранаде, он делает различные замечания о природе чумы и способах ее распространения, которые не уступают по проницательности более научным доктринам более поздних времен. Он повторяет ее происхождение в Китае, опираясь на авторитет нескольких заслуживающих доверия и много путешествовавших людей, в особенности своего знаменитого соотечественника Ибн-Батуты, или “Путешественника”, чья история заключалась в том, что чума возникла в Китае из-за разложения множества трупов после войны, голода и пожаров.

Упоминание Ибн-Батуты, в частности, как авторитетного лица, представляет особый интерес. Этот путешественник действительно находился в Китае с 1342 по 1346 год. В своей книге путешествий[288] он рассказывает нам, как на обратном пути (он отправился морским путем из Ост-Индии в Персидский залив) летом 1348 года он наконец добрался до Дамаска, Алеппо и Каира и был свидетелем Черной смерти в каждом из этих мест и смешанных религиозных процессий в Дамаске, состоящих из евреев с их еврейскими Писаниями и христиан с их Евангелиями. Но он нигде ни слова не говорит о происхождении чумы в Китае, откуда он возвращался домой. Он продолжил свое путешествие в Танжер, на родину, и переправился оттуда в Испанию примерно в начале 1350 года. В Гранаде он провел несколько дней среди своих соотечественников, из которых он называет в своем дневнике четверых поименно; но самого известного из них, Ибн-уль-Хатиба, он не упоминает. Однако через год или два после Черной смерти Ибн-Батута был в Гранаде и беседовал на всевозможные темы с самыми выдающимися маврами этого места; и вот один из них, Ибн-уль-Хатиб, в отчете о Черной смерти в Гранаде цитирует сообщение Ибн-Батуты о том, что эпидемия возникла в Китае из-за разложения непогребенных трупов. Ни одно из других утверждений восточного происхождения не может сравниться с этим по точности или достоверности; все они действительно путают обратное распространение чумы с Эвксинского полуострова на восток, в Хиву, Бухару и тому подобное, с ее первоначальным распространением в Европу из источника, расположенного еще дальше на восток. Авторитет самого Ибн-Батуты, конечно, не является авторитетом

историка или наблюдателя; хотя он был в Китае, по крайней мере, во время части национальных бедствий, о которых сообщают китайские анналы, он ничего о них не говорит и, вероятно, ничего не видел. Но путешественник, скорее всего, правильно расслышал восточные сплетни и оценил их достоверность, так что есть удовлетворение в том, чтобы проследить их через него.

Осаду Каффы и ее общие обстоятельства мы можем считать историческими, опираясь на авторитет итальянского нотариуса, который был там; но можно усомниться в том, что чума началась, как он говорит, среди орд кочевников за пределами форта. Во время осад не было ничего необычного в том, что обе стороны страдали от инфекционных заболеваний; и хотя не всегда легко сказать, где могла начаться болезнь, предполагается, что она возникла среди тех, кто был наиболее стеснен, больше всего страдал от нужды и больше всего падал духом. Конечно, не совсем немыслимо, что татары, осаждавшие Каффу, завели в своем лагере заразную болезнь; кочевники Киренейского нагорья за последние годы не раз разводили саму бубонную чуму в своих жалких летних палатках, и время от времени чума появлялась в изолированных или отдаленных бедуинских деревнях на базальтовых плато Аравии. В образе жизни кочевников нет ничего неблагоприятного для продуктов, вызывающих чуму, и меньше всего в жизни кочевников, разбивающих лагерь на сезон. Но такие вспышки бубонной чумы или сыпного тифа были локальными, спорадическими или недиффузионными. С другой стороны, чума, возникшая при осаде Каффы, была Черной смертью, одним из двух величайших бедствий в мировой истории. Давайте тогда посмотрим, есть ли хоть сколько-нибудь большая вероятность обнаружить внутри стен Каффы притаившиеся микробы столь страшной заразы. В стены генуэзского торгового форта стекались итальянские купцы со всего этого региона со своими товарами — как говорит Де Муссис, *fugientes pro suarum tutione personarum et rerum*. Перед трехлетней осадой в Каффе они, или некоторые из них, выдержали осаду в Танае и отступили к следующему посту на пути домой. Тана находилась в восточной излучине Дона, откуда дорога через степь кратчайшая к западной излучине Волги; немного выше излучины Волги находился великий город Сарай, откуда караваны отправлялись в свое сухопутное путешествие по северным параллелям, через горные хребты и пустыню Гоби, чтобы войти в Китай под его северо—западным углом, как раз в конце Великой китайской стены[289]. Товары из Сарая и Таны были обратным товаром Китая — тюки шелка и тонких тканей, специи и лекарства, которые стали предметом большой торговли между Китаем и Европой с тех пор, как Марко Поло впервые указал путь, и которые продолжали поступать в Европу караванными путями примерно до 1360 года: затем путь был закрыт из-за окончательного свержения власти Великого хана, который когда-то обеспечил мирный транзит из Желтого моря в Черное, — закрыт настолько полностью, что двести лет спустя люди забыли, что он когда-либо существовал.

Содержали ли эти тюки с китайскими продуктами, доставленные в Каффу для защиты, семена Черной Смерти? По крайней мере, нет ничего невероятного в том, что семена чумы таятся в тюках с товарами; впоследствии этот способ передачи был признан в высшей степени характерным для чумы в левантийские времена. Нет ничего невероятного и в том, что семена инфицируются за тысячи миль через пустыни Центральной Азии; таким образом, холера попала из Индии в 1827-1888 годах караванным путем в Кабул, Балх, Бухару, Хиву и Киргизскую степь в Оренбург, а затем снова в 1847 году в Астрахань; и медленно распространяющиеся по суше вирусы этих двух великих эпидемий превзошли по вирулентности более поздний занос холеры морским путем с Востока. Более того, нет ничего невероятного в том, что микробы чумы долгое время находятся в латентном состоянии, или в том, что болезнь существует как

потенция, хотя и не проявляется в ряде случаев. Следующий этап его продвижения, от Каффы до Генуи, иллюстрирует именно это; поскольку мы знаем, что на борту корабля не было случаев чумы, хотя самой атмосферы или запаха вновь прибывшего, казалось, было достаточно, чтобы отравить весь воздух Генуи и принести смерть в каждую часть города в течение пары дней. И, наконец, длительное заточение вируса в тюках с товарами, скопление торговцев и товаров в узком пространстве окруженного стеной морского порта среди почти неизбежной нищеты и последствий трехлетней осады были теми самыми обстоятельствами, которые были необходимы для того, чтобы поднять эффективность предполагаемого вируса на необычную высоту, придать ему степень вирулентности, которая сделала бы его эффективным, и силу распространения, которая позволила бы распространять и продолжать высвобожденную инфекцию подобно величайшей из эпидемий.

Таким образом, если нам придется выбирать между происхождением вируса чумы среди татарских орд, осаждавших китайских торговцев в стенах Каффы, и существованием этого вируса в течение длительного времени в латентном состоянии среди товаров или имущества осажденных, последней гипотезе следует отдать преимущество в вероятности. Приняв это, мы следуем за вирусом обратно в Тану на Дону, из Таны в Сарай на Волге, из Сарая проторенным маршрутом, который не нуждается в подробностях[290], в течение многих недель пути, пока не прибудем на землю Китая. Согласно доминирующей школе эпидемиологов, всегда достаточно отследить вирус до отдаленного источника, до “крыши мира” или до обратной стороны восточного ветра, и там оставить его в полной уверенности, что должны были быть обстоятельства, объясняющие его зарождение там, возможно, в столь же отдаленном прошлом, если бы только мы их знали. Однако, если мы определенно пойдем по следу, ведущему в Китай, наш долг - связать его там с реальной историей или традицией, если потребуется, незапамятной китайской чумы. Но такой истории или традиции найти невозможно. Мы кое-что знаем о Китае Хубилай-хана за пятьдесят лет до этого из книги Марко Поло; и единственной возможной ссылкой на чуму там является двусмысленное утверждение о “карбункулах” в отдаленной провинции, которой, вероятно, был Юньнань. И не только это, но если мы внимательно изучим китайские летописи, мы обнаружим, что тридцать лет, предшествовавшие Черной смерти, действительно были отмечены многими великими бедствиями и гибелью людей в огромных масштабах, наводнениями, засухами, землетрясениями, массовыми голодами и лихорадками, но не чумой, не связанной с ними; с другой стороны, тридцать или сорок лет после того, как Черная смерть охватила Европу, начиная с 1352 года, отмечены в китайских летописях (как кратко изложено в *Императорской энциклопедии* Китая). Пекин, 1726) чередой “великих эпидемий” в различных провинциях Империи, которые не связаны с сезонами бедствий, а выделяются как болезни-бедствия в чистом виде[291]. Если Черная смерть вообще связана с событиями в Китае, то эти события были стихийными бедствиями и сопутствующей им гибелью людей, а не вспышками чумы как таковой; поскольку последние, если предположить, что это была бубонная чума, произошли в Китае после опустошения Европы чумой.

Итак, нам остается сделать все возможное из предшествующих бедствий Китая; и теперь мы можем вернуться к любопытному слуху того времени о том, что в Китае имело значение разложение множества трупов, оставшихся непогребенными после наводнений, войн и пожаров. Что касается войны и пожаров, то они совершенно второстепенны; войны не было, за исключением случайных безрезультатных восстаний в какой-нибудь отдаленной западной провинции, а пожары были незначительными происшествиями, действительно отмеченными в

Летописях, но затерянными среди более крупных бедствий. Наводнения, засухи и голод были событиями, повторявшимися почти ежегодно в течение многих лет до этого, так что ни один период в Анналах Китая не представляет такой непрерывной картины национальных бедствий, какой была история Китая во все времена от бедствий одного и того же рода. Это был упадок великой монгольской империи, основанной Чингизом и доведенной Хубилаем до той изумительной высоты великолепия и процветания, о которой мы читаем в книге Марко Поло. Воинственные добродетели прежних монгольских правителей выродились у их преемников в чувственные пороки во времена мира; и история страны, где правили священники, обремененные налогами женщины и евнухи, пренебрегали тысячью водных путей и всеми мерами предосторожности от наводнений и голода, которые установили более мудрые правители, год от года становилась иллюстрацией древнего китайского изречения, что плохое управление во дворце карается гневом неба.

Следующее описание бедствий в Китае взято из *"Генеральной истории Китая" Де Майи*. Париж, 1777, 9 томов. 4-й том., перевод сокращенных официальных летописей.

1308 год знаменует начало череды плохих сезонов. Засухи в одних местах, наводнения в других, нашествие саранчи и неурожай привели к голоду и мору. Жители Кианг-Хоаи были вынуждены питаться дикорастущими кореньями и корой деревьев. В Хо-нань и Чан-тонге отцы ели мясо детей. Императорские зернохранилища все еще могли поставлять зерно, но его было недостаточно для удовлетворения потребностей народа. Провинции Кианг-си и Че-кианг были обезлюдены из-за чумы или злокачественной лихорадки, последовавшей за массовым голодом. Министры подали заявления об отставке, которые не были приняты.

В 1313 году повторяются те же события, включая отставку министров. Эпидемия унесла многих жителей столицы, и вся империя была опустошена засухой. На совете министров, посвященном разработке средств правовой защиты и предотвращению дальнейших бедствий, одни предлагали скопировать институты древних империй, прославившихся своей добродетелью, а другие - упразднить буддистское духовенство Фоха как причину всех несчастий. Трон сейчас занимает Гин-цзун, император серьезного и аскетичного нрава. В 1314 году он возродил старую китайскую систему конкурсных экзаменов и особую одежду мандаринов, без которой прежние монгольские правители могли обойтись. В следующем году состоится публичная раздача зерна и проверка взысканий сборщиков налогов в неблагополучных округах. Похоже, что в 1317 году провинциальные мандарины, вопреки прямому приказу, пренебрегли законами Хубилая в отношении распределения зерна, хотя откладывать такую государственную помощь дольше было опасно; они также не смогли ослабить свою строгость при сборе налогов. Однажды император обнаружил в Пекине солдата в лохмотьях из отдаленного гарнизона и обнаружил, что система хищений в армейском отделе одежды существует уже пять лет. Сообщается, что Гин-цзун сказал своим министрам: "Мои августейшие предшественники оставили мудрые законы, которым я всегда в глубине души неукоснительно следовал; но я с болью вижу, что ими пренебрегают и что мой народ несчастлив".

В 1318 году мы читаем о великом наводнении в одной провинции, о множестве утонувших и о публичной раздаче зерна. В 1320 году сорок цензоров Империи выступили с протестом против жестоких поборов "общественных пиявок" и против практики клеветы на честных людей, чтобы убрать их с дороги. Император Гин-цзун умер в том же году в возрасте тридцати трех лет, и с его смертью закончилась последняя серьезная попытка остановить поток коррупции. В 1321 году в

Хо-нань разразилась засуха, за которой последовал голод. В 1324 году мы читаем о засухах, нашествиях саранчи, наводнениях и землетрясениях. Император обратился за советом к знати, министрам и мудрецам и получил следующий ответ: “В то время как дворец принца полон евнухов, астрологов, врачей, женщин и других праздных людей, содержание которых обходится государству в огромные суммы, народ погружен в крайнюю нищету. Империя - это семья, а император - ее отец: пусть он прислушается к воплям несчастных”. В 1325 году голод последовал за бедствиями предыдущего года; и мы узнаем, что люди снабжались из полных закромов богатых, которым платили не из Государственной казны, а из мест в мандаринате! В 1326 году тирания и распущенность лам-бхуддистов достигают апогея, и против них издается эдикт. 1327 год отмечен рядом бедствий и предзнаменований — засухой, нашествием саранчи, уничтожением урожая, землетрясениями, наводнениями. В 1330 году снова начались наводнения и уничтожение урожая, жестокий голод в Хоу-Куане, миллионы акров земли были разорены, а 400 000 семей доведены до нищеты. В 1331 году урожай был хуже, чем годом ранее — в Чех-кианге насчитывалось более 800 000 семей, которые не собрали ни единого зернышка кукурузы или риса, — и все это время огромные налоги взимались из-за всеобщей бедности.

В 1333 году начинается долгое и пагубное правление Шунь-ти, который вззошел на трон слабым тринадцатилетним юношей. В следующем году несчастья Китая достигнут своей высшей точки. Наводнения уничтожили урожай в Чантоне; засуха в Чех-кианге вызвала голод и мор; в южных провинциях в целом голод и наводнения стали причиной гибели 2 270 000 семей, или 13 000 000 человек. В 1336 году наводнения в Чан-тонге погубили урожай; в Кианг-нань и Че-кианге первый урожай был неурожайным из-за засухи, множество людей погибло от голода, и разразилась чума. Император, равнодушный к несчастьям своего народа, предается своим удовольствиям. В следующем году произошло первое из тех провинциальных восстаний, возглавляемых малоизвестными китайскими крестьянами, которые в конечном итоге свергли династию в 1368 году. Наводнения произошли более чем в одном речном бассейне, в результате которых утонуло множество людей и животных; в долине Кианга (притока Хоанг-хо) погибло четыре миллиона человек. В течение нескольких лет мы читаем о многочисленных и повторяющихся толчках землетрясений, в 1341 году о великом голоде, в 1342 году о голоде настолько сильном, что употребляли в пищу человеческое мясо, в 1343 году о семи затопленных городах, в 1344 году о большом участке страны, затопленном морем в результате землетрясения, в 1345 году о землетрясениях в Пе-чили, в 1346 году о семидневных землетрясениях в Чан-тонге и о великом голоде в Чан-си. В 1347 году произошли землетрясения в различных провинциях и засуха в Хо-тонге, за которыми последовало множество смертей. Описание бедствий в сокращенных летописях Де Майи и у Де Гиня, который явно имел доступ к более полным повествованиям, на какое-то время заканчивается 1347 годом.

Следует отметить, что в этих записях сравнительно мало говорится об эпидемических заболеваниях. Ссылки на мор ни в коем случае не предполагают чего-либо большего, чем сыпной тиф, который обычно сопровождал голод в Китае и никогда не демонстрировал независимой жизнеспособности и распространяющих свойств чумы. Но незначительное место, которое занимала настоящая эпидемия в Китае за годы до Черной смерти в Европе, становится еще более очевидным при сравнении этого периода с разделом китайских летописей для следующего поколения. В хронологии китайских эпидемий, составленной Гордоном (Лондон, 1884) из Пекинской энциклопедии 1726 года, за 1308-1347 годы имеются точно такие же записи о чуме, которые приведены выше во французской адаптации "Анналов" Де Майи и Де Гиня. (Гордон совершает очевидную ошибку, приписывая эпидемии огромные человеческие потери,

которые в Летописях явно приписываются наводнениям и голоду с сопутствующими им болезнями.) Но с 1352 годом мы вступаем в великий чумной период, столь же четко отмеченный в истории Китая ежегодным повторением масштабных эпидемий, как десятилетия до этого были отмечены необычной частотой наводнений, голода и землетрясений. Каждый год с 1352 по 1363 год, за исключением 1355 года, отмечается "великий мор" или "великая чума" (и-ли) в той или иной провинции, хотя старая история о наводнениях и голоде в Анналах подошла к концу. Последнее из почти непрерывной серии великих эпидемий произошло в 1369 году, когда в Фукиене свирепствовал сильный мор, и "мертвые горами лежали на земле". Затем наступает перерыв до 1380 года, а после этого более длительный перерыв до 1403 года. Таким образом, создается впечатление, что великий эпидемический период в Китае в четырнадцатом веке не совпадал с чередой катастрофических сезонов, а следовал за последними с определенным интервалом. И наоборот, годы чумы с 1352 по 1369 год, по-видимому, не были годами наводнений и неурожаев; для сравнения, они выделяются в хронологии как годы чумных заболеваний в чистом виде; и хотя ничего не говорится о типе бубонной чумы, все же вряд ли можно предположить, что болезнь была старой голодной лихорадкой или другой болезнью, непосредственно вызванной наводнениями и дефицитом, до тех пор, пока ни слова не говорится о наводнениях и голодоморе в этом контексте или в Анналах в целом. Предполагается, что почва Китая, возможно, не ощутила в полной мере воздействия вируса чумы, первоначально зародившегося на ней, до тех пор, пока через несколько лет после того, как он был занесен в Европу, вызвав там за короткий промежуток времени колоссальный феномен Черной смерти. Если в этой точке зрения и есть что-то парадоксальное, то это сами факты, которые отказываются укладываться в то, что можно было бы считать естественной последовательностью.

Историк Гобиль считает, что национальные летописи максимально используют эти повторяющиеся бедствия, поскольку они были написаны официальными переписчиками следующей династии, которые стремились как можно больше дискредитировать монгольское правление[292]; но не предполагается, что составители выдумали серию бедствий — то в одной провинции или бассейне реки, то в другой, в одно время погибло тринадцать миллионов жизней, в другое - четыреста тысяч семей были доведены до нищеты, на этот раз засуха, в следующий раз наводнение, а в другой ряд лет серия стихийных бедствий. чередой разрушительных землетрясений.

Мы здесь заинтересованы в том, чтобы обнаружить любую возможную связь, которую эти бедствия, надвигающиеся одно на другое почти без времени на восстановление, могли иметь с возникновением вируса чумы. Согласно слухам того времени, причиной Черной смерти в Китае было разложение непогребенных трупов; и, конечно же, непогребенные трупы были там, *vera causa*, если это было все. Недавний опыт, полученный в Китае, позволяет нам легко представить себе состояние берегов рек после тех фатальных наводнений четырнадцатого века или обочин дорог после повторяющегося голода. Так, о голоде 1878 года говорится[293]: "Для трупов нельзя добывать гробы и готовить для них могилы. Их кровь растеклась по земле, повсюду валяются их кости.... Мор [как известно, это был сыпной тиф] приходит вместе с голодом, и кто может придумать лекарство от чумы или гробы для множества мертвых?" Или, опять же, согласно сообщению в "Официальной пекинской газете" от 16 января 1878 года, "дороги устланы трупами в таком количестве, что не хватает усилий для их погребения"[294].

В истории Китая из века в век много одинакового; то, что произошло в 1878 году и снова в меньшем масштабе два или три года назад, должно было происходить в беспрецедентных масштабах год за годом в течение злополучного периода, закончившегося около 1342 года; должно быть, не было обычного нарушения приличий и санитарных мер при погребении в 1334 году, когда тринадцать миллионов (два миллиона двести семьдесят тысяч семей) были унесены наводнениями Янцзы или уничтожены голодом и болезнями. Но мы не можем полностью полагаться на воображение. Перед нами остается удивительно яркая картина сцены в Китае тех лет, которую вернувшийся миссионер увидел как в видении. Монах Одорик из Порденоне провел шесть лет в Северном Китае до 1327 или 1328 года, когда он вернулся в Италию одним из сухопутных маршрутов. История его путешествий^[295] впоследствии была сорвана с его уст, и она заканчивается одной ужасной сценой, которая приводится без указания времени и места. Это видение долины смерти, наделенное той же атмосферой общности, что и в аллегории Баньяна об общей участи.

“Еще одна великая и ужасная вещь, которую я увидел. Ибо, когда я проходил через определенную долину, которая лежит у Реки Наслаждений (*flumen deliciarum*) Я увидел там много мертвых тел, лежащих там. И я слышал также там разные виды музыки, но главным образом накеры, на которых чудесно играли. И так силен был этот шум, что меня охватил очень сильный страх. Так вот, эта долина имеет семь или восемь миль в длину; и если какой-либо неверующий войдет в нее, он никогда больше не покинет ее, но немедленно погибнет. И все же я не решался войти внутрь, чтобы раз и навсегда понять, в чем дело. И когда я вошел внутрь, то увидел там, как я уже говорил, такое количество трупов, что никто, не увидев этого, не мог бы счесть правдоподобным. И на одной стороне долины, в самой скале, я как бы увидел лицо человека, очень великого и ужасного, настолько ужасного, что от моего чрезмерно сильного страха мой дух, казалось, умер во мне. Поэтому я осенил себя Крестным знаменем и начал беспрестанно повторять *Verbum caro factum*, но я совсем не осмеливался приблизиться к этому лицу, а держался на расстоянии семи или восьми шагов от него. И вот, наконец, я добрался до другого конца долины, взобрался на песчаный холм и огляделся вокруг”.

Поскольку повествование не относится к конкретному месту и конкретному году его путешествия, оно может означать, и, возможно, так и должно было быть, общее знакомство с Китаем в период монгольского упадка. Покинул ли он страну ущельями Ян-цзы и маршрутом Юнь-нань или вдоль верхнего бассейна Хоанг-хо более обычным северным маршрутом в пустыню Гоби, его видение Долины Трупов одинаково важно.

Теория о вирусе чумы.

Остается открытым вопрос о связи в теории патологии между бубонной чумой и разложением непогребенных мертвецов или неправильно погребенных мертвецов. О какой-то такой связи ходили слухи в то время, еще до того, как могла возникнуть какая-либо научная теория. Кроме того, фактор, о котором идет речь, несомненно, присутствовал среди предшествующих факторов, если он даже не был самым заметным из предшествующих факторов. Но мы все еще могли бы следовать за блуждающим огоньком, если бы доверяли теории Черной смерти этим эмпирическим предположениям, какими бы поразительными и правдоподобными они ни были. Не только из-за Черной смерти, но и из-за великих эпидемий мусульманских завоеваний, которые предшествовали Черной смерти на многие столетия, а также последовали за этой

великой промежуточной волной еще долгое время спустя в своей строгой последовательности, из-за очагов чумы в различных частях Азии и Африки в наши дни, и, прежде всего, из—за великой чумы правления Юстиниана, - именно для всего этого нужна теория бубонной чумы. Обзор обстоятельств всех этих эпидемий либо ослабит, либо усилит, уничтожит или утвердит теорию о том, что вирус Черной смерти возник на земле Китая из трупного яда, присутствующего в какой-то особой силе, и был занесен в Европу в ходе той сухопутной торговли, на конечной остановке которой мы впервые слышим о проявлении его вирулентности.

Теория о происхождении вируса чумы от разложения мертвых была распространенной в шестнадцатом веке. Его проводил среди прочих Амбруаз Паре, и он был тщательно разработан для Египта того времени Проспером Альпинусом, врачом венецианского консульства в Каире в конце того же столетия. Но самым блестящим изложением этого, одним из лучших упражнений на дикцию и рассуждения, которые когда-либо давались медицинской профессией, было то, что было дано в книге "Происхождение великой чумы в Египте времен правления Юстиниана" Этьеном Паризе, секретарем Медицинской академии и комиссаром от Франции по изучению чумы в Сирии и Египте в 1829 году[296].

В пораженном чумой Египте того времени, перенаселенном и все еще ожидавшем благодетельного правления Мехмета Али, внимание доктора Паризе было вынуждено обратить на тот же контраст между современным и древним способом захоронения мертвых и на непригодность первых для жизни в Дельте, который был отмечен Проспером Альпинусом в 1591 году и Де Майе, французским консулом в Каире в 1735 году, и на который особо останавливались философы восемнадцатого века, такие как Монтескье, Волни и Де По. С одной стороны, он видел своими глазами различные отвратительные вещи в Дельте— затопленные водой кирпичные гробницы, время от времени всплывающие на поверхность трупы, каналы, забитые разлагающимися телами быков, павших от падежа скота, дворы коптских и еврейских домов, полы мечетей, церквей и монастырей, заполненные поколениями умерших в их затопленных подвалах и катакомбах. С другой стороны, он видел на склонах Ливийского хребта и на краю пустыни, за пределами досягаемости наводнения, случайные отверстия в обширной и бесчисленной серии скальных гротов, в которые египтяне дохристианской эпохи тщательно складывали все мертвые тела, будь то птицы, звери или люди. Он был убежден в справедливости замечания Волни: "В условиях перенаселенности, под палящим солнцем и в почве, глубоко наполненной водой в течение нескольких месяцев в году, быстрое гниение тел становится закваской для чумы и других болезней[297]". Замечание Де По, хотя оно и не приводится, было столь же уместно: "В Египте больше не бальзамируют ни людей, ни животных; но древние египтяне, по-видимому, преуспели в следовании этому способу и в хранении мумий в самых глубоких углублениях раскопанных скал.... Если бы мы отметили здесь все, что эти две нации [арабы и турки] оставили незавершенным, и все, чего им не следовало делать, было бы легко понять, как страна, ранее не совсем больная, теперь превратилась в рассадник чумы[298]". Эти размышления восемнадцатого века, случайные и дискурсивные в манере того времени, были дополнены Паризе до научной полноты и упорядоченности и облечены в постоянную классическую форму. Подобно Де По и Волни, он превозносил древнюю санитарную мудрость Египта и оправдывал жреческую маску суеверия за безоговорочное послушание, которое она обеспечивала. Де По указал, что города, наиболее примечательные поклонением крокодилам, — Коптос, Арсиноя (Крокодилополис) и Атрибис, — все были расположены на каналах на некотором расстоянии от Нила; крокодилы никогда бы не добрались до них, если бы каналы не были очищены; согласно Элиану и Евсевию, крокодил был

символом воды, пригодной для питья; так что суеверное поклонение животному, по сути, было мотивом для поддержания каналов Нила в исправном состоянии. Египетские жрецы, говорит Паризе, с помощью своего аппарата вымыслов и эмблем стремились скрыть от нечестивых глаз вульгарных людей и посторонних секреты возвышенной философии[299]. Они делали вещи священными, чтобы сделать их обязательными, чтобы сдерживать силой религии, как это делал Моисей, их ученик. Им приходилось считаться с ежегодным разливом Нила, жарким солнцем и перенаселенностью. Предположим, что вся мертвая животная материя, человеческая или иная, была бы включена в почву при этих быстрых изменениях насыщения и высыхания, диффузии и эманации, какая масса яда, какая опасность для живых! Какую предусмотрительность они проявили, избежав этого, сколько труда и стараний, но какие результаты! Может ли кто-нибудь утверждать, что система, столь обширная, столь прекрасная, столь согласованная во всех своих частях, была порождена и сохранена просто невежественным фанатизмом, или что люди, у которых было так много мудрости в своих действиях, не имели ее в мыслях? Оглядываясь вокруг, на Египет христианской и мусульманской эпох, он спрашивает, что стало с этой гигиеной, внимательной, скрупулезной и просвещенной, с этой чудесной полицией захоронений, с этой поразительной заботой о сохранении почвы от всякой примеси гнилостных веществ? Древняя ученость Египта, мудрость, приобретенная тяжелым опытом в отдаленные века и доведенная до совершенства в благополучные времена, постепенно была ниспровергнута, сначала персидскими и греческими завоеваниями, ослабившими национальный дух, затем римским завоеванием, сломившим его, затем преобладанием христианских доктрин и, наконец, господством мусульман, более других враждебных санитарным мерам предосторожности.

Оставшийся аргумент Паризе заключался в том, что древний Египет благодаря систематической заботе о медленном разложении тел людей и животных вне досягаемости наводнения был спасен от чумы; в исторический период там были эпидемии, но это были тиф или другие болезни, вызванные тюрьмами, рабством и голодом. Согласно Геродоту, Египет и Ливия были двумя самыми здоровыми странами под солнцем. Но когда яростный аргумент святого Павла относительно естественного и духовного тела начал уступать место, когда люди начали задавать вопрос: “Как воскресают мертвые и в каком теле они приходят?”, древняя практика Египта была признана не соответствующей христианскому учению. Бальзамирование было осуждено как греховное святым Антонием, основателем египетского монашества, в третьем веке; и к тому времени, когда церковь Северной Африки достигла наивысшего влияния при святом Августине, епископе Гиппонском, древние религиозные обряды Египта повсеместно уступили место христианскому погребению[300]. Бубонная чума уже была распространена по крайней мере в одной катастрофической эпидемии в Нижнем Египте во времена массовых убийств христиан в епископате Киприана; а в 542 году она вспыхнула в Пелузии, одном из самых нечистых мест в Дельте, распространилась оттуда, с одной стороны, вдоль побережья Северной Африки, а с другой стороны, на кораблях с зерном в Византию, и переросла в катастрофическую всемирную эпидемию, которая с тех пор ассоциируется с правлением Юстиниана.

После мусульманского завоевания дела шли от плохого к худшему; и с десятого века до 1846 года чума была приручена на земле Египта.

Теория Паризе была передана им Медицинской академии 12 июля 1831 года и, наконец, опубликована в виде тщательно разработанного и законченного эссе в 1837 году. Книга была встречена с большой нелюбовью; по словам его коллеги Даремберга, ученого библиотекаря Академии, ничто, кроме блестящего стиля, не могло спасти ее от забвения через неделю. Клот

Бей решительно выступил против этого от имени египетских официальных лиц, поскольку это навлекло на Египет клеймо хранящейся в почве неотъемлемой и неизменной причины чумы[301]. Помимо общего возражения о том, что это было теоретизирование философа, к отдельным частям аргументации были сделаны исключения. Таким образом, Лабат с помощью арифметики продемонстрировал, что для мумифицированных останков всех поколений людей и животных в Египте за три тысячи лет потребовалось бы пространство размером со весь Египет, которое, таким образом, должно было превратиться в один огромный склеп. Что касается того факта, добавил он, бальзамирование было привилегией богатых и некоторых священных видов животных. Клот Бей утверждал, что весь класс рабов не считался достойным бальзамирования. Он также нашел в формулировках, используемых Геродотом, свидетельства того, что народ Египта чувствовал себя под “постоянной угрозой” какой-то великой эпидемии и принимал соответствующие меры предосторожности — то самое основание, на котором Паризе основывал свою теорию. Возражение, которое больше всего взволновало Даремберга, заключалось в том факте, что примерно в то время, когда Паризе утверждал об иммунитете Египта от чумы в дни его расцвета, в недавно обнаруженных коллекциях Орибасия были найдены свидетельства того, что бубонная болезнь была зарегистрирована в Египте и Ливии греческим врачом за два столетия до христианской эры и другим греческим автором-медиком примерно в начале нашей эры.

Противникам теории Паризе, по-видимому, не приходило в голову, что два главных возражения - во-первых, то, что бальзамирование было далеко не всеобщим, и, во-вторых, то, что случаи чумы действительно имели место в древнем Египте, - отвечают друг другу. Но, на самом деле, можно показать, что существовали более дешевые формы бальзамирования, применявшиеся для большей массы людей. Опять же, Де Майе обнаружил, что тела вообще не бальзамировали, а клали в грубых тканях на подстилки из древесного угля под слоем песка в шесть или восемь футов на возвышенности на краю великой равнины мумий в Мемфисе, и вне досягаемости воды, они были так же прекрасно сохранены от гнилостного разложения, как если бы они были забальзамированы, сухой воздух и азотистая почва способствовали их медленному и безобидному разложению[302]. Эти факты, как правило, подтверждают мнение о том, что на самом деле национальную практику определяют не церемонии, а полезность, в которую не обязательно входят ни искусство, ни религия. Существование также бубонной болезни в период правления Птолемеев доказало, что риск, предполагаемый теорией Паризе, был реальным риском, поскольку меры предосторожности не всегда были достаточными для его устранения.

Чума, охватившая известный мир в правление Юстиниана (542 г.), была, согласно этой теории, следствием в широком масштабе не менее важной причины, а именно окончательного ниспровержения древнейшей религии и национальной жизни, которые не были созданы просто так и имели истинный принцип, скрытый под их суевериями. Параллелизм между Китаем и Древним Египтом был излюбленной темой. В Китае любая религия имеет египетские корни - почтение к мертвым или почитание предков. Китайцы на самом деле не бальзамируют своих мертвецов, но они практикуют эквивалентное искусство сохранения, которое можно прочесть в почти идентичных выражениях в книге Марко Поло и в современных работах об общественной жизни Китая[303]. Можно сказать, что целью их практики является предотвращение попадания продуктов трупного разложения в почву. Усилия, прилагаемые для обеспечения сухих мест захоронения, особенно очевидны в тех частях страны, таких как “тростниковые угодья” Янцзы, которые подвержены наводнениям, ежегодным или случайным[304]. Большая часть

национального искусства Фэн-шуй связана, под маской гадания, с этими целями здравого смысла.

И Египет, и Китай подвержены тому, что их речные бассейны в одно время будут затоплены, а в другое - иссушены дотла. Научным исследованиям теперь известно, что эти экстремальные колебания уровня грунтовых вод являются причиной образования в почве специфических и нездоровых продуктов гниения: учитывая, что почва насыщена животными веществами, риск для живущих на ней людей пропорционален диапазону колебаний уровня грунтовых вод. Если ежегодно случается так, что поры почвы то наполняются водой, то воздухом, или если эти экстремальные изменения являются общей проблемой, то почва с рассеянными по ней продуктами животного разложения будет всегда нездоровой, и нездоровой в национальном масштабе. Часто считается, что даже овощи, гниющие на земле, заразны; Амбруаз Паре считал, что гниющая туша выброшенного на берег кита вызвала вспышку бубонной чумы в Генуе; но разложение человека - это нечто особенное — по крайней мере, для жизни представителей того же вида[305]. Наиболее особенным из всех является то, что его грубые вещества быстро переходят в почву, переносимые туда и сюда движением грунтовых вод и выделяющие те полупродукты окисления, которым, как известно, способствуют резкие изменения от воздуха к воде или от воды к воздуху в порах почвы. Возможно, в этом нет ничего оскорбительного для чувств, но эманации от такой почвы, по всей вероятности, будут ядовитыми или заразными. В определенных условиях местности пропитывание почвы продуктами органического разложения вызывает азиатскую холеру; в еще более особых обстоятельствах результатом является желтая лихорадка; в обстоятельствах, достаточно знакомых нам, результатом является брюшной тиф, а также, вероятно, летняя диарея или британская холера. Все это почвенные яды. Бубонная чума также является почвенным ядом; и утверждается, что она особенно связана с продуктами *трупного* разложения, широко распространяющимися в почве, в которой обычно образуются почвенные яды.

Эту теорию о чуме можно подвергнуть еще большей проверке фактами. Таким образом, бубонная чума преследовала мусульманские завоевания с первого столетия после Хиджры, то в Сирии, когда столицей был Дамаск, то в Ираке, когда Багдад был центром мусульманского правления, то в Египте, когда резиденция империи переместилась в Большой Каир; и, на протяжении большей части периода, одновременно во всех регионах ислама. Эта длинная серия эпидемий чумы была зафиксирована в арабских летописях и недавно опубликована в виде доступной для всех аннотации с кратким изложением выводов[306].

Каковы выводы ученого комментатора арабских летописей относительно общих причин тысячелетней мусульманской чумы?— “Война с опустошением целых наций, с пренебрежением всеми установленными правами, с разграблением городов и концентрацией огромных масс людей, плохо обеспеченных и неуправляемых, у которых развились семена заразных и злокачественных заболеваний. Добавьте к этому небрежное или полностью заброшенное захоронение тех, кто пал в бою, лишения раненых и последствия жаркого климата, особенно в затопленных и заболоченных районах страны.... Тот вид погребения в очень неглубоких и часто плохо засыпанных могилах, который раньше практиковался в большинстве восточных городов и частично практикуется до сих пор, также нередко мог иметь катастрофические последствия ”.

Теория, проверенная современными примерами.

После этого общего утверждения о долгой череде эпидемий чумы в исламе на протяжении девяти столетий от Хиджры, начиная с эпидемии в Сирии в 628 году н.э. и заканчивая последовательной чередой из двенадцати эпидемий в Египте с 1410 по 1492 год, мы можем перейти к более подробному описанию условий, при которых бубонная чума обнаруживалась в различных местах, часто удаленных друг от друга, в последние годы. Эти пятна так разнообразны, имеют так мало общего, по-видимому, и так причудливо выбраны среди своих нескольких регионов земного шара, что их нелегко расположить в каком-либо порядке или классификации. Что мы можем сказать о нескольких очагах чумы среди арабов-кочевников Киренаикского нагорья; о чуме в некоторых пострадавших деревнях высоко в высокогорьях Курдистана или в низменных городах, таких как Решт, недалеко от берега Каспия, или среди черной тины жилищ амфибий в нижней долине Тигра и Евфрата; о настоящей бубонной болезни в нескольких бедуинских деревнях или маленьких городках на вершинах базальтовых плато, которые, подобно гигантским бородавкам, возвышаются над Аравийской пустыней; о бубонной болезни в некоторых деревнях. - чума в Юньнани, в столице Талифу или поблизости от нее, где мусульманское и китайское влияния боролись за господство, а также среди хижин в скалистых долинах Салвена; примерно в сорока или пятидесяти гималайских деревушках, выбранных как очаги чумы среди шести тысяч деревень Кумаона; и в ныне исчезнувших, но сравнительно недавних очагах той же болезни в обнесенных стенами городах и деревнях Куч, Каттивар и Марвар? И, наконец, что мы можем сказать о тех случаях сыпного тифа с бубонами, которые наблюдались в деревнях долины Юсуфзай, недалеко от Пешавара, в 1852 году; в китайском городе Пахой, на берегу Тонкинского залива, в 1886 году; иногда среди заболевших лихорадкой в Бурдване, поскольку здоровье населения этой провинции претерпело столь катастрофические изменения примерно в 1870 году; и, по достоверным сообщениям, среди войск во время русско-турецкой войны 1879 года? По крайней мере, нет необходимости опровергать бесплодный догматизм, утверждающий, что все это последствия одного ранее существовавшего вируса, который, мы не знаем как, передается из точки в точку земного шара в непрерывной последовательности. От Кумаона до Кутча, от Юннана до Тонкинского залива, от Решта до Армянского нагорья, от центра Аравии до Триполи и от Месопотамии до Северного Йемена далеко даже на мелкомасштабной карте. И какой смысл предполагать, что в “колыбели человеческой расы” всегда была бубонная чума, и делать вывод, что Черная смерть была одним из ее походов на запад, пока эпидемии ислама продолжались из десятилетия в десятилетие, на протяжении всего средневековья, недалеко от Византии и Западной Европы? Разве Дамаск, Багдад и Большой Каир не являются более значимыми очагами чумы, чем несколько деревень в Гималаях или в Каттиваре, даже если допустить, что чума могла быть в последнем раньше, чем мы знаем? Не коммуникация соединяет несколько очагов чумы, широко разбросанных во времени и месте; но общность условий или причин и сопутствующих обстоятельств, которые порождают чуму в каждом из них в отдельности. Давайте рассмотрим их в каком-то порядке.

Среди наиболее примечательных мест обитания современной бубонной чумы - деревни на базальтовых плато Аравийской пустыни. У нас есть информация об этих очагах чумы от Даути[307], который на самом деле посетил не Ассир, самый печально известный из них, а несколько других, расположенных севернее и восточнее. Он описывает разрушенные деревни Моуг, Гофар, Хайил и другие, где люди умерли от чумы несколько лет назад. В некоторых из них, если не во всех, эпидемии предшествовал голодный год. Автора поражает небрежность

захоронения или трудности, связанные с ним в обожженной почве, хотя он напрямую не связывает это с эпидемиями. Так, проходя мимо кладбища Хайила, одного из чумных городов, он замечает: “Ахейд был человеком большого могущества и славы в свое время; он лежит в ярде под грязным гравием в своей рубашке”. О Хейбаре, где сохранились смутные предания о чуме, он говорит: “Мы прошли через могильник из черной вулканической плесени и соляной корки; убогие могильные кучи отмечены надгробиями из дикого базальта. Эта погребальная земля потрескавшаяся и ужасного вида, выпирающая над ее обвитыми тканями телами, как садовая почва весной, которую выталкивают новые весенние растения. Весь ужас в Хейбаре!” Его подводят к следующим общим замечаниям: “Забота о погребении была чрезмерной в религиях древности, которые были лишены смирения. Согласно новой религии [Аравии], умершего заворачивают в ситцевую рубашку, а его тело кладут в неглубокую яму с засушливой землей”. Опять же, о бедуинских захоронениях в целом: “Умершего хоронят в тот же день или на следующий день. Они мучительно выкапывают палкой и руками всильно обожженной земле неглубокую могилу. Я видел их могилы в пустыне, разоренные мерзкими гиенами, и их покрывала наполовину торчали из земли”.

О самом известном из этих арабских очагов чумы - плато Ассир, к юго-востоку от Мекки, у нас есть следующая информация, относящаяся к 1874-79 гг.[\[308\]](#); главным очагом чумы является Намасса, главный город Бени Шейр, с пятью другими деревнями.

Участок расположен на горном хребте, слишком высоком для верблюдов, климат холодный и влажный, почва плодородная, родники в изобилии, стоячей воды нет. Дома построены из камня и стоят близко друг к другу. Первый этаж каждого дома используется как конюшня, а поскольку зима в этих горах очень суровая, так что вода замерзает, жители живут со своим скотом в ужасной грязи. Согласно информации, полученной от окружного суперинтенданта, в течение предыдущих тридцати пяти-сорока лет в нескольких деревнях каждые два-три года случалась чума. Она редко распространялась дальше, чем на пять-шесть лиг. Этот регион представляет собой горный кантон, без торговли; он отрезан от остального мира. Болезнь в основном сопровождается бубонами в паху, подмышечных впадинах и на шее, но не всегда; иногда упоминались точечные пятна; в собственном доме шейха Фаика болезнь началась с окоченения, развились бубоны, петехии, головная боль и жгучая жажда. Доктор Нури насчитал в шести деревнях с населением в восемьсот человек 184 случая заболевания чумой (68 мужчин, 45 женщин, 50 мальчиков и 21 девочка), из которых 155 умерли и 29 выздоровели.

Давайте теперь поместим рядом с этим сообщения о чуме в горной деревне Кумаон[\[309\]](#).

В чумных деревнях Данпур и Маншари, недалеко от снежного, мы читаем:

“Их дома, как правило, построены из камня, высотой в один этаж. На первом этаже пасут скот; в этом отделении навозу дают накапливаться до тех пор, пока не останется места для того, чтобы скот мог стоять прямо; затем его убирают и тщательно утрамбовывают со всех сторон, так что дом буквально стоит в центре парника.... Во многих случаях мы видели, как он скапливался выше уровня пола верхнего этажа, на котором живет семья”. В этом отсеке высотой в четыре фута, без окна и с дверью размером примерно три фута на восемнадцать дюймов, живут десять или пятнадцать человек, прижавшись друг к другу и закрыв дверь. Еда у них такая же скудная,

как и жилье. Когда вспыхивает чума, семейные узы грубо разрываются: те, кто может, убегают в джунгли, оставляя пострадавших на произвол судьбы.

Следующее принадлежит Ренни: “Четырнадцать человек умерли в месте в лесу в полумиле или более от Даддоли, относительно которого у меня было лучшее из когда-либо данных мне описаний течения болезни. Здесь было всего два дома, или длинные низкие хижины, занятые двумя отдельными семьями, главами которых были два брата, всего шестнадцать душ. В этих двух хижинах в худшее время года должно было содержаться также тридцать голов крупного и мелкого рогатого скота. В этих двух хижинах Махамурри [бубонная чума] началась около десяти или одиннадцати месяцев назад, что соответствует времени, когда она появилась в Даддоли. В этом месте шестнадцать жителей держались вместе, пока четырнадцать не умерли, и выжил только один взрослый, мужчина около тридцати лет, со своей шестилетней дочерью. Среди скота не было особого беспорядка, но вспышке чумы предшествовала и сопровождалась большая смертность среди крыс в их домах”.

Давайте теперь, двадцать пять лет спустя, обратимся к отчетам о чуме в том же районе в 1876-1877 годах[310].

Подтверждая более ранние утверждения о необычайной грязи в домах — о скоте под одной крышей и корзинах с сырым и незрелым зерном, — он обращает особое внимание на утилизацию мертвых. Обычай этой страны заключается в том, чтобы сжечь тело рядом с самым удобным горным потоком, впадающим в Ганг. Но от этой хорошей практики люди отклонились в отношении тел умерших от любой чумы (оспы, холеры, чумы), которые хоронят. Из всех стран Гималаи меньше всего подходят для захоронения умерших. Ибо из-за каменистого грунта редко возможно вырыть могилу глубиной более двух футов; и, как правило, умерших от чумы кладут в неглубокие траншеи в поверхностной почве ближайшего к месту смерти поля, или террасы, обращенной к дому, или даже в полу самого дома. Эта плохая практика порождена страхом перед обращением с телом и давно укоренилась. Такого неумелого обращения с мертвыми достаточно, чтобы объяснить непрерывное существование активного начала чумной болезни, иногда дремлющего из-за отсутствия возможности, но всегда готового поразить людей, соответствующим образом подготовленных по любой причине, приводящей к ухудшению состояния здоровья. В домах семей, которые вот-вот пострадают от вспышки чумы, иногда находят мертвых крыс на полу. Планк видел их сам; все, кого он видел, казалось, умерли внезапно, как от удушья, их тела были в хорошем состоянии, иногда в зубах был зажат кусок тряпки. Он упоминает девять деревень, все они были эндемичными очагами чумы, в которых была зафиксирована предвестническая гибель крыс в зараженных домах. Пострадавшие деревни составляли не одну из ста всех деревень Кумаона и были широко разбросаны по северной половине провинции. Даже в каждой из этих немногих деревень чума локализована в одном доме, или на одной террасе, или в одной части деревни.

Далее давайте обратимся к небольшим очагам бубонной чумы в отдаленной провинции Юньнань. Наша информация поступает от сотрудников консульских служб Великобритании и Франции[311].

Чума встречается в городах и деревнях и является причиной высокой смертности. Разорив деревни, разбросанные по равнинам, он часто поднимается в горы и уносит с собой многих аборигенов, населяющих высокогорья. Что, по мнению М. Роше, усугубляет зло, так это практика не хоронить тела тех, кто умирает от этой болезни. Вместо того чтобы хоронить, тело

кладут на носилки и выставляют на солнце. В результате этой практики путешественник, проезжающий окраину деревни, где свирепствует чума, почти задыхается от тошнотворного запаха, исходящего от обнаженных и разлагающихся трупов. Захоронение - обычный способ захоронения, хотя многие деревни расположены на скалистых склонах гор, как, например, в Кумаоне. Первыми поражаются крысы; как только они заболевают, они покидают свои норы в отрядах и, пошатываясь и спотыкаясь друг о друга, падают замертво. Мистер Бабер получил ту же информацию от французского миссионера из верхней долины Салвен, длинной низкой долины шириной около двух миль, окруженной огромными пропастями, летом в которой так жарко, что жители поднимаются на холмы, чтобы жить. О приближении бубонной чумы (бубоны могут быть размером с куриное или гусиное яйцо) часто можно узнать по необычному поведению крыс, которые покидают свои норы и щели и выходят на пол без следа своей обычной робости, постоянно подпрыгивая вверх на задних лапах, как будто они пытаются выпрыгнуть из чего-то. Крысы падают замертво, а затем наступает очередь домашней птицы, свиней, коз и т.д. У доброго отца была собственная теория, согласно которой чума на самом деле представляет собой заразную эманацию, медленно поднимающуюся ровным слоем из земли, причем первыми поражаются мельчайшие существа. Более крупный очаг чумы в столице Талифу или недалеко от нее, по-видимому, связан с мусульманской войной и, возможно, с пренебрежением к погребению мертвых, что является общепризнанным фактом, хотя рассказчик и не связывает его с распространением чумы.

Другой очаг китайской чумы находится в сотнях миль отсюда, на берегу Тонкинского залива. Наиболее известным очагом чумы является порт Пахой, местный квартал которого описывается как особенно грязный. В домах немного чище, чем на улицах, полы пропитаны экскрементами, а сточные каналы расположены либо близко к поверхности, либо вообще открыты. Вспышка чумы там в 1882 году подробно описана доктором Лоури[312].

Это произошло в жаркую июньскую погоду (85° по фаренгейту днем, 76° по Фаренгейту ночью). ночь); из-за боязни воров дома тщательно запираются даже в самую жаркую ночь. В результате эпидемии погибло от 400 до 500 человек при населении в 25 000 человек. Болезнь не распространяется. Почти в каждом доме, где вспыхнула болезнь, крысы вылезали из своих нор и умирали на полу: доктор Лоури вскрыл несколько из них и обнаружил закупорку легких. У человека, за исключением бубонов, болезнь напоминала тиф: “любой, кто подойдет к постели пациента, наверняка сначала подумает, что ему пришлось иметь дело именно с этой болезнью”. Такая же болезнь возникла в Лин-чоу, городе в двенадцати милях отсюда. Другой английский врач, служащий Китайской морской таможни, слышал о заболевании с симптомами чумы в некоторых районах Южного Цзянси осенью 1886 года; но никаких подробностей сообщить не удалось. Тиф был широко распространен и ежегодно приводил к летальному исходу в городах, деревнях и поселках Северного Кiangси.

Одно любопытное свидетельство гибели крыс, не связанное с чумой у людей, поступило из более северной провинции Китая. Осенью 1881 года на противоположном от Нанкина берегу Янцзы и в западных пригородах древней столицы крысы вылезали из нор в жилищах, подпрыгивали, поворачивались кругом и падали замертво. Корзины и ящики, наполненные их телами, были выброшены в канал. “Здесь, - говорит доктор Макгоуэн, - очевидно, находился подпочвенный яд, который поражал животных точно так же, как малярия вредителя юньнань. К счастью, подземные миазмы в Нанкине не затронули животных, живущих над землей[313].”

Свидетельства Куча, Каттивара и Марвара относятся к 1815-20 и 1838 годам. В обстоятельствах, своеобразных в некоторых отношениях, а именно, в городах-крепостях и деревнях, обнесенных частоколом, но таких же, как те, которые уже приводились в отношении нечистот от скота, скопившегося в человеческих жилищах, мы обнаруживаем вспышки бубонной чумы до тех пор, пока нездоровое положение вещей сохранялось при правлении махраттов и до тех пор, пока британское правление не стало справедливо действовать. Причины бубонной чумы, говорит Уайт, были те же, что и у тифа - окруженные стенами и перенаселенные города, скот, содержащийся вместе с людьми, медленные истощающие болезни среди крупного рогатого скота, которого не убивали для еды, а держали для получения молока и гхи. Он задается вопросом, не закрылись ли они от своих врагов, не закрылись ли они от гораздо более могущественного[314]. Здесь также у нас есть различные независимые свидетели[315], свидетельствующие о предвестнике смерти крыс; они лежали мертвыми во всех местах и направлениях — на улицах, в домах и в укромных местах за стенами. Это происходило в каждом городе, пострадавшем в Марваре, так что жители любого дома немедленно покидали его, увидев дохлую крысу.

Связь тифа с бубонной чумой.

Самый маленький и наиболее легко обнаруживаемый из всех недавних очагов бубонной чумы - это очаг среди бедуинов Киренейского плато в Северной Африке (порт Бенгази), пустынный регион, соответствующий одному из самых известных кукурузных полей древности.

Не было никаких разногласий по поводу того, что небольшая вспышка чумы в 1874 году началась одновременно в палатках Орфаса и Фериг-эль-Ханана, в которых вместе проживало около ста душ[316]. Эти арабы держат коров, овец и коз; некоторые из них также возделывают небольшие участки кукурузы. Они периодически подвергаются голоду, и в 1869, 1870, 1871, 1872 и 1873 годах среди них была большая нужда, сопровождавшаяся эпидемиями тифа, холеры и оспы. Зимой они нашли работу у торговцев Мердже, а в конце марта 1873 года покинули эту деревню, чтобы пустить своих животных на соседние горные пастбища. Земля после долгой засухи пропиталась зимними дождями. Их палатки разбиты в углублениях, которые могут быть заполнены водой за несколько минут. Лагеря, подобные лагерям бедуинов в Аравии, чрезмерно грязные и часто становятся ареной сыпного тифа. В апреле 1874 года началась чума, первый случай был у ребенка; бубоны были в паху, подмышечной впадине или на шее. Другими симптомами были рвота желчью, черная рвота, кровотечение, петехии, сибирские фурункулы, боли в голове, коллапс и бред. Несколько случаев были легкими, но большинство тяжелыми и привели к летальному исходу; в нескольких случаях произошел рецидив с новыми бубонами. Болезнь была занесена из палаток в деревню Мердже, в которой при населении в 310 человек были атакованы 270 человек, в результате чего погибло 100 человек. Общее количество известных атак с 5 апреля по 24 июля составило 533 при населении в 734 человека, в результате чего 208 человек умерли и 325 выздоровели, 201 человек сопротивлялся инфекции. Санитарное состояние деревни было таким же плохим, как и в палатках: в домах, куда входили через низкую дверь, окна выходили не на солнце, а во двор, представляющий собой конюшню, забитую нечистотами; полы в домах покрыты нечистотами. Кладбище находится в центре деревни, рядом с бассейном со стоячей водой: могилы неглубокие, и трупы иногда выкапывают шакалы. Как в деревне, так и в лагерях за проливным

дождем последовала новая серия нападений. Санитарный комиссар посоветовал выкопать могилы глубиной не менее шести футов и засыпать их известью.

Эти события 1874 года были точным повторением событий 1858 года. В оба года за продолжительной засухой последовали проливные дожди, обещавшие обильный урожай после периода голода. Засушливые годы в обоих случаях сопровождались болезнями, сыпным тифом и другими; первый сезон дождей превратил болезнь в чуму, то есть к признакам тифа добавились осложнения в виде бубонов и геморрагических симптомов. Смысл этого, по-видимому, заключается в том, что насыщение почвы породило почвенный яд там, где ранее был более мягкий воздушный яд тифа. Этот взгляд на чуму как на почвенный тиф или болезнь, ставшую намного более злокачественной, чем тиф, только из-за подземного брожения гниющих животных веществ, подтверждается фактами, уже приведенными для Китая и Индии. Последняя страна дает другие примеры того, как сыпной тиф осложняется бубонами и, таким образом, становится чем-то вроде чумы. Возможно, лучшим примером является лихорадка, наблюдавшаяся в долине Юсуфзай, недалеко от Пешавура, в 1852 году[317].

Она возникла в основном в грязных мусульманских домах, где жили скот и люди; но она проникла и в некоторые более чистые индуистские дома. Заболевание началось в низменных, болотистых местностях, которые были покрыты водой после дождя и обильных ночных росы. Это было по типу тифа, или рецидивирующей лихорадки, с желтизной кожи, кровотечениями из десен, кишечника и часто из носа. Один из наблюдателей говорит: “Единственное другое сопутствующее заболевание, заслуживающее внимания, - это увеличение лимфатических желез в различных частях тела; это, однако, встречается лишь в очень немногих случаях”. Другой авторитетный специалист утверждает: “Воспаление и нагноение желез в паху, подмышечной впадине и шее наблюдались у некоторых, переживших первый или второй рецидив”. К этой вспышке, которая лишь в некоторой степени отличается от чумы Бенгази, пахойской чумы и палийской чумы (Гуджерат), можно добавить некоторые другие, информация о которых носит более общий характер. Так, говорят, что лихорадки, ставшие печально известными в Бурдване с тех пор, как здоровье населения этой провинции так катастрофически изменилось из-за перекрытия грунтовых вод, время от времени сопровождались бубонами. Сыпной тиф в Согоре в 1859 году иногда осложнялся нагноением лимфатических желез: “В Doab, как и при последующем нападении в тюрьме, железы в паху поражались очень редко; железы в области шеи поражались чаще, но это не было характерным признаком болезни[318]”. Опять же, генерал Лорис Меликофф сказал корреспонденту *Голоса*, что во время русско-турецкой войны зимой 1878 года двадцать человек умерли за один день от опухоли желез; повсюду был Шмутц, Шмутц! И, наконец, во время эпидемии 1878 года в Ветлянке, на Волге, которая считается одним из исторических случаев бубонной чумы в Европе, у первых десяти заболевших в ноябре 1878 года было нагноение желез в подмышечной впадине, они не ложились в постель и выздоравливали; в 1877 году в грязных коттеджах фишеров был обычный тиф, и одновременно с болезнью был тиф, который в конце концов превратился в настоящую бубонную чуму зимой 1878-79 гг.[319].

Единственное, что отличает эти недавние вспышки чумы от великой чумы времен правления Юстиниана, частично от серии мусульманских эпидемий и от Черной смерти, - это то, что они по большей части не проявили самостоятельной жизнеспособности и рассеивающей силы. Как и при самой сыпной лихорадке (за исключением серьезных случаев), они были почти ограничены теми, кто жил в грязных домах, и теми, кто попал под влияние чумных эманаций. С другой

стороны, великие эпидемии 6-го и 14-го веков обладали распространяющей силой, которая распространила их по всему известному миру. Бубоны Египта и Китая стали известны даже в Норвегии и Гренландии.

Но, помимо распространенности, условия недавних локальных эпидемий мало чем отличаются от условий великих исторических эпидемий. То же самое наблюдение за крысами, покидающими свои норы, которое так убедительно подтверждается недавними очагами чумы в Южном Китае, Юньнани, Кумаоне и Гуджерате, было знакомо по чумным книгам Лондона и Эдинбурга елизаветинского периода. О великой вспышке в 1603 году Томас Лодж пишет: “И когда крысы, мыши и другие существа (привыкшие жить под землей) покидают свои норы и жилища, это является признаком разложения в них самих по той причине, что такие виды существ покидают свои насиженные места на суше[320]”. Это лишь одно из многих доказательств того, что вирус чумы обитает в почве, хотя он может переноситься на большие расстояния, цепляясь за другие предметы. В своем наиболее распространенном действии это почвенный яд, вырабатываемый, как мы теперь можем с некоторой уверенностью сказать, из продуктов трупного разложения[321]; в своем менее распространенном, но едва ли менее вредоносном действии это почвенный яд, вырабатываемый из нечистот крупного рогатого скота, содержавшегося вместе с людьми, или из домашней нечистоты вообще, и почти во всех известных случаях такого образования это связано с небрежностью при утилизации мертвых после голода или лихорадки, но, возможно, не полностью зависит от нее; в наименее злокачественной форме, когда чума локализована. Это лишь малая часть эпидемии тифа, и с учетом склонности бубонов к нагноению, он, по-видимому, все еще является почвенным ядом и отличается от самого тифа только тем, что вредный продукт разложения нечистот зародился в порах земли, а не в атмосфере жилых комнат.

Черная смерть, которая здесь касается нас непосредственно, является одним из двух замечательных примеров вируса чумы, обладающего огромной способностью к распространению, огромным импульсом и многовековой стойкостью. Таким образом, можно сказать, что сильные эффекты постулируют адекватные причины; и следует предположить, что вирус был выведен в результате разложения трупов в обстоятельствах особого обострения и в каком-то обширном или национальном масштабе. Последовательность событий переносит нас в Китай; и летописи Китая действительно предоставляют доказательства того, что предполагаемая причина была там в огромных масштабах в течение длительного периода национального бедствия, в то время как национальные обычаи Китая по захоронению мертвых, подобные древнеегипетским, указывают на существование реального риска, связанного с тем, что почва в целом была пропитана грубыми или поспешными продуктами трупного разложения.

Наш долг - построить наилучшую гипотезу, на которую мы способны, не жалея труда. Никто на самом деле не отказывается от теории, каковы бы ни были его протесты против обратного; те, кто громче всех проповедует взвешенные суждения, с наибольшей вероятностью станут жертвами какого-нибудь пустого словоблудия, которое болтается на обоих концах, какого-нибудь непродуманного аргумента, который игнорирует исторические предпосылки и не останавливается на конкретных выводах. Так было и в случае с инфекционными заболеваниями, и в частности с бубонной чумой. Вирус чумы, как нам говорят, специфичен; он существует с неизвестной древности и дошел до нас в непрерывной последовательности; мы можем узнать о

том, как он возник, не больше, чем мы можем сказать, как возник первый человек, или первый моллюск, или первый мох, или лишайник; его разновидности, действительно, принадлежат к природе низших растительных организмов.

Возражение против этой гипотезы о чуме состоит в том, что она предполагает полное игнорирование фактов. Это простая формула, которая избавляет от всех хлопот, не требует каких-либо исторических изысканий и, по-видимому, в равной степени приспособлена как к восприятию людей, так и к академической легкости. На самом деле, не все бубонные эпидемии в истории имели одинаковое происхождение; примечательно, что Черная смерть была волной эпидемии, которую мусульманские страны, привыкшие к местным бубонным эпидемиям за столетия до этого, признали вторжением из иностранного источника, прерыванием череды их собственных эпидемий. Опять же, попытка связать в одну серию различные разрозненные и очерченные очаги чумы, существующие сейчас или в последнее время, должна катастрофически провалиться в тот момент, когда за нее будут серьезно взяты. Гипотеза об одном-единственном источнике чумы, о разновидности болезни, возникающей неизвестно как, начинающейся неизвестно когда и где, но, во всяком случае, воспроизводимой обычным поколением в непрерывной серии случаев, *ab aëvo, ab ovo*, является простейшим вербализмом, лишенным реальности или конкретности и продиктованным любопытной иллюзией, что разновидность болезни, поскольку она воспроизводит себе подобных, должна напоминать в других отношениях разновидность живых существ.

Распространяющаяся сила вируса Черной смерти, сравнивая только с силой чумы в правление Юстиниана, по-видимому, зависела от благоприятных условий, в которых он встречался. Но хотя благоприятные условия имеют большое значение, это далеко не все. Черная Смерть свирепствовала так же яростно, как и где бы то ни было, среди татар-кочевников, ставших ее первыми жертвами; вирус, как только он был выпущен на свободу, проявил такую степень вирулентности, которая, должно быть, была присуща ему изначально или принесена с собой из места его зарождения. Тем не менее распространение Черной смерти в Европе частично зависело от подготовленности почвы. Он пришел в Европу в эпоху феодализма и городов-крепостей, с тесным и нездоровым образом жизни, с заселенными участками земли, забитыми отходами поколений. Но даже среди этих в целом благоприятных условий были бы и более особые обстоятельства, определившие его избрание. Это принцип, примером которого может служить любой занос болезней из отдаленных источников, например, оспа среди воздушных инфекций и азиатская холера среди почвенных ядов, заключающийся в том, что условия, способствующие распространению за границу, примерно те же, в которых инфекция первоначально зародилась. Почвенный яд иностранного происхождения направляется прямо к наиболее вероятным местам на пути своего распространения; он может не ограничиваться ими и часто ими не ограничивается, но отдает им предпочтение. Таким образом, если мы придем к выводу на основании доказательств, что бубонная чума является почвенным ядом, имеющим особое сродство к продуктам трупного разложения, мы поймем, почему Черная смерть, когда она пришла в Англию, нашла столь благоприятную почву в монастырях и в домах духовенства. В монастырских стенах, под полом часовни или крытых галерей, были похоронены не только поколения монахов, но часто тела принцев, знати окрестностей и великих духовных лиц. В каждом приходе дом священника стоял бы рядом с церковью и церковным двором. Следует рассматривать вирус Черной смерти не столько как переносимый людьми с места на место в их личностях или в их одежде и вещах, но скорее как закваску, которая попала в землю, распространяясь по ней туда-сюда, как бы поляризуя прилегающие частицы почвы, и это

происходит не мгновенно, как физическая сила, а настолько постепенно, что занимает целый год между Дорсетом и Йоркширом. Рано или поздно он достигал каждого уголка страны, проявляя свое присутствие везде, где проживали люди. У нас есть основания думать, что он обладал такой универсальностью на почве Англии. Но, похоже, наибольшую силу он проявил в городе, окруженном стеной, в монастыре и по соседству с деревенским погостом.

ГЛАВА IV.

АНГЛИЯ ПОСЛЕ ЧЕРНОЙ СМЕРТИ, С ЭПИДЕМИЯМИ ДО ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ТЮДОРОВ.

Великая смертность прекратилась повсюду в Англии к Михайлову дню 1349 года. Эпидемия продолжалась около четырнадцати месяцев, с момента ее первого появления на побережье Дорсета в начале августа 1348 года до ее стихания в северных графствах осенью 1349 года. Она подошла к концу, как это делают все разрушительные эпидемии, израсходовав свою силу, исчерпав свои пустяки, охватив всех восприимчивых субъектов. Автор писем о правлении Карла I. сформулировал на разговорном языке соответствующую причину приостановки разрушительных действий чумы ближе к концу ее пребывания в Лондоне: “И я думаю, единственная причина, по которой чума несколько ослабла, заключается в том, что это место уже мертво, и в нем не осталось ни одного тела, достойного убийства^[322]”. Нам нелегко осознать истощенное состояние страны, да и всей Европы в целом. Петрарка, свидетель Черной смерти в Италии, предвидел недоверие людей по прошествии веков или их неспособность представить себе положение вещей — пустые дома, заброшенные города, убогую местность, поля, усеянные мертвецами, огромное и ужасающее одиночество во всем мире. Если вы спросите историков, продолжает он, они промолчат; если вы проконсультируетесь с врачами, они окажутся в тупике; если вы спросите философов, они пожмут плечами, нахмурят брови и приложат палец к губе. Возможно ли, что потомки смогут поверить в эти вещи? Ибо мы, видевшие их, с трудом можем им поверить^[323].

Удар обрушился на каждую страну Европы в течение двух-трех лет; и он, должно быть, на какое-то время парализовал всю торговлю и промышленность, войну и политику. Войны Эдуарда III во Франции, приведшие к победе при Креси в 1346 году и завоеванию Кале в 1347 году, были приостановлены перемирием, которое время от времени возобновлялось. Таким образом, в самый разгар эпидемии, 2 мая 1349 г., посланники английского и французского королей “в своих палатках между Кале и Гвинеей” договорились о форме договора, продлевающего перемирие до Пятидесятницы 1350 г.^[324] В последние дни 1349 года Эдуард III, лично, с небольшими силами, смог отразить нападение на свое новое владение Кале^[325]. Согласно Стоу и Селдену, Эдуард III умер через год после Черной смерти (1350). устроил большой пир в Виндзоре, на который его герольды пригласили рыцарей из-за границы, чтобы отпраздновать учреждение ордена Подвязки, устав которого был составлен годом ранее. То, что называется “необходимой обороной королевства”, было главным предметом беспокойства на протяжении всего 1350 года. 12 февраля шерифам графств был отдан приказ о поставке такого-то

количества стрел от каждого[326]. 20 марта мэрам и судебным приставам 110 городов приказано предоставить свои соответствующие квоты вооруженных людей - Лондон 100, Норвич 60, Бристоль 20 и так далее - и отправить их в Сэндвич “для необходимой обороны нашего королевства[327]”. 1 мая было издано распоряжение о найме моряков на определенные суда, а 20 мая - приказ на корабли, катера и баржи.

22 июля и 10 августа появляются прокламации, касающиеся пиратского флота испанских кораблей, перехватывающих английских торговцев в Гаскони и угрожающих вторжением в Англию[328]; испанцы были разбиты, их корабли захвачены, а Канал очищен в знаменитом сражении у Уинчелси 29 августа 1350 года, которым король руководил лично[329]. 15 июня, за три дня до первого указа против рабочих, король разослал по графствам два приказа о наборе людей “для нашего похода против частей за морем” — один к валлийским лордам, а другой к шерифам английских графств, всего требуется 4170 лучников из Англии и 1350 человек из Уэльса[330]. К чему бы ни привели эти эдикты, только через четыре года король по-настоящему возобновил свои войны с Францией. 8 сентября 1355 года Черный принц отплыл из Плимута с флотом примерно из трехсот кораблей, на борту которых находилась армия рыцарей, латников, английских лучников и валлийцев, в Гаронну для своего знаменитого рейда по югу Франции[331]. Позже осенью король собрал в Портсмуте[332] и Сэндвиче, а также в Кале силы из трех тысяч латников, двух тысяч конных лучников и огромного количества пеших лучников, с которыми он выступил в поле боя 2 ноября[333]. Тем же летом флот из сорока больших кораблей был снаряжен в Ротерхите для пешего отряда под командованием Генриха, герцога Ланкастерского, на помощь королю Наваррскому; он отплыл 10 июля, но не смог преодолеть Ла-Манш и по разным причинам не двинулся дальше[334]; однако в следующем году герцог Ланкастерский переправился из Саутгемптона в Нормандию с отрядом в сорок восемь кораблей[335].

Таким образом, война с Францией возобновилась через шесть лет после великой гибели людей. Средства для снаряжения этих экспедиций были предоставлены за счет займов, собранных под залог огромной субсидии, за которую парламент 1353-54 годов был вынужден проголосовать в виде экспортной пошлины в размере пятидесяти шиллингов с каждого мешка шерсти, отправленного в зарубежные страны в течение следующих шести лет. По подсчетам Эйвсбери, доход Эдуарда от этого источника составлял тысячу марок в день; по его словам, было распространено мнение, что за год было экспортировано более 100 000 мешков шерсти[336]. Но другой и, возможно, лучший источник сообщает, что ежегодный экспорт шерсти в середине четырнадцатого века составлял почти 32 000 мешков[337].

Прямые последствия Черной смерти.

Тем временем внутренние дела требовали внимания короля, хотя в дошедших до нас государственных документах они занимают меньше места, чем военные приготовления. 23 августа, когда на севере свирепствовала смертность, шерифу Нортумберленда было издано воззвание против миграции людей в Шотландию с оружием, провиантом, товарами и распродажами, при этом чума не упоминалась[338]. Первым государственным документом, относящимся к недавней великой гибели людей, является королевская прокламация от 1 декабря 1349 года мэру и судебным приставам Сэндвича и сорока восьми других английских портов, включая Лондон[339]. Провозглашение начинается так:

“Поскольку немалая часть населения нашего королевства Англии погибла от нынешней эпидемии, а сокровища упомянутого королевства в основном истощены, и (как мы узнали) многие жители нашего королевства ежедневно отправляются или планируют отправиться за море с деньгами, которые они смогли сохранить в королевстве, теперь мы, принимая во внимание, что если переход таким образом будет допущен, королевство в короткое время лишится как людей, так и сокровищ, и поэтому для нас и для упомянутого королевства может легко возникнуть серьезная опасность, если не будет быстро назначено подходящее средство правовой защиты, прикажите мэру и судебным приставам Сандвича (и сорока восьми других портов) остановить выход за море тех, у кого нет мандата, особенно если они англичане, за исключением купцов, нотариусов или посланников короля”.

Указ, вероятно, был направлен скорее против утечки сокровищ, чем против эмиграции людей; но этот небезыңтересный вопрос на самом деле принадлежит другим историкам, которые, по-видимому, им не занимались[340].

18 июня 1350 года, в первое лето после смерти, было выпущено первое воззвание к шерифам графств о требованиях рабочих и ремесленников о повышении заработной платы, озаглавленное “О великой народной партии в случае прекращения чумы и о служении наемным работникам в интересах умеренных”[341]. Преамбула или мотив — это то, что не может не показаться странным для современных представлений, хотя оно должно было быть правильным и общепринятым в соответствии с феодальными представлениями: “Поскольку некоторые, принимая во внимание нужды лордов и нехватку слуг, не желают служить, пока не получают чрезмерную заработную плату, в то время как другие предпочитают попрошайничать в праздности, а не зарабатывать себе на жизнь трудом, - поэтому да будет постановлено, что любой мужчина или женщина, раб или свободный, моложе шестидесяти лет, не живущие торговлей или ремеслом, не обладающие частными средствами, не имеющие земли для обработки, должны быть обязанным, при необходимости, служить любому хозяину, который готов нанять его или ее, за такую заработную плату, которая обычно выплачивалась в данной местности в 1346 году или в среднем за пять или шесть предшествующих лет; при условии, что лорды вилланов или арендаторы будут отдавать предпочтение своему труду, так что они будут удерживать не больше, чем им будет необходимо”. Было строго запрещено предлагать или требовать заработную плату выше старой ставки. Другой пункт запрещает раздавать милостыню нищим. Ремесленникам различных профессий также предписано платить по старому тарифу. Наконец, рестораторам и другим торговцам предписано продавать свои товары по разумным ценам[342]. Тот же указ, с некоторыми добавленными параграфами, был переиздан 18 ноября 1350 года в графстве Саффолк и округе Линдси (Линкольншир), который является одним из основных мест выпаса овец в Англии; в этих двух населенных пунктах, как утверждается во многих словах, рабочие аннулировали указ от 18 июня[343]. Когда парламент собрался — впервые после смерти — 9 февраля 1351 года, было признано, что поручения шерифам, выданные королем и его советом, оказались неэффективными, и что заработная плата была в два или три раза выше старой[344]. Парламент, приняв законодательные решения по ряду технических вопросов в связи с огромным количеством завещаний и наследований, перешел к вопросу о труде и принял знаменитый Статут о рабочих, которым общие положения указа от 18 июня 1350 года заменяются подробным графиком заработной платы во время сбора урожая и в другое время[345]. Одно из положений Закона специально направлено против миграции рабочих в другие графства. Именно древней манориальной системе больше всего угрожала депопуляция. Оставшиеся в живых рабочие искали работу, где они могли бы получать

лучшую заработную плату и в то же время могли бы освободиться от немногих унижительных уз рабства, которые все еще цеплялись за *nativi* или крепостных в поместье. Но Суд Мэнора по-прежнему оставался правительственной единицей, и Закон не вступил бы в силу, если бы не это основание. Это фундаментальное намерение статута от 9 февраля 1351 года проявляется не только в явном положении, запрещающем миграцию, но и, напротив, в специальном разрешении, данном рабочим графств Стаффорд, Дерби и Ланкастер, жителям Крейвена и жителям Пограничных областей Уэльса и Шотландии, отправляться на поиски работы на уборке урожая, “как они привыкли делать до этого времени”[346].

Непосредственным результатом депопуляции была, так сказать, мобилизация рабочего класса. Многие из них, должно быть, сразу отправились в путь, поскольку в первом указе от 18 июня 1350 года, еще до начала сбора урожая того года, говорится, что некоторые работники предпочитали жить попрошайничеством, а не трудом, и поэтому подавать милостыню нищим запрещено. По словам Найтона, действие самого постановления заключалось в пополнении рядов бродячей бедноты; когда некоторые были арестованы, заключены в тюрьму или оштрафованы в соответствии с поручением шерифам, другие бежали в леса и пустоши (*ad silvas et boscos*)[347]. Эти побеги продолжались годами позже; в списках суда поместья Уинслоу есть записи о многих подобных случаях спустя долгое время после эпидемии[348]. Многие из этих беглых вилланов составляли класс “расточителей”, часто упоминаемых в *Видении Пирса Пахаря*: “расточитель не работал бы, а бродяжничал”, или он работал бы только на уборке урожая, проматывал свой заработок и до конца года испытывал уколы голода, “пока у него не заслезились глаза”. Но ясно, что другие уехали в отдаленные поместья и снова устроились на постоянную работу, освободившись от своих уз как *нативи*; и не подлежит сомнению, что некоторые отправились в города[349].

Чтобы понять причины и обстоятельства нехватки рабочей силы после огромного сокращения населения, было бы неплохо вспомнить состав деревенских общин. В каждом поместье пахотная земля была разделена на две части — с одной стороны, огромные открытые поля (два или, возможно, три), на которых у каждого жителя деревни было по пол-акра, а с другой стороны, владения лорда, или домашняя ферма. Часть последних часто сдавалась свободным арендаторам или даже вилланам, которые в данном случае считались свободными арендаторами. В возделывании своих владений лорд зависел от своих арендаторов в вилленедже, которые по форме были обязаны ему столькими-то днями работы в году, но на самом деле часто могли оплачивать свои личные услуги за денежную плату и, как говорят, делали это очень часто[350]. Таким образом, хозяин поместья больше не мог призывать своих крепостных пахать, сеять или жать; ему приходилось нанимать их для своих нужд. Свободные арендаторы также были бы в некоторой степени зависимы от наемного труда; и поскольку некоторые даже из вилланов обрабатывали до сорока акров и более на открытых полях поместья, им также пришлось бы наниматься, если только их семьи не были достаточно взрослыми, чтобы помогать. Вся эта наемная рабочая сила, естественно, была бы предоставлена более бедными сельскими жителями, котарами и бордарами, которые редко обрабатывали бы более нескольких полакров, а в некоторых случаях, возможно, и ни одного[351]. Низший разряд арендаторов в деревне образовывал, соответственно, класс рабочих; и именно их требования дали повод для принятия указов 1350 года и статута 1351 года. В каждом поместье лорд больше, чем во всех остальных, пострадал бы от нехватки рабочей силы в отношении обширных владений или домашней фермы, которыми управлял его управляющий. Предполагается, что в некоторых случаях он пытался вернуться к своим правам

обычной службы у своих вилланов, которые постепенно стали заменяться арендной платой, выплачиваемой деньгами, и что попытки сделать это приводили к неподчинению[352]. Он должен был платить жалованье, несмотря на все свои права лорда. Жалованье, выплаченное за урожай 1349 года, было, по словам Роджерса, жалованьем паники. В форме петиции, которая вынесла вопрос о труде на рассмотрение парламента в феврале 1351 года, указывается, что требуемая заработная плата была вдвое или втрое выше старой ставки; за предыдущий год (1350) зафиксировано, что заработная плата, выплаченная рабочим за сбор урожая в поместье Хэм, принадлежащем лорду Беркли, составила 1144 рабочих дня по старой шкале компенсации[353].

Рабочие, хотя и занимали низшее положение в поместьях, соответственно, были хозяевами положения. Личное служение господу, измеряемое всего лишь днями и не имеющее отношения к колебаниям уровня заработной платы, устарело; равно как указ 1350 года и статут 1351 года не содержат никаких намеков на попытку возродить его. Если люди отказывались наниматься по старой ставке, они должны были быть арестованы и заключены в тюрьму.

Конечно, существовало много вещей, помимо статута, направленных на то, чтобы удержать большинство крестьян в поместьях, где они родились; так что формальная отмена сельской жизни продолжалась в результате восстания 1381 года, в то время как многие следы этого на практике сохранялись еще долгое время. Те, кто остался в своих старых поместьях или переехал в другое графство или сотню, чтобы стать арендаторами при новых лордах, смогли получать постоянно более высокую заработную плату; цена рабочей силы оставалась примерно на сорок процентов ниже, чем это было до наступления смертности; так что закон в целом оказался неэффективным. Но другая значительная часть рабочего класса, по-видимому, была вынуждена вести бродячий образ жизни. Нелегко объяснить с экономической точки зрения, почему должен был возникнуть класс "расточителей", о которых мы так много слышим. Рабочих рук было мало, а заработная плата была высокой; на первый взгляд условия выглядят совершенно неблагоприятными для создания класса крепких нищих и праздных бродяг. Но экономические условия были действительно сложными; и когда все будет сказано по части экономики, останется кое-что, требующее объяснения со стороны этики.

Смертность сократилась не только среди рабочих, но и среди работодателей. Значительная часть столицы страны внезапно перешла в новые руки. Прежде чем парламент 1351 года принял закон о заработной плате, он был занят рядом технических трудностей, связанных с завещаниями. Об утверждении завещаний и выдаче административных грамот в больших масштабах у нас был пример из архидьяконства в Ланкашире. В Колчестере, городе с населением около четырехсот человек, было подтверждено сто одиннадцать завещаний[354]. В Лондонском суде Хастинга было зарегистрировано и доказано триста шестьдесят завещаний с 13 января 1349 года по 13 января 1350 года. К деньгам пришло огромное количество людей, у которых не у всех хватило бы склонности, даже если бы они обладали навыками и склонностями, использовать их в качестве капитала. Если среди рабочих были расточители, то были они и среди богатого класса. Смертность действительно привела к той деморализации всей национальной жизни, которая обычно наблюдается при подобных обстоятельствах. "Почти все великие эпохи моральной деградации связаны с великими эпидемиями", - говорит Нибур, обобщая свидетельства, которые Фукидид приводит специально по поводу афинской чумы[355]. Четырнадцатый век ни в коем случае не был периодом высокой морали до Черной смерти, но после нее, несомненно, стало еще хуже. Поэма Ленгленда "Видение Пирса-пахаря"

представляет собой длинную диатрибу против пороков эпохи, и некоторые из худших из них он недвусмысленно называет "временем ситхов-мора". Будет удобно привести эти этические примеры, прежде чем мы перейдем к рассмотрению влияния смертности на материальное процветание и численность населения, а также к приручению чумы на земле.

Несмотря на то, что рабочий класс является главными грешниками, корень добра остается именно в более скромных слоях населения. Герой Лэнгланда, Пахарь, очевидно, выбран для того, чтобы представлять "ту простодушную простоту, врожденную прямоту и неподкупность", которые, как говорит Берк, "некогда характеризовали английскую нацию" и, можно добавить, во все времена были ее спасительной чертой. Именно в этом классе набрало силу реформаторское движение, возглавляемое Уиклифом двадцать лет спустя. Лолларди и Крестьянское восстание были тесно связаны. Недовольство последнего заключалось в том, что пропасть между джентльменом и рабочим стала шире, чем следовало бы по природе. Конечным и очень косвенным следствием великой смертности было усиление среднего класса за счет рекрутов снизу; это создало обстоятельства, которые породили английского йомена пятнадцатого века. Но здесь мы имеем дело с непосредственным эффектом; и он заключался в усилении контраста между богатыми и бедными.

Роскошь достигла уже такого уровня, что потребовала принятия закона против экстравагантного образа жизни, любопытного закона о роскоши 1336 года, запрещавшего подавать на стол много блюд. Ничто не могло быть более значительным из более поздних событий в Лондоне, чем саркастическое описание, которое заполняет необычный пробел в одном из хронистов, фантастических излишеств в одежде и украшениях среди мужского пола примерно в 1362 году^[356]. Некоторые названия мужских украшений встречаются также в стихах Лэнгланда:

- У сэра Джона и сэра Гоффрея есть серебряный гердель, базеллард или баллок-найф с переливчатыми ботонами.

Эта женственная мода фактически привела к принятию в 1363 году Закона о одежде, по которому также низшим классам запрещается подражать тем, кто выше их. Возможно, именно к этим приверженцам богатства обращается Лэнгланд в своих горьких строках:

"Правильно! вы богатые, вы грабите тех, кто богат | и помогаете тем, кто помогает вам, и даете там, где нет нужды. | Как тот, кто наполнил бочку пресной реки | и вышел с этой водой, чтобы разбудить Темзу. | Именно так! вы богатые, вы одеваете и кормите | тех, у кого есть то, что есть у вас, вы успокаиваете".

Но что касается бедных, то Алчность считает их честной добычей:

"У меня столько же людей поры, сколько у педлера каттес, | что вольд убьет их, если захочет, за то, что они возжелали их кожи".

В Лондоне проповедующее духовенство обвиняется в потворстве алчности богатых:

"И если бы милосердия в подлых людях было не больше, чем в богатых | нищенствующих, они могли бы лечь спать без мяса. | Бог много значит в тесноте этих великих мастеров, | но среди ничтожных людей его милость и его дела. | Монахи и священнослужители нашли такие вопросы,

| чтобы побеседовать с гордыми людьми, сидящими во время эпидемии, | и священниками в Сен-Пуле, из чистой зависти к клерки, | что фольке ничем не укреплен в вере в их блага. | ... Не будь изобильна до поры, как чистая милостыня вольде, | но в веселье и в глотании забывай о своем добром подоле, | и ничего не нарушай для нищего, как течет Боке”.

Монахи совершенно утратили энтузиазм своих первых дней:

“И как эти монахи следовали за людьми, которые были богаты, | и за людьми, которые были бедны, за небольшую цену, которую они назначали; | и ни один труп ни на их церковном дворе, ни в их церкви не был похоронен, | но он быстро завещал им что-нибудь или должен был помочь расплатиться с их долгами”.

Что касается монахов, то то же самое можно было сказать о них и раньше; но теперь смертные отдали им во владение еще больше земли:

“Теперь Религия - это всадник, дебошир на улицах,
предводитель любовных вечеров и покупатель в одиночку,
погонщик лошадей от одного человека к другому,
И куча собак у его ног, как если бы он был лордом.
И но если его лжец преклонит колени, это переполнило его чашу,
Он преклоняется перед химом и топчет хима, который научил хима реверансу”.

Согласно стихотворению Ленгленда, деревенское духовенство бросило свои жилища и перебралось в Лондон:

“Священники и приходские священники жаловались епископу, | что их приходы были бедны во время эпидемии; | чтобы они получили разрешение и уехали жить в Лондон | и молились там за симонию, ибо серебро сладко. | Епископы и бакалавры, как магистры, так и доктора, | которые получили исцеление под властью Христа и коронацию в знак того, | что они должны благоустраивать свои приходы, проповедовать и молиться за них, а бедных кормить, | жить в Лондоне Великим постом и все такое” —

некоторые из них служат королю в казначействе и канцелярии, а некоторые выступают в качестве управляющих лордов.

Несомненно, что деятельность лондонских судов получила большой импульс после смерти короля, как можно легко понять по количеству наследств, наследований и феодальных претензий, которые пришлось урегулировать. Несколько постоянных дворов Чансери датируются примерно тем временем. Гаскойн, который был “канцеллариусом” в Оксфорде около 1430 года и имел доступ к спискам бывших “канцеллариусов”, был поражен увеличением числа легистов после волнений 1349 года: “До великой эпидемии среди людей было мало споров и мало просьб; и, соответственно, было мало легистов в королевстве Англии и немного легистов в Оксфорде, в то время когда в Оксфорде было тридцать тысяч ученых, как я видел в списках” и т.д.[\[357\]](#)

Деревенское духовенство, те из них, кто остался в своих клириках, были заведомо неграмотным классом; по словам Найтона, они могли читать службы на латыни, не понимая того, что читают. Лэнгленд заставляет священника признаться, что тот недостаточно подготовлен для роли духовного наставника своей паствы; с другой стороны, он был не лишен мастерства в полевых

играх: “Но я могу найти в поле или на фарлонге зайца”. В одном из судов поместья в Уилтшире в 1361 году банда окружного духовенства была осуждена за ночное браконьерство[358].

При таком положении дел среди высшего и среднего классов неудивительно обнаружить распущенную мораль среди низших слоев общества. Пахарь - такой же суровый сатирик по отношению к своему классу, как и по отношению к богатым. В Лондоне у нас есть фотография интерьера таверны, битком набитой бездельниками всех мастей “ранним утром”. В деревне также прослеживается контраст между трудолюбивым и праздным классом:

“И тот, кто поможет мне вспахать или посеять здесь до того, как я уйду, | получит право, наш Господин останется здесь во время жатвы, | и развеселит его там - майдде, могре, кто это сделает: | оставь Джакке жогелура и Джонет из рагу, | и Дангета дисплейера, и Денота из похлебки, | и почитай файтура и людей его ордена, | и Робин рыбодура для его ржавые слова”.

В том, что я жил вне брака, не было ничего необычного:

“Многие из вас не женаты на вимменах, как вы с делен, | но, какуайлд бестис, с нами он растет и боготворит, | и рождает барнса, которого люди называют бастардом”.

Разношерстные браки, по-видимому, также были обычным явлением:

“Это привлекательная пара, би Крист, как мне кажется, | чтобы женить молодую девушку на пожилой даме, | или жениться на любой вдове ради благополучия ее души, | которая никогда не родит ребенка, если только не будет вооружена. | У многих пар, когда разразилась эпидемия, тяжелое положение у пауков: | плоды, которые они приносят, - это не грязные слова: | в жалких радостях и звоне в постели | у них нет детей, кроме груди и чоппинга между ними ”.

Чапмены не наказывали своих детей. Старые традиции предсказания погоды и подсчета урожая были забыты.

В качестве дополнения к одинаково плохой картине тех времен, данной Лэнглендом, мы можем обратиться к веселым и добродушным сценам “Кентерберийских рассказов”. Но Чосер был подчеркнута поэтом культурного класса, и его музе подобает держаться в рамках благовоспитанного цинизма. Опять же, критика Ленгленда в адрес жадности и других пороков богатых может показаться простым отголоском очень древнего призыва, который находит одинаково сильное выражение у Роджера Уэндоверского около 1235 года и в ‘Handlyng Synne’ Роберта Брюннского в 1303 году. Но “Видение пахаря” слишком последовательно и слишком конкретно, чтобы рассматриваться как простая проповедь о порочности того времени, которая могла быть написана практически о любой эпохе или о любой стране, в которой Семь смертных грехов все еще назывались своими простыми именами. Слова “ситхен мор” повторяются так часто, что этот современный автор, должно быть, разделяет убеждение, что Черная смерть оказала заметное влияние на мораль нации во всех классах.

Более долгосрочные последствия для сельского хозяйства, промышленности и населения.

Переходя от вопросов моральных к вопросам материальным, мы обнаружим, что Большая смертность наложила свой отпечаток на обрабатываемые площади страны, на земельную

ренту, на вид владения и систему ведения сельского хозяйства, на промышленность, торговлю и муниципальное управление, на население и, что нас больше всего беспокоит, на последующее состояние страны.

Выращивание кукурузы, по-видимому, столкнулось по крайней мере с временной остановкой. Ежегодная стоимость трех водяных мельниц близ Шрусбери упала вдвое из-за нехватки зерна для помола[359]. Ричмонд, один из главных рынков сбыта кукурузы в Йоркшире, как говорят, по довольно неопределенным свидетельствам, был постоянно сокращен по той же причине; помимо потери огромного количества людей из-за самой чумы (смутно указано в 2000 году), город потерял торговлю кукурузой из-за того, что земли вокруг перестали обрабатываться, так что некоторые горожане, будучи не в состоянии платить арендную плату, были вынуждены скитаться за границей в качестве нищих[360].

Общие заявления Найтона, Ле Бейкера и других об Англии (не говоря уже о многочисленных риторических пассажах иностранных авторов) о том, что целые деревни были оставлены в запустении, подтверждаются петициями, которые много лет спустя регулярно появлялись в списках парламента. Есть также некоторые упоминания о сохраняющейся пустынности определенных мест, которые, вероятно, являются справедливыми образцами большего числа.

Так, незадолго до Черной смерти богатый священник из Хартфордшира передал все свои земли и доходные дома в Брэгиндж, графство Хертс, настоятелю и монастырю Англси, графство Кембриджшир, в знак того, что они должны за свой счет найти в церкви Англси на вечные времена церковь из двух священников, чтобы они служили мессы за упокой душ благодетеля и его семьи. Но 10 мая 1351 года он передал ответственность и поддержку одному из двух упомянутых священников на том основании, что “из-за огромной смертности земли остаются необработанными во многих и бесчисленных местах, не так уж много жилых домов ежедневно внезапно приходят в упадок и сносятся, арендная плата и услуги взиматься не могут, но приходится получать гораздо меньшую прибыль, чем обычно”[361]. Примером долговременного эффекта является поместье Хокхэм, принадлежащее графу Арунделу, которое не сдавалось в аренду в течение тридцати лет[362].

История арендной платы своеобразна. Непосредственным результатом, как мы узнаем из Найтона, а также из списков судов отдельных поместий, стало освобождение их от ответственности лордами, чтобы их арендаторы в вилленедже не покинули земли. Действительно, между землевладельцами существовало соперничество за право арендаторов занимать их поместья, чтобы земледельцы могли выдвигать свои собственные условия. Пример этого у нас был в поместье Эншем, принадлежащем Церкви Христа в Оксфорде[363]. Но по прошествии нескольких лет арендная плата, похоже, вернулась почти к своему прежнему уровню. Следующие цифры были составлены из отчетов Tower о судебных разбирательствах, проведенных с целью налогообложения[364]:

1268	9 д.
1348-9	—
1417	6 д.
1446	8 д.

1271	12 д.
1359	9¼ д.
1422	4 д.
1336	11½ д.
1368	10½ д.
1429	4 д.
1338	11½ д.
1381	9¾ д.
1432	6 д.

Как мы увидим, великое падение произошло в следующем столетии.

Возможно, наиболее поразительный эффект потрясений, вызванных великой смертностью, на сельское хозяйство оказал, как показал Торольд Роджерс, изменение системы ведения сельского хозяйства и создание типа английского йомена. Система ведения хозяйства в поместье лорда или на домашней ферме судебным приставом, никогда не приносявшая больших прибылей, стала, как говорит этот историк, совершенно непродуктивной, особенно из-за постоянного повышения заработной платы. У мелких людей, которые использовали землю лорда для возделывания — в какой-то степени они занимались этим и раньше[365] - своих собственных средств на скот и семена было недостаточно; но они получили от лорда авансы, которые были возвращены в должное время. Это было своего рода *городское* земледелие. Оно существовало около пятидесяти лет, к тому времени обычная система ведения сельского хозяйства в аренду стала повсеместной. Наконец, и особенно во время гражданских войн пятнадцатого века, большая часть земли, которая платно принадлежала феодалам, перешла путем покупки к фермерам-арендаторам[366]. Так возникла знаменитая порода английских йоменов — “хороших йоменов, чьи конечности были сделаны в Англии”.

Влияние смертности на торговлю и промышленность на мгновение парализовало их. О великой торговле шерстью Роджерс, историк английских цен, говорит: “Я думаю, ничто во всей истории этих цен не является более значительным свидетельством ужаса и упадка сил, вызванных чумой, чем внезапное падение цен на шерсть в это время. Пройдет много времени, прежде чем наступит выздоровление[367]”. Но с 1364 по 1380 год цена на шерсть была неизменно выше средней; и, если быть точным в цифрах Эйвсбери, уже приведенных за годы, последовавшие за 1355 годом, экспорт тюков шерсти на Континент (100 000 мешков в год, по его словам, каждый мешок был тюком нынешних колониальных размеров или весил около трех центнеров) означал очень значительное количество рабочей силы, тоннажа и обмена. Среди других экспортных товаров мы особенно часто слышим о железе в петиции к парламенту от 28 изд. III. (1354); цена на железо выросла в четыре раза по сравнению с тем, что было до чумы, и было желательно прекратить его экспорт и установить цену[368].

Влияние смертности на промышленность страны было наиболее ярко продемонстрировано в Норвиче. Этот город был центром фламандского сукноткачества, которое процветало в Норфолке около двадцати лет при непосредственном поощрении Эдуарда III и принятии закона о защите от тканей иностранного производства. До эпидемии Норвич был вторым городом в

королевстве. В королевском ордере на набор латников, который действительно был выдан в 1350 году, но может рассматриваться как составленный по старым правилам и независимо от эпидемии, квота Норвича оценивается в 60, Лондона - в 100, Бристоля и Линна - по 20, Ковентри, Глостера, Херефорда, Шрусбери, Винчестера, Сарума, Оксфорда, Кентербери и Бери Сент-Эдмундса - по 10, а других городов - от 8 до 1 в каждом, Йорк не упоминается. Но в Списке субсидий за 1377 год, который показывает, сколько лиц старше четырнадцати лет заплатили подушный налог в размере гроша в каждом графстве и в каждом главном городе, Норвич занимает шестое место в списке, а не второе, значительно уступая по численности Йорку и Бристолу и значительно уступая Ковентри и Плимуту. Пока что его соотношение с Лондоном составляло не 60 к 100, а 3952 к 23 314, при этом все его население, по оценкам, составляло 7410 человек против 44 770 в столице, с которой он когда-то соперничал. Он сильно пострадал от Черной смерти, как и густонаселенный район вокруг него, где во многих деревнях были развиты фламандская промышленность и торговля. К 1368 году десять из шестидесяти очень маленьких приходов Норвича исчезли, и постепенно исчезли еще четырнадцать, руины двадцати из них все еще видны[369].

Значение этих цифр и фактов для второго города королевства неоспоримо. Прошло по меньшей мере одно поколение, прежде чем Норвич отчасти восстановил свое бывшее процветание. В пятнадцатом веке он все еще был главным центром шерстяных мануфактур; графство Норфолк сохранило свое прежнее превосходство, хотя выросли конкурирующие промышленные центры. Однако действовали причины, которые в конце концов привели столицу Восточной Англии в сравнительно плачевное состояние. Одно из промежуточных представлений, которые мы получаем об этом — их не так много даже в истории Бломфилда, — это статут 1455 года, направленный на пресечение огромного количества “путающих нос адвокатов” в городе и округе[370]. Его настоящий упадок пришелся на начало правления Тюдоров. При Генрихе VII. посетивший Норвич в 1497 году мэр, преподнося королеве обычный золотой кубок с сотней монет внутри, воспользовался случаем, чтобы сказать монарху, “однако, что они более бедны и не так богаты, как были раньше в эти дни[371]”. Когда примерно в 1505 году город сильно пострадал от пожаров, лондонский сити собрал крупные суммы на его восстановление. К тому же периоду относится муниципальное распоряжение о том, что никто не должен копать ямы на рыночной площади для добычи песка без разрешения мэра. В 1525 году произошел общий упадок занятости, суконщики и фермеры не смогли нанять ремесленников и чернорабочих, которые начали бунтовать против высоких налогов. Акт из 33 куриц. VIII. декларирует, что производство и ткачество шерстяной пряжи полностью пришло в упадок и было отнято у города Норвич и графства Норфолк — из-за обмана и коварных действий великого множества производителей и покупателей указанной пряжи. Эти свидетельства упадка благосостояния частично появились спустя долгое время после Черной смерти, но, по-видимому, они продолжались с того события.

Что касается других крупных городов Англии, то не все они жили одинаково. Столица после смерти была более роскошной и, вероятно, не менее густонаселенной, чем до нее. Одни только дела канцелярии и казначейства могли бы привлечь к ней большое количество людей; и мы можем быть уверены, исходя из всего последующего опыта, что пробелы, оставленные чумой, были заполнены притоком из провинций и из-за границы в течение двух или трех лет. Из подушного налога также не следует, что Йорк пострадал в той же степени, что и Норвич; в то время как Бристоль и Ковентри стали городами гораздо большего значения, чем дочумы. С другой стороны, Линкольн описывается в петиции о помощи в 1399 году (1 глава IV) как “по

большей части пустой и необитаемый”. В том же году в Ярмуте появились “пустые дома”, хотя в 1369 году он, как говорят, “так сильно преуспел в Норвиче”, что стал центром производства основных шерстяных изделий. Другими городами, которые фигурируют в петициях в парламент как “обнищавшие и лишенные людей”, являются Илчестер (1407) и Труро (1410). Камден приводит в пример древний район Уоллингфорд на Темзе, который был надолго сокращен в результате Черной смерти, хотя жители, по его словам, связывают упадок города с перенаправлением движения по новым мостам в Абингдоне и Дорчестере[372]. Некоторые районы Кембриджа, по-видимому, сохраняли следы эпидемии в течение ряда последующих лет. В хартии епископа Элийского, датированной 12 сентября 1365 года, упоминается, что прихожане церкви Всех Святых (на северо-восточной стороне) по большей части умерли от чумы, а те, кто остался в живых, разошлись по приходам других церквей; что прихожане церкви Святого Джайлса (соседний приход, недалеко от замка) умерли; и что неф церкви Всех Святых разрушен, а кости мертвых тел открыты зверям; поэтому епископ объединяет Всех Святых и церковь Святого Джайлса[373]. В то время церкви этих приходов были маленькими, возможно, ненамного больше маленькой церкви Святого Петра, все еще стоящей на возвышенности напротив большой современной церкви Святого Джайлса.

Эти примеры пестрой истории английских городов, последовавшей за великой смертностью, не совсем соответствуют общему мнению, выдвинутому способным историком[374], что великая социальная революция, вызванная этим событием, должна была оторвать людей от земли, загнать их в города, увеличить городское население непропорционально сельскому, посеять зародыши торговли и промышленности и определить ту экспансию Англии, которая проявилась в конце елизаветинского периода и при Стюартах, когда британская нация была “обречена своим экономическим условиям для того, чтобы идти тем курсом, который она взяла”. Многие произошли между Черной Смертью и экспансией Англии. Вмешался пятнадцатый век, который был, по крайней мере, средним периодом, отличавшимся не только ростом класса йоменов, но и ростом торговых гильдий в городе. Но больше всего всеобщее недовольство вызывал упадок промышленности и упадок городов (за исключением Лондона и Бристоля) в правление Генриха VII. и Генриха VIII.; страна должна была оправиться от этого до елизаветинской экспансии, — прежде чем нация начала “быстро увеличивать численность населения, пока, наконец, оно не превысило пределы своего родного острова”.

В то же время одним из последствий высокой смертности стала мобилизация класса сельскохозяйственных рабочих и изгнание определенного количества из них в города. Доказательством такой миграции являются уставы и списки членов парламента.

Закон от 34 Эдуарда III. (1360) налагает штраф в размере десяти фунтов стерлингов в пользу короля на мэра и судебных приставов любого города, отказывающихся “выдать рабочего, слугу или ремесленника”, который отлучился со службы своему хозяину, с дополнительным штрафом в размере пяти фунтов стерлингов в пользу лорда. В 1376 году “Добрый парламент” подал жалобу на то, что слуги и чернорабочие бросали службу по малейшему поводу, а затем вели праздную жизнь в городах или бродили группами по стране, “многие становились нищими, другие забивали палки, но большее число занималось грабежом”. Более прямые свидетельства того, что отрасли промышленности отвлекают рабочих от сельскохозяйственного труда, содержатся в различных законодательных актах о подмастерьях. В Законе от 12 Ric. II. (1388) предусмотрено, что “тот или она, кто раньше работал за плугом и телегой или на другом труде или службе в сельском хозяйстве, пока им не исполнится двенадцатилетнего возраста, должен

выполнять эту работу, не будучи посвященным в какие-либо тайны или ремесла; и если отныне будет заключен какой-либо завет или обязательство ученика, противоречащие этому, то это не будет соблюдаться ни для кого”. Более определенное положение того же рода было сделано в 7 Гл. IV (1405-6): “Несмотря на вышеупомянутые добрые законы, младенцы, у отцов и матерей которых нет ни земли, ни арендной платы, ни других средств к существованию, а только их служба или таинство, должны быть отданы в услужение и обязательные подмастерья различным ремеслам в городах и местечках, иногда в возрасте двенадцати лет, иногда в пределах указанного возраста, и это из—за гордости за одежду и других порочных обычаев, которые слуги используют в том же самом” и т.д. - Результатом было то, что сельскохозяйственных рабочих было мало; поэтому никто, ни имея землю или арендную плату в двадцать шиллингов в год, обязать своего сына или дочь любого возраста служить подмастерьем в любом городе или местечке. В 8 веке правления Генриха VI. (1429) этот статут был отменен в той мере, в какой это касалось Лондона, из-за помех, которые указанный статут мог создать для жителей этого города[375].

Можно усомниться в том, что после Черной смерти города претерпели какое-либо заметное промышленное развитие, за исключением таких случаев, как Ковентри и Бристоль. С другой стороны, ткачество тканей в Восточной Англии было рассеяно по всей стране, особенно в западных и юго-западных графствах, так что запад Англии приобрел индустриальный характер, который он сохранял до сравнительно современного подъема суконной промышленности Йоркшира и Ланкашира. Но в значительной степени это было развитием деревенской промышленности на старой манориальной основе, а также миграцией рабочей силы в города.

У нас есть подлинный и, вероятно, типичный пример в поместье и баронстве Касл Комб, социальная история которого была собрана по кусочкам из архивов поместья одним из первых исследователей этого класса документов. К середине пятнадцатого века эта деревня, расположенная среди уилтширских холмов, труднодоступная и почти изолированная от шоссежных дорог, превратилась в процветающее сообщество ткачей, валяльщиков, красильщиков, перчаточников и им подобных, с сопутствующими им ремеслами и сбытом, все на своей старой манориальной основе, и с ее старым сельским хозяйством, идущим рука об руку с ее новыми отраслями промышленности. Были свободные арендаторы, занимавшие свои фермы, в то время как несколько суконщиков и владельцев валяных фабрик также владели фермами, “ведя двойную и, очевидно, очень процветающую торговлю, накапливая значительное богатство и давая работу большому количеству ремесленников, которые были привлечены в это место с этой целью. И все же, как ни странно, некоторые из самых богатых и преуспевающих из этих торговцев все еще были связаны отвратительными узами крепостничества, наложенными на землю[376]”. Однако ясно, что присяжные мэнорского суда позаботились о том, чтобы лорду не досталось самое лучшее. Нравы этой промышленной деревни были, как и следовало ожидать, несколько распушенными[377]. В то же время это самоуправляющееся сообщество настаивало на устранении помех, возможно, столь же эффективно, как если бы это было предусмотрено Законами о местном самоуправлении[378].

Другой вид воздействия, помимо промышленного, на состояние городов, проиллюстрирован на примере Шрусбери. Крушение старого общественного порядка каким-то образом затронуло привилегии и монополии муниципальных корпораций и гильдий и дало власть доселе лишенному избирательных прав классу. Общий вопрос, помимо того, что он несколько новый, не имеет отношения к данной теме; но ссылка на Шрусбери дана, поскольку “поздняя

эпидемия” прямо связана с муниципальными изменениями. Патент от 35-го Эдуарда III. (1361), касающийся города Шрусбери, повествует о тяжких спорах и разногласиях, которые возникли в нем “из-за незнакомцев, которые недавно поселились в указанном городе после последней эпидемии и замыслили привлечь к себе правительство указанного города[379]”.

Было высказано предположение, что население страны в целом быстро восстановилось в соответствии с принципом, согласно которому численность населения всегда стремится приблизиться к пределу прожиточного минимума. Но есть основания полагать, что средства к существованию сами по себе сократились. Мы читаем о том, что кукурузные поля приходят в запустение, хотя большинство упоминаний об опустошении, возможно, следует считать справедливыми только для одного или двух урожаев после чумы. Опять же, несомненно, что овцеводство и выпас крупного рогатого скота в конце концов заняли место большей части старого сельского хозяйства. Нелегко определить, когда начинаются перемены; но есть примеры сокращения численности сельского населения уже в 1414 году[380], и то же самое стало жгучей проблемой во времена кардинала Мортонa и в первые годы правления сэра Томаса Мора. Предполагалось также, что “положительные проверки” населения были сняты, когда теоретически они должны были быть сняты: то есть после того, как население сильно поредело. Утверждение Хеккера о том, что после эпидемии плодовитость возросла, по-видимому, является примером *априорного* образа мыслей этого автора[381]. То, что мы читаем в английской хронике того времени, прямо противоположно, а именно, что “выжившие женщины оставались по большей части бесплодными в течение нескольких лет[382]”. Авторитет не является окончательным, но это утверждение согласуется с тем, что мы можем почерпнуть из стихотворения Ленгленда о разнородных и бесплодных браках и о незаконных союзах, которые, как учит Мальтус, сравнительно бесплодны. Предполагаемое бесплодие также согласуется, хотя и не является строго параллельным, с опытом перенаселенных индийских провинций, таких как Орисса, где статистически доказано, что за истончением населения в результате голода и болезней следует заметное снижение плодовитости. Более прямые свидетельства необратимой гибели людей появляются через поколение после Черной смерти, в то время, когда состояние здоровья было таким, что могло бы объяснить это.

Подушный налог 1377 года был средством оценки численности населения. Налог взимался с каждого человека, мужчины или женщины, старше четырнадцати лет. При оценке численности населения на основе деклараций о подушном налоге обычно прибавляют одну пятую для облагаемых налогом субъектов, уклонившихся от уплаты налога, и учитывают облагаемых налогом лиц старше четырнадцати лет как две трети всего населения. Исходя из этого, население всей Англии, за исключением Чешира и Дарема, в 1377 году составляло бы 2 580 828 человек (или 1 376 442 человека, которые фактически платили свои гроши каждому). Численность населения основных городов рассчитывается во втором столбце Таблицы на основе цифр в первом столбце, которые фактически платили подушный налог, согласно Списку субсидий 51 года Эдуарда III.

Миряне, облагавшиеся подушным налогом в 1377 году в каждом из следующих городов, были лицами обоего пола старше четырнадцати лет.

	Облагаются налогом	по оценкам, население
Лондона	23,314	44,770
Йорк	7248	13,590
Бристоль	6345	11,904
Плимут	4837	9069
Ковентри	4817	9032
Норвич	3952	7410
Линкольн	3412	6399
Сарум	3226	6048
Линн	3127	5863
Колчестер	2955	5540
Бeverли	2663	4993
Ньюкасл-на-Тайн	2647	4963
Кентербери	2574	4826
Бери-Сент-Эдмундс	2442	4580
Оксфорд	2357	4420
Глостер	2239	4198
Лестер	2101	3939
Шрусбери	2082	3904
Ярмут	1941	3640
Херефорд	1903	3568
Кембридж	1722	3230
Эли	1722	3230
Эксетер	1560	2925
Корпуса	1557	2920
Вустер	1557	2920
Ипсвич	1507	2825
Ноттингем	1447	2713
Нортгемптон	1447	2713
Винчестер	1440	2700
Стэмфорд	1218	2284
Ньюарк	1178	2209
Скважин	1172	2198
Ладлоу	1172	2198
Саутгемптон	1152	2160
Дерби	1046	1961

Личфилд	1024	1920
Чичестер	869	1630
Бостон	814	1526
Карлайл	678	1271
Ванна	570	1070
Рочестер	570	1070
Дартмут	506	949

О том, что эта косвенная перепись проводилась в условиях сокращающегося населения, можно заключить из языка современников. В год подушной подати (1377) Ричард II обратился к Уиклифу с некоторыми вопросами относительно папских сборов дани; в ответе реформатора приводится в качестве второго возражения против дани, “что народ уменьшается по причине (*praetextu*) изъятия этого сокровища, которое должно быть потрачено в Англии”[383].

В политических стихотворениях того времени есть многочисленные упоминания о морах и голодоморе. Одно из таких нелепых произведений, “О Лондонском совете”, 1382 год, содержит четкую ссылку на уменьшение численности народа:

“In nos pestilentia saeva jam crescit,
Quod virorum fortium jam populus decrescit[384].”

Эти общие выражения в писаниях того времени покажутся более правдоподобными после того, как мы проследим историю чумы и других форм эпидемических заболеваний на протяжении целого поколения, начиная с 1349 года.

Эпидемии, следовавшие за Черной смертью.

Не последним из последствий Черной смерти в Англии было приручение чужеземной заразы на земле. На протяжении более чем трех столетий бубонная чума никогда надолго не исчезала в той или иной части Британии. Никогда больше страну не захлестывала огромная волна чумы, как в четырнадцать месяцев 1348-1349 годов. Также не похоже, что последующие эпидемии четырнадцатого века, *вторая чума, терция, кварта и квинта*, были того же типа, что и первая, или каким-либо иным образом сопоставимы с ней. Какими бы катастрофическими ни были многие последующие эпидемии бубонной чумы в Англии, они, по-видимому, были локализованы, возможно, на Севере или в Норфолке, или ограничивались молодежью; и, прежде всего, в более поздний период бубонная чума стала заболеванием бедняков в городах, хотя в деревнях и загородных домах она не прекращалась полностью, пока не прекратилась полностью в 1666 году. В течение трехсот лет чума была главной “заразной” болезнью Англии — тем же типом чумы, который пришел с Востока в 1347-1349 годах, непрерывно воспроизводился в виде череды эпидемий в том или ином месте, которые при тщательном поиске могут заполнить в анналах несколько пробелов, и, если бы записи были лучше, вероятно, могли бы заполнить большую часть лет. Британия не была особенной среди европейских стран в этом отношении, хотя хронология эпидемий за рубежом не была детально проработана, за исключением

отдельных провинций, в которых какому-нибудь ревностному археологу довелось заняться этим вопросом[385].

С 1349 по 1361 год в Англии нет никаких сведений о чуме. В 1353 году был дефицит или голод из-за неурожая, но ничего не говорится о необычном количестве болезней. В 1361 году появилась *вторая чума*, которую вряд ли можно было бы так назвать, если бы она не была того же типа, что и великая бубонная чума. Летописцы мало что говорят об этом; но двое из них упоминают, что это называлось *pestis puerorum*, или чумой подростков; а третий называет имена нескольких выдающихся личностей, умерших от нее, включая трех епископов и Генриха, герцога Ланкастера, в его замке Лестер в Великий пост 1362 года. Таким образом, это повторное распространение семян чумы на английской почве можно рассматривать как уничтожение знати и молодежи, то есть членов класса, которые, по общему мнению, избежали первой чумы, и подрастающего поколения, которое либо избежало первой чумы в младенчестве, либо родилось после нее. Такой же отбор жертв наблюдался, по словам Ги де Шолиака, в том же году в Авиньоне; в отличие от "черной смерти", вторая чума там унесла жизни высших и состоятельных слоев населения и неисчислимое количество детей[386]; среди первых, как говорят, были пять кардиналов и сотня епископов. Из Польши также поступают сообщения о том, что возвращение чумы, случившееся в 1360 году, затронуло в основном, хотя и не исключительно, высшие классы и детей. Из континентальных свидетельств ясно, что вторая эпидемия была отмечена теми же бубонами, карбункулами и другими признаками, что и первая. По крайней мере, в некоторых местах она должна была быть такой же разрушительной, как сама Черная смерть; так, во Флоренции, по словам Петрарки (с явным преувеличением), едва ли десять человек из тысячи остались в живых в городе после эпидемии 1359 года, в то время как Боккаччо оценивает смертность того года в столь же невероятную цифру в сто тысяч. В Лондоне в 1361 году было зарегистрировано гораздо больше завещаний, чем обычно, но не более трети от числа зарегистрированных в 1349 году, а именно. 4 в феврале, 2 в марте, 8 в апреле, 8 в мае, 12 в июне, 39 в июле, 28 в октябре, 15 в ноябре, 11 в декабре.

The *Вторая чума* - лишь одна из серии эпидемий в правление эдуарда III. и Ричард II., которого хронисты причисляют к *королеве чумы* в 1391 году. Записи в летописях по большей части настолько скудны и бесцветны, что они не помогают нам осознать ту роль, которую непрерывная инфекция в почве, начиная с Черной смерти, могла сыграть в катастрофическом состоянии страны во второй половине четырнадцатого века. Эдуард III. Репутация Эдуарда III была подмочена его французскими войнами, и он закончил свое долгое правление с позором. Его внук Ричард II. Счел задачу правления непосильной для себя и был свергнут. История этого периода не будет полной без некоторого упоминания о состоянии здоровья страны; единственная строка или предложение в хронике, отмечающие дату *третьей* или *кварты* или *квинты*, вряд ли отдадут должное месту национальной болезни среди событий, которыми историки заполняют свои страницы. Яркой иллюстрацией к "Таймс" является "Видение Пирса Пахаря", некоторые отрывки из которого могут помочь нам понять, что означало простое перечисление второго, третьего, четвертого и пятого нашествий. В подтверждение можно привести несколько латинских стихотворений того времени; а для получения более конкретных свидетельств о типе мора, который остался в Англии после Черной смерти, нам придется обратиться к некоторым дошедшим до нас рукописным трактатам второй половины четырнадцатого века, которые были написаны на английском языке для удовлетворения потребностей народа.

Латинские поэмы времен Эдуарда III. и Ричарда II. упоминать об этом нужно только для того, чтобы по контрасту подчеркнуть огромное превосходство "Видения Пирса Пахаря".

Стихотворения Джона Бридлингтонского, которые являются наиболее значительными из серии стихов на латыни, содержат многочисленные отсылки к эпидемиям того времени, как дома, так и за рубежом. Любопытно, что он больше останавливается на последствиях голода — простуде и лихорадке, — чем на собственно чуме, которую он нигде не выделяет. Итак, о Франции во времена Черной смерти:

“Destructis granis, deerit mox copia panis;
Poena fames panis, venter fluxu fit inanis.”

Или опять же, с конкретной ссылкой на *вторую чуму* 1361 года, которая, как мы знаем, была бубонной чумой:

“... fluxus nocet, undique febris
Extirpat fluxus pollutos crimine luxus.”

Другое упоминание в форме пророчества, которое, судя по контексту, явно относится к эпидемии 1368-1369 годов, снова касается исключительно голода:

“In mensis justī pandetur copia crustī:
Fundis falsorum premet arcta fames famulorum.”

далее следует примечание на латыни: “из которого явствует, что бедняки в те дни страдали от недостатка пищи[387]”. Одно латинское стихотворение конца четырнадцатого века прямо написано “О чуме” следующим образом:

“Ecce dolet Anglia luctibus imbuta,
Gens tremit tristitia sordibus polluta,
Necat pestilentia viros atque bruta.
Cur? Quia flagitia regnant resoluta[388].”

Обращаясь к гораздо более реальной или наблюдательной работе того же времени Лэнгленда, мы находим среди его общих упоминаний болезни наиболее важное, в котором он сравнивает ее с постоянным капанием дождя через прохудившуюся крышу: “Дождь, который льет там, где мы должны отдыхать, - это болезни и горести, от которых мы часто страдаем”. Опять же, в аллегории совести и природы первый обращается к Природе с призывом выступить в качестве бича порочной жизни:

“Природа услышала Совесть и спустилась с планет, и послала своих предшественников, лихорадки и приливы, кашель и сердечные приступы, судороги и зубную боль, ревматоидный артрит и головокружительный чесоток, фурункулы и нарывы, жгучую лихорадку, безумие и отвратительное зло — собиратели Природы укололи и охотились на людей, которых в большинстве своем легион вскоре лишится жизни. Эльд седой, он был в авангарде и поднял знамя перед Смертью, по праву, как он на это претендовал. Природа пришла позже, со многими острыми язвами, такими как покки и эпидемии, и много людей пострадало. Итак, природа через порчу убила многих. Смерть пришла следом, и все обратили в прах королей и рыцарей, кайзеров и пап, ученых и похотливых, он не оставил в живых ни одного человека, которого даже

ударил, который когда-либо шевелился после. Многие прекрасные дамы и многие рыцари падали в обморок от горя и Смертельных ран”.

Но “сознавая свою любезность Природе, он умолял перестать страдать и посмотреть, оставят ли они тайно гордыню и станут ли совершенными христианами. И тогда Природа перестала видеть, как люди исправляются. Фортуна ган льстила тем немногим, кто остался в живых, и обещала им долгую жизнь; и Разврат он насылал на всех людей, женатых и незамужних, и собрал великое воинство, все вопреки Совести[389]”.

Затем пришли Алчность, Зависть и другие смертные грехи, так что отсрочка, данная Природой, не принесла никакой реальной пользы.

Там, где упоминаются побои папы, содержится четкая ссылка на продолжающуюся в стране эпидемию. Папа римский ничего не сделал в ответ на свою английскую дань уважения:

- Если бы у меня был клерк, который умел писать, я бы выписал ему счет, Чтобы он прислал мне под своей печатью мазь от чумы, И чтобы его благословение и промахи его быков могли уничтожить. Ибо, хотя у него и есть сила, которой обладал сам Питер, у него есть горшочек с мазью, как я и думаю”.

Среди других последствий “ситхена моровой язвы” было следующее: “Настолько возросла гордыня в религии и во всем царстве среди богатых и бедных, что молитвы не имеют силы противостоять моровой язве; ... даже из-за страха смерти не лишайте их гордости”.

На *pestis secunda* 1361 года, или *pestis puerorum*, возможно, можно указать в отрывке, где чэпменов обвиняют в потакании своим детям: “ни за какие коврижки мора не исправляйте их чрезмерно”. Разношерстные браки, несомненно, последовали за самой большой смертностью; но вторая эпидемия 1361 года, которая особенно затронула высшие классы и, по словам одного хрониста, унесла больше мужчин, чем женщин[390], возможно, была более конкретно отмечена в ссылке Ленгланда. Об этой эпидемии хроника следующего столетия сохранила любопытное воспоминание: среди ее жертв были мужчины, несомненно, из высшего сословия, “чьи жены, будучи женщинами из гувернантки, брали к своим мужьям также незнакомцев и других распутных и простых людей, которые, забыв о своем благоговении, богослужении и происхождении, совокуплялись и выходили замуж за них с теми, кто имел низкое положение и низкую репутацию”[391].

Хотя Ленгланд, когда он говорит об изменениях “во время эпидемии”, имеет в виду великую смертность 1349 года, в других местах он имеет в виду вторую, третью и, возможно, также четвертую эпидемию[392]. Годы эпидемий вплоть до пятого не совпадают во всех хрониках; действительно, существует около девяти вспышек, которые можно было бы перечислить после Черной смерти до конца столетия. Некоторые из них явно связаны с дефицитом и, возможно, относились к старому типу голодных болезней; дизентерия, действительно, упоминается в связи с болезнью 1391 г.[393]. Опять же, хронист утверждает, что эпидемия в Лондоне в 1382 году затронула детей (мальчиков и девочек), в то время как тот же хронист прямо указывает, что болезнь в Норфолке годом позже была распространена только среди молодежи обоих полов моложе определенного возраста. Наконец, эпидемия 1391 года была настолько сильной на Севере, что напоминает о самой высокой смертности; но под тем же годом упоминается заболевание типа дизентерии, вызванное гнилыми фруктами; а под предыдущим годом, 1390

годом, два хрониста соглашались, что эпидемия была “в основном среди детей” или что она унесла жизни “больше молодых, чем старых”. Поэтому было бы небезопасно делать вывод, что все вспышки чумы в Англии, последовавшие за Черной смертью, были вызваны самой бубонной чумой. Список болезней в стихотворении Ленгленда действительно уделяет столько же места лихорадкам и приливам, жгучей лихорадке и исступлению, сколько фурункулам и нарывам, отвратительным болезням, укусам и морам - под последней группой синонимов подразумевается бубонная чума. Чума, как хорошо известно, была общим названием в средневековый период, точно так же, как вредитель и мор являются общими сейчас. Это было настолько типичным заболеванием, что некоторые могут усомниться в том, что бубонная чума типа 1349 года вообще была включена в число *вредителей* последующих поколений. Положительные доказательства продолжающегося существования бубонной чумы в Англии, по крайней мере, не являются лишними, и это будет лучшим местом для их получения.

Медицинские свидетельства продолжения эпидемии чумы.

Чуму называли “провалом” вплоть до елизаветинского и Стюарт-периода; а “провалы” в стихотворении Ленгленда, или, как он сам пишет, “боши”, были знакомыми вспышками под мышками и в других местах, которые дали болезни ее популярное название, когда она начала повторяться раз за разом. Помимо этих словесных или филологических свидетельств, есть четкое доказательство распространенности настоящей бубонной чумы во второй половине четырнадцатого века в рукописных постановлениях или правилах профилактики и лечения, которые были в обращении. Большинство сохранившихся копий носят имя некоего Джона Бургойна или Джона Бордо[394]. Фрагмент, написанный сравнительно поздним почерком, предположительно является указом “великого Кларка, мистера Джона Кордью, по молитве короля Ричарда и других лордов о море[395]”; из чего можно сделать вывод, что это широко используемое постановление датируется временами Ричарда II. Названия, используемые в тексте, - “мор” и “заразные язвы”, а обращение с предметом является обычным для чумы. Постановление содержит чрезвычайно мало того, что представляет практический интерес, и трудно поверить, что оно могло принести кому-либо реальную пользу. Нас знакомят с предметом с помощью нескольких пустых общих мест; но всякий раз, когда мы переходим к делу, нам прямо говорят пойти и проконсультироваться с теми, кто знает, - и это, следует отметить, при заболевании, которое было удивительно однородным по своему типу и обстоятельствам:

“А потому те, кто не пробовал этой обильной астрономической дряни, не могут применять к этим чумным язвам никаких подходящих средств; ибо из-за того, что они не знают причины и качества болезни, они не могут справиться с ней, как говорит князь медицины Авиценна: ‘Как ты можешь лечить язву, не зная причины?’ Тот, кто не знает причины, не может победить болезнь”.

Если бы существовали какие-либо сомнения относительно даты смерти Джона Бургойна, или Джона Бордосского[396], их следовало бы развеять открытием, что он наиболее близким образом соответствует врачу из пролога *Кентерберийских рассказов*. “Доктор физики” Чосера означает хорошо образованного практика того времени - “сведущего в астрономии”, это правда, но, во всяком случае, академически образованного, в отличие от шарлатанов и притворщиков, которые не были в Париже или Болонье, вероятно, не знали латыни, не говоря уже об “астрономии”, и поэтому не знали, как позволить пациенту умереть (или

выздороветь)*secundum artem*. Доктор физики настолько использует свои астрологические знания в манере Джона Бордосского, что можно заподозрить, что Чосер видел процитированный выше отрывок и сжал его в две следующие строки:

“Причина вам известна, и о его вреде вы знаете наизусть,
вскоре он отдал больному свою бутылку”.

Именно во время эпидемии этот практикующий заработал деньги, которые он так бережно хранил. Он был богато одет;

“И все же от него было легко избавиться;
Он сохранил то, что умер во время эпидемии.
Ибо золото в медицине - это сердечное средство:
поэтому он особенно любил золото”.

Это во всем Джон Бургон; более двухсот лет назад в Англии было бы анахронизмом представлять врача как человека, ухаживающего за кем-либо, кроме платящих пациентов, или рассматривающего эпидемическую болезнь с любой другой точки зрения, кроме как как источник дохода.

Помимо “постановления” Джона Бургонского, которое может быть отнесено ко времени правления Ричарда II, существовало еще одно эссе о распространяющейся в Англии чуме в английском переводе, копия которого среди рукописей Слоуна относится к четырнадцатому веку[397]. Важность, придаваемая этой рукописной работе, проявляется в том факте, что она была выбрана одной из самых первых, напечатанных в английском издательстве, вероятно, в 1480[398]. Она была переиздана в 1536 году, и ее содержание было скопировано почти во все английские книги о чуме (из одной в другую) еще в семнадцатом веке, большая часть ее первоначального содержания проходила под именем некоего Фазра, или Файра, или Тайре, который был составителем примерно в середине шестнадцатого века. Авторы, посвященные раннему английскому книгопечатанию, придали большое значение печатной книге 1480 года; но они, по-видимому, не знали о рукописи, которая использовалась в качестве типографской “копии”[399]. Если кому-то случится сначала воспользоваться последним, а позже перейти к печатной книге, он заметит идентичность не только в словах и написании, но даже в самой форме, в которой был вырезан шрифт. Авторство рукописи, которая, таким образом, представляет различный интерес, может заслуживать нескольких строк исследования.

Автор этой книги описывает себя во введении (переведенном) как “Я бисшоп из Арузиенса, доктор физике”, то есть епископ Орхуса в Дании. В тексте он утверждает, что занимался врачебной практикой в Монпелье:

“На горе Пессулейн я не мог избегать общества людей, потому что из-за своей бедности ходил из дома в дом, чтобы лечить больных. Поэтому я брал с собой хлеб или бисквит, смоченный в уксусе, поднося его ко рту и носу, потому что все это останавливает пищеварение и не допускает попадания яда в организм человека; и так я избежал чумы, хотя мои товарищи полагали, что я не выживу. Все вышесказанное я доказал на себе[400].”

Тот факт, что этот средневековый трактат, независимо от его точной даты, был переведен на английский и распространялся в рукописи, и что он был выбран для печати почти сразу после появления английского книгопечатания, в правление Эдуарда IV, является достаточным

доказательством, если потребуется больше, того, что англичанам приходилось считаться с бубонной чумой как с одной из своих постоянных болезней на протяжении последней части средневекового периода. Прежде чем мы перейдем к хронологии английских эпидемий в тот период, от Черной смерти до восшествия на престол династии Тюдоров в 1485 году, будет удобно рассмотреть здесь, с помощью вышеупомянутого трактата, как относились к эндемической чуме в те дни, — чему приписывали ее происхождение, пораженность домов и людей и ее распространение, что советовали для ее предотвращения и что предписывали для ее лечения. Поскольку эссе епископа было источником большей части того, что преподавалось по этим вопросам в Англии в течение следующих двухсот или трехсот лет, будет разумно дать краткий отчет об этом здесь раз и навсегда.

Отдаленные причины, или предупреждения о приближении эпидемии, приведены под семью заголовками, включая погоду, стаи мух, падающие звезды, кометы, гром и молнии с юга и ветры с юга; этот список был воспроизведен с небольшими изменениями или без изменений авторами елизаветинских популярных руководств по охране здоровья. Вторая часть эссе посвящена “причинам эпидемии”. Есть три причины:—

Иногда это исходит от нижнего корня, в другое время - от верхнего корня, так что мы можем остро чувствовать, как нам кажется, что воздух меняется; а иногда это происходит от обоих вместе, как от верхнего, так и от нижнего корня, когда мы видим осадку или уборную рядом с комнатой, или от любой другой конкретной вещи, которая портит воздух в его сущности и качестве, что может происходить каждый день. И вследствие этого наступает лихорадка мора (и примерно так же многие врачи вводятся в заблуждение, не предполагая, что эта лихорадка является мором). Иногда это происходит от мертвой падали или разложения стоячей воды в канавах, болотах и других разлагающихся местах. Эти явления иногда бывают универсальными, иногда особыми.” Затем следуют предложения о “корне выше”, которые в некоторой степени трансцендентальны. Когда оба “корня” действуют сообща, когда из-за “иньпыонов”^[401]наверху воздух испорчен, а из-за разложения или гнилой падали из мерзких мест внизу в человеке возникает немощь. “И такая немощь иногда бывает лихорадкой, иногда посинением или опухолью, и это проявляется во многих вещах. Также воздух, которым дышат, иногда ядовит и испорчен, причиняя боль сердцу, что природа многими способами огорчается, так что она не замечает своего вреда....

“То, что написано ранее, является причинами эпидемии. Но по поводу этих вещей следует задать два вопроса. Первый заключается в том, почему один умирает, а другой не умирает, в городе, где в одном доме умирают люди, а в другом доме не умирает никто. Второй вопрос заключается в том, являются ли язвы чумы заразными.

Отвечая на первый вопрос, я говорю, что это может быть вызвано двумя причинами: то есть тем, что происходит, и тем, что страдает. Пример того, что происходит: влияние вышестоящих тел проявляется в том или ином месте больше, чем в этом месте. И один пациент более склонен к смерти, чем другой. Следовательно, следует отметить, что тела с более горячими порами более подвержены заражению, чем тела с закупоренными порами из-за большого количества жидкостей. Там, где тела решительны или открыты, как у людей, злоупотребляющих вином или часто использующих батис; или у мужчин, разгоряченных работой или сильным гневом, — их тела более предрасположены к этой великой болезни.

“На второй вопрос я отвечаю, что язвы от чумы могут быть заразными из-за заражения органов пищеварения, а запах или дым от таких язв ядовит и отравляет воздух. И, следовательно, это бегство от тех людей, которые могут быть заражены. Во время эпидемии никто не должен находиться в большом скоплении людей, потому что кто-то из них может быть заражен. Поэтому мудрые врачи, посещая больных, стоят далеко от пациента, повернувшись лицом к двери или окну. И так должны стоять слуги больных людей. Кроме того, пациенту полезно каждый день менять палату и часто открывать окна на север и Восток, а также переставлять окна на юг. Ибо южный ветер имеет две причины разложения. Первая заключается в том, что он делает человека, здорового или больного, немощным в своих телах. Вторая причина заключается в том, что, как написано в Третьем Афоризме, южный ветер огорчает слух и причиняет боль сердцу, потому что он открывает поры человека и проникает в сердце. А потому здоровому человеку полезно во время эпидемии, когда ветер дует с Юга, весь день оставаться в доме. И если человеку понадобится выйти, все же пусть он остается в своем доме, пока солнце не взойдет на Востоке и не перейдет на юг”.

Эти объяснения распространенности чумы частично повторяются в разделе эссе, где автор дает указания, как ее избежать. Наложив епитимью, он продолжает:

“Это хорошее средство для очистки и изменения места заражения. Но некоторым может быть невыгодно менять свои места. Поэтому, насколько это для них возможно, следует избегать любой причины гниения и зловония, а именно всякой плотской похоти по отношению к женщинам. Также южный ветер, который, естественно, заразителен: поэтому ставьте лонжероны на окнах и т.д. По той же причине следует избегать любой отвратительной вони — от стойл, вонючих полей, дорог или улиц, а именно от воняющей мертвой падали; и большей части вонючих водоемов, где во многих местах вода хранится два дня или две ночи, или же под землей есть сточные канавы с водой, которая вызывает сильное зловоние и разложение. И по этой причине некоторые умирают в том доме, где происходят подобные вещи, а в другом доме никто не умирает, как было сказано выше. Точно так же в том месте, где суслики и капуста разлагаются, это создает неприятный привкус и вонючий привкус. Ибо подобно тому, как от сладкого запаха бодрящего вина сердце и духи получают отдых, так и от злых ароматов они ослабевают. Поэтому храните свой дом, чтобы в него не проникал зараженный воздух. Ибо зараженный воздух больше всего вызывает гниение в местах и домах, где спят люди. Поэтому пусть ваш дом будет чистым и разведите ясный огонь из пылающих дров: пусть ваш дом будет окушиваться травами, то есть листьями лаврового дерева, можжевельника, ибериоргема — он есть в аптекарских лавках, — полыни и т.д.... Ибо небольшая корочка портит все тело.

“Также во время эпидемии лучше оставаться в доме, ибо нездорово ходить в город. Также пусть ваш дом побрызгают, особенно летом, уксусом и розами, а также листьями виноградного дерева. Также полезно в течение дня часто мыть руки водой с уксусом, вытирать лицо руками и нюхать их. Кроме того, всегда полезно наслаждаться вкусными блюдами”.

Далее следует его собственный опыт из Монпелье, который уже цитировался.

Диагностика проводится случайно вместе с лечением:

“ Но некоторые могли бы понять, что может чувствовать человек, когда он заражен. Я говорю, что зараженный человек в этот день ест мало мяса, потому что он переполнен дурным настроением; и сразу же после обеда ему хочется спать, и он чувствует сильный жар при

холоде. Также у него сильная боль во лбу.... Он почувствует припухлость под мышкой, или около доли, или около ушей.... Когда человек почувствует, что заражен, как можно скорее дайте ему много крови, пока он не упадет в обморок; затем остановите вену. Ибо небольшое кровопускание приводит в движение яд”.

Затем следуйте указаниям при кровотечении, в зависимости от положения бубона — в подмышечной впадине, паху или на шее, направление “если на спине”, вероятно, имеет отношение к карбункулу[402]. Раздел о лечении, который является последним, заканчивается рецептом на лекарство, “которое поможет быстрее избавиться от опухоли”.

Это достаточно четкие указания на бубонную природу болезни, называемой мором. В то же время автор относит лихорадку к числу также чумных, вызванных сходными причинами и возникающих по сходным поводам. Это использование названия "лихорадка", которое не следует путать с его обычным применением к перемежающейся лихорадке. Лихорадка была просто (febris) acuta; а чумная лихорадка была названием сыпного тифа в шестнадцатом веке (как в книге Джонса "Лихорадка от лихорадки"), а также в Ирландии до гораздо более позднего периода. Эта ранняя связь острой чумной лихорадки с настоящей бубонной чумой означает ту же связь тифа с чумой, о которой систематически говорили Сиденхэм, Уиллис и Мортон в семнадцатом веке; тиф в их время был частым спутником чумы -*pestis mitior*; и, по—видимому, он был ее спутником и сородичем и в четырнадцатом веке.

Хронология четырнадцатого века продолжалась.

В хрониках две эпидемии претендуют на звание *pestis tertia*— эпидемия 1368-69 годов и эпидемия 1375 года. Первое описывается как “великое нашествие людей и более крупных животных[403]”, и, по-видимому, оно было связано с неблагоприятными временами года и с началом того дефицита, который в стихотворении Ленгленда относится к апрелю 1370 года:

В Лондоне, я надеюсь, тебе понравятся мои вафли
И лорен с их лаккенским подолом.— Прошло совсем немного времени,
Была осторожная коммуна, чтобы ни одна повозка не приехала в таун
С выросшими в Стретфорте, хотя мы были нищими
, А веркменам было немного легче. Об этом можно было бы подумать надолго,
Когда мы засыпали сухим апрелем,
Тысяча и триста твайсов триста и десять
Моих вафель были у Джексона, когда Чичестре был мэром[404].

The Чума 1368 и 1369 годов, возможно, была в первую очередь голодной болезнью; но из этого не следует, что к ней не примешивалась бубонная чума. Напротив, после того, как опыт показал, что сезоны дефицита часто были сезонами чумы, пониженная жизнеспособность, вероятно, предоставляла возможность вирусу чумы. До обильных урожаев 1376 и 1377 годов в течение многих лет наблюдался непрерывный период высоких цен, из которых 1371 год запомнился как “грете дере йере”[405]. Но третья чума, по-видимому, была наиболее серьезной летом 1368 года; ибо 23 июля того же года Симон, архиепископ Кентерберийский, приказал провести публичные молебны за прекращение чумы[406], и именно в том же году завешания умерших жителей Лондона регистрируются в необычном количестве, хотя и не в таком количестве, как

второй чуме 1361 года[407]. Общественные молитвы о прекращении эпидемии (без ссылки на голод) и необычная смертность богатых граждан указывают на саму чуму, которая могла быть, а могла и не быть типом болезни в сельских районах в 1369 году, на второй год эпидемии[408].

Кроме того, есть некоторые косвенные свидетельства того, что эпидемическая болезнь и, вероятно, бубонная чума появились в Лондоне после засушливого апреля 1370 года, о котором говорится в стихах Ленгланда. Это свидетельство заключается в сравнении формулировок двух указов Эдуарда III, одного от 1369 года и другого от 1371 года, оба из которых касаются неприятностей в городе[409]. В приказе короля в Совете (43 Эдуарда III.) о прекращении перевозки субпродуктов с бойни из shambles в приходе Святого Николая, в пределах Ньюгейта, по улицам, переулкам и другим местам к берегам Темзы недалеко от замка Байнард, где была пристань для выбрасывания отходов в реку, указывается мотив, согласно которому дайверские прелаты, дворяне и другие лица, имеющие дома на линии движения, прискорбно жаловались на эти нарушения виду и запаху. Но в измененном приказе от 28 октября 1371 года, направленном против той же неприятности и с определенным (но бесполезным) переносом всех забоев в Стратфорд, с одной стороны, и Найтсбридж, с другой, мотив изложен по— другому: “В то время как в последнее время из-за разлагающейся крови убитых животных, бегающих по улицам, и их внутренностей, выброшенных в воду Темзы, воздух в том же городе был сильно испорчен и заражен, в результате чего возникли худшие из мерзостей и вони”. , а болезни и многие другие недуги постигли лиц, проживающих в том же городе и прибегающих к ним: -Мы, желая принять меры предосторожности против таких опасностей и обеспечить благопристойность указанного города и безопасность того же нашего народа" и т.д.

Вплоть до настоящего времени списки членов парламента содержат частые упоминания об опустошении и обнищании страны в результате эпидемии. Петиция 1362 года умоляет короля “рассмотреть многочисленные беды, постигшие его владения в результате различных нашествий ветра и воды, а также смертности людей и животных” — разрушительным ветром был шторм, подобный торнадо, 16 января 1362 года, “в субботу вечером”, который запомнился надолго и увековечен, наряду с самой Черной смертью, в надписи в церкви Эшвелла, графство Хертс. В следующем году в другой петиции говорится, что “эпидемии и сильные ветры причинили много вреда” — поместья и доходные дома, принадлежащие непосредственно королю, пришли в запустение. В 1369 году в петиции говорилось, что “королевские фермы [арендная плата] в каждом графстве Англии значительно сократились из-за большого числа смертей”. Парламент 1376 года, так называемый “добрый парламент”, способен указать на мораль своих петиций, часто ссылаясь на эпидемии, “которые происходили в королевстве одно за другим”, на эпидемии, “поражавшие людей и слуг”, на падеж скота и “неурожай зерна и других плодов земли”. Тот же язык повторяется во втором парламенте Ричарда II. в 1378 году (через год после введения подушного налога), и с этого времени и до конца его правления он становится стереотипным в петициях, осуждающих большие субсидии или оправдывающих малость проголосованных сумм.

Эпидемия 1375 года, по-видимому, рассматривалась как одна из самых масштабных. Автор *Панегрики* называет его *pestis tertia* (минувя период 1368-69 гг.). Сезон был очень жарким, как в Англии, так и в других странах свирепствовал “грандиозный мор”, погибло бесконечное количество людей обоего пола, причем смертность была настолько быстрой, что папа “по просьбе кардинала Англии” даровал полное отпущение грехов всем умирающим,

раскаившимся и исповедующим свои грехи[410]. Это похоже на эпидемию настоящей бубонной чумы, вероятно, *pestis quarta*, правильно так называемую[411].

В 1379 году в северных частях была великая чума, лишившая их лучших людей; шотландцы совершили набег со следующей молитвой на устах: “Бог и сен Мунго, Сен Ниниан и Сейнт Эндрю спасли нас в этот день и илку дэй Божьей милостью, и скверну, от которой погибли инглесские люди” — так называлась чума, данная чуме также в 1349 году[412]. Северные графства направляют петицию в парламент 1379-80 годов с просьбой, чтобы король “рассмотрел очень большой ущерб, который они понесли и все еще терпят, как от эпидемии, так и от постоянных опустошений врага шотландии[413]”.

В парламенте 1381-82 годов находится петиция от монастыря Солсбери о нехватке денег для возмещения убытков, причиненных эпидемией, от которой почти все жильцы погибли, и падежом скота. Прошло более тридцати лет с момента Черной смерти, и вряд ли это можно отнести, как, возможно, делали некоторые более ранние петиции, к длительным последствиям этого бедствия. В шестом парламенте Ричарда II (1382) есть две стереотипные петиции с осуждением крупных субсидий на основании “великой бедности и болезней” общин, вызванных мором людей, падежом скота, неурожаем, сильными наводнениями и т.д.[414] Это было через год после крестьянского восстания, которое совпало с разного рода неприятностями. Норвичская хроника, возможно, принадлежащая тому времени, упоминает под 1382 годом очень сильную лихорадку во многих местах страны и очень необычные наводнения на болотах[415]. В Лондоне, как говорят, эпидемия 1382 года была “в основном среди мальчиков и девочек”[416]. В примитивной английской поэме того времени темой является землетрясение 1382 года, и с этим предзнаменованием оно связывает не только восстание крестьян, но и “мор[417]”.

1383 год был неудачным для фруктов, которые были испорчены “зловонными туманами, испарениями и различными загрязнениями воздуха”: от употребления в пищу испорченных плодов многие умерли или получили серьезные болезни и немощи[418]. По другому свидетельству, сильная эпидемия в Кенте и других частях Англии унесла жизни многих людей, не щадя ни возраста, ни пола. Говорят, что в Норфолке болезнь в том году распространялась только на молодых людей[419]. Это был лишь один из случаев, о которых можно было бы упомянуть в “Пирсе Пахаре”, когда бедняки думали “отравить голод” плохой едой.

Следующий мор, случившийся в 1390 и 1391 годах, был настолько продолжительным и серьезным, что его можно было сравнить с самой Большой смертностью. Это называется *pestis quinta* двумя летописцами[420], и некоторые из них описывают его не без некоторых подробностей. Ясно, что семена болезни были готовы прорасти в различных частях страны; ибо мы читаем, что в 1389 году король был на юге Англии и, увидев, что некоторые из его людей пали ниц от внезапной смерти, он вернулся в Виндзор[421]. Еще одна вспышка гнева произошла годом позже. Сильная жара началась в июне и продолжалась до сентября; последовала большая смертность, эпидемия продолжалась в разных частях Англии, но не везде, до Михайлова дня; она унесла жизни больше молодых, чем старых, а также нескольких знаменитых солдат[422]. Запись в Сент-Олбансе подтверждает это: “Великая чума, особенно среди молодежи и детей, которые умирали повсюду в городах и деревнях в невероятных и чрезмерных количествах”[423]. После эпидемии был дефицит, о котором у нас есть особые отчеты из Норфолка[424]. Но самая высокая смертность пришла на 1391 год. Прежде всего, это был

дефицит, который продолжается уже второй год и усугубляется шестью неделями непрерывного мрака в июле и августе. Во времена появления орехов, яблок и других подобных фруктов многие бедняки умирали от дизентерии, и болезнь была бы еще тяжелее, если бы не похвальная забота мэра Лондона, который распорядился привозить кукурузу из-за моря. В Норфолке и многих других графствах эта болезнь сравнивалась даже с Высокой смертностью и, вероятно, представляла собой смесь голода-мора с бубонной чумой. В Йорке, как говорили, было похоронено “одиннадцать тысяч”[425]. В другом сообщении говорится, что Север серьезно пострадал, а также Запад, и что болезнь продолжалась все лето[426]. Под 1393 годом один летописец утверждает, что многие умерли в Эссексе в сентябре и октябре, “из-за чумы, разразившейся в[427]”. Следующее свидетельство содержится в списках парламента; в первом парламенте Генриха IV (1399) представлена петиция, “чтобы король милостиво рассмотрел великую эпидемию, которая свирепствует в северных частях”, и послал достаточное количество людей для защиты шотландских границ.

Первая крупная вспышка чумы в пятнадцатом веке приходится где-то между 1405 и 1407 годами. “Такого сильного мора, ” говорит сент-олбанский летописец под 1407 годом, - не было уже много лет”. Сообщается, что в Лондоне “тридцать тысяч мужчин и женщин” умерли за короткий промежуток времени; а “в сельских деревнях болезнь так сильно поразила несчастных крестьян, что многие дома, которые раньше радовали многочисленной семьей, остались почти пустыми[428]”. Но именно под 7-м годом правления Генриха IV. (1405) в “Хронике Холла” рассказывается, как король, избегая города из-за чумы, отплыл из Куинборо в порт в Эссексе, а оттуда в Плэши, “чтобы скоротать там время, пока не прекратится чума” (стр. 36). В другой хронике говорится, что чума 1407 года свирепствовала в основном на Западе страны. В тот год, 9-го числа правления Генриха IV, из Илчестера в Сомерсете поступило прошение об освобождении от уплаты налогов, “потому что город настолько обнищал и лишился людей, что горожане не в состоянии платить упомянутую ферму”, и об аннулировании всех задолженностей, причитающихся с 43-го года правления Эдуарда III (1369). В 11-м году правления Генриха IV (1410-11) горожане Труро заявляют, “что указанный город обнищал из—за эпидемии и гибели людей, а также из-за вторжений и потерь со стороны врага на море, а также из-за дополнительных двенадцати жизней и отсутствия жителей в указанном городе” - петиция, по-видимому, аналогичная по своим условиям петиции, которая была подана в предыдущее правление. В 1-м году правления Генриха IV (1399) петиции такого же рода были поданы из Линкольна и Ярмута; первый был “по большей части пуст и необитаем”, в то время как во втором “дома были пусты из-за эпидемии и других причин”.

За 1413 год есть краткая запись о том, что “множество англичан были поражены чумой и перестали жить”[429]. Единственный хронист упоминает эпидемию в Норфолке в 1420 году[430]; но списки парламента, несомненно, свидетельствуют об очень серьезном распространении чумы на Севере примерно в то же время: в петиции от Маршей в 1421 году говорится о “огромном количестве людей, умерших от больших смертей и эпидемий, которые бушевали три года назад и продолжают до сих пор; где сто человек использовали их было не десять, и это мало что значило; там, где высокопоставленные люди держали при себе двадцать человек с оружием в руках, теперь они держат только самих себя”; враг совершал набеги, и продовольствия было мало[431]. В другой петиции того же года (9 Генриха V.) говорится, что “как из-за эпидемии в королевстве, так и из-за войн за его пределами нет достаточного количества состоятельных людей, чтобы занимать должность шерифа[432]”. Это было вскоре после Азенкура и завоевания Франции, когда состояние Генриха V. достигло наивысшей точки. Ужасы

осады Руана (1419) были излюбленной темой поэтов того времени[433], но они были чужды английскому опыту той эпохи, да и вообще во все периоды нашей истории, за исключением периода датских вторжений. Гражданские войны Кромвеля, как мы увидим, действительно привели к множеству случаев чумы и некоторых случаев сыпного тифа в осажденных или оккупированных городах; но для середины XV века, включая период войн Йорка и Ланкастера, нет веских оснований предполагать, что лихорадки или другие *morbi miseriae* были широко распространены среди простых людей, и меньше всего среди крестьянства.

Общественное здравоохранение в пятнадцатом веке.

Самые надежные данные мы получаем из цен на товары и уровня заработной платы, а они, по словам самого компетентного авторитета, Торольда Роджерса, были более благоприятны для рабочего класса в пятнадцатом веке, чем в другие периоды: “Как земледелец процветал в пятнадцатом веке, так и механик и ремесленник также процветали. Это была эпоха, когда собственность гильдий, как правило, приобреталась”. В частности, по поводу голода я процитирую еще один отрывок, который полностью подтверждает точку зрения, которую я независимо высказал в первой главе, говоря об эрготизме:

“Голод в строгом смысле этого слова редко случался в Англии благодаря практике, которую жители этого острова упорно поддерживали, питаясь в основном самым дорогим сортом кукурузы.... Народ жил в достатке и, за исключением случаев крайней нехватки, регулярно питался самым лучшим продовольствием, которое только можно было раздобыть[434].”

Один из таких периодов чрезвычайного дефицита по всей Англии пришелся на 1438-39 годы. В “Хронике Кройланда” говорится, что было три неурожая подряд, что голод был почти постоянным в течение двух лет и что люди были вынуждены питаться сушеными травами и кореньями[435]. Это был бы голод старого типа, подобный голодам 1258 и 1315 годов, когда пшеница коснулась 20с. Но это не должно приводить нас к предположению, что катастрофический период конца правления Эдуарда III и правления Ричарда II. продолжался на протяжении всего пятнадцатого века. Это правда, что записи того столетия скуднее, чем за более ранние периоды; все монашеские хроники прекратились, за исключением хроник Сент-Олбанса и Кройланда, а дневники горожан, которые заняли их место, едва начались. Вполне возможно, что более полные данные показали бы большую распространенность дистресса по всей стране. Вероятно, именно из-за скудости исторических сведений взгляды XV века варьируются от крайнего оптимизма до крайнего пессимизма. Там, где мало известно, многое можно вообразить. Так, недавний автор статьи об Англии в пятнадцатом веке[436] говорит, что “все попытки указать годы дефицита только ввели бы в заблуждение”; и еще: “Вряд ли в течение того времени [15 века] существует какой-либо пятилетний период без этих ужасных записей”. Другой недавний автор[437] отмечает, что пятнадцатый век был назван временем грубого изобилия, и противопоставляет этому “голод, эпидемии, кожные заболевания, ужасное качество пищи, ненадежность жизни и имущества, лачуги, в которых жили люди, а также тиранию и угнетение времен неурегулированного правления”. Нет необходимости оспаривать чисто субъективное впечатление, сложившееся в сознании автора. Но, чтобы прояснить наши идеи, давайте рассмотрим эти события одно за другим. Какими были первые массовые голодоморы? Нет другого великого, кроме 1438-1439 годов, который был вызван чередой неурожаяев и был одинаково суровым в Шотландии и во Франции, вызвав в них массовый голод,

а также чуму. О чумах, которые, безусловно, были не хуже, чем во времена Елизаветы и Стюартов, я расскажу подробно почти сразу. О кожных заболеваниях нигде не сказано ни слова: другой автор[438] указывает, что проказа поражала Англию “по всей стране” в пятнадцатом веке, тогда как можно показать, что распространенность этой болезни, такой, какой она когда-либо была в Англии, почти прекратилась, а ее сентиментальная мода прошла в правление Эдуарда III. Жалкое качество еды и убогие лачуги, безусловно, не имеют особого отношения к тому периоду[439]; напротив, картина, которую мы получаем о поместье Касл Комб в пятнадцатом веке, представляет собой процветающее сообщество, хотя и не отличающееся высокой моралью. Что касается незащищенности жизни и собственности, а также притеснения правительства, то здесь, по-видимому, существует некоторая иллюзия, потому что это было время войн Йорка и Ланкастера. Но у нас есть важное наблюдение Филиппа де Комина, современного французского государственного деятеля, который внимательно следил за состоянием других стран; описывая последствия гражданской войны, он говорит: —

“Англия обладает той особой благодатью, что ни страна, ни люди, ни дома не опустошаются и не разрушаются; но бедствия и невзгоды войны падают только на солдат и особенно на дворянство, которым они завидуют больше, чем обычно: ибо ничто не совершенно в этом мире”.

Истина, по-видимому, заключается в том, что середина пятнадцатого века действительно была временем, “когда начались беды Англии, когда каждый клочок земли содержал своего человека”, и что Золотой век подошел к концу, как только прекратились династические и аристократические распри, и дворяне получили возможность обратить свое внимание на утрату феодальных прав. Именно тогда мы начинаем слышать об ограждениях, о пристройке дома к дому и поля к полю, об огромных овцеводческих фермах без работников на земле и о заброшенных деревнях. Голдсмит имел в виду свое время; но расцвет Оберна относился к пятнадцатому веку, а опустевший Оберн был обычным явлением для англичан во времена Генриха VIII. Именно потому, что пятнадцатый век с обеих сторон ограничен периодами известных бедствий среди простых людей и сам по себе не имеет истории, его считают счастливым; и этот взгляд на него подтверждается экономической историей, которая была кропотливо построена для него.

Поскольку многое зависит от благосостояния страны в целом, мы можем теперь вернуться к конкретным отчетам об эпидемиях чумы.

Хронология эпидемий в Пятнадцатом веке.

За исключением несомненного упоминания об эпидемии гриппа по всей Англии в 1427 году (год его распространения также и во Франции), которое я отложу до следующей главы, история вплоть до появления потливости в 1485 году касается почти исключительно сообщений о чуме, причем о чуме в основном в городах. Нельзя утверждать, что сельские округа были исключением или что некоторые крупные эпидемии чумы не обрушивались одинаково на города и сельскую местность. Так, в “Сент-Олбанском летописце” под 1431 годом есть запись о “эпидемии в Кодикоте и других местах этого домена в этом году”. И снова, в 1439 году, Списки парламента содержат петицию к королю: “о том, что болезнь, называемая Мором, повсеместно в этом вашем королевстве царит чаще, чем это было обычно до этого времени, что является

наиболее заразным недугом, и присутствия такой заразы следует избегать, как это было ясно определено благородными физиологами и мудрыми философами до этого времени, и как показывает ежедневный опыт” — следовательно, опустить церемонию целования короля при исполнении рыцарской службы “. почтение должно быть таким, как если бы они поцеловали тебя ”. Возможно, это было бедствием как для города, так и для деревни во время голода, сравнимого с эпидемией 1407 года, которая, как прямо сказано в “Уолсингеме”, сильно ощущалась в домах крестьян, так же как и в Лондоне. Но с тех пор чума редко бывает всеобщей; она все больше и больше становится болезнью городов, а когда все-таки возникает в сельской местности, то по большей части в нескольких ограниченных местах. Письмо Пастона, датированное 1461-1466 годами, дает нам представление о распространенности чумы в сельской местности и о том, как следует избегать таких зараженных мест, которые мы найдем часто упоминающимися в документах шестнадцатого и семнадцатого веков[440]. Конечно, нет никаких средств оценить частоту распространения чумы в этих почти спорадических обстоятельствах. У этой болезни, должно быть, были свои избирательные участки в стране, но мы можем с уверенностью заключить, что таковых после Черной смерти и ее повторений, скажем, до 1407 года, было гораздо меньше, чем в городах. Одно важное свидетельство получено из великого монастыря Кентерберии. Среди его записей есть некролог на двадцати листах обо всех монахах с 1286 по 1517 год. Из ста случаев, взятых без отбора из протокола, 33 умерли от чумы, 10 - от чахотки, 29 - от хронических заболеваний. “Мор”, по-видимому, конкретно означает бубонную чуму; поскольку, кроме того, среди сотни образцов мы находим две смерти от флюса, причем один из этих трупов был похоронен немедленно *propter infexionem*. Вывод, с поправкой на результаты дальнейшего расследования, будет заключаться в том, что одна треть смертей в Кентерберийском монастыре в течение первой половины правления чумы в Англии была вызвана этой болезнью. И это было в монастыре, который, как сообщается в том же отчете, потерял “только четверых” из примерно восьмидесяти членов церкви[441].

Остается кратко перечислить известные случаи чумы в Лондоне и других городах, начиная с последней указанной даты (1420 г.) и заканчивая началом периода правления Тюдоров (1485 г.). Его распространенность “в Англии”, но, скорее всего, только в Лондоне в 1426 году, подтверждается письмом Венецианского сената, предостерегающего капитана фландрских галер и вице-капитана лондонских[442]. Мы также слышим об этой чуме в Лондоне из-за того факта, что некоторые знатные шотландцы, заложники ради выкупа короля Шотландии, умерли от чумы в Лондоне. Посланнику, отправившемуся в Шотландию 12 марта 1427 года, было поручено попросить заменить погибших заложников другими, равного ранга; и если король Шотландии будет возражать на том основании, что они умерли из-за того, что их держали в местах, где свирепствовала недавняя эпидемия, несмотря на их просьбу о высылке, посланник должен был сказать, что заложников держали в Лондоне, где герцоги Бедфорд и Глостер и все другие лорды Совета оставались в течение этого времени; и что заложников “не заколачивали и не запирали” в каком-либо доме, а отправляли в любое время. большие в городе и могли бы принять любые меры, какие им заблагорассудится, для своего собственного сохранения. Однако, по-видимому, совет покинул город, а заседания судов были отложены на стадии эпидемии, последовавшей за смертями шотландцев. Последним доводом посланника было то, что, предположив, что эпидемия распространилась по всей Англии, король, следовательно, не был обязан высылать заложников из Англии; исходя из этого гипотетического построения, мы можем заключить, что эпидемия была особенной для Лондона — одной из длинной серии,

требующей приостановления работы королевского суда, парламента и судебных инстанций[443].

В 1433 году парламент, собравшийся в Вестминстере 8 июля, был отложен на 15 августа из-за чумы, которая начала возникать в Лондоне и пригородах[444]. Лондонский хронист упоминает под 12-м годом правления Генриха VI. (1433) “страшный мор и страшный мороз”, сочетание, которое было бы интересным, если бы предшествовала[445],... Чума возродилась в Лондоне следующей осенью; ибо 27 октября 1434 года Тайный совет распорядился, чтобы все находившиеся на рассмотрении дела были продолжены с завтрашнего дня Поминовения усопших до октавы Святого Хилари в связи с эпидемией[446]. Через три года, в 1437 году, Главный судья Общей юрисдикции нанес визит в аббатство Сент-Олбанс и оставался там некоторое время “из-за эпидемии чумы, которая тогда царила в лондонском сити[447]”. Два года спустя, в 1439 году, в Списках парламента появляется запись, уже цитировавшаяся, об отмене церемонии целования короля, потому что “болезнь, повсеместно именуемая Мором, в этом вашем королевстве царит чаще, чем это было обычно до этого времени, и это самый заразный недуг[448]”. Таким образом, за десятилетие с 1430 по 1440 год мы имеем не менее четырех отчетливых вспышек чумы, три из них приурочены к Лондонскому сити, а одна из них, произошедшая в 1439 году, распространилась по всему королевству. Последней была “болезнь, называемая мором”, что должно означать бубонную чуму. Год был годом больших бедствий за границей, многие тысячи умерли в Париже. Это был голодный год в Шотландии, где заболеванием, несомненно, отчасти была дизентерия; но информация из Шотландии (приведенная в дальнейшем) указывает на настоящую чуму, возникшую на другой стороне. В Англии был голод в то время, когда он был во Франции и в Шотландии, так что, возможно, в Англии также были лихорадка и дизентерия, а затем чума.

В 1444 году, 5 июня, в Списках есть запись о том, что начался серьезный мор. Сообщается о сильном море в Оксфорде в 1448 году[449]. 30 мая 1449 года заседание парламента переносится в Винчестер, чтобы избежать “коррумпированной и зараженной атмосферы” Вестминстера. 6 ноября того же года он переносится в Ладгейт в лондонском сити из-за заражения воздуха в Вестминстере. Зараженный Вестминстер и другие места вокруг снова стали предметом статьи от 4 декабря со следующим дополнением: “Было достаточно постановлено избегать и тушить указанный гнилой и заразный воздух”. Примерно три месяца спустя, 30 марта 1450 года, парламент переносит заседание в Лестере из-за вредного воздействия воздуха в Вестминстере. В 1452 году чтение переносится на 20 ноября по той же причине, но вскоре после этого переносится на 11 февраля из-за эпидемии в самом чтении: “de magna mortalitate in dicta villa de Redyng jam regnante”. Эти годы, должно быть, были действительно тяжелым периодом чумы, поскольку в 1454 году мы находим в Письмах Пастона упоминание о тревоге, вызванной чумой в Лондоне. У. Пастон пишет Джону Пастону, 6 сентября: “На этой неделе в Лондон приехал старший сержант Биллинг. Он послал за мной и спросил, как у меня дела. Я сказал ему, что здесь мор, и сказал, что мне повезло больше, чем ему в добром Хеле, потому что прошел слух, что он умер.... Здесь великий мор. Я намереваюсь бежать в деревню[450].”

Начиная с 1454 года (и следующего года в Шотландии), в не очень полных записях того времени четко прослеживается десятилетний интервал без упоминания о чуме. С 1464 года началась серия вспышек чумы, которые, по-видимому, продолжались в той или иной части страны с небольшими перерывами до 1478 года. Говорят, что этот период чумы был предсказан в

замечательном пророчестве. В 1462 году мальчик из Кембриджа, прогуливаясь по переулку между Королевским колледжем и прилегающими зданиями Клэр и Тринити-Холлс, встретил старика с длинной бородой, который обратился к нему так: “Иди сейчас и скажи кому угодно, что в течение этих двух лет здесь будет такая чума, голод и массовое убийство людей, какой не видел никто из живущих”. Сказав это, он исчез. Однако, сразу же возникли сомнения в реальности этих слов, поскольку мальчик, отвечая на вопросы мастера Майлтона, доктора теологии, и других, сказал, что он не видел старика, ходившего по земле, и не слышал, как он говорил[451].

Подлинная информация о чуме в Англии в 1464 году содержится в письме венецианской сеньории из Брюгге, датированном 5 октября 1464 года, в котором сообщается, что несколько венецианских купцов прибыли из Лондона, который они покинули 26 сентября. Говорят, там свирепствует чума, достигающая двухсот [смертей] в сутки “, - так пишет [также] Карло Зильо.” В апреле следующего, 1465 года мы все еще слышим о ней в Лондоне из случайного упоминания в письме, написанном одним из членов семьи Пастон[452]; и как о распространенной по всей Англии, из официальной записи в “Хронике Кройланда”, последней из сохранившихся монастырских записей. Мы читаем, что воздух был заражен по всей Англии, так что многие тысячи людей всех возрастов внезапно умерли, как зарезанные овцы[453].

Уже в следующем, 1466 году, парламент переносит заседание в Вестминстере из-за инфекции в Лондоне, чтобы собраться в Рединге. Следующим летом, 1 июля 1467 года, состоится еще один перерыв в чтении (6 ноября) из-за жары и того, что начинала свирепствовать чума, из-за которой некоторые члены Палаты общин были отрезаны. С интервалом в четыре года мы слышим о чуме из письма Пастона и из записей Саутвелла. 2 Августа 1471 года каноники-резиденты Саутвеллского кафедрального собора объявляют себе отпуск на месяц “quia regnat morbus pestiferus на вилле Саутвелл и далее чрезмерный morbus pestiferus”[454]. “ 13 сентября 1471 года сэр Джон Пастон пишет из окрестностей Винчестера: “Я не могу слышать от паломников, проезжающих через страну, и ни от кого другого, кто ездит верхом или выезжает из какой-либо страны, что какой-либо районный город в Англии свободен от этой болезни. Бог прекратит это, когда ему будет угодно!” Помимо Лондона, английским городом, имеющим самый катастрофический послужной список за этот период, является Халл[455]. Чума была там настолько свирепой, что в ходе трех эпидемий, произошедших близко друг к другу, это место было почти разрушено. Она разразилась в 1472 году и унесла жизни большого числа жителей до конца года, включая мэра. В 1476 году она вспыхнула с новой силой, вызвав большую смертность. В 1478 году он был более жестоким, чем когда-либо, число его жертв оценивается в 1580 человек, включая мэра и всю его семью; люди бежали из города, церковь была закрыта, улицы опустели и заросли травой. Эпидемия, по-видимому, была, как обычно, осенней и прекратилась с приближением зимы. Между тем, в 1474 году есть упоминание о серьезном распространении чумы в королевском доме, а также в других частях Лондона. Погода прошлой осенью, 1473 года, была замечательной. Говорят, что рабочие умирали во время уборки урожая от чрезмерной жары, а “лихорадки, топоры и кровавая муха” (fevers, лихорадка и дизентерия) были повсеместны во многих частях Англии; но недостатка не было. На необычный характер этого сезона или предыдущего сезона указывало появление подземных резервуаров с водой[456].

Великую чуму этого периода в Лондоне, скорее всего, следует отнести к 1478-9 годам. Возможно, стоит привести различные свидетельства просто для того, чтобы показать трудности

хронологии. В “Хронике Грейфрайарз” под 17 годом Эдуарда IV говорится, что этот срок был “перенесен с Эстер на Михайлов день из-за греты пестиленс”^[457]. 17-е от Эдуарда IV. был 1477 год. Но Фабиан, который теперь был гражданином Лондона (впоследствии шерифом и олдерменом), входит в него в соответствии с гражданским годом 1478-79, или годом, который начинается для него с вступления в должность нового лорд-мэра 30 октября. Его слова таковы: “В этом году была большая смертность в Лондоне и многих других частях этого королевства, которая началась в конце сентября [сентября] предыдущего года и продолжалась в этом году до начала ноября, за прошедшее время умерло бесчисленное количество людей в указанном городе и во многих других местах^[458]”. Графтон говорит под 1478 годом, что основная смертность пришлась на четыре месяца сильной жары, в течение которых мор был настолько свирепым и быстрым, что пятнадцатилетняя война не унесла и трети такого количества людей^[459]. Чтобы согласовать эти даты, нам следовало бы взять за 1478 год из “Хроник Грейфрайарз”, чтобы перенос семестра с Пасхи на Михайлов день соответствовал четырем месяцам в Графтоне. В то же время утверждение Фабиана о том, что чума “продолжалась в этом году до ноября”, верно для 1479 года. Сэр Джон Пастон пишет домой из Лондона 29 октября 1479 г. о грозящей ему опасности из-за болезни; он умер там 15 ноября; а его брат, приехавший из Норфолка, чтобы похоронить его, пишет своей матери, которая желает ему “поскорее избавиться от воздуха, на котором он находился”, что болезнь “полностью прекратилась” в декабре.

1478 год, первый из двух сезонов чумы в Лондоне, был также годом чумы в Халле, Ньюкасле и Саутвелле. Отчет о Ньюкасле, приведенный в его анналах под 1478 годом, сводится лишь к тому, что огромное количество людей умерло от чумы^[460]. В Саутвелле 5 июля 1478 года резиденция каноников снова берет отпуск на лето, “потому что, вероятно, можно предположить, что ужасная эпидемия в городе Саутвелл продолжится, и потому что достопочтенные мужчины со своими слугами справедливо опасаются заразиться указанной чумой”^[461]. В следующем, 1479 году, “невероятное число” умерло от чумы в Норвиче^[462] и в таких деревнях, как Суэйнсторп, где “они умерли и умерли от чумы”. болел почти в каждом доме^[463].

Таким образом, через два года, в 1478-79 годах, мы слышим об эпидемии чумы первой степени в Лондоне, эпидемии, наиболее тяжелой для размеров города, в Халле, и эпидемиях в Саутвелле, Ньюкасле и Норвиче. Это мало чем отличается от чумных лет, которые мы часто наблюдаем в последующие столетия. То ли дело в том, что мы просто приближаемся ко времени лучших записей, то ли в последние годы правления Эдуарда IV сама болезнь усиливалась в английских городах. сравнимы с периодами чумы при Тюдорах и Стюартах.

Период от черной смерти 1349 года до правления Эдуарда IV. свидетельствует о значительных изменениях в привычках, так сказать, относиться к чуме в Англии. В более ранней части этого периода эпидемии “мора” — хотя они не были полностью вызваны чумой — были распространены по всей Англии, как и сама большая смертность, но в меньших масштабах. Даже в 1407 или, возможно, в 1439 году мы все еще слышим о том, что “болезнь, называемая мором”, была повсеместной и распространялась по домам крестьян. Масштабы болезни в 1465 году или даже ее тип недостаточно известны. С этого времени город и сельская местность противопоставляются в отношении чумы; становится обычным делом бежать в деревню, чтобы спастись от зловонного городского воздуха в летнюю жару, а нездоровый лондонский воздух во многих случаях становится реальной причиной или предлогом для приостановки работы

парламента. Все это время чума была прямым потомком Черной смерти — вируса, настолько мощного при первом проникновении на английскую землю, что охватил каждый приход страны.

Чума и другие эпидемии в Шотландии и Ирландии, 1349-1475гг.

Материалов по истории чумы в Шотландии, включая Черную смерть и последующие вспышки вплоть до конца средневекового периода, гораздо меньше, чем по Англии. От английских хронистов (Найтона и Ле Бейкера) мы узнаем, что Черная Смерть осенью 1349 года распространилась от северных графств до шотландской армии в лесу Селкирк. Согласно Фордуну, чума была повсеместной в Шотландии в 1350 году; но поскольку он включает в свою ссылку “несколько лет до и после” и “различные части света”, его утверждение о том, что почти треть человеческой расы заплатила долг природе, возможно, является простым отголоском общей оценки и без привязки конкретно к Шотландии[464]. Его следующее общее упоминание о море относится к 1362 году, когда тот же вид болезни и тот же уровень смертности, что и в 1350 году, произошли по всей Шотландии[465]. Но поскольку он говорит в другом месте, что визит Давида, короля Шотландии, в Абердиншир в 1361 году, когда он отнял замок Килдрамми у графа Мара, был обусловлен в первую очередь распространенностью чумы в южной части его королевства[466], можно сделать вывод, что эпидемия началась в конце того же года на юге, совпав с *второй чумой* в Англии, и была прервана наступлением зимы, как и во время первых эпидемий 1349 и 1350 годов. Следующую смертность, зарегистрированную Фордуном, он называет четвертой (*quarta mortalitas*) и относит к 1401 году[467]. Возникает вопрос относительно третьего; и оказывается, что между 1362 и 1401 годами в Шотландии действительно было два чумных года, а именно 1380 и 1392, оба они почти соответствовали великим эпидемиям на севере Англии. В предыдущем году сэр Джон Лайон, лорд Гламис, не смог провести свой двор в качестве аудитора казначейства в некоторых местах из-за чумы[468]. Также в 1392 году кастумары Хаддингтона, Пиблза и Дамбартона не посетили “чемберлен Эйрс” из-за эпидемии[469]. В 1402 году (а не в 1401 году, как утверждает Фордун) кастумары Стерлинга отсутствовали на ревизии из-за чумы[470]; и в том же финансовом году (с 10 июля 1402 года по 18 июля 1403 года) только один бейли из Данди присутствовал на ревизии в Перте, остальные погибли во время эпидемии[471].

На протяжении жизни целого поколения не было документальных свидетельств о чуме в Шотландии. Но у Фордуна есть две записи о болезни, которую он называет *pestilentia volatilis*— вряд ли это была чума, а возможно, был грипп — одна в 1430 году, начавшаяся в Эдинбурге в феврале, а другая в 1432 году в Хаддингтоне[472].

Под 1439 годом старая хроника, *Дополнение Скоттиса Корниклиса и Дейдиса*, описывает один из тех сезонов голода и дизентерии, с некоторыми более внезапными заболеваниями, которые были описаны для Англии в предыдущей главе. “В то же самое время в Шотландии был большой дефицит, ибо коробочка пшеницы стоила 40килограммов, а коробочка муки 30килограммов; и поистине, недостаток был настолько велик, что мимолетное количество людей умерло от голода. И еще земельная болезнь, страшная болезнь, была такой сильной, что в тот год умерла мэй больше, чем когда-либо умирала, либо от чумы, либо от какой-либо другой болезни в Шотландии. И в тот же год мор пришел в Шотландию и начался в Дамфрисе, и это можно было назвать *Мором, но Милосердием*, потому что там не осталось ни одного выздоровевшего, но все они умерли в течение двадцати четырех часов[473]”. Здесь “земная

болезнь” или “wame-ill” (дизентерия или лиентериоз) противопоставляется “мору”, которая, как говорят, разразилась в том же году, начавшись в Дамфрисе и оказавшись особенно смертоносной. Это был год чумы, которая, как говорили, была “всеобщей” в Англии (где также свирепствовал голод), и огромной смертности во Франции.

Продолжатель Фордауна записывает под 1455 годом (Джеймс II.) огромную смертность людей от чумы по всему королевству, эпидемию, которая снова на год отстала бы от соответствующей чумы в Англии[474]. Следующий раз мы определенно слышим об этом в 1475 году, который попадает в серию чумных лет в Халле и в других местах южной части острова. Из-за вспышки эпидемии король Шотландии отложил собрание сословий с сентября 1475 года до следующего Богоявления[475], когда парламент действительно собрался. В том же году в Инчкее, в заливе Ферт-оф-Форт, был открыт чумной госпиталь, и не в первый раз; для пациентов, помещенных в карантин, туда были доставлены десять мартов с Оркнейских островов[476].

Упоминания о чуме в Шотландии начинаются примерно с 1498 года; но они, в соответствии с разделением нашей темы, будут рассмотрены в другой главе.

Упоминания о эпидемиях в Ирландии после вторжения 1349 года крайне скудны; но они позволяют предположить, что вспышки бубонной чумы периодически повторялись, а также случайные эпидемии флюса и других болезней, вызванных дефицитом или плохой кукурузой. Продолжатели “Килкеннских анналов” Клайна перечисляют различные *песты*—*secunda*, *tertia*, *quarta* и *quinta* — точно так же, как это делают английские летописцы. *Секунда* выпадает на 1362 год, ее сезон также в Шотландии[477]. *Терция* приведена под 1373 годом; но также и под 1370[478]. *Кварта* датируется 1382 (или 1385) годом, а *квинта* - 1391 годом. Но независимых доказательств того, что эта хронология, изначально созданная для Англии, действительно хороша и для Ирландии, практически нет. Единственная другая запись, до периода Тюдоров, - “великая семья в Гибернии” в 1410 году[479].

ГЛАВА V.

ПОТЛИВОСТЬ.

Странная болезнь, которая стала известна по всей Европе как *английский судор*, или английский пот, была новым типом или разновидностью инфекции, впервые замеченной осенью 1485 года. Полидор Вирджил, итальянский ученый и деловой человек, прибывший в Англию в 1501 году, фактически стал придворным историком правления Генриха VII и событий, приведших к свержению Ричарда III. на Босвортском поле 22 августа 1485 года; его отчет о передвижениях Генриха Тюдора, начиная с его высадки в Милфорд-Хейвене в субботу 6 августа и заканчивая его триумфальным въездом в Лондон в субботу 27 числа того же месяца, настолько подробен, что следует предположить, что он имел доступ к дневникам, написанным в

то время. Рассказ Полидора о поте начинается с утверждения, что он проявился при первом спуске Генри на остров — *sub primum descensum in insulam*[480]. Последний продолжатель древней хроники Кройлендского аббатства, который все еще делал свои записи, когда сражались на Босвортском поле недалеко от Кройленда, и который закрыл свои анналы годом позже, описывает инцидент, который, по-видимому, показывает, что перед битвой было много пота. Томас, лорд Стэнли, находился в Атерстоне, недалеко от Босуорта, с пятью тысячами человек, номинально находившихся на службе Ричарда, и был вызван королем, чтобы привести свои войска в порядок перед битвой. Он извинился, говорит кройландский летописец, на том основании, что страдал потливостью[481]. Я рассмотрю это свидетельство и общее утверждение Полидора Вергилия в более поздней части этой главы. Между тем мы можем предположить, что вспышка пота была каким-то образом связана в народной молве с победоносной экспедицией Генриха Тюдора. Авторам, изучавшим английский пот, до сих пор приходилось полагаться на несколько скудные и не всегда последовательные утверждения летописцев в своих знаниях о его первом достоверном появлении. Теперь я могу привести свидетельство рукописного трактата о новой эпидемии, написанного врачом, когда она еще была распространена в Лондоне, и тщательно посвященного Генриху VII, если не составленного по его приказу[482]. Автор - Томас Форрестье, названный в названии доктором медицины, уроженцем Нормандии, проживающим в Лондоне. Какими бы ни были его отношения ко двору Тюдоров, его имя не встречается в патентах как одного из королевских врачей. Похоже, действительно, что он попал в беду в Лондоне примерно через два года после этой даты; ибо 28 января 1488 года король даровал ему всеобщее помилование, “с помилованием за все побеги и увертки из Лондонского Тауэра или где-либо еще, и освобождением от конфискации всех земель и имущества”[483]. Вероятно, после этого он вернулся в свою родную Нормандию: во всяком случае, в следующий раз о нем слышали на практике в Руане, где в 1490 году он опубликовал латинский трактат о чуме, одно из первых произведений типографии этого города.

Именно в первых предложениях своей печатной книги о чуме[484], а не в своей рукописи о поте, он устанавливает дату начала последней. Потная болезнь, по его словам, впервые развернула свои знамена в Англии, в Лондонском сити, 19 сентября 1485 года; далее в тексте следуют определенные астрологические знаки, представляющие положения или соединения небесных тел на эту дату. Лондонские хроники того времени указывают даты начала эпидемии, которые несколько отличаются от д-ра Форрестье. Одна из них, рукопись “Коллекции хлопка”, написанная анонимным гражданином Лондона, описывает въезд Генриха VII в столицу 27 августа и продолжается: “И в XXVII день сентября в Лондоне начался период потливости, от которого умер Томас Хайлл, ваш мэр, на место которого был избран сэр Уильям Стоккер, рыцарь, который умер через V дней после этого от той же болезни. Затем для него был выбран Джон Уорд.... И вот вы умерли от этой болезни, помимо мэров двух предыдущих городов, Джона Стоккера, Томаса Бретена, Ричарда Поусона, Томаса Норланда, олдерменов и многих почтенных простолюдинов[485]”. В более известной, но не всегда одинаково полной хронике Фабиана, который в то время был гражданином, а впоследствии шерифом и олдерменом, дата приема Генри мэром и горожанами в Хорнси-парке указана как 28 августа, ссылка на пот следующая: “И на XI день октября следующего года, после бейнга, светлейший сын Нью-Бегуна, покрасил того же Томаса Хилла, мэра, и для него был выбран сэр Уильям Стоккер, рыцарь и торговец тканями, который также покрасил сайдскую болезнь”. вскоре после этого. Единственная другая конкретная дата, сохранившаяся для пота 1485 года, исходит из страны:

Ламберт Фосседайк, аббат Кройланда, умер там от потливости после восемнадцатичасовой болезни 14 октября[486].

За исключением неизвестной до сих пор рукописи Форрестье, это единственные упоминания о времени. Стоу, у которого, должно быть, был доступ к какому-нибудь журналу того времени, говорит, что король въехал в Лондон 27 августа и что “потоотделение началось 21 сентября и продолжалось до конца октября, в результате чего погибло огромное количество людей”, включая двух мэров и четырех других олдерменов, как указано выше. Хроника Холла, которая была основным источником, использованным Хекером и другими, воспроизводит рассказ Полидора Вергилия о поте почти слово в слово; и отчет Полидора, безусловно, был начат только после 1504 года и опубликован только в 1531 году. Бернар Андре, историограф и поэт, лауреат премии “Генрих VII”, присутствовал при въезде в Лондон 27 августа; но он не сообщает подробностей о потоотделении той осени в своей “Жизни Генриха VII”, хотя, вероятно, его “Анналы Генриха VII” предоставили бы некоторую информацию, если бы они не были утеряны за 1485 год, поскольку именно его дошедшим до нас анналам за 1508 год мы обязаны почти всем, что известно о второй эпидемии потоотделения в том году. Государственные газеты того времени не содержат ни единого упоминания об эпидемии, хотя она была настолько активной в лондонском сити, что унесла жизни двух мэров и четырех олдерменов в течение нескольких дней, и, кроме того, как говорит Полидор Вирджил, “была новым видом болезни, от которой, по общему мнению, не страдала ни одна эпоха в прошлом”. Лондон был полон людей, в том числе тех, кто поддерживал Генриха Тюдора во Франции, других, кто встал под его знамена в Уэльсе, и еще тех, кто приехал засвидетельствовать почтение новой династии; сохранились свидетельства о сотнях претендентов, больших и малых, явившихся ко двору, чтобы получить вознаграждение за свои услуги в виде патентов и грантов, а также свидетельства в отчетах гардеробщиков о суете подготовки к коронации 30 октября. Но во всех дошедших до нас государственных архивах тех напряженных недель нет ни единого упоминания о том, что в узких пределах города и под стенами королевского дворца в Тауэре свирепствовала такая вещь, как эпидемия. Поэтому остается извлечь все, что мы можем, из медицинского эссе, которое доктор Форрестье написал по этому случаю.

В своем более позднем упоминании 1490 года он говорит, что более пятнадцати тысяч были отрезаны внезапной смертью, как будто по милости Божьей, многие умерли, прогуливаясь по улицам, без предупреждения и без исповеди. Это число погибших вовсе не обязательно считать точным: также не ясно, относится ли оно к Лондону или ко всей стране. Но поразительная внезапность нападения проиллюстрирована конкретными случаями в его оригинальном трактате 1485 года, хотя столь внезапные смерти неслыханны ни при одной инфекции:

“Мы видели, как два престиса стояли вместе и разговаривали друг с другом, и мы видели, как они оба сильно покраснели. Также в die—proximi мы видим, что тело тейлора снято и сильно раскрашено. Другой молодой человек, проходивший по улице, сильно упал. Также покрасился еще один джентльмен, выезжающий из города [дата указана]. Также мы знаем многих других, которые долго репетировали и которые так сильно покрасились”. Джентльмены и знатные дамы, священники, праведники, торговцы, богатые и бедные были среди жертв этой внезапной смерти. О симптомах он говорит: “И эта болезнь сопровождается гретой потливостью и стынкинингом, покраснением лица и всего тела и постоянной болью в горле, гретой потливостью и головной болью из-за паров и ядов”. Он упоминает также “покалывание в

мозгах” и что “некоторые кажутся красными и желтыми, как мы видели многих, и у двух женщин из грете, которых мы видели, были больные во всех частях тела, и они чувствовали, как грете покалывает их тела. А у некоторых были черные пятна, как это появилось у нашего фрера (?) Альбана, благородной пиявки, над душой которой да смилуется Бог!”

Как в своей патологии, так и в обильном приложении к формулам он обращает внимание на сердце, как на орган, который внезапно был поражен пагубными ядами. Он хотел, чтобы мы поверили, что многие умерли из-за того, что послушались фальшивых пиявок, которые утверждали, что знают об этой болезни и лечили ее раньше. Значительная часть его места занята осуждением этих нерегулярных врачей, их жадности и невежества — тема, которая часто встречается и в предисловиях к медицинским трудам елизаветинской эпохи. Похоже, что фальшивые пиявки писали и прикрепляли письма к воротам и дверям церквей или к столбам, обещая помочь людям в их болезни. Они также были неосмотрительны в выборе своих лекарств — некоторые священные порошки и микстуры, горячие до тридцатой степени и выше, другие эль или вино, или острые специи, “и много других лекарств, которые у них есть, но самое лучшее из них ничего не стоит”. Эти фальшивые пиявки не знали причин — ни цвета своей кожи, ни возраста, ни региона, ни времени года, ни климата, — очевидно, астрологических знаний, которые столетием ранее обеспечили врачу Чосера академический статус или превосходство над вульгарными шарлатанами его времени. Те, кто попадал в руки шарлатанов, подразумевает Форрестье, имели ничтожные шансы. Многие умерли из-за отсутствия помощи и хорошего руководства; в то время как многие были исцелены, получив лекарство в надлежащем порядке, “и если он очистит себя раньше”. Четко написанные и полностью подробные формулы в конце его эссе на данный момент являются доказательством того, что Форрестье не торговал секретными лекарствами. Первая часть эссе посвящена учению о причинах — ближних и дальних. Дальние причины были астрологическими; но ближние причины, хотя они совершенно неадекватны для объяснения потливости как особого типа и на самом деле представляют собой не что иное, как список неприятностей, приведенный в более ранних трактатах о чуме, достаточно красноречивы о состоянии лондонских улиц и домов того времени, и будут упомянуты в более поздней части главы.

Отчет о лечении, приведенный Полидором Вергилием и с него скопированный в “Хронике Холла”, вероятно, относится к более поздним эпидемиям пота, хотя в историю он вошел под 1485 годом. Пагубные последствия сбрасывания постельного белья и обильного питья холодной воды и, с другой стороны, преимущества неподвижного лежания с хорошо прикрытыми руками и ногами входят в число тем, обсуждавшихся в письмах во время эпидемии 1517 года, одной из тех, с которыми историк столкнулся на собственном опыте в Англии. Но из эссе Форрестье, опубликованного в 1485 году, ясно, что были большие различия в режиме лечения пациентов в поте в течение самого первого сезона заболевания, некоторые использовали горячее и сердечное лечение, другие, возможно, охлаждение, точно так же, как при оспе много позже. Бернар Андре подразумевает, что во время второй эпидемии 1508 года также был правильный и неправильный режим, и есть свидетельства противоречивых советов в письмах о поте от 1517 и 1528 годов. Если при более поздних эпидемиях и был какой-то лучший режим, чем при более ранних, как говорит Полидор Вергилий, то это была просто мудрость избегать крайностей. Отсюда вводящий в заблуждение характер его замечания о том, что после огромной гибели людей “было найдено средство, готовое для каждого”. Бэкон в своем “Правлении Генриха VII” почти слово в слово перенял у Полидора все, что тот говорит о “средстве” от пота; и начатое таким образом нереальное словоблудие было доведено до полного развития епископом

Спротом, историком Королевского общества (1667), который ошибочно принимает “средство” за какой-то *аркан* или сильнодействующий наркотик, ставит милорду Веруламу в заслугу сохранение рецепта для использования потомками и приводит его как призыв к Королевскому обществу искать среди тайн природы столь же действенный препарат. эффективное “противоядие” от чумы.

Языком историков является то, что пот 1485 года распространился по всему королевству. Мы определенно слышим об этом в Оксфорде[487], где это “длилось всего месяц или шесть недель” и, как говорят, отрезало многих ученых от общества, прежде чем они смогли разойтись. Об этом с такой же определенностью говорят и в аббатстве Кройленд. Об этом также упоминается в современном календаре мэра Бристоля, но без какой-либо специальной ссылки на этот город[488]. Кроме этих заметок, по-видимому, нет ничего, что указывало бы на то, что поздней осенью или ранней зимой 1485 года пот распространился по всей Англии. Но мы можем принять следующий отрывок Форрестье из посвящения его трактата королю за выражение положения дел, возможно, с некоторым преувеличением:

“Когда твое высочество и твоя великая держава раздосадованы и обеспокоены различными болезнями, а твои светлости и почти средняя часть твоего королевства поражены ядовитой лихорадкой мора, и, по причине этого, молодые и старые, всех возрастов, поражены различными воплями и печалью: поэтому, превосходный и благородный принц, мы движимы всей любовью и долгом, а не корыстью или корыстолюбием, назначить короткое правление против этой вышеупомянутой лихорадки”[489].

Второй пот в 1508 году.

После того, как первая вспышка пота в 1485 году утихла, вероятно, еще до начала зимы, о ней больше ничего не слышно в течение двадцати трех лет. Он снова появился в 1508 году, в третий раз в 1517 году, в четвертый раз в 1528 году и в последний раз в 1551 году. С каждой последующей вспышкой наша информация становится все менее скудной, в то время как эпидемия 1551 года фактически вызвала к жизни английскую печатную книгу доктора Кайуса, а эпидемия 1528 года вызвала к жизни целый ряд иностранных публикаций о ее распространении на континент (в первый и единственный раз) в следующем году (1529). Поскольку природа, причины и благоприятные обстоятельства пота не могут быть с пользой рассмотрены без обзора всей его истории, необходимо будет рассмотреть сразу и вместе четыре последующие эпидемии пота в этой стране, оставив отдельно хронику промежуточных и, вероятно, гораздо более катастрофических эпидемий бубонной чумы за тот же период, а также великого нашествия сифилиса в 1494-146 годах.

Наши знания о второй вспышке пота в 1508 году[490]исходят почти исключительно от Бернара Андре, чьи *Анналы Генриха VII.*[491], к счастью, сохранились за тот год (как и за 1504-5). Под датой июля 1508 года он говорит, что некоторые из домочадцев лорда-казначея были поражены потницей и умерли от нее, “и повсюду в этом городе умирает немало людей”. В августе в соборе Святого Павла были совершены публичные молебны по поводу потницы. В том же месяце передвижения короля с места на место в сельской местности вокруг Лондона описываются как определяемые распространенностью пота. Из Хэтфилда, куда он отправился навестить свою мать 9 августа, он отправился в Уонстед, где некоторые из его домочадцев “попотели”; по этой

причине король переехал в Баркинг, а оттуда в другие места примерно 14 августа. Он избегал Гринвича и Элтема, в обоих этих местах главные персоны королевских дворцов “потели”, настолько сильно болезнь свирепствовала тогда повсюду (*per omnia loca*). Некоторые из личных слуг короля, по-видимому, подхватили инфекцию; по словам Андре, не помогло и бегство или погоня, *quoniam mors omnia vincit*. Другие визиты были нанесены вплоть до 17 августа, и был издан строгий указ, согласно которому никто из Лондона не должен был приближаться к зданию суда, равно как и никто не должен был возвращаться в сити под страхом определенных наказаний. Единственным близким к особе короля человеком, умершим от этого, был лорд Грейсток, молодой камберлендский дворянин. Лорд-хранитель печати и лорд-камергер оба подверглись нападению, но выздоровели; доктор Симеон, настоятель Королевской часовни, умер от этого. По-видимому, в разных местах было много случаев заболевания, но многие выздоравливали, говорит Андре, при хорошем уходе. Король занялся охотой на оленя в лесах Стратфорда, Элтема и других мест вокруг Лондона.

Из провинций есть одна информация, относящаяся к Честеру^[492]: говорят, что летом 1507 года потливость унесла жизни 91 человека за три дня, из которых только четверо были женщинами. В Оксфорде в 1508 году, или за год до смерти Генриха VII, была сильная эпидемия, которая вызвала рассеяние многих студентов; но это не называется потением^[493].

Третий пот в 1517 году.

За исключением единственного упоминания о поте в 1511 году, о нем ничего не слышно между осенью 1508 и летом 1517 года. Ссылка на 1511 год встречается в письме Эразма из Квинс-колледжа в Кембридже от 25 августа, в котором он сообщает, что его здоровье по-прежнему безразлично *sudore illo*. Возможно, это может относиться к затяжным последствиям нападения в 1508 году или к гриппу 1510 года; и поскольку все другие упоминания в 1511 году относятся к чуме и тревогам о чуме, можно усомниться в том, действительно ли потливость была распространена в Англии в тот год или в любое другое время между 1508 и 1517 годами. Мы определенно начинаем слышать об этом летом прошлого года. Теперь мы достигли периода, с которого дошли многочисленные письма, депеши и другие государственные бумаги^[494]. Среди наиболее полезных из них для нашей цели - депеши венецианского посла и апостольского нунция из Лондона, письма Пейса Уолси при Генрихе VIII. был в стране, и кардинала с ним не было, письма Эразма, сэра Томаса Мора и других.

Первое, что мы слышим о болезни в Лондоне в 1517 году, содержится в письме от 24 июня, написанном кардиналом Арагонским Вулси из Кале; кардинал, путешествовавший как дворянин со свитой из сорока лошадей, намеревался посетить Лондон, но ждал на другой стороне из-за слухов о распространении болезни в Лондоне. Вероятно, этот слух относился к постоянному заражению английских городов летом и осенью - бубонной чуме, поскольку только пять недель спустя мы слышим о потливости под ее настоящим названием.

1 августа нунций пишет из Лондона маркизу Мантуанскому, что здесь вспыхнула болезнь, вызывающая внезапную смерть в течение шести часов; она называется потливой болезнью; от нее умирает огромное число людей. 6 августа он занимает большую часть письма на трех страницах с отчетом об этом. Для одних это оказалось смертельным через двенадцать часов, для других - через шесть, а для третьих - через четыре; это легкая смерть. У большинства

пациентов приступы возникают в положении лежа, но у некоторых - при движении пешком, и даже у очень немногих - при езде верхом. Приступ длится около двадцати четырех часов, более или менее. Принимать во время приступа какие-либо холодные напитки или допускать попадание воздуха на мокнущую кожу смертельно опасно; одеяло должно быть более просторным, чем обычно, но было опасно накидывать на пациента слишком много постельного белья. В палате для больных следует поддерживать умеренный огонь; руки пациента должны быть скрещены на груди, и следует проявлять большую осторожность, чтобы холодный воздух не достиг подмышек[495]. Болезнь набирала обороты и уже распространилась по Англии; сообщалось, что в Оксфорде, который был небольшим местом, если не считать тамошнего университета, от нее умерло более четырехсот студентов. Похороны происходили со всех сторон; было много смертей в королевском доме и в доме кардинала Вулси, который находился в стране “в поту”. Всеобщий страх перед этой болезнью таков, что очень немногие не опасаются за свою жизнь, в то время как некоторые настолько напуганы, что страдают от страха больше, чем другие от самого пота.

В тот же день (6 августа) венецианский посол Себастьян Джустиниан, который был в дружеских отношениях с нунцием и часто бывал у него в долгу за информацию, пишет дожу, давая примерно такой же отчет о “новой болезни”. Он отмечает внезапное начало, быстроту выделения, когда оно должно было стать фатальным, и прекращение выделения пота в течение двадцати четырех часов. Его секретарь принял это лекарство, как и многие из его слуг. Погибло мало иностранцев, но огромное количество англичан. Отправившись навестить Вулси, он обнаружил, что у него был пот; многие из приближенных кардинала умерли от него, включая некоторых из его главных приближенных; епископ Винчестерский также заразился им. 12 августа венецианский посланник пишет, что у него самого и его сына был пот; у Вулси это случалось трижды за несколько дней, многие из его людей умерли от этого, особенно его джентльмены[496]. В Лондоне “omnes silent”.

Приступ Вулси и его рецидивы подтверждаются его собственным письмом королю; примерно в конце августа он отправился в паломничество в Уолсингем и оставался там большую часть сентября, но даже после возвращения его “мучила лихорадка”. Рецидивы потливости, о которых упоминает Форрестье в 1485 году, Андре в 1508 году, а теперь снова в 1517 году, возможно, были источником высказывания в форме пословицы, которое встречается в эссе того времени сэра Томаса Мора, — что рецидив хуже первоначальной болезни[497].

Смерть хорошо известного персонажа, Аммонии, секретаря короля по латыни, является темой нескольких писем, в том числе одного от 19 августа от Мора к Эразму; он скончался в девять утра 17 августа, после двадцатичетырехчасовой болезни: он поздравлял себя с тем, что находится в безопасности благодаря своему умеренному образу жизни. Мор подтверждает заявление о смертях в Оксфордском университете, и добавляет, что также в Кембридже. В Лондоне пот поражает целые семьи: “Уверяю вас, в рядах военных меньше опасности, чем в этом городе”. Его собственная семья (? в Баклерсбери) пока в безопасности, и он приготовился к любым неожиданностям. Он слышит, что пот сейчас в Кале. 27 августа венецианский посланник снова пишет, что болезнь сейчас сильно прогрессирует; король остается в стороне в Виндзоре, только с тремя любимыми джентльменами и Дионисиусом Мемо, который описывается как его врач, но в других письмах как “преподобный” и как музыкант из Венеции. 21 сентября посланник отправился в страну, чтобы избежать “чумы и потливости”. Несколькими днями позже (26 сентября) он пишет, что “чума” делает некоторый прогресс, и что длительное

отсутствие короля, кардинала и других лордов из Лондона из-за пота побудило горожан к бурному настроению против иностранных торговцев и местных жителей; положение дел было настолько угрожающим, что три тысячи горожан были вооружены, чтобы сохранить мир. Упоминания после сентября 1517 года в основном относятся к “обычной инфекции” или чуме, которая была почти ежегодным осенним событием в Лондоне. Вероятно, в то время существовала некоторая путаница между этой инфекцией и потом, конечно, не в отношении симптомов, а в общих сообщениях; таким образом, неясно, относится ли новая тревога при королевском дворе в Виндзоре или около него 15 октября из-за смерти молодого лорда Грея де Уилтона и немецкого слуги короля к поту или к чуме. Уже 2 ноября пришло письмо из Оксфордского университета Вулси, в котором он извинялся за задержку с ответом на два его письма по причине потливости.

Распространенность “*sudor tabificus*” в Оксфорде в 1517 году известна и из других источников: говорят, что это привело к “рассеянию и уничтожению большинства, если не всех, студентов”^[498]; и нунций, пишущий из Лондона 6 августа, упоминает текущее, но невероятное заявление о том, что менее чем за неделю умерло более четырехсот студентов.

Кроме этих писем из Оксфорда, в стране, удаленной от Лондона, вряд ли есть какие-либо сообщения о поте 1517 года. В летописи в Честере упоминается вспышка “чумы”, которая, как предполагается, означает потливость; также говорится, что она была “вероятно, более серьезной, чем в 1507 году”; многие умерли, другие бежали; и трава у Креста выросла на фут высотой^[499]. Но это признаки настоящей чумы, которая, как мы знаем, вспыхнула в Лондоне, а также в сельских районах осенью и зимой 1517 года, или почти сразу после того, как миновала короткая и резкая вспышка пота.

Среди упоминаний о преобладающих болезнях на континенте в 1517 году, помимо слухов сэра Томаса Мора о поте в Кале, нет ни одного, которое заставило бы нас предположить, что характерная английская болезнь вторглась в Европу в том году. Но есть важное заявление Erasmus, до сих пор упускавшееся из виду, которое почти наверняка указывает на эпидемию гриппа по другую сторону Северного моря через год после того, как грипп распространился в Англии. Известно, что той весной в Нидерландах внезапно распространилась смертельная форма заболевания горла, которая была принята за дифтерию; но болезнь, на которую ссылается Эразм, вряд ли могла быть такой же. В письме из Лувена Барбьери от 1 июня 1518 года он сообщает, что в Германии свирепствует новая чума, поражающая людей кашлем и болями в голове и желудке, причем он сам пострадал от нее. Значение этой эпидемии, если предположить, что это был грипп, будет рассмотрено в дальнейшем.

С помощью приведенных выше современных заметок о поте 1517 года мы можем судить об общей точности изложения этого события в хронике Холла, которая до сих пор была почти единственным источником информации. По его словам, пот убивал за три или два часа, что является некоторым преувеличением относительно кратчайшего срока, упомянутого нунцием и венецианским посланником в их письмах от 1 и 6 августа. Другое общее утверждение можно заподозрить в еще большем преувеличении: “Поскольку в каком-то одном городе умерла половина людей, а в каком-то другом - треть, пот был таким сильным, а инфекция такой сильной”. пот продолжался, по его словам, до середины декабря. Стоу в своих *Анналах* более правильно утверждает, что чума пришла в конце года, после пота. Чума была гораздо более

смертельной инфекцией из этих двух; но даже чума и пот вместе взятые, и в самом худшем их проявлении, вряд ли уничтожили бы половину или треть жителей города.

Четвертый пот в 1528 году.

Поскольку депеши нунция и венецианского посланника в Лондоне лучше всего описывают волнения 1517 года, именно в депешах французского посла Дю Белле мы находим наиболее достоверные сведения о волнениях 1528 года. Дю Белле, епископ Байоннский и остроумный дипломат, все это время находился в Лондоне и за это время отправил в Париж письма, в трех из которых главной темой является пот. Из многих других государственных писем того времени можно почерпнуть различные подробности, а в одном письме Брайана Тьюка, одного из королевских министров, мы находим некоторые теоретические рассуждения об этой болезни. Вспышка произошла в то время, когда страсть Генриха VIII к госпоже Анне Болейн, сестре одной из придворных дам, набирала силу; в результате влюбленные расстались на несколько недель, расстояние между ними было преодолено благодаря обмену нежными нотами, из которых ноты короля остаются открытыми для любопытных глаз потомства.

О поте слышно уже 5 июня 1528 года, когда Брайан Тьюк пишет Танстоллу, епископу Лондона, что он бежал в Степни “из страха заражения”, поскольку в его доме заболел слуга. Из-за болезни, должно быть, еще дней десять никто не разговаривал. 18 июня Дю Белле пишет, что он появился “в течение этих четырех дней”^[500]. 16-го король в Гринвиче был встревожен известием о том, что он напал на служанку Анны Болейн^[501]. Он в большой спешке уехал в Уолтем, а юную леди отправил к ее отцу в Кент. “До сих пор,” пишет Дю Белле, “любовь не утихла. Я не знаю, может ли отсутствие и трудности Рима повлиять на что-нибудь”. Король сразу же написал ей: “Ночью до меня дошли самые печальные новости из всех возможных.... Я боюсь еще дольше страдать от отсутствия, которое уже причинило мне столько боли”. Он посылает к ней своего второго врача (доктора Баттса). Тревога по поводу ее здоровья, по-видимому, была неуместной именно тогда, хотя и она, и ее отец заразились этой болезнью в течение нескольких дней. К 18 июня, по словам французского посланника, около 2000 человек заразились этой болезнью в Лондоне. Это, по его словам, самое опасное заболевание: “человек испытывает небольшую боль в голове и сердце; внезапно начинает потеть; и врач бесполезен, потому что, сильно вы укутываетесь или мало, через четыре часа, иногда через два или три, вы выздоравливаете, не изнывая, как при этих мучительных лихорадках”. За день до этого, собираясь принести присягу о перемирии, он видел людей, “густых, как мухи, которые спешили с улиц или из магазинов в свои дома, чтобы попотеть, когда им становилось плохо.... Уверяю вас, в Лондоне священникам живется лучше, чем врачам, за исключением того, что последние не помогают хоронить. Если так пойдет и дальше, кукуруза скоро подешевеет. [Сезон был дефицитным.] Прошло двенадцать [одиннадцать] лет с тех пор, как было такое посещение, когда за десять или двенадцать дней погибло 10 000 человек; но это было не так плохо, как сейчас”. Через двенадцать дней, 30 июня, он пишет снова, что около 40 000 человек подверглись нападению в Лондоне, из которых только 2000 погибло; “но если человек только в течение двадцати четырех часов поднимет руку с постели, она становится жесткой, как оконное стекло” — то есть, тщательно прикрываясь, как мы узнаем также из “Истории и писем о поте лица” Полидора Вергилия 1517 года, они значительно увеличивали шансы на выздоровление. В своей третьей депеше от 21 июля он сообщает, что опасность начинает уменьшаться здесь и

возрастать в других местах; в Кенте она очень велика. Анне Болейн и ее отцу пришлось попотеть, но они справились с этим. Нотариусы прекрасно провели время, почти каждый составил свое завещание, поскольку те, кто заболел болезнью в ее смертельной форме, “стали совсем глупыми в тот момент, когда заболели”. Его оценка в 100 000 завещаний, конечно, является юмористическим преувеличением. Пик напряженности в Лондоне, по своему обыкновению, продолжался всего несколько недель, в основном в июле. 21 августа кто-то пишет из Лондона, что “в настоящее время чума хорошо утихла, и о ней почти ничего не слышно”. Из других частей Англии мало подробностей о поте 1528 года. Мы слышим об этом в Воберне 26 июня, в женском монастыре в Уилтоне 18 июля, в Беверли 22 июля — сообщается, что это очень серьезно в Йоркшире в целом, — в Кембридже 27 июля и в нескольких местах в Кенте примерно в тот же день. “Инфекцией” в Дувре 27 сентября, возможно, был не пот, а обычная бубонная чума. Но, вероятно, именно к поту следует отнести смерть четырех священников и двух братьев-мирян в Эксхольме, в Линкольншире, а также высокую смертность в Чартерхаусе, Лондон[502].

Как и в предыдущем поте 1517 года, письма того времени дают нам множество сведений о вторжении в крупные дома в Лондоне и его окрестностях, включая королевский.

Июньским днем, когда французский посол прогуливался с Вулси в его саду на Йорк-Плейс (Уайтхолл), кардиналу сообщили, что пятеро или шестеро из его окружения вспотели, и дипломатическая беседа была внезапно прервана. В июле Дю Белле снова пишет, что только четверо мужчин в большом доме Вулси остались здоровы. Среди тех, кто умер от этого, были брат лорда Дерби и племянник герцога Норфолка. Кардинал, который страдал от пота и его рецидивов в 1517 году, бежал от него в Хэмптон-корт 30 июня и заперся там всего с несколькими сопровождающими, предварительно отложив судебные заседания и остановив присяжных. 21 июля Дю Белле пишет, что получить доступ к Вулси было почти невозможно, и предполагает, что ему, возможно, придется говорить с ним в Хэмптон-Корте через трубу. В том же письме французский посол ссылается на обстоятельства своего собственного нападения, когда он навещал архиепископа Кентерберийского (Уорхэма), вероятно, в Ламбете: “В тот день, когда я потел у милорда Кентерберийского, за четыре часа погибло восемнадцать человек, и вряд ли кто-то спасся, кроме меня, который еще не совсем окреп”. Епископ Лондона Танстолл пишет Вулси из Фулхэма 10 июля, что тринадцать его слуг сразу вспотели в день Святого Фомы; он распорядился провести публичные шествия и молитвы, чего пожелал король 5 июля. Губернатор Кале пишет 10 июля: “Пот прибыл и напал на многих”. Умерли только двое - джентльмен из Ланкашира и рыбак; но во втором письме от той же ночи сообщается о смерти еще четверых, из которых двое “были в добром здравии вчера, даже когда ложились спать”. В различных других письмах примерно того же числа упоминаются личные переживания, связанные с потением или нападениями на прислугу в загородных домах в родных графствах. Самые подробные отчеты относятся к королевскому двору.

16 июня король поспешно выехал из Гринвича в Уолтем. В письме Анне Болейн он пишет, что, когда он был в Уолтеме, два билетера, два камердинера Джордж Болейн и мистер казначей (Фицуильям) заболели от пота и сейчас вполне здоровы. “Сомнения, которые у меня были в вашем здоровье, чрезвычайно беспокоили меня, и я вряд ли мог бы быть спокоен, не зная наверняка; но поскольку вы ничего не почувствовали, я надеюсь, что с вами все так же, как и с нами”. Он переехал в Хансдон (20 или 21 июня), “где у нас все очень хорошо, ни одного больного человека. Я думаю, что если бы вы уехали из Суррея, как это сделали мы, вы избежали

бы всех опасностей. Вас может утешить другое: мало у кого из женщин есть эта болезнь, и, более того, никто из нашего двора и немногие в других местах не умерли от нее”. Когда Брайан Тьюк отправился в Хансдон 21 июня, король рассказал ему “о преимуществах этого дома и о его пользе в это время болезни”. Два дня спустя Тьюк, имевший дело с королем, застал его “в тайной беседе со своим врачом, мистером Шамбре, в башне, где он иногда ужинает отдельно”. Король поговорил со своим министром о плохом самочувствии последнего (по-видимому, стоун) и показал ему средства, “которые мог бы сделать любой самый искусный врач в Англии”. Что касается инфекции, король рассказал о том, как были заражены люди, как мало было опасности, если соблюдался хороший порядок, как мало было умерших, как ею переболели госпожа Анна и милорд Рочфорд (ее отец), в какой опасности они оказались из-за преждевременного высыхания пота, об усилиях мистера Баттса, который был с ними, и, наконец, об их полном выздоровлении. Король советует Вулси принимать “пилюли Разеса” раз в неделю и, если уж на то пошло, потеть умеренно и постоянно, не допуская обильного потоотделения. Но оптимистические взгляды короля на болезнь были быстро нарушены. Уильям Кэри, женатый на сестре Анны Болейн, скоропостижно скончался от пота в Хансдоне, только что прибыв из Плэши, а двое других членов Палаты, Пойнтц и Комптон, умерли примерно в то же время либо там, либо в Хартфорде, куда переехал король. Вечером 26 июня в Хартфорде заболели маркиз и маркиза Дорсет, сэр Томас Чейни, Кроук, Норрис и Уоллоп. Король поспешно отбыл в Хэтфилд 28 июня, где, по-видимому, заболели еще несколько человек. Дю Белле, написавший 30 июня, сообщает, что все члены Палаты, кроме одного, подверглись нападению. Из Хэтфилда король сразу же отправился в Титтенхэнгер, загородный дом, принадлежавший Вулси как настоятелю Сент-Олбанса, и там он решил воспользоваться своим шансом попотеть, разводя огромные костры, чтобы уничтожить инфекцию. 7 июля доктор Белл пишет из Титтенхэнгера Вулси, что “за эти три дня здесь никто не вспотел, кроме мистера Баттса”. Однако два дня спустя маркиза Эксетерская “вспотела”, и король приказал всем, кто был в свите маркиза, уехать, а сам он доехал до Амптхилла, откуда 22 июля думал перебраться в Графтон, но ему помешало распространение там инфекции. Вскоре после этого Анна Болейн вернулась ко двору. Очевидно, что к периоду ее возвращения относится ее недатированное письмо Вулси; написав несколько формальных строк, чтобы заинтересовать кардинала, она отнесла свое письмо королю, чтобы он добавил постскрипtum следующего содержания: “Мы оба желаем вас видеть и рады слышать, что вы так благополучно избежали чумы, надеясь, что ее ярость утихла, особенно среди тех, кто соблюдает хорошую диету, как, я надеюсь, вы”.

Хотя нападений, упомянутых в переписке того времени, было много, смертей было немного. В письме Брайана Тьюка секретарю Вулси от 14 июля высказывается несколько скептическая позиция по всему этому вопросу. Его жена “вспотела”, но очень слаба, у нее высыпания во рту и в других местах. Сам он каждую ночь “смывает с себя пот” (прямо вопреки совету короля), хотя другие люди думают, что таким образом они покончили бы с собой. Он делал это во время последнего пота и этого, чувствуя уверенность, что, пока он не заболел впервые, потливость скорее вызвана распределением времени и близостью мужчин, чем какой-либо инфекцией, хотя инфекция была реальностью. Тысячи страдают этим от страха, которым больше не нужно потеть, особенно если они соблюдают правильную диету. Он считает, что это во многом зависит от мнения мужчин. Слухи об этом распространились из Лондона в другие части города, потому что, когда целый человек приезжает из Лондона и говорит о поте, в ту же ночь весь город полон им, и, таким образом, это распространяется по мере распространения славы. Дети, опять же, лишены этого мнения, не имеют его, если только их матери не убьют их, поддерживая в них

слишком высокую температуру, если они немного вспотеют. В Кале он не ходит на Могилы, хотя люди ходят из одного места в другое.

Англичане потеют на Континенте в 1529 году[503].

Неизвестно, попадал ли пот в конце концов на Могилы или в другие места в том направлении; но есть множество свидетельств того, что он проявлялся в течение следующего (1529 г.) года во многих частях Континента, за исключением Франции, и что его вспышки часто сопровождались высокой смертностью. Это наблюдалось в Кале, как мы уже видели, 10 июля 1528 года. Но только год спустя, 25 июля 1529 года, мы снова слышим об этом — в Гамбурге, где, как говорят, тысяча человек умерла от этого в течение четырех или пяти недель, большинство из них в течение девяти дней. 31 июля это было в Любеке и примерно в то же время в Бремене и соседнем старинном городе Верден; 14 августа в Мекленбурге; в Штеттине 27 августа и примерно в тот же день в Висмаре, Деммине, Ростоке, Штральзунде и Грайфсвальде; в Данциге 1 сентября; Кенигсберге 8 сентября; и так далее на восток, в Лифляндию в 1530 году, а также в Литву, Польшу и Россию, информация о том, какие страны, расплывчата. Копенгаген также пострадал от этого, как и города во внутренних районах Восточной Пруссии, такие как Торн и Кульм. Тем временем ливень прошел через Ганновер и Геттинген, примерно в середине августа затронув также Брауншвейг, Люнебург, Вальдек, Хадельн, Айнбек, Вестфалию, долину Везера и Восточную Фрисландию. Оно достигло Франкфурта 11 сентября, Вормса вскоре после этого и Марбурга в конце месяца, прервав там конференцию между Лютером и Цвингли и их соответствующими приверженцами по доктрине Евхаристии. Юлих, Льеж и Кельн были достигнуты примерно в середине сентября, а Шпейер - примерно 24-го, Аугсбург (где была самая тяжелая и затяжная эпидемия) - 6-го, Страсбург - 24-го. Freiburg in Breisgau, Mühlhausen and Gebweiler in Alsace, in October. В ноябре болезнь охватила Вюртемберг, Баден, Верхний Рейн, Пфальц и берега Боденского озера. Среди других немецких провинций, посещенных в установленном порядке, были Франкония, Тюрингия, Саксония, Саксонские металлические горы, Мейсен, Маннсфельд, Хальберштадт, Магдебург, Виттенберг, Лужица, Бранденбургская марка и Силезия. В Вене во время осады султаном Солиманом с 22 сентября по 14 октября преобладал пот. В Берне о нем слышали в декабре, а в Базеле - в январе 1530 года. Нидерланды пострадали не так скоро, как можно было ожидать из-за их близости к Англии: говорят, что болезнь пришла к ним с Рейна во второй половине сентября. Они серьезно пострадали, одна из самых тяжелых смертей зафиксирована в городе Зиерикзее, где, как говорят, после 3 октября 1529 года погибло три тысячи человек.

В ходе этого замечательного продвижения по материковой части Европы Францию явно обошли стороной. Пот, по-видимому, не попал в Испанию и не пересек Альпы. Но вся остальная часть Континента, от Рейна до Одера (если не дальше на восток) и от Балтики до Альп, была поражена английским потом почти таким же образом, как если бы это была инфлюэнца, изменившая порядок своего обычного распространения. Не нужно сомневаться в правильности диагноза; болезнь была описана несколькими иностранными авторами на основе их собственных наблюдений, и их описания полностью согласуются с описаниями Форрестье в 1485 году, Полидора Вергилия, возможно, применительно к эпидемиям 1508 и 1517 годов, и авторов писем, которые описывали эпидемию годом ранее (1528), какой они видели ее в Лондоне и его окрестностях. Поразительным в отчетах с континента является огромный разброс летальных

исходов; в некоторых городах соотношение смертей к случаям было едва ли больше, чем при гриппе, в то время как в других это был уровень смертности от особо опасного или злокачественного тифа; и эти различия не могли полностью зависеть от метода лечения.

Эти полные отчеты об английских войнах на европейском континенте в 1529 году разительно контрастируют со скудными записями о них на родине. Впервые они были составлены в 1805 году на основе многочисленных современных хроник и печатных брошюр или форзацев, посвященных поту, Грунером, профессором из Йены, в его *"Маршруте английского пота"* и его *"Дошедших до нас авторов по английскому поту"*, опубликованных на латыни[504]. В 1834 году Хекер снова перешел все границы в своем хорошо известном эссе, несколько улучшив положительную эрудицию Грунера, но в то же время рискнув сделать ряд сомнительных интерпретационных заявлений, особенно относительно пота в Англии, оправданием для которых может быть скудость доступных тогда английских записей. Эрудиция Грунера, Хеккера и Хазера заслуживает всяческого признания; но она особенно ценна для распространения пота на европейский континент в 1529 году, где к его услугам были обильные материалы в виде хроник, печатных очерков и "полков". Сохранилось не менее двадцати одного печатного очерка или руководства по английскому языку, которые были выпущены в немецких, нидерландских или швейцарских издательствах в период с октября 1529 года по июнь 1531 года, два или три из них на латыни, и большинство из них - краткие резюме на родном языке для широкого использования. Соответствующая эпидемия в Англии, насколько известно, не вызвала ни одного обращения ни одного врача. При этом английское лечение, по-видимому, ничего не потеряло от этого, поскольку оно было основано на полезном опыте предыдущих эпидемий, воплощенном в устной традиции. Вплоть до пятой эпидемии в 1551 году единственной известной английской надписью на поту была рукопись Форрестье 1485 года. Почти все, что мы знаем об эпидемиях в Англии в 1508, 1517 и 1528 годах, почерпнуто из "Анналов" Бернара Андре и "Истории Полидора Вергилия", а также из депеш апостольского нунция, венецианского посла и французского посла. Пятая и последняя вспышка в 1551 году вызвала появление двух местных сочинений, одно из которых было опубликовано на английском языке в 1552 году, а другое - на латыни в 1555 году, оба написаны доктором Кайусом, врачом Генриха VIII. и Эдуарда VI.; это действительно лучше, чем вообще ничего, но они слишком заняты педантизмом и мрачной риторикой, чтобы быть полезными для исторических целей[505]. Информация об эпидемии 1551 года настолько скудна, что позволяет предположить, что болезнь в том году вряд ли могла быть такой тяжелой, как в 1528 году; государственные документы почти ничего не содержат о ней, и почти всеми нашими знаниями о ней мы обязаны дневнику Мэчина, жителя Лондона, дневнику Эдуарда VI и доктору Кайусу. Отчеты о смертности хранились в Лондоне в течение двух или трех недель, когда эпидемия была в самом разгаре, и до нас дошли некоторые данные о смертях.

Пятый пот в 1551 году.

Пот 1551 года начался не в Лондоне, а в Шрусбери — 22 марта, согласно рукописной хронике этого города[506], или 15 апреля, согласно Кайусу[507]. Не сохранилось никаких свидетельств о его распространенности в Шрусбери; заявление Кайуса о том, что в одном городе произошло около 900 смертей, соответствует фактам для Лондона и имеет не больше отношения к Шрусбери (где Кайус никогда не проживал), чем к Норвичу (как в истории округа Бломфилд).

Странное воздействие в воздухе или почве распространилось от Салопа, как мы узнаем от Кая, через Ладлоу, Престейн, Вестчестер, Ковентри и Оксфорд, и только в одном из этих мест о нем что-либо известно, за исключением замечания Кая, что оно протекало “с большой смертностью”. Лучший отчет о его распространенности на пути из Шрусбери в Лондон содержится в приходской книге Лафборо в Лестершире. Под датой июня 1551 года в реестре есть запись о том, что “спецназ вызвал Нового знакомого по кличке Ступе! Лжец и познай своего Господина, начатый 24-го числа этого месяца”. Затем следуют имена 12 человек, которые были похоронены за четыре дня, а на следующей странице, под заголовком “Пот или новое знакомство”, имена еще 7 человек, все похоронены за три дня — итого 19 человек за шесть дней, предположительно все умерли от пота и, предположительно, также общая смертность от него в Лафборо, где в последующие годы смертность от обычной чумы была намного выше.[508].....

Дата его прибытия в Оксфорд по пути в Лондон неизвестна; но врач, проживавший там в то время, доктор Этредж, записал, что за одну ночь он напал на шестьдесят человек в Оксфорде, а на следующий день более чем на сотню в окрестных деревнях; очень немногие умерли от него в Оксфорде, что показало, что воздух этого университета был более целебным, чем в Кембридже, где умерли два сына герцогини Саффолкской.[509].

The sweat внезапно появились в Лондоне примерно в начале июля и провели короткую, но активную карьеру около трех недель. О смертях от него начали упоминать 7-го числа, и в дневнике короля (Эдуарда VI.) записано, что 10-го их число достигло 120 в лондонском округе, включая “одного из моих дворян и одного из моих камергеров”, так что “я отправился в Хэмптон-Корт лишь с небольшой компанией”. Королевский автор дневников говорит, что жертвы впадали в бред и умирали в этом состоянии[510]. 18 июля король на Совете в Хэмптон-Корте издал приказ епископам, согласно которому они должны “призывать народ к усердному посещению общей молитвы и таким образом предотвращать неудовольствие Всемогущего Бога, посетившего королевство крайней чумой внезапной смерти”[511].

В дневнике лондонского жителя говорится, что “в Лондоне умерло много купцов и очень богатых мужчин и женщин, молодых и старых, от нового пота”[512]. 12-го числа скончался сэр Томас Спик, один из членов королевского совета, в своем доме на Чансери-лейн; на следующий день скончался сэр Джон Уоллоп, “старый рыцарь и благородный”[513], тот самый, который пережил приступ пота в 1528 году, когда находился в Хартфорде с Генрихом VIII. Неясно, были ли другие смерти известных людей в те же несколько дней вызваны потоотделением. Сохранились три независимых отчета о смертности в Лондоне, все они, несомненно, были взяты из регулярно составляемых отчетов. Один называет число смертей “от всех болезней” в Лондоне с 8 по 19 июля как 872, “всего не более, и поэтому канцлер удостоверен”[514]; “другой называет число смертей ”от потливости“ с 7 по 20 июля как 938[515]; а Кай называет число смертей с 9 по 16 июля как 761, “не считая тех, кто умер на 7-й и 8-й дни, о которых не велось никаких записей”[516]; “к 30 июля 142 человека умерли от потливости”. , еще больше людей умерло, и к этому времени в Лондоне это практически прекратилось[517]. Кай добавляет, что затем он преобладал в восточной и северной частях Англии до конца августа и прекратился повсеместно до конца сентября. Король в письме от 22 августа, написанном во время его путешествия, говорит, что в то время в большей части Англии не было никаких опасных или заразных болезней[518]. Записи в Йорке упоминают о великой чуме в 1551 году, но без описания ее как “пота”[519]. Событием, привлечшим наибольшее внимание, стала смерть в поте лица двух

сыновей овдовевшей герцогини Саффолк, молодого герцога Генри и его брата лорда Чарльза Брэндона 16 июля. Их забрали из Кембриджа, опасаясь запотеть, во дворец епископа Линкольнского в Багдене, в Хантингдоншире, их мать сопровождала их; они заболели сразу по прибытии, старший умер после пятичасовой болезни, а его брат - через полчаса после него[520].

Помимо случаев с двумя благородными юношами и другими в Кембридже[521], нет никаких сведений о его распространенности в “восточной и северной частях Англии” (Caius). Но мы слышим о нем в реестре сельского прихода в Девоншире под тем же названием “Stup-gallant”, что и в реестре Лафборо; и вполне вероятно, что эти два случайных упоминания указывают на его распространение по всей Англии подобно гриппу. Этот вывод может найти некоторое подтверждение в заявлении некоего Хэнкока, священника Пула, Дорсет, о том, что “Бог совершенно справедливо поразил это царство тремя заметными бедствиями: (1) Почтовая служба, которая отправлялась из города в город по всей Англии и была названа ‘Стоп-галант’, поскольку никого не щадила. Ибо в девять часов во дворе танцевали несколько человек, которые умерли в одиннадцать[522].” Это явление в Девоншире подтверждается записями в приходской книге Уффкульма: всего за 1551 год было совершено 38 похорон; и из них не менее 27 произошли в первые одиннадцать дней августа, а 16 - за три дня, болезнь, от которой умерли эти люди, названа в реестре “болезнью хоте, или тупоголовостью”[523].”

Сравнивая эти записи о поте 1551 года с данными за 1517 и 1528 годы, мы можем заключить, что последняя из этих трех вспышек была не более серьезной, чем предыдущая, и что в Придворном кругу она, вероятно, была более мягкой. Мрачная риторика Кая привела Геккера к созданию картины его катастрофического продвижения по долине реки Северн, в которой нет ни одной достоверной детали. Кай говорит, что он был свидетелем этого, но это, должно быть, произошло в Лондоне; и цифры по Лондону, хотя они указывают на очень острую эпидемию, пока она продолжалась, не предполагают, что смертность была по крайней мере больше, чем в 1528 году. Венецианский посол, четыре года спустя написавший общие мемуары об Англии, говорит, что в Лондоне приостановили все дела, магазины закрылись и ни о чем не заботились, кроме сохранения жизни; но поскольку он сильно преувеличивает, заявляя о 5000 смертях в Лондоне “в течение трех первых дней его появления”, мы можем предположить, что его впечатления были смутными или его воспоминания потускнели[524].

Если бы не отдельные сообщения о поте в Лестершире и Девоншире, мы вряд ли смогли бы осознать, что провинциальные города и деревни были охвачены эпидемией, которая была ужасающей как по своей внезапности, так и по летальному исходу, пока длилась. Название “Стоп-галант”, под которым он назван в этих приходских книгах, показывает, какое впечатление он производил; но что касается смертности, то в последующие годы она часто равнялась, если не превышалась, формам эпидемической лихорадки, которые не имели ничего общего с потливостью, хотя они также могли называться “стоп-галант”, и действительно были так называемыми во Франции (*trousse-galante*).

Помимо записей в приходских книгах, у нас есть общие положения доктора Кая, которые представляют собой не более чем похоронное эссе в схоластической манере на тему внезапной смерти. Можно усомниться в том, действительно ли Гай знал факты о болезни в стране. 27 смертей за несколько дней в маленькой девонширской деревушке и 19 за шесть дней в маленьком городке Лестершир вряд ли согласуются с утверждением в его латинском трактате

1555 года о том, что “женщины и прислуга, плебейские и скромные классы, даже средний класс” не почувствовали этого, но “proceres” или высшие классы почувствовали: они бежали от этого, по его словам, в Бельгию, Францию, Ирландию и Шотландию. Именно об этом он заботился в первую очередь; иногда он приступает к своей риторической задаче с замечанием, что “нет ничего труднее, чем найти подходящие слова для выражения великого горя”, мы можем предположить, что он скорее думал о таких трогательных случаях, как случай с овдовевшей герцогиней Саффолк, потерявшей двух сыновей в один день, чем о широко распространенных болезнях и смертях в домах людей.

После осени 1551 года в Англии больше ничего не слышно о поте, по крайней мере, под этим названием. Фрэнсис Кин, “астроном”, предсказал в своем альманахе на 1575 год, что пот вернется, “в чем он не сильно ошибся”, - говорит Коган^[525], - “поскольку было много странных лихорадок и нервных заболеваний”. За несколько лет до этого, в 1558 году (через год после эпидемии гриппа за границей), летом там преобладали “различные странные и новые заболевания”, среди которых была “потливость”, так описанная доктором Джоном Джонсом, который перенес ее в Саутгемптоне. Мы, действительно, приближаемся к периоду частых и широко распространенных эпидемий лихорадки и гриппа, при обоих типах заболеваний потливость иногда была заметным симптомом, как при гриппе 1580 года за границей, при смертельном сыпном тифе 1644 года в Тивертоне, при широко распространенных английских лихорадках 1658 года и при лондонском сыпном тифе 1750 года. Как эти другие типы лихорадки, вызванные, как будто, “загрязнением воздуха”, связаны в общем с английским потом, - это вопрос, на который еще предстоит ответить, прежде чем завершить эту главу. Но история английского пота подходит к определенному концу с эпидемией 1551 года. Потная болезнь первоначального вида больше никогда не была *патогномическим признаком* целой эпидемии лихорадки. Английский пот стал вымершим видом после сравнительно короткого существования на земле в шестьдесят шесть лет. Его преемники среди форм чумной болезни, возможно, иногда проявляли потливость, как при занятиях спортом на природе; но большинство путешественников, или почтовых, или всеобщих лихорадок и простудных заболеваний легко отличить от потных—*nova februm terris incubuit cohors*^[526].

Предшественники английского Sweat.

История английского потоотделения представляет изучающему эпидемии много парадоксального, хотя и не лишено параллелей, и многого, что его исследования никогда не смогут избавить от неопределенности. Откуда взялась эта доселе неслыханная болезнь? Где он находился в промежутках с 1485 по 1508 год, с 1508 по 1517 год, с 1517 по 1528 год и с 1528 по 1551 год? Что с ним стало после 1551 года? Почему это обрушилось в основном на великие дома — на королевский двор, на роскошные заведения прелатов и знати, на более богатых граждан, на похотливых и сытых, по большей части щадящих бедных? Почему она избегала Франции, когда вторглась на Континент в 1529 году? Никакая теория пота не может считаться достаточной, если она не дает какого-то ответа на каждый из этих вопросов и не приводит их все в некоторое соответствие.

История Полидора Вергилия так хорошо информирована обо всем, что связано с прибытием в Англию Генриха VII. чтобы мы могли принять за общепринятое мнение того времени два его утверждения о поте: первое каким-то неопределенным образом связывает его с приходом

Генриха в Уэльс, а второе объявляет это болезнью, доселе неслыханной в Англии. Кай, писавший в 1552 и 1555 годах и, возможно, не имевший никаких других сведений о событиях 1485 года, кроме тех, которые доступны сегодняшнему исследователю истории, сказал, что пот “возник, насколько можно знать, в армии Генриха VII, часть которой он недавно собрал во Франции, а часть присоединилась к нему в Уэльсе”. Хекер, современный реконструктор истории (1834), перешел от традиции Полидора Вергилия и Кая, прямо в область предположений, предполагая, что французские наемники потели во время путешествия и марша к Босворту. С другой стороны, единственный современный автор-медик 1485 года, Форрестье, достаточно откровенен в своем утверждении, что пот “впервые развернул свои знамена в Англии, в Лондонском сити, 19 сентября”, или примерно через три недели после въезда Генриха в город. Нигде нет и намек на то, что оно было распространено среди войск, будь то французских, валлийских или английских, выигравших битву при Босворте 22-го августа, и единственным предлогом утверждать, что оно было распространено по соседству перед битвой, является сплетня в “Кройленд кроникл” об оправдании лорда Стэнли перед Ричардом III. за то, что не предупредил своих людей, о чем, вероятно, пошли слухи вскоре после того, как пот приобрел дурную славу. Кройленд находился не очень далеко от лагеря Стэнли; и все же мы точно знаем (с помощью государственных документов), что смерть аббата Ламберта Фосседайка от пота наступила там после восемнадцатичасовой болезни 14 октября, примерно через семь или восемь недель после битвы на Босвортском поле и примерно через три или четыре недели после вспышки болезни в Лондоне. Все вероятности этого случая свидетельствуют в пользу мнения Форрестье о том, что первым появлением пота в 1485 году было его появление в Лондоне; и, соответственно, мы примем это за отправную точку.

Генри преодолел расстояние между Лестером и Лондоном за четыре дня, покинув первый после отдыха в течение двух ночей в среду, переночевав в Сент-Олбансе в пятницу и въехал в Лондон, очень уставший от своего путешествия (говорит Бернар Андре), в субботу вечером, 27 августа, через три недели с точностью до одного дня после своей высадки в Милфорд-Хейвене. Неизвестно, все ли его войска выехали из Лестера в том же темпе и вошли в город вместе с ним; но вряд ли можно сомневаться, что сторонники Генриха, французы, валлийцы и англичане, не теряя времени, добрались до Лондона, чтобы лично подать иск о выдаче грантов и патентов, которые начали выдаваться под королевской печатью в огромном количестве после первой или второй недели сентября. Лондон, должно быть, был необычайно полон людей в недели, предшествовавшие коронации 30 октября. Но разразившаяся эпидемия не была “обычной инфекцией” или чумой, которая, по понятным причинам, могла быть раздута в пламя большим скоплением людей. Это был пот - новая болезнь, незнакомая не только Англии, но и всему миру. Мы поймем загадочность этого посещения и неадекватность всех обычных объяснений, взяв отчет Форрестье о его причинах, составленный в год его первого появления.

Хотя этот самый ранний автор, писавший о поте, довольно четко определил его отличительный тип, не проводя путаницы между ним и чумой, все же он относил обе болезни к одному и тому же набору причин; и в своем разделе о причинах пота он просто воспроизводит общепринятый перечень неприятностей, который встречается почти во всех трактатах о чуме до и после него. Этот список практически не отличался от приведенного в последней главе “Книги о чуме” 14 века вплоть до правления Елизаветы; таким образом, он воспроизведен почти слово в слово в диалоге Буллейна “О лихорадочном море”, написанном в 1564 году (через год после великой чумы), и он настолько единообразен в “Замке здоровья” Элиота, в “Фаэре” и во всех других руководствах по гигиене того времени, что может показаться почти стереотипным. Именно эту

причину Форрестье перенес на пот в своей рукописи 1485 года; почти такая же причина была дана в старом эссе епископа Орхусского о чуме, фактически напечатанном в Лондоне в 1480 году.

“Причины этой болезни, - говорит он, - очень и очень близки. Отдаленные причины — это знаки или планеты, действие которых неизвестно пиявкам и физициям; но астрономам они известны.... Ближайшими причинами является стайнкинг эрте, как это бывает во многих местах.... Ибо это великие причины разложения, и это разлагает воздух, и поэтому наши тела заражены этим разлагающимся воздухом.... И случается также, что особенно там, где воздух становится очень жарким и влажным, они вызывают гниение соковыжималок, а именно соковыжималок сердца; и так наступает эта чума, приход которой неизвестен для тех, кто умирает рано, и т. Д.”

Среди причин коррупции он особо упоминает следующую, которая, вероятно, действительно существовала в Лондоне того времени, хотя он просто воспроизводит стандартный абзац иностранного происхождения:

“И от вонючей падали, сбрасываемой в воду вблизи городов или поселков, — как желудки зверей и рыб, так и от разложения уборных, — от этого вода разлагается. И когда варят мясо и готовят питье из воды, в теле человека возникают многие болезни; и [так] также от разливания зловонной воды и многих других нечистот на улицах воздух портится; и от длительного хранения зловонных веществ в домах или отхожих местах; и затем, ночью, от этих веществ в воздух поднимаются пары, которые заражают вещество воздуха, от этого вещества воздух разлагается и заражает людей, которые внезапно умирают, проходя по улицам или по дороге. В этом пусть исправится всякий человек, любящий Бога и ближнего своего”.

Затем он упоминает более отдаленный источник гнилостного воздуха, который может разноситься по ветру, — гниение непогребенных тел после битвы, которое упоминается во всех писаниях о чуме того времени.

Этих факторов было, конечно, недостаточно, чтобы объяснить особый тип пота или его внезапную вспышку, впервые в истории случившуюся в сентябре 1485 года. Возможно, в то время в Лондоне были такие благоприятные условия; нечто подобное действительно подразумевается в приказе Генриха VII о борьбе с беспорядками, изданном несколько лет спустя; но нам нужен особый фактор, без которого отвратительное состояние улиц, переулков, дворов и канав или переполненность домов никогда бы не привели к возникновению такой замечательной инфекции, как потливость. Обычные неприятности имели меньшее отношение к поту по той причине, что он больше всего затрагивал зажиточные классы, классы, которые меньше всего страдали от “общей инфекции”, или “чумы бедных”, и, по-видимому, были лучше всего размещены или располагались в самом чистом окружении. Даже в узких пределах Старого Лондона существовали предпочтения местности. Если бы особая распространенность потоотделения в больших семьях прелатов и знати, а также в семьях богатых граждан основывалась только на свидетельстве доктора Кая, у которого есть теория и мораль для разработки, возможно, были бы некоторые основания для скептицизма Хебердена, который сомневается, не ошибался ли Кай, говоря, что пот щадит бедных и обездоленных, потому что он не знает параллельного примера среди инфекционных заболеваний[527]. Но этот факт в

изобилии проиллюстрирован уже приведенными подробностями для каждой из пяти английских эпидемий; и это подтверждается для континентального вторжения 1529 года, например, Коком, приходским священником из Любека, который говорит, что “бедняки и те, кто жил в подвалах или на чердаках, были свободны от болезни”, и Реннером из Бремена, который говорит, что она “больше всего распространялась среди богатых людей”[528]. Действительно, именно из-за того, что пот поражал главным образом высшие классы, о нем было так много слышно. Что касается простых цифр, то все пять лондонских эпидемий вместе взятых не могли вызвать такой большой смертности, какую вызвала чума, ни в один год правления Генриха VII, а именно в 1500 году, ни в один год правления Генриха VIII, например, в 1513 году. Но эти огромные случаи смерти от чумы, составившие, возможно, пятую часть всего населения Лондона за один сезон, пришлось в основном, хотя, конечно, и не исключительно, на беднейший класс. Бубонная чума, одомашненная на английской земле с 1348 по 1666 год, была подчеркнута “чумой бедняков”, и, как таковая, она иллюстрировала обычный закон инфекционных заболеваний, а именно, что она особенно поражала тех, кто был хуже всех обеспечен жильем, хуже всех питался, больше всех пострадал в борьбе и меньше всего мог найти способы сбежать в деревню, когда инфекция в городе предупреждала о вспышке с приближением теплой погоды.

Но *смерть бедных* - не единственный принцип инфекционного заболевания. Существуют чумные инфекции, которые нелегко поддаются закону бедной, нечистой и небрежной жизни в любом обычном смысле этих слов; и есть некоторые инфекционные заболевания, которые прямо противоречат принципу, согласно которому инфекция поражает тех, кто порождает ее своим образом жизни. Можно полагать, что нездоровые условия жизни порождают болезни, но из этого не следует, что вызванная таким образом инфекция поразит тех, кто ведет нездоровый образ жизни; иногда она поражает класс, который наиболее далек от них по социальным обстоятельствам или домашним привычкам, или кто сильно отделен от них по расовым признакам. Я считаю, что этот принцип является не только необходимым дополнением к более очевидному правилу, но и сам по себе имеет широкое применение. Это была моя собственная оригинальная тема в предыдущих работах, на которую я позволю себе сослаться в примечании[529]; и теперь я должен попробовать, не подходит ли она к довольно парадоксальным и, безусловно, загадочным обстоятельствам потливости при ее первой вспышке осенью 1485 года.

Если антисанитарного состояния Лондона недостаточно, чтобы объяснить возникновение болезни, следующее, что нужно сделать, - это поискать иностранный источник. Подозрение сразу падает на иностранных наемников, которые высадились с Генрихом Тюдором в Милфорд-Хейвене 6 августа. Кто были эти наемники? Страдали ли они какой-либо заразной болезнью? Могли ли они вызвать выделение пота? Можно ли на самом деле проследить, что инфекция произошла от них? В поисках ответа необходимо будет несколько подробнее ознакомиться с историей экспедиции.

Успешная экспедиция графа Ричмонда в 1485 году стала его второй попыткой посягнуть на английскую корону. Первое было совершено в 1483 году, когда герцог Глостерский едва воссел на трон, а герцог Бекингемский выступил против него в поход. Армия Ричмонда в тот раз была укомплектована герцогом Бретани и примерно оценивается в 5000 человек на 15 кораблях[530]; экспедиция отплыла из Сен-Мало в октябре, столкнулась со штормом в Ла-Манше, который рассеял флот и отбросил часть кораблей обратно в гавани Бретани и Нормандии, так что

Ричмонд, достигнув побережья Дорсета всего на одном или двух кораблях, не смог высадиться в полном составе. Он вернулся в нормандский порт, и о его бретонской армии больше ничего не слышно; в течение следующих двух лет у него, по-видимому, не осталось других последователей, кроме двух или трех английских дворян, среди них граф Оксфорд, который впоследствии возглавил подразделение своей армии при Босворте. После неоднократных просьб он получил в 1485 году небольшую личную охрану (*leve praesidium*) от регентов Карла VIII. в Париже несколько артиллерийских орудий и деньги, чтобы оплатить перевозку 3000 или 4000 человек. С этими ресурсами он отправился в Руан летом 1485 года и начал снаряжать свою экспедицию. Похоже, что он столкнулся с некоторыми трудностями при доведении своих сил до предполагаемого полного укомплектования, и что нетерпение его последователей и возможность попутного ветра побудили его покинуть Сену с теми силами, которые у него были, 31 июля. Его отряд французов под командованием его родственника де Шанде (впоследствии графа Бата) состоял всего из 2000 человек, размещенных на борту нескольких кораблей. Справедливо предположить, что мужчины были набраны в Руане и его окрестностях; Мезере действительно сообщает нам, что Нормандия в то время была наводнена отрядами *франков-лучников*, получивших лицензию Людовика XI, и что министры Карла VIII предоставили их Генриху Тюдору в количестве 3000 человек, рассматривая предполагаемую экспедицию последнего как хорошую возможность избавить провинцию Нормандия от незаконной и пользующейся дурной репутацией солдатни[531].

Таким образом, это были наемники, которые высадились в Милфорд-Хейвене 6 августа, сразу же прошли маршем через Уэльс к Шрусбери и Личфилду и приняли главное участие в битве при Босворте 22 августа. Это были норманны, которые стали настолько большим вредителем для своей собственной провинции, что министры Карла VIII были вынуждены поддержать дело Генриха Тюдора отчасти с намерением избавить от них французскую территорию. Их качество ясно указано в речи Ричарда III непосредственно перед битвой, которая была написана для журнала Hall's chronicle; только они не были бретонцами, как следует из речи; они были норманнами, завербованными для экспедиции в Руан и окрестности.

Я придаю такое большое значение национальности этих наемников, потому что теория английского пота опирается на нее[532]. Более чем через два столетия после Босвортского поля, примерно в 1717 году, когда об английском потоотделении давно забыли, почти идентичный тип болезни начал проявляться в деревнях и городках того самого региона Франции, нижнего бассейна Сены, где вербовались наемники 1485 года.

Впоследствии эта форма потоотделения стала эндемичной в Нормандии.

Пикардийский пот, который впервые был замечен как заболевание почвы примерно в 1717 году и продолжался время от времени вплоть до последних лет, был распространен в департаментах бассейна Сены, от Па-де-Кале до Кальвадоса, с центром в Руане. Почему эта странная форма болезни возникла там и продолжалась, то в одном городе, то в другой деревне, с несколькими пустыми годами в течение полутора столетий, никто не может рискнуть сказать. Это не был английский пот во всех его проявлениях; напротив, он лишь в редких случаях становился эпидемией, охватившей сразу большое население или большой участок страны. Обычно воспаление ограничивалось одним или двумя точками одновременно, и у пораженных людей оно протекало более длительно, чем у англичан, выделяющих пот. Но всякий раз, когда она

становилась широко распространенной, она также становилась кратковременной и острой инфекцией, подобной английскому поту, вызывая в некоторые годы очень значительное число смертей. Определенно, пикардийская потница была довольно легкой болезнью продолжительностью в неделю или более, редко приводившей к летальному исходу, также характерной для отдельного города или деревни, или небольшой группы деревень. Это не было чем-то неизвестным в некоторых других частях Франции, таких как Вогеzy и Лангедок, в Баварии и на Севере Италии; но в этих других местностях это было гораздо более редким явлением. Его отличительной средой обитания в течение полутора столетий был нижний бассейн Сены; и там он был настолько устойчив в той или иной точке из года в год на протяжении всего этого периода, что можно сказать, что это болезнь почвы, местная или одомашненная, и ее периодические проявления зависят главным образом от смены времен года, что, вероятно, влияет на подъем и спад грунтовых вод. Это была скорее болезнь состоятельного буржуазного класса, чем очень бедных, и они часто отдавали предпочтение более чистым деревням. Этому было посвящено очень большое количество французских работ, начиная с 1717 года и почти по настоящее время. Какой бы странной ни была эта форма заболевания, ни ее обстоятельства, ни нозологические признаки не вызывают никаких сомнений; она одновременно загадочна и совершенно знакома[533].

Теория английского пота.

Я приложил немало усилий, чтобы показать, что наемники Генриха Тюдора были завербованы в Руане и его окрестностях, или, другими словами, они прибыли из того самого района Франции, в котором пот в несколько измененной форме начал появляться как эндемическая болезнь двести тридцать лет спустя. Если бы потливость не стала там эндемической или постоянной болезнью, как будто она произрастает на этой почве, или если бы она в равной степени стала болезнью всех других частей Европы, как брюшной тиф, совпадение было бы менее поразительным и могло бы показаться совершенно неуместным из-за длительного интервала в более чем два столетия между одним событием и другим. Если бы это было простым совпадением, мы должны были бы заключить, что те же причины, которые привели в Нормандии в 18 веке к устойчивому распространению потливости, мало чем отличающейся от более знакомой распространенности брюшного тифа, действовали на английской земле более двух столетий назад, на самом деле не для того, чтобы установить форму потливости, устойчиво распространяющуюся из года в год в том или ином месте, как чума, но для того, чтобы вызвать пять острых эпидемических вспышек в течение шестидесяти шести лет, четыре из которых начались в Лондоне и распространились, вероятно, на всю страну, в то время как одна началась в Шрусбери. , этапами добрался до Лондона и распространился по всей Англии. И поскольку мы ничего не знаем о вещах, которые определяют тип эндемичного пота Нормандии или Пикардии вплоть до наших дней, мы не можем ни отрицать, ни утверждать, что в Англии Генриха VII могли действовать соответствующие факторы заболеваемости. Таким ходом рассуждений мы приходим к такому взгляду на английский язык, который исключает всякое дальнейшее исследование и создает постоянный пробел или лабиринт в наших знаниях. Давайте, однако, попробуем, не согласуются ли факты этого дела с точкой зрения, что английский пот имел реальное отношение к очагам нормандского и пикардийского пота, даже в то время, когда этот пот не появился как определенная форма заболевания, и хотя французские

провинции, по-видимому, были избавлены от нашествия эпидемии, когда она охватила остальную Северную Европу в 1529 году.

В средствах связи в 1485 году недостатка не было, а именно в нормандской солдатчине Генриха VII. Традиция их качества сохранена в речи, написанной в "Хронике Холла" для Ричарда III перед битвой при Босворте и несколько близко переложенной Шекспиром:

“Что-то вроде бродяг, негодяев и беглецов,
бретонское отребье и низкие крестьяне-лакеи:
... Давайте снова выпороть этих отставших от моря;
Выпороть отсюда эти заплаканные лохмотья Франции,
этих изголодавшихся нищих, уставших от своей жизни”.

Нет ничего невероятного в предположении, что эти люди принесли в Лондон болезнь, хотя сами они не проявляли симптомов этой болезни. Такие ввозы не являются чем-то неизвестным; тайна, нависшая над ними, не делает их менее реальными. Хорошо известным примером является “Простуда на лодке Сент-Килда”, “замечательная история”, как говорит Босуэлл, “о том, что при приближении незнакомца все жители простужаются”, история, которую мистеру Маколею, автору *Истории Сент-Килды*, посоветовали исключить из его книги. “Сэр, ” сказал доктор Джонсон, - опускать что-либо из книги только потому, что люди говорят вам, что им не поверят, - это подлость: Маколей действовал с большим великодушием”. С тех пор грипп Сент-Килда был полностью подтвержден параллельными случаями на более отдаленных островах Тихого океана и поразительными примерами в ветеринарной патологии. Среди последних можно привести случай, о котором слышали в Шропшире, когда “овцы, которые были импортированы с судов, хотя сами были в здоровом состоянии, если их поместить в одно стадо с другими, часто вызывали болезни в стаде[534]”. Но есть пример огромного масштаба из Соединенных Штатов, случай тexasской чумы крупного рогатого скота, которая повторялась так часто и за которой так пристально наблюдали из-за катастрофических потерь, которые она вызывает, что не остается места для сомнений в реальности этой таинственной формы заражения. Мне придется очень коротко рассказать о злокачественных лихорадках присяжных, которые распространялись от заключенных, о которых не было известно, что они болели лихорадкой; эти инциденты относятся к 1522 году, когда эпидемия подобного рода возникла среди суда и большого жюри во время доставки в тюрьму в Кембриджском замке. Наконец, история желтой лихорадки, частично изложенная в этом томе, представляет собой пример длительной инфекции, возникшей в результате африканской работорговли, когда сами негры были расово освобождены от лихорадки, хотя они и были источником вируса.

Во всех подобных случаях болезней, возникавшая у здоровых в результате контакта с незнакомцами, имела более или менее определенный тип; и этот тип в каждом случае должен был определяться главным образом прошлым незнакомцев, причем их расовые особенности учитывались среди предшествующих, а также их особые трудности и их личные привычки. В случае необычного визита в Англию в 1485 году чужеземцы были шайкой пользующихся дурной репутацией вольных сапогов из Нормандии, уроженцев земли, на которой потливость развивалась как местная болезнь на протяжении долгих поколений. Если бы у них самих проявились симптомы потливости в 1485 году, можно было бы сказать, что обстоятельства их путешествия на переполненных кораблях, изнурительный переход из Уэльса в Лестершир, а оттуда в Лондон привели к возникновению определенного заболевания, которое в остальном

было не более чем привычкой организма, конституциональной склонностью, зарождающейся болезнью. Но нет никаких оснований предполагать, что они сами переносили симптомы болезни вообще; именно контакт с ними в Англии, особенно в Лондоне, определил особый тип заболевания у других. Те, другие, принадлежали к другой национальной группе и по большей части вели другой образ жизни; в самих их различиях заключалась их ответственность, согласно хорошо известным аналогиям. Конечно, должно было быть что-то материальное, нечто большее, чем абстрактный контакт, вызывающий выделение пота у некоторых англичан; и хотя мы не можем представить форму вирулентного вещества, мы с уверенностью можем заявить, согласно этой гипотезе, что оно должно было исходить от лиц иностранных солдат.

Среда обитания вируса.

Мы можем пойти еще дальше по пути конкретной вероятности и определенно занести вирус в среду обитания в почве. Английский пот, как и сам пикардийский, обладал определенными свойствами почвенного яда, подобного яду холеры, желтой лихорадки и брюшного тифа; только он был не эндемичным, как два последних, а периодическим, а также несколько изменчивым по способу распространения, подобно денге, гриппу и другим “почтовым” лихорадкам прежних времен. Это подводит нас к необычной истории эпидемий потоотделения в Англии — с четкими промежутками в многие годы и внезапными вспышками с новой силой. Что стало с конкретным вирусом с 1485 по 1508 год, с 1517 по 1528 год, с 1551 годом и после?

Новый занос в каждый из эпидемических лет после 1485 года маловероятен; конечно, обстоятельства экспедиции Генриха VII больше никогда не повторялись, и в перевозках между Англией и двумя ее французскими владениями - Кале и Гвинеей - вообще не было ничего аналогичного. Столь же невероятным является продолжение потоотделения в отдельных или спорадических случаях из года в год в промежутках между эпидемиями; единственными фактами, которые хоть как-то подтверждают такую непрерывную череду, являются время от времени упоминаемые “горячие вспышки лихорадки”, как в 1518 году, и, в более широком масштабе, в 1539 году. Семена или зародыши инфекции, впервые возникшей в Лондоне в сентябре 1485 года, должно быть, дремали в городе до тех пор, пока не сложились благоприятные условия, позволившие им пробудиться к жизни. Невозможно представить себе такое бездействие вируса, кроме как исходя из гипотезы, что это был почвенный яд, обитающий в порах почвы. Периодическая активность всех таких ядов зависит, как мы теперь можем сказать с большой долей уверенности, от движения грунтовых вод, которые, в свою очередь, зависят от влажности или сухости времен года. Тип погоды, предшествующей каждой из английских эпидемий потоотделения, был отмечен писателями, но несколько расплывчато или ошибочно. Особенностью года второго пота, 1508-го (не 1506-го, как у Хекера, и не 1507-го, как у других авторов), было “чудесное” обилие растительности в январе месяце, необычная жара с конца мая по 13 июня, обильные дожди в этот день, 16-го и 3-го июля[535], о поте впервые услышали в доме лорда-казначея в июле. Третий год пота, 1517 год, начался с сильных морозов с 12 января, так что ни одна лодка не могла добраться из Лондона в Вестминстер за все время семестра[536], в то время как мужчины переправлялись на лошадях и повозках из Вестминстера в Ламбет[537]. Этот сильный мороз, по-видимому, обошелся без снега, и весь сезон с сентября 1516 года по май 1517 года был отмечен в хрониках как сезон необычной засухи, “поскольку дождей не было, чтобы их можно было сосчитать”, так что “в некоторых местах люди были

вынуждены перегонять свой скот за три или четыре мили на водопой”. Какая погода наступит после прекращения засухи, не упоминается, но, конечно, подразумевается определенное количество дождей. Примерно в конце июля или в первых числах августа 1517 года в Лондоне и пригородах начались волнения. Четвертый и, возможно, самый сильный пот, выпавший в 1528 году, последовал за двумя сезонами дождей, с одним испорченным урожаем в 1527 году и плохими перспективами на урожай 1528 года. Зима 1526-27 годов была необычайно влажной с ноября до конца января; затем до апреля установилась сухая погода; после чего снова начались дожди и продолжались восемь недель[538]. Урожай, собранный до этого, по-видимому, был частично неурожайным, поскольку в начале 1527 года в Лондоне начался дефицит кукурузы, и в течение недели или больше там царил острый всеобщий голод, так что повозки с хлебом, прибывающие из Стратфорда, приходилось охранять шерифам и их людям на всем пути от Майл-Энда до нужного рынка. Высокие цены на кукурузу сохранялись до лета 1528 года. Погода того лета не зафиксирована специально для Англии; но мы узнаем из дипломатического письма, датированного Парижем 4 июля, что выпало много дождей, уничтоживших кукурузу и виноградные лозы, так что были опасения всеобщего разложения и голода по всей Франции[539]. 5 июля Генрих VIII. просит Вулси устроить всеобщие шествия по королевству “в хорошую погоду и из-за чумы”, поскольку пот не утихает уже больше месяца. Пятый и последний пот в 1551 году также совпал с необычно высокими ценами на кукурузу, или, другими словами, последовал за одним или несколькими неурожаями. В 1550 году пшеница стоила 20 шиллингов за квартал; на Пасху 1551 года цена в Лондоне составляла 26 шиллингов 8д.; десять или двенадцать корабельных партий ржи и пшеницы из Голландии и Бретани были проданы по установленной, но очень высокой цене. Тем временем пот продвигался из Шрусбери в Лондон, где разразился 7 июля. Заявления доктора Кайуса о вонючих туманах, разносящихся из города в город, являются, как и большинство его заявлений, настолько очевидным продуктом его некритической риторики, что становится почти невозможно доверять его рассказу о фактах. Но мы можем зайти так далеко, что предположим, что первая половина 1551 года была сезоном необычайно влажной атмосферы. Во всяком случае, пятый сезон пота, а также четвертый (1528 г.) отмечены в летописях как годы дефицита после неурожая, который, вероятно, не удался из-за продолжительной влажной погоды.

На первый взгляд, погода, предшествовавшая эпидемиям пота в 1508, 1517, 1528 и 1551 годах, была неоднородной. В первом из них зима была мягкой, а начало лета чрезмерно жарким и сухим; во втором зима и весна были примечательны засухой, с несколькими неделями сильных заморозков в средний период; в оставшихся двух предшествующим, по-видимому, было чрезмерное количество осадков. Но во всех четырех случаях мы обнаружим, что закон подземных вод, сформулированный недавно Мюнхенской школой применительно к вспышкам эпидемий, был проиллюстрирован на примере. Согласно этому закону, опасные продукты брожения выделяются из почвы, когда поры почвы либо заполняются водой после длительного пребывания в воздухе, либо заполняются воздухом после длительного пребывания в воде. Именно диапазон колебаний грунтовых вод, как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения, определяет риск для здоровья; и в два потовых года, 1508 и 1517, мы обнаружили, что уровень колодцев поднялся с очень низкого уровня, в то время как в двух других, 1528 и 1551 годах, колодцы начали опускаться после длительного стояния на необычно высоком уровне. Если этому прочтению несколько несовершенных данных можно доверять, то это в одно и то же время объясняет вспышки пота в соответствующие сезоны и подтверждает гипотезу о том, что вирус пота имел свою среду обитания в земле. Эта гипотеза, действительно, подтверждается

столь большим совпадением вероятностей как для английского пота, так и для эндемичного пота Франции[540], что ее можно использовать для объяснения сезонной заболеваемости, не выдвигая аргумента в пользу обвинения в движении по порочному кругу.

Какой бы ни была погода, определявшая последовательные вспышки пота, ясно, что благоприятные обстоятельства в целом были не такими, как при бубонной чуме. Более крупные вспышки чумы, как мы увидим, были в 1500, 1509, 1513, 1531, 1535, 1543, 1547, и другие годы, не связанные с потливостью. Только осенью 1517 года чума несколько накладывается на пот, и даже тогда это становится заметно в основном зимой, после того как пот спадает. Эти два яда существовали на английской земле бок о бок, но не проявлялись в одно и то же время года; кроме того, пот был в основном болезнью знатных домов, а чумой - в основном бедняков.

Исчезновение Пота в Англии.

Исчезновение пота из Англии после 1551 года или его неспособность появиться снова при подходящей погоде - одно из тех явлений эпидемического заболевания, которое могло бы показаться менее загадочным, если бы в подобном случае было обнаружено еще несколько. История всех вымерших видов инфекционных заболеваний, вероятно, выявила бы какую-то причину, по которой все они вымерли. Но эпидемическая болезнь не оставляет после себя костей в пластах; и поразительный прогресс науки пока не привел к успеху в обнаружении палеозойских бактерий, хотя откладывать это открытие надолго нельзя. Тем временем мы должны сделать все, что в наших силах, из обычных записей. В наше время, так сказать, пот вымер в 1551 году, а чума - в 1666; возможно, кто-нибудь вскоре сможет сказать, что тиф вымер (на время) в Британии в таком-то году, а оспа (навсегда) в таком-то другом. Удивительно то, что инфекция, которая появлялась раз за разом, должна была однажды быть пропущена, как если бы она была мертва. Если в Англии у пота было пять сезонов, почему не пятьдесят? Возможно, его карьера была короткой, потому что обстоятельства его происхождения были преходящими и, так сказать, случайными. Но, возможно, она также подчинялась единственному закону вымерших болезнетворных видов, на который указывают наши скудные знания, - закону преемственности, или вытеснения, или замещения одного типа эпидемии другим.

Другие формы эпидемической лихорадки, относящиеся к тому же классу заболеваний, что и пот, выходили на передний план в Англии, а также в других частях Европы. Так, в 1539 году, летом сильной жары и засухи, “ныряльщики и многие честные люди умерли от горячей лихорадки и от сильной ласки, распространившейся по королевству”. Горячая лихорадка была лихорадочным инфлюэнцем, а великая ласка была дизентерией. И снова, осенью 1557 года, “многие из богатейших людей всей Англии умерли от странной лихорадки”, согласно одному автору[541], или, согласно другому[542], там преобладали “различные странные и новые болезни, поражавшие мужчин и женщин, как странные приступы лихорадки, от которых многие умирали”. Джонс в своей книге *“Лихорадка”* описывает свой собственный приступ близ Саутгемптона в 1558 году и называет его потливой болезнью.

Эта эпидемия соответствовала высокой распространенности “гриппа” на континенте, который, вероятно, был таким же разнообразным, как лихорадки в Англии. Было бы неверно говорить, что эти новые лихорадки или гриппозные заболевания с более или менее выраженным типом потоотделения были вызваны некоторым изменением пота. Но они, по-видимому, пришли вслед

за потом, если не заняли его место или не вытеснили его. Распространенные типы заболеваний так или иначе отражают социальное положение населения; они меняются в зависимости от социального положения страны или группы стран; они зависят от большого числа сопутствующих обстоятельств, которые было бы трудно перечислить исчерпывающе. Уже в 1522 году мы наблюдаем тюремную лихорадку в Кембридже, в то время, когда попытки Генриха VIII подавить преступность привели к странному результату, описанному в *Утопии* Мора. Все это останется для более систематического рассмотрения в другой главе; но, завершая историю потливости в Англии, мы можем отказаться от нее, заметив, что она не прекращалась до тех пор, пока другие формы чумной лихорадки не были готовы занять ее место. Остается дать такое же объяснение полному исчезновению чумы в Англии после 1666 года: ее сменила чумная заразная лихорадка, заболевание, которое было ее родственником, и с каждым годом становилось все более устойчивым по мере того, как условия жизни в городах все больше переходили от средневекового типа к современному. Тем временем мы должны продолжить нить истории чумы там, где мы оставили ее во времена правления Эдуарда IV.

ГЛАВА VI.

ЧУМА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТЮДОРОВ.

Когда городской совет Йорка собрался 16 августа 1485 года, чтобы принять меры в связи с высадкой Генриха Тюдора в Уэльсе, их первым решением было отправить сержанта с булавой к Ричарду III. в Ноттингеме, предложив людей (они обещали 400 человек для его армии в Босворте), и их вторым решением было немедленно послать за всеми олдерменами и другими членами совета, которые находились за пределами города из-за “царящей чумы”^[543]. Эти видные граждане Йорка уехали за город, чтобы избежать заразных испарений внутри городских стен в летнюю жару; чума, царившая в Йорке, была старой бубонной чумой, которая проявлялась в домах то тут, то там в любое обычное время года, а в особых случаях достигала апогея эпидемии, выгоняя всех, кто мог позволить себе переехать из зловонного воздуха города в сравнительно благополучную местность, и унося своих жертв в основном среди беднейшего класса, который не мог позволить себе “сменить воздух”. За три столетия, последовавшие за Черной смертью, произошли изменения в поведении людей. воздух значил гораздо больше, чем сейчас. Заражение воздуха, или “невоздержанность” воздуха, в Вестминстере послужила причиной (наряду с другими причинами) отсрочки заседаний многих парламентов в провинциальных городах; заражение воздуха на Флит-стрит и вокруг нее привело к отмене многих юридических терминов; а заражение воздуха в оксфордских колледжах было настолько постоянным препятствием для изучения этого места в 15 веке, что Энтони Вуд связывает с этой причиной больше, чем с какой-либо другой, полный упадок образования, грубость манер и распространенность “нескольких видов порока, которые могут привести к смерти”. “ин тайм” пользовался такой дурной славой, что великие личности советовались с ним об упразднении университета или переводе его в другое место^[544]. " Из старых реестров колледжей, главным

образом его собственного колледжа Мертон, он насчитал около тридцати эпидемий в Оксфорде, больших и малых, за пятнадцатый век. Причина, по которой оксфордские анналы чумы настолько полны, заключается в том, что каждая вспышка, даже если имели место всего одна или две смерти[545], означала рассеивание ученых и наставников одного или нескольких колледжей, их переезд в целом виде в какой-нибудь загородный дом, изменение дат семестров и отсрочку публичных актов о присуждении ученых степеней в школах. Опыт научил необходимости таких быстрых мер. Таким образом, первый удар, нанесенный в 1485 году, был нанесен так внезапно, что убил многих ученых, прежде чем они успели разойтись, “хотя это продолжалось всего месяц или шесть недель”. Едва залы и колледжи снова начали заполняться после массового рассеяния в 1485 году, как в конце августа 1486 года в приходе Магдалины вспыхнула “другая заразная болезнь”, то есть сама бубонная чума, которая с каждым днем усиливалась настолько, что ученые были вынуждены снова бежать. В 1491 году произошло еще одно рассеяние, а в 1493 году была настолько сильная вспышка чумы с апреля по середину лета, что многие были сметены, как священнослужители, так и миряне: колледж Магдалины был переведен в Брэкли в Нортгемптоншире, Ориэл - в больницу Святого Варфоломея близ Оксфорда, а Мертон - в Айлип, “вместо Куксхэма, их обычного места уединения”. Катастрофический пятнадцатый век завершается особенно тяжелой эпидемией чумы в 1499-1500 годах, в результате которой погибли “ныряльщики этого университета, считавшиеся достойными в те времена”; сопутствующая нехватка зерна и, как следствие, отсутствие стипендий или выставок побудили многих студентов заняться механическими профессиями. В августе 1503 года в Сент-Олбанс-холле снова вспыхнула чума; директор со всеми, кроме нескольких студентов, отправился в Айлип, где мор настиг их (сначала они провели три недели в веселье), так что несколько человек умерли и были похоронены, одни в Айлипе, другие в Элсфилде и один в Ноке; в октябре он вспыхнул в Мертон-колледже и загнал некоторых стипендиатов и бакалавров в лодж в Стоу-Вуд, другие в Уоттон близ Камнера, где они оставались до 17 октября. Декабрь. Эти перебои были настолько частыми, что из пятидесяти пяти залов только тридцать три сейчас были заселены, и они были “но небольшими, как можно видеть в наших реестрах”. Город Оксфорд переживал период упадка; улицы и переулки, некогда многолюдные, теперь были пустынные и заброшены. Эпидемия 1508 года, которая, возможно, была вторым потопом, вызвала еще одно рассеяние; затем старая бубонная чума снова вспыхнула в 1510, 1511, 1512 и 1513 годах, заполнив промежуток до лета 1517 года, когда “*sudor tabificus*”, третий пот, “рассеял и унес большинство, если не всех, студентов”. Бубонная чума последовала зимой и весной, особенно в Сент-Мэри-Холле и Кентерберийском колледже. Тем временем кардинал Уолси основал Кардинальский колледж (впоследствии Крайст-Черч), привнес в него приток новых знаний из Кембриджа и других мест; но в 1525 году, “в то время как это избранное общество было занято проповедью, чтением, диспутами и выполнением своих схоластических действий, разразилась свирепая чума, которая рассеяла большинство из них, так что они вернулись не весь следующий год или два года спустя”, и кардинальский колледж, “основанный таким образом, вскоре после этого был оставлен в запустении”. Та же вспышка особенно затронула залы или колледжи Сент-Олбана, Иисуса, Сент-Эдмунда и Королевы[546].

Оксфорд не был совсем уж исключением в том, что из года в год или с интервалом в три-четыре года в нем случалась эпидемия чумы. То, что сэр Томас Мор говорит о городах Утопии, справедливо и для городов Англии или любой средневековой страны христианского мира: “Что касается их городов, тот, кто знает один из них, знает их все; все они настолько похожи друг на

друга, насколько позволяет природа места”. Ограничение природы этого места не лишено значения для частоты и тяжести чумы; количество стоячей воды вокруг Оксфорда, несомненно, сделало тамошние эпидемии более регулярным продуктом почвы[547]. Но мы слышим о чуме и на земле Кембриджа, особенно в 1511 году, когда там был Эразм: 28 ноября он пишет из Квинс-колледжа Аммонии в Лондон: “Здесь великое уединение; большинство уехало из страха перед чумой”, - добавляя довольно недоброжелательно, “хотя одиночество бывает и тогда, когда все находятся дома”. Именно из таких случайных упоминаний в письмах того времени мы можем сделать вывод о существовании чумы по всей Англии. С течением шестнадцатого века этих упоминаний становится гораздо больше, возможно, не потому, что чума была более частой, а потому, что все виды документов лучше сохранились. Поразительная разница между правлениями Генриха VII. и Генриха VIII. что касается количества дошедших до нас материалов для построения истории, то это так же остро ощущается изучающим эпидемии, как и изучающим высокую политику. Местные архивы городов, включая Лондон, по-прежнему практически бесполезны для наших целей: даже опытные антиквары, нанятые Комиссией по историческим рукописям, до сих пор не извлекли ничего, касающегося эпидемий до Елизаветы, из архивов палат гражданского совета и лишь немного из хранилищ, таких как Кентерберийское аббатство.

Те немногие подробности, которыми мы располагаем, например, о чуме в Халле с 1472 по 1478 год, были извлечены из местных записей авторами “историй городов и графств”. К концу шестнадцатого века становится все больше свидетельств эпидемии чумы по всей Англии, а также в провинциальных городах и в сельской местности, как в Лондоне. Возможно, рост был действительно значительным, но гораздо более вероятно, что этот рост по большей части только кажущийся. Имеет определенное значение определить вероятность как можно точнее; и поэтому я буду изучать с большей тщательностью, чем это было бы необходимо в противном случае, свидетельства о существовании и количестве случаев чумы в Лондоне и других местах год за годом, начиная с восшествия на престол династии Тюдоров в 1485 году, используя для своих целей главным образом Календари государственных документов. Как и в случае с “потом”, мы случайно слышим о чуме в Лондоне и других местах, потому что она держала Двор в стороне; секретари короля неделю за неделей информируются о состоянии здоровья в Лондоне, а иностранные послы, особенно венецианские посланники, часто упоминают о помехах для государственных дел, вызванных чумой. Если бы не эти государственные документы, у историка эпидемий не было бы ничего, кроме случайного приходского реестра, на который можно было бы опереться. Медики в Англии не были заинтересованы в том, чтобы писать или печатать что-либо по этой теме; хотя существует множество иностранных печатных книг о чуме (например, книга Форрестье в Руане в 1490 году), нет ни одного оригинального английского трактата, кроме трактата Скена из Эдинбурга в 1568 году. У нас есть все основания полагать, что врачи были хорошо наняты теми, кто мог воспользоваться их услугами, и что они действительно поддерживали авторитет своей профессии благодаря щедрой шкале своих гонораров; так, венецианский посланник пишет 3 июня 1535 года, что он был болен и что за время своей болезни он истратил семьсот дукатов “и на стольких-то врачей”, так что у него остался только один дукат. Но эти преуспевающие практикующие не писали книг, как их собратья за границей. Один из них, Линакр, который также был пребендарием Вестминстера, занимался изданиями некоторых трудов Галена. Эразм упоминает его в письме как одного из оксфордских ученых, в обществе которых он находил удовольствие; но в *Похвале глупости* есть ссылка на некоего грамматического педанта, которого Хекер отождествляет с Линакром. Другие врачи и хирурги

того периода, чьи имена известны, - Баттс, Шамбре, Борде и остальная группа на картине Гольбейна "Генрих VIII". вручая хирургам их хартию, они не оставили в печати ничего, что иллюстрировало бы эпидемические заболевания того времени, и мало что вообще написали, за исключением некоторых формул лекарств: Борде, которому покровительствовал Кромвель, известен только как юморист или сатирик. Таким образом, расследование должно проводиться без каких-либо вспомогательных средств со стороны профессорско-преподавательского состава, которые сравнительно облегчают изучение истории эпидемий на Континенте.

После катастрофического распространения чумы в Англии в правление Эдуарда IV, кульминацией которой стала великая эпидемия 1479 года в Лондоне и других местах, мы больше не слышим об этой болезни в Лондоне до 1487 года, через два года после первого пота; в том же году, 14 апреля, королевским указом из Норвича рассмотрение общих жалоб и королевской скамьи было отложено до Троицкого семестра из-за эпидемии в Лондоне, Вестминстере и соседних местах[548]. Следующая ссылка относится к великой эпидемии 1499-1500 годов в Лондоне и, по-видимому, также в стране. Фабиан, который в то время был олдерменом и, вероятно, знал, оценивает число смертей в Лондоне в двадцать тысяч[549]; Полидор Вирджил говорит о тридцати тысячах[550]; а другие говорят о тридцати тысячах смертей от чумы и других болезней вместе взятых[551]. Чем меньше сумма, тем больше вероятность оказаться ближе к отметке. Есть основания полагать, что поколением позже население Лондона составляло немногим более 60 000 человек; и в дальнейшем выяснится, что четвертая или пятая часть жителей была уничтожена жесточайшими эпидемиями, хотя вполне вероятно, что сама Черная смерть унесла половину.

Огромная смертность в 1499-1500 годах оставила мало следов в архивах города или штата. Пять великих прелатов умерли во время чумы, некоторые из них, несомненно, от нее: Мортон Кентерберийский (очень старый человек), Лэнгтон Винчестерский (до того, как его перевели в Кентербери), Ротерэм Йоркский, Алкок из Эли и Джейн из Норвича[552]. Подобно некоторым более поздним эпидемиям в Лондоне, это продолжалось всю зиму. Это было в Оксфорде в те же годы, и случайные упоминания в двух письмах Пламптона позволяют сделать вывод, что это могло быть и в отдаленных частях страны[553].

Инфекция все еще была активна в октябре 1501 года в Грейвсенде, и это несколько повлияло на прием юной принцессы Екатерины Арагонской, которая приехала на свадьбу с принцем Артуром и прославилась в истории как жена его брата Генриха VIII. Ниже приводятся инструкции Генриха VII, датированные октябрём 1501 года:

“Мой лорд-распорядитель должен показать или распорядиться, чтобы ему показали упомянутой принцессе, что Королевская милость, с нежностью принимая во внимание ее сильную и продолжительную боль и морское путешествие, была бы рада, если бы она высадилась и остановилась на ночь в Грейвсенде; но поскольку там недавно была чума, и она еще не полностью устранена, король не хотел бы, чтобы она подвергалась какому-либо подобному приключению или опасности, и поэтому его Милость приказал подготовить барку и снарядить ее для ночлега”[554].

В 1503 году, как мы видели, в Оксфорде и Эксетере была чума, где от нее быстро умерли два мэра и два судебных пристава[555]. Инфекция определенно была в Лондоне в 1504 или 1505 году (возможно, в обоих, и, возможно, на низком эндемическом уровне в другие годы, начиная с

1501 года): поскольку Бернар Андре вскользь упоминает, что он отсутствовал в Городе из-за этого[556].

В 1509 году, в первый год правления Генриха VIII, произошла серьезная вспышка чумы в гарнизоне Кале, а также “великая чума” в различных частях Англии[557]. В 1511 году Эразм пишет из Кембриджа 17 августа, 5 октября и 16 октября, ссылаясь на чуму в Лондоне; а 27 октября, 8 ноября и 28 ноября Аммонии отвечает ему, что чума не полностью исчезла, и снова, что она ослабевает, но опасаются голода, и, наконец, что чума полностью исчезла. 26 июля венецианский посол написал, что королева-вдова (мать Эдуарда V.) умерла от чумы и что король Генрих VIII обеспокоен.

1 ноября 1512 года Эразм, находясь с визитом в Лондоне, так испугался чумы, что не вошел в свою квартиру и пропустил встречу с Колетом. Следующий, 1513 год, по многим свидетельствам, был годом сильной чумы. В дневнике венецианского посланника с августа по 3 сентября указано, что смерти от чумы происходят постоянно; двое из его слуг заболели 22 августа, но не распознали болезнь; 25-го они встали с постели, пошли в таверну выпить некий напиток под названием “эль” и умерли в тот же день: их постель, простыни и другие пожитки были выброшены в море (? Темза). 17 сентября он пишет в Венецию, что оставаться в Лондоне опасно; говорят, что за день погибло до 200 человек, вести дела было некому, все венецианские купцы в Лондоне сняли дома за городом; чума распространилась и на английский флот. В октябре посланник сообщает о 300-400 смертях в день; он отправился в страну. 6 ноября и 6 декабря он пишет, что чума все еще наносит большой ущерб. 3 декабря слух о широком распространении чумы в Англии достиг Рима. 28 ноября Эразм пишет из Кембриджа, что не намерен приезжать в Лондон до Рождества из-за чумы и грабителей; а 21 декабря он пишет снова: “Я заперт посреди эпидемии и окружен грабителями”.

Один год очень похож на другой, но было бы желательно продолжить повествование немного дольше, чтобы устранить любые подозрения в построении истории вне фактов. В феврале 1514 года Эразм пишет, что испытывал отвращение к Лондону, считая небезопасным оставаться там из-за чумы. Отправляясь в процессии к собору Святого Павла 21 мая, король предпочел ехать верхом по одной из причин, “чтобы избежать контакта с толпой из-за чумы”; недавно он оправился от какой-то смутной “лихорадки” в Ричмонде, о которой сообщалось смутно. 1 июля заседание было отложено из-за эпидемии и жары.

В следующем, 1515 году, Эразм пишет из Лондона 20 апреля, что у него большие неприятности; разразилась чума, и казалось, что она будет свирепствовать повсюду. 23 апреля Вулси посылает совет графу Шрусбери в деревню (? Вингфилд), чтобы “вывести его на чистый воздух и разделить его хозяйство” из-за заразной чумы среди его слуг; 28-го граф получил из Лондона один фунт “манус Кристи” - того же лекарства, что и Генрих VIII. отправлено в Вулси для пота-с кораллом и половиной фунта порошкового консерванта. В тот же день “они начинают умирать в Лондоне в самых разных местах внезапно от ужасных болезней”. Одним из эпизодов чумы 1515 года, привлечших внимание хронистов, была смерть двадцати семи монахинь в монастыре Минори за пределами Олдгейта[558]. В следующем году, 14 мая (1516), болезнь в доме лорда Шрусбери в Вингфилде была настолько сильной, что он уволил всех своих конюхов и отправил своих лошадей пасти траву. В Лондоне 21 мая венецианский посол переехал в Патни из-за случая чумы в его доме, и ему не разрешат увидеться с Вулси до 30 июня, когда пройдет сорок дней с момента заражения чумой в его доме.

Следующее лето 1517 года было сезоном третьего пота. Едва он закончился, как в сентябре в Лондоне началась чума. 21-го венецианский посланник говорит о том, что ему пришлось избежать “чумы и потливости”; 26-го он пишет, что чума прогрессирует, и он покинул Лондон, чтобы избежать ее. 15 октября король находился в Виндзоре “в страхе перед великой чумой”. Один из них пишет 25 октября: “Насколько я могу слышать, в Лондоне нет ни одного свободного прихода[559]”. 16 ноября посланник умоляет венецианскую сеньорию прислать кого-нибудь на смену ему, поскольку считает, что настало время спастись от “мятежа, пота и чумы”. 3 декабря король и кардинал все еще отсутствовали в Лондоне из-за чумы; 22-го их отсутствие вызвало всеобщее недовольство, чума несколько утихла. Только в марте 1518 года двор приблизился к Лондону; 15-го венецианский посланник выехал в Ричмонд, чтобы повидаться с королем, и застал его в затруднительном положении, поскольку трое его пажей умерли “от чумы”. Двор снова удалился в Беркшир, и 6 апреля тайный совет короля в Абингдоне принял решение, что Лондон все еще заражен и его следует избегать, поскольку королева (Екатерина Арагонская) заявила накануне, что ей прекрасно известно о том, что болезнь в Лондоне, и что она опасается за короля, хотя и не является пророком. 7 апреля сообщение о четырех или пяти смертях в Ноттингеме (“как явствует из прилагаемого счета”) послужило основанием для отсрочки запланированного визита короля на север. Весна была необычно теплой, что повысило риск заболевания. Очевидно, что государственные предприятия страдали из-за длительного отсутствия суда в Лондоне и что существование инфекции отрицалось. 28 апреля магистр Мор удостоверил из Оксфорда королю в Вудстоке, что трое детей умерли от болезни, но больше никого; соответственно, он поручил мэру и комиссару от имени короля, “чтобы обитатели тех домов, которые были и будут заражены, оставались дома, выпускали клещи и носили белые розги, в соответствии с тем, что ваша светлость придумали для лондонцев”; это было одобрено королевским советом, и обсуждался вопрос, не следует ли запретить ярмарку в Остинском монастыре Оксфорда две недели спустя, поскольку это место отдыха людей “может сделать Оксфорд таким же опасным, как Лондон, в следующем семестре” (суды заседали в Оксфорде в Тринити-триместре). Однако необходимо было учитывать и интересы трейдеров. 28 июня 1518 года Пейс пишет из суда в Вудстоке Вулси, что “здесь все свободны от болезней, но многие умирают от них в радиусе четырех или пяти миль, как проинформирован мистер Контролер”. 11 июля он снова пишет из Вудстока, что два человека умерли от болезни и еще больше заразились, один из них - слуга йомена королевской гвардии; завтра король и королева останавливаются в Юэлме и не останавливаются по дороге, поскольку место, назначенное для их ночлега, заражено. 14 июля он пишет Вулси из Уоллингфорда, что король завтра переезжает в Бишем, “поскольку пришло время: ибо в этих краях умирают повсюду, не только от мелких покке и мезилов, но и от великой болезни”. Неопределенность относительно того, что это могли быть за болезни, станет ясна из следующего письма сэра Томаса Мора от 18 июля: “У нас здесь ежедневно появляются объявления, в том числе о некоторой потливости или сильном недомогании из мест, расположенных совсем рядом с нами; а что касается переедания и пьянства, то у нас их достаточно дома”. Король также слышал, что одна из служанок миледи принцессы заболела “горячей лихорадкой” в Энфилде. 22 июля венецианский посол написал из Ламбета с просьбой отозвать его: двое из его слуг умерли от чумы, а сам он дважды за одну неделю страдал потливостью. Папский легат Кампеджио совершил официальный въезд в Лондон примерно первого августа, но король и Вулси не прибыли туда, чтобы принять его, якобы опасаясь заражения. Король теперь находился в Гринвиче, и на какое-то время мы больше не слышим о страхе перед инфекцией. В конце марта 1519 года на борту одной из венецианских галер в Саутгемптоне произошли смертельные случаи от чумы. 4 августа 1520 года король (в

Виндзоре) услышал, что великая болезнь все еще распространена в Абингдоне и других деревнях по направлению к Вудстоку, и соответственно изменил свой маршрут (“гистес”); 8 августа сообщается о болезни в Вудстоке. В том же году какая-то болезнь была очень серьезной в Ирландии.

Зимой 1521 года (2 ноября) болезнь в Лондоне продолжается: “ее не очень боятся, хотя она повсеместна в каждом приходе”. Согласно расплывчатой записи в “Хронике Холла”, 1522 год прошел аналогичным образом, “не без мора и смертей”, что может относиться к тюремной лихорадке в Кембридже.

Таким образом, с 1511 по 1521 год не проходит ни одного года без упоминания о распространенности чумы, поскольку осень и зима 1513 года, вероятно, были временем наибольшей смертности в Лондоне. После 1521 или 1522 года в упоминаниях о чуме наступает перерыв на четыре или пять лет, за исключением смутного упоминания о чуме, за которой последовал голод в Шрусбери в 1525 году[560]. Они начинаются снова в 1526 году (из Гилфорда) и продолжаются до 1532 года каждый год, как и в предыдущий период, причем 1528 год в основном был занят четвертой эпидемией потливости. 4 июня 1529 года легат Кампеджио пишет из Лондона: “Здесь мы все еще носим нашу зимнюю одежду и разводим костры, как будто на дворе январь: никогда я не был свидетелем более непостоянной погоды. Чума начинает свирепствовать с новой силой, и есть некоторый страх перед потливостью”. 31 августа в доме венецианского посла находится человек, больной чумой; 9 сентября он отправился в деревню недалеко от Лондона из-за чумы. 18 сентября французский посол в Лондоне (епископ Дю Белле) заболел чумой в своем доме, и, несмотря на неоднократную смену жилья, его главные слуги умерли; он не смог отказать остальным в разрешении вернуться домой и теперь совершенно один, но опасность от чумы значительно уменьшилась.

В 1530 году о чуме стало известно еще 23 марта, до этого от нее умерли двое слуг венецианского посла; впоследствии умерли еще трое, и посланнику запретили появляться при дворе в течение сорока дней. Работа парламента была перенесена с 26 апреля на 22 июня в связи с эпидемией чумы в Лондоне и пригородах и далее, по той же причине, до 1 октября. Король был в Гринвиче, но даже там заражение не вышло за рамки; в книге личных дел есть запись о *18,8 фунтов стерлингов*, выплаченных “Реде, маршалу королевского дворца, за то, что он распределил королевские расходы среди тех бедняков, которые были изгнаны из города Гринвич в разгар чумы”. Аналогичные выплаты введены 13 января 1531 года, 10 апреля, 26 апреля и 8 ноября[561].

23 ноября 1531 года король был вынужден покинуть Гринвич из-за чумы, переехав в Хэмптон-Корт (ныне королевский дворец после падения Уолси). В Лондоне это несколько утихло, но, согласно письму венецианского посла, за неделю погибло до 300 или 400 человек. В середине зимы, 15 января 1532 года, парламент объявил перерыв в работе из-за вредного для здоровья воздуха в Лондоне и Вестминстере. Можно предположить, что заражение продолжалось, по аналогии с известными годами, всю весну и лето, достигая большей интенсивности осенью. В следующий раз мы слышим об этом 18 сентября 1532 года, когда венецианский посланник пишет из Лондона, что король отправится в Грейвсенд и Дувр водным путем, “поскольку в тех краях много чумы, и в Лондоне в ней недостатка нет. Вчера при королевском дворе от этого умер хозяин кухни, который накануне прислуживал его величеству. 24 сентября: “чума с каждым днем усиливается в Лондоне и почти по всей стране”.

14 октября: “чума усиливается с каждым днем и вызывает у всех беспокойство”. В тот же день Тайный совет написал королю, который отправился в Кале в сопровождении господина министра Кромвеля для встречи с французским королем, что ходят слухи о распространении чумы, особенно на придворных постоянных дворах. 18 октября Хейлз, один из судей, пишет Кромвелю, что “эпидемия болезней здесь настолько сильна, что я никогда не видел такого скудного срока на Михайлов День”. 20 октября Одли, лорд-канцлер, пишет, что многие умирают от чумы, вследствие этого сержанты с Флит-стрит ушли, Иннер Темпл разрушил палату общин, юристы в большом страхе. *“Совет приказал мэру подтвердить, сколько человек умерло от чумы.”* Это первое известное упоминание о лондонских счетах о смертности, и, вероятно, это был самый первый случай их получения[562]. К тому времени чума свирепствовала в Лондоне уже больше месяца и явно начала тревожить жителей. Результатом распоряжения Тайного совета мэру Лондона стал законопроект от 21 октября или ранее, показывающий, что 99 человек умерли в городе от чумы и 27 - от других причин, количество смертей от других причин позволяет предположить, что это был законопроект за неделю. 23-го госсекретарю сообщают, что болезнь свирепствует и многие умирают; те, кто не является гражданами, очень напуганы. 25-го сэр Джон Алейн получил заверения для Кромвеля (в Кале) со всех концов страны, что во всем королевстве тихо, но чума была более серьезной, чем в Лондоне. Садовник-француз Кромвеля был жив и здоров в субботу днем, 12-го, а умер от чумы и похоронен утром в понедельник, 14-го. 27-го число смертей в Лондоне и Вестминстере “совершенно уменьшилось”, согласно одному из них; но, по словам лорда-канцлера, 28-го число чумы усиливается, особенно на Флит-стрит. 31 октября кто-то пишет: “Я не видел Лондона таким безлюдным, каким он был, когда я приехал туда”. 2 ноября смерть утихомиривается и соблюдаются хорошие правила, поскольку сэр Хью Воэн трудится в своем кабинете как честный джентльмен. 9 ноября чума утихает. На этом переписка заканчивается, поскольку Двор вернулся из Франции. Но мы можем привести здесь определенный еженедельный отчет о смертности, который сохранился среди обрывков бумаги того периода[563]. Это за неделю с 16 по 23 ноября, год не указан; эксперты национальной коллекции рукописей одно время были склонны отнести это к “примерно 1512 году”; но первое, что мы слышим о том, что мэру было предложено представить счет о смертях от чумы, - это приказ лордов Совета от 20 октября 1532 года или около того, в первом счете указано 99 смертей в городе от чумы и 27 смертей (за неделю) от других причин. Сохранившийся счет за неделю с 16 по 23 ноября явно является одним из серии; нет веских оснований для отнесения его к более ранней дате, чем 1532 год, в то время как есть причины не относить его позже. Сохранились еще два чумных счета за август 1535 года, выписанные в более деловой манере и отмеченные большим опытом. Законопроект о ноябрьской неделе выглядит более примитивно; и мы можем справедливо считать его одним из серии, впервые изданной Советом в 1532 году, поскольку это был самый значительный год чумы, непосредственно предшествовавший вспышке 1535 года, к которому, безусловно, относятся более законченные законопроекты. Неделя ноября, за которую в нем указаны случаи смерти от чумы и других причин в городских приходах, является более поздней, чем даты 2 и 9 числа, когда чума была “приостановлена” и “утихла”; таким образом, в счете указано, что чума находится на спаде или близка к исчезновению в течение сезона, общее количество смертей от чумы составляет 33, а от других смертей - 32, по сравнению с 99 и 27 соответственно на соответствующей неделе октября. Поскольку это самое раннее из большой исторической серии лондонских счетов о смерти представляет особый интерес, я переписываю его полностью, сохраняя орфографию оригинала.

С XVI дня ноября по XXIII день того же месяца в городе умерли, и свобода продлилась долго, а старики умерли от многих других болезней.

Inprimys benetts грейсчерч я на пляже
с Buttolls перед Bysshops ворота я Корс
с Nycholas flesshammls я на пляже
с Peturs в городе Корнхилл-я из Плаж
Мери Woolnerth я Корсика
все Halowes Barkyng второй клубов
Kateryn Кольман я из Плаж
Мери Римской мне Корс
Майклс в городе Корнхилл-III и один из Плаж
все halows болотах II и пляжа
с Gyliz ииии клубов III к Плаж
с Dunstons на Западе ииии пляжа
Стивенс в Кольман Strete я Корсика
все halowys Lumbert Strete я Корсика
Мартинс Owut, которое я Корсика
Margett Мойсеса я от Plage
Kateryn Creechurch второй пляж
Martyns в Vintre второй клубов
Buttolls перед Algate ииии клубов
с бес в Харт Strete второй клубов
с Андроса в Холборне второй пляж
с Питера по Powls Wharff второй пляж
с Fayths я труп на пляже
с Alphes я труп на пляже
с Mathows в Пятница Strete я от Plage
Сити второй клубов
с Pulcres III и клубов я на пляже
с Томасом Appostells второй пляж
с Leonerds Фостер-Лейн я от Plage
Майклс в Райалл второй клубов
с Albornes я труп от Plage
Swytthyns второй клубов из Плаж
Мери Somersette я Корс
с Бриде в клубов я на пляже
с Benetts Powls Wharff я от Plage
все halows в стене я на Плаж
Мери Hyll я труп.

Сумма плэйджей xxxiiii лиц
Сумма других секнесекций xxxii лиц

Общая сумма ^{xx}/iii и vi.

И есть этот век клер ^{xxx}ii и iii париши, как по этому биллю видно.

Исполнительныйⁿ
из трупов,
похороненных на
пляже
в
городе
Лондон
syn &c.

По-видимому, не было никаких оснований для продолжения рассылки счетов о чуме после только что приведенной даты почти три года спустя: мы действительно слышим о тяжелой эпидемии чумы в Оксфорде в 1533 году, но ничего о ней в Лондоне не было до 1535 года[564]. Так случилось, что пара лондонских счетов о смертности сохранилась с августа месяца того года. Таким образом, по странному совпадению, единственные оригинальные отчеты о смертности, дошедшие (насколько известно) с шестнадцатого века, относятся к концу серии в первый год их исполнения (1532), а другой - самый первый из серии во второй год их исполнения (1535), или в серии, заказанной в связи с эпидемией чумы, следующей за следующей. Об этой эпидемии также, возможно, будет позволено рассказать несколько более подробно, поскольку лишь в редких случаях у нас есть шанс осознать факты столь конкретным образом.

Летом и осенью 1535 года Генрих VIII вместе с королевой (Анной Болейн) в основном находился в своем поместье Торнбери в Глостершире, а главный государственный секретарь Кромвель находился либо при короле, либо в его ближайшем окружении. Отсутствие двора приводит к отправке многочисленных писем из Лондона и в Лондон, в которых, среди прочего, мы слышим о чуме. В то время у Кромвеля было четыре дома в Лондоне или поблизости от него — в "Роллс-ройсе" на Чансери-лейн, в Остин-Фрайарз в Сити, в фешенебельном пригороде Степни и в Хайбери; кроме того, у него было прекрасное здание виллы в Хакни. Во время своего отсутствия он постоянно получал письма от своего управляющего или других слуг в одном или нескольких из них. Письмо из "Роллс-ройса" от 30 июля сообщает ему, что двенадцать "хероншоу" были отправлены ему из Кента и были получены в "Роллс-Ройсе", "поскольку лондонский сити сильно заражен чумой". На следующий день другой пишет, что Город заражен, но Флит-стрит чиста. 5 августа "распространенная болезнь становится очень распространенной в Лондоне". 7-го числа лорд-канцлер Одли пишет из "моего дома в Крайстчерче" (Creechurch, недалеко от Олдгейта), что он ожидал Кромвеля в Лондоне, но слышит, что он не вернется в течение девяти или десяти дней; поэтому тем временем отправится в свой дом в Колчестере, поскольку в различных приходах Лондона умирают от чумы. Кромвель, естественно, желал точно знать состояние здоровья в городе, чтобы регулировать свои собственные передвижения и, возможно, передвижения короля; соответственно, он наводит справки у своих различных корреспондентов. В другом письме из Лондона от 7 августа он сообщает, что при дворе нет смертей, но только в определенных местах города: "Я боюсь, что эта сильная влажность вызовет эпидемию в конце года, скорее после Варфоломеевского прилива, чем до него. Если вы находитесь недалеко от Лондона, вам следует избегать встреч с людьми". Получив это, Кромвель, по-видимому, написал мэру Лондона, поскольку 13 августа его клерк из "Роллс-ройс" ответил ему, что он доставил письмо лорд-мэру. 16-го числа другой член семьи в "Роллс-ройсе"

пишет, что чума свирепствует в каждом приходе Лондона, но не так сильно, как во многих местах за границей: “Я пришлю количество умерших. Мэр хранит свои покои. Некоторые говорят, что он болен лихорадкой; другие, что ему рассекли брови из-за мегримов, которые его очень раздражают. Мало кто из мужчин подходит к нему, кроме женщин. Счет о смертности, о котором Кромвель просил до 13 августа, сохранился^[565]. Он состоит из двух частей: в одной показан 31 случай смерти от чумы и 31 случай смерти от других причин в тридцати семи из ста приходов с 5 по 12 августа, список приходов ясен; а другая, озаглавленная “14 августа” и, вероятно, предназначенная для включения первой, показывает гораздо более высокую смертность и гораздо более короткий список приходов ясен, и вся она одобрена мэром сэром Джоном Чампни следующим образом: “Таким образом, по-видимому, в лондонском сити были умершие от чумы и в других случаях с 6-го числа этого месяца августа по 14-е число, которые были убиты”. прошло восемь дней, общее число 152 человека [105 из них умерли от чумы]. И сегодня ночью ваше превосходительство [господин госсекретарь Кромвель] будет удостоверено в количестве, которому представится возможность отбыть за это время. Твой, как я связан, Джон Чампенис”. Этот двойной законопроект на определенные дни августа 1535 года несколько более проработан, чем вышеупомянутый законопроект на неделю ноября, скорее всего 1532 года, но в остальном не отличается от него. Следует отметить, что число смертей во всех городских приходах от других причин, помимо чумы, составляет 47 в законопроекте за восемь (или девять) дней; 31 в законопроекте, что частично совпадает, за семь дней и 32 в более раннем законопроекте за семь дней, в то время как известно, что в другом законопроекте от октября 1532 года их было 27, вероятно, также за семь дней. Эти цифры, лучшие из имеющихся, важны для расчета численности населения Лондона в то время; они отражают вполне обычную еженедельную смертность, причем смертность от чумы всегда была дополнительной, и мы можем сравнивать смертность год за годом, как в лондонских ведомостях более поздних времен.

Еженедельные отчеты о смертности во время чумы 1535 года регулярно отправлялись государственному секретарю до конца сентября — 22 и 30 августа, а также 4 (и 5), 11 и 27 сентября. В отчете, отправленном в понедельник, 30 августа, сообщалось о 157 смертях за предыдущую неделю, из которых 140 были связаны с чумой, в результате чего за неделю умерло только 17 человек от обычных причин — небольшое число, возможно, из-за того, что так много жителей уехало в страну. Из других счетов не сохранилось никаких цифр, но из писем мы знаем, что эпидемия чумы значительно усилилась в сентябре (например, 11 сентября. “Согласно свидетельству лорд-мэра, которое я посылаю, вы увидите, что чума усиливается”) как в Лондоне, так и в сельской местности, оправдывая предсказание о том, что после Варфоломеевского прилива будет еще хуже; только 28 октября мы слышим о том, что смертность в Лондоне “хорошо остановлена”. Остается добавить несколько подробностей об этой эпидемии и о ее возрождении в 1536 году, прежде чем мы перейдем к разговору о лондонских счетах смертности в целом, о масштабах Города и свободах в тот период, о его санитарном состоянии и о здоровье населения из года в год.

18 августа 1535 года некто пишет Кромвелю из Темпла, что чума “посетила мой дом недалеко от Степни, где живет моя жена”. 20 августа житель Линкольнс-Инн заболел чумой, и ночью его перевезли в дом бедняка, расположенный прямо напротив комнаты одного из домочадцев Кромвеля в Роллс-Ройсе, где он и умер. “Те, кто поселяется у ваших ворот, редко выходят на улицу, и у них будет меньше поводов, если до того, как пройдет много времени, вы закажете из Эндивилла или в другом месте в пределах вашего правления немного оленины для домочадцев,

чтобы мужчины были более довольны своей пищей”. В тот же день управляющий Остин-Фрайарз сообщил Кромвелю, что “француз рядом с вашим домом, в приходе Святого Петра [Корнхилл], похоронил двоих, но не больше”. Чума выглядела достаточно угрожающей, чтобы поднять вопрос о том, следует ли проводить Варфоломеевскую ярмарку в Смитфилде в этом году. Тем временем король и двор находились в Торнбери в Глостершире, прибыв туда 18 августа. Города Бристоль избегали, “потому что в упомянутом городе тогда царила эпидемия мора”; но к королю была отправлена депутация из трех человек, чтобы преподнести ему десять откормленных быков и сорок овец, а королеве Анне Болейн - золотую чашу, полную золотых монет, подношение, известное как “золото королевы”^[566]. 25 августа французский посол отправился в Глостершир, чтобы сообщить об этом Генриху VIII. “о свидании двух королей”, но он остановился в шести милях от двора из-за того, что “французский купец”, следовавший за ним, умер по дороге от чумы. 4 сентября чума в Лондоне усугубляется нехваткой хлеба; “то, что было продано за ½д. ”когда вы были здесь, сейчас 1день". и это настолько затхлое блюдо, что скорее ядовито, чем питательно. 6-го числа сезон был неблагоприятным, и велика вероятность массового голода. 13-го лорд-канцлер останется в своем доме в Олд-Форде близ Стратфорда в связи с усилением эпидемии чумы в Лондоне; 3 ноября ему придется отправиться в Вестминстер со спикером и другими, чтобы отложить работу парламента, и он советует отложить рассмотрение дел до 4 февраля, а в судах - до кануна Дня Поминовения Усопших, к этому времени, из-за похолодания, эпидемия должна прекратиться. Пшеница и рожь были на отметке 16/- за квартал. Письмо из Эксетера от 17 сентября показывает, что опасность голода была велика и там^[567]. 23 сентября один из каменщиков, работавших в доме Кромвеля в Остин-Фрайарз, заболел чумой: в Хакни были похоронены три трупа [людей, нанятых в новом доме?] последний день Святого Матфея. В октябре король возвращается из Глостершира, но меняет маршрут из-за смерти в Шалфорде и четырех смертей в Фарнхэме. 24 октября епископ Винчестерский, направлявшийся в Париж, потерял своего слугу в Кале из-за сильной болезни, “которой он заразился, пробыв в Лондоне дольше, чем я хотел бы”: путешествие во Франции сопряжено с большими трудностями при “странной дождливой погоде”. В ноябре папа услышал, что Англия охвачена голодом и мором. Викарий Мач-Малверна пишет в ноябре (но, возможно, 1536 года): “С субботы я похоронил четырех человек, заболевших чумой, и мне нужно похоронить еще одного сегодня. Вчера я был в доме, где очень свирепствует чума”.

Болезнь, по-видимому, снова проявила себя в Лондоне уже в апреле 1536 года. 2 мая два джентльмена из Иннер Темпл умерли от болезни; 15-го аббат Йоркский написал, что его освобождают от посещения парламента “из-за чумы, которая посетила мой дом недалеко от Поулса [собора Святого Павла]”. Тем же летом в Шрусбери не смогли состояться выборы рыцарей в парламент от Шропшира, потому что в городе свирепствовала чума. В сентябре один из королевских визитов в аббатства, предшествовавший их ликвидации, не обнаружил в Сомерсете почти ни одного свободного от чумы места, и это сильно затруднило его работу. 27 сентября одна из многочисленных коронаций новых королей в правление Генриха VIII (на этот раз Джейн Сеймур наследовала Анне Болейн, обезглавленной в мае) была как бы отложена, “учитывая, что чума царила в Вестминстере, даже в аббатстве”. 9 октября в Дьеппе свирепствовала чума, предположительно завезенная из Рая. В Йоркшире герцог Норфолкский, посланный подавлять восстание в ноябре 1536 года, близко соприкоснулся с чумой; многие умирали от нее в Донкастере: “Там, где я и мой сын жили у монаха, десять или двенадцать домов были заражены на расстоянии вытянутой руки. В пятницу вечером жена мэра, две дочери и слуга погибли в одном доме”. Также погибли девять солдат. В Оксфорде свирепствовала чума, и

ученые уехали в деревню. В Лондоне 27 ноября было опасно оставаться в Линкольнс-Инн, “потому что в Городе ежедневно умирают”. В сентябре 1536 года небольшое эссе о чуме епископа Орхусского 14 века, которое распространялось в рукописи в средневековый период и было впервые напечатано в 1480 году, было переиздано в Лондоне, причем этот режим, как указано в названии, был “в последнее время применен и доказан во многих местах Лондонского сити, и те же самые люди были восстановлены и излечены”[568]. В 1537 году, по-видимому, было несколько случаев чумы в Шрусбери, из-за чего городской совет выплатил определенные деньги[569].

После 1538 года внутренние государственные архивы еще не составлены в такой полноте, чтобы выявить в них какие-либо упоминания о чуме. Следовательно, возможно, что четкий интервал с 1537 по 1542 год существует только внешне. Из доступных источников мы можем продолжить историю чумы вплоть до великой лондонской чумы 1563 года; но эта история скучна и разочаровывает после многочисленных конкретных упоминаний и деталей более раннего периода.

Лето 1540 года было болезненным по всей Англии[570]; это знакомит нас с другим и, возможно, новым типом болезни, “горячей лихорадкой” с “ласкесом” или дизентерией, о которой многое еще предстоит сказать в другой главе.

Именно в 1539 году начали вестись приходские метрические книги о рождениях, браках и смертях - по большей части очень нерегулярно, но в некоторых приходах с того года непрерывно. С их помощью мы можем отныне отслеживать наличие эпидемических заболеваний в стране, о которых, возможно, никто не подозревал или не считал вероятными. Так, в Уотфорде с июля по сентябрь 1540 года было совершено 47 захоронений, из которых 40 были связаны с “чумой”. В следующем году, в октябре месяце, захоронений было 14, что значительно превышало среднее число[571]. В 1543 году в Лондоне произошла “великая смерть”, которая продолжалась так далеко за зиму, что срок действия Михайловского закона пришлось провести в Сент-Олбансе[572]. Другая гражданская хроника добавляет, что прошлым летом была большая смертность; а из постановления Тайного совета явствует, что чума была в Лондоне уже 21 мая 1543 г.[573]. Следующее определенное доказательство чумы в столице относится к 1547 и 1548 годам. 15 ноября того же года было приказано прикреплять синие кресты к дверным косякам домов, пораженных чумой. В 1548 году, по словам Стоу, в Лондоне был “великий мор”, и викариям было дано указание не проводить похорон между шестью часами вечера и шестью часами утра и звонить в колокол в течение трех четвертей часа[574]. В письме от 19 июля говорится, что в Храме их посетила чума, и что она все еще продолжалась[575]. 28 августа Общий Совет объявил перерыв на две недели из-за свирепой эпидемии чумы[576].

Это лондонская информация за 1547 и 1548 годы, но было бы небезопасно делать вывод, что остальные годы, начиная с 1543 года, были свободны от чумы. В 1544 году он бушевал в Ньюкасле[577], в Кентербери[578] и в Оксфорде[579], где, наконец, он продолжался большую часть следующего года и считался “отбросами того, что произошло в 1542 году”. Это было распространено в Эдинбурге до 24 июня 1545 года[580]. В апреле 1546 года на борту венецианского корабля в Портсмуте произошла серьезная смертность, которая, возможно, была вызвана чумой, как в аналогичном случае в Саутгемптоне[581]. Осенью или в начале зимы того же года чума свирепствовала в Девоншире с такой силой, что уполномоченные по

проведению сборов были вынуждены отложить свою работу до тех пор, пока она не прекратится[582]. В городе Хаддингтон, который удерживался английским гарнизоном против крупных осаждающих сил французов и других, в 1547 году вспыхнула чума[583]. В 1549 году о болезни сообщили из Линкольна[584]. В письме от 23 ноября 1550 года говорится, что принцесса Мария была изгнана из Уонстеда одним из умирающих там от чумы[585].

В правлениях Эдуарда VI и Марии, полных беспокойств в других отношениях, едва ли сохранилось хоть одно упоминание о чуме. О потливой болезни 1551 года мы слышали достаточно; и о чумных лихорадках, или инфлюэнцах, в 1557-58 годах не совсем отсутствуют сведения; но о чуме вплоть до 5-го года правления Елизаветы (1563) сказано очень мало, и это немногое не лишено двусмысленности. Где-то в этот промежуток времени или еще раньше, должно быть, в Нортгемптоне разразилась эпидемия, достаточно сильная, чтобы потребовалось строительство нового кладбища, которое кардинал Поул в акте от 9 марта 1557 года приказал впредь держать закрытым[586]. Говорят, что только в двух из многочисленных очагов болезни в Англии в 1558 году была инфекция этого типа, но не лихорадки, а чумы, — в Лафборо и Честере. В лестерширском городке захоронений было достаточно для настоящей чумы, и причина смертности названа именно так[587]. В Честере также эту болезнь называют чумой, и добавляется, что многие бежали из города, хотя смертей было немного[588]. В государственном документе от 25 февраля 1559 года говорится о графстве Чешир как о “ослабленном из-за распространения чумы”[589].

Лондонская чума 1563 года.

Активность чумы в Лондоне в 1563 году компенсировала ее затишье в предыдущие годы. Эпидемия того лета и осени была одной из самых жестоких в истории города, а смертность по отношению к населению была огромной. Это первая лондонская чума, для которой у нас есть достоверные еженедельные данные о смертях. Как они были получены, не указано, но, вероятно, это было сделано теми же способами, что и счета о чуме за 1532 и 1535 годы. Джон Стоу, должно быть, имел перед собой полный набор еженедельных отчетов с начала июня 1563 года по 26 июля 1566 года, из которых, как известно, не сохранилось ни одного; но общее количество еженедельных смертей от чумы за весь этот период находится среди рукописных заметок Стоу в Ламбетской библиотеке[590]. После недели, закончившейся 31 декабря 1563 года, еженедельных смертей стало немного, во многие недели 1564, 1565 и 1566 годов был зафиксирован только один случай смерти от чумы, а в некоторые из них - ни одной. Ниже приведены еженедельные показатели смертности в тяжелый период эпидемии:

Недели, закончившейся			эпидемии чумы-умерших
1563.	12	Июня	17
	19	"	25
	26	"	23
	3	Июля	44
	10	"	64

17	"	131
23	"	174
30	"	289
6	Августа	299
13	"	542
20	"	608
27	"	976
3	Сентября	963
10	"	1454
17	"	1626
24	"	1372
1	Октября	1828
8	"	1262
15	"	829
22	"	1000
29	"	905
5	Ноября	380
12	"	283
19	"	506
26	"	281
3	декабря	178
10	"	249
17	"	239
24	"	134
31	"	121
1564.	7 января	45
	14 "	26
	21 "	13

Краткое описание этой эпидемии Стоу в его *Анналах* таково: “За весь тот же год, то есть с 1 января 1562 года [по старому стилю] до последнего декабря 1563 года, в городе и его окрестностях, состоящих из 108 приходов, умерло от всех болезней 20 372 человека, и от чумы, являющейся частью вышеупомянутого числа, 17 404; и в округах, прилегающих к тому же городу, а это 11 приходов, умерло от всех болезней за весь год 3288 человек, и из них от чумы 2732.” Еженедельные итоги с 12 июня по 31 декабря, которые относятся к городу и свободам, без учета приходов out, составляют почти общую сумму Stow за весь год, или 16 802 против 17 404. Место возникновения расхождения не указано; маловероятно, что около 600 случаев смерти от чумы произошли до второй недели июня, когда недельная смертность достигла всего

17. Мы можем проверить один из еженедельных итогов из независимого источника. В дошедшем до нас письме того времени приводятся следующие цифры за неделю с 23 по 30 июля, взятые, очевидно, из опубликованного еженедельного отчета: “Умерло и было похоронено в Лондоне и пригородах 399 человек, в основном молодые люди, из которых от распространенной чумы 320 человек. Количество детей, родившихся и крещенных на одной неделе, 52[591].” “Лондон и пригороды” означали бы 108 приходов Сити и либертис вместе с 11 другими приходами, так что разница между 289 в Стоу и указанными выше 320 даст количество смертей от чумы в других приходах за конкретную неделю.

Так описывается положение дел в городе в *Диалоге* Буллейна, опубликованном в 1564 году:—

Civis. — “Добрая жена, ежедневный звон колоколов, приход священника в каждый дом для совершения причастия, чтение проповеди о смерти, раскапывание могил, разбивание окон и сверкание синих крестов заставляют мое сердце трепетать”. В том же *диалогенищии*, приехавший из деревни, говорит:

“Я встретился с повозками, телегами и лошадьми, полными провианта с йонгом барнсом, опасаясь черной чумы, с коробками лекарств и сладких духов. О Боже! как быстро они бежали сотнями и боялись друг друга из-за страха перед кузнецом”.

Мы получаем одно или два представления об этой великой чуме с медицинской точки зрения в “*лихорадке*” доктора Джона Джонса[592]. Самым худшим населенным пунктом, по его словам, был “С. Приход Пулкара [Сент-Сепулькре] из-за множества фруктовых лавок, бедняков и вонючих переулков, таких как Тернагейн-лейн (названный так потому, что он вел вниз по склону к Флит-Дитч и заканчивался там), Сикоул-лейн и другие подобные места, в Лондоне умерло больше всего людей, и они быстрее всех заразились, и дольше всего это продолжалось, как я отметил, дважды с тех пор, как я узнал Лондон, это правда”. Джонс верил в заразу: “Я сам заразился по той причине, что, сам того не подозревая, поселился у человека, от которого это исходило”. Другое его наблюдение интересно как доказывающее возможность повторных приступов бубонов у одного и того же человека, наблюдение, полностью подтвержденное, как мы увидим, лондонскими эпидемиями 1603 и 1665 годов:

“Вот теперь, благородные читатели, я считаю нужным предостеречь всех, кто переболел чумой, что они обманывают доверие невежественных людей, которые обычно говорят, что тому, кто однажды переболел чумой, больше не нужно бояться заразиться ею: почему на этом примере, который я показываю (который был рассказан жене сертейна Бейкерса без Темпел барре в Лондоне, в 1563 году), вы увидите, что его стоит повторить: это высказывание вайфа был пляж в Мидсоммер, и в Варфоломеевский день, и на Михайлов День, и в первый раз, когда он остановился, во второй раз он остановился, но пробежал немного, в третий раз он появился и не остановился; но она умерла, несмотря на то, что была дважды исцелена”.

Два известных лондонских врача умерли от чумы в 1563 году. Одним из них был доктор Гейнс, который навлек на себя неприятности, поставив под сомнение авторитет Галена, возможно, без достаточных на то оснований. Будучи привлечен к ответственности перед Коллегией врачей, дисциплине которой он подчинялся, он предпочел отречься от своей ереси, а не подвергнуться тюремному заключению. Он умер от чумы 23 июля 1563 года. Другим был доктор Джон Фрайер, который дважды пострадал за религиозную ересь: был заключен в тюрьму королевой Марией как лютеранка и королевой Елизаветой как папистка. Он вновь обрел свободу в августе 1563

года, но только для того, чтобы умереть от чумы 21 октября, его жена и несколько его детей также стали жертвами эпидемии[593].

Стоу приписывает заражение лондонского сити чумой летом 1563 года возвращению английских войск из Гавра, город, который королева Елизавета смело пыталась удержать и фактически удерживала в течение десяти месяцев, с сентября 1562 года, как английскую крепость на территории Франции. Гавр был сдан только в последних числах июля 1563 года, и никакие возвращающиеся войска не могли добраться до Лондона до августа, к тому времени чума бушевала там уже два месяца. Несомненно, во время осады между Гавром и английскими портами существовало частое сообщение; но болезни в обоих местах могли быть не более чем совпадением. Таким образом, хотя за неделю с 5 по 12 июня в Лондоне было зарегистрировано 17 случаев смерти от чумы, 7 июня - это первая дата, когда поступило сообщение о болезни в Гавре, хотя случаи заболевания были и раньше. В тот день граф Уорик написал Тайному совету[594]: “Из-за нехватки денег работы затруднены, а люди обескуражены. Среди них распространилась странная болезнь, из которых девять умерли сегодня утром (и многие раньше) очень внезапно”. В тот же день (7 июня 1563 г.) некто пишет из Гавра Сесилу: “Многие из наших людей пострадали в этих стычках, но больше из-за употребления вина, от которого многие заболели горячительными болезнями и самозванцами, мало чем отличающимися от чумы”. К 9 июня количество смертей составляло от 20 до 30 в день. 12 июня заболели 442 человека из общего числа 7143 человек (включая рабочих и моряков). 16 июня Уорик указывает Тайному совету, что болезнь усугубилась из-за недостатка свежего мяса и обычных напитков солдат: “поэтому их постоянное употребление вина, вопреки их обычаю, породило эти расстройства и болезни”. 28 июня ежедневная смертность составляла 77 человек; с этой даты она несколько возросла и была настолько серьезной, что ускорила сдачу города французским осаждающим силам в конце июля. 27 июля в замке Джерси была чума, а 6 августа она была очень сильной на Джерси, особенно в Замке[595].

Жителям Лондона казалось бы более вероятным, что чума 1563 года была завезена через Ла-Манш из-за необычайно длительного иммунитета английской столицы к этой инфекции. Четкого промежутка в дюжину лет без эпидемии или серьезной эпидемии было достаточно, чтобы заставить людей забыть давнюю традицию одомашнивания чумы на английской земле; хотя в то время не было разработанной научной доктрины эпидемий, из которой они могли бы знать, что семена болезни могут годами дремать и что их периодическая эффективность зависит от благоприятного стечения обстоятельств, прежде всего от экстремальных периодов засухи или влажности времен года, влияющих на почву, полную разлагающихся животных веществ.

Чума 1563 года в столице сопровождалась несколькими вспышками в провинциях, о которых известно мало подробностей. Упоминается в Дерби[596] в 1563 году, в Лестере[597] в 1563 и 1564 годах (закрытый дом в 1563 году, первое захоронение от чумы в приходе Святого Мартина 11 мая 1564 года), в Стратфорде-на-Эйвоне, в Личфилде[598] и Кентербери[599] в 1564 году. Но это немногим больше, чем просто упоминается во всех этих местах. В приходской книге Хенсли, в Северном Райдинге Йоркшира, более поздний исполнитель, основываясь на “старой записи 1569 года”, говорит, что объяснение того, что 1563 год был пустым в книге, заключалось в том, что “в тот год эпидемия чумы была самой сильной и страшной, так что многие умерли и бежали, и город Хенсли из-за болезни долгое время не посещался”[600].

Профилактическая практика во время чумы при Тюдорах.

Проследив теперь историю чумы в Лондоне и провинциях вплоть до начала правления Елизаветы и обнаружив, что она из года в год на протяжении многих лет не ослабевала в Лондоне, время от времени вспыхивая ужасающими вспышками, мы, естественно, задаемся вопросом, были ли поняты ее причины или благоприятные для нее факторы и предпринимались ли какие-либо шаги для борьбы с ней. По сути, это будет обзор самой ранней профилактической практики.

То, что было наиболее ясно воспринято всеми, заключалось в том, что чума начинала свирепствовать в определенные годы по мере приближения летней жары, что воздух Лондона или Вестминстера становился “несдержанным”, или нездоровым, или заразным, и что было желательно убраться подальше от такого воздуха. Соответственно, единственное великое правило, признаваемое всеми и соблюдаемое всеми, кто мог, состояло в том, чтобы сбежать из зараженной местности, или, как Вулси выразил это графу Шрусбери в 1516 году, выйти “на чистый воздух”. Не было другого верховного предписания, кроме этого, и оно оставалось единственным великим предписанием до последней эпидемии чумы в 1665-1666 годах.

Трудные моменты казуистики возникли из этого устойчивого восприятия непреложного правила. Можно ли совместить бегство из пораженного чумой места с долгом перед ближним? Как должен вести себя христианин во время чумы? Христианская совесть могла быть или не быть чувствительной на этой почве в средневековый период; мало что указывает на то, так или иначе, за исключением случайных намеков, которые мы получаем, как, например, в трактате датского епископа, на нежелание приближаться к жертвам чумы. Но примерно во времена Реформации эти пункты казуистики обсуждались; и одно из тщательно продуманных изложений их в форме проповеди немецкого священнослужителя Осиандера было переведено на английский язык в 1537 году Майлзом Ковердейлом^[601]. Соответственно, это последовало за периодом эпидемии чумы в Лондоне, который занял первую часть этой главы. Переводчик отмечает, что они были небрежны в проявлении милосердия друг к другу, и он печатает эту речь “с намерением научить невежественных, укрепить слабость и дать каждому совет по своему призванию служить ближнему”.

Озадаченный христианин Осиандера находится во многом в том же положении, что и Ланселот Гоббо в пьесе: “Сдвинься с места”, - говорит дьявол; “Не двигайся с места”, - говорит моя совесть. “Совесть, - говорю я, - ты хорошосоветуешь”; “Дьявол, - говорю я, - ты хорошо советуешь”. “Ситуация, естественно, была сложной, и вот как выходит из нее хороший проповедник:

“Я не имею в виду запрещать кому-либо летать, или пользоваться лекарствами, или избегать опасных и больных мест в этом ужасном воздухе — постольку, поскольку человек не поступает там ни против веры, ни Божьей заповеди, ни против своего призвания, ни против любви к ближнему”. И еще, вскоре после этого: “Из-за такого нежного детского страха случается так, что не только некоторым больным приходится умирать без всякой опеки, помощи и утешения; но и женщины, сильно беременные, оказываются брошенными в своей нужде, или же к ним совершенно не приходит мужчина. Однако человек может также услышать, что дети оставляют своих отцов и матерей, и один член семьи держится подальше от другого и не проявляет к нему любви. Который, тем не менее, он был бы рад увидеть продемонстрированным самому себе, если бы у него возникла подобная необходимость”. Затем он призывает христианина оставаться

на своем посту, приводя примеры духовенства и “высших сил мира, которые также находятся в опасности” — конечно, не английский опыт. “Пусть он не руководствуется собственным разумом, как ему поступить, но верит и следует слову Божьему, которое учит его не летать по нечистому воздуху и не заражать места (что он вполне может делать: тем не менее, он все еще остается неуверенным, помогает это или нет)”. Недоумения христианина вряд ли могли быть разрешены, когда все было сказано; и следующее предложение настолько убедительно, насколько это возможно, обосновывает необходимость покинуть зараженное место: “Ибо, если бы это было в мясе или питье, от этого можно было бы отказаться; если бы это был неприятный привкус, его можно было бы изгнать со сладким привкусом; если бы это был злой ветер, поэтому комнату можно было бы тщательно закрыть; если бы это было облако или туман, его можно было бы увидеть и избежать; если бы это был дождь, человек мог бы прикрыться от него. Но теперь это тайное несчастье, которое подкрадывается незаметно, так что его нельзя ни увидеть, ни услышать, ни понюхать, ни попробовать на вкус, пока оно не причинит вреда”.

На практике действовало правило “Спасай, кто может”; так что всякий раз, когда инфекция обещала стать “горячей”, как выражались, парламент и суды закрывались, все, кто мог себе это позволить, бежали в страну и прерывались деловые, дипломатические и прочие контакты, которые иногда длились месяцами. Однако лишь изредка инфекция становилась по-настоящему острой; в обычные годы существовал определенный риск. Таким образом, в 1426 году чума была достаточно сильной, чтобы вырезать шотландских заложников; но только после их смерти королевский совет покинул город. И снова, в 1467 году, парламент не закрывал заседание (1 июля) до тех пор, пока несколько членов Палаты общин не умерли от чумы.

Хотя бегство было главной профилактикой в большой сезон чумы, оно было практически невозможно в обычные годы, когда инфекция находилась на более устойчивом или эндемичном уровне. Эндемический уровень был допустим до определенного момента. В длинном послании своему правительству венецианский посол в Лондоне следующим образом писал о чуме в 1554 году^[602]:

“У них в Англии почти каждый год какая-нибудь небольшая чума, против которой они не привыкли принимать санитарных мер, поскольку она обычно не сильно прогрессирует; случаи по большей части происходят среди низших классов, как будто их распутный образ жизни нарушил их конституцию”.

Всякий раз, когда чума проявляла признаки выхода за эти пределы, предпринимались энергичные усилия, чтобы держать ее в узде. Можно усомниться, имело ли все, что было сделано таким образом, какое-либо значение; крупные вспышки происходили с интервалами, достигали своего апогея, стихали через несколько месяцев и оставляли город более или менее свободным от чумы, пока какое-то совпадение обстоятельств или течение времени не вызывали новую эпидемию первой степени. Тем не менее, были приняты определенные меры для сдерживания распространения инфекции, и они вводились в действие с механической регулярностью всякий раз, когда Тайный совет сообщал лорд-мэру, что этого требуют обстоятельства. Сейчас будет дан краткий отчет о них, об их зарождении и развитии.

Первое, что мы слышим о попытках изоляции и уведомления, относится к 1518 году. В апреле того же года, когда Суд находился в Беркшире или Оксфордшире, сэр Томас Мор от имени короля потребовал от мэра Оксфорда и комиссара, “чтобы обитатели тех домов, которые будут заражены, держали в них клещи, выпускали их и носили белые розги, как ваша светлость

придумали для лондонцев[603]”. Под его Милостью следует понимать самого короля; и эти меры, разработанные им, — содержание в доме, тушение огней в домах и ношение белых прутьев — могли быть опробованы еще во время эпидемии 1513 года, которая была очень серьезной. Когда двое слуг венецианского посла умерли от чумы в 1513 году, их кровать, простыни и другие пожитки были выброшены в реку. 21 мая 1516 года посол переехал в Патни из-за случая чумы в его доме, и ему не разрешили увидеться с кардиналом Уолси до 30 июня, то есть до истечения сорока дней. Это, пожалуй, первое упоминание о карантине, который Суд строго применил на практике в отношении тех, кто имел к нему отношение. 22 июля 1518 года тот же посол написал в Венецию из Ламбета, что двое из его слуг недавно умерли от чумы; а 11 августа, снова из Ламбета, что король и Уолси не захотят его видеть из-за чумы; “но по истечении сорока дней, которые почти подошли к концу, он не откажется выполнять свой долг, как и прежде”.

25 августа 1535 года Шапюи в письме Карлу V. приводит забавный отчет о попытке французского посла увидеться с Генрихом VIII. и Кромвель по дипломатическим делам. Двор находился в Глостершире из-за эпидемии чумы в Лондоне и его окрестностях (это было также в Бристоле), и посол отправился туда, чтобы довести до конца свои дела. Однако он подошел не ближе чем на шесть миль, потому что “французский купец”, следовавший за ним, умер по дороге от чумы, как и опасались. Король попросил его изложить свое обвинение в письменном виде, но посол ответил, что у него есть приказ сообщить это лично и что он может подождать. В конце концов он подстерег министра Кромвеля в полях, куда тот отправился на охоту с герцогами Норфолком и Саффолком, и изложил свое обвинение, несмотря на явное нежелание Кромвеля, который ушел с импровизированной дипломатической беседы не в лучшем настроении.

Первый приказ о чуме, полный текст которого сохранился, был издан в 35-е годы правления Генриха VIII (1543). Поскольку в нем содержатся зачатки всей последующей профилактической практики, я привожу его полностью[604].

35 Курица. VIII. Предписание, выданное олдерменам: — Чтобы они приказали своим бидлам наложить крестное знамение на каждый дом, который должен быть поражен чумой, и продолжать там в течение сорока дней:

“Чтобы ни один человек, способный жить самостоятельно и заболевший чумой, не уезжал за границу или в какую-либо компанию в течение месяца после своей болезни, и чтобы все остальные, кто не мог жить без своего повседневного труда, насколько это в их силах, воздерживались от поездок за границу и должны в течение сорока дней после [неразборчиво] постоянно носить в руке белый жезл длиной в два фута:

“Каждый человек, чей дом был заражен, должен после посещения вынести всю солому и [неразборчиво] ночью в частном порядке вынести в поле и сжечь; они также должны нести одежду инфицированных в поле для лечения:

“Ни одна домработница не должна выносить заболевшего человека из его дома на улицу или в другое место, если только они не предоставили ему жилье в каком-либо другом доме:

“Что все лица, имеющие в своих домах каких-либо собак, кроме гончих, спаниелей или мастифов, необходимых для опеки или безопасного содержания их домов, должны немедленно вывезти их из города или приказать убить, вынести за город и похоронить на общем кладбище:

“Что таким, как гончие, спаниели или мастифы, не следует выпускать их за границу, а строго ограничивать:

“Чтобы церковные старосты каждого прихода наняли кого-нибудь, кто не пускал бы обычных нищих в церкви в святые дни и заставлял их оставаться без дверей:

“Что все улицы, переулки и т.д. внутри палат должны быть очищены:

“Чтобы олдермены добились того, чтобы это предписание читалось в церквях”.

Здесь мы видим развитие мер, которые были разработаны для Лондона Генрихом VIII. или его министром до 1518 года и, вероятно, во время чумы 1513 года. Огоньки, потушенные на зараженных домах, заменяются крестами, которые в приказе 1543 года называются просто “крестным знамением”. В следующий раз о них слышно во время чумы 1547 года в записи Ратуши от 15 ноября[605]:

“Пункт, поскольку, как только милорд Майер сообщил, что мой лорд Чонселар объявил хайму, что соизволение Милости моего Лорда Протектора и других лордов Совета, что во всех таких местах Города, которые в последнее время были украшены флагом, должны быть изготовлены и установлены определенные знаки открытия”, — говорится в сообщении. Следовательно, да будет предписано, чтобы определенный крест Святого Антония, созданный для этой цели, был прикреплен к крайнему столбу входной двери, чтобы его можно было использовать. остается в течение сорока дней после его установки.

Крест святого Антония был крестом без головы, а костыль, как предполагается, был нарисован (синим цветом) на холсте или доске и прикреплен к столбу уличной двери. Надпись под крестом или над ним гласила: “Господи, помилуй нас”. Перед чумой 1603 года цвет креста был изменен на красный.

Белые прутья, которые были изобретены вместе с пучками до 1518 года, упоминаются в приказе 1543 года как два фута длиной; их должны были носить в течение сорока дней те, кому необходимо было уехать за границу из пораженных чумой домов. Мы снова слышим о них, как во Франции, так и в Англии в 1580 и 1581 годах. 20 ноября 1580 года венецианский посол во Франции пишет из окрестностей Парижа: “Я слышал, что этот город находится в очень хорошем санитарном состоянии, несмотря на то, что, войдя в городские ворота, которые находятся недалеко от того места, где я живу, я встретил мужчину и женщину с белыми жезлами от чумы в руках и просящих милостыню; но некоторые полагают, что это была просто уловка с их стороны, чтобы заработать денег[606]”. В правилах борьбы с чумой, добавленных в 1581 году мэром Лондона к более раннему кодексу, третий пункт гласит: “Чтобы лица, проживающие в этом городе, не имели права в доме зараженным разрешается выходить за границу, если они не носят с собой белую палочку длиной в ярд; любой, кто совершит подобное правонарушение, будет посажен в Клетку”. Во время эпидемий семнадцатого века в Лондоне и провинциальных городах белый жезл сохранялся как своеобразный знак тех, кто обыскивал зараженные дома и нес умерших. Белый жезл, который носили обитатели зараженных домов, стал красным жезлом во время чумы 1603 года, точно так же, как синий крест был заменен на красный.

О других указах ордена 1543 года время от времени упоминается в последующей истории чумы — таких, как сжигание соломы и очистка улиц. В протоколе Гилдхолла от 15 ноября 1547 года, после указания прикреплять синие кресты к домам, говорится:

“А также сделать так, чтобы все колодцы и помпы в пределах их сейд-вардов извлекались три раза в неделю, то есть в понедельник, среду и пятницу. И опрокинуть в канель в эвери по меньшей мере столько ведер, полных воды, чтобы перекрыть улицы уитхоллом”.

При Елизавете, как мы увидим, приказы относительно сбора мусора стали гораздо более строгими. Во время чумы 1563 года, 29 сентября, Общественный совет назначил “двух бедняков сжечь и закопать столько соломы, одежды и постельных принадлежностей, сколько они найдут на полях близ города или в черте города, на которых кто-либо из пострадавших от чумы натер или покрасил их”[607].

Любопытный порядок в отношении собак был основан на вере в то, что они переносят инфекцию в своей шерсти, точно так же, как некоторые сейчас считают, что кошки переносят инфекцию в своей шерсти. Брэсбридж в своей книге *"Драгоценность бедняка"* (1578) приводит случай с перчаточником из Оксфорда, в дом которого, как предполагалось, была занесена ужасная инфекция от чумы через собачью шкуру, купленную в Лондоне[608]. Правила борьбы с чумой до последнего содержали пункт против собак; во время великих эпидемий 1603, 1625 и 1665 годов тысячи из них были убиты, многие из них, несомненно, остались позади при массовом бегстве состоятельных классов. В записях корпорации Винчестера[609] есть запись без даты, но, вероятно, относящаяся к концу 16 века, о том, что собак следует держать в помещении, “если какой-либо дом в городе окажется зараженным чумой”. Прокламация во время лондонской чумы 1563 года направлена как против кошек, так и против собак, “во избежание чумы”: “офицерам было поручено убивать и хоронить всех, кого они находили на свободе”[610].

Великая лондонская чума 1563 года возродила старые обычаи и дала начало некоторым новым. Викариям и церковным старостам было приказано предупредить обитателей домов, где произошла чума, не приходить в церковь в течение определенного времени после этого[611]. Синие кресты снова пользовались большим спросом, их заказывали сотнями одновременно в готовности прикрепить к зараженным домам[612]. Также мэр и городской совет распорядились убрать и унести “грязную навозную кучу, лежащую на шоссе недалеко от Финнесбери-Корт; и не допустить, чтобы какая-либо подобная навозная куча из Хенсфорта попала в Лейд”[613]. 9 июля 1563 года, когда чума свирепствовала уже несколько недель, королева в Совете отдала распоряжение, чтобы каждый домовладелец в Лондоне в семь часов вечера разложил дрова и разжег костры на улицах и в общественных местах. переулки, с намерением, чтобы они тем самым поглотили испорченный воздух, разводили костры три дня в неделю[614]. 30 сентября 1563 года было приказано закрыть двери и окна всех зараженных домов, а обитателям не выходить на улицу и не позволять никому приближаться к ним в течение сорока дней. В то же время было приказано собрать в церквях пожертвования на помощь беднякам, пострадавшим от чумы, и таким образом закрыть их. Другой приказ заключался в том, что на могилы тех, кто умер от чумы, должна быть нанесена новая плесень. Еще одним, первым из длинной серии, был запрет всех интерлюдий и пьес во время заражения[615]. 2 декабря, когда число смертей за неделю снизилось до 178, Общественный совет издал приказ о том, что дома, в которых побывала чума, не должны сдаваться внаем. 20 января 1564 года был отдан приказ о всеобщем

проветривании и уборке домов, постельных принадлежностей и тому подобного. К тому времени число смертей сократилось до 13 за неделю.

Самыми строгими мерами во время этой эпидемии были те, которые королева Елизавета приняла для своей собственной безопасности в Виндзоре в сентябре. Стоу говорит, что “на рыночной площади Виндзора была установлена виселица, чтобы вешать всех, кто прибудет туда из Лондона. Никакие товары не могли быть доставлены в Виндзор, или через него, или через Виндзор; и никто на реке мимо Виндзора не перевозил дрова или другие вещи в Лондон или из Лондона под страхом повешения без всякого суда; и те люди, которые получали какие-либо товары из Лондона в Виндзор, были изгнаны из своих домов, и их дома были запорты[616]”.

В 1568 году лорд-мэр составил более полный свод инструкций для олдерменов нескольких приходов, а соответствующий приказ для города Вестминстера - государственным секретарем сэром Уильямом Сесилом и канцлером герцогства. В 1581 году лорд-мэр издал несколько дополнительных распоряжений. Все это приведено здесь из государственного документа, написанного более поздним почерком, вероятно, времен Якова I или Карла I [617].

Собрание таких бумаг, которые находятся в канцелярии его Величества "Бумаги и отчеты по государственным делам по предотвращению и сокращению масштабов распространения чумы в Лондоне и его окрестностях".

А. (Лондонский сити, 1568 г.)

1. Сначала письмо от мэра Лондона каждому олдермену каждого округа с просьбой поручить своим заместителям графов и должностным лицам произвести обыск во всех зараженных домах в каждом округе.
2. Закрыть все зараженные дома и не выпускать оттуда ни одного человека в течение двадцати дней после заражения.
3. Назначить какого-нибудь честного, благоразумного человека для обслуживания каждого такого зараженного дома, чтобы обеспечить их всем необходимым за счет М^г дома, если он сможет.
4. Для зараженных бедных домов, которые олдермен или его заместитель могут обязать произвести сбор на поставку всего необходимого, который будет возложен на более состоятельные слои населения того же округа.
5. Те, кто откажется выплатить то, что они требуют, будут находиться под стражей до тех пор, пока они это не заплатят.
6. Все постельные принадлежности, одежда и другие вещи, способные заразиться, которые были при инфицированных людях, должны быть сожжены пчелами или приняты такие меры, чтобы они не могли усилить заражение.

7. Наконец, чтобы счет с надписью "Господи, помилуй нас" в большом количестве был вывешен над домом эвери, зараженным вирусом, и чтобы графы и бидлы позаботились о том, чтобы его не сняли.

Эти приказы были изданы мэром Лондона в 1568 году, после чего королева Елизавета написала письмо тогдашнему секретарю S^r Уильяму Сайсиллу и S^r Амбрусу Кейву, канцлеру герцогства, с просьбой принять аналогичный приказ или любой другой, который, по их мнению, уместен в Вестминстере.

Б. (город Вестминстер, 1568 г.)

Приказы, отданные S^r Уильямом Сайсиллом, секретарем, в качестве верховного управляющего Вестминстером и S^r Амбрусом Кейвом, канцлером голландии, Бейлиффам, Хедберроузам, графам и другим должностным лицам сейд Сити.

1. Что они должны следовать хорошему примеру приказов, разработанных и соблюдаемых мэром и олдерменами Лондона, и, кроме того, что все, кто имеет какие-либо дома, магазины или рубки, в которых была какая-либо инфекция, в течение двадцати дней до вынесения этих приказов должны закрыть все свои двери и окна, ведущие на улицы и общие переходы, на следующие сорок дней и не допускать, чтобы после начала болезни ни один человек выходил, ни кто-либо незараженный входил на пейн, что каждый нарушитель должен сидеть семь дней в тюрьме. запасы и после этого быть посвященным общей цели - отсидеть там сорок дней с первого дня своего пребывания в запасах.

2. Вышеупомянутые должностные лица вместе с викарием прихода эвери и церковными старостами должны собрать всех остальных прихожан, которые будут необходимы для пропитания тех, кто заразился пчелиной пурой и был закрыт.

3. Выписать всех заключенных из всех домов, чтобы в одном доме не было больше людей, тогда они будут принадлежать к одной семье, за исключением того, что они будут жильцами на короткое время.

4. Ежедневно приводить в порядок улицы, переулки и проходы, а также все водосточные желоба (?) и сточные канавы на них.

С. (Лондон, 1581 г.)

В 1581 году мэр Лондона добавил к предыдущим статьям следующие.

1. Особого внимания не следует уделять таким зараженным домам, которые продают ткани, шелка и другие изделия, а также изготавливают одежду и принадлежности для мужчин и женщин.

2. Что каждый человек, находящийся на своем участке, в любое время готов двух честных и осмотрительных женщин принять в любом зараженном доме.

3. Что ни один человек, живущий в доме, зараженном пчелой, не пострадал, если не возьмет с собой белую палочку длиной в ярд. Любое ГП, оскорбляющее пчелу, помещается в Клетку для повторного использования до тех пор, пока Майор или его собраты не отдадут приказ.

4. Чтобы они не допустили, чтобы кто-либо из умерших от чумы был похоронен во время богослужения или проповеди.

5. Назначить двух честных и благоразумных матрон в приходе эвери, которые поклянутся в верности обыскать тело каждого человека, который случайно заразится в том же приходе, с той целью, чтобы они достоверно сообщали клерку приходской церкви обо всех тех, кто заразится от чумы, чтобы тот же клерк мог составить аналогичный отчет и справку для надзирателей приходских клерков в соответствии с порядком, предусмотренным от их имени ранее.

Если зрители по милости или подкупу выдадут неправильный сертификат или откажутся служить для этого назначению, то наказать их тюремным заключением такого рода, которое может послужить для устрашения других.

6. Чтобы был отдан приказ убивать собак, которые бегают от дома к дому, распространяя чуму, и чтобы ни одна свинья не страдала и не содержалась в пределах города[618].

Некоторые из этих постановлений о борьбе с чумой действовали, как мы видели, примерно с начала века. Другие, до сих пор не упомянутые, также датировались более ранним периодом. Таким образом, сборы для бедных упоминаются в дневнике лондонского жителя в 1538 и 1539 годах, но не специально в связи с чумой. О них часто слышно после чумы 1563 года, наряду с другими пособиями для бедных, которые ознаменовали правление Елизаветы. Если мы можем доверять *Диалогу* Буллейна 1564 года, систематическое обеспечение стало необходимым, поскольку от частной благотворительности больше нельзя было зависеть. Во многих провинциальных городах и приходах, как мы увидим, взносы или компенсации обитателям закрытых домов во время елизаветинской эпидемии были выплачены из муниципальных фондов, либо из фондов пострадавшего места, либо какого-нибудь “не посещаемого” соседнего города. Актом парламента, который наиболее прямо предусматривал “благотворительную помощь лицам, зараженным чумой”, был 1-й Джеймс I. (1603-4), глава 31.

Наиболее важной частью средств борьбы с чумой был институт поисковиков[619]. В приказах от 1543 года олдерменам приходов предписывается послать своих бидлов для нанесения крестного знамения на пострадавшие дома. Но со временем эти обязанности по проверке, уведомлению, изоляции и регистрации перешли в Лондоне в руки Компании приходских клерков. Первоначально приходские клерки занимались церковной музыкой. В тринадцатом веке они получили устав о регистрации в качестве клерков Святого Николая и стали ассоциироваться с той любовью к хоровому пению, которая всегда отличала английский народ. Им достались наследства и пожертвования за совершение конкретных служб или за их поощрение в целом. Время от времени Компания появлялась в определенной приходской церкви, чтобы отслужить мессу. Это была уникальная история Труппы, получившей свое громкое имя в качестве Регистраторов рождений и смертей в Лондоне вплоть до принятия Закона о регистрации 1837 года, которая была не только первым хоровым обществом, но и первой труппой сценических исполнителей. В 1391 году, по словам Стоу, приходские клерки Лондона устроили спектакль у колодца Скиннеров близ Смитфилда, который продолжался три дня подряд в присутствии короля, королевы и знати королевства. Другая пьеса, в 1409 году,

длилась восемь дней, “и была посвящена материи от сотворения мира, на которой присутствовало большинство знати и джентри Англии[620]”.

Во времена сэра Томаса Мора приходской служащий означал того, кто пел в церковном хоре. Когда Мор был лордом-канцлером, герцог Норфолк однажды приехал отобедать с ним в его доме в Челси и, не застав его дома, отправился на его поиски. Он нашел его там, где потомки еще долго будут с удовольствием представлять его, — в церкви, “поющим на хоре с наброшенным на спину стихарем”. Когда они шли домой рука об руку, герцог сказал сэру Томасу Мору: “Приходской клерк! приходской клерк! Боже правый, милорд канцлер, вы позорите короля и его должность”, — на что канцлер ответил так, как будто не воспринимал герцога всерьез.

Вся компания приходских клерков в те времена присутствовала на похоронах какого-нибудь богатого человека, о чем мы можем прочесть в дневнике Мэчина, владельца похоронного бюро шестнадцатого века (иногда компанию, выбранную для сопровождения тела к могиле, выбирали Чэндлеры, как в случае с матерью Джона Стоу). Переход от их старых обязанностей к новым не был большим шагом. Как мы видели, еще в 1532 и 1535 годах еженедельно составлялись списки умерших для всех приходов города и свобод. Не сказано, что приходские клерки собирали информацию, но они, скорее всего, были таковыми, как и любые другие лица, которых нанимал мэр. Счета также составлялись в течение нескольких недель во время потливости в 1551 году и снова в течение непрерывной серии продолжительностью около двухсот недель с начала чумы 1563 года. Цифры сохранились из единственного еженедельного счета за 22-28 октября 1574 года, который, должно быть, был одним из серии[621]. Следующие известные законопроекты — это серия законопроектов за пять лет, 1578-83 гг., период чумы, о котором подробнее будет сказано в надлежащем месте хронологии.

В уже приведенных приказах 1581 года упоминается о двух благоразумных матронах в каждом приходе, которые поклянутся верно обыскивать тело каждого человека, который умрет в том же приходе, об их отчете клерку прихода и о том, что клерк составляет отчет и справку надзирателям приходских клерков, которые будут еженедельно отправлять справку по всем приходам мэру, а тот — государственному министру. Было сказано, что это было сделано “в соответствии с ранее предоставленным распоряжением от этого имени”. Следовательно, вполне вероятно, что поисковики стали институтом еще во время чумы 1563 года или, во всяком случае, в начале периода чумы 1578-83 годов.

Клерк Компании в 1665 году описывает, как благоразумные матроны были выбраны в качестве поисковиков или смотрительниц мертвых в каждом приходе, и как они поклялись добросовестно выполнять свои обязанности[622]. Приведение к присяге состоялось перед настоятелем Арки, то есть в церкви Сент-Мэри-ле-Боу (“Святая Мария Арки”) в Чипсайде. Мотивом для подкупа за неверное сообщение о причине смерти было желание избежать заключения под стражу и всех других неприятностей в семье, объявленной зараженной чумой. В более поздние времена их диагностические обязанности, как мы увидим, стали намного сложнее; но вплоть до 1604 года, когда они впервые принесли в зал приходских клерков “отчет о болезнях и потерях” (классификация и номенклатура которых начали печататься только в 1629 году), они должны были просто сказать, была ли смерть вызвана чумой или другой причиной.

Санитария во времена Плантагенетов и Тюдоров.

Наряду со всеми этими средствами, имевшими целью остановить распространение инфекции, елизаветинская политика не пренебрегала тем, что мы сейчас должны считать более радикальными средствами санитарии. Всем старым временам принято выдвигать огульные обвинения в пренебрежении общественной гигиеной; в те времена было так много чумы и так высок средний уровень смертности, что принято считать, что нашим предкам, должно быть, не хватало элементарных инстинктов чистоты. Но, во-первых, можно было бы ожидать обнаружить, что не все старые периоды были одинаковыми; и в более общем плане стоит поинтересоваться, насколько терпимо относились к неприятностям, наносящим вред общественному здоровью. Это исследование должно быть как можно более кратким, но оно вернет нас к периоду эпидемии чумы, описанному в предыдущей главе.

Неприятности, безусловно, существовали в средневековом Лондоне, но столь же очевидно, что они не допускались безгранично. Я собрал в заметке случаи, о которых сообщалось при посещении 17 Эдуарда III. (1343), и при обходе территории за стенами в 26 Эдуарда III. (1352). Первое относилось только к переулкам, ведущим вниз к реке, которые, вероятно, были достаточным местом для беспокойства, как тогда, так и сейчас[623].

Существует несколько орденов Эдуарда III. связанные с удалением опалубки и содержанием городского рва в чистоте, которые, конечно, показывают, что имело место пренебрежение, но в то же время есть желание это исправить. Более того, очевидно, что связь между неприятностями и общественным здоровьем была четко осознана. О санитарных доктринах нового времени никто и не мечтал; да и обстоятельства в целом не требовали их. Канализация в те дни представляла собой насыпные водные потоки, или “берега”, как произносили это слово, которые непокрытыми сбегали по различным склонам города к городской канаве и к Темзе. Их хватило бы, чтобы унести отбросы населения численностью около сорока-шестидесяти тысяч человек; во всяком случае, они были свободно доступны для величайшего из всех очищающих веществ - кислорода воздуха; и они не отравляли ни воду городской канавы (которая на памяти Джона Стоу изобиловала превосходной рыбой), ни воды Темзы. Со временем все лондонские ручьи были засыпаны, даже сама Флит-даик, по которой раньше плавали баржи до Холборн-бридж; но кто скажет, что впоследствии они стали более полезными, хотя и находились под землей? Возможно, поэт *Земного рая* обладает столь же верной интуицией, как и любой другой, когда, ссылаясь на город времен Чосера, он предлагает нам

“Мечтай о Лондоне, маленьком, белом и чистом;
Прозрачная Темза, окаймленная зелеными садами”.

Неприятностью, доставлявшей больше всего хлопот в средневековый и тюдоровский периоды, были кровь и отбросы шамблов. Несколько указов Эдуарда III. направлены против этого, в одном из которых (1371) четко указывается на связь между гниющей кровью, впитавшейся в землю, и инфекционным заболеванием. Это также основная тема первого санитарного акта, который фигурирует в Статутах Королевства, принятых парламентом Кембриджа в 17 веке правления Ричарда II. (1388), преамбулу и положения которого я привожу:

“Пункт о том, что такое большое количество навоза и Нечистот из Отбросов и Внутренностей, а также убитых Животных, а также других Загрязнений выбрасывается и помещается в Канавы, реки и другие Водоемы, а также во многих других Местах в пределах различных Городов,

Округов и Поселков Королевства и их Пригородов, что воздух там сильно испорчен и заражен, и многие болезни и другие невыносимые заболевания случаются ежедневно”, как для жителей, так и для гостей: — поэтому в Лондонском сити, как и в других городах, должно быть объявлено города, поселки и поселяночки “чтобы все, кто бросает и откладывает все подобные Неприятности, Навоз, Мусор, Внутренности и прочий Навоз в канавы, реки, водоемы и другие места, убирали их, избегали и уносили в период между этим и следующим праздником Святого Михаила”, под штрафом в двадцать фунтов, мэры и судебные приставы должны принудить к повиновению. Такие правонарушения не должны были повторяться, и если кто-либо из них действительно оскорблял, он мог быть вызван к канцлеру “по его иску, который будет обжалован”[624].

Несмотря на этот устав, развалины в приходе Святого Николая в Ньюгейте (примыкающем к территории, ныне занятой госпиталем Христа, а ранее - Серыми монахами) стали устоявшимся учреждением города. Они были предметом петиции в парламент в 1488-9 годах, и они все еще были там, чтобы дать повод в 1603 году к резким замечаниям Томаса Лоджа, поэта и врача, который практиковал на Уорик-лейн, в непосредственной близости от них. Следует заметить, что Закон 1388 года должен был быть приведен в действие “по иску того, кто подаст жалобу”, так что в нем было немногим больше, чем извечное средство от неприятностей в сфере общего права.

Правление Генриха V. По-видимому, было отмечено заботой об общественном здравоохранении, возможно, не большей, чем во времена Эдуарда III, но исключительной, по крайней мере в записях, при поздних Плантагенетах и до восшествия на престол династии Тюдоров. Среди других свидетельств (некоторые из которых можно почерпнуть из *Изобора Стоу*) есть постановление 1415 года (3 ст. Ст.) против неприятностей на болотах, за стеной и рвом на стороне Финсбери. Пустошь была, по словам Фитцтивена, “большим болотом, которое омывает стены с северной стороны”. В 1415 году в нем было “общее отхожее место”, и “болезни возникали из-за ужасной, испорченной и зараженной атмосферы”, исходящей оттуда[625]. Был отдан приказ о его демонтаже, и в том же году (1415) через болото были построены шоссейные дороги, одна к Хокстону, а другая к Ислингтону. Ров на всем протяжении от Тауэра до Блэкфрайарса был расчищен годом ранее (1414).

Можно процитировать другой статут, 3 Генриха VII (1488-9), глава 3, чтобы показать, что бойни были главной помехой, что их воздействие на здоровье воспринималось (как во времена Эдуарда III) и что было необходимо апеллировать к личной заинтересованности короля в этом вопросе в качестве мотива для возмещения ущерба.

Петиция к королю от прихожан церковей Святой Веры и Святого Григория в Лондоне, недалеко от собора Святого Павла.

“Что именно поэтому собрание людей греды, а также его Королевской персоны, как и других лордов греды и государств с другими ее истинными подданными, часто посещалось в упомянутой церкви Кафедрального собора и, по большей части, через весь вышеупомянутый Париж, история которого часто облагораживается и изобретается продажными людьми, порожденными в упомянутых Парижах кровавыми и прочими хищениями фаулеров, резней из бестеса и скальдинга, из суайн-хада и дуна, в бохерии сэнта Николаса Флессхамлса, чье разложение из-за насилия над некрашеными и гнилыми водами разносится по упомянутым приходам и охватывает две части Пале-рояля, где самый знатный человек Кинга не желает

оставаться, когда он приходит в кафедральный собор, чтобы совершить там какое-либо действие, в Джубардауз [опасный] абидин его самой благородной персоны и нашей грете эннуасонс из тамошних парижанок и из других подгеток и страунджеров Кинг, которые прошли мимо того же;

Дополните это во все времена года почти на протяжении XVI века, а также с помощью Часовен и мелких часовен упомянутого кафедрального собора, который находится там, в Лондоне ... представлен мэру и олдерменам города; и ноо ремеди так и не был найден.

... Принимая во внимание, что в немногих благородных городах или поселках вообще нет в христианском мире, где трудились люди-путешественники, что скотобойня бестис шольде должна храниться в одном особом месте в пределах одной и той же стены, чтобы это не привело к гибели людей ”.

Король и т.д. “предписано и утверждено, что ни один Бродяга не будет спать в упомянутом доме под названием ”Скальдингхаус” или в стенах Лондона”.

И то же самое “в эни-Читте, Бурге и Тауне, окруженных стенами в пределах королевства Энглонд, и в Тауне Кембридж, за исключением Таунов Бервик и Карлайл”.

Популярное знание и вера в высокую доктрину заражения любопытно демонстрируются условиями Закона, касающегося обойщиков в 1495 году (II Глава VII, глава 19).

Закон был направлен на предотвращение продажи кроватей, перин, валиков и подушек на рынках за пределами Лондона, “неподконтрольных Ремеслу Апхолдеров”. За пределами ремесла обычно предлагался некачественный товар, что одновременно снижало хороший и достойный уровень и представляло опасность для здоровья. Существовало два вида испорченных постельных принадлежностей, “заразных для организма мэнни щелоком”: во-первых, ошпаренные перья и сухие выдернутые перья вместе; и, во-вторых, скопления и перья вместе. Кроме того, стеганные одеяла, матрасы и подушки, набитые конским волосом, болотным пухом, опрятной шерстью, оленьей шерстью и козьей шерстью, “которые изготавливаются в лайм-фаттес”, под воздействием тепла человеческого тела придают запах, настолько отвратительный и заразительный, что многие подданные короля были уничтожены из-за этого. Эти испорченные и незаконные материалы и изделия действительно могут быть изготовлены любым лицом или отдельными лицами для их собственного надлежащего использования в своих домах, поэтому они не должны предлагаться для продажи на ярмарках или рынках.

Правление Генриха VIII. не отмечено никакими указами или актами по сдерживанию распространения чумы или подобных заболеваний с помощью других мер, кроме карантина. Общий ров между Олдгейтом и задней частью Тауэра был расчищен в 1519 году по распоряжению города; в 1540 году был расчищен торфяной ров, а незадолго до этого - ров от Тауэра до Олдгейта. В 1549 году ров был снова расчищен за счет городских компаний[626]. В апреле 1552 года Джон Шекспир, отец поэта, гражданин Стратфорда-на-Эйвоне в хороших обстоятельствах, а впоследствии мэр города, был оштрафован на двенадцать пенсов (от восьми до десяти шиллингов по текущей стоимости) за то, что не убрал кучу домашней грязи и отбросов, скопившихся перед его собственной дверью[627]. В записях округа Ипсвич[628] мусорщики упоминаются в 32-м году правления Генриха VIII. (1540): они были избраны в каждом приходе, и скопления мусора было приказано переносить и складывать в четырех местах, а именно: Уорик Питтс, во дворе колледжа, за канавами рядом с Джоном

Херном и дамбами на болоте. Когда королева Елизавета посетила Ипсвич (в 1561, 1565 и 1577 годах), она оценила не только распущенность духовенства в их поведении, но и гражданские власти по грязному состоянию улиц. “Заметное улучшение, - говорит местный историк, - несомненно, имело место в Ипсвиче в этот период, о чем неоспоримо свидетельствуют постоянные призывы и обнаружение законов о сохранении чистоты”.

В *Описании и отчете о городе Эксетер*, написанном Джоном Воуэллом, или Хокером, управляющим городом и членом парламента от него в царствование Елизаветы[629], мы находим следующее о должностях и обязанностях мусорщиков “как в старину”.

Это “необходимые офицеры, в которых не может быть недостатка ни в одном хорошо управляемом городе, потому что благодаря им и их службе все, что вредно для здоровья человека и наносит ущерб состоянию всего содружества, доводится до сведения магистрата, и поэтому они являются средством их устранения. И потому их называют Мусорщиками, как говорят Продавцы шампуров или Рекламодатели, ибо так звучит это слово.” Среди прочих обязанностей на них лежал надзор за тротуарами, которые подметались еженедельно, за бойнями, навозными кучами и тому подобным, за опасными зданиями и посягательствами на улицы, за дымовыми трубами и мерами предосторожности против пожаров (у дверей должны быть наготове бадьи с водой, чтобы тушить пожары и очищать улицы); а по воскресеньям они должны были сопровождать мэра Эксетера в церковь Святого Петра.

Эти муниципальные чиновники исполняли свои обязанности, говорит автор елизаветинской книги, “как в старину”; из чего мы можем заключить, что некоторые подобные правила существовали с довольно ранних времен. Мусорщики упоминаются Стоу в конце его отчета о каждом городском округе вместе с другими офицерами. Мы уже видели из судебных списков поместья Касл-Комб за 1427 год, что жители деревни были оштрафованы или получили предупреждение за создание помех. Внезапное возрождение такого рвения в замке Комб в 1590 году, возможно, было связано с энергичной санитарной политикой правительства Елизаветы:

И что жители Западной улицы уберут донжон или филт в доме Джона Дэвиса незадолго до следующего праздника сэйнтаю Эндрю Тейпостелла, и что они больше не будут лежать там в радиусе x футов от вей, южнее поэны III века н.э.

“И чтобы никто не оставлял пыли или какого-либо другого следа в доме Вэй или питте под домом Кристофера Беса, до конца XII века н.э.”

“И что никто не будет жить ни в церковном дворе, ни на какой-либо из наших улиц, ибо каждый дефолт приведет к потере xii г.

“И что перчаточник не должен стирать скайнов и не бросать никакой другой грязи или сои в водопровод возле своего дома, к югу от поэны x s[630]”.

Между двумя примерами санитарных мер, приведенными во дворе поместья Касл-Комб, прошел интервал в полтора столетия; но нет оснований полагать, что традиция общей чистоты когда-либо полностью исчезла в этой или в какой-либо другой деревне или городе страны.

Некоторую часть довольно несправедливого мнения о мерзости английской жизни в прежние времена можно проследить по хорошо известному письму Эразма врачу кардинала Вулси. Есть

основания полагать, что Erasmus, должно быть, судил на основе несколько неблагоприятных примеров.

“Мы читаем о городе, ” говорит Эразм, “ который был освобожден от постоянной чумы благодаря изменениям, внесенным в его здания по совету философа. Если я не ошибаюсь, Англия может быть освобождена подобным образом”. Затем он переходит к недостаткам английских домов и предлагает улучшения. Дома были построены с слишком малым учетом положения их дверей и окон по отношению к солнцу. Опять же, большая часть их стен заполнена стеклами, пропускающими свет таким образом, чтобы не пропускать ветер, и в то же время пропускающими через щели окон воздух, как будто напряженный или просачивающийся, и тем более пагубный из-за длительного застоя. Эти недостатки он исправил бы, если бы две или три стороны дома были обращены к небу, а все застекленные окна были сделаны так, чтобы они полностью открывались или закрывались, и были бы закрыты так, чтобы не было доступа вредных ветров через зияющие швы; ибо если иногда полезно впускать воздух, то иногда полезно и не допускать его наружу. Внутри домов, по словам Эразма, он видел шокирующее состояние вещей— полы, покрытые наваленным тростником, новое поверх старого, в течение двадцати лет никто не убирался, загрязненные всевозможной грязью, пролитым пивом и остатками рыбы, отхаркиванием и рвотой, экскрементами и мочой[631]. Здесь мы явно имеем дело с интеллигентным иностранцем. С другой стороны, еще во времена правления Ричарда I. Англичане, по-видимому, противопоставляли свои личные привычки привычкам других наций, примерно так же, как сейчас это делает летний турист. Говорят, что английская молодежь путешествует по Европе с одной фразой на устах: “Иностранцы не моются”. Ричард Девизес подразумевает примерно то же самое. Франкскому юноше советуют, где поселиться в Англии. Винчестер выбирается путем исключения других городов один за другим. Бристоль, например, был полностью отдан мыловарам: все в Бристоле были либо мыловарами, либо вышедшими на пенсию мыловарами; “а франки любят мыло так же сильно, как мусорщиков”[632].” Тогда мы можем объявить о расставании с Эразмом, стоя на устланном камышом полах. Ясно также, что застекленные фасады английских домов, против которых он возражал, являются той самой их особенностью, которой гордился сэр Томас Мор; в этом смысле, как и в других внешних вещах, Лондон его времени, как столица Утопии, казался ему оставляющим желать лучшего, его главными объектами для замечаний были беспорядок и нехватка больниц для больных[633].

Таким образом, когда мы пытаемся прояснить смысл наших довольно неоднозначных представлений о нездоровой жизни прежних времен, мы должны чувствовать себя вынужденными снять большую часть обвинений в том, что к неприятностям относились терпимо или пренебрегали уборкой мусора. Больше всего правительство Елизаветы отличалось энергичностью в своих попытках обуздать чуму не только карантинными мерами, но и радикальной санитарией.

Королева Елизавета и ее Совет были сбиты с толку продолжением эпидемии чумы в Лондоне в 1581-82-83 годах; инфекция шла своим чередом, несмотря на все усилия “искоренить ее”, так что письма лордов Совета мэру начинают приобретать несколько ворчливый и нетерпеливый тон[634]. На письмо с протестом от 21 сентября 1581 года мэр ответил на следующий день, что были приняты все меры предосторожности. 22 марта 1582 года мэр заявил Суду, что у кожевника, живущего недалеко от Флит-Бриджа, в доме была чума, что его дом был заперт, и ему запретили выходить; тем не менее, он имел доступ ко Двору с предметами своего искусства,

как для королевы, так и для ее домочадцев. 1 сентября 1582 года, когда эпидемия чумы значительно усилилась, как явствовало из свидетельств о количестве умерших за последнюю неделю, Тайный совет проинформировал мэра, что это произошло частично “из-за небрежности в поддержании улиц и других мест в городе в чистоте, и частично из-за того, что дома, где была обнаружена болезнь, не были закрыты и на дверях не были нанесены метки; но главным образом из-за несоблюдения приказов о предотвращении заражения, ранее разосланных им Советом”. В тот же день мэр прислал ответ о том, что были приняты все меры предосторожности: улицы убирались через день; приходским клеркам было поручено следить за закрытием зараженных домов и наклеивать на двери бумаги; он также назначил нескольких своих сотрудников ездить по городу, чтобы посмотреть и сообщить ему, было ли сделано все это.

Совет настолько верил или делал вид, что верит, что мэр сможет справиться с чумой, если будет выполнять их приказы, что они использовали отсрочку судебных заседаний как угрозу для города. 15 октября было объявлено, что Семе́стр состоится в Хартфорде, и всем обитателям зараженных лондонских домов было запрещено возвращаться туда с товарами, провизией и т.д.[635]. Затем, в январе 1583 года, следуют письма, касающиеся неосуществимой попытки Тайного совета напечатать список всех гостиниц и таверн, которые были заражены в течение последних двух месяцев. Мэр составил каталог, который был объявлен слишком длинным. 21 апреля 1583 года заражение значительно усилилось, и лорды Совета снова призвали мэра закрыть зараженные дома и предусмотреть питание и содержание их обитателей. Они хотели выразить удивление ее величества по поводу того, что за пределами города, в каком-нибудь отдаленном месте, не было построено ни одного дома или больницы, куда можно было бы перевезти зараженных людей, хотя в других городах менее древней эпохи, славы, богатства и репутации были созданы такие места, благодаря которым жизнь жителей во все времена заражения была в основном сохранена. Мэр 3 мая написал, что Суд олдерменов опубликовал приказы о приостановлении эпидемии; но что они были сравнительно бессильны до тех пор, пока толпы людей самого худшего сорта приходили смотреть спектакли, травлю медведями, фехтование и непристойные зрелища в театре, за занавесом и в других подобных местах.

Чума шла своим чередом, совершенно не затронутая, насколько можно судить, всеми испытаниями. Одна вещь, которая не была затронута санитарной политикой, была, вероятно, более важной, чем все остальное, для продолжения распространения чумы — утилизация мертвых. Теоретическая важность, придаваемая этому как первоначальной причине чумы, была признана в главе о Черной смерти. Здесь мы должны увидеть, как теория о том, что это благоприятствует продолжению инфекции, согласуется с фактами в таком городе, как Лондон, при Плантагенетах и Тюдорах.

Избавление от Мертвых.

Заочное погребение было одной из самых почитаемых практик христианского мира до тех пор, пока слово “заочное” имело буквальное значение. Отсюда правильность использованных образов Духовного Города:

“Работать и бодрствовать, пока мы не успокоимся за твоими стенами”.

Вероятно, каждая из ста двадцати небольших приходских церквей Лондона средневекового периода стояла на своем маленьком церковном дворе. В такое исключительное время, как "Черная смерть", их оказалось недостаточно для ежедневных похорон: три новых кладбища были огорожены и освящены за пределами городских стен — два из них в Смитфилде и другое в Олдгейте. Все это вскоре перешло в руки монахов и стало территорией монастырей. Церкви или погосты монастырей пользовались большим спросом для погребения, но не для обычных захоронений или для захоронений во время эпидемии. "Видение Пирса Пахаря" достаточно ясно показывает, что монахи не придавали большого значения своим обязанностям; они заботились о мертвых, но только если им хорошо платили:

“ Потому что я сказал, что буду похоронен не в их доме, а в моей приходской церкви. | Ибо однажды я слышал, как совесть говорила, | что там, где человек был крещен кинде [природой], он должен быть похоронен, | или там, где он был прихожанином, прямо там он должен быть похоронен. | И за то, что я сказал это монаху, дураком они меня держали | и любили меня еще меньше за мою речь на леле | ... Я очень восхищаюсь вами, как и многими другими, | почему ваш монастырь жаждет исповедовать и хоронить |, а не крестить детей, которые становятся оглашенными ”.

Причина, по которой монахи уделяли так много внимания погребениям, заключалась в том, что эти обряды были наиболее прибыльными:

“И как эти фриры последовали за фольке, который был богат | и фольке, который был беден, по небольшой цене, которую они заплатили, | и ни один корпус в их кирке не был похоронен в их кирке | но быстро он завещал им что-либо или должен был помочь расплатиться с долгами”.

Таким образом, монахи в городах, по-видимому, в такой же степени нуждались в захоронении мертвых на своей территории, как и монахи в сельской местности, причем и те, и другие одинаково забирали определенную часть этой обязанности из рук обычного приходского духовенства. Следовательно, мы можем отнести довольно много захоронений, возможно, в основном представителей более богатого класса, как в длинных списках монастырских захоронений Стоу, к различным районам Уайтфрайарс, Блэкфрайарс, Грейфрайарс (в пределах Ньюгейта) или Младших братьев (Минори), картузианцев или других поселений религиозных орденов в сити и либерти Лондона. Не исключено, что узкие места для захоронений внутри и вокруг старых церквей на улицах и переулках города уже были переполнены, и что монахи, естественно, взяли на себя значительную долю похоронного дела, потому что их освященные дома и огороженная территория были расположены там, где было больше всего места, а именно в пределах Вольностей или в пустых местах внутри стен.

Приходских погостов внутри городских стен стало недостаточно не только из-за поколений умерших, но и потому, что на них посягнули. В 1465 году кладбище Сент-Мэри-ле-Боу в Чипсайде было настолько застроено жилыми домами, что Джон Ротам или Родэм, гражданин и портной, по своему завещанию передал пастору и церковным старостам некий сад на Хосьер-лейн под церковный двор; который, по словам Стоу, просуществовал так почти сто лет, но теперь застроен и является домом частного человека^[636]. Подобным же образом колония брабантских ткачей поселилась на кладбище церкви Святой Марии Сомерсет, а большой дом графа Оксфорда стоял на кладбище церкви Святого Суизина, недалеко от Лондонского камня.

Дед Джона Стоу распорядился похоронить его тело “на маленьком зеленом кладбище приходской церкви Святого Михаила в Корнхилле, между крестом и церковной стеной, как можно ближе к стене”. За несколько лет до 1582 года целых 23 городских прихода использовали кладбище Святого Павла для своих умерших, расставшись со своими собственными могилами. Но в том году (письмо от 3 апреля 1582 г.[637]) число приходов, которым было предоставлено право пользоваться церковным двором Святого Павла, сократилось до 13, причем десять ограниченных приходов были предоставлены на кладбище, подаренном городу в 1569 году сэром Томасом Роу за пределами Бишопсгейта, “для удобства тех приходов в Лондоне, которые хотели иметь удобную территорию внутри приходов”. Состояние кладбища Святого Павла можно представить по словам протестующего, сделанного два года спустя, в 1584 году: “Захоронений так много, а из-за прежних захоронений они такие неглубокие, что едва ли можно было сделать хоть одну могилу без вскрытия трупов[638]”. За двадцать лет до этого, в 1564 году, или через год после последней великой эпидемии, с которой мы имели дело, Медикус, один из выступающих в *диалоге Буллейна о лихорадочном море*, упоминает “множество могил на каждом церковном дворе и огромные кучи гнилых костей, о которых мы не знаем, насколько они были богаты или бедны при жизни”.

Кладбище церкви Святого Павла, по-видимому, с самого начала принимало умерших из разных приходов. С северной стороны находился большой склеп для захоронения костей умерших, а над ним - часовня, посвященная Пресвятой Деве и освященная в 1282 году. Стоу говорит, что часовня была снесена в 1549 году и что “кости умерших, сложенные в склепе под часовней, были перевезены отсюда на Финсбери филд, по словам того, кто заплатил за перевозку, составившую более тысячи повозок, и там положены на мавританскую землю, вскоре после того, как на них была нанесена городская грязь, чтобы нести три ветряные мельницы. Часовня и склеп были превращены вместо гробниц в жилые дома, склады и навесы для канцелярских товаров”. В другом месте он называет Рейна Вулфа, продавца канцелярских принадлежностей, человеком, который заплатил за перевозку костей и “который рассказал мне о нескольких тысячах грузов, которые необходимо перевезти”. Из этого мы можем сделать вывод, что могилы систематически опустошались по мере того, как хоронили каждый новый труп, в соответствии с принципом “кратковременного использования земли”, который вновь отстаивается в конце 19 века Ассоциацией похоронной реформы Англиканской церкви.

Места, отведенные для захоронений вокруг новых приходских церквей в Либертис, таких как Сент-Сепулькрес и Сент-Джайлс в Крипплгейте, постепенно сокращались и были сданы приходом в аренду под здания. Стоу в своем *Обзоре* 1598 года говорит, что церковь Святого Гроба Господня стоит “на прекрасном церковном дворе, хотя и не таком большом, как в прежние времена, поскольку то же самое отдано в аренду под постройки и садовый участок”. Записи Сент-Джайлса, Крипплгейт, показывают, что в 1648 году приход получал арендную плату за отдельные участки церковного двора[639].

Возьмем, к примеру, все еще сохранившиеся кладбища нью-сити: старые приходы Сент-Юин и Сент-Николас во Плоти XV века были объединены в приход Крайст-Черч в Ньюгейте, который под этим названием похоронил многих, как мы можем прочитать в *обзоре* Стоу. Наконец его могильник был заполнен, и он приобрел не очень большой участок рядом с церковным двором Святого Ботолфа за пределами Олдерсгейта. Его соседний приход в пределах городских стен, Сент-Леонардс на Фостер-лейн, приобрел следующий совпадающий участок для своего нового кладбища. Все три кладбища теперь объединены в одну полосу общественного сада из-за

демонтажа двух поперечных стен, которые первоначально разделяли территорию каждого прихода.

Хотя таким образом были сокращены кладбища и рядом с ними построены жилые дома, способ захоронения был не самым безопасным. Снова возьмем пример с приходом грейт-Крипплгейт: некоторых, таких как Джон Мильтон, похоронили бы в церкви в свинцовых гробах; других таким же образом похоронили бы в земле церковного двора с уплатой всех похоронных взносов; но гораздо больше, за кого были уплачены взносы, были бы похоронены в простыне, вообще без гроба, в части церковного двора, отведенной для бедных[640]. Для прихода Святого Спасителя, Саутуорк, шкала похоронных сборов была следующей: “На любом кладбище рядом с церковью с гробом - 2с. 8д.; без гроба - 20д.; для ребенка с гробом - 8д.; без гроба - 4д. Кладбище колледжа, с гробом, 12д.; без гроба, 8д.” На одном из их рекламных плакатов, датированном 1580 годом, есть фотография тела, готового к погребению, завернутого в скатерть, плотно прилегающее покрывало, завязанное на голове и ногах и аккуратно отделанное[641].

Не следует предполагать, что не было поднято ни одного голоса против переполненности церковных дворов старого города. Внутреннее погребение - одна из многих практических тем в проповедях Латимера: в 1552 году он осудил состояние кладбища Святого Павла как причину “многих болезней”, сославшись на его печально известные запахи; у жителей Наина, по его словам, “был хороший и похвальный обычай хоронить свои тела за пределами города, и этому примеру мы можем последовать[642]”. Проповедуя в Полс-Кросс 8 августа 1563 года, когда чума уже уничтожала пятьсот человек в неделю, Тернер, обычно называемый Тернером Булонским, обратился с двумя торжественными прошениями к милорду мэру Лондона: первое заключалось в том, чтобы мертвые города были похоронены за городом, в поле; второе заключалось в том, чтобы по ним не звонили в колокола, когда они будут лежать на милости Божьей, уходя из этой нынешней жизни, “ибо звон колокола не принес уходящим никакой пользы ни до их смерти, ни после”[643].” В трудах о чуме всегда упоминаются разлагающиеся вещества животного происхождения, такие как падаль или потроха. среди причин; но лишь в редких случаях упоминается обычное погребение умерших. В семнадцатом веке заполнение почвы продуктами трупного разложения играло большую роль в теории чумы, особенно в трудах Проспера Альпинуса, врача венецианского консульства в Каире. Среди английских книг “Трактат о чуме” доктора Гилберта Скена из Эдинбурга (1568) - единственная, в которой хоть что-то проясняется по этому вопросу. В своей четвертой главе, посвященной местам, наиболее чумным, он включает местности, “где похоронено много мертвых”, земля там становится “жирной и испаряющейся”; а в своей первой главе, посвященной причинам в целом, он приводит в пример “непогребенные мертвые останки, в особенности человеческие, которые, по подобию природы, наиболее опасны для человека, поскольку каждое животное наиболее заразительно для себе подобных”. Но даже если бы эти истины были широко восприняты, религиозные предписания и обычаи были бы слишком сильны, чтобы допустить принятие радикальных мер. Главной причиной чумы не было очевидных неприятностей на поверхности, но загрузка почвы, поколение за поколением, огромным количеством трупных веществ, которые рассеивались в порах почвы под ногами живых, повышая уровень эманаций, более смертоносных в одно время года, чем в другое, в зависимости от уровня грунтовых вод и температуры земли, определяющей степень окисления или образования более опасных промежуточных продуктов разложения.

Так мало известно о великих эпидемиях чумы в Лондоне в 1406-7, 1464, 1479, 1500 и 1513 годах, что мы можем только догадываться, как избавлялись от умерших, которых в разгар эпидемии

было около сотни в день - вероятно, в траншеях на полях Уайтчепела, Смитфилда и Финсбери, или в таких приходах, как церковь Святого Гроба Господня. Окраины города использовались также для нанесения грунта. Так случилось, что земля за городскими стенами, которая со временем превратилась в густонаселенные свободы и внешние приходы и главное очаг всех более поздних эпидемий, на протяжении многих поколений собирала городские отбросы и значительную часть тел умерших. Пример, упомянутый Стоу в 1598 году, может быть воспринят как стоящий за многими другими: “По правую руку, за церковь Шордич по направлению к Хакни, есть несколько домов поздней постройки на обычной земле; потому что это был ларек”.

То, что еще предстоит сказать о местах и обстоятельствах распространения чумы в Лондоне, войдет в историю последовательных эпидемий, которую мы теперь можем возобновить и перенести на конец тюдоровского периода.

Хронология чумы, 1564-1592гг.

Количество случаев чумы в Лондоне в течение двух или трех лет, следующих за великой эпидемией осенью 1563 года, точно известно из выдержек Стоу из еженедельных отчетов о смертности. Это было чрезвычайно мало, смертей было всего одна, две или три за неделю, а часто и вовсе ни одной. Цифры заканчиваются июлем 1566 года, и вполне вероятно, что счета какое-то время после этого не производились. Предложение, сделанное сэром Роджером Мартином в письме графу Нортумберленду от 20 октября 1568 года, о том, что все иностранцы, прибывающие из-за моря, должны быть помещены на карантин в Грейвсенде, было бы вызвано известной распространенностью чумы и других злокачественных заболеваний в Шотландии и в различных частях европейского континента. Именно в те годы, до и после основания Королевской биржи в 1566 году, поток торговцев в Лондон, особенно из охваченных войной Нидерландов и Франции, был наибольшим.

Возрождение чумы в Лондоне после великой эпидемии 1563 года произошло, вероятно, в 1568 году. В городских архивах есть приказы, касающиеся поисков, закрытия домов и сбора пожертвований для зараженных домохозяйств, датированные 12 октября 1568 года (10 Элизабет), 27 марта и 19 октября 1569 года. Но в 1568 году правила, как и предложение о карантине судоходства, возможно, были приняты скорее против ввоза ящиков извне, чем из-за случаев, действительно имевших место в Лондоне. Именно в 1569 году мы определенно слышим о чуме в столице:—

“В связи с бушующей в Лондонском сити эпидемией мора, Михайловский семестр был впервые перенесен на 3 ноября, а после - на следующий семестр Хиллари[644]”. Эта вспышка осенью и зимой 1569 года, должно быть, была значительной: поскольку мы находим, что граф Эссекс писал из Йорка 30 октября Сесилу, говоря, что он приехал бы в Лондон раньше, “если бы чума не остановила его”[645]; и Томас Бишоп, отчитываясь о своих передвижениях перед Советом, говорит, что он оставался в Лондоне до 10 октября, “когда чума усилилась, я уехал”[646].

1570 год был одним из самых ужасных чумных годов на Континенте, которые теперь довольно часто повторяются вплоть до конца столетия. “По всей Европе распространилась эпидемия чумы, - говорит Стоу, - причем такого рода, что многие умерли от Божьих знамений, главным образом среди венецианцев, которых от этой жестокой болезни умерло около шестидесяти

тысяч”. В Лондоне 2 августа смерть в Тауэре была списана на чуму; но других свидетельств ее распространения в столице нет[647]. В начале следующей зимы 1571 года в Кембридже была чума (письмо от 18 ноября)[648]; и в Оксфорде в том же году она принесла такие страдания, говорит Энтони Вуд, что многие ученые были вынуждены просить милостыню[649]. В 1573 году он снова появился в Лондоне в свое обычное время, в конце года: он бушевал так яростно, “что королева приказала новому лорд-мэру не устраивать обычный праздник по случаю его инаугурации[650]”. Реестр прихода Святого Андрея в Хартфорде свидетельствует о бегстве лондонцев в это любимое убежище; в 1573 году и в последующие годы было множество захоронений жертв чумы, многие из которых были гражданами Лондона[651]. Это снова было в Лондоне в 1574 году: в письме от 15 ноября шерифу и судьям Суррея приказывается, чтобы они не позволяли людям посещать спектакли и зрелища [в Саутуорке] “во время эпидемии[652]”, в то время как цифры из еженедельного отчета о смертности, которые сохранились, показывают, что вспышка была одной из наиболее значительных — за неделю 22-28 октября в Сити и либертис (108 приходов) были ликвидированы все болезни, 166 из которых от чумы, 65[653].

Известными провинциальными центрами в 1574 году были Стэмфорд, Питерборо и Честер. Визит в Стэмфорд был одним из многих, от которых город пострадал от начала до конца, и, должно быть, был суровым; за один месяц, с 8 августа по 7 сентября, 40 человек были похоронены от чумы “, и в городе так грубо управляют, они так перемешались, что нет никакой надежды на прояснение ситуации. Он состоит из семнадцати домов, и город пребывает в большой бедности; но если бы добрые люди из деревни прислали провизию, многие умерли бы с голоду. Приход Святого Мартина чист[654]”. Записи корпорации также свидетельствуют о возникшей путанице, поскольку новые судебные приставы были приведены к присяге перед Регистратором на улице, а не в обычном месте[655]. Известно, что Питерборо, который находился неподалеку, посетили из записи в приходской книге: “1574 год, январь. Здесь началась чума[656]”. В Честере “началась чума, но была остановлена смертью нескольких человек в крофтсе[657]”.

1575 год несколько необычен для эпидемии чумы в Вестминстере, но не в лондонском сити: известны случаи смерти за одну неделю в первом из них[658]; а что касается иммунитета Лондона, Сесил переехал до 16 сентября из Вестминстера в дом сэра Томаса Грэшема в Сити, чтобы избежать заражения[659]. Это было в Кембридже зимой 1574-5 годов и “болело” в Оксфорде вплоть до ноября 1575 года.

В том же 1575 году в Бристоле и других местах западной Англии разразился сезон сильной чумы. Сообщается (в Календаре мэра), что около 2000 человек умерли в Бристоле между приливом Сент-Джеймс (25 июля), когда инфекция “стала очень сильной”, и приливом Пола (25 января)[660]. Уже 11 июля корпорация Уэллса распорядилась о мерах против чумы в Бристоле; но Уэллс, похоже, также посетил кто-то, если 200 человек, похороненных, согласно традиции, в “чумной яме” возле северо-восточной оконечности собора (помимо многих других, похороненных в полях), были жертвами болезни в 1575 году[661]. В Шрусбери в том году ярмарки были отменены из-за чумы[662]. Из иска о возмещении ущерба, который поступил в Суд по запросам в 1592 году, следует, что чума была в Чешире в 1576 году; в Нортвиче в доме некоего Фила. Антробус был заражен, и большая часть семьи умерла; после чего некоторое количество постельного белья в доме стоимостью не более 13 шилл. 4д. были выброшены в реку, чтобы их не использовали; сын, который был портным, потребовал компенсации через графа Дерби шестнадцать лет спустя[663].

В Халле в 1576 году произошла вспышка, небольшая по сравнению с некоторыми другими посещениями там, в Блэкфрайарз-Гейт, в результате которой погибло около ста человек[664]. Несколько примечательно, что в январе 1577 года, в самый неподходящий сезон, округ Кирккадбрайт ввел правила, направленные на предотвращение распространения чумы, бушевавшей тогда на Границах[665]. В сентябре 1577 года были изданы приказы, которые должны были быть приведены в исполнение по всему королевству в городах и деревнях, зараженных чумой. Более определенно о нем слышно 21 октября в Рае и Дувре и 3 ноября 1577 года в Лондоне.

Теперь мы переходим к ряду лет, с 1578 по 1583 год, за которые у нас есть полные сведения о похоронах в Лондоне из-за чумы и других причин, а также о крестинах. Эти ценные статистические данные, самые ранние из известных, сохранились среди бумаг лорда Берли, который раздобыл их у лорда-мэра Лондона[666], и здесь они приведены полностью, поскольку были скопированы с рукописи в библиотеке Хэтфилд-Хауса[667].

Краткие сведения о погребениях и крещениях в Лондоне, 1578-1583

1578

Окончание недели		Мертв	От	чумы	других	болезней	Окрестили
Января.	2	62		7		55	66
	9	90		12		78	52
	16	63		14		49	59
	23	95		33		62	59
	30	82		25		57	65
феврал я.	6	88		24		64	51
	13	102		25		77	59
	20	100		26		74	77
	27	84		12		72	84
Мар.	6	79		10		69	58
	13	66		9		57	53
	20	75		5		70	57
	27	63		12		51	60
годовы х.	3	96		19		77	64
	10	89		25		64	67
	17	102		31		71	66
	24	91		37		54	62

мая	1	109	25	84	44
	8	116	33	83	37
	15	141	43	98	48
	22	109	36	73	66
	29	119	34	85	43
Июня	5	99	38	61	51
	12	91	35	56	41
	19	76	34	42	54
	26	75	18	57	48
Июле	3	92	34	58	52
	10	99	35	64	48
	17	98	39	59	52
	24	129	63	66	49
	31	100	41	59	59
августа	7	132	73	59	76
.	14	152	78	74	72
	21	232	134	98	63
	28	205	113	92	58
сентяб ре.	4	257	162	95	84
	11	297	183	114	64
	18	308	189	119	68
	25	330	189	141	72
октября	2	370	230	140	76
.	9	388	234	154	62
	16	361	234	127	73
	23	281	175	106	58
	30	258	130	128	68
ноября.	6	278	127	151	60
	13	230	116	114	64
	20	172	77	95	66
	27	155	84	71	68
декабр я.	4	160	77	83	60
	11	161	65	96	69

	18	129	44	85	62	
	25	94	20	74	68	
		7830	3568	4262	3150	
1579						
	Окончание недели		Умерш их	От ,	Других заболе ваний	Окрест или
Января.	1	100	27	73	54	
	8	67	13	54	68	
	15	75	16	59	74	
	22	63	9	54	81	
	29	79	19	60	75	
феврал я.	5	84	23	61	46	
	12	81	16	65	63	
	19	69	15	54	61	
марта.	26	70	10	60	77	
	5	51	6	45	71	
	12	61	16	45	72	
	19	66	10	56	65	
апреля.	26	75	13	62	68	
	2	81	19	62	53	
	9	82	27	55	79	
	16	77	22	55	53	
	23	58	10	48	44	
может	30	71	10	61	57	
	7	64	12	52	51	
	14	68	14	54	42	
	21	75	12	63	54	
Июне	28	78	13	65	47	
	4	66	7	59	56	
	11	49	7	42	46	
	18	74	14	60	60	
Июле	25	65	13	52	45	
	2	57	11	46	50	

	9	62	9	53	66
	16	73	19	54	52
	23	72	12	60	63
	30	72	13	59	67
августа	6	66	12	54	61
.					
	13	70	18	52	67
	20	68	12	56	61
	27	63	10	53	58
сентяб ре.	3	66	14	52	65
	10	85	25	60	55
	17	66	11	55	80
	24	44	8	36	63
октября	1	60	9	51	42
.					
	8	56	8	48	75
	15	68	14	54	70
	22	49	6	43	71
	29	52	10	42	76
ноября.	5	47	8	39	66
	12	37	2	35	69
	19	60	2	58	84
	26	44	6	38	69
декабр я.	3	43	3	40	78
	10	55	4	51	80
	17	49	4	45	70
	24	51	3	48	78
	31	42	3	39	72
		3406	629	2777	3370

1580

	Неделя заканчивается	умерш их	от чумы,	других болезн ей	крещен
января.	7	49	1	48	78

феврал я.	14	58	4	54	58
	21	50	5	45	63
	28	28	2	26	74
	4	54	5	49	81
марта.	11	49	2	47	91
	18	47	3	44	81
	25	48	3	45	68
	3	52	0	52	77
	10	48	2	46	74
	17	48	1	47	75
	24	52	3	49	68
годовы х.	31	48	2	46	59
	7	48	1	47	77
может	14	53	1	52	78
	21	40	1	39	74
	28	43	1	42	75
	5	58	1	57	72
	12	54	0	54	69
	19	40	2	38	75
	26	44	0	44	72
Июне	2	36	1	35	59
	9	41	0	41	54
	16	46	2	44	60
	23	55	2	53	59
Июля	30	47	4	43	57
	7	77	4	73	65
	14	133	4	129	66
	21	146	3	143	61
августа .	28	96	5	91	64
	4	78	5	73	71
	11	51	4	47	53
	18	49	1	48	72
сентяб	25	63	3	60	62
	1	48	0	48	71

ря.	8	35	2	33	69
	13	52	1	51	69
	22	52	1	51	95
	29	65	2	63	55
октября	6	35	1	34	63
.	13	44	2	42	56
	20	45	2	43	56
	27	40	3	37	80
ноября.	3	60	7	53	75
	10	59	5	54	67
	17	57	3	54	75
	24	45	2	43	70
декабр я.	1	54	3	51	83
	8	58	1	57	56
	15	53	8	45	59
	22	53	4	49	61
	29	89	3	86	66
		2873	128	2745	3568

1581

	Неделя заканчивается	умерш их	от чумы,	других болезн ей	крещен
января.	5	42	5	37	63
	12	53	4	49	65
	19	50	1	49	65
	26	46	1	45	59
феврал я.	2	49	2	47	56
	9	38	0	38	63
	16	48	0	48	87
	23	56	5	51	52
марта.	2	56	0	56	62
	9	60	2	58	74

	16	52	2	50	80
	23	41	1	40	89
	30	44	3	41	74
апреля.	6	42	2	40	39
	13	47	1	46	53
	20	37	1	36	41
	27	37	2	35	60
может	4	47	0	47	52
	11	40	1	39	50
	18	46	1	45	59
	25	64	13	51	62
Джун	1	48	4	44	60
	8	57	2	55	56
	15	65	7	58	62
	22	57	6	51	73
	29	56	7	49	52
Июля	6	72	9	63	62
	13	69	9	60	64
	20	94	19	75	70
	27	95	24	71	89
августа	3	87	23	64	58
.					
	10	130	30	100	75
	17	148	47	101	72
	24	143	43	100	55
	31	169	74	95	72
сентяб ре.	7	186	85	101	54
	14	180	76	114	59
	21	203	86	117	55
	28	218	60	158	88
октября	5	205	107	98	74
.					
	12	193	74	119	83
	19	128	42	86	77
	26	125	35	90	88
ноября.	2	115	45	70	85

	9	93	26	67	61
	16				
	23				
	30				
декабр	7	[цифрами, в части желающих, и частично стерты.]			
я.					
	14				
	21				
	28				
		3931	987	2954	2949

(45 недель)

1582

(74 прихода свободны, неделя заканчивается 4 января.)

Неделя заканчивается		умерш их	от чумы,	других болезн ей	крещен
января.	4	63	11	52	57
	11	75	13	62	76
	18	79	13	66	73
	25	58	13	45	90
феврал	1	73	5	68	66
я.					
	8	71	12	59	77
	15	76	16	60	88
	22	82	10	72	74
Мар.	1	69	11	58	81
	8	85	13	72	81
	15	77	11	66	71
	22	62	11	51	65
	29	73	16	57	85
апреля.	5	90	13	77	74
	12	78	19	59	63
	19	88	22	66	56
	26	82	20	62	69

может	3	95	23	72	55
	10	68	12	56	62
	17	62	11	51	59
	24	61	10	51	61
	31	57	15	42	65
Июня	7	67	15	52	49
	14	48	11	37	52
	21	72	11	61	63
	28	57	9	48	62
Июле	5	60	20	40	54
	12	88	25	63	66
	19	80	30	50	61
	26	99	31	68	65
августа	2	101	45	56	68
.					
	9	116	42	74	77
	16	142	70	72	64
	23	148	85	63	67
	30	205	111	94	70
сентяб ре.	6	229	139	90	74
	13	277	189	88	79
	20	246	151	95	76
	27	267	145	122	63
октября	4	318	213	105	87
.					
	11	238	139	99	63
	18	289	164	125	74
	25	340	216	124	54
ноября.	1	290	131	159	66
	8	248	149	99	77
	15	202	98	104	70
	22	227	119	108	74
	29	263	124	139	63
декабр я.	6	144	58	86	59
	13	155	68	87	—

20	—	—	—	—
27	142	68	74	91
	6762	2976	3786	3433

(51 неделя)

1583

Окончание недели			Умерш их		От ,	Других ,	Креще нных	Креще ный
Янв..	января	137	137		87	87		140
57	10		17	160	57	88		53
	.67		160	162	72	88		67
	24		162		59	103		
	31	31		144	40	104		.

Эти таблицы были составлены на основе еженедельных счетов, представляемых Суду, и, несомненно, составлены подобно счетам 1532 и 1535 годов, чтобы показать смертность от чумы и других причин в каждом из нескольких приходов Города, Либерти и пригородов. Ясно, что результаты были известны из недели в неделю, поскольку в письме от 29 января 1578 года говорится, что число смертей от чумы увеличилось с 7 до 37 (? 33) за три недели. Но это не было началом эпидемии в Лондоне; это было скорее затишье в смертности от чумы, которая, как известно, была серьезной в конце 1577 года и привела к запрету театральных постановок в ноябре[668].

В этой серии из пяти лет чумы в Лондоне только в два, 1578 и 1582 годах, было зафиксировано большое количество смертей от чумы. 1580 год был почти ясным (128 смертей от чумы), и его можно рассматривать как показатель обычного соотношения смертей к рождениям в Лондоне, когда чума не беспокоила его. Следует заметить, что количество крещений значительно превышает количество похорон; и поскольку при Елизавете каждый ребенок был крещен в церкви, мы можем считать, что у нас есть полные записи о рождениях (за сомнительным исключением мертворождений и “хризом”). Но в то время как в один благоприятный год наблюдается превышение примерно на 24%. крещений над погребениями, за весь пятилетний период количество крещений сократилось на 33%. Таким образом, мы можем видеть, насколько серьезно черед чумных лет на эндемическом уровне заболевания снижала численность населения; и, в то же время, как численность населения в столице быстро увеличивалась бы изнутри в отсутствие чумы. Есть основания полагать, что чума почти или совсем отсутствовала в Лондоне в течение следующих девяти лет (с 1583 по 1592 год); и неудивительно обнаружить, что население, судя по количеству рождений, увеличилось примерно со 120 000 до 150 000 человек. Рост населения Лондона при Елизавете происходил так быстро, независимо от того, была чума или нет, что в 1580 году были приняты меры, чтобы остановить его. Рост Лондона никогда не зависел исключительно от превышения числа

рождений над смертями в нем самом; действительно, до нынешнего столетия, вероятно, было несколько периодов, когда такое превышение происходило в течение ряда лет. Приток жителей из страны и из-за рубежа всегда поддерживал Лондон на прежнем уровне, каким бы ни был уровень смертности; а с начала тюдоровского периода он стал быстро расти. В другой главе я кратко рассмотрю этапы роста Лондона, как это можно судить по счетам смертности и крещений. Но поскольку прокламация 1580 года против новых зданий, первая из длинной серии, принятой в Содружестве, имеет особое отношение к эпидемии в Свободах и к нездоровому состоянию этих бедных окраин города-крепости, для нее самое подходящее место:

“Королевское Величество осознает, что состояние Лондонского сити, пригородов и их границ с каждым днем увеличивается из-за доступа людей к проживанию в них в таком большом количестве, что, таким образом, многие неудобства уже видны, но многие из них по необходимости хотели бы последовать... и [в связи] с сохранением своего населения в сфере охраны здоровья, что может показаться невозможным продолжать, хотя в настоящее время по Божьей благодати этом воспринимается в лучшем имуществе универсально, чем и была в мужской памяти: еще есть такое великое множество людей, которые доведены до обитают в маленьких помещениях, из которых большая часть не видно очень плохо; да, такие должны жить в попрошайничество, или хуже, значит, и они сбились в одну кучу, и в какой-то задушил много семей с детьми и слугами в одном доме или небольшом многоквартирном доме; он должен следовать, если ни чума, ни интересных болезни следует по попущению Божию ввод среди тех многочисленных, Что же должны не только проникнуть и захватить весь город и пределы, как смерть должна наступить та же, где Ее Величества личное присутствие во много раз требовалось; кроме большом стечении народа со всех уголков королевства по причине обычных условиях за справедливость существует Холден; но будут также распределены между всеми другими частями королевства на явную опасность для всего тела его, из которых ни Ее Величества собственной персоны, может быть (а по Божьему специального постановления) освобождаются, ни каких-либо других, то они будут.

Для исправления ситуации, поскольку теперь может потребоваться время до тех пор, пока каким-либо дальнейшим благим распоряжением, которое будет принято в парламенте или иным образом, то же самое может быть исправлено, Ее Величество по доброму и обдуманному совету своего Совета и, следовательно, будучи сильно тронута внимательным мнением мэра, олдерменов и других серьезных, мудрых людей в городе и его окрестностях, поручает и строго приказывает всем лицам, какого бы качества они ни были, воздерживаться от любых новых построек любого нового дома или доходного дома в радиусе трех миль от любых ворот указанного города, служить для жилья или жилье для любого человека, где, как известно, не было ни одного бывшего дома в память о тех, кто живет сейчас. А также запретить сдавать, расселять или допускать к проживанию больше семей, чем только одна, в любом доме, который до сих пор был заселен, и т.д.... Дано в Nonesuch 7 июля 1580 г. [669].”

Среди наиболее специальных предложений мэра о причинах и профилактике чумы, предшествовавших этому объявлению, были [670]:

1. Избегание заключенных в местах, претендующих на освобождение.
2. Ограничение строительства небольших многоквартирных домов и превращение больших домов иностранцами в небольшие жилища.

3. Увеличение застройки в освобожденных местах.
4. Увеличение числа зданий вокруг Чартерхауса, Майл-Энд-Филдс; также в церкви Святой Екатерины вдоль набережной.
5. Заселение освобожденных мест незнакомцами и иностранными мастерами.
6. Количество незнакомых людей в Лондоне и его окрестностях, не принадлежащих ни к одной церкви.
7. Навязчивые пьесы из "Вольностей".
8. Забой скота в черте города или вблизи него.

Лучшие сведения о чуме в Лондоне в 1578 году, которые мы получаем, содержатся в письмах к лорду Берли[671]. 22 октября лондонский регистратор сэр У. Флитвуд пишет ему, что он “был в Ударе с Михайлова Дня, потому что его каждый день беспокоили те, кто приходил к нему с язвами от чумы; и будучи послан лордами разыскивать развратных людей в разных местах, он находил трупы под столом, что, несомненно, сильно раздражало его”. Статистика показывает, что смертность от всех причин возросла до более чем трехсот за неделю до Михайлова Дня — небольшая смертность по сравнению с 1563 годом или любой другой лондонской эпидемией первой степени. Из других писем, касающихся чумы в Сент-Олбансе, Уэре и других местах близ Лондона, можно сделать вывод, что горожане бежали из Лондона на свои обычные загородные курорты во время чумы. 30 августа, как говорят, было зарегистрировано шестьдесят случаев чумы в Сент-Олбансе, а 13 октября, как говорят, Уэр был “в последнее время” заражен. Случаи смерти от чумы занесены также в приходские книги Хартфорда в 1577 и 1578 годах[672]. 14 сентября инфекция была зафиксирована в “Булле” в Ходдесдоне (Хертс), но домовладелец отказался закрывать свой дом для путешественников, направляющихся в Суд. 13 октября 1578 года поступило сообщение о двух смертельных случаях из Квинс-колледжа в Кембридже: “инфекция была подхвачена компанией лондонца на ярмарке в Стоурбридже”; эти две смерти “побудили многих покинуть” университет[673]. В том же месяце это было в Бери-Сент-Эдмундсе. Ранее в том же году в письме из Труро (11 апреля) говорится, что чума была широко распространена в Корнуолле.

Эпидемия 1578 года в Норвиче была относительно более серьезной, чем в столице, и была связана с визитом королевы: “составы кареты ее Величества, многие из которых были заражены, оставили после себя чуму, которая впоследствии усилилась и продолжала свирепствовать более одного года с тремя четвертями”. С 20 августа 1578 года по 19 февраля 1579 года погибло 4817 человек, из которых 2335 были англичанами и 2482 - “алианскими незнакомцами”, среди жертв были десять олдерменов[674]. В Ярмуте в 1579 году, как говорят, две тысячи человек умерли от чумы между первомаям и Михайловым[675]. В Колчестере была чума с декабря 1578 по август 1579 года[676]. Это было в Ипсвиче и Плимуте в 1579 году; эпидемия в последнем, должно быть, была серьезной, если верить оценке в 600 смертей, приведенной в анналах города,[677]. Это снова было в Стэмфорде в 1580 году, как следует из приказа корпорации от 7 сентября, запрещающего людям покидать город[678]. Другими очагами чумы в 1580 году были в Рае, который был отрезан от связи с Лондоном[679], в Лестере, где общая палата граждан назначала оценку посещенных[680], в Глостере, с Пасхи до Михайлова Дня, и в Херефорде и Веллингтоне, поскольку сборам в октябре препятствовало “сильное заражение чумой[681]”.

4 февраля 1582 года в Дувре были закрыты шесть домов, а 12 сентября чума вспыхнула в Виндзоре и Итоне[682]. В приходской книге Крэнбрука (Кент) 18 захоронений отмечены особым образом (как от чумы) в 1581 году, 41 в 1582 году и 22 в 1583 году[683]. На следующий год (1584), с Михайлова дня до зимы, он был сильно рассеян по острову Шеппи.

Хотя годы с весны 1583 по осень 1592 года, по-видимому, не были отмечены чумой в Лондоне, они были свидетелями множества эпидемий на восточном побережье, и в нескольких других местах, сведения о которых по большей части скудны.

Вскользь упоминается о чуме в Ярмуте в 1584 году[684]. В городе Бостон, по-видимому, в течение четырех лет, с 1585 по 1588 год, непрерывно свирепствовала чума. В 1585 году дома были закрыты[685]; в 1586 году предполагалось, что случай в Саутвелле был завезен из Бостона[686]; в приходской книге число погребений от чумы и других причин в 1587 году достигло высокой цифры в 372, а в 1588 году их стало 200, в среднем за восемь лет до этого было 122, а за двенадцать лет после - только 84. В 1588 году некоему Уильямсу из Холма в Хантингдоншире было поручено очистить зараженные дома на Сент-Джонс-Роу, которые использовались как рассадники вредителей[687]. В радиусе десяти миль вокруг Бостона свирепствовала чума; в Лике с ноября 1587 по ноябрь 1588 года было 104 захоронения, в среднем 24 в год; во Фрэмптоне в 1586-87 годах было 130 захоронений, в среднем 30; в Киртоне в 1589 году было 57 захоронений, а в 1590 году - 102[688].

Другим центром на восточном побережье был Висбеч. В 1585 году он появился в деревушке Гайхирне. В 1586 году он проник в сам Висбех, вызвав обычное закрытие домов, и в 1587 году настолько усилился, что в сентябре было 42 захоронения, а в октябре - 62[689], что в три или четыре раза больше, чем в среднем. Он упоминается также в Ипсвиче в 1585 году и в Норвиче в 1588 году[690]. В Дерби, в 1586 году, в приходе Святого Петра случилась чума[691]. В Честерфилде в ноябре 1586 года были зафиксированы случаи смерти от чумы, и снова в мае 1587 года[692]. В Леоминстере в 1587 году наблюдалась чрезмерная смертность (209 захоронений)[693].

Другим крупным центром на восточном побережье в те годы были Дарем и Нортумберленд[694]. В 1587 году инфекция начала проявляться в Хартлпуле и в приходах Стрэнтон и Харт; в последней деревне были похоронены 89 умерших от чумы, одна из них - неизвестная молодая женщина, умершая на улице. В 1589 году чума пришла в Ньюкасл и свирепствовала жестоко; из 340 смертей за весь год в приходе Сент-Джонс 103 произошли в сентябре; общая смертность от эпидемии до 1 января 1590 года составила 1727 человек. Дарем также посетили в 1589 году, когда на Элвет-Мур были возведены чумные хижины. Это были годы дефицита, 1586 год был годом высоких цен на продовольствие.

Великим событием того времени стало поражение испанской армады у французского побережья от Кале до Гравелина в последних числах июля 1588 года. Поднялся южный шторм, который погнал великолепный испанский флот мимо Темзы до Оркнейских островов. Возможно, для Англии было к лучшему, что ветры разделили два флота. Английские корабли, бросившие якорь на Маргит-Роудс для охраны устья Темзы, через две или три недели были совершенно измучены болезнью. Болезнь, должно быть, была очень быстрой и смертельной инфекцией. Лорд-адмирал Ховард пишет королеве: "Те, кто поступает свежими, быстрее всего заражаются; они заболевают в один день и умирают на следующий". В предыдущем письме Берли он пишет: "Это самое жалкое зрелище - видеть, как люди умирают на улицах Маргейта. "Элизабет

Джонас" потеряла половину своей команды. Из всех людей, которых вывел сэр Ричард Таунсенд, в живых остался только один. Корабли были настолько слабы, что не могли рискнуть пройти через Даунс из Маргейта в Дувр[695]. Сомнительно, была ли какая-либо часть этих заболеваний и смертности вызвана чумой, которая в тот год не была активна нигде на юге Англии. По-видимому, причинами были нехватка еды и одежды, а в последнем случае - жестокость и скупость Элизабет. Лорд Говард просит новую одежду на сумму 1000 фунтов стерлингов, так как мужчины испытывали большую нужду, а лорд Х. Сеймур пишет, что "мужчины заболели от простуды". Дизентерия и тиф, несомненно, были теми инфекциями, которые были размножены и стали передаваться только что призванным людям. Но на испанских кораблях, носившихся по открытому морю и неспособных высадить своих людей или даже помочь друг другу, болезнь переросла в настоящую чуму, так что разбитые остатки армады, достигшие Ла-Коруньи, походили на множество плавучих рассадников чумы.

В 1590 и 1591 годах, с четким интервалом от года Армады, в Девоншире было много эпидемий чумы. Доказательства того, что он был в Плимуте, взяты исключительно из счетов корпорации; в разное время, в 1590 и 1591 годах, было выплачено "десять шиллингов против одного, что все его имущество было сожжено во избежание болезни", сумма в 5,19 фунтов стерлинговс. за закрытые дома и такую же сумму содержимым, и шестнадцать шиллингов четверым мужчинам, "чтобы они наблюдали за таунс-эндом, чтобы удержать людей в зараженных местах"[696]. Однако главные эпидемии, по-видимому, были в Тотнессе в 1590 году и в Тивертоне в 1591 году. В приходской книге Тотнесса внесена запись "первой о чуме, Маргари, дочери мистера Вича из Дартмута, 22 июня 1590 года", из которой можно сделать вывод, что чума впервые была в Дартмуте, в девяти милях вниз по реке, и поднялась до Тотнесса. Следующие ежемесячные показатели смертности покажут, насколько серьезной стала инфекция в Тотнесс летом и осенью сразу после[697]:

42 июля (36 случаев чумы, 6 нет),
81 августа (80 случаев чумы, 1 нет),
39 сентября (все случаи чумы),
37 октября (все случаи чумы),
25 ноября (24 случая чумы, 1 нет),
19 декабря (все случаи чумы),
января 1591 г., 10 случаев чумы,
1 февраля чумы.

Едва закончилась эта высокая смертность от чумы (246 смертей), как в марте 1591 года в Тивертоне началось заражение. Говорят, что он был представлен неким Уильямом Волкером, "волочащим ноги человеком или путешественником". С 1 марта 1591 года по 1 марта 1592 года смертность от чумы и других причин составила 551 человек, или примерно каждый девятый от населения[698].

Лондонская чума 1592-1593 годов.

Эпидемия чумы, достигшая своего апогея в 1593 году, начала ощущаться в Лондоне осенью 1592 года[699], и, как говорят, до конца года она привела к 2000 смертям. 7 сентября солдатам с севера, направлявшимся в Саутгемптон, чтобы отправиться в зарубежные части, пришлось

объехать Лондон, “чтобы избежать инфекции, которая широко распространилась за границей” в городе. 16 сентября добычу с большого испанского каравана в Дартмуте нельзя было провезти дальше Гринвича из-за заразы в Лондоне; некому было поехать из Лондона в Дартмут, чтобы купить товар. То, что инфекция продолжалась всю зиму, было зловещим признаком; даже в середине зимы люди покидали Лондон: “чума настолько сильна, что никому не стоит оставаться в этих местах”[700]. 6 апреля 1593 года некто Уильям Сесил, которого по приказу королевы держали во Флитской тюрьме, пишет, что “место, где он лежит, является скоплением нездоровых запахов города, а сезон заразный, поэтому многие умерли от чумы[701]”. Из мемориала 1595 года следует, что окрестности Флит-Дитч были наиболее зараженной частью всего города и либертиз в 1593 году; “во время последней великой чумы там умерло больше, чем в трех других приходах, кроме[702]”. Эпидемия, по-видимому, достигла своего апогея только летом; 12 июня в письме говорится, что “чума очень сильна в Лондоне и других местах королевства, так что этим летом ожидается большая смертность”. 3 июля Двор “находится вне пределов досягаемости, и большая часть домашних хозяйств отрезана [? обошлась без помощи]”. Инфекция упоминается в письмах вплоть до ноября, после чего общественный интерес к ней, по крайней мере, по всей видимости, прекратился.

Об этой лондонской эпидемии Компания приходских клерков вела еженедельные записи и публиковала их, начиная с еженедельного отчета от 21 декабря 1592 года. Клерк Компании приходских клерков, писавший в 1665 году, имел перед собой годовой счет за 1593 год с указанием случаев смерти от чумы и других смертей в каждом из 109 приходов в алфавитном порядке, а также крестин[703]. В течение следующих двух лет, 1594 и 1595, он, по-видимому, имел перед собой не только ежегодные счета, но и полный набор еженедельных счетов за похороны и крестины по приходам. Те же документы использовались Граунтом в 1662 году и, несомненно, использовались Джоном Стоу в то время, когда они были опубликованы. Все оригиналы утеряны, и в записях сохранилось лишь несколько итогов, извлеченных из них. Начнем со Stow's. Смертность 17 844 человек от всех причин в 1593 году приведена только по Городу и Свободам. Но в приходах, расположенных непосредственно за границами Либерти, которые были известны как девять внешних приходов, а именно в приходах Сент-Клемент-Дейнс, Сент-Джайлс-ин-Филдс, Сент-Джеймс, Клеркенуэлл, Сент-Кэтрин-Тауэр, Сент-Леонард, Шордич, Сент-Мартин-ин-Филдс, Сент-Мэри, Уайтчепел, Сент-Магдалина, Бермондси и Савой, уже было значительное население. Помимо них, были важные приходы еще дальше — Вестминстерские приходы, Ламбет, Ньюингтон, Степни, Хакни и Ислингтон. Из них Уайтчепел, Степни, Шордич, Клеркенуэлл и некоторые западные приходы внесли значительный вклад в составление чумных ведомостей о следующих эпидемиях, в 1603 и 1625 годах, и из приходских книг некоторых из них известно, что они способствовали смертности в 1593 году. Вероятно, именно этим приходам мы должны приписать разницу между приведенным выше общим числом в 17 844 человека (для Сити и Либертиз) и гораздо большим общим числом смертей “в Лондоне и его окрестностях”, приведенным на полях объявления 1603 года: “И во время последнего посещения с 20 декабря 1592 года по 23 число того же месяца 1593 года, всего умерло 25 886 человек — от чумы в Лондоне и его окрестностях умерло 15 003 человека”. Таким образом, прибавка для приходов за Решеткой составила бы 8042 смерти от всех причин и только от чумы 4541 — цифры, которые не покажутся неприемлемыми, если сравнить их с цифрами для соответствующих приходов десять лет спустя, в 1603 году, когда только в Степни в тот год чумы умерло 2257 человек[704].

В течение двух лет, следующих за 1593 годом, в книге Граунта за 1662 год сохранились общие данные о смертях от всех причин и от чумы в 97 старых приходах внутри городских стен и в 16 приходах Либерти и пригородов; он опустил данные о крестинах, хотя цифры были у него перед глазами. Принимая их вместе с цифрами, уже приведенными за 1593 год, мы получаем следующую таблицу за три года подряд:

Год	смерти от чумы	Другие смерти	Общее число смертей	,
1593	10,662	7,182	17,844	4,021
1594	421	3,508	3,929	—
1595	29	3,478	3,507	—

Из аннотации Стоу к цифрам известно, что доля смертности в 1593 году, пришедшаяся на старую территорию внутри крепостных стен, была примерно такой же, как и на пространстве Вольностей (8598 в одном, 9295 в другом), причем смертей от других причин, помимо чумы, в последнем было гораздо больше, чем в пределах крепостных стен. Вероятно, население в Либертисе было примерно таким же, как в самом Городе, площадь в первом была несколько меньше, но скученность, несомненно, больше.

Лондонская чума 1592-1593 годов вызвала появление двух известных публикаций, анонимного "Доброго совета против чумы" с описанием различных консервантов ... предупредить инфекцию, недавно начавшуюся в некоторых местах этого города" (Лондон, 1592 г.), и "Защитное средство" Саймона Келлуэя (апрель 1593 г.). Даты этих двух книг показывают, что тревога действительно началась в конце 1592 года и в начале 1593 года. Книга Келлуэя в основном является отголоском зарубежных трудов, единственной ее частью, представляющей непосредственный интерес для английской практики, является 11-я глава, которая "учит тому, какие приказы должны соблюдать магистраты и правители городов". Поскольку эта глава подводит итог различным елизаветинским и другим орденам и представляет собой краткое изложение санитарной практики, я привожу ее полностью:

"Учит тому, какие приказы должны соблюдать магистраты и правители городов.

1. Сначала распорядиться, чтобы в Городе не было никаких вонючих помоек.
2. Каждый вечер и утро в жаркую погоду поливать улицы холодной водой, особенно там, где есть инфекция, и каждый день следить за тем, чтобы улицы содержались в чистоте и подслащивании, а также очищались от всякой грязи, которая к тому же содержит щелок.
3. И поскольку инфекция занесена, каждое утро и вечер на улицах разводят костры, и если в них будет сожжено немного ладана, смолы или чего-нибудь другого сладкого, будет намного лучше.
4. Не позволяйте собакам, кошкам или свиньям бегать по улицам, поскольку они очень опасны и способны переносить инфекцию с места на место.

5. Прикажете, чтобы экскременты и нечистоты, которые выбрасываются из зараженных мест, не выбрасывались на улицы или в реки, которые ежедневно используются для приготовления питья или разделки мяса.

6. Чтобы никакие хирурги или цирюльники, которые обычно пускают кровь, не выбрасывали ее на улицы или в реки.

7. Чтобы после этого не опустошались ни хранилища, ни предыдущие хранилища, ибо это самая опасная вещь.

8. Чтобы все владельцы каждый день чистили свои конюшни и выносили за пределы города мусор и нечистоты, находящиеся в них; ибо, оставляя его в своих домах, как некоторые привыкли делать, целую неделю или две, он настолько разлагается, что, когда его убирают, появляется такой зловонный привкус и нездоровый запах, что способен заразить всю улицу, на которой он находится.

9. Приказать не хранить коноплю или лен в воде вблизи города, поскольку это вызовет очень опасный и заразительный привкус.

10. Проявлять особую заботу о том, чтобы на рынках продавались хорошие и полезные продукты питания и кукуруза, и таким образом обеспечивать отсутствие в них недостатка в городе, а тем, у кого нет средств для покупки необходимой пищи, распространять там свою благотворительность и благочестивую преданность; ибо ничто так не усугубит чуму, как нужда и дефицит необходимой пищи.

11. Приказать, чтобы все те, кто посещает больных и ухаживает за ними, а также все те, у кого есть болезнь, ходили за границу: чтобы они носили что-нибудь в руках, чтобы их знали другие люди.

Наконец, если инфекция распространилась лишь в нескольких местах, необходимо держать всех людей в их домах, принося им все необходимое. Когда чума прекратится, тогда приказать сжечь всю одежду, постельные принадлежности и другие подобные вещи, которые использовались при больных, хотя за счет остальных жителей вы покупаете все это новое”.

Письма того времени дают нам представление об этой чуме в Лондоне. 3 ноября 1593 года Ричард Стейпс пишет доктору Сезару, судье Адмиралтейского суда, проживающему в Сент-Олбансе (несомненно, чтобы спастись от инфекции): “Мой ближайший сосед и жилец в прошлое воскресенье похоронил своего слугу от чумы, и с тех пор, по другую сторону от меня, мой зять похоронил своего слугу; но я не могу сказать, что это была болезнь, потому что посетители сообщили, что на нем не было следов, как на другом[705]”.

Эпидемия 1592-93 годов продолжалась в Лондоне на низком уровне вплоть до 1594 года, когда в Сити и Либертисе от чумы умер 421 человек. В следующем году число смертей от чумы снизилось до 29. Уотфорд и Хартфорд, два самых популярных курорта лондонцев в сезон эпидемий, были заражены чумой с 1592 по 1594 год, многие из погибших были беженцами из столицы. За первые восемь месяцев 1594 года в Уотфорде было совершено 124 захоронения, что намного выше среднего показателя, и многие из них отмечены в реестре как умершие от чумы[706]. Случаи смерти от чумы в Хартфорде указаны в реестрах приходов Всех Святых и Святого Андрея в 1592 и 1594 годах. Но наибольшая смертность в Хартфорде была в 1596 году; в

приходе Святого Андрея в марте было совершено 13 захоронений, в среднем одно или два в месяц; смертность снижалась до июля, в этом месяце были похоронены, среди прочих, между 12 и 26 числа, пятеро детей одного из главных граждан (мэр в 1603 году)[707]. Это могли быть, а могли и не быть случаи смерти от чумы, поскольку 1596 год, как мы увидим, был нездоровым из-за других видов болезней.

Между тем, в нескольких провинциальных городах, расположенных на большем расстоянии от столицы, чем летние курорты Хартфордшира, в конце 1592 года, в то же время, что и в Лондоне, и в последующие годы, вспыхнула чума. В Дерби “великая чума и смертность” начались в приходе Всех Святых и в церкви Святого Алкмунда в Мартинмас 1592 года и закончились в Мартинмас 1593 года, внезапно прекратившись, “вопреки всем ожиданиям человека, в то время, когда она распространилась по всем уголкам всего прихода, не было свободных от нее двух домов”[708]. В Личфилде в 1593 и 1594 годах от чумы, как говорят, умерло более 1100 человек[709]. В Лестере 21 сентября 1593 года была взимана контрибуция за больных чумой[710]. В Шрусбери в 1592-3 годах была либо сама чума, либо сигналы тревоги о ней[711]; в приходе Бишопс-Касл была огромная смертность - 135 человек в июле и августе 1593 года и 182 захоронения за год, в среднем 25[712]. В те же годы инфекция была в Кентербери, как явствует из записей платежей “Гудману Ледесу, наблюдавшему за Энтони Хоузом доре... когда его дом впервые был заражен чумой”, а годом позже: “тем пожилым людям, которым было поручено нести на похороны умерших от чумы; а также женщине, которой было назначено носить им носки[713]”. Есть также различные упоминания о посещенных домах и об освобождении бедных людей. Ноттингем и Линкольн также упоминаются как печально известные города, пораженные чумой в 1593 году[714].

Единственное упоминание о чуме поступило из Корнуолла в 1595 году. 3 мая в письме судей Трегони Тайному совету говорится, что жители, которым судьи на Общих сессиях поручили сдерживать распространение инфекции в домах в районе, подвергались насилию при выполнении этих приказов и подали жалобу на это[715].

Все, что остается сказать о чуме в Англии до конца периода правления Тюдоров (1603 г.), относится исключительно к провинциям; если только записи не ошибочны, в Лондоне не было чумы в течение девяти лет после 1592-94 гг., точно так же, как это было ясно в течение девяти предшествующих лет. 1597 год был годом большого дефицита более чем в одном регионе Англии. В Бристоле пшеница котируется по невероятной цене в двадцать шиллингов за бушель; было принято гражданское постановление, согласно которому каждый способный человек должен содержать в своем доме столько бедняков, сколько позволяет его доход[716]. Но именно с Севера Англии в 1597 году у нас есть более конкретные сообщения о голоде и чуме в его черед. В письме, написанном в январе 1597 года, декан Дарема говорит[717]:

“Нужда и разорение охватили Нортумберленд, Уэстморленд и Камберленд; многие прошли 60 миль от Карлайла до Дарема, чтобы купить хлеба, и иногда на протяжении 20 миль не встретишь ни одного жителя. В епископстве Дарем за несколько лет пришло в негодность 500 плугов, и кукурузу приходится возить из Ньюкасла, в результате чего чума распространяется по северным графствам: арендаторы не могут платить арендную плату; тогда выгоняют целые семьи, и бедные районы заселяются четырьмя или пятью семьями под одной крышей ”.

16 января 1597 года он снова написал: “В Нортумберленде большие деревни обезлюдели, и нет никакой возможности остановить попытки врага; людей загоняют в бедные портовые городки”. 26 мая декан снова жалуется, что в Дареме большая нехватка; в некоторые дни 500 лошадей отправляются в Ньюкасл за иностранной кукурузой, хотя этот город и Гейтсхед опасно заражены. 17 сентября лорду Берли, государственному министру, сообщают, что чума усиливается в Ньюкасле, так что уполномоченные пока не могут приехать туда (судебные заседания вообще не проводились из-за чумы в Ньюкасле и Дареме): иностранные торговцы продавали кукурузу по высокой цене, пока некоторые члены городского совета не собрали запас кукурузы для продажи по цене на шиллинг за бушель ниже[718]. Не сохранилось данных о смертности от чумы в Ньюкасле в 1597 году; но в Дарлингтоне до 17 октября умерло 340 человек; а в Дареме до 27 октября - более 400 в Элвете, 100 в Сент-Николасе, 200 в Сент-Маргарет, 60 в Сент-Джайлсе, 60 в Сент-Мэри, Северный Бейли, и 24 в тюрьме. Общая смертность в Свято-Николаевском приходе с 11 июля по 27 ноября составила 215 человек. Многие захоронения были на болотах. Инфекция снова вспыхнула в Дарлингтоне и Дареме в сентябре 1598 года[719].

Одновременно с этой тяжелой чумой на восточной стороне, столь же ужасная чума свирепствовала в Северном Райдинге Йоркшира, а также в Камберленде и Уэстморленде. Чума началась в Ричмонде осенью 1597 года. В августе было зарегистрировано 23 смертельных случая, а в сентябре - 42. Эпидемия, по-видимому, достигла своего апогея летом 1598 года: в мае умерло 93 человека, в июне - 99, в июле - 182 и в августе - 194. Эти цифры указывают на серьезное бедствие в таком маленьком городке, как Ричмонд. Вспышка, начавшаяся 17 августа 1597 года, закончилась в декабре 1598 года. О стрессе эпидемии свидетельствует тот факт, что церковного двора было недостаточно для захоронений, многие умершие были похоронены во дворе замка и в Кларксз-Грин[720]. Точных сведений об этой тяжелой чуме в Камберленде и Уэстморленде немного. Согласно надписи в церкви Пенрит, “на северной стороне ризницы, в стене, написанной грубыми буквами[721]”, умершими в 1598 году были:—

В Пенрите	2260,
В Кендал	2500,
" Ричмонд	2200,
В Карлайле	1196.

Мы можем оценить точность этих круглых итогов по приведенным выше ежемесячным похоронам в Ричмонде; июль и август 1598 года, когда погибло 182 и 194 человека соответственно, были самым смертоносным сезоном; и вряд ли возможно, что в Ричмонде погибло целых 1800 человек в те месяцы, когда эпидемия набирала высоту и затем снижалась в соответствии с ее обычной кривой интенсивности.

Опять же, в приходской книге Пенрита указано только 583 случая смерти от инфекции, в то время как надпись на церковной стене указывает на 2260 случаев. Возможно, это расхождение следует объяснить включением показателей смертности в различных приходах, центрами и торговыми центрами которых были Ричмонд, Пенрит, Кендал и Карлайл соответственно. Таким образом, в Киркосвальде, согласно приходской книге, было похоронено 42 человека во время

эпидемии в 1597 году и не менее 583 в 1598 году[722], — число, которое, если верно, означает уровень смертности, сопоставимый с уровнем самой Черной смерти. Опять же, в небольшом приходе Эденхолл в 1598 году от чумы было похоронено 42 человека[723]. Известно также, что Эпплби подвергся серьезному посещению[724], как, вероятно, и многие другие приходы.

Тюдоровский период чумы завершается тяжелой эпидемией в Стэмфорде, которая началась в конце 1602 года. 2 декабря корпорация решила построить хижину для больных чумой, а в январе следующего года они собрали четвертую часть от пятнадцатой суммы на оказание помощи и содержание людей, заболевших чумой. Говорят, что эта эпидемия унесла почти 600 жизней; приходские книги церковей Святого Георгия и Святого Михаила содержат записи о людях, “похороненных в кабине Уайт Фрайерс”[725].

Чума в Шотландии, 1495-1603гг.

История чумы в Шотландии после средневекового периода представляет интерес главным образом как дающая ранние иллюстрации практики карантина. В последний раз мы наблюдали распространение болезни в Эдинбурге или его окрестностях в 1475 году, когда остров Инчкейт в заливе Ферт-оф-Форт использовался в качестве карантинной станции. Несомненно, именно обладание удобными островами недалеко от столицы — Инч—Колм и Инч-Гарви впоследствии использовались для одних и тех же целей, - побудило шотландское правительство вскоре последовать примеру Венеции и других зарубежных городов. Когда мы в следующий раз слышим о чуме в Шотландии, это снова связано с инфицированными людьми на острове Инчкейт и в городе Лейт, где-то между 13 августа 1495 года и 4 июля 1496 года[726].

Но эти карантинные мероприятия не ограничивались Ферт-оф-Форт. 17 мая 1498 года город Абердин был предупрежден возвещением колокола о некоторых мерах, которые необходимо принять, чтобы уберечь город от эпидемии “и предшествующих странных болезней”, главной мерой предосторожности была охрана граждан у каждого из четырех ворот в течение дня, и чтобы ворота были “заперты локисом и кейсом” ночью. “Предшествующая странная болезнь”, несомненно, является другим нашествием (сифилиса), которое олдермены пытались остановить приказом от апреля 1497 года; но “мор” в приказе от мая 1498 года, должно быть, был самой чумой[727]. В том году об этом больше ничего не слышно ни в Абердине, ни где-либо еще в Шотландии. Похоже, что это было несколько распространено в Шотландии в 1499 и 1500 годах. Проверка счетов бурга, в основном проводившаяся в июне 1499 года, в некоторых случаях была перенесена на январь 1500 года, бейли Северного Бервика объяснил, что ему помешала чума добраться до Казначейства[728]. В марте 1500 года контролеру сэру Патрику Хьюму выплачивается дополнительное пособие “за его огромный труд по сбору ферм в разных частях королевства во время распространения чумы”. В Пиблзе шкуры и шерстяные рулоны были уничтожены во время чумы 1499 года. В 1500 году их возобновили, но ревизия снова была отложена до ноября. Абердинский таможенник приводит свой отчет о великих обычаях этого города только до 3 июля 1500 года, “потому что после этой даты бухгалтер из страха перед чумой не входил в Абердин”[729].

Именно из того же северного города поступает наша информация о чуме в Шотландии исключительно за следующие сорок пять лет, не потому, конечно, что этот случай был единичным, а потому, что известны записи о чуме в его районе[730].

24 апреля 1514 года в Абердине были изданы различные приказы о борьбе с болезнью, которая, по-видимому, была чумой: “для защиты города от странных болезней, и особенно от этой заразной чумы, распространяющейся во всех частях этого города”; и, опять же, наблюдение за воротами (как в 1498 году) против людей, “выходящих из подозрительных мест, где царит эта сильная и заразная чума”. На Линксе и Гэллоу-хилл были возведены ложи, где зараженные или подозреваемые должны были оставаться в течение сорока дней. В следующем году (1515) шестнадцать человек были изгнаны из города на год и один день за неподчинение приказам “о чуме”. 27 июля 1530 года эти приказы возобновляются “для предотвращения этой заразной чумы, царящей в стране”. 15 сентября 1539 года (через год после чумы на Севере Англии) в муниципальных приказах чума получила особое название: приказы направлены на то, чтобы избежать “заражения инфекцией и вредителями, вызывающими бойчей, квилк-ринг в различных частях одного и того же [королевства] немедленно” — “буча” - это название, данное чуме в Англии также в елизаветинский и Стюарт-период.

1545 и 1546 годы также были годами чумы в Шотландии. На совете, состоявшемся в Стерлинге 14 июня 1545 года, заседание судов было перенесено в Линлитгоу “из-за страха перед вредителем, который в последнее время царит в городе Эдинбург[731]”. 10 сентября того же года городской совет Абердина издал приказ о недопущении распространения вредителя. 18 сентября чума была в английской армии при Уорксхофе, и 5 октября из Ньюкасла поступило сообщение, что на границах бушует чума[732]. 21 марта 1546 года дом в Абердине был закрыт из-за эпидемии чумы; и есть свидетельства того, что она продолжалась в августе, октябре и декабре как в этом городе, так и “в некоторых частях королевства”: 11 октября орден Святого Николая “braid silver” был передан на пропитание больным в чуме; 17 декабря абердинцу по имени Дэвид Спилцелахт было приказано быть “бринтом по левую руку от ане хет ирне” за то, что он не показал бейлису “содержимое своего бара”, квилк был арестован. сейк в пеще[733].” В ноябре 1548 г. чума в Сент-Джонстоне (Перт), и Райнгрейв с тамошними войсками устал от нее и хотел умереть[734].

В 1564 году Тайный совет Шотландии ввел карантин для прибывающих из Дании, как это практиковалось в отношении товаров почти три столетия спустя. Поскольку эти ранние обычаи в Форте удивительно похожи на те, что практиковались в Медуэе в восемнадцатом веке, я процитирую часть приказа Тайного совета Шотландии, датированного Эдинбургом 23 сентября 1564 г.[735]:

То есть, поскольку главная опасность заключается в том, чтобы быть рысью амангис, чтобы самин был лоисситом и жил в святилище Святого Кольма, противостоял, управлял и выбрасывался на улицу каждый ярмарочный день, чтобы не допустить драки Мартина, который скоро кончит, чтобы визитурис и кленгеарис были назначены и заместителями таира, чтобы быть ректором, бальи и советником эдинбургского городка по всему миру. расходы марханты, собственные расходы саидов гуди. И что касается утер гудис, пика, тара, ирины, тиммера, то самин должен быть кленгейтом, впадающим в сей, в одном или двух тидисах, ствол ассе должен быть соединен с худдиром, установленным на огне, и что шиппи должен быть борит, а сей ваттир должен впадать в темь, на чердак овира, и все части внутри должны быть вешинами и кленгейтами; и аналогично тому, что маринари и утери, которые выходят на берег, должны быть разделены на две части. изучите и обработайте вышеописанные документы, соблюдайте и храните отдельно от темесельфи на время, по усмотрению лиц, посещающих саидов, и лицензии, которые необходимо получить, и получите от них Доказательства, Поручительства и

Консультации, прежде чем они осмелятся обратиться открыто или тихо к нашим Суверенным Правам”.

Той же осенью прибыл другой грязный корабль с Балтики и вошел в порт Лейт, нарушив карантин; капитан и другие лица должны быть задержаны и содержаться в тюрьме до тех пор, пока над ними не свершится правосудие за это преступление[736].

Сильная вспышка чумы в Шотландии в 1568 году дала повод для появления первого местного трактата об этой болезни на английском языке, эссе доктора Гилберта Скена, одно время преподававшего медицину в Королевском колледже в Абердине, но, вероятно, переехавшего до 1568 года в Эдинбург, где он стал врачом Якова VI.[737] Автор говорит, что чума “недавно проникла” в страну, и это побудило его написать об этом на вульгарном языке в интересах тех, кто не мог позволить себе заплатить за квалифицированную консультацию или не смог получить ее самостоятельно. Это на любых условиях: “Медики больше всего заботятся ни о своей прекрасной здоровье, ни об обычном здоровье”. Паника, вызванная чумой, должно быть, была значительной: “Особенно в то время, когда люди питали отвращение ко всему остальному в так называемом манейре, поскольку ничто человеческое не оставалось в покое, кроме потребления, которое всегда существовало и отличалось от всего остального”.

Хотя в трактате Скене прослеживаются многочисленные следы влияния иностранных авторов на чуму, то же самое свободно признается в разделе рецептов и режима, все же книга намного лучше, чем простая компиляция. Так, в разделе “Причины чумы” он приводит краткий перечень пылающих звезд, южных ветров, испорченных стоячих вод и тому подобного; но, упоминая, как это делают другие, непогребенную мертвечину, он добавляет, что разлагающееся человеческое тело наиболее опасно из всех “по подобию природы”.

Благоприятный для чумы сезон отмечен постоянной влажностью в конце весны или начале лета, безветрием, сильной жарой и мутным затхлым воздухом.

Предвосхищая замечание Томаса Лоджа в 1603 году и общий опыт относительно крыс во время недавних эпидемий в различных частях Индии и Китая, он указывает, что крот (moudewart) и змея покидают землю, будучи пораженными парами, содержащимися в их недрах. “Если домашняя птица становится чумной, это признак появления самого опасного вредителя, за которым следует следить”. Среди наиболее опасных мест - места рядом со стоячей водой или там, где похоронено много мертвецов, земля жирная и испаряющаяся. О продолжительности заражения: “при непрерывном развитии вредителя более трех лет”, в соответствии с принципом “рост не может быть произведен в сыром виде”.

Диагноз, прогноз и лечение приведены полностью и в систематическом научном порядке. Я привожу следующую длинную выдержку о признаках и симптомах чумы, которая является первым рассказом местных жителей об этой болезни в этой стране:

Волосы, испорченные вредителем, могут быть известны.

Вряд ли кто-то из людей, зараженных вирусом, может быть вредителем. Сначала рассмотрим внешнюю часть тела *be caulde* и внутреннюю часть тела *vergement hait*. Как правило, тело тяжелое, с частыми перебоями в подаче, вонью и потливостью, болями в теле, гантелями в моуте, отвратительным братом с большими трудностями, иногда с сильной лихорадкой, скорее, ни в один из дней. Грейт скорбит из-за тяжестей, беспокойства и печали о себе: грейт

недоволен посевом, поэтому лучше последовать за хейстели дет. Поскольку у грейта аппетит и склонность ко сну хоть и на день, бред и прогулки занимают последнее место. Жестокий осмотр со стороны пищеварительной системы, неприятный запах желудочно-кишечного тракта, снижение аппетита, сильная сердечная боль с серым запахом воздуха; невыносимая жажда, частая рвота у ныряльщиков цвет или серый аппетит у дайверов, привыкших к безрезультатной рвоте: Горечь во рту и едкий вкус с бледным оттенком тайрофа и серой засухой: частый пульс, небольшой и глубокая моча, в основном, мутная, с запахом и, или сначала водянистая, имеет оттенок желчи, в конце мутная, или в начале желтоватая, с примесью зеленого (называется цитриновой) и мутная, в конце становится жидкой без содержания. Хотя совокупность этих свойств может быть выше у воды хайле меннис, многие из них опасны для жизни и здоровья пациента, китайская вода наиболее ярко проявляется у детей, потому что яд хайле меннис и причина, связанные с ней, покидают ее, а естественная часть занимает самую сердечную и благородную внутреннюю часть тела. Наконец, чаще всего, при постоянной лихорадке, в ушах, под бычьей грудиной или при выделении выделений, наиболее часто проявляющихся у апостолов, вызывающих бубоны, без какой-либо другой явной причины, или при быстром появлении воспаления в другой части тела, если это происходит, в начале, свидетельствует об усилении естественного здоровья, и появляется молочко, и, по-видимому, это главная причина. . Иногда в один из критических дней происходит несчастный случай — в основном рвота, отхаркивание кровью с потливостью, кровотечение из матки, кровотечение, струпья и многие другие симптомы, которые являются тяжелыми и отвратительными ”.

Признаки смерти у больных чумой следующие:

“Посевы, холодный пот, рвота; испражнения испорчены; моча черная или свинцового цвета. Судороги, подергивание конечностей, нарушение речи и зловонное дыхание, колики, отек тела, как при водянке, лицо разного цвета, красные пятна быстро обнаруживаются и покрываются ”.

Великая чума, послужившая поводом для написания Скене, вероятно, самая сильная из всех, которые пережил Эдинбург, пришла в этот город 8 сентября 1568 года, будучи принесенной, как было сказано, “человеком по имени Джеймс Дэлглиш, купцом[738]”. В письме от 21 сентября епископа Оркнейского, находившегося в то время в Эдинбурге, своему шурина сэру Арчибальду Нейпиру из Мерчистона, чей дом находился недалеко от чумных хижин, возведенных на реке Мьюир, инфекция упоминается как активная в то время:

“Из-за количества больных, которые покидают город, муир может быть переполнен; и не может быть иначе, как из-за близости вашего дома и бедности тех, кого выгоняют, они будут постоянно шнырять по вашей комнате и своими разговорами заразят кого-нибудь из ваших слуг”. Он советует ему удалиться в дом на северной стороне. “И закройте ваши дома, ваши усадьбы, ваши амбары и все остальное, и не позволяйте ни одному человеку входить туда, пока Богу угодно положить конец этой великой чуме[739]”.

Чемберс приводит следующий отчет о действиях Эдинбурга во время чумы[740]:

“Согласно обычаю в Эдинбурге, семьи, оказавшиеся зараженными, были вынуждены переехать со всем своим имуществом и мебелью в Бург-мур, где они поселились в убогих хижинах, наспех возведенных для их размещения. Им разрешалось навещать своих друзей в сопровождении офицера после одиннадцати часов утра; любой, кто приходил раньше, подлежал наказанию смертью, как и те, кто прятал вредителя в своих домах. Их одежда тем временем очищалась

путем кипячения в большом котле, установленном на открытом воздухе, а их дома охранялись соответствующими офицерами. Все эти предписания находились под присмотром двух граждан, отобранных для этой цели и называемых *бейлисами Муира*; для каждого из них, как и для уборщиков и носильщиков усопших, была сшита серая мантия с белым Андреевским крестом спереди и сзади. Другим мероприятием того дня было "изготовление двух закрытых гробов на четырех ножках, выкрашенных черным, и белого креста с колокольчиком, который будет подвешен сбоку от указанного погребения, что послужит предупреждением для людей".

Тот же автор сообщает, что чума продолжалась в Эдинбурге до февраля 1569 года и, по имеющимся сведениям, унесла 2500 жителей. Больных чумой в Канонгейте отправили в хижины "на холме", и были собраны деньги на их поддержку[741].

Чума 1574 года снова разразилась в основном на берегах залива Ферт-оф-Форт. По словам пассажира из Англии, он прибыл в Лейт 14 октября, и несколько человек погибло в этом городе еще до того, как о его существовании стало известно широкой публике. 24 октября он вошел в Эдинбург, "привезенный Ане Дохтер из Малвиса Керлла из Киркалди"[742]. 29 октября городской совет Глазго распорядился, чтобы никому не разрешался въезд из Лейта, Киркалди, Дайзарта, Бернтисленда и Эдинбурга (только в отношении Беллис Уинд), и чтобы никто в Глазго не направлялся в Эдинбург без пропуска[743]. Через два дня после этого (31 октября) Тайный совет Шотландии в Далкейте издал приказ о сдерживании распространения чумы на суше "посредством отъезда больных людей и нечистых на руку личностей: " никому не скрывать существование чумы и инфицированных ", чтобы закрыть тем Селффис в [744]. " 14 ноября заседания Сессионного суда были приостановлены из-за чумы в некоторых частях Эдинбурга, в Лейте, а также в некоторых городах и частях северного побережья Файфа[745]. В декабре сессия кирки Эдинбурга назначила восьмидневный пост в связи с чумой, угрожающей всему королевству.

Сообщается, что в январе 1577 года на английской границе бушевала чума, вызвав тревогу в Кирккадбрайте[746]. 19 октября 1579 года король и совет были достоверно проинформированы о том, что "инфекция и чума пистолетизма" распространилась не только во многих городах и частях побережья Англии, часто посещаемых шотландскими кораблями, но также в Бервике и ряде других границ Восточной и Средней границы Англии; поэтому рынки в Дансе и Келсо запрещены, и торговцам запрещается посещать зараженные места или ломать большую часть своих товаров[747]. В следующем, 1580 году, 10 сентября корабль, груженный корпией и пенькой с "Данске", с сорока людьми на борту, включая семерых эдинбургских купцов, прибыл в Форт и на много недель был помещен в карантин в Инчкольме; капитан и еще несколько человек умерли от чумы, а выжившие были переведены в ноябре, некоторые в Инчкейт, а некоторые в Инчгарви, корабль все еще находился в Инчкольме в дырявом состоянии. 22 ноября судно, которое спустилось по Тэю с пораженными чумой жителями Перта, некоторые из которых были мертвы, и с их товарами и снаряжением, было приказано отправиться на остров Мэй[748].

Одна из самых серьезных эпидемий чумы в Шотландии была с 1584 по 1588 год. Говорили, что она была занесена в Вестер-Уэмисс, в Файфе, неким "креаром"; но в то же время она была в некоторых других местах и, вероятно, была возрождением старых семян болезни. 28 июля Тайный совет издал приказ не допускать бродяг и попрошайек к бродяжничеству[749]. 24 сентября, 27 октября, 4 ноября и 11 декабря Тайный совет издавал приказ за приказом о

прекращении любого движения, за исключением разрешенного, из Файфа, Перта и других мест к северу от Форты; паруса должны были быть сняты с паромов на всех паромах, кроме Бернтисленда и Абердура, а в конечном итоге и на них, Лейт и Петтикур были оставлены свободными[750]. Что касается Перта, то у нас есть некоторые подробности этой масштабной вспышки. С 24 сентября 1584 года по август 1585 года умерло 1437 человек, молодых и старых[751]. Это также было в Дайзарте и других частях Файфа зимой 1584-85 годов[752].

Инфекция появилась в Эдинбурге примерно 1 мая 1585 года, во Плоты, в результате заражения женщины, которая была в Сент-Джонстоне (Перт), где была чума[753]. 18 мая в Эдинбурге был отдан приказ убрать всю грязь, мерзких зверей и падаль с дорог, а также убирать их и содержать в чистоте. 23 июня монетный двор был перенесен в Данди, а Сессионный суд перенесен в Стерлинг[754]. В следующий раз чума вспыхнула в Данди, откуда монетный двор был перевезен в Перт. В Сент-Эндрюсе она появилась в августе 1585 года и превратилась в серьезную эпидемию, вызвавшую рассеяние студентов и продолжавшуюся так долго, что плачевное состояние и бедность города частично приписываются в петиции от 24 марта 1593 года чуме[755]. Говорят, что там от этого умерло более четырехсот человек[756]. Состояние болезни значительно усугубилось влажной погодой во время сбора урожая. В Эдинбурге это продолжалось всю зиму до января 1586 года, иногда унося двадцать четыре человека за одну ночь: “жители Хейлла, пока им удавалось спастись, бежали из города; тем не менее, погибло тысяча четыреста с лишним человек, которые не смогли спастись бегством” (Бирелл). Джеймс Мелвилл, ехавший в ноябре из Бервика в Линлитгоу, въехал в Эдинбург через Водяные ворота аббатства в одиннадцать часов утра и проехал “через Канонгейт и в Нижней части Боу по главной улице Эдинбурга к Западному порту, на всем пути мы не встретили и трех человек, так что я неправильно назвал Эдинбург и почти забыл, что когда-либо видел такой город”[757]. В том же году непогода была необычайно суровой в Дунсе[758]. Зимой 1586-157 годов “чума утихла и начала странным и поразительным образом удаляться милосердной рукой Божьей, так что в ту зиму Эдинбург снова стали посещать, а с наступлением весны все города, до этого почти опустевшие, вновь заселились, и Сент-Эндрюс среди остальных[759]”.

Во время сбора урожая 1587 года “вредитель появился в Лейте из-за вскрытия нескольких старых кистов” и в Эдинбурге примерно 4 ноября. Это продолжалось в этих двух городах до Сретения Господня 1588 года[760]. 26 апреля 1588 года из Эдинбурга снова поступило сообщение о заражении, угрожающем судебному заседанию[761]. В октябре 1588 года это произошло в Пейсли, вызвав тревогу в Глазго[762].

8 августа 1593 года корабль из английского порта с людьми и товарами, подозреваемыми в заражении чумой, был помещен на карантин в Инчкольме[763]. Четыре года спустя, 6 августа 1597 года, “чума началась в Лейте[764]”. Двенадцать дней спустя, 18 августа, Тайный совет объявил, что многие жители различных городов близ Эдинбурга были инфицированы, и что подозревается, что болезнь в самой столице[765]. Многие бежали из Эдинбурга, но эпидемия закончилась к концу сбора урожая[766].

Зимой 1598 года чума, свирепствовавшая в Камберленде, распространилась на Дамфрис и вызвала большой упадок торговли и даже нехватку продовольствия[767]. 12 октября 1600 года в петиции из Данди говорится, что чума вредителя “проникла и распространилась в городе Финдорн”[768]. Файндхорн был лишь одним из нескольких зараженных мест в этой местности;

поскольку в декабре сессия Кирки Абердина объявила голодание “в связи со страшной инфекцией чумы, распространившейся за пределы различных частей Морей[769]”.

24 ноября 1601 года приходы Эглишоу, Иствуда и Поллока в Ренфрюшире и город Крейл в Файфе объявлены зараженными и им приказано закрыться. 28 числа того же месяца это было в баронстве Калдервуд, а 21 декабря - в Глазго. В январе 1602 года в Крейле с каждым днем становилось все больше, и подозреваемых выслали на мьюир, так что они разбрелись по разным частям Файфа. Это все еще продолжалось в Глазго и появилось в Эдинбурге до 4 февраля: городской совет построил укрытия и жилые дома для больных чумой на землях Шенис (Сайнс), принадлежащих Нейпиру из Мерчистона, без его разрешения, распахав старую чумную яму и сдав ее в аренду для своей прибыли: против чумных приютов Нейпир протестовал 11 марта. К 1 мая он прекратился в Эдинбурге, и 20-го числа был проведен торжественный день благодарения (Бирелл). Корабль, принадлежащий Крейлу, прибыл в Форт 30 июля 1602 года из “Данске” с тремя или четырьмя умершими от чумы и был помещен на карантин в Инчкейте. В апреле 1603 года Яков VI. отбыл в Англию, чтобы принять английскую[770] корону, с этим событием мы продолжим в другой главе богатую событиями историю чумы при Стюартах.

Между тем, приведенные выше сведения о чуме в Шотландии свидетельствуют об абсолютном иммунитете Абердина во второй половине шестнадцатого века. Это не зависит от какого-либо несовершенства записей; ибо под 1603 годом в реестре районов есть такая запись[771]: “Божьему руководству его бесконечной милости было угодно, чтобы упомянутая чума в этом городе прекратилась пятьдесят пять лет назад” — то есть с зимы 1546-47 годов, когда Дэвид Спилцелахт был обожжен на левой руке раскаленным железом за сокрытие случая чумы у одного из своих детей. Северный город, возможно, был обязан своим иммунитетом различным причинам; но не может быть и речи о драконовской строгости его указов о борьбе с чумой. Следуя примеру королевы Елизаветы в Виндзоре в 1563 году, магистраты в мае 1585 года, когда Перт, Эдинбург и многие другие места Шотландии серьезно страдали от чумы, соорудили три виселицы: “одну на меркат-кросс, другую на бриге Ди, а третью в устье хейвена, чтобы в случае, если какое-либо заразное лицо прибудет морем или по суше в этот город, или в случае, если какой-либо житель этого города примет, приютит или даст пищу или питье заразному лицу или лицам, в устье хейвена были установлены три виселицы”. мужчину повесят, а женщину утопят”.

Чума в Ирландии в период правления Тюдоров.

Сообщений о чуме в Ирландии в период правления Тюдоров немного, но некоторые из них представляют интерес. Говорят, что в 1504 году в провинции Мюнстер свирепствовала эпидемия, очевидно, не голодная лихорадка, поскольку голод и смертность от нее наступили в 1505 году[772]. Нет никаких сомнений в реальности следующей эпидемии чумы в Ирландии в 1520 году.

Граф Суррей пишет из Дублина Вулси 3 августа 1520 года: “По всей этой стране происходит удивительная смерть, которая настолько ужасна, что все люди выбегают из своих домов в поля и леса, где они также чудесно умирают; так что их тела дохнут, как свиньи, непогребенными”. 23 июля он уже писал, что в английской черте оседлости появились болезни; а 6 сентября он снова написал, что смертность в английской черте оседлости продолжается[773]. Возможно, это та же самая эпидемия или ее продолжение, которое упоминается как чума, бушевавшая в Мюнстере в

1522 году[774]. Согласно тому же источнику, “самая жестокая чума”, как говорят, была в городе Корк в 1535 году, и “великая чума” в том же самом 1547 году. Более ранняя из этих дат, вероятно, соответствует сезону плохого самочувствия в Ирландии в целом: “1536 год. Этот год был болезненным, нездоровым годом, в котором было множество болезней, а именно. всеобщая чума и оспа [то есть болезнь с ирландским названием, предположительно, оспа], и флюсовая чума, и постельная чума преобладали чрезвычайно[775]”. В государственном письме из Ирландии от 10 сентября 1535 года упоминается о распространенности “чумы”[776].

Зимой 1566-1567 годов среди английских войск, расквартированных вокруг старого монастыря Дерри, у истоков озера Лох-Фойл, где впоследствии был построен Лондондерри, произошла заметная вспышка чумы. Людей высадили там в октябре, и к ноябрю “среди них чудесным образом воцарился порядок”. 18 декабря и 13 января многие солдаты погибли, остальные недовольны, а провизии не хватает. 16 февраля болезнь продолжается “в этом жалком месте”, а 26 марта сообщается, что смерть в Дерри наступила от холода и инфекции: выживших перевезли в Стрэнджфорд-Хейвен[777]. Только 300 человек были годны к службе из 1100, и несколько высокопоставленных офицеров были мертвы. Мужские покои были построены над кладбищем древнего аббатства, и в то время заражение чумой приписывали эманациям почвы[778]. Той зимой в Ирландии был всеобщий дефицит, сопровождавшийся большой смертностью. Сэр Филип Сидней, лорд-наместник, пишет королеве 20 апреля 1567 года: “Да, вид костей и черепов ваших мертвых подданных, которые частично умерли в полях от убийств, частично от голода, таков, что вряд ли какой-нибудь христианин с сухими глазами смог бы это увидеть[779]”.

В 1575 году произошла серьезная и широко распространенная вспышка чумы, населенные пункты, специально названные Уэксфордом, Дублином, Наасом, Ати, Карлоу и Лейлином. Город Дублин был как бы безлюден, так что на улицах и у дверей церквей росла трава; после Троицы не служилось богослужений, и архиепископ назначал молитвы по всей провинции[780]. Масштабы эпидемии чумы в Ирландии были таковы, что английские войска, отправленные через Честер и Холихед, с трудом нашли безопасное место для высадки[781]. Была ли эта вспышка связана с военными действиями (как впоследствии, во времена Кромвеля), информация не позволяет нам судить; но Честер и другие близлежащие места, находящиеся в прямом сообщении с Ирландией, были поражены чумой годом ранее (1574).

ГЛАВА VII.

ТЮРЕМНЫЕ ЛИХОРАДКИ, ИНФЛЮЭНЦА И ДРУГИЕ ВИДЫ ЛИХОРАДКИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТЮДОРОВ.

Общие тюрьмы Англии датируются Кларендонским собором 1164 года, статьями которого были установлены пределы гражданской и церковной юрисдикции, и ссорой между архиепископом Бекетом и Генрихом II. сокращен до срока. В соответствии со статьей VII. по распоряжению

Совета были построены тюрьмы, главные из которых находились в Кентербери, Рочестере, Хантингдоне, Кембридже, Малмсбери, Саруме, Эйлсбери и Бедфорде[782]. Мало что слышно о нездоровой тюремной жизни до тех пор, пока средневековый период почти не закончился - и вовсе не потому, что управление тюрьмами было лучше, чем позже. “В 1385 году, ” говорит Стоу, “ Уильям Уолворт немного пожертвовал на освобождение заключенных в Ньюгейте; с тех пор то же самое сделали многие другие”. Один благотворитель привез в Ньюгейт запас воды; другой, знаменитый Уиттингтон, оставил деньги на восстановление тюрьмы, что и было сделано в 1422 году. За несколько лет до этого Ньюгейт пользовался дурной славой. Постановление от 7 Генриха V. (1419) о восстановлении тюрьмы для должников в Ладгейте, чтобы должникам не нужно было отправляться в Ньюгейтскую тюрьму, было принято в соответствии с петицией, в которой говорилось, что в “ненавистой тюрьме Ньюгейт из-за зловонной и коррумпированной атмосферы многие лица, заключенные в указанную тюрьму, теперь мертвы[783]”. По словам Стоу, наибольшая смертность, должно быть, была в 1414 году, когда умерли тюремщики Ньюгейта и Ладгейта и шестьдесят четыре заключенных в Ньюгейте[784].

Более чем столетием позже, в 1522 году, произошла первая из серии трагедий "тюремная лихорадка", которые были хорошо рассчитаны, чтобы произвести эффект, приписываемый Аристотелем сценической трагедии, при условии, что только причинно-следственная связь была более очевидной. Первое из этих исторических судебных заседаний против чернокожих состоялось по случаю доставки заключенных в тюрьму Кембриджского замка в Великий пост 1522 года. Факты, которые, по-видимому, нигде не приводятся, кроме как в *Хронике Холла* (почти современного авторитета), связаны менее полно, чем в некоторых более поздних примерах того же странного посещения; но нет никаких сомнений в реальности и общем сходстве.

Кембриджские черные присяжные заседатели.

На 13-м году правления Генриха VIII. на судебном заседании, проходившем в Кембриджском замке в Великий пост, “судьи и все джентльмены, судебные приставы и другие, находившиеся там, подхватили такую инфекцию, будь то от запаха заключенных или от домашней грязи, что многие джентльмены, такие как сэр Джон Кат, сэр Джайлс Арлингтон, Найты и многие другие честные йомены, от этого умерли, и почти все присутствовавшие были тяжело больны и чудом избежали смерти”[785].

Следует отметить, что ничего не говорится о том, что заключенные были инфицированы: их вывели из подземелий, чтобы они предстали перед судом в установленном порядке, а джентльмены и йомены, присутствовавшие в суде официально, или в качестве присяжных, или иным образом, были отравлены их присутствием. Эта ранняя хроника указывает в качестве причины “запах заключенных или грязь в доме”; а Бэкон, касаясь этого класса происшествий почти столетие спустя, указывает на “запах тюрьмы”, но ничего не говорит о случаях лихорадки среди заключенных, не имея на это оснований в доказательствах.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению состояния Англии в тюдоровский период и политики Генриха VIII. для подавления нищенства и преступности, а также появления “новых лихорадок” или “странных лихорадок” и “ласкес” в хрониках и других записях того времени было бы желательно как можно точнее описать клинический тип лихорадки судебных заседателей и ее обстоятельства. Для этой цели мы должны обратиться к следующей зарегистрированной

вспышке во время судебных слушаний в Оксфорде в 1577 году, которая, так уж случилось, была довольно полно описана как памятное событие в реестре Мертон-колледжа. Запись в реестре Мертона, по-видимому, была сделана в течение нескольких недель после события[786].

Оксфордские черные присяжные заседатели.

Присяжные заседали 5 и 6 июля 1577 года в замке и Зале гильдий. Заболели только те, кто присутствовал на судебных заседаниях, будь то в самом Оксфорде или после его окончания. Двое судей (Роберт Белл, главный барон казначейства и Джон Баррэм, старший сержант), шерифокруга, два рыцаря, восемь оруженосцев и мировые судьи, несколько джентльменов и немало их слуг, все большое жюри, за одним или двумя исключениями, - все они незадолго до отъезда из Оксфорда заболели и умерли (*statim post fere relictam Oxoniam mortui sunt*). В самом Оксфорде 15, 16 и 17 июля, примерно через десять или двенадцать дней после судебных заседаний, заболело около трехсот человек; а в следующие двенадцать дней умерло (“не по ошибке”) сто ученых, не считая немалого числа горожан. В Мертон-колледже умерли пятеро, в том числе один стипендиат, названы имена четырех человек, умерших 24, 27, 28 и 29 июля. В каждом колледже, зале или доме были свои мертвые. Нападениям не подвергались ни женщины, ни бедняки; инфекция также не распространилась на тех, кто ухаживал за больными или приходил выписывать им лекарства. Лихорадкой заболели только те, кто присутствовал на судебных заседаниях. Симптомы описаны следующим образом:

Пациенты страдали от болей как в голове, так и в желудке; их беспокоила лихорадка, они были лишены понимания, памяти, зрения, слуха и других органов чувств. По мере того как их болезнь усиливалась, они не принимали пищи, не могли спать и не позволяли, чтобы рядом с ними находились слуги или наблюдатели; их сила была замечательной, даже при приближении смерти; но если они выздоравливали, то впадали в крайнюю слабость. Не пострадали ни цвет лица, ни телосложение, но люди с холерическими наклонностями были наиболее подвержены этой болезни. Пострадавшие внезапно впадали в бред и ярость, одолевая тех, кто пытался их удержать; некоторые бегали по дворам и улицам, как сумасшедшие; другие бросались в воду очертя голову. Дух всех людей был подавлен; врачи бежали, и несчастные страдальцы были покинуты. Мастера, доктора и главы домов остались почти до единого человека. Хозяин Мертона остался, *long omnium vigilantissimus*, усердно ухаживая за больными. Вскоре в аптеках не осталось консервов, масел, сладкой воды, пиксидов и всех видов кондитерских изделий.

Эта внезапная эпидемия, начавшаяся 15-17 июля, длилась недолго; в течение одного месяца город восстановил свое прежнее здоровье, так что удивительно, говорит регистратор Мертона, видеть уже так много ученых и горожан за границей на улицах и прогулках.

Многие подозревали, что инфекция, по словам того же очевидца, возникла либо от зловонного воздуха воров, выпущенных из тюрьмы, двое или трое из которых умерли в цепях за несколько дней до этого (*quorum duo vel tres sunt ante paucos умираем в vinculis mortui*), либо от дьявольски изобретенных и явно папистских духов, призванных “e Lovaniensi barathro” и тайно и самым злобным образом выпущенных при дворе.

Последнее объяснение возникло из-за накаленных чувств того времени к папистским заговорщикам и больше не представляет интереса. Но заявление о том, что двое или трое заключенных умерли в цепях за несколько дней до этого, представляет большой интерес, поскольку показывает, какому обращению они подвергались в ожидании доставки в тюрьму. Странное подтверждение истинности этого утверждения появилось на свет много лет спустя. Когда Джон Говард посетил Оксфордскую тюрьму в 1779 году в ходе своей гуманной работы на благо заключенных, тюремщик рассказал ему, что за несколько лет до этого, желая построить небольшую лачугу и выкапывая для этой цели камни из руин двора, который раньше находился в Замке, он нашел под ними полный скелет с легкими цепями на ногах, звенья которых были очень маленькими. “Это, - говорит Говард, - вероятно, кости злоумышленника, который умер в суде от чумы при Черных присяжных[787]”.

Рядом с отчетом Merton register мы можем взять отчет Томаса Когана, выпускника медицинского факультета Оксфорда, когда-то члена Oriel, но, вероятно, переехавшего в Манчестер до 1577 года. Где бы Коган ни черпал свою информацию, он не признает источника следующего в своем “Убежище здоровья”, 1589:

“Что это за болезнь, которая впервые возникла в Кембридже [в 1522 году], а затем в Оксфорде, определить очень трудно, и ни один человек (насколько я знаю) не писал по этому поводу. И все же мое суждение таково, пусть это не оскорбляет ученых врачей, что болезнь была *Febris ardens*, жгучей лихорадкой. Поскольку признаки жгучей лихорадки явно проявлялись при этой болезни, которая после Холлериуса была следующей: сильный жар тела, неистовая жажда, отвращение к мясу, метания взад и вперед и беспокойство, сухость языка, шершавый и черный, боли в животе, холерические боли, сильная головная боль, отсутствие крепкого сна или бессонница вообще, бред и френсис, концом которых, для жизни или смерти, является кровотечение из носа, сильная рвота, обильное потоотделение или ласки. И этот вид болезни - один из тех стержней, и самый распространенный стержень, с помощью которого Богу угодно наказывать свой народ за грех.... И эта болезнь действительно, поскольку она является Божьим посланником, а иногда и Божьей напастью, потому что она приходит слишком поспешно и быстро уводит нас прочь, поэтому она обычно Преследует чуму и опережает ее.... И, конечно, после того отравления содой в Оксфорде, в том же году и через год или два после него, та же самая лихорадка свирепствовала по всей Англии и унесла очень многих представителей самого сильного сорта и в самом похотливом возрасте, и по большей части мужчин, а не женщин или детей, отбирая их тут и там, подобно тому, как вы отбирали бы лучшую овцу из крупного рогатого скота. И определенного средства не было найдено.... И те, кто в начале своей болезни умеренно потел и хорошо очищал свои желудки с помощью рвоты, поправлялись намного лучше. И все же, благодарение Богу, до сих пор на него не обрушилось ни одно великое бедствие”.

Помимо этих медицинских сведений, он приводит определенные даты и цифры. Это началось, по его словам, 6 июля, с этой даты по 12 августа следующего года от той же болезни умерло пятьсот десять человек, все мужчины и ни одной женщины: главными из которых были два судьи, сэр Роберт Болл, лорд-главный барон, и старший сержант Барам, старший шериф мейстер Доил, пятеро судей, четыре члена юридического совета и адвокат. Остальные были присяжными заседателями и такими, кто направлялся туда.

Отчет, мало чем отличающийся от отчета Когана, приводится Стоу в его *Анналах* (стр. 681);

“4, 5 и 6 июля были судебные заседания Холдена в Оксфорде, где был привлечен к ответственности и осужден некто Роуленд Дженкс за его мятежное высказывание, и в это время среди людей поднялась такая суматоха, что почти все были задушены, спаслись очень немногие, кого не схватили в тот момент: присяжные вскоре умерли. Вскоре после этого умерли сэр Роберт Белл, лорд-главный барон, сэр Роберт де Олие, сэр Уильям Бабингтон, майстер Венеман, майстер де Олие, верховный шериф, майстер Дейверс, майстер Харкурт, майстер Кирл, майстер Ферплейс, майстер Гринвуд, майстер Фостер, майстер Нэш, сержант Барам, майстер Стивенс, и в Оксфорде умерло 300 человек, и заболели там, но умерло в других местах 200 и более, с 6 июля по 12 августа, после чего от этой болезни не умер ни один, ибо ни один из них не заразил другого, и ни одна женщина или ребенок от этого не умерли”.

Учетная запись Стоу отличается от учетной записи Merton College register несколькими важными деталями. Из последнего ясно следует, что болезнь появилась среди ученых и горожан Оксфорда 15, 16 и 17 июля или с интервалом в десять дней или более, и что смерть среди тех, кто приехал в Оксфорд по делам присяжных, произошла не в Оксфорде, а по возвращении домой. С другой стороны, Стоу утверждает, что оксфордцы задохнулись от сырости, поднявшейся в самом суде: “спаслись очень немногие, кто не заболел в тот момент”; затем следуют смерти присяжных, а “вскоре после” - судей и других высокопоставленных чиновников, имена которых Стоу приводит более полно, чем кто-либо другой. Его общее количество смертей, такое же, как у Когана, составляет 300 в Оксфорде и 200 с лишним человек, покинувших Оксфорд, и его даты “с 6 июля по 12 августа” также совпадают с датами Когана.

Отчет Вуда по большей части взят из “Мертон реджистер” и частично из совсем другой версии в “АнналахСтоу”; но у него есть следующий новый материал: “Более 600 человек заболели за одну ночь, как свидетельствует врач, который сейчас живет в Оксфорде, а на следующий день заразный воздух, принесенный в ближайшие деревни, заболел там еще сотней[788]”. Это, конечно, совсем не похоже на отчет Мертонского колледжа, в котором ясно сказано, что никто не подхватил лихорадку, если не был в суде. Оксфордский врач, которому дано разрешение на шестьсот случаев в Оксфорде за одну ночь и на следующий день распространено на окрестные деревни, - это доктор Джордж Этредж, или Этриг, врач и знаток греческого языка, живший в то время в Оксфорде и содержавший пансион под названием Джордж-Холл для сыновей джентльменов-католиков. В 1588 году он опубликовал небольшой том комментариев к некоторым книгам Паулюса Эгинеты, который является авторитетом, данным Вудом[789]. Открыв этот отрывок, обнаруживаешь, что за одну ночь их было не 600, а “сексагинта”, или 60, и что случай, когда более шестидесяти человек заболели сразу за одну ночь в Оксфорде и почти сотня на следующий день в соседних деревнях, “куда случайно попал зараженный воздух”, был связан не с тюремной лихорадкой в 1577 году, а с потливостью в 1551 году. Распространение атмосферы на близлежащие деревни - это именно то, что произошло бы при потливости, болезни, в этом, как и в других отношениях, близкой к гриппу. Этредж говорит, что в том конкретном случае “почти никто из оксфордцев не умер” — утверждение, которое само по себе должно было предотвратить ошибку Вуда, даже если ссылка на то, что одна и та же болезнь “в одно и то же время” унесла жизни двух сыновей герцога Саффолкского “в Кембридже” (следовательно, менее здоровом месте, чем Оксфорд, где почти никто не умер), не совсем четко указывала на sudor Britannicus, который на самом деле назван в контексте (“sic enim vocant”)[790].

Хотя в процитированном отрывке Этредж ссылается на потливость в Оксфорде в 1551 году, он также ссылается на тюремную лихорадку 1577 года в другом отрывке, который до сих пор ускользал от внимания.

В следующем разделе своей книги, озаглавленном “О лечении болезней, популяризаторе трав, и борьбе с чумой”, он говорит, что использовал определенный рецепт из алоэ, аммония и мирры, растертых в вине, для себя, а также для других при серьезной инфекции, “*quae fuit in martiali sede cum ibi essem*”, а также, с приятным эффектом, на многих “при самой жестокой чуме в Оксфорде, которая унесла судью Белла и еще многих других; одного джентльмена я не смог убедить”. чтобы попробовать это лекарство, которого я поэтому верил Богу, и через четыре дня после того, как он умер. По поводу этой чумной лихорадки между мной и двумя наиболее учеными врачами состоялось много бесед; и что касается вида этой заразы, мы все согласились (*проявления и родоразрешение в единственном числе*) в предложении, которое я процитировал у Валеска, который говорит так: “Эти болезни опасны в том смысле, что врачи могут быть по большей части обмануты; ибо мы видим хороший отек в моче и некоторые другие хорошие признаки, но больной умирает” — замечание, которое часто повторяется”. в ранних работах о чуме.

Потребовалось больше времени, чем обычно, чтобы установить факт лихорадки оксфордских черных судебных заседаний, потому что ошибочная версия получила распространение в авторитетных источниках; но, возможно, было сказано достаточно, чтобы позволить нам перейти от факта к теории^[791].

Теория тюремной лихорадки в Оксфорде в 1577 году не была предпринята ни одним автором в то время, да и в более поздние времена она таковой не была; но значение вспышки было признано. Оксфордский ученый доктор Плот, писавший всего столетие спустя (1677), упоминает утверждение о том, что из земли вырвался “ядовитый пар”, вероятно, имея в виду образное объяснение Стоу, что среди людей возникла сырость и они задохнулись, спаслись очень немногие, кого не схватили в тот момент. Затем сюжет продолжается:—

“Но пусть это не приписывается дурным парам и испарениям, поднимающимся от земли и отравляющим воздух, ибо это в равной степени подействовало бы как на заключенных, так и на судей, но мы не находим, что они покрасились иначе, чем из-за уздечки, что легко убеждает меня в том, что на уме у милорда Верулама (*Нац. История. cent. X. num. 914*), который полностью приписывает это запаху Тюрьмы, где заключенные долго содержались в тесноте и мерзости”.

Мы действительно знаем из реестра Мертон, что “двое или трое заключенных умерли в цепях за несколько дней до этого”, что является достаточным указанием на состояние, в котором они содержались, но не является основанием для вольного перевода Энтони Вудом слов: “из которых двое или трое, *измученные этим* [то есть “отвратительным и заразным запахом заключенных”] умерли за несколько дней до начала судебных заседаний”. Двое или трое заключенных умерли в своих цепях с неописанными симптомами; и хотя тиф среди заключенных в тюрьмах случался часто, его также не хватало во многих случаях, когда грязь и нищета могли вызвать его у самих заключенных^[792].

Решение Бэкона по делу, упомянутому выше, было основано на строгом изучении доказательств и не выходит за рамки самих доказательств. Он объясняет инфекцию, возникшую

в суде, “запахом тюрьмы”; и чтобы не предполагать, что запах, который, по-видимому, не привлек какого-либо особого внимания в то время, он осторожно объясняет, в каком смысле он имеет в виду запах тюрьмы:

“Самая пагубная инфекция, ” говорит он, “ после чумы, - это запах тюрьмы, когда заключенных долго держали в тесноте и в отвратительных условиях; с чем мы в свое время сталкивались дважды или трижды; когда и судьи, заседавшие в тюрьме, и многие из тех, кто присутствовал при этом деле, заболели и умирали. Поэтому было бы благоразумно, если бы в таких случаях тюрьму проветривали, прежде чем выводить их наружу....

“Оставляя в стороне такие отвратительные запахи, которые издаются искусством и руками, они состоят главным образом из разлагающейся человеческой плоти или пота; ибо наиболее пагубны не те вонь, которые ноздри прямо ненавидят и изгоняют, а такие, которые имеют некоторое сходство с телом человека и таким образом проникают внутрь и выдают духов”[793].

Эксетер Блэк выступает в суде присяжных.

Следующие судебные заседания для чернокожих состоялись в Эксетеере в 1586 году, через девять лет после оксфордской трагедии. Эксетерскому инциденту посчастливилось быть описанным человеком, столь же компетентным, каким был автор в реестре Мертонского колледжа по первому делу, а именно Джоном Хокером, *по прозвищу* Воуэлл, управляющим города и его представителем в парламенте, юристом с хорошим образованием, который, должно быть, был знаком со всеми обстоятельствами и написал свой отчет в течение шести месяцев. Он известен как главный автор второго издания *Хроник* Холиншеда, в котором история ведется с 1586 года, а его имя указано на титульном листе. Именно в эту работу он вставил свой отчет о судебных заседаниях в Эксетеере Блэке, написанный в октябре 1586 года. На полях написаны слова:

“Записка Джона Хукера, *псевдонима* Воуэлла”; и текст записки следующий[794] (III. стр. 1547-8): “На заседаниях суда присяжных, проходивших в городе Эксетер, четырнадцатого марта, на двадцатом восьмом году правления ее величеств, перед сэром Эдмундом Андерсоном, рыцарем, лордом—главным судьей общей юрисдикции, и сержантом Флоредэ, одним из баронов казначейства, судьями у ассизов в графствах Девон и Эксон произошло очень внезапное и странное заболевание, сначала среди заключенных тюрьмы и замка Эксон, а затем распространившееся (после суда над ними) среди множества других лиц; что мало чем отличалось от заболевания, которое в конце года произошло в ассизском холдене в Оксфорде перед сэром Робертом Беллом, рыцарем, лордом-бароном казначейства, а затем судьей этого ассиза

О происхождении и причине этого разные люди по-разному судят. Некоторые действительно приписывали это и считали, что это произошло из-за заражения в тюрьме, которое из-за тесного воздуха и отвратительной вонь, заключенные, только что вышедшие со свежего воздуха на тот же воздух, в течение короткого времени по большей части заражаются им; и это обычно называется тюремной болезнью, и многие из них умирают от нее. Некоторые действительно приписывали это неким Портингалам, тогда еще заключенным в упомянутой тюрьме. Ибо незадолго до этого некто Барнард Дрейк, эсквайр (впоследствии получивший

прозвище Рыцарь), побывал на море и, встретив несколько носильщиков, пришедших с новооткрытой земли и нагруженных рыбой, он принял их за хорошую добычу и привез в Дартмутскую гавань в Англии, а оттуда их, в количестве примерно тридцати восьми человек, отправили в тюрьму замка Эксон, и там бросили в глубокую яму и вонючую темницу^[795].

Эти люди до этого долгое время находились в море, не меняли одежды и не ложились в постель, а теперь, лежа на земле без посторонней помощи, вскоре были заражены; и все по большей части были больны, и некоторые из них умерли, а кто-то из них отвлекся; и эта болезнь очень скоро распространилась среди всех оставшихся заключенных в тюрьме; от этой болезни многие из них умерли, но все были доведены до крайних состояний, и их с трудом удалось избежать. Эти люди, когда они должны были предстать перед вышеупомянутыми судьями для суда, многие из них были настолько слабы и больны, что не могли ни ходить, ни стоять; но их доставили из тюрьмы к месту суда, некоторых на ручных тачках, а некоторых вели промежуточные люди, и так доставили к месту правосудия.

Вид жалких дел этих людей, которые, как считалось (и больше похоже), были уморены голодом, чем болезнью, тронул сердце мужчины, когда он увидел их и посмотрел на них; но никто не жалел их больше, чем сами лорды-судьи, и особенно сам лорд-главный судья; который по этому случаю принял лучший порядок содержания всех заключенных отныне в тюрьме и для более частых судебных процессов; который теперь был назначен проводить ежеквартальные заседания, а не выставлять посты. еще немного, как и в прошлые времена, до конца.

Таким образом, эти заключенные были доставлены из тюрьмы на судилище, после того как они были размещены и немного отдохнули на открытом воздухе, их привели в здание, расположенное в одном конце зала, рядом с местом судьи, которое является обычным и ответственным местом, где они предстают перед судом и предъявлением обвинений. И как бы ни обернулось дело, и по какому бы случаю это ни случилось, зараза последовала за мани, и многие из тех, кто был при дворе, и особенно те, кто был ближе всего к ним, были заражены быстрее всего. И хотя инфекция тогда не была замечена, потому что каждый человек уходил (как он думал) в таком же добром здравии, в каком и пришел туда; все же то же самое мало-помалу так подкрадывалось к тем, на кого подействовала инфекция, что через несколько дней, возвращаясь домой, они почувствовали силу этой чумной болезни; при этом больше заразившихся умерло, чем избежало. И помимо заключенных, мани пользовались хорошей репутацией и всеми другими степенями, которые от этого умерли; как по имени сержант Флоредей, который тогда был судьей на тех процессах над заключенными, сэр Джон Чичестер, сэр Артур Бассет, сэр Барнард Дрейк, рыцарь^[796]; Томас Кэрю из Хакомба, Роберт Кэри из Кловелли, Джон Фортескью из Вуда, Джон Уолдрон из Брэдфилда и Томас Рисдон, эсквайры и мировые судьи.

... Из плебеев и простых людей погибло большинство, особенно констебли, судебные приставы и сборщики десятины, а также те, кто были присяжными, и назовите одно жюри из двенадцати, из которых погибло одиннадцать.

Эта болезнь была распространена по всему графству, и на момент написания этой статьи в октябре 1586 года она еще не полностью исчезла. По большей части это сохраняется около четырнадцати дней и выше из-за тайной инфекции, прежде чем вырваться наружу в его силе и буйстве ”.

Здесь мы имеем тот же инкубационный период, что и при оксфордской лихорадке, около четырнадцати дней. Но в деле Эксетера у нас есть четкое указание на то, что инфекция возникла в тюрьме от бедных португальских моряков или рыбаков, которые были брошены в “глубокую яму и вонючую темницу” после того, как их захватил в открытом море сэр Бернард Дрейк, что инфекция поразила других заключенных, что многие из заключенных умерли и все были доведены до крайности, и что те, кто предстал перед судом, были тогда в самом слабом состоянии, хотя сочувствующим зрителям они показались скорее истощенными, чем больными.

Что касается распространения инфекции в Суде присяжных, среди юристов, знати графства, должностных лиц, присяжных заседателей и других лиц, то она была такого же трагического характера, как в Оксфорде в 1577 году и в Кембридже в 1522 году, и, как мы увидим, в нескольких случаях в восемнадцатом веке. Но дело Эксетера само по себе имеет некоторые особенности. В тюрьме находились как английские уголовники, так и тридцать восемь португальцев, которые были схвачены на пути домой с берегов Ньюфаундленда с лодками, груженными рыбой, и с которыми обращались как с уголовниками, потому что Испания и Англия находились в состоянии войны. Внутри тюрьмы, по-видимому, также существовала градация страданий, глубокая яма и вонючее подземелье, “в самой нижней глубине, в самой нижней бездне”, в которую были отправлены люди чужеземной породы, португальцы. Именно среди них впервые произошли смертельные случаи, в какой именно форме, мы не знаем. Хокер ясно утверждает, что от них инфекция распространилась по тюрьме на свободу и сделала многих заключенных настолько слабыми, что их пришлось доставить в суд. Это совершенно не похоже на то, о чем мы читаем в делах Кембриджа и Оксфорда, ни в одном из которых у заключенных не было отмечено болезни и о них не заявлялось, хотя в Оксфорде двое или трое умерли в цепях за несколько дней до этого. В деле Эксетера было три круга проклятых вместо двух: нет, их было четыре. Дальше всех стояли португальцы, рядом с ними были уголовники-англичане, затем шли те, кто присутствовал по делам или развлекался на судебных заседаниях, и, наконец, много месяцев спустя были сельские жители по всему Девонширу. Мы должны собрать воедино все эти особенности тюремной лихорадки в Эксетере и объяснить их друг через друга. Это был несколько усовершенствованный яд. Он перешел от иностранных заключенных к англичанам, и при передаче как бы укрепил свою силу; следовательно, когда заключенные передали его тем, кто дышал их атмосферой в суде, инфекция распространилась не только на них, как это, безусловно, произошло в Оксфорде и, насколько можно судить, также в Кембридже, и как это обычно бывает при сыпном тифе; но он стал летучим ядом, у него выросли крылья и он приобрел стойкую силу, так что его воздействие ощущалось в графстве Девон по крайней мере еще на шесть месяцев.

Бедность и бродяжничество в Англии времен Тюдоров.

Судебные заседания черных в Кембридже (1522 г.), Оксфорде (1577 г.) и Эксетере (1586 г.) в каждом случае проливают сиюминутный и яркий свет на состояние Англии в период правления Тюдоров вплоть до середины правления Елизаветы. В предыдущей главе указывалось, что цены и заработная плата были благоприятны для земледельцев в пятнадцатом веке, что в тот период появилось английское йоменство, что деревенские общины и торговые города процветали, хотя их мораль была не из лучших, и что гражданские войны Йорка и Ланкастера не только не нанесли ущерба внутреннему миру Англии, но даже обеспечили его. Это было наблюдение

Филиппа де Комина, неоднократно цитировавшееся ранее, о том, что Англия обладала “особой милостью”, поскольку ее не беспокоили бедствия гражданских войн, поскольку королям и знати было предоставлено самим улаживать свои ссоры между собой. “Ничто не совершенно в этом мире”, - говорит французский государственный деятель, которому не нравилась независимость духа среди низших слоев общества. Но он признает этот факт характерным для Англии пятнадцатого века, и в этом не может быть никаких сомнений.

Едва закончились гражданские войны, как начались беды простых людей. Здесь, если вообще где-либо, находится поворотный момент в стихотворении Голдсмита “Заброшенная деревня”:

Было время, еще до того, как начались беды Англии,
Когда на каждом клочке земли был свой человек.

Заброшенные деревни стали реальностью в последней четверти пятнадцатого века и на протяжении всего последующего столетия. Впервые мы слышим об этой депопуляции на острове Уайт, где она повлияла на национальную оборону и, следовательно, привлекла внимание государства. В 1488-9 годах были приняты два акта, глава 16 и глава 19 из 4 Генриха VII. В первом говорится, что “именно для безопасности короля и королевства остров Уайт должен быть хорошо заселен, для защиты от наших древних врагов Франции; население острова в последнее время пришло в упадок по той причине, что многие города и деревни были заброшены, а поля расчищены дамбами и превращены в пастбища для скота”. Второе касается того, что

“Большие неудобства ежедневно увеличиваются из-за запустения, сноса и преднамеренного опустошения домов и городов и отвода пастбищных угодий, которые обычно использовались в тилте, вследствие чего праздность, почва и начало всех бед, ежедневно увеличивается; ибо там, где в некоторых городах двести человек были заняты и жили своим законным трудом, теперь там заняты два или три пастуха, а остальные впадают в праздность”. Принятое средство правовой защиты заключается в том, что никто не должен приобретать ферму на острове Уайт стоимостью более десяти марок и что владельцы должны содержать в своих поместьях дома и постройки, необходимые для обработки почвы.

Пример такой же депопуляции приводит Дагдейл в Уорикшире: семьсот акров пахотных земель превращены в пастбища, восемьдесят человек уволены с работы, что привело к разрушению шестнадцати столовых и семи коттеджей. Пример того же рода уже приводился в окрестностях Кембриджа еще в 1414 году; но это произошло только после урегулирования династических распр и зависти, частично из-за побед Эдуарда IV. в Барнете и Тьюксбери в 1471 году и полностью после победы Генриха Тюдора при Босворте в 1485 году эти аграрные проблемы стали всеобщими. Затем начались знаменитые *огораживания*— огораживания как “пустошей” поместий, так и открытых возделанных полей поместий, на которых все категории жителей деревни имели свою долю аренды.

Несколько лет спустя, в 1495 году, число бродяг и попрошаек настолько возросло, конечно, из-за огораживаний, что потребовался новый закон, сар. 2 из 11-го числа правления Генриха VII. “Принимая во внимание большие штрафы, которые должны вырасти за доставку бродяг в тюрьмы в соответствии со статутом 7 Ричарда II., глава 5, и длительное нахождение их в тюрьмах, в результате чего, вероятно, многие из них лишатся жизни:” следовательно, посадить их в колодки на три дня и три ночи на хлебе и воде, а после этого выпустить их на свободу и

приказать им избегать города, и если бродягу снова схватят в том же городе или поселении, то колодки наче^{ты}ре дня с аналогичным питанием. Однако с достойными бедняками следовало поступать иначе, но столь же бесполезно. В 1503-4 годах, к 19-му году правления Генриха VII. глава 12, срок содержания в колодках был сокращен до одного дня и одной ночи (хлеб и вода, как и раньше), вероятно, для того, чтобы очередь дошла до всех бродяг.

Наиболее правильная картина состояния Англии при Генрихе VII. и Генрихе VIII. дана сэром Томасом Мором. Отрывки из его *Утопии*, относящиеся к состоянию Англии, могут быть восприняты как достоверная история. Предполагается, что дискуссия возникнет за столом Мортон, архиепископа Кентерберийского, который был первым покровителем Мора и умер в 1500 году. “Я осмеливаюсь смело высказать свое мнение перед кардиналом”, - говорит иностранный обозреватель наших нравов и обычаев Рафаэль Хитлодей; затем следует отчет о состоянии Англии, в котором нет недостатка в простоте речи.

Но давайте рассмотрим те вещи, которые ежедневно происходят перед нашими глазами. Во—первых, есть огромное количество джентльменов, которые не могут довольствоваться тем, что сами живут в праздности, подобно трутням, ради того, ради чего трудились другие: я имею в виду их арендаторов, которых они опрашивают и обирают до нитки, повышая им арендную плату (ибо это единственный пункт бережливости, которым они пользуются, остальные люди из-за своих щедрых и расточительных трат способны довести себя до полного разорения) - эти джентльмены, говорю я, не только сами живут в праздности, но и таскают за собой на хвосте огромное стадо праздных и слоняющихся без дела слуг, которые никогда не научились любому ремеслу, с помощью которого добывали себе нажизнь. Этих людей, как только их хозяин умирает или они сами заболевают, в состоянии недержания выставляют за дверь.... И земледелец не осмеливается поручать им работу, достаточно хорошо зная, что он ничтожество, чтобы верно и преданно служить бедняку с лопатой и мотыгой за небольшую плату и каторжную пищу, который, будучи изысканно и нежно избалованным праздностью и удовольствиями, имел обыкновение с мечом и щитом на боку расхаживать по улице с хвастливым видом и считать себя слишком хорошим, чтобы быть чьей-либо парой.

Нет, клянусь Святой Марией, сэр, (сказал юрист) это не так. Из таких людей мы должны извлекать максимум пользы. Ибо в них, как в людях с более крепким желудком, более смелым духом и более мужественным мужеством, чем у ремесленников и пахарей, заключается вся мощь нашей армии, когда мы должны сражаться в битве”.

Вот и все о слугах богатых, которых можно выбросить, чтобы пополнить ряды бедности и преступности. Но дальше:—

“Есть еще одна причина, которая, как я полагаю, присуща только вам, англичанам.— Что это? спросил кардинал.— Воистину, милорд, - сказал я, - ваши овцы, которые раньше были такими кроткими и ручными и так мало ели, теперь, как я слышал, стали такими великими пожирателями и такими дикими, что они пожирают и проглатывают самих людей. Они поглощают, разрушают и пожирают целые поля, дома и города. Ибо посмотрите, в каких частях королевства выращивают самую прекрасную и, следовательно, самую дорогую шерсть, эти дворяне и джентльмены, да и некоторые аббаты (без сомнения, святые мужи), не довольствуясь ежегодными доходами и прибылью, которые обычно приносили их предкам и предшественникам их земли, и не довольствуясь тем, что они живут в покое и удовольствиях, ничего не получая, да и сильно раздражая состоятельную публику, не оставляют земли для

обработки; они превращают все в пастбища; они разрушают дома; они сносят города и не оставляют ничего стоящим, кроме только церкви. чтобы его превратили в овчарню. И как будто вы потеряли немалое количество земли из-за лесов, аллей, лужаек и парков, эти святые люди превращают все жилища и все поля в запустение и пустыню. Поэтому один алчный и ненасытный баклан и само бедствие своей родной страны может обойти и окружить многие тысячи акров земли вместе в пределах одной полосы или изгороди; земледельцы будут изгнаны со своих земель, или же либо хитростью и обманом, либо жестоким притеснением они будут вытеснены за ее пределы, или из-за обид и увечий они будут так утомлены, что будут вынуждены продать все. Следовательно, тем или иным способом, всеми правдами и неправдами, они должны уехать прочь, бедные глупые несчастные души, мужчины, женщины, мужья, жены, дети, оставшиеся без отца, вдовы, убитые горем матери со своими маленькими младенцами и все их небольшое по содержанию и многочисленное хозяйство, поскольку для ведения сельского хозяйства требуется много рук. Я говорю, что они уходят из своих знакомых и привычных домов, не находя места для отдыха. Все их домашние вещи, которые стоят очень мало, хотя вполне могли бы выдержать продажу, но, будучи внезапно выброшенными, они вынуждены продавать их за бесценок. А когда они побродят по свету, пока не истратят эти деньги, что им тогда останется, кроме как украсть, и тогда справедливо, парди! быть повешенными или же заняться попрошайничеством. И все же тогда они также будут брошены в тюрьму как бродяги, потому что они ходят и не работают; их никто не заставит работать, хотя они никогда так охотно этому посвящают себя”.

Так были заполнены тюрьмы. Политика Генриха VIII. заключалось в том, чтобы вешать за мелкую кражу — “двадцать человек вместе на одной виселице”. И все же юрист, защитник незыблемого правления короля, “не мог ничего другого, кроме как сильно удивляться, как и по какой злой случайности могло случиться, что воры, тем не менее, были повсюду столь многочисленны”.

Эти описания состояния Англии были написаны примерно в 1517 году, и упоминания в различных Актах Генриха VIII подтверждают их. Таким образом, в 1514 и 1515 годах (6 Куриц. VIII. глава. 5 и 7 Куриц. VIII. глава 1), города, деревни и хутора, а также другие пришедшие в упадок жилища на острове Уайт подлежат восстановлению и повторному заселению. В 1533-4 (25 ген. VIII. глава 13), существует более всеобъемлющий Закон, направленный против расширения пастбищных хозяйств, “по причине чего огромное количество людей этого королевства не в состоянии обеспечить себя, своих жен и детей мясом, питьем и одеждой, необходимыми для них самих, их жен и детей, но они настолько обескуражены нищетой, что ежедневно становятся жертвами воровства, разбоя и других неудобств или прискорбно умирают от голода и холода”. У некоторых жадных и корыстолюбивых людей есть до 24 000 овец: никто не должен держать более 2000 овец под страхом наказания в размере 3с. 4д. за каждую овцу, которую он держит сверх этого числа. Через десять лет после этого выходит хорошо известный Закон, касающийся упадка городов^[797] (35 Ген. VIII. глава 4).

Помимо этих упоминаний в Актах парламента, у нас есть и другие проблески причин аграрного кризиса. Так, в письме сэра Эдварда Гилфорда Вулси от 24 июня 1528 г.: “Ромни-Марш пришел в упадок; есть много больших ферм и владений в руках лиц, которые не проживают на них, не обрабатывают и не разводят скот, а используют их для выпаса скота, доверяя валлийцам хранить крупный рогатый скот”^[798].

В книге Бекона "*Жемчужина радости*", написанной в правление Эдуарда VI. описывается такое же положение вещей:

“Как богатые люди, и особенно такие, как торговцы овцами, угнетают подданных короля, пожирая их общие пастбища вместе со своими овцами, так что бедняки не в состоянии держать корову для удобства себя и своей бедной семьи, и они могут умереть с голоду, если в ближайшее время не будет обеспечено продовольствие?”... Богатые люди никогда не были настолько отчуждены от всякой жалости и сострадания к бедным, как в настоящее время.... Они не только соединяют дом за домом, но когда в их руки попадает много домов и доходных домов, да, целые поселки, они допускают, чтобы дома приходили в полное запустение, так что из-за этого целые города становятся пустынными и подобными пустыне, в которой не живет ни один человек, кроме пастуха и его собаки”. Собеседник в диалоге отвечает: “Это правда. Ибо я сам знаю много городов и деревень, пришедших в упадок; ибо если в прошлые времена в каком-нибудь городе было сто дворов, то сейчас не осталось и тридцати; в каких-нибудь пятидесяти не осталось и десяти; да (что еще более достойно сожаления). Я знаю города, настолько пришедшие в упадок, что, как говорится, от них нет ни палки, ни камня.... И причиной всего этого убожества и разорения на общее благо является жадность джентльменов, которые являются торговцами овцами и скотоводами[799].”

Опять же, в “*Диалоге о лихорадочном море*” Буллейна (1664) конюх Роджер, сопровождающий горожанина и его жену в деревню, в направлении Барнета, указывает на поместье, арендная плата за которое была повышена; поля были превращены в большие пастбища, а все дома снесены, кроме поместья: “ибо карлы расторгли договор аренды и стали просить милостыню, как злодеи, и многие из них умерли от голода”.

Бродяги, попрошайки, отважные попрошайки, стойкие попрошайки и хулиганы продолжают занимать страницы Свода Законов в течение многих лет. В 1530-31 (длинный и изощренный Закон) и в 1535-6 годах они должны быть наказаны колодками, поркой и обрезанием ушей; “и если какой-либо хулиган, крепкий бродяга или доблестный попрошайка, у которого отрезана верхняя часть правого уха, как указано выше, будет задержан, блуждающим в праздности, и будет должным образом доказано, что он не занимался теми работами, которые были ему поручены, или не состоял на службе у какого-либо хозяина, то его отправят в тюрьму до следующего квартала”. сессии, и будет там предъявлено обвинение и предан суду, и, если его признают виновным, он будет приговорен к смертной казни как преступник”. Еще более отвлеченный поступок был совершен лордом-протектором в 1547 году (1 Изд. VI. сар. 3): если бродяга продолжает бездельничать и отказывается трудиться или сбегает с порученной ему работы, он должен быть заклеен буквой V и объявлен рабом на два года любому лицу, которое потребует от него, чтобы его кормили хлебом, водой и мясными отбросами и заставляли выполнять такую работу, “какой бы мерзкой она ни была, к чему он должен быть привлечен путем избиения, закования в цепи или иным способом”. Если он сбежит в течение этих двух лет, ему поставят клеймо на щеке буквой S и объявят пожизненным рабом; а если он сбежит снова, его ждет смерть как преступника. Аналогичные положения предусмотрены для “детей-рабов”, в то время как обычные исключения предусмотрены для бессильных бедняков. Вышеупомянутый закон оставался в силе всего два года, поскольку с самого начала был чудовищным оскорблением интеллекта нации и никогда не применялся. За ним последовали два Закона о кротости, 3 и 4 Изд. VI. глава 16, и 5 и 6 Изд. VI. глава 2, в которых бессильным беднякам предоставляется: —сборщики пожертвований в церкви, чтобы “мягко просить милостыню для

бедных”. К 1 марта месяца Марии, глава 13, сборы для бедных производились еженедельно. Когда Елизавета взойшла на трон, на состоятельных людей было оказано большее давление с целью поддержки бедных: по Закону 5 Элизабет, глава 3 (1562-3), те, кто упрямо отказывался от добровольной милостыни, могли быть подвергнуты взысканию. Более важным деянием Елизаветы было то, что на 14-м году ее жизни (1572-3) глава 5 “Для наказания бродяг и оказания помощи бедным и бессильным”. Бродяга, как и прежде, подлежит порке кнутом и выжиганию уха; за второе преступление - смертной казни как преступник, “если только какой-нибудь честный человек не возьмет его к себе на службу на целых два года”; а за третье преступление - смертной казни и потере земель и имущества как преступник, без права на духовенство или убежище. Престарелые и немощные бедняки, согласно тому же Закону, должны находиться на попечении “надзирателей за бедными” в каждом приходе и иметь для них постоянные места жительства. В 1575-6 годах (18-я глава 3) в Закон 1572-3 были внесены поправки и разъяснено: “сборщики пожертвований и попечители бедных” должны обеспечивать запасы шерсти, пеньки, железа и т.д. для работы с бедными должны быть построены “исправительные дома”, или Брайдуэллы, - один, два или более в каждом графстве для отважных нищих или таких других бедняков, которые отказываются работать под началом надзирателей или присваивают их труд. Последними и величайшими законами о бедных в царствование Елизаветы были законы, принятые на 39-м году ее правления (1597-8). Главы 3 и 4 и 43-й год ее правления (1601). 2. Они оставались основой английского законодательства о бедных вплоть до недавнего периода. Надзиратели за бедными назначаются в каждом приходе — церковные старосты *по должности* и еще четверо, назначаемые судьями на пасхальной неделе: надзиратели должны собираться раз в месяц в приходской церкви после воскресной службы: взносы должны взиматься жителями любого прихода между собой, или приход или сотня должны облагаться налогом судьями, при отсутствии взносов, или, если сотня не в состоянии, то округ должен быть отнесен “в помощь” приходам.

Учитывая развитие закона о бедных и закона против бродяг до конца тюдоровского периода, мы можем теперь вернуться к нашим конкретным иллюстрациям, и особенно к иллюстрациям из книги “Народная болезнь”.

Под 1537 годом у одного из лондонских “Гражданских хронистов” есть запись: “Начал сбор пожертвований для бедных, и благодаря этой благотворительности многие излечились от многих тяжелых болезней”. Под 1540 годом он записывает, что “сбор пожертвований для бедных людей прекратился[800]”. Проповедуя перед Эдуардом VI. в четвертое воскресенье Великого поста 1550 года Томас Лавер, магистр колледжа Святого Иоанна в Кембридже, сказал: “О милосердный Господь! какое количество бедных, немощных, беспомощных, слепых, хромым, болезненных — да, с праздными бродягами и лицемерными попрошайками, смешанными среди них, лгут и пресмыкаются, прося милостыню на грязных улицах Лондона и Вестминстера[801]”. В мае 1552 года Ридли написал Сесилу, что горожане готовы обеспечить бедных “мясом, питьем, одеждой и огнем”, но им не хватает жилья, и он хотел, чтобы король отдал Брайдуэлл “для приюта Христа”, или, другими словами, бедняков, “которые в то время валялись на улицах Лондона”.

Приближаясь к середине правления Елизаветы, к 1579 году, мы находим в эссе доктора Джона Джонса, посвященном королеве и посвященном общим темам здоровья и морали, отчет о бедности и преступности, который читается немногим лучше, чем у сэра Томаса Мора за 1517 год. В своей 31-й главе, посвященной “Огромной цене, которую содружество ежедневно несет,

освобождая бедных: от числа тех, кого вскоре казнят”, он говорит о новой ставке для бедных как о “большем налоге, чем некоторые субсидии”, и как о “большем сборе, которого хватило бы, чтобы содержать хорошую армию”; и о преступниках как о “более могущественной компании несчастных пленников, чем могла бы защитить большая страна, как это легко можно увидеть в отчетах клерков Мирового суда и суда присяжных”.

Даже с самого начала, по-видимому, бедный процент не справился с этой трудностью:

“И все же экономки будут лишь немногим менее разряжены, если вы обратите внимание на постоянное обращение нуждающихся, особенно в сельской местности и городах, которые находятся поблизости, бедным (как они говорят) не намного больше помогают, поскольку из-за стона, который они издадут путешественникам, их можно легко собрать, а воровство и нечестие не становятся менее распространенными. Ибо какое это несчастье - видеть, как на одном судебном заседании в маленьком графстве приговаривают тридцать девять человек, несмотря на милосердие судей, и триста с лишним в одной епархии к епитимье или штрафу за разгульный образ жизни в течение года. Но это только самые подлые люди, ибо остальные ведут себя так, как будто в них нет ничего оскорбительного. И в одной тюрьме одновременно содержится триста и более заключенных, большая часть из которых, возможно, произошла из-за халатности правосудия или жестокости, которые в противном случае могли бы быть наказаны по закону”.

Затем он ссылается на Брайдуэллов, “столь милосердно и политически назначенных последним Актом парламента, хотя и возведенных еще не в каждом графстве”. Парламентский акт был принят в 1572 году, и Брайдуэллы были исправительными домами для бродяг, первым типом работных домов, названных так в честь Брайдуэлла на Флит-стрит, который был преобразован Эдуардом VI из королевской резиденции в убежище бедных. Что касается лихорадки, то мало имело значения, был ли Брайдуэлл богадельней или тюрьмой, поскольку в более поздние времена тюремная лихорадка и лихорадка работного дома были синонимами тифа.

Неудивительно было бы обнаружить, что такой огромный размах пауперизма, бродяжничества и преступности сопровождается характерным *morbus pauperum*, сыпным тифом. Но нас здесь интересуют только свидетельства, а не предшествующие вероятности. Записи, конечно, очень несовершенны. Эпидемии тюремной лихорадки в Кембридже, Оксфорде и Эксетере привлекли большое внимание, потому что затронули правящий класс. Возможно, неучтенных случаев тюремной лихорадки было гораздо больше. Хокер в своем отчете об эксетерской лихорадке действительно говорит: “и это обычно называют тюремной болезнью, и многие от нее умирают”; а в петиции к короне, поданной в марте 1579 г., говорится, что тюрьма Королевской скамьи в Саутворке содержит вдвое больше людей, в ней есть болезнь, называемая “домашней болезнью”, и около сотни умерли от этой болезни в тюрьме за предыдущие шесть лет^[802]. Мы не сможем приукрасить нашу эпидемиологическую историю другими подобными примерами периода Тюдоров^[803]; даже в отношении самой чумы записи о конкретных вспышках скудны и почти наверняка являются лишь частью общей картины. Эпидемии, которые займут нас до конца этой главы, - это те, которые имели общую распространенность по стране в двух или трех случаях, та же самая общая распространенность лихорадки, которая повторялась с более короткими интервалами в период правления Стюартов и в восемнадцатом веке.

До сих пор мы пытались разработать историю эпидемий в Британии без привязки к эпидемиям в других странах, за исключением случая Черной смерти, имевшей замечательные предыстории на отдаленном Востоке, и в случае английской эпидемии 1528 года, охватившей значительную часть Континента в 1529 и 1530 годах. Попытка вести параллельный учет эпидемий за рубежом неизбежно привела бы к путанице в видении; ибо летопись эпидемий по всей Европе представляла бы собой из года в год непрерывную летопись болезней и смертей, неестественную продолжительность или последовательность, от которой разум отворачивается. В нескольких странах Европы и в нескольких городах была своя череда эпидемий; но у каждой из них также были свои свободные промежутки, иногда очень длительные, как мы видели в случае с Абердином, где чума не распространялась почти на два поколения в шестнадцатом веке. Следовательно, эпидемиологию каждой страны следует вести отдельно; и в пределах данной страны следует проявлять осторожность, чтобы предотвратить иллюзию всеобщей болезни, которая может быть создана при объединении разрозненных очагов болезни (таких как чума) на одной странице.

Но есть случаи того, что называется пандемиями, или всеобщими эпидемиями болезней. Одной из таких была Черная смерть, охватившая в Европе период, возможно, в четыре года, с 1347 по 1350 год, причем кривая распространения болезни в каждом населенном пункте длилась около шести месяцев. С началом современного периода мы сталкиваемся с более частыми пандемиями, но не чумы, а незначительных или более легких форм чумной инфекции. На европейском континенте это было частично связано с состоянием войны, которое, как можно считать, началось с вторжения французского короля Карла VIII в Италию в 1494 году. Сыпной тиф, или военная лихорадка с лихорадкой голода, теперь становится привычной формой болезни — в 1498, 1505, 1510, 1528 годах и так далее. Другими формами являются гнилостная ангина, дизентерия и разновидности лихорадки, включенные в грипп. Различные формы были склонны возникать вместе или последовательно, так что эпидемиография носит “разнородный” характер. Эта эпидемия Протея представляет собой одновременно большую трудность и в высшей степени поучительный факт. Это открывает очень старую доктрину об “эпидемическом строении” воздуха, которая для многих современных людей отдает ненаучной расплывчатостью; и это ставит нас лицом к лицу со степенями или видами инфекционности, которые, на самом деле, более удивительны или более непостижимы, чем более смертоносные инфекции, такие как чума или азиатская холера. Наиболее известным примером такого рода является грипп.

Грипп.

Грипп, несомненно, входит в число протеиновых инфекций шестнадцатого века и сам по себе является немалой частью Протея. Но что такое грипп? Название сравнительно современное — итальянское 18 века — и, по-видимому, означает “отхождение” или “катар”, не только в привычном смысле, но и как производное от всеобъемлющей патологической доктрины о гуморах: так, венецианский посланник в Лондоне назвал пот 1551 года “инфлюссо”. Мы можем включать многое или мало в понятие гриппа; но само название, уходящее своими корнями в устаревшую доктрину юмора, никогда не может быть сделано точным или научным. Обычай применял его при всех универсальных простудах и кашле; и он капризно применялся к некоторым универсальным лихорадкам, но не к другим. Есть два достаточно четких указания на

его распространенность в Англии до того, как в современную эпоху в Европе началось особенно нездоровое состояние. Под 1173 годом в хронике Мелроуза упоминается “некий злой и неслыханный кашель” (*tussis quaedam mala et inaudita*), который затронул всех далеко и близко и многих лишил жизни.

У одного из хронистов Сент—Олбанса, неизвестного автора, который вел записи с 1423 по 1431 год (царствование Генриха VI.), есть следующая запись под 1427 годом: “В начале октября некая ревматическая болезнь (*quaedam infirmitas reumigata*), которая называется ”мур”, поразила весь народ и так заразила стариков вместе с младшими, что свела в могилу многих”^[804]. В этом коротком отрывке сказано многое, и все это сказанное указывает на грипп - ревматический характер заболевания, универсальность заболеваемости, предположительно внезапность и кратковременность, смертность среди пожилых людей и в большей степени среди молодежи. Известно также, что такое же распространенное заболевание было распространено в том же году в Париже, где оно носило название *ладендо*; подробности, приведенные во французском отчете о нем, не оставляют сомнений в том, что это был грипп.

Единственное название *pestilentia volatilis*, данное Фордуном двум эпидемиям в Шотландии при его жизни, одна из которых началась в Эдинбурге в феврале 1430 года (1431 год по новому стилю), а другая - в Хаддингтоне в 1432 году, предполагает, что они могли быть гриппозными, но нет ничего, кроме названия, указывающего на их природу. Известно, что эти годы не были годами гриппа ни в одной другой стране Европы: летопись болезни проходит непосредственно с 1427 по 1510 год. Несомненно, в 1510 году по Европе прокатилась большая волна гриппа под названиями *коккелуче* и *кокколучио*. Говорят, что он пришел с берегов Средиземного моря и распространился до берегов Балтийского и Северного морей; его распространенность в Британии достаточно вероятна, и действительно, об этом говорится в одном иностранном сообщении, но местных упоминаний о нем нет. За границей это имело обычный характер внезапности, одновременности и универсальности, а также симптомы тяжести, прострации, головной боли, беспокойства, бессонницы и в течение некоторого времени после сильного приступообразного кашля, подобного коклюшу. Никто не умер, за исключением нескольких детей; у одних это сопровождалось слабостью, у других - потоотделением^[805]. Упоминание о потоотделении во время эпидемии гриппа 1510 года не лишено важности. Это может служить объяснением замечания Эразма в письме от 25 августа 1511 года из Квинс-колледжа в Кембридже о том, что его здоровье все еще было довольно сомнительным “из-за этого пота” (*a sudore illo*^[806]); пот вряд ли мог быть потливостью в 1508 году, тремя годами ранее, но все еще неуравновешенное состояние здоровья Эразма в 1511 году, возможно, было последствиями гриппа 1510 года.

Следующая крупная европейская эпидемия гриппа произошла в 1557 году, в связи с чем я приведу медицинские свидетельства того, что Англия участвовала в ней, вероятно, в течение этого года и, безусловно, в следующем. Но прошедшие годы дают некоторые сведения о болезнях в Англии, которые не были ни столь серьезными, как чума, на одном конце шкалы эпидемий, ни совсем легкими на другом, поскольку представляли собой формы болезней, которые современники называли “новыми” и “странными” и, по-видимому, носили характер чумной лихорадки и дизентерии.

Ни тиф, ни дизентерия на самом деле не были чем-то новым для Англии шестнадцатого века; напротив, они были (наряду с гнилостной ангиной и лиентерией) распространенными видами

заболеваний во время великого английского голода, который наступал с длительными интервалами, как описано в первой главе. Но на европейском континенте сыпной тиф и дизентерия, а также гнилостная ангина (*angina maligna*) начали проявляться в современную эпоху как бы капризно и независимо от таких очевидных предпосылок, как нужда, хотя некоторые эпидемии сыпного тифа и дизентерии были явно связаны с тяготами войны[807]. Тиф, действительно, был катастрофической болезнью на континенте в те годы, особенно в 1528 году в Испании, где он был известен как “*las bubas*”, и во Франции, где он назывался “*les roches*” — оба названия относятся к пятнам на коже, и оба более строго применимы к высыпаниям *lues venerea*, которые тогда также были широко распространены.

Если не считать тюремной лихорадки в Кембридже в 1522 году, первое упоминание об этих новых эпидемиях в Англии с конца средневековья относится к 1540 году: “В этом году говорилось о XXX и двух годах правления Генриха VIII.] дайверы и многие честные люди умерли от горячей лихорадки и сильной ласки по всему королевству[808]”. “Лаской” была дизентерия (Стоу, описывая эпидемию в своих гораздо более поздних *Анналах*, называет ее “кровавым флюсом”), а “горячая лихорадка”, согласно более поздним упоминаниям под этим названием, по-видимому, была гриппом в смысле высоколетучего тифа[809]. Все, что мы знаем об обстоятельствах этой эпидемии, - это то, что лето было очень засушливым, что колодцы и ручьи пересохли, а Темза разлилась так низко, что прилив у Лондонского моста стал не просто солоноватым, а соленым.

Весна и лето 1551 года были сезонами последней вспышки гриппа в Англии, которая странным образом совпала с другой эпидемией гриппа (*коклюш*) во Франции. Годы с 1555 по 1558 год были болезненным периодом для всей Европы, поскольку среди болезней были такие, как дизентерия, тиф и грипп. Наиболее достоверные сведения приведены под 1557 и 1558 годами; а те, что касаются Англии, которые нас особенно интересуют, должны быть приведены сейчас. Современник Райотесли упоминает под 1557 годом: “Этим летом в Англии царили различные странные и новые болезни, поражавшие мужчин и женщин; как странные лихорадки, от которых многие умерли[810].” Под 1558 годом продолжатель хроники Фабиана говорит: “В начале этого года правления мэра умерло много богатейших людей всей Англии от странной лихорадки[811].”.

Некоторый свет на болезнь, охватившую всю Англию в 1557-1558 годах, также проливает Стоу в своих *Анналах*. До сбора урожая 1557 года кукуруза стоила по голодным ценам, но после сбора урожая пшеница подешевела на восьмую часть цены (5 *шекелей* за четверть), стоимость пенсовой пшеничной буханки была увеличена с 11 унций до 56 унций! В урожай 1558 года, продолжает он, “квартальная лихорадка продолжалась таким же образом или более яростно, чем в прошлом году, когда умерло много стариков и особенно священников, так что большое количество приходов остались без обслуживания, и не было викариев, и много кукурузы было продано”. заблудились в полях из-за нехватки рабочих[812]”. Харрисон, каноник Виндзора, говорит, что третья часть жителей страны действительно почувствовала общую болезнь, которая указывает на грипп[813].

1557 год, безусловно, был знаменательным на европейском континенте как год широко распространенных “чумных и заразных болезней”, которые были описаны многочисленными авторами-медиками. Эта всеобщая эпидемия, или пандемия, обычно считается одной из величайших исторических волн гриппа; и в *анналах* этой удивительной болезни она стоит

первой, которая была хорошо зарегистрирована компетентными иностранными наблюдателями, включая Инграссиаса, Геснера, Ронделе, Ривериуса, Додонея и Фореста. Соответствующая болезнь в Англии в 1557 году (еще более тяжелая в 1558 году), унесшая жизни многих богатейших людей и произведшая такое сильное впечатление, что ее заметили Стоу и Спид, осталась незамеченной английскими врачами, за единственным исключением, да и то случайным. Если бы континентальные врачи не были обильны письменными материалами в нескольких случаях, когда наши английские врачи хранили молчание, таких как эпидемия сифилиса в 1494-1469 годах, английская эпидемия пота в 1529 году и грипп в 1557-158 годах, могло бы показаться нелюбезным замечание о скудной литературной продуктивности профессии в тудоровский период. Тот, кто займется историей медицины для Англии, вскоре почувствует нехватку у нас материалов и будет склонен позавидовать более легкой задаче иностранного историка. Академические врачи того времени почти никогда не писали. Люди, писавшие о медицине, были непрофессионалами, такими как сэр Томас Элиот, который оправдывал свой интерес к ней примером людей своего ранга, таких как Джуба, король Мавритании, и Митридат, царь Понта; или они были нерегулярными практиками, желавшими рекламировать себя; или писателями книготорговцев, такими как Пейнел; или такими, как Коган, школьный учитель и врач в одном лице. Современный читатель будет удивлен обычным бременем предисловий к медицинским (и, возможно, другим) книгам тудоровского периода — невыносимой докучой “придирчивых людей”, “развратников” и придирчивых придирок, которые сидели в своих креслах и критиковали; и если современному читателю случится искать подлинные факты, он вряд ли сможет не посочувствовать Фаэру, когда он обращается к академической собаке на сене с горацанским вызовом: “Si quid novisti rectius istis, candidus imperti; si non, его абсолютный мекум”.

Однако можно собрать несколько подробностей о распространенной болезни 1558 года в Англии из случайных сообщений о ней. Так, это содержится в письме королеве от 6 сентября лорда Сент-Джона, губернатора острова Уайт, из его дома в Летли, недалеко от Саутгемптона: болезнь поразила более половины жителей Саутгемптона, острова Уайт и Портсмута (эти места были заполнены войсками под командованием Сент-Джона), а капитан форта в Сандауне был мертв[814]. Довольно любопытно, что мы получаем подробное представление об этой эпидемии из книги, опубликованной несколько лет спустя, “Борьба с лихорадкой” доктора Джона Джонса. В своей главе “О потливой лихорадке” (глава xiv), проиллюстрировав на примере Галена утверждение о том, что потоотделение может быть не критичным и полезным, а τифώδης или тифоподобным, сопровождающим припадок с самого начала и “тот же самый упомянутый пот приносит мало пользы или вообще ничего не приносит”, он продолжает приводить свои замечания к собственному опыту:

“Я слишком хорошо изучил себя во времена правления королевы Марии, живя в Леттле в доме моего доброго господина, почтенного лорда Сент-Джона, недалеко от Саутгемптона, после чего, несмотря на сильный пот, прошло много времени, прежде чем я поправил свое здоровье, так что упомянутый пот не принес никакой пользы”.

Затем он продолжает сравнивать потоотделение, почти наверняка эпидемию, упомянутую в депеше Святого Иоанна от 6 сентября 1558 года, с потливостью 1551 года:

“Итак, в наши дни, даже в правление короля Эдуарда VI, это привело многих в их давний дом, таких как некоторые из самых достойных, два благородных принца Саффолкских, бесенята чести, заслуживающие наибольшего уважения, и бесконечно много других всех степеней; и многие из них, без сомнения, быстро погибли из-за отсутствия физического совета[815].”

Следующее, что мы слышим об этой эпидемии осенью 1558 года, содержится в депеше из Дувра, от 11 часов вечера 6 октября: автор “узнал от мэра Дувра, что там нет чумы, но люди, которые ежедневно умирают, - это те, кто выходит с кораблей, и те бедняки, которые выходят из Кале, от новой болезни”[816]. Депеша от 17 октября 1558 года от одного из уполномоченных по сдаче Кале, сэра Томаса Грэшема, в Дюнкерке, в Тайный совет. В Совете говорится, что он “вернулся сюда, чтобы написать свое письмо королеве, и обнаружил, что сэр Уильям Пикеринг очень тяжело болен этой новой жгучей лихорадкой. У него было четыре сильных приступа, и он находится в очень тяжелом состоянии, и его жизни угрожает опасность, если они продолжат в том же духе[817].”

Здесь мы встречаем те же термины “новая болезнь” и “новая жгучая лихорадка”, что и в двух английских хрониках за год до этого — “странные и новые болезни”, которые “сводили мужчин и женщин с ума”, и “странные приступы лихорадки”. Самая общая распространенность в Саутгемптоне, Портсмуте и на острове Уайт наводит на мысль о гриппе; симптом потливости, описанный Джонсом для его собственного случая во время этой распространенности, соответствует тому, что мы слышим о гриппозных заболеваниях того времени от иностранных авторов, а также долгому и медленному выздоровлению; тот факт, что у одного человека было четыре сильных приступа “этой новой жгучей лихорадки”, больше похож на грипп, чем на тиф.

Тяжелые случаи смерти осенью 1558 года в Лафборо и Честере списаны на “чуму”, и они, конечно, могли быть обычными вспышками старой бубонной чумы. Если бы, однако, они были частью общей распространенности горячей или жгучей лихорадки, которую мы можем принять за грипп или очень летучую разновидность тифа, они указывали бы на степень летальности при последнем, несколько большую, чем при более поздних формах гриппа. Высокий уровень смертности для 1558 года, действительно, очевиден из приходских регистров, путем сравнения смертей в том году со смертями в годы, близкие к нему, и путем сравнения смертей с рожденьями в самом 1558 году.

Реестры крещений и погребений, которые были впервые заказаны в 1538 году, с той даты велись в ряде приходов; а с 1558 года, когда королева Елизавета обновила порядок их ведения, они, как правило, велись. Доктор Томас Шорт, человек большого трудолюбия, примерно в середине прошлого века получил доступ к большому количеству приходских книг и проделал бесконечное количество арифметических упражнений над их цифрами[818]. Его абстрактные результаты или умозаключения бесцветны и невпечатляющи, какими статистические результаты обычно бывают для среднего конкретного ума; их также нельзя использовать для иллюстрации истории эпидемий в Британии с помощью его сопутствующих томов “Общая хронологическая история воздуха, погоды, времен года, метеоров и т.д.”[819]., поскольку эти необычные летописи по большей части составлены из иностранных источников, сводя воедино самые разрозненные упоминания о болезнях в любой части Европы, и это тоже без критики авторитетов, но часто с удивительной доверчивостью и неточность. То, что столько статистического или арифметического рвения и исчерпываемости (в работе 1750 года) сочетается с таким полным отсутствием критического и исторического смысла (в работе 1749

года), заслуживает внимания и, возможно, не имеет аналогов в наше время. История Шорта в основном иностранная, но его статистические данные на английском языке могут быть использованы для иллюстрации и подтверждения того, что можно узнать о болезнях в Англии обычным способом исторического исследования.

Таким образом, период с 1557 по 1560 год выделяется в таблице Шорта как период исключительной нездоровости как в сельских приходах, так и в торговых городах, причем нездоровость оценивается по превышению числа похорон над крестинами.

Сельские приходы.

Год	регистр ов рассмот рев	нездоро вый приходо в	крестят в той же	похорон или в том же
1557	16	7	62	181
1558	26	11	171	340
1559	34	12	145	252
1560	38	6	100	162
1561	41	1	19	32

Рыночные города.

Год	Регистра ции обследо ванных	Нездоро вые города	Крещен ных	в тех же	похорон енных	в тех же 1557 г.
1557	2	262		262		381
1558	4	159		104	3	159
	8	3		102	102	149
1560	8	3		134		201
1561	8	3		276		399
1562	8		58		71	.

Коллекция приходских книг Шорта, по-видимому, представляла многие английские графства, хотя в таблицах, из которых взяты эти цифры, нет никаких указаний на их принадлежность. Высокие показатели смертности в регистрах точно соответствуют годам эпидемии, как известно другим, и можно сказать, что они свидетельствуют о масштабах или распространенности эпидемической инфекции.

Следующее, что мы слышим о злокачественных лихорадках в Англии, - это вспышка в Оксфорде в 1577 году, последовавшая за судебными заседаниями. Энтони Вуд говорит об этом: “Некоторые думали, что эта оксфордская смертность была такой же, как у Леонарда Фуксиуса, называющего *sudor Anglicus*”. Коган, современник, говорит:

И, конечно, после той внезапной эпидемии в Оксфорде, в том же году и год или два спустя, такая же лихорадка свирепствовала по всей Англии и унесла очень многих самых сильных в их самом похотливом возрасте, и по большей части мужчин, а не женщин или детей, отбирая их тут и там, подобно тому, как вы должны выбирать лучшую овцу из стада. И определенного средства от этого найти было невозможно.... И те, кто умеренно потел в начале своей болезни и хорошо очищал свои желудки с помощью рвоты, двигались намного лучше”.

Это частично подтверждается выписками Шорта из приходских метрических книг. Таким образом, в 1580 году из шестидесяти исследованных регистров в десяти были выявлены нездоровые состояния, соотношение рождений и смертей составило 248 к 284. В 1582 году семь сельских приходов были заметно нездоровы: соотношение рождаемости и смертности составляло от 140 до 244 человек. В торговых городах заболеваемость не столь поразительна: в 1580 году в четырех городах из шестнадцати обследованных уровень рождаемости был нездоровым: 237 рождений на 276 смертей. Именно в 1583 году неравенство в этих городах становится наибольшим: трое из шестнадцати в списке были заметно нездоровы: 1062 человека умерли и 467 родились. Но очевидный недостаток метода Шорта заключается в том, что у нас нет возможности узнать, не была ли эта смертность вызвана в основном чумой, а не лихорадкой или другой формой эпидемического заболевания.

Единственным годом между 1558 и 1580 годами в таблицах Шорта, который выделяется как явно нездоровый как в сельских приходах, так и в торговых городах, является 1570 год, в то время как годы с 1573 по 1575 год менее здоровы, чем в среднем. Это были годы войны и военного тифа на Континенте, как показывают иностранные публикации, но в Англии нет записей о подобных заболеваниях.

Одно представление о распространенности этих лихорадок 1580-82 годов можно получить из письма графа Аранделла лорду Берли от 19 октября 1582 года. Граф покинул свой дом в Лондоне, потому что он был настолько “осажден и охвачен” чумой; в то время как, что касается его загородного дома: “Воздух в моем доме в Сассексе настолько испорчен даже в это время года, поскольку, когда я уезжал, я оставил ххiv больным лихорадкой”. Поэтому он просит одолжить ему дом епископа Чичестерского до тех пор, пока не будет заполнена вакансия в епархии[820].

Широко распространенные летучие заболевания 1557-8 и 1580-2 годов, которые объединены под общим названием грипп, по времени были связаны с крупными эпидемиями гораздо более смертоносной бубонной чумы. Эти вспышки чумы были менее заметны в Англии, чем за границей. Так, в 1557 году в нескольких городах Нидерландов произошли самые ужасные эпидемии настоящей бубонной чумы, а в 1580 году в Каире произошла одна из самых страшных эпидемий за всю историю чумы с момента ее возникновения. Годы, предшествовавшие 1580 году, также были годами чумы во многих частях Европы (Падуя, Мантуя, Венеция, Мессина, Палермо, Лиссабон, Брюссель). В те годы также произошла первая крупная и катастрофическая эпидемия дифтерии (*garottильо*) в Испании. Затем следуют эпидемии тифа, а на дальнем конце шкалы распространения эпидемий - стремительные волны гриппа. Связь гриппа с

другими распространенными инфекциями была одной из теорий его природы, особенно связь с эпидемиями азиатской холеры.

С этой точки зрения грипп выглядит как летучий продукт, более быстрая и поверхностная волна на вершине какого-то более медленного и смертоносного земного вируса. Как говорили древние авторы, это был *levis corruptio aeris*, так сказать, разбавленный вирус, умеренный по своей изменчивости и скорости, но по универсальности равный, в более мягком смысле, универсальности чумы времен правления Юстиниана или Черной смерти.

Теперь, в том же столетии и при том же состоянии общества, которое было свидетелем самой замечательной из этих быстро распространяющихся волн инфекции по всей Европе, были также отмечены некоторые волны инфекции, которые не распространились так далеко и не были просто гриппом. Английский пот распространялся по Англии таким образом; его называли почтовым потом, потому что он распространялся из города в город: так, в 1551 году он внезапно появился в один прекрасный день в Оксфорде, а на следующий день был в окрестных деревнях, словно переносимый по воздуху; подобным образом он распространился по Девонширу, Лестерширу, Чеширу и, несомненно, по всей Англии, подобно недавней эпидемии гриппа. И пока английский пот, таким образом, распространялся по Англии, примерно в том же 1551 году грипп распространился по Франции, стране, которая никогда не страдала ни от одной из пяти болезней, связанных с потливостью, в 1485-1551 годах. Опять же, у гриппа в Англии в 1558 году симптом потоотделения был настолько выражен, что доктор Джонс, который сам страдал от него, сравнил его с истинным потоотделением в 1551 году. Кроме того, грипп 1580 года по всей Европе носил настолько потный характер, что в некоторых местах говорили, что английский пот вернулся. Наконец, некоторые считали, что тюремная лихорадка в Оксфорде в 1577 году вызвана симптомами, описанными Леонардом Фуксом для *английского потоотделения*; и Коган, английский писатель-медик, живший в то время, специально упоминает феномен потоотделения (а также кишечные выделения, называемые “лаской”), как в Оксфорде, так и при более широко распространенных заболеваниях того года и последующих. Тюремная лихорадка в Эксетере в 1586 году иллюстрирует еще одну сторону вопроса; она распространилась — вероятно, другими способами, помимо контакта с больными, — по всему графству Девон и не прекращалась шесть месяцев после того, как началась в марте месяце в Эксетере. Распространение гриппа в Девоншире было подобно расходящимся кругам в тихом пруду. Распространение гриппа было подобно бегущей ряби на широкой поверхности воды. Распространение чумы, в тех случаях, когда оно было повсеместным, походило на мощные валы глубин, и наступление холеры с Востока в наше время вновь продемонстрировало ту же динамику.

Используя до сих пор название гриппа для обозначения всеобщих лихорадок в Англии в 1557-58 и 1580-82 годах, я делал это потому, что эти годы обычно учитываются в анналах гриппа. Но это название в лучшем случае является общим и не обязывает нас к какому-либо нозологическому определению. Мне придется более подробно остановиться на этом вопросе в десятой главе, когда речь пойдет о лихорадках 1657-1659 годов, описанных Уиллисом и Уитмором, двумя компетентными медицинскими наблюдателями; в те годы весенняя лихорадка была катаральной лихорадкой, или собственно гриппом, в то время как лихорадка жаркого и сухого сезона, осенняя или жатвенная лихорадка, была чумной лихорадкой, пятнистой лихорадкой, жгучей лихорадкой, заразной злокачественной лихорадкой. Существовали также различия в их эпидемиологических и клинических характеристиках, поскольку волна гриппа прошла быстрее

всего. Но в том, что касается универсальности распространения и общности случаев, оба типа были во многом схожи.

Молинье, писавший в 1694 году, через поколение после Уиллиса, “О поздних массовых приступах кашля и простуды”, сравнил с ними другую эпидемию, которую он наблюдал в Дублине в июле 1688 года: “Временная лихорадка 1688 года ... Я считаю, что это была самая всеобщая лихорадка, как и эта [1693] самая всеобщая простуда, которая когда-либо появлялась[821].”

Когда мы перейдем к 18 веку, к великим эпидемиям не только в связи с голодом в Ирландии, но и в Англии, мы обнаружим ту же распространенность, связанную с четким типом заболевания, которое мы сейчас называем тифом. Грипп - единственная известная нам болезнь, которая проявляет летучий характер, и мы склонны заключить, что ни один другой тип лихорадки никогда не носил такого характера. Но, не углубляясь дальше XVIII века, мы обнаружим, что эпидемии сыпного тифа, подобно атмосфере заражения, распространились по целым районам Британии и Ирландии, как в городах, так и в сельской местности; и даже если мы дадим название гриппаэпидемическим “горячим лихорадкам”, о которых мы здесь непосредственно говорим, в 1540, 1557-8 и 1580-82 годах, мы также можем рассматривать их как соответствующие, если не охватывающие, типы лихорадок, которые время от времени преобладали в обширных районах страны в последующие столетия.

Термин “лихорадка”, часто используемый в то время, не более важен для определения нозологического признака, чем термин “грипп”. Первоначально “лихорадка” означала острую лихорадку (*febris acuta*, ὄξυς), а в Ирландии, со времен Giraldus Cambrensis вплоть до 18 века, это означало острую лихорадку страны, которая была не малярийной лихорадкой, по крайней мере, в исторические времена, а тифом. “Ирландская лихорадка” была в более поздние времена хорошо понятным термином для обозначения заразной чумной лихорадки или тифа. В “Лечении лихорадки” доктора Джона Джонса (1564 ?), как и в трудах Сиденхэма столетием позже, перемежающиеся приступы были смешаны с продолжительными лихорадками, которые не имели ничего малярийного ни в причине, ни в обстоятельствах. Так, у Джонса есть глава о “Горячей гнилой лихорадке”, которую он отождествляет с синохом, или продолжающейся лихорадкой греков; в другой главе, посвященной “Непрерывной гнилой лихорадке”, он локализует продолжающуюся лихорадку внутри сосудов, а “интерполяцию” - вне их стенок, и продолжает:

“Это происходит там, где все сосуды, но в основном в самых крупных, которые прилегают к створкам легких и духовным членам, все в равной степени разлагаются, что часто происходит, как свидетельствует Фуксий, из-за сильного связывания и удержания грязи во впадинах сосудов, вызывая жгучий жар. А потому, этот вид лихорадки чреват не тощими людьми, не такими, как худощавое телосложение и холодный темперамент, не пожилого возраста (которых я когда-либо видел), но часто у тех, кто изобилует кровью и имеет сангвинический цвет лица, дополненный чувством юмора, толстых и тучных, участников пиршеств Бахуса, — наедаются за наедкой, глоток за глоточком - не только мясом или питьем хорошего качества, но и *otnium gatherum*, а также к саморазрушению, столь же неизлечимому для врача, как и сбылось по моему предсказанию (помимо других) на джентльмена из Саффолка, недалеко от Ипсуича, который по вышеупомянутым причинам заболел и от этого умер на девятый день, согласно моему предсказанию, как известно его жене и другу”.

Снова, в своей восьмой главе “О чумной лихорадке, или чуме, или Boche [Ботче]”, он отмечает различные типы чумных заболеваний, упоминая среди других национальных типов английский пот:

“Как мы, не изгнанные из памяти прошлого, страдаем от пота, называемого *stoupe galante*, как широко написал этот достойный доктор Кай в своей книге *”Об эфемерной британнике”*, добавляя замечание, которое здесь касается нас: “и с тех пор [с тех пор] страдаем многими чумными лихорадками и, наконец, прежде всего, чумной бошей”. Эти продолжающиеся лихорадки, чумную лихорадку или горячую гнилостную лихорадку Джонс отличает от обычных, третичных и квартальных. О последнем он говорит: “и когда повсюду воцарятся квартаны, как это было не так давно; из того, что тогда я вкусил, помимо моего опыта общения с другими”, — вероятно, лихорадка 1558 года, в другом месте названная им потливой болезнью, а Стоу - “квартанной лихорадкой”. Он упоминает также квинтейны, которых он никогда не видел в Англии, “но все же в Ирландии, в местечке под названием Карлоу, мистер Брайан Джонс, в то время тамошний капитан, сообщил мне о керне или джентльмене, у которого был квинтейн лонг”.

Не только термин “лихорадка”, но также термины “перемежающийся”, “терциевый” и особенно “квартальный” вряд ли можно понимать в их современном смысле как ограничивающийся малярийными или климатическими лихорадками. Интермиттирующий или пароксизмальный характер лихорадки объяснялся по разным причинам, в соответствии с традиционным галеническим или греческим учением; но пароксизмы и перерывы не были связаны специально с повышением и понижением температуры тела. Любопытная история лихорадки и специалистов по лечению лихорадки, по сути, относится ко времени Реставрации, когда в моду вошла перуанская кора, и будет полностью рассмотрена в первой главе другого тома.

Последние годы тюдоровского периода, которые заметно выделяются в приходских книгах высокой смертностью, но не из-за чумы, относятся к 1597-8 годам. 1597 год был сезоном гриппа в Италии и, возможно, в других странах Европы; так что эпидемия в Англии в том году, возможно, была такой же, но более вероятно, что это была голодная лихорадка. В приходской книге Крэнбрука зарегистрировано 222 смерти за год против 56 рождений; и 181 из смертей отмечен пометкой, которая, как предполагается, означает собственно чуму. В реестре Тивертонга указано 277 смертей против 66 рождений, но почти наверняка причиной избытка была не чума, ближайшая эпидемия которой в этом городе была в 1591 году. В сельском приходе Хэмпшира с населением около 2700 человек смертей в 1597 году было 117 против 48 рождений, причем смертность была примерно в два раза выше, чем в любой год с начала регистрации в 1569 году и после до 1612 года^[822]. На севере Англии типом заболевания в 1597-158 годах была собственно чума.

В приходской книге Финчли есть примечательная запись под 1596 годом, которая подводит нас к другим соображениям: “*Nos anno moriebantur de dysenteria xix*”, общее число захоронений за год составило 28. В следующем, 1597 году, от дизентерии умерло 23 человека, всего было похоронено 48 человек — огромная смертность по сравнению со средним показателем по приходу. 1597 год, если не 1596-й, был годом большого дефицита, по-видимому, по всей Англии; в Нортумберленде, Дареме и Камберленде дефицит сопровождался собственно чумой; но в других частях Англии, по-видимому, другими видами болезней, одной из которых была дизентерия.

Одним из английских названий 16 века, использовавшихся для обозначения флюса, было устаревшее слово *lask*, которое достаточно часто встречается в трудах того периода, чтобы предположить, что болезнь была распространенной; иногда ее называют холерической лаской (*cholera morbus*) или яростной лаской, как в *Замке здоровья Элиота* и в *Гавани здоровья Когана*. Ласки, или лиентерии, или дизентерии не рассматривались в отдельной главе сами по себе, потому что упоминаний о них слишком мало, насколько мы продвинулись в истории; но, возможно, будет удобно свести здесь воедино более известные примеры. В период массовых заболеваний дизентерия и лиентериоз, должно быть, были распространенными видами, причем последняя особо упоминается Ришангером из Сент-Олбанса в 1294 году. Трокелоу, другой хронист Сент-Олбанса, описывая массовый голод 1315-16 годов, использует единственную фразу "*morbis enim dysentericus ex corruptis cibis fere omnes maculavit*" и говорит, что за ним последовала "острая лихорадка из-за гуттуруза". Дизентерия от испорченной пищи снова специально названа для 1391 года. "Смертельная болезнь" была распространенным видом болезни во время великого шотландского голода 1439 года, который был годом голода в Англии и Франции. Когда мы в следующий раз слышим об этом в английской истории, это происходит среди войск маркиза Дорсета в Гаскони и Бискайе в 1512 году, около 1800 из них умерли от "фликса". Затем следует "великая ласка по всему королевству" в 1540 году, связанная со "странными лихорадками". В болезненные годы 1557-58 и 1580-82, вероятно, были случаи дизентерии, либо как первичных заболеваний, либо как осложнений лихорадки: общие положения Когана подразумевают то же самое для 1580-82 годов, и мы знаем, что соответствующий болезненный период столетием позже (1657-59) был так охарактеризован в описании Уиллиса. Смертельной инфекцией на флоте после поражения испанской армады в августе 1588 года, вероятно, были дизентерия и корабельная лихорадка. Многие другие примеры подобного рода еще предстоит привести в главе о болезнях путешествий и колониальных поселений.

В период правления Стюартов о дизентерии начинают чаще слышать как о лондонской болезни. Он занимает видное место, наряду с летней диареей, в лондонских отчетах о смертности за 1658 год под названием "колики в кишечнике" и иногда упоминается в письмах из Лондона примерно за те же годы. Лондонская дизентерия в 1669 году была предметом наблюдений Сиденхэма, который говорит, что в предыдущие десять лет ее редко наблюдали[823]. С другой стороны, он говорит об "эндемической дизентерии Ирландии", хотя и не уверен в ее типе[824]. Утверждения относительно ирландской "деревенской болезни" так же стары, как Giraldus Cambrensis[825]; но поскольку весь вопрос о дизентерии тесно связан с вопросом о сыпном тифе, я отложу рассмотрение ее распространенности в Ирландии в больших масштабах, а также ежегодной смертности от нее в лондонских ведомостях 17 века, до того раздела работы, в котором лихорадки и родственные им болезни выходят на первое место, как будто вместо чумы.

Примечание. Потливость, характерная для "горячей лихорадки" елизаветинского периода, как в 1580-82, так и в 1557-58 годах, подтверждается в нескольких отрывках текста. Примечательно, что в "*Мера за меру*", одной из ранних комедий Шекспира, сводня говорит: "Таким образом, из-за войны, из-за пота, из-за виселицы и бедности я уменьшилась в размерах" (Акт I. Сцена 2).

ГЛАВА VIII.

ФРАНЦУЗСКАЯ ОСПА.

Одна великая эпидемическая болезнь первого правления Тюдоров, которая принесла ужас и страдания множеству людей, почти не упоминается в английских хрониках того времени и вообще не упоминается в трудах английских специалистов. Много позже, в 1576 году, Уильям Клауз, хирург больницы Святого Варфоломея, впервые нарушил профессиональное молчание *овенерической болезни* в Англии, и в своей более крупной работе 1579 года он привел ряд поразительных фактов и цифр о ее тогдашней распространенности в Лондоне. Но великая эпидемическая вспышка этой болезни в Европе началась в последние годы 15 века; предполагается, что ее разрушительные последствия в масштабах эпидемии продолжались двадцать или тридцать лет, начиная с 1494 года; и не без оснований предполагается, что ее последующее распространение носило более мягкий характер и находилось в более узких пределах. Мы слышим об этом в Англии с политической точки зрения, в то время, когда требовались народные аргументы против римских священников, а также против монастырей и монашеских орденов. В практических рассуждениях англичан скандальная жизнь священников, монахов и паствы служила сильнейшим аргументом в пользу политики, которую король проводил по отношению к Риму; и случилось так, что в те самые годы скандальная жизнь была предана и стала одиозной не только сентиментально, но и внешне. Эпидемия *галльской болезни* возникла в неудачное для притязаний Рима время, или, возможно, она сама была частью развития событий. В *Обращении нищих* Саймона Фиша, которое было составлено в 1524 году и зачитано Генриху VIII. вскоре после этого самым веским обвинением стало обвинение в скандальном поведении, возложенное на священников. В инквизициях, предшествовавших подавлению монастырей, одна и та же жалоба, справедливо или несправедливо, выдвигалась на первый план в случае одного аббатства за другим. Связь скандального порока и сопутствующей ему болезни со священством стала настолько тесной, что Яков I., много лет спустя писавший о чувствах своей матери, Марии, королевы Шотландии, представляет ее как запрещающую архиепископу “использовать слюну” при его собственном крещении по той причине, что у нее не было бы “священника-мошенника, который плевал бы в рот ее ребенку^[826]”. Это, по словам короля Якова, были “ее собственные слова”; во всяком случае, “карманный священник” может быть принят как выражение того времени. Тот факт, что эпидемия сифилиса в Англии была использована для дискредитации римских священников, является одним из немногих имеющих у нас свидетельств его существования в этой стране. Каким бы широким и глубоким ни был вызванный этим переполох, вряд ли он нашел более постоянное выражение, чем частные разговоры мужчин тех дней. На Континенте было иначе. Там, действительно, возникла обширная литература, из которой сохранилось около тридцати работ, начиная с эссе Конрада Шеллига из Гейдельберга, напечатанного без даты и места, но отнесенного к 1494 или 1495 году, и заканчивая подробным исследованием болезни Николаса Массы из Венеции в 1532 году. Единственная работа, дошедшая до нас в Англии с того, самого раннего и величайшего, периода развития болезни, - это жалкий фрагмент рукописи в

коллекции Слоуна, переведенный каким-то иностранным автором и озаглавленный “Третизе покки: и лечение нобуллом советником Пэрриса”[827]. Один из таких случаев связан с мужчиной сорока лет с двумя широкими и глубокими, разъедающими и болезненными язвами на ноге; другой - с епископом Толедо, у которого были “пустулы” и ночные боли, “как будто кости вот-вот отделятся от плоти”. Расплывчатое значение термина “оспа” показано в одной фразе: “пейнс, а именно. боли и поккисы”.

За границей не было ничего необычного в том, чтобы приводить случаи заболевания и подтверждать их подлинность именами пострадавших. Так, Питер Пинктор, врач папы Александра Борджиа, в печально известной, но чрезвычайно редкой работе, опубликованной в 1500 году, полностью описывает поистине печальный случай кардинала-епископа Сеговии, мажордома Ватикана, “qui hunc morbum patiebatur cum terribilibus et fortissimis doloribus, qui die ac nocte, praecipue in lecto, quiescere nec dormire poterat”, а также случай Питера Борджиа, племянника папы, “in quo virulentia materiae pustularum capitis corrosionem в пелликанео [перикранио] и в черепно-мозговой оболочке с явными дефектами[828].”

По сравнению с обильным написанием и регистрацией случаев за границей английское молчание примечательно. Характерно происхождение нашей первой печатной книги на эту тему. Литератор того времени, некто Пейнел, каноник Мертонского аббатства, перевел, среди прочего, “*Диету Салернитанум*”, популярное руководство по здоровью, которому несколько сотен лет. Однажды, отправившись в город, чтобы поговорить с типографом о новом издании, он попросил последнего перевести эссе о лечении французской оспы с помощью гваякума (или вест-индского дерева), “написанное этим великим клерком из Алмейна, Ульрихом Хюттенем, рыцарем”. Ибо, сказал печатник, “почти во все уголки этого королевства проникла эта самая отвратительная болезнь, и многие до сих пор заражены ею”. “Личный опыт Ульриха фон Хюттена по лечению гваяком” был соответственно переведен с латыни в 1533 году и оказался удачным предприятием для печатника, поскольку было затребовано несколько изданий *having been called for*[829]. В переводе нет примечаний, и он не проливает света на опыт работы с английским языком. Только в 1579 году, когда Клауз опубликовал свое эссе о галльском morbus, мы получили от профессорско-преподавательского состава какой-либо свет на распространенность этой болезни в Англии. Тем временем нам остается собрать те обрывки свидетельств, которые могут существовать в том или ином месте, о причастности этой страны к первоначальному нашествию эпидемии в последние годы 15 века.

Самые ранние сообщения о французской оспе в Шотландии и Англии.

Первое достоверное известие об этом поступает из Реестра муниципалитета городка Абердин под датой 21 апреля 1497 г.[830]:—

“В указанный день было объявлено, что олдерменом и консулом по уходу за больными, прибывшими из Франции и странноприимных частей, было установлено и предписано назначить брата тар вициса и сына венерианского, а всех таир бути и хуссиса скалить, и всех таир па и вирка для их содержания, под руководством одного из ключей от дома одного тар чекиса, и банисен из тауна”.

Следующие новости об этом также из Шотландии, из протоколов городского совета Эдинбурга, куда внесена прокламация Якова IV от 22 сентября 1497 г.[\[831\]](#):—

“Это наша Sovereane лордов и командование Лордис его Counsale отправить Провест и сайт baillies в данный бур^т, что эта Прокламация followand быть введены до выполнения отказавшись от greit appearand опасности заражения его Leiges Фра этой заразной болезни назвать в Grandgor и greit утер Skayth, которые могут возникнуть на его Leiges и жители в этом районе бур^т; то есть, мы берем straitly и прикажет власть над писать, что всякую личность в свободе этот бур^т quilks являются infectit, или его infectit, uncurit, при этом сказал заразен Плаж назвать в Grandgor, devoyd, красный и пройти меха^т. Из этого города, и compeir на Сандис Лейт в десять часов, прежде чем никакие, и их Салль тайский и fynd Ботис Редди в Хавин ordanit им быть Officeris этого бур^т, reddely furneist со снедью, чтобы иметь Тейм к Инче [остров дюймов Кит в Ферт-оф-Форт], и Таир с ремейн quhill Бог proviud для Таиру здоровья: а что все утер, личность в quilks такс по теме, чтобы Хейл сказал заразен infirmitie и такс лекарство thairof, что они devoyd и пройти с Тейм, БНА, что Нане на Таиру, личность quhilks такс НИЦ лекарство по теме используйте Самын вылечить в течение этого буре^т в ПНС, ни reirt какого-либо сторону. И то, что может быть обнаружено в инфекционном, а не в *Случае*, как сказано, будет в *понедельник* в тот день, когда соберется Группа, и в случае, если указанный человек примет решение о санации, он будет использовать самин, тайский язык и тому подобное, чтобы нанести мазь на лицо с пометкой, указывающей, что тайский язык может быть использован для того, чтобы кончить, и если что-то из этого останется, этот тайский язык может быть использован для лечения. будем баналистами, но благосклонны[\[832\]](#).”

Сэр Джеймс Симпсон, с его неустанными исследованиями антикварных предметов[\[833\]](#), собрал доказательства выплат из королевского кошелька лицам, зараженным “Грантгором” в Далри, графство Эйршир, в сентябре 1497 г., в Линлитгоу 2 октября 1497 г., в Стерлинге 21 февраля 1498 г. (“в таун-энде Стривелина секе-фолку в грантгоре”), в Глазго (также “в таун-энде”) в сентябре 1497 г. 22 февраля 1498 года и снова в Линлитгоу, 11 апреля 1498 года. Он также цитирует стихотворение Уильяма Данбара, написанное вскоре после 1500 года, о поведении людей королевы на острове Фастерн, термины “покис” и “Испанский покис”. Из стихотворений сэра Дэвида Линдси, написанных гораздо позже, и из других ссылок он делает вывод, что “грандгор” или “гленгор” было обычным названием в Шотландии вплоть до 17 века. Grandgore означает “*а-ля великий огонь*”, что то же самое, что “*а-ля великий режим*”. Это название какое-то время давалось во Франции великой болезни того времени, но вскоре оно было вытеснено *веролью*. Шотландия - единственная страна, где “грандгор” утвердилось как общее название оспы.

Прежде чем покинуть the Scots evidence, можно процитировать два других постановления из протоколов городского совета Абердина. В длинном списке постановлений, датированных 8 октября 1507 года, встречаются эти два[\[834\]](#):—

“Пункт, который прилежная инквизиция должна предпринять для того, чтобы все заразили людей этим странным видом Напиллиса на благо города; и если человек заразится им, ему будет поручено следить за тем, как это делается, и в других местах, среди жителей хайле”.

“Пункт, согласно которому ни один человек не заразит людей бактериями Napillis, которые содержатся на обычных плантациях, или бактериями fleschouris, baxteris, brousteris, ladinaris, которых выращивают в туне, и человек, который заразит их, может быть убит в таруси, жардис или утер комат плацис, может быть убит из-за инфекции нихтурианцев”.

“Неаполитанская болезнь” - это отсылка к хорошо известному распространению болезни по всей Европе наемниками Карла VIII Французского, рассеявшимися после итальянской войны и оккупации Неаполя.

Что касается Англии, то первое известное упоминание о оспе датируется несколькими годами позже шотландских упоминаний, хотя это ничего не доказывает относительно ее фактического начала в форме эпидемии. В книге расходов личной казны Елизаветы Йоркской, королевы Генриха VII, под датой 15 марта 1503 года есть запись о сумме в сорок шиллингов, выплаченной от имени Джона Пертриша, “сына безумного Била”; эта сумма, по-видимому, равнялась тому, во что юноша обошелся ее величеству за питание, одежду, образование и непредвиденные расходы в течение прошлого года. Различные предметы, составляющие сумму в сорок шиллингов, таковы: его рацион питания “на год, заканчивающийся прошлым Рождеством”, суконное платье, фастовское пальто, рубашки, туфли и чулки “предмет для его обучения - 20д. ”. предмет для примера и соления - 20д. И заплатил хирургу, который избавил его от французской оспы, 20долларов. Sm^a 40лет.” Следует отметить, что счет хирурга составил столько же, сколько все остальные его расходы за год вместе взятые[835].

Лондонским хронистом того времени является олдермен Роберт Фабиан; но хотя Фабиан, писавший в первые годы 16 века, использует слово “поки” для обозначения болезни Эдуарда IV. во время военного похода на Шотландские границы в 1463 году, то есть задолго до эпидемического нашествия с юга Европы, он ничего не говорит об этом великом событии как таковом. Однако есть запись об одной важной мере, принятой в 1506 году, - подавлении тушеных блюд на Бэнксайде в Саутуорке. Эти курорты были старинными и долгое время платили пошлину епископу Винчестерскому. В 1506 году их было восемнадцать в ряд вдоль Суррейского берега реки, немного выше Лондонского моста; это были деревянные сооружения, каждое с лестницей, спускающейся к воде, и у каждого на берегу реки была нарисована вывеска, похожая на таверну, такая как “Кабанья голова”, “Скращенные ключи”, “Пушка”, “Замок”, “Журавль”, “Кардинальская шляпа”, “Колокол”, “Лебедь” и т. Д. Эти дома, говорит Стоу, были остановлены в 1506 году, и двери закрылись; но прошло совсем немного времени, прежде чем их снова открыли, при этом их число было ограничено двенадцатью[836]. Однажды они уже были подавлены по настоятельному требованию горожан, в царствование Генриха IV, и из проповеди Латимера явствует, что они были снова подавлены примерно в 1546 году. Таким образом, у Шекспира в Лондоне было несколько прецедентов ситуации, которую он создает в чужом городе в “Мере за меру”.

Следующее упоминание, которое я нахожу, - косвенное, сделанное Бернаром Андре в его “Анналах Генриха VII”. По случаю упоминания потливости в 1508 году он говорит, что последняя болезнь впервые возникла в Англии около двадцати четырех лет назад и что за ней “последовала гораздо более отвратительная болезнь, вызывающая отвращение не меньше, чем проказа, изнуряющая оспа, которая до сих пор поражает многих выдающихся людей” (“multos adhuc vexat egregios alioquin viros tabifica lues”[837]). Ассоциация Бернара Андре оспы с потливостью, как одной новой болезни, следующей за другой, основана на том же ключе, что и ссылка на нее Erasmus. В письме из Базеля в августе 1525 года Шедловицу, канцлеру Польши, он рассуждает о болезненности времен года и мутациях болезней[838]: Еще тридцать лет назад Англия не была знакома с потливостью, и эта болезнь не выходила за пределы острова. In their own experience they had seen mutations:—“nunc pestilentiae, nunc anginae, nunc tusses; sed

morbum morbus, velut ansam ansa trahit; nec facile cedunt ubi semel incubuere.” Затем он продолжает:

“Но если бы кто-то стал искать среди болезней тела ту, которой следовало бы уделить первое место, то, по моему мнению, это связано с тем злом неопределенного происхождения, которое вот уже столько лет безнаказанно свирепствует во всех странах мира, но еще не нашло определенного названия. Большинство людей называют это французской оспой (*Poscas Galleas*), некоторые - испанской. Какая болезнь когда-либо с одинаковой скоростью распространялась по всем частям Европы, Африки и Азии? Что цепляется более упорно, что сильнее отталкивает искусство и заботу врачей? Что легче передается при заражении другому? Что приносит более жестокие мучения? Витилиго и лишай - это деформации кожи, но они излечимы. Эта болезнь, однако, является отвратительной, жестокой, заразной болезнью, опасной для жизни, склонной оставаться в организме и вспыхивать заново не иначе, как подагрой”.

Было ли это из-за какой-то ошибочной теории заразности или по другим причинам, одному из жителей Мертон было приказано уехать в 1511 году из-за того, что у него была французская оспа[839]. В английской истории ничто не всплывает на поверхность до начала движения против папского господства и в пользу Реформации. Это было время публичных обвинений всех видов и, среди прочего, порочащих упоминаний оспы. В *"Обращении нищих" Саймона Фиша*[840], написанном в 1524 году, о некоторых священниках говорится таким образом гиперболически:

“Это те, кто заработал сто тысяч долларов в вашем королевстве, которые честно заработали бы себе на жизнь, если бы избыточное богатство не подтолкнуло их к нечистой похоти и низости. Будь это те, кто развращает последнее поколение человечества в вашем королевстве, кто залезает в карманы одной женщины и передает это другой, и кто-нибудь из них еще раз похвалится, что связался с сотней женщин.

В 1529 году было выдвинуто более болезненное и недостойное обвинение. В Статьях обвинения Вулси в Палате пэров шестым пунктом обвинения является:

“Тот же самый лорд Кардиналл, зная, что у него гнусная и заразная болезнь великой оспы, поразившая его во многих местах тела, ежедневно приходил к вашей светлости [королю], шепча вам на ухо и обдувая вашу благороднейшую Светлость своим опасным и заразным дыханием, подвергая ваше Высочество удивительной опасности, если бы Бог по своей бесконечной доброте не позаботился о вашем Высочестве получше. И когда он однажды исцелился от них, он заставил вашу светлость поверить, что его болезнь была обманом в его голове, и ни от чего другого[841].

Среди отблесков современных нравов в *"Диалоге о лихорадочном море" Буллейна* (1564) есть один, касающийся оспы; Роджер, жених, произносит монолог следующим образом: “ее первый муж был подмастерьем у Джеймса Элlesa, и у него она научилась играть на коротком ноже и роговом наперстке. Но эти собачьи проделки приведут человека к оспе, виселице или к дьяволу[842]”. Буллейн в своем более систематическом руководстве по здоровью обещает полностью лечить оспу, но не делает этого. В одном месте он упоминает о ранах молодого человека, упавшего в глубокую угольную яму в Ньюкасле, которые были исцелены “молодым практикующим по имени Майгель, французом, который также способен помочь своей стране

справиться с болезнью, о которой теперь все знают здесь, в Англии, и которая тем более заслуживает сожаления: но все же с каждым днем она усиливается, о чем я собираюсь говорить вместо оспы”. Но единственное другое упоминание (в разделе “Использование больных и медицина”)., “) к определенным лекарствам”, которые способны очищать от струпьев, иши, оспы. Я говорю о оспе, поскольку по опыту мы знаем, что нет лучшего средства, чем потоотделение и питье гваяка” и т. Д.[843].

Хороший пример косвенного упоминания болезни встречается в другом диалоге хирурга Томаса Гейла[844]. Ученик, которого инструктируют, заносит в таблицу тему “morbus”, о которой он далее говорит как о “большой парше”; после чего Гейл многозначительно отчитывает его за притворство “morbus”; любая болезнь, говорит он, и есть morbus; вы имеете в виду галльский morbus.

Примерно в тот же день, в 1563 году, Джон Джонс вскользь упоминает о широкой распространенности оспы в своей *"Книге о лихорадке"*. В качестве иллюстрации того факта, что в разных странах возникают разные формы чумы, например, у египтян - проказа, на чердаках — боль в суставах, у арабов - опухание горла и боков, а у англичан - потливость, он приводит следующие примеры: “Неаполитанцы, или, скорее, осаждающие Неаполь с карманами, распространились отсюда далеко за границу, по всем частям Европы, ни в одном королевстве, в котором я не был свободным, - тем больше жалости”[845].

Английские труды о оспе в 16 веке.

Первым оригинальным английским писателем о оспе был Уильям Клоуз. В своем трактате[846] от 1579 года, посвященном Обществу цирюльников и хирургов, он говорит, что у него хватило смелости “три года назад предложить вам мой очень маленький и несовершенный трактат, касающийся лечения болезни, называемой по-латыни *Галльский мор*, который, поскольку в то время его скорее вырвали у меня из-за назойливости некоторых моих друзей, в некоторых случаях тогда трогательных, чем по моей собственной воле опубликованный, он вышел из моих рук так быстро, что я не смог его опубликовать”. настолько полностью и с таким небольшим пропуском или исправлением", что теперь, в 1579 году, он переиздает его в переработанном и исправленном виде.

“Morbus Gallicus или Morbus Neapolitanus, но более правильно Lues Venera, это заразная инфекция грязной похоти, называемая по большей части по-английски французскими оспинами, болезнь очень отвратительная, гнусная, беспокоящая и устрашающая, которая распространяется по всей Англии и, как мне кажется, захлестывает весь мир”. Затем он характеризует порок, “который является первоначальной причиной этой инфекции, который порождает ее, который ухаживает за ней, который ее распространяет”. В лечении болезни у него был некоторый разумный опыт и немалая практика в течение многих лет. Согласно следующему отрывку, больница Святого Варфоломея, в которой Клауз был хирургом, состояла из трех частей, занятых пациентами, страдающими этим недугом:

“Удивительно представить, как велико число тех, кто заражен этим, и это с каждым днем увеличивается, к великому потрясению общественного благосостояния и сохранению всей

нации: причину чего я не вижу ничего более серьезного, чем распущенный и звериный беспорядок огромного числа жуликов и бродяг: грязный образ жизни многих распутных и праздных людей, как мужчин, так и женщин, в Лондоне и огромное количество распутных пивных, которые являются самими гнездами и укрыватели таких грязных созданий; Посредством которых многие неупорядоченные люди заражаются другими людьми с лучшим характером, и многие другие похожи на них, если не будет обеспечено какое-либо быстрое средство от того же самого. Я могу говорить смело, потому что я говорю искренне, и все же я говорю это с большой печалью по отношению к Харту. В госпитале Святого Варфоломея в Лондоне я был излечен от этой болезни и еще тремя (3) другими людьми в течение этих пяти лет, число которых достигло тысячи и более. Я ничего не говорю о больнице Святого Фомы и других достопримечательностях этого города, где бесконечное множество людей ежедневно получают лечение.... Ибо это происходит в доме Святого Варфоломея очень редко, но среди каждых двадцати принятых больных у пятнадцати из них есть оспины”. Подобно более ранним писателям на Континенте, он признает, что болезнь передается не одним способом; он говорит о “хороших бедных людях, которые заражаются от неосторожной еды или питья или общаются с этими похотливыми животными, и которые либо из-за стыда не выдают этого, либо из-за отсутствия хороших хирургов не знают, как это вылечить, либо из-за отсутствия способностей не могут иным образом обеспечить излечение от этого”.

В той мере, в какой Клоуз следует своему собственному опыту, он не питает иллюзий относительно природы и обстоятельств французской оспы. Но далее он добавляет описание патологии болезни, которое взято из зарубежных авторов и отражает недоумение профессорско-преподавательского состава по поводу конституциональных последствий болезни. Как сказал Эразмус в цитируемом письме, болезнь распространилась по всему телу, “не иначе как подагра”. Когда ее впервые заметили, она с самого начала казалась врожденной. В частности, она покрывала кожу “пустулами” или “пузырьками”, как если бы это была первичная сыпь, подобная натуральной оспе, с которой ее сравнивали; отсюда названия “великая оспа” и “малая оспа”. Лишь спустя много времени была разработана наша нынешняя патология первичных, вторичных и третичных последствий; в самых ранних работах конституциональные последствия относились к “внутренней причине”, как говорит Клауз, к некоторому идиопатическому повреждению тканей, местом выработки которых является печень, или *minera morbi*. Таким образом, ученое объяснение болезни, которое Клоуз перенимает у иностранных авторов, более опытных, чем он сам, в подобных исследованиях, не имеет органического единства с его собственными наблюдениями, основанными на здравом смысле. В своей *проверенной практике* он еще больше придерживается академической точки зрения, изложенной в трактате Джона Альменара, испанского врача[847].

Хотя Клоуз в 1579 году свидетельствует об очень широком распространении этой болезни, действительно, в такой степени, что она занимала больницы больше, чем все другие болезни, вместе взятые, все же есть основания полагать, что к тому времени она утратила ужасающую тяжесть своего первоначального эпидемического типа. Обычно утверждается, что болезнь уменьшилась как по размаху, так и по интенсивности в течение двадцати или тридцати лет после итальянской вспышки среди солдат в 1494-1496 годах. Современник и соратник Клоуза, Джон Рид из Глостера, опубликовал в 1588 году сборник переводов с латинской рукописи английского хирурга 14 века Джона Ардерна "О лечении свищей" и с трактата о ранах и др. испанского хирурга Аркауса (Антверпен, 1574)[848]. В последнем он находит следующий отрывок, который, по—видимому, описывает *галльский морбус* при его первом появлении:-

“Французская болезнь действительно принесла с собой своего рода всеобщий скерб, часто с кольцевыми червями, с гнилью по всему телу, называемой витилиго и алопецией, с язвами на голове, называемыми асогес, и вертебрами обоих видов, и часто с флегматическими или меланхолическими опухолями или разъедающими язвами, грязными и раковыми, а также распространяющимися по телу, вместе с гниением костей, и часто также сопровождающимися всевозможными горестями, лихорадками, чахоткой и со многими другими различиями заболеваний”.

В собственных замечаниях Рида прослеживается явный контраст между болезнью при ее первом появлении и его собственным более поздним опытом. По его словам, теперь все знают, как лечить французскую оспу, “болезнь постепенно умирает и проходит благодаря изысканному лечению”, что можно понимать, по крайней мере, как заметное смягчение конституциональных последствий[849]. Однако тогда лечение, должно быть, было гораздо менее эффективным, чем сейчас. Клауз говорит о классе людей, которые “либо из-за стыда не предадут его огласке, либо из-за отсутствия хороших хирургов не знают, как это исправить, либо из-за отсутствия способностей не в состоянии иным образом обеспечить его излечение”. Расходы на лечение были бы значительными, если судить по приведенному выше случаю из бухгалтерской книги 1503 года. Не имея возможности нанять “хороших хирургов”, бедный класс прибегает к помощи шарлатанов, о практике которых в лечении этой и других болезней мы имеем некоторые сведения как от Клоуза в Лондоне, так и от Рида в Глостере и Бристоле. Об одном нерегулярном практикующем Клоуз говорит: “Он выписал смесь за пятнадцать фунтов, чтобы избавить его в течение трех приступов лихорадки и сделать здоровым, как рыба, от всех болезней”. Существовал еще эмпирик более низкого порядка, с которым Клоуз презирал спорить:

“И все же я не собираюсь говорить о старухе в Ньюингтоне, за Сент-Джордж—Филдс, к которой люди прибегают как к оракулу; не буду я говорить и о женщине с Бэнксайда, которая хитра, как лошадь в Кросс-Киз; и все же не буду говорить о хитрой женщине с Сикол-лейн, у которой в корзинке для цветов больше умения, чем в оценке мочи или познаниях в медицине или хирургии” - ни о многих других, кого сравнивают с “молью на одежде”, с “язвой” и с “ржавчиной в железе”.

Рид приводит отчет о путешествующем шарлатане, который слишком нагладен, чтобы его опустить:

“В этом, 1587 году, в город Глочестер приехал фламандец по имени Вулфгандж Фролике и там развесил свои картины, свои флаги, свои инструменты и торговые марки с длинными колокольчиками, огромными металлическими коробками, широкими весами, закрытыми в коробочки, с такими фальшивыми зрелищами и приемами жульничества, выманивая у людей их деньги, не имея ни образования, ни познаний. И все же за деньги он получил лицензию на практику в Бристоу. Но когда он пришел в Глосетер и был вызван к кому-то из авторитетных лиц мной и другими, он не смог ответить ни на один пункт в хирургии; поскольку это было осознано и человек был известен, дело было решено из милосердия, чтобы быть полезным страунджерсу”.

Один из наиболее систематизированных и подробных хирургических трактатов того времени, книга Джона Банистера “Общее и частное лечение язв” (1575), важен тем, что в нем косвенно упоминается о венерической болезни.

Таким образом, на листе 25 “злокачественная язва, называемая какоэт”, описана без каких-либо упоминаний о венерическом происхождении, но среди лекарств приводится специфический гваякум. То же самое касается 31-го и 32-го листьев, которые лечат от “грязных и гнилых язв”, и снова назначают гваякум. На листе 51, посвященном язвам полости рта, сказано: “Если это венерическое заболевание, то сначала начните с надлежащего очищения и назначьте пациенту щадящую диету с отваром гваякума и используйте необходимые при этом заболевании мази, укрепляющие внутренние органы. Используйте два раза в день сублимированную воду, как написано выше, для нанесения на язву с намотанной в нее ворсинкой:

Рес. Аква Розар. } две
и подорожные. унции,
Сублимати и драгме.

Кипятите их в стеклянной бутылке до полного растворения сублимата.

На стр. 57 он описывает “язвы интимных зон”, среди которых есть разъедающие язвы, но без ссылки на лу. Именно в разделе, озаглавленном “Приготовление соков” (fol. 61), встречается наиболее явная ссылка: “Когда язвы распространяются по французским карманам, необходимо соблюдать щадящую диету с отваром гваякума или использовать универсальные мази ex Hydrargyro[850]”.

В 1596 году появилось эссе Питера Лоу об *испанской болезни*[851], которое является исключительно результатом опыта за границей, его собственного или других, и носит в основном доктринальный или теоретический характер. Все остальные работы на английском языке по этой теме написаны после Реставрации и не относятся ни к периоду, описанному в этом томе, ни, с эпидемиологической точки зрения, вообще к этому произведению.

Свидетельства широкой распространенности оспы среди людей с высоким и низким уровнем заболеваемости в изобилии содержатся в трудах и памятниках правления Якова I. Последствия болезни, как их обычно отмечали в тот период, суммированы в хорошо известном отрывке из *Тимона Афинского*. Было бы бессмысленно собирать многочисленные ссылки на пуританские проповеди, нравоучительные и описательные эссе, пьесы и письма того времени. Анонимная работа 1652 года фактически объединяет “чуму и оспу” и показывает, “как вылечить тех, кто заражен любой из них”[852]. Для Лондона 1662 года, или начала периода Реставрации, можно привести еще одно свидетельство — дату, которая отсчитывает нас на полтора столетия от нашествия эпидемии, которая нас больше всего беспокоит; но информация за 1662 год покажет, как существование болезни все еще рассматривалось *скрыто*, и это может помочь понять, какой должна была быть ее распространенность и ее серьезные последствия для общественного здравоохранения в предшествующих поколениях, и прежде всего в поколении, которое испытало всю силу этого заболевания как эпидемии[853].

Лондонские ведомости смертности, в которых указаны несколько причин смерти, были впервые напечатаны в 1629 году. Распространение французской оспы отмечено в них с самого начала, и ежегодное общее количество смертей, связанных с ней, значительно, приближаясь к сотне в год. Но, по словам Граунта, который сделал счета смертности предметом критического

исследования в 1662 году[854], они были неполноценными или неверными в своих отчетах о смертях из—за оспы:-

“Согласно обычному мировоззрению, кажется, что большая часть людей в то или иное время болела некоторыми видами этого заболевания ... на что многие так яростно жаловались и т.д.” Затем он объясняет, ссылаясь на смерти, внесенные в соответствующие списки смертности: “Все упомянутые умершими от французской оспы были возвращены клерками Сент—Джайлса и Сент-Мартина только вФилдс, где, как я понимаю, находились самые мерзкие и убогие дома нечистоты; из чего я заключил, что тольконенавистные люди и те, у кого были откушены даже носы, по сообщениям поисковиков, умерли от этой слишком частой болезни”, остальные были доставлены в больницу. включено в раздел "потребление".

Происхождение эпидемии 1494 года.

Французская оспа, как ее называли в Англии (также великая оспа и просто оспа), или испанская оспа, как ее называли во Франции, или неаполитанская болезнь, или грандгорская, - это одно из эпидемических заболеваний, относительно которого, по-видимому, уместно сказать кое-что о предшествующих, в дополнение к тому, что было сказано о его появлении как эпидемии в этой стране и о его распространенности в ней. Но об этом придется сказать очень кратко, не вдаваясь в патологию или конечную природу болезни.

Многочисленные иностранные труды, посвященные ему в первые годы его распространения по Европе, никак не могут объяснить его происхождение. Одна из ранних догадок заключалась в том, что она возникла из-за проказы, как бы привитая или модифицированная эта средневековая болезнь, заменившая ее среди болезней народа. Поводом для этой гипотезы, по-видимому, послужил слабый диагноз самой проказы, слабость, которая восходит к Бернарду Гордонио и Жильберу, если не еще дальше. Многие вещи назывались*лепрой*, которые не были *elephantiasis Graecorum*, и среди этих вещей, несомненно, была венерическая болезнь в Средние века. В то время, когда истинная проказа исчезала или уже исчезла из Европы, новая форма болезни, которая внезапно привлекла всеобщее внимание, хотя ни в коем случае не была тогда первой в существовании, казалась преемницей проказы, вызванной ею и даже заразившейся от прокаженных путем заражения. Таково мнение Манардуса в отрывке, процитированном в дальнейшем, — что сифилис начался при определенных, совершенно особых обстоятельствах в Валенсии, в Испании, источником всего последующего заражения Европы был некий солдат удачи, который был *элефантиозом* или прокаженным. В зачаточном состоянии науки естественно приписывать какому-то такому единственному и определенному источнику новое явление, которое действительно было вызвано совпадением причин[855].

Другой догадкой того же рода была знаменитая теория, нашедшая по-настоящему ученого защитника в Аструке прошлого века и нашедшая сторонников совсем недавно, о том, что венерическая кровь прибыла из Нового Света с возвращающимися кораблями Колумба. Никогда не было сколько-нибудь значительного массива фактов, последовательных относительно времени и мест, в поддержку этой теории; и, исходя из предшествующих соображений, возражение против нее состояло в том, что представить себе происхождение такой болезни у дикарей Эспаньолы, мягко говоря, так же трудно, как и у туземцев Европы. “Америка - здесь или нигде” - вот подходящий ответ на все подобные

призрачные теории, выдвигаемые в отношении далекого и неизвестного. Американская теория в настоящее время безнадежно мертва; чем больше становилось известно о Новом Свете, тем меньше казалось, что сифилис является его коренным жителем: действительно, болезнь пошла по следам европейцев, и те части американского континента, к северу и югу от Перешейка, которых дольше всего достигла цивилизация Старого Света, также дольше всего были затронуты венерической лихорадкой[856].

Название “неаполитанская болезнь”, встречающееся в абердинских записях еще в 1507 году, указывает на общее мнение мирян относительно происхождения и способов распространения странной болезни. В приведенном выше отрывке из книги Джонса “Смерть от лихорадки” будет видно, что он относит это к “осаждающим Неаполь”. Осаждавшими Неаполь были наемники Карла VIII. оккупировали его в начале 1495 года, хотя настоящей осады не было. Новая болезнь была в то время, правильно или ошибочно, прослежена до них, когда они оккупировали Италию, и ее распространение по Европе было справедливо прослежено до их расселения по нескольким странам в конце кампании. Есть медицинские свидетельства, что болезнь появилась в 1495 году среди венецианских и миланских войск, которые были объединены против Карла VIII. при осаде Новары. Марцелл Куманус из Венеции, который был хирургом вооруженных сил, так говорит об этом событии в некоторых “Наблюдениях венерической болезни”, которые он написал на полях работы Аргелаты по хирургии[857]:

“В Италии, в 1495 году, благодаря небесному влиянию, я сам видел и свидетельствую, что, когда я был в лагере в Новаре с войсками лордов Венеции и лордов Милана, многие рыцари и пехотинцы страдали от воспаления слизистой оболочки, вызывавшего появление множества гнойничков на лице и по всему телу; эти гнойнички обычно начинались под крайней плотью или без крайней плоти, как просяное зерно, или на головке, сопровождавшиеся сильным зудом. Иногда одиночная пустула начиналась как маленький пузырь без боли, но с зудом. Будучи сломанными при растирании, они изъязвлялись, как едкий муравьиный материал, и через несколько дней начались неприятности от болей в руках, ногах и ступнях с большими пустулами. Всем квалифицированным врачам было трудно вылечить их.... Без лекарств пустулы на теле оставались год или больше, как при натуральной проказе”. Затем он сообщает множество других подробностей о симптомах и лечении.

Годом позже, в 1496 году, два немецких писателя, которые не были хирургами, но занимались государственными делами, Себастьян Брант (автор книги “Корабль дураков”) и Джозеф Грюнбек описали эту болезнь, очевидно, в связи с войсками, служившими в Италии под командованием Максимилиана I. против вторгшейся армии Карла VIII. Таким образом, имеется достаточно доказательств того, что болезнь в первые два-три года эпидемического распространения была связана с состоянием войны на итальянской земле в лице французских войск (и наемников всех наций), венецианских и миланских войск и немецких войск императора.

Но немецким авторам ясно, что болезнь зародилась не на итальянской земле, не при осаде Неаполя или где-либо еще. Так, Брант в своем стихотворении 1496 года приписывает ему происхождение во Франции и распространение в течение года или двух по всей Европе[858]:

“Pestiferum in Lygures transvexit Francia morbum,
Quem *mala de Franzos* Romula lingua vocat.
Hic Latium atque Italos invasit, ab Alpibus extra
Serpens, Germanos Istricolasque premit;

Grassatur mediis jam Thracibus atque Bohemis
Et morbi genus id Sarmata quisque timet.
Nec satis extremo tutantur in orbe Britanni
Quos refluxum cingit succiduumque fretum.
Quin etiam fama est, Aphros penetrasse Getasque
Vigue sua utrumque depopulare polum.”

Грюнбек, который кратко написал об этой болезни в 1496 году, вернулся к этой теме гораздо подробнее в 1503 году, когда он был секретарем императора Максимилиана, и его более поздний трактат "*О Ментулагре*", он же "*Морбо Галлико*", действительно, был одним из лучших, вызванных эпидемией. Хенслер сомневается, был ли сам Грюнбек в Италии, чтобы наблюдать разрушительные последствия болезни среди войск императора (включая венецианцев и миланцев) при осадах Пизы и Ливорно летом 1496 года, а также среди противостоящих войск Карла VIII. Как бы то ни было, следующее взято из описания Грюнбека[859]:

“O! quid unquam terribilius et abominabilius humanis sensibus occurrit! Difficile est dictu, creditu fere impossibile, quanta foeditatis, putredinis et sordium colluvione, quantisque dolorum anxietatibus nonnullorum militum corpora involuerit. Aliqui etiam a vertice ad usque genua quodam horrido, squalido, continuo, foedo et nigro *scabiei* genere, nulla parte faciei, (solis oculis exemptis), nec colli, cervicis, pectoris vel pubis immuni relictis, percussi, ita sordidi abominabilesque effecti sunt, qui ab omnibus commilitonibus derelicti, ac etiam in plano et nudo campo sub dio emarescentes, nihil magis quam *mortem* expetiverunt.... At his omnibus nihil vel parum proficientibus, et morbo ipso non contento hoc hominum numero, ut eos solos tantis passionum cruciatibus afficeret, venenum contagiosum in multos spectantes Italos, Teutones, Helveticos, Vindelicos, Rhaetos, Noricos, Batavos, Morinos, Anglicos, Hispanos, et alios quos belli occasio in copias conscripserat, transfudit.... Временная необходимость, для подпольных галлорумов абитуриентов, упражняющихся в распутстве”, — сам Грюнбек отправился с несколькими купцами в Венгрию, а оттуда в Польшу[860].

Как получилось, что эта ужасная инфекция оказалась среди войск всех наций на итальянской земле в 1494, 1495 и 1496 годах? Себастьян Брант ясно утверждает, что французы принесли его с собой и что сначала он распространился по Лигурии. Грюнбек говорит, что его видели *primo super Insubriam*, или Миланцем, на котором он лежал подобно плотному облаку, пока не был рассеян ветрами по всей Лигурии и таким образом не попал в итальянские армии. Бенивени из Флоренции, писавший в 1498 году, говорит, что оно попало в Италию из Испании, а из Италии было перевезено во Францию. Таким образом, у нас есть теория испанского происхождения, французского происхождения и, возможно, также итальянского происхождения — все согласны с тем, что Италия во время военного положения с 1494 по 1496 год была театром первых масштабных разрушений и источником, из которого возвращающиеся солдаты принесли болезнь во все страны Европы.

Решение проблемы следует искать в справках, полученных после еще более ранних сообщений *овенерической болезни*. В задачу этой книги не входит углубляться в эту обширную тему дальше, чем это было сделано ранее с целью доказательства общего употребления средневекового термина *лепра*. В настоящее время компетентные исследователи истории медицины признают, что одно и то же заболевание со всеми разновидностями или формами первичной, вторичной или третичной формы существовало в древности и в средние века, хотя

вторичные и третичные формы, возможно, не были приписаны их первичному источнику. Но что нас здесь особенно беспокоит, так это вопрос о том, стала ли эта болезнь где-либо более заметной в годы, непосредственно предшествовавшие крупному военному взрыву на итальянской земле. На этот счет есть некоторые свидетельства из более чем одного источника, что болезнь была достаточно распространена на юге Франции, чтобы стать предметом обсуждения до французской экспедиции в Италию, что она добралась до портов Испании (Барселоны и Валенсии) и что войска Карла VIII, если не сам этот молодой монарх, перенесли ее через Альпы в Лигурию и, таким образом, положили ей начало на итальянской земле, которое состояние войны в течение следующих двух лет превратило в мощную и распространенную эпидемию[861].

Лучшее свидетельство его распространенности в Лангедоке и распространения оттуда на соседнее побережье Испании содержится в письме от 18 апреля 1494 г. (за четыре месяца до вступления Карла VIII в Италию), написанном Николасом Сциллатиусом сразу после прибытия в Барселону[862]. Провинция Нарбонна, говорит он, часть Франции, граничащая с Испанией, теперь породила еще один порок. Больше всего это почувствовали женщины; вирус заразил соседей при контакте; недавно он вторгся в Испанию, до сих пор им не затронутую. “Я был в ужасе, - продолжает он, - когда впервые приземлился в Барселоне, потому что встречался со многими жителями, которые были охвачены этой заразой. Когда я расспросил врачей (ибо с ними я беседовал почти на протяжении всего этого путешествия), они заверили меня, что новые вещества были получены из свирепой Франции”. Этому полностью достоверному свидетельству соответствует заявление Тореллы, уроженца Валенсии, который написал одно из ранних эссе о новой болезни (“De Pudendagra”) в ноябре 1497 года. Болезнь впервые вспыхнула, по его словам, в Оверни в 1493 году (*incepit, ut aiunt, haec maligna aegritudo anno 1493 в Алервнии*), и так распространилась по Испании и островам [на Сардинию, где он был епископом, и на Корсику], и в Италию, распространившись в конце концов по всей Европе и, если можно так выразиться, по всему земному шару[863].

Таким образом, Торелла подтверждает слова барселонского путешественника в том, что касается импорта с юга Франции в соседние порты, причем первый автор называет Овернь эндемичным очагом болезни, тогда как второй называет Нарбонну. Другое свидетельство того, что оспа была в Валенсии, а также в Барселоне до экспедиции Карла VIII, содержится в истории, рассказанной Манардусом Феррарским (1500 г.), истории, которая совершенно невероятна в том, что касается возникновения сифилиса в указанное время и в указанном месте из-за случая проказы, но вполне правдоподобна в том, что касается грубости ее обстоятельств:

“Coepisse hunc morbum per id tempus, dicunt, quo Carolus, Francorum rex, expeditionem Italicam parabat: coepisse, autem, in Valentia, Hispaniae Taraconensis insigni civitate, a nobili quodam scorto, cujus noctem elephantiosus quidam, ex equestri ordine miles, quinquaginta aureis emit; et cum ad mulieris concubitum frequens juvenus accederet, intra paucos dies supra quadringentos infectos; e quorum numero nonnulli, Carolum Italiam petentem sequuti, praeter alia quae adhuc vigent importata mala et hoc addiderunt[864].”

Нижеследующие доказательства не столь явны, но они имеют высокую вероятность. Продвижение Карла VIII из Франции в Италию осенью 1494 года описано Филиппом де Комином в его *Хронике короля Карла VIII*, впервые напечатанной в Париже в 1528 году, через девятнадцать лет после смерти автора. Де Комин сопровождал своего господина, французского

короля, до Асти; затем он был отправлен с миссией в Венецию и воссоединился с королем во Флоренции. Но Де Комин, который не был сплетником, опускает один интересный факт ближе к началу путешествия в Италию, который был сохранен для нас в современном труде (1503 г.) под названием "*Мартинианская хроника*", или хроника всех пап вплоть до недавно скончавшегося Александра Борджиа[865]. This chronicle relates as follows concerning Charles VIII.'s journey:—"Il se arresta premierement aucuns jours a Lyon, douteux s'il passeroit les mons, car il y estoit detenu pour les delices et plaisances de la cité et pour les folles amours de aucunes gorrieres lyonnoises. Mais quant l'air devint pestilent, il s'en tyra à Vienne, citè de Daulphinè." Его великая армия уже перешла Альпы и прибыла в страну Асти: говорят, что в круглых цифрах она состояла из 3600 латников, 6000 лучников, 8000 пикинеров и 8000 вооруженных аркебузами, алебардами, двуручными мечами или другим оружием, вместе с тяжелым артиллерийским обозом из 8000 лошадей. Большую часть этого отряда составляли швейцарцы; другую часть составляли гасконцы[866].

Карл VIII. покинул Вену 23 августа и пересек Мон-Женевр 2 сентября, откуда направился прямо через Сузы и Турин, присоединившись к своей армии в Асти 9 сентября. В Асти, по словам Де Комина, у него случилась болезнь, из-за которой этот министр на несколько дней отложил отправление со своей миссией в Венецию. В оригинальном печатном тексте "*Хроники де Комина*" (Париж, 1528) говорится, что автор оставался в Асти на несколько дней дольше, "потому что король был болен оспой (*de la petite verolle*) и находился на грани смерти, поскольку к ней примешивалась лихорадка; но это продолжалось всего шесть или семь дней, и я отправился в путь". В следующем издании нет никаких изменений, кроме "под угрозой смерти" (*en grant peril de mort*), вместо просто "в опасности". Итак, откуда взялся этот диагноз *petite verolle*? Ничего не говорится о том, что в то время оспа была распространена среди войск или вдоль их маршрута. Само название *petite verolle* не существовало в 1494 году; оно появилось вместе с *grosse verolle*, став необходимым благодаря последнему; и первое, что мы слышим о *grosse verolle*, когда итальянская кампания закончилась и в Париже свирепствовала оспа, парижский парламент 6 марта 1497 года издал постановление против некоего заразного заболевания "*pommée la grosse verole*", которое существовало в королевстве и в городе Париже уже два года. Вероятно, Коминс намеренно написал "*petite verolle*" в своей рукописи, написав последнюю после 1498 года или в то время, когда термины *verolle*, или *grosse verolle*, и *petite verolle* были в ходу и были известны в их соответствующих значениях. Де Комин не вдается в подробности причин или обстоятельств болезни короля в Асти, за исключением того, что он делает несколько бессвязное замечание о том, что все итальянские вина того года были кислыми и что сезон был жарким, что имело бы столь же мало общего с одним видом оспы, как и с другим. Также ничего не говорится о распространении оспы среди приближенных короля[867].

Вся последовательность событий, от "*folles amours*" в Лионе до острой болезни в Асти, подсказала историкам, у которых нет медицинской теории, которую можно было бы отстаивать, что на самом деле король страдал не от *petite vérole*, а от *grosse vérole*. Мартин говорит, что Карл VIII. в Асти возобновились его лионские безумства и что он жестоко заболел, "как говорит один, оспой, или, возможно, новой болезнью, которая начала проявляться в Европе", имея в виду сифилис. Чтобы показать, что такое заражение уже было возможно, он цитирует постановление мэра Парижа от 15 апреля 1488 года, предписывающее "прокаженным" покинуть столицу. Это очень похоже на приказ Эдуарда III лондонским "прокаженным" полутора веками ранее, в котором приведенные причины (частое употребление тушеного мяса, загрязненный запах из

рта и т.д.) Довольно четко указывают на природу их “проказы”. Приказ об изгнании “прокаженных” из Парижа в 1488 году, должно быть, был вызван каким-то необычным риском заражения, точно так же, как и лондонский приказ 1346 года. Именно в этом смысле французский историк рассматривает это; постановление, по его словам, “касается вероятности возникновения сифилитических осложнений у лепре”[868].

Де Комин, который является авторитетом в диагностике оспы, вставил слово *petite* перед *вероле* по причинам, известным только ему самому. В следующей главе, посвященной оспе и кори в Англии, я покажу, что двусмысленное преподавание профессорско-преподавательского состава относительно природы и сходства собственно оспы в первые годы ее эпидемического появления дало возможность называть *большую веролю* именем *petite vérole* в обстоятельствах, когда это было вежливо, или благоразумно, или удобно. Единственная важность правильного диагноза болезни короля заключается в том, что случай одного был бы случаем многих.

Все признаки указывают на несколько необычную распространенность *венерической болезни* до осени 1494 года в роскошных провинциях южной Франции, а также в столице. Вне всякого сомнения, болезнь уже распространилась по крупным испанским портам, ближайшим к Лионскому заливу. Экспедиция Карла VIII проходила через этот регион по пути через Альпы. Согласно Себастьяну Бранту, именно французы принесли болезнь в Лигурию, и, согласно Грюнбеку, она распространилась, *Gallico tractu, ab occidentali sinu*, собралась подобно плотному облаку *super Insubriam* (миланцы), и оттуда была рассеяна, словно ветром, по всей провинции Лигурия.

Если бы не обстоятельства военной экспедиции 1494 года и состояние войны в Италии в течение двух лет после нее, вполне возможно, что необычная распространенность во Франции очень древней болезни не вызвала бы особого интереса у Европы в целом, хотя города на ближайшем побережье Испании, по-видимому, уже заразились этой инфекцией. В этом необычном распространении на юге Франции нет ничего таинственного; это был период конца Средневековья, отмеченный возрождением образования, торговли и коммерции - возрождением большинства вещей, за исключением морали. Но, предполагая, что такая необычная распространенность была выше древнего и средневекового уровня, все же может показаться необъяснимым, что из-за этого возникла великая европейская эпидемия самого катастрофического и фатального типа.

Однако существует множество параллельных случаев, в незначительных масштабах, относящихся к современности, особой тяжести заболевания, закоренелости и заразности необычными способами, которые культивировались с самого начала среди неискушенных сообществ в странах Балтии и Адриатики, где люди не имели постоянных врачей и не были знакомы с таким заболеванием и его рисками. Они были собраны и проанализированы Хиршем, чей вывод заключается в том, что “способ происхождения и характер этих эндемиков сифилиса, как мне кажется, дают ключ к пониманию замечательного эпизода заболевания в 15 веке, — эпизода, который полностью напоминает их по своему типу и отличается от них только по степени распространенности”[869].

Отсылая читателя за дальнейшими подробностями к цитируемой работе, я оставляю судить о предшествующих событиях эпидемии оспы в конце 15 века в соответствии с изложенными выше вероятностями.

ГЛАВА IX.

ОСПА И КОРЬ.

С нашей современной привычкой искать факты, возвращаться к реальности и реконструировать теорию нам нелегко понять, насколько полностью средневековый мир медицины был поработан авторитетом и традицией даже в вопросах, которые находились непосредственно у них на глазах. Считалось великим событием, что Линакр из Оксфорда в первые годы 16 века и Кай из Кембриджа примерно пятьдесят лет спустя обратились за авторитетом к Галену, минуя арабов, которые были толкователями классической медицины на протяжении всего средневековья. Их издания забытых медицинских трудов греко-римской школы были шагом вперед в науке, и они открыли путь к непосредственным наблюдениям за болезнями, которые действительно начались спустя несколько столетий после этого с работ Уиллиса, Сайденхэма и Мортонна. Но оспа и корь не были темой галенизма, они были сугубо арабскими; и очень умеренная доля, которую Англия принимала в возрождении медицинской науки, не имела никакого значения для параграфов или глав, посвященных этим болезням, которые циркулировали в средневековых сборниках. В то время как арабские писатели-арабисты из Испании, Салерно и Монпелье были хранителями и толкователями учения Галена, они также были авторитетами из первых рук в некоторых вопросах, касающихся исключительно арабского опыта, главными из которых были оспа и корь. Все, что говорилось об этих двух эпидемических болезнях за границей, в систематических работах Гордонио и Гилберта, а также в более позднем сборнике Гаддесдена в Англии, имело не только арабское происхождение, но и было всем, что о них было известно. Разес, оригинальный арабский писатель о оспе и кори, написанный примерно в начале 11 века, поделился как доктриной, так и опытом. Его наблюдения и рассуждения, измененные или дополненные его более поздними соотечественниками, целиком вошли в медицинские учебники всей Европы. Интерес к трактату Разеса был настолько велик, что он был напечатан в 1766 году Ченнингом из Оксфорда на арабском языке с латинским переводом и в английском переводе с оригинала Гринхиллом из Оксфорда в 1847 году.

В литературе мы заимствовали название оспы у арабов; но разве мы не сталкивались с самой болезнью на собственном опыте, и если да, то когда она впервые появилась в этой стране? Даже сейчас вряд ли можно попытаться ответить на эти вопросы, не вызвав предубеждения и горьких воспоминаний. Судьба оспы как эпидемиологической проблемы заключалась в том, чтобы быть окруженной фанатизмом и нетерпимостью. Тот, кто утверждает, что вакцинация не так стара, как сотворение мира, был заподозрен в своих мотивах; любой, кто проявляет склонность ограничивать ее историческую продолжительность и прежние масштабы в Британии, явно стремится принизить преимущества, которые были получены в течение нынешнего столетия от вакцинации.

Желание установить древность натуральной оспы в Европе было столь же сильным, как и желание опровергнуть древность великой оспы. В то время как несомненные следы последнего в древности были прикрыты общим названием “проказа”, самое расплывчатое упоминание о “пустулах” или пятнах на коже было превращено изобретательностью вербалистов в обозначение разрушительных эпидемий натуральной оспы. Меня здесь интересует только Британия, и я должен опустить широко обсуждаемую ссылку Григория Турского на эпидемии в VI веке, период юстиниановой чумы. Но в Англии эпидемия, которая стоит ближе всего в наших летописях к великой чуме VI века, широко распространенная инфекция, описанная Бедой как начавшаяся в 664 году и продолжавшаяся в монастырях и других местах в течение многих лет после этого, была заявлена Вилланом как эпидемия натуральной оспы[870]. Уиллан, при всей своей эрудиции, был дерматологом и руководствовался принципом, что нет ничего лучше кожи. Его доводы в пользу натуральной оспы упоминались в первой главе, посвященной чуме, описанной Бедой, и больше не должны нас интересовать. Свидетельства заболевания оспой в те далекие времена мы находим не в Англии, а в Аравии.

Оспа в арабских летописях.

Для нашей цели можно принять свидетельства о древности натуральной оспы в Китае и Индии, а остальное оставить без внимания. Арабское влияние нам ближе, и это единственное, что нас практически касается. Переходя, таким образом, к истории натуральной оспы в ее распространенности ближе всего к Европе, мы находим определенное утверждение о том, что болезнь впервые появилась среди абиссинской армии Абрахи при осаде Мекки в ходе так называемой Войны слонов в 569 или 571 году нашей эры. Лучший из арабских историков, Табари[871], пишет: “Это было рассказано нам Ибн Хумайдом, после Салимы, после Ибн Ишага, которому Джагуб б. Отха б. Мугира б. Ахнас рассказал, что кто-то сказал ему, что в тот год в Аравии впервые появилась оспа, а также горькие травы — рута, колокинт [и другие]”. Традиция передается из уст в уста несколькими людьми на семитский манер, но по этой причине ее не нужно отбрасывать как бесполезную. Что касается горьких трав, то, как говорят, это противоречит вероятности; но что касается новой формы эпидемического заболевания, то против этого нет таких возражений.

Арабская легенда, переданная Табари, такова: “Вслед за этим прилетели птицы с моря стаями, у каждой из которых было по три камня, по два в когтях и по одному в клюве, и бросили в них камни. Везде, куда попадал один из этих камней, появлялась злая рана и повсюду появлялись гнойнички. В то время впервые появилась оспа и горькие деревья. Камни полностью уничтожили их. После этого Бог послал поток, который унес их прочь и унес в море. Но Абраха и остатки его людей бежали: он сам терял одного члена за другим”. В предыдущем отрывке так описывается бедствие Абрахи: “Но Абраха был поражен тяжелым ударом; когда они тащили его с собой при отступлении, его конечности отваливались кусок за куском, и всякий раз, когда отваливался кусок, выступала материя и кровь”. Чтобы проиллюстрировать этот рассказ Табари, его недавний редактор Нелдеке приводит следующую цитату из анти-мусульманского стихотворения: “Шестьдесят тысяч человек не вернулись в свои дома, и их больные не продолжали жить после возвращения”. Говорят, что один из слонов, осмелившихся проникнуть в священную область, также был ранен и поражен оспой.

В этом повествовании о катастрофе Абрахи, говорит Нелдеке, присутствует смесь естественной причинности и чисто сказочного чуда; реальный и достаточный отчет о причине поражения абиссинского вождя, а именно о вспышке оспы, был смешан с легендарными рассказами. То, что это была оспа, становится вероятным из-за преемственности арабского названия; под тем же именем Разес, самый ранний автор систематики, описывает симптомы, патологию и лечение того, что, несомненно, было оспой, впоследствии ставшей известной в Западной Европе. Почему он должен был возникнуть на арабской земле в армии вторжения из Африки, - это вопрос, для окончательного ответа на который потребовалось бы много знаний, ныне недоступных нам.

Теория природы оспы.

Природу заболевания следует, однако, всегда иметь в виду при любых предположениях относительно происхождения его заразных и эпидемических свойств. Не требуется никаких умозрительных рассуждений, чтобы объявить оспу кожным заболеванием, имеющим природу лишая, превратившегося в гнойничковую. Сначала это кожное заболевание, а затем инфекционное или эпидемическое заболевание; его место среди кожных заболеваний действительно полностью признано дерматологами. Помимо своей контагиозности, оно соответствует признакам других кожных высыпаний: его вспышке предшествует нарушение самочувствия, включая лихорадку; когда сыпь выходит наружу, лихорадка к настоящему времени проходит; и, как и при некоторых других высыпаниях, которые не являются заразными, конституциональное нарушение находится в пропорции к площади пораженной кожи. Даже своеобразные рубцы или ямки, которые он оставляет на коже определенной текстуры или в областях с большим количеством сосудов, таких как лицо, не являются чем-то необычным при незаразных кожных заболеваниях; не является необъяснимым и другая его особенность, неприятный запах множества пустул, при кожных заболеваниях, характерных для тропических стран.

Высыпания на коже во многих случаях являются результатом конституционального нездоровья; например, экзема при подагре. Также там, где заражено все тело, как при сифилисе, появляются кожные высыпания, которые могут быть прыщами (лишайниками) или чешуйками, или сыпью, или, как при первой большой вспышке сифилиса, “пустулами”, настолько распространенными по всему телу, что те, кто искал нозологические сходства с новой болезнью, не нашли для них лучшего места, чем группа *alhumata* Авиценны, в которую входили оспа и корь. То, что кожная сыпь, характерная для оспы, должна была проявиться как конституциональное проявление, и что у нескольких человек она должна была проявиться одновременно по одной и той же внутренней причине, являются правдоподобными предположениями, хотя и не обязательно подтвержденными историческими свидетельствами. Предположим, что абиссинская армия перед Меккой испытывала какие-то обычные неудобства в ходе кампании, что при однообразии их жизни многие из них страдали одним и тем же конституциональным заболеванием, точно так же, как многие из них часто заболевали цингой, и что кожная сыпь, характерная для тропиков, была частью этого. Что мы должны далее предположить, так это то, что конституциональная сыпь стала распространяться, так сказать, от кожи наружу, — что она могла быть отделена от своих предшественников в теле и могла существовать как автономная вещь, так что она могла разразиться у тех, у кого не было ни

одного из лежащих в ее основе конституциональных условий, но они были просто в контакте с теми, кто развил ее конституционально или изнутри. Такое отделение конституциональной сыпи от ее первичных условий происходит не более чем постоянно, когда кожное заболевание, такое как экзема или акне, сохраняется долгое время после того, как его спровоцировали, или устранено расстройство здоровья, вызвавшее его. Застарелость или хроничность некоторых кожных заболеваний сама по себе является формой автономии, но такой формой, которая не выходит за пределы индивида, точно так же, как среди самих инфекций рак не выходит за пределы индивида и не распространяется путем заражения[872]. Но существует более близкая вероятная аналогия того, что вторичная сыпь становится самостоятельным или независимым инфекционным заболеванием. Рассматриваемый пример не более чем вероятен, и может быть легко оспорен теми, у кого достаточно предубеждений в обратном направлении; но нет теории, которая так хорошо подходила бы к негритянской болезни фрамбезии, как та, что это несколько своеобразная вторичная форма сифилиса, о которой теперь можно говорить как о экзантеме, отделенной от первичных поражений, от которых первоначально зависело ее существование.

Все свидетельства, исторические и географические, указывают на несколько разновидностей черной кожи (или желтой кожицы) как на естественные ткани для заражения оспой.

Небезынтересно, что заболевание негров, которое не так давно наблюдали английские врачи в шахтерских районах Южной Африки, вызвало острые споры о том, была ли это оспа или нет: по мнению одних, это было конституциональное извращение; по мнению других, это была заразная инфекция. Подобные явления вряд ли можно увидеть в наших широтах; но изначально оспа сама по себе не была болезнью умеренной зоны[873].

Я не буду продолжать это замечание относительно вероятных обстоятельств, при которых гнойничковая сыпь у абиссинцев перед Меккой или у других африканцев или других темнокожих рас в других местах и в другое время приобрела характер эпидемии, аналогичной натуральной оспе. Нужно по опыту узнать, что в настоящее время к таким исследованиям не прислушиваются, потому что определенная господствующая мода в медицине предпочитает относить все эти истоки к самым отдаленным частям земли и к древнейшим эпохам (практически *ab aeterno*), и там оставлять их с самодовольным ощущением, что от них так избавились. Это не тот способ, которым проводится изучение происхождения всех других вопросов, представляющих интерес для человека. И все же болезни появились недавно по сравнению с видами живых существ; некоторые из них появились недавно даже по сравнению с цивилизованными обществами. Эпидемические и конституциональные заболевания затрагивают многие аспекты и зависят от обстоятельств времени и местности, а также от расовых или национальных особенностей. Возможно, когда-нибудь их происхождение станет предметом исторических или археологических исследований.

Европейская оспа в средние века.

Нынешнее широкое распространение оспы среди арабов может относиться, а может и не относиться к Войне слонов в 569 году нашей эры. Его распространение также в Абиссинии, настолько широкое в наше время, что почти все носят на себе его следы, возможно, не имеет непрерывной истории со времен возвращения экспедиции Абрахи. Но история оспы на Западе дошла до нас через сарацин, и не может быть сомнений в том, что в наши дни эта болезнь особенно распространена во всех африканских странах, и больше всего в верхнем бассейне

Нила, где, как говорит Прунер, “она проявляется как одна великая болезнь”[874]. Это замечание Фрейнда, чья эрудиция и суждения должны иметь вес, что “сарацины первыми принесли эту смуту, и везде, где преобладало их оружие, она распространялась с той же яростью в Африке, в Европе и по большей части Азии, особенно в восточной части[875]”. Наше исследование здесь не распространяется за пределы Англии, так что нет необходимости поднимать чрезвычайно спорный вопрос о количестве и частоте оспы в европейских странах, завоеванных сарацинами в средние века[876].

Что касается Англии, то оспа впервые была занесена в нее не сарацинским оружием, а сарацинскими перьями. В самом раннем английском трактате по медицине, “Английской розе” Гаддесдена, есть та же глава “О вариолисе [и морбиллисе]”, что и во всех других средневековых сборниках — по существу та же, что и в более ранней работе Гилберта и во всех других арабистических произведениях ранее или позже. “Английская роза” пользовалась успехом в свое время, отчасти, без сомнения, из-за того, что ее стиль был более буйным, чем у трактатов Гилберта или Гордонио, отчасти также из-за откровенной непристойности некоторых пассажей. Ги де Шолиак из Авиньона, один из немногих оригинальных наблюдателей того времени, слышал об “Английской розе”, и ему было любопытно взглянуть на нее; но он нашел в ней “только басни Эспана, Жильбера и Теодориха” и довольно недоброжелательно закрепил за ней эпитет “глупой”. О чем де Шолиак, вероятно, слышал, так это о случайных претензиях Гаддесдена на оригинальность; и теперь мы рассмотрим их в той мере, в какой они касаются оспы.

Одним из отличий Гаддесдена от стандартных замечаний о натуральной оспе является его объяснение, почему болезнь называли натуральной оспой: по его словам, она называется натуральной оспой, потому что она возникает в различных участках кожи (*quia in cute diversas partes occupant*). Это остроумное усовершенствование Гилберта, который говорит, что это называется натуральной оспой из-за разнообразия цветов (*et dicitur variola a varietate coloris*) — иногда красного, иногда белого, или желтого, или зеленого, или фиолетового, или черного. Другое замечание, приписываемое (по крайней мере, Хазером) Гаддесдену как оригинальное, заключается в том, что человек может переболеть оспой дважды; но Гаддесден в более позднем абзаце показывает, откуда он это взял: “И поэтому Авиценна говорит (*кварто* Канонис), что иногда человек переболел оспой дважды — один раз должным образом, а второй раз неправильно”. Самая известная оригинальность Гаддесдена - это его лечение путем заворачивания пациента в красную ткань; это тоже приписывает ему Хасер. Но испанец Питер, испанец из приведенной выше ссылки де Шолиака, также предстает перед ним с обращением к красной ткани, хотя он достаточно откровенен, чтобы процитировать Гилберта: “Любая ткань, окрашенная в фиолетовый цвет, - говорит испанец, - обладает свойством притягивать материю наружу”.

Ссылка Гилберта такова: “Старые женщины в деревне добавляют в напиток жженный пурпур, поскольку он обладает оккультным свойством излечивать оспу. Пусть возьмут ткань, выкрашенную *de grano*”. Бернард Гордонио также говорит: “После этого пусть все тело будет обернуто красной тканью”. Вероятно, у этого широко распространенного рецепта, как и у всего остального учения о натуральной оспе, был арабский авторитет. Но Гаддесден действительно улучшает своих предшественников, смело апеллируя к своему собственному благоприятному опыту использования красной ткани: “Тогда пусть возьмут красную ткань и полностью завернут в нее больного различными заболеваниями, как я сделал с сыном благороднейшего короля

Англии, когда он страдал этими болезнями (*устос морбос*); Я покрасил все вокруг его постели, и это хорошее лекарство, и в конце концов я вылечил его без следов оспы”.

В отношении этого лечения, прежде всего, следует сказать, что целью красной ткани было вытягивание вещества на поверхность[877], и что это не имело никакого отношения к предотвращению образования язв. Средством предотвращения образования язв обычно было вскрытие пустул золотой иглой; таков арабский совет, и все арабисты его копируют. Гаддесден среди остальных копирует это, но он не говорит, что практиковал это на королевском сыне. Если бы он так сказал, мы могли бы поверить, что на самом деле болезнь представляет собой гнойнички, которые можно вскрыть иглой. В самом раннем печатном тексте (Павия, 1492 г.) он говорит, что, пока сын короля “страдал от этих болезней”, он велел завернуть его в красную ткань и завесить кровать такой же тканью, и что он вылечил его без следов оспы. Гэддесден не был в полной мере честным практиком; напротив, он был первым образцом шарлатана в совершенстве. По словам ученого и рассудительного доктора Фрейнда, “я сомневаюсь, что его практика не основывалась на каких-либо экстраординарных знаниях его способностей”; и опять же, “он был, как явствует из его собственных трудов, достаточно проницателен, чтобы видеть слабости человеческой природы насквозь; он мог составить хорошее суждение о том, как далеко можно зайти в обмане человечества; и никогда не упускал случая воспользоваться их доверчивостью”[878]. Такой человек вряд ли упустил бы возможность диагностировать у королевича натуральную оспу и вылечить ее с помощью красной ткани, чтобы не оставить косточек. “Это хорошее лекарство”, - говорит он; и мы можем пойти с ним так далеко, что признаем, что на королевскую семью, должно быть, произвело впечатление то, что королевская семья услышала о какой-то острой детской болезни, названной грозным названием *variola*, и увидела, как ее вылечили “*sine vestigiis*”.

Корь в средневековых писаниях.

В трудах арабистов и их подражателей, так называемых арабистов, корь и оспа всегда рассматриваются вместе. Обычное различие, проводимое между ними, заключается в том, что *морбиллы*, или корь, зарождаются с желчью, тогда как *вариолы*, или оспа, зарождаются с кровью, что первые маленькие и что они менее склонны поражать глаза. Ссылка в Гаддесдене обычная, но она осложняется введением третьего термина, *пунктуации*, который Грунер, однако, считает просто синонимом *морбилли*. Поскольку отрывок Гэддесдена имеет определенное значение для истории известного названия болезни в Англии, я переведу его подробно, насколько это возможно для понимания:

“Вариолы называются так, как будто по-разному выбирают саму кожу, потому что в коже они занимают разные части путем апостематизации и заражения; они вызваны разложением крови и этим отличаются от *morbilli* и *punctilli*.

Морбиллы - это небольшие апостематозные образования на коже, образующиеся из желчи; и они являются уменьшительным от апостематозных заболеваний, потому что занимают меньше места из-за остроты холерического вещества. На самом деле это вариолы холерического происхождения и мельчайшие пустулы. Но точечные инфекции обычно кровожадны, как если

бы они возникли в результате блошиного укуса, только они остаются постоянно. И точечные инфекции бывают двух видов, большие и маленькие. О малом я уже говорил [под именем морбилли?]. Но самые крупные - это широкие, красные и непрозрачные инфекции на ногах бедных и истощенных людей (*pauperum et consumptuorum*), которые как будто постоянно сидят у огня без обуви; и по-английски они называются *mesles*[879].

Остальная часть главы Гаддесдена о натуральной оспе и кори не содержит ничего такого, чего нельзя было бы найти у Авиценны или в любом средневековом сборнике по медицине. Но процитированный отрывок представляет интерес как использование старого слова “меслес” для обозначения одной из двух форм морбилли или пунктилли. Здесь мы можем немного заглянуть в то смятение ума, которое посещало medieвистов, когда их вербалист имел дело с болезнью. Синтаксис предложения Гаддесдена подразумевает, что обширные, красные и непрозрачные инфекции на ногах бедных и истощенных людей назывались по-английски *mesles*. У других авторов, как до, так и после его смерти, название меслес, или меселс, или месеалс присваивалось не какой-либо форме заболевания, а классу страдающих от него. Это имя, примененное Мэтью Пэрисом к обитателям лепрозориев (около 1250 г.) - *мизелли* и *мизеллы*, являющиеся уменьшительными от *скряга*[880]. Это слово использовалось для обозначения того же класса в нормандско-французских записях в списках парламента в правление Эдуарда I. установление налогообложения лепрозориев: если глава дома сам был пациентом, больница не должна была ничего платить, но если главой был здоровый человек, больница должна была платить[881]. То же самое употребление слова *mesles*, означающего прокаженного, в общем смысле встречается несколько раз в поэме 14 века “Видение пахаря Пирса”[882]. Таким образом, Христос в Своем служении,

“Выискивал больных и грешных обоих,
И исцелял больных и грешных, как слепых, так и скрюченных;
И женщины общины обращались и к добру обращались.
И меселес, и немой, и, по-мужски, кровавый,
часто он так поступал. Он не держал это в секрете,
За исключением того, что он развратил Лазаря, что свело илаин в могилу.

Или еще раз:

“Старики и женщины, лишённые беспомощной силы,
И женщины с ребенком, которые поклоняются немощи,
Слепые и безбородые, с переломанными членами,
Которые спокойно переносят их зло, как меселе и другие”.

Именно это древнеанглийское слово “*mesles*”, означающее прокаженного в общем смысле, Гаддесден привносит в свой латинский текст в связи с *morbilli* (или *пунктилли*). Бесполезно искать точности у такого писателя; но если его введение слова “меслес” в конкретном контексте вообще что-то значит, это означает, что английское слово представляло разновидность *морбилли*, — большую, широкую и непрозрачную разновидность. То, что ему пришло в голову привести эти пятна на ногах бедняков хотя бы в отдаленную связь с *морбилли* арабов, вероятно, означает, что Гаддесден был знаком с последними только на словах или что он знал их только по книгам. Конечно, невероятно, чтобы кто-либо, даже в средние века, когда-либо видевший случай заболевания корью, сочетал это временное и несущественное пятнистость кожи с большими, широкими и “неясными” пятнами (или узелками, или чем-то еще) на ногах бедных и

истощенных людей, которые в просторечии назывались меслами. Но Гэддесден, хотя и был вербалистом и плагиатчиком, был великим именем в медицине, именем, которое обычно соединялось (как у Чосера) с более солидной репутацией, чем его собственная. Если он отождествил “меслес” с разновидностью *морбилли* (о разновидности которой, похоже, никто, кроме него самого, не слышал), для названия в английском языке было легким переходом к тому, что оно есть сейчас, корь означает *морбилли*, в правильном и единственно реальном смысле последнего[883].

История названия “Покс” в английском языке.

Случай *натуральной оспы* Гэддесдена, который он вылечил без изъязвлений с помощью красной ткани, стоит особняком в английских архивах до XVI века; вероятно, он был так же мало способен диагностировать натуральную оспу, как и *морбилли*, и более чем вероятно, что он не постеснялся бы назвать какую-нибудь детскую болезнь книжным названием *variola*, по принципу “*omne ignotum pro terribili*”, когда этим можно было чего-нибудь добиться. Нет независимых доказательств того, что оспа или корь существовали в Англии в 14-15 веках. Сохранились различные средневековые рецептурные книги, в которых указаны средства от всех обычных заболеваний. Если там встречается название *натуральной оспы* или любая его английская форма, мы должны сделать тот же вывод, что и из рецептов для лечения детских болезней, таких как “косточки” и “излом” (или коклюш)[884]. В англосаксонских “пиявках”, которые были собраны в трех томах, слово *рос* встречается один раз в единственном числе во фразе “*рос глаза*” (вероятно, яичник или хлев века) и один раз во множественном числе (*россан*) без указания на какую-либо часть тела и без указания на то, что имелось в виду общее извержение. Виллан, действительно, нашел в рукописи неопределенной даты латинское заклинание против болезней, в котором встречаются слова *alues*, *pestis*, *pestilentia* и *variola*; в конце его написано по-англосаксонски обращение к определенным святым с просьбой “защитить меня от *латанских пауков* и от всего зла”[885]. Это выглядит так, как если бы *россан* был англосаксонским переводом *variola*. Но еще предстоит выяснить, в каком смысле слово “*rokkes*” использовалось в самых ранних английских произведениях.

В “Видении пахаря Пирса” (passus XX) таким образом упоминается возмездие природы или “Кинде” за порочность времени:

“Кинде пришел после этого со многими острыми язвами,
такими как покки и мор, и погибло много людей;
Так что кинде из-за разврата убил очень многих”.

В строках, непосредственно предшествующих этому, встречаются некоторые другие имена, столь же общие:

“Байлы, боши и бренинги
Французы и отвратительные злодеи, собиратели кинде”.

“Бош” — это ботч, название, данное чуме еще во времена стюартов по ее главному внешнему признаку - бубону; а “байлз” - это просто латинское *bilis* = *язва*. “*Pokkes*” может быть англосаксонским словом; но известно, что многие разговорные выражения Ленгленда имеют нормандское или французское происхождение, и в этом языке есть термин *rosche*, который

недалеко ушел от английского “boche”. Независимо от того, совпадает ли “poche” с “boche” или нет, “pokkes and pestilences” можно считать синонимами “byles and boches”. Общее или эластичное использование таких терминов получило яркую иллюстрацию в 1528 году, когда пятнистая лихорадка (тиф), возможно, смешанная с чумой, стала чрезвычайно распространенной среди французских и испанских войск. Среди французов болезнь называлась *les roches*, а среди испанцев *las bubas*^[886], хотя оба названия были присвоены сифилису во время его эпидемического всплеска в конце 15 века. В те времена болезни назывались по их внешним признакам; так что болезни, по существу, наиболее непохожие, но имеющие общие определенные пятна, или бляшки, или провалы, или пустулы на коже, назывались общим именем. Сама чума была известна по определенным пятнам на груди или спине, называемым знаками: отсюда фигура Джона Стоу и других, которые “многие умерли от Божьих знаков”.

В случае современных языков, безусловно, существовала расплывчатость именования до такой степени. Что касается вывода Виллана из средневекового заклинания, то ни в коем случае не ясно, что *натуральная оспа* в средневековой латыни, возможно, также не использовалась в широком смысле; хотя в школе Салерно, по-видимому, ее значение было зафиксировано в арабском значении оспы со времен Константина Африканского, который ввел багдадское учение в этой школе примерно в 1060 году.

Следующее использование “поккеса”, которое я нашел, содержится в рукописной хронике Англии вплоть до 1419 года^[887], одной из серий, известной как “хроника Брута” (начиная с мифической высадки Брута в Англии после осады Трои); эта рукопись, известная как “Плод времен”, была впоследствии напечатана в издательстве “Сент-Олбанс пресс” около 1484 г.^[888], история ведется до Эдуарда IV, и рассматриваемый отрывок воспроизведен в точности так, как он есть. стоит на почерке. Под 40-м годом правления Эдуарда III (1366) есть следующая запись:

“Там также царила такая пестрота, что никогда ничего подобного не было замечено ни в ничейной тайме, ни в жизни, ибо многие люди, когда они ушли в бед-хоул и в гуде пойнте, вскоре умерли. А также то, что тайм стал секнесом, которого мужчины называют е-поккес, призывающим как мужчин, так и женщин к совершенству”.

Очевидно, что это тот же самый отрывок, который встречается в сжатом виде в хронике Уильяма Грегори, мэра Лондона, которая была написана, вероятно, в 1451-52 годах^[889]. Под 40-м годом правления Эдуарда III, сославшись на “грету батиль из воробьев” точно так же, как это делает более ранняя хроника, он продолжает: “Также те же самые ваши мужчины и лучшие подруги были сильно заражены поки, из-за чего они умерли, как мужчины, так и лучшие подруги”. Вариант “люди и звери” вместо “мужчины и женщины” любопытен и наводит на мысль, что, возможно, у этой истории был общий источник. Хроника, современная 1366 году, которая является наиболее авторитетной, хранилась в аббатстве Сент-Олбанс; но она ничего не сообщает об этом году. Однако вскоре после 1361 года, и, вероятно, около 1362 или 1363 года, в нем есть единственная запись, которая, возможно, была источником этих упоминаний о “поки”. Латынь можно перевести так: “Многие умерли от летаргической болезни, предвещавшей многим беды; многие женщины также умерли от флюса; и произошел всеобщий падеж скота^[890]”. Здесь мы имеем дело с мужчинами, женщинами и скотом; также с летаргией, флюсом и падежом скота; и вполне возможно, что каждый из более поздних составителей английских хроник использовал эту современную латинскую запись сложных событий, чтобы

придать ей свой собственный блеск или расширить историю до того, что каждый из них считал вероятным значением. Но самым необычным расширением было то, которое сделал Холиншед в своей хронике за 1577 год. Скопировав слово в слово, “воробыи и все остальное”, запись под 1366 годом в “Плоде времен” (напечатанную в Сент—Олбансе около 1484 года), он берет разрешение изменить смысл в той части, которая в основном касается нас - он меняет “поки” на “смоллпоки”, а “мужчины и женщины” на “мужчины, женщины и дети”[891]. Холиншед имел дело с событием, произошедшим за двести лет до его собственного времени, и знал о нем из первых рук не больше, чем мы; но его авторитет в отношении фатального распространения оспы в 1366 году был принят современными авторами по истории этой болезни, такими как Джеймс Мур[892], которые не искали авторитетов современности и не выносили критического суждения о небрежности составителей текстов. Так творится история — но ее не так-то легко переделать.

Прежде чем мы оставим филологическую часть предмета и перейдем к однозначной истории реалий, следует обратить внимание на еще одно упоминание о “поки”. Фабиан в своей *Хронике*, написанной незадолго до его смерти в 1512 году, говорит, что Эдуард IV. во время экспедиции в Шотландские марши “затем был изображен с изяществом покиса”[893]. Бесполезно гадать, в чем на самом деле заключалась болезнь короля. Во времена Фабиана это слово уже приобрело технический смысл, который оно с тех пор сохранило; но это хорошо понятное значение было примерно на двадцать лет позже 1474 года (хотя сама болезнь, несомненно, существовала на протяжении всего Средневековья); в то время как в своем более раннем общем значении, как в ‘Видении Пирса Пахаря’, оно, по-видимому, означало неудачи или другие признаки чумной болезни. В латинском глоссарии английских слов, опубликованном через сто лет после[894], “роске” по-прежнему определяется как *phagedaena*, а “французский роске” - как *morbus Gallicus*, в то время как “оспа” не указана вообще.

Оспа в Англии в 16 веке.

Самые ранние упоминания об оспе в Англии, за исключением, вероятно, неправильного упоминания Гаддесдена в начале 14 века, встречаются в письмах 1514 и 1518 годов. Другое письмо от 1514 года поможет выявить двусмысленность названий, дававшихся болезням в то время. 30 июня 1514 года Жерар де Плейн пишет из Лондона Маргарите Савойской, что епископ Линкольнский спросил его, почему брак между принцессой Марией и Людовиком XII. был разорван (это произошло вскоре после) и другим великим пэром, Людовиком XII. “avoit eu les rosques”, последнее предложение которого отмечено на полях печатного сборника писем: “c'est la petite verole”[895]. Но *les rosques* в письме, написанном из Лондона в 1514 году, не имел в виду оспу. В письме от 3 марта 1514 года Питер Мартир, пишущий на латыни из Вальядолида Людовико Мендосе, сообщает, что у короля Англии была лихорадка, и что врачи боялись, что она перейдет в пустулы, называемые *вариолами*, но теперь он снова здоров и встает с постели[896]. Эта болезнь Генриха VIII. произошла в Ричмонде накануне 7 февраля. Хотя в процитированном письме было только опасение, что болезнь могла перерасти в гнойнички, называемые оспой, все же в инструкциях Генриха VIII. к Спинелли, английскому послу в Нидерландах, отправленному в феврале, двенадцатое сообщение предписывает ему сообщить, что английского короля недавно посетила болезнь “nommée la petite verole”[897].

Четыре года спустя, 14 июля 1518 года, Пейс пишет Уолси из Уоллингфорда, где в то время находился двор, что король должен был на следующий день отбыть в Бишем, “поскольку

пришло время; ибо в этих краях умирают повсюду, не только от маленьких покке и мезилов, но и от великой болезни”[898].

Это самые ранние известные примеры использования слов *rocques*, *variola*, *petite verolle*, “маленькие покки и мезилы”, применительно к конкретным случаям болезни, в корреспонденции из Англии или относящейся к ней. Замечания, которые следует сделать по поводу раннего употребления, таковы: во—первых, что слово *rocques*, употребленное одним писателем на французском языке из Лондона в 1514 году, означало не оспу, а оспопрививание; во-вторых, что первое достоверное упоминание о оспе было во французской форме - “une maladie nommée la petite verolle”; в-третьих, что в политических сплетнях того времени мнение врачей о болезни молодого короля приводится как о лихорадке, которая, как они опасались, могла перерасти в гнойнички, называемые “оспой”. *variola*;“ и, в-четвертых, что в самом первом упоминании болезни *variola* под английским названием “малый поккес” это название заимствовано из французского и сочетается со староанглийским названием “мезилс”. Из этих ссылок невозможно сделать какой-либо вывод относительно количества случаев натуральной оспы в Англии в то время или даже быть уверенным в правильности диагноза. Слабое употребление слов “оспа” и “натуральная оспа” показано в книге 1530 года под названием “Предсказания Ипокраса и Авиценны”, в которой краткое упоминание о *натуральной оспе* в латинском оригинале переведено как “предсказывать карманы”.

В “Замке здоровья” сэра Томаса Элиота, опубликованном в 1541 году, говорится, что дети после их первого младенчества страдают от ряда заболеваний, а в “Англии обычно болеют пурпуром, мякотью и мелкими поносами”. Возможно, это первое использование этих терминов в систематической работе по медицине, причем не одним из профессорско-преподавательского состава, а непрофессионалом. Примерно в то же время мы слышим о оспинах у младенца из знатной семьи: в письме от 26 мая 1537 года Чарльза герцога Саффолкского Кромвелю, написанном из Хоксуна в Саффолке, он оправдывается, что не отправился в Линкольншир, как приказал король, на том основании, что “его сын заболел оспой, а жена - лихорадкой”[899]. “Его сыном” был Генри Брэндон, родившийся 18 сентября 1535 года, так что тогда ему было около двадцати месяцев младенчества; это тот самый человек, который умер вместе со своим младшим братом от потливости в июле 1551 года.

Упоминание Элиотом в его *Замке здоровья* о мелкоклювках и мизелях повторяется в почти современной *Книге для детей* Томаса Фаэра. Перевел ли Фаер это также “с французского языка”, как он перевел “*Полк жизни*”, с которым оно связано в издании 1553 года, у нас нигде нет никакой информации. В списке из сорока детских болезней 32-е место по порядку занимает “маленькие язвы и корь”. Более поздний отрывок из *Книги для детей* показывает, как много или как мало разумного значения Фаер придавал этим терминам: “О оспах и кори. Это распространенное и знакомое заболевание, называемое у греков общим названием *exanthemata*, а также *Plinie papulae et pituitae eruptiones*. Она бывает двух видов: вариоли, вы, мерилы; морбилли, называемые нами, вы, маленькие оспинки. Они имеют единую природу и происходят от одной причины. Признаки того и другого настолько очевидны, что не нуждаются в дальнейшем описании”, — но он добавляет некоторые признаки, такие как “зуд и раздражение кожи, как будто ее натерли крапивой, боль в голове и спине и т.д.: иногда как бы сухой налет или язва, распространяющаяся по всем членам, иногда при толчках, прыщах и язвах, протекающих с большим количеством гниения и материи, и с сильными болями в лице и горле, сухостью языка, охриплостью голоса и, у некоторых, дрожанием пальцев”. сердце с

посевами". Затем он называет четыре причины, три из которых являются внутренними состояниями организма, а четвертая "когда болезнь начинается путем заражения, когда больной человек заражает другого, и в этом случае она имеет большое сходство с чумой". Лечение направлено на устранение сыпи; следует тщательно избегать любых случаев озноба. Даются более особые указания для случаев, когда "волдыри бывают ужасающими и большими"; также, "чтобы убрать пятна и шрамы от маленьких язвочек и кори", некоторые авторы предписывают использовать кровь быка или зайца.

Весь раздел Фаэра о натуральной оспе и кори содержит свидетельства иностранного источника, а именно ту же основную главу, из которой Келлуэй почерпнул большую часть своего раздела о тех же двух болезнях, приложенного к его книге о чуме в 1593 году. Фаер не только говорит о натуральной оспе и кори одновременно как о том, что они оставляют пятна и шрамы, но и фактически переводит *вариолу* в корь, а *морбилли* в натуральную оспу. Фаер был скорее литературным компилятором, чем врачом, обладавшим оригинальными знаниями о болезнях и их патологии. Но он не единственный среди авторов эпохи Тюдоров, кто считает корь эквивалентом *вариолезной* болезни. Уильям Клоуз из больницы Святого Варфоломея, один из самых опытных практиков своего времени, делает то же самое. В его *проверенной практике для всех молодых хирургов* есть приложение с латинскими афоризмами, "взятыми из старой письменной книги", к каждому из которых Клауз добавил английский перевод: в афоризме о *вариолах* этот термин переведен как "корь", название "оспы" нигде в книге не встречается. Перевод Клоуза в точности соответствует англо-латинскому глоссарию того времени, составленному Левинсом (1570). Левинс был студентом Оксфорда, получившим медицинское образование, а затем ставшим школьным учителем, точно так же, как Коган из *The Haven of Health*. Он написал "*Путь к здоровью*", а также составил "*Словарь манипул*". Таким образом, его определения в последнем случае могут быть приняты за обозначение медицинского обихода того времени. В этом глоссарии "*ye maysilles*" переводится как *variole*, в то время как название "оспа" вообще опущено, "*a roske*" имеет свой латинский эквивалент *vphagedaena*, а "*ye French roske*" - в *morbus Gallicus*. В "Словаре елизаветинской эпохи" Барета "мэйзилс" определяется как "заболевание со множеством красноватых пятен на лице и теле, очень похожих по цвету на веснушки"; и это была болезнь, которую англичане тогда понимали как то же самое, что *вариолез* средневековых авторов.

Я предоставляю читателям самим делать выводы о том, было ли много или мало оспы или кори в Англии в период правления Тюдоров. Им можно напомнить, что Пейс, настоятель собора Святого Павла, в письме из Беркшира в 1518 году утверждает о смертельном распространении "оспы и мезилеза", и что герцог Саффолк в 1538 году назвал болезнь своего малолетнего сына оспой. Прийти к такому выводу им, возможно, поможет следующий любопытный случай, записанный Джоном Стоу.

Среди разнообразных коллекций этого антиквара, хранящихся в библиотеке Ламбета^[900], есть рассказ о беспокойной совести мастера Ричарда Аллингтона, эсквайра, джентльмена, который, по-видимому, давал деньги взаймы под высокие проценты. Полагая, что умирает 22 ноября 1561 года, он вызвал к своей постели в восемь часов вечера Магистра Роллса ("Сэра Джона из Роллса"), двух докторов права и двух других юристов.

Он начал: "Мэтры, учитывая, что я должен умереть, чего, уверяю вас, я никогда не думал, что мне придется пережить этим летом, учитывая, что это всего лишь мелочи, поэтому я бы очень

хотел, чтобы вы в присутствии Бога и ради страстей Христовых позволили мне говорить, пока я не умру, чтобы я мог разрядить свое сознание” и т.д. Затем он объясняет, что “ни у кого не было таких особых знаков исключительной Божьей милости, и поэтому никто не относился к ним так, как я”, и далее упоминает конкретные акты ростовщичества и предлагает возмещение в размере нескольких сотен фунтов или больше. Ему пришло в голову сделать это на вторую ночь после того, как он заболел, находясь в прекрасной памяти, лежа в своей постели без сна, но с танцующими вокруг него куклами. Поручив адвокатам, стоявшим у его постели, произвести эти восстановительные процедуры, он попросил Составителя Списков прочесть ему некоторые из покаянных псалмов, которые больной выбрал по своему усмотрению. “И тогда он подумал, что должен умереть, но когда ему дали бульон, он снова ожил, погрузился в молитву и всецело предался покою”; на этом повествование заканчивается.

Из упоминания в *Обзоре Лондона* Стоу следует, что он действительно умер в 1561 году и что его вдова осталась состоятельной, поскольку впоследствии она построила один из лучших новых домов, которые теперь начинали тянуться вдоль шоссе Холборн почти до Сент-Джайлс-ин-Филдс.

Это первый зарегистрированный случай заболевания оспой на английском языке. Согласно собственному мнению пациента, оспа обычно не была опасной болезнью, и не похоже, чтобы Распорядитель Списков и четыре других выдающихся юриста (доктор Колдуэлл, доктор Гуд, мистер Гарт и мистер Джонс) опасались заразиться ею. Никто не находит других свидетельств существования оспы в Лондоне или где-либо еще в Англии, пока она не упоминается в письме 1591 года и в эссе Келлуэя 1593 года, в котором утверждается, что “оспа и корь” были написаны почти на том же языке, что и более ранняя книга *Фаэра для детей*, и по большей части под тем же иностранным вдохновением. Из Шотландии у нас есть единственная ссылка в эссе доктора Гилберта Скене о чуме, опубликованном в 1568 году, из терминов которого можно предположить, что он делится своим собственным опытом. Время года, по его словам, иногда предвещает чуму, а также другие болезни:

“Часто встречаются сиклык-кух-покис или сик-пустулис, не только амангис-барнис, но и амангисы постоянной или склоняющейся формы, а также айге—грейт - южные и юго-западные вындисы”. В аналогичном отрывке на предыдущей странице он выделяет “pokis, mesillis и siclike diseisis боди”^[901].

В письме от 26 августа 1591 года, адресованном члену двора королевы Елизаветы, говорится: “Ваше Величество, вам следует убрать то место, где были небольшие оспины, и взять свежий и чистый воздух, чтобы лучше очистить себя от заразы”^[902].

В 1593 году мы сталкиваемся с первым систематическим английским эссе о болезни, приложенным к “трактату о чуме” Саймона Келлуэя^[903]. Автор неизвестен как медицинский писатель, но в предисловии Джордж Бейкер, придворный хирург, хвалит его за “добрые и ревностные намерения и достаточность в своей профессии”. Прилагая эссе о оспе к трактату о чуме, он следует примеру салернского трактата об Альфанусе, который также предоставляет ему большую часть систематических материалов по обеим болезням, отфильтрованных Амбруазом Паре и другими авторами. Келлуэй, однако, утверждает, что вообрал в себя местный опыт: “эти работы я собрал и почерпнул у разных как ранних, так и более поздних авторов, которые были скрыты под спокойным покровом давнего согласия и усилены обильным соком позднего опыта (как моего, так и других). Я здесь представляю то же самое”. В “Трактате о чуме”

(fol. 2) он упоминает оспу как одно из предвестников или прогностических проявлений этого заболевания:

“Когда оспа малой степени обычно поражает как молодых, так и пожилых людей”. В отдельном эссе об оспе (fol. 38) ее интерес снова представляет предвестник или продолжение чумы, согласно зарубежному учению того времени:

“Поскольку часто те, кто заражен чумой, в конце болезни иногда заболевают оспой или корью, а также при тщательном наблюдении было замечено, что они являются предвестниками или предупреждениями о грядущей чуме, как свидетельствуют Салиус и многие другие авторы, я счел это уместным и как вопрос, относящийся к моему предыдущему трактату” и т.д.

Он продолжает: “Мне нет необходимости особо настаивать на описании этой болезни, потому что она хорошо известна большинству людей”. Это начинается с лихорадки; затем вскоре после этого на коже по всему телу появляются маленькие красные пустулы, которые появляются более или менее периодически; “У некоторых возникает множество маленьких пустул с возвышением кожи, которые в течение одного дня увеличиваются и разрастаются, а после в них образуется плотное вещество, которое греки называют *exanthemata* или *ecthymata*; а после латинского *variola*, на нашем английском языке *smallpockes*; и здесь некоторые авторы действительно проводят различие между натуральной оспой и *exanthemata*: ибо, говорят они, это называется натуральной оспой, когда многие из этих пустул внезапно появляются в прозрачном мочевом пузыре, как будто он был поражен ожогом, но с другой стороны это не так; и все же они оба едины в лечении”. Он признает заразность болезни, называя ее “наследуемой”: “Ибо мы видим, что, когда человек заражен ею, многие, кто находится рядом с ним (особенно те, кто связан с ним одной кровью), несомненно, по большей части также заражаются”. Его *Практики* почти полностью взяты из арабских авторов, отфильтрованных через Гаддесдена, одной из которых является предотвращение образования язв путем вскрытия ямок золотой булавкой или иглой. Он слышал, однако, “о некоторых, которые вообще ничем не пользовались, но терпели, когда они высыхали и выпадали сами по себе, нековыряясь и не царапаясь, работали очень хорошо, и после этого не оставалось косточек”. Затем он ссылается на осложнения, такие как изъязвления кожи, болезненность и изъязвления рта (*афты*), болезненность миндалин и склеивание век, все из которых являются типичными абзацами у иностранных авторов того времени и, вероятно, перенесены из последних. Также он проделал значительный путь к отделению кори от оспы, что не было полностью осуществлено в Англии до следующего столетия: “Что такое корь или самцы: множество маленьких прыщей, которые нельзя увидеть, а можно только пощупать рукой; они не созревают, как оспины, и не поражают глаза” и т.д.

Примерно через десять лет после эссе Келлуэя, в 1604 году, Компания приходских клерков начала классификацию смертей в Лондоне, но только в 1629 году их еженедельные и годовые отчеты стали регулярно печататься. В первых печатных объявлениях “Флокс, оспа и корь” фигурируют как одна запись. Значение слова “флокс”, по-видимому, объясняется замечанием Келлуэя: “И здесь некоторые авторы действительно делают различие между натуральной оспой и экзантемой; ибо, говорят они, это называется натуральной оспой, когда многие из этих пустул внезапно появляются в прозрачном пузыре, как если бы он был ошпарен, но другой делает это не так”. В этом различие между сливающейся оспой и дискретной; и наиболее вероятное

объяснение “флокс” состоит в том, что оно обозначает сливающийся вид, или пустулы, которые вытекают из мочевого пузыря. вместе образуется прозрачный мочевой пузырь.

Оспа в 17 веке.

Постепенное распространение оспы в Англии в конце елизаветинского периода и в первые годы правления Стюартов не может не поразить любого, кто знаком с английскими данными о заболеваемости в целом. Оспа и корь, возможно, были и почти наверняка наблюдались в Англии в начале 16 века; но они не фигурируют в записях, домашних и других, как это было с начала 17 века и далее. Возможно, первое упоминание о оспе в собственно английской литературе встречается в сборнике лирических стихотворений, опубликованном в 1602 году[904]. В некоторых стихах “О болезненности его дам маленькими оспинами” поэт Т. Спилман обращается к “жестоккой и беспристрастной болезни” и спрашивает:

Разве это не твои шаги, которые я отслеживаю
На чистом снегу ее лица?

Небесного меда, который ты сосешь
С ее розовых щек, могло бы быть достаточно;
Зачем же тогда ты испортил и сорвал
Эти дорогие цветы редчайшей цены?

В двух письмах доктора Донна, настоятеля собора Святого Павла, написанных, вероятно, за несколько лет до его смерти в 1631 году, упоминается оспа в Лондоне. В одном из них он говорит:

“Вернувшись из Кента к себе домой, я обнаружил, что у Пег сифилис, поэтому я уехал в Прикхэм и провел там две недели. И, не возвращаясь домой, когда я мог с некоторой долей справедливости надеяться, что это не распространится дальше среди них (поскольку я смиренно благодарю Бога, что этого не произошло и не сильно изуродовало ту, у кого это было), я отправился в Бедфордшир” и т. Д.

Этот страх перед заражением оспой совершенно не похож ни на что, с чем мы встречаемся в более ранних бытовых памятниках 16 века; в них присутствует только заражение чумой. Другое упоминание Донна касается болезни милорда Харрингтона: “несколько дней назад они сомневались в нем; но он настолько поправился, что теперь они знают, что вся его болезнь была вызвана смесью оспы и кори[905]”.

Случаи заболевания оспой среди высших классов иногда упоминаются в письмах, написанных Чемберленом Карлтону во времена правления Якова I и Карла I.[906]. 17 декабря 1612 года “Лорд Лайл потерял своего старшего сына, сэра Уильяма Сидни, из-за оспы, которая хорошо прошла”. 31 декабря того же года Карлтон, писавший из-за границы, упоминает, что герцог Мантуанский умер от оспы примерно три недели назад, после чего похоронил своего единственного сына менее чем за три недели до этого. Также 31 декабря Чемберлен пишет ему, что леди Уэбб заболела оспой, от которой, как он сообщает в другом письме, она умерла: “Она выросла очень порядочной женщиной, но слишком сильно любила город, что за короткое время истощило бы ее и ее мужа как в кошельке, так и в репутации”. 1614 год указан (Хорстом)

как худший сезон оспы во всей Европе и на Востоке; иностранный автор упоминает Англию в числе пострадавших стран, но в наших собственных записях нет никаких следов эпидемии. 20 апреля 1616 года Чемберлен упоминает о случае с герцогом Бекингемом, фаворитом; “в последнее время он был сумасшедшим, не без подозрения на оспу, которая, если бы она выпала, *действовала бы как амицития*. Но это доказывает обратное. Болезнь Бекингема, из-за которой он принимал много лекарств, вызвала у него на голове нарост (эффект, который последовал за более печально известной болезнью Вулси), и в других источниках говорится, что он страдает от *болезненного синдрома*. Намек на оспу, по-видимому, является тем же эвфемизмом, к которому прибегали в случаях с другими высокопоставленными персонами.

21 августа 1624 года, написав о большой смертности от лихорадок, Чемберлен добавляет: “Леди Уинвуд, услышав, что ее единственная дочь заболела оспой в Диттоне и что в настоящее время она не прошла”, отправилась к ней. 18 декабря 1624 года: “Леди Пербек заболела оспой, а ее муж так добр, что не встает из ног ее постели”. В первую неделю июня 1625 года знаменитый композитор Орlando Гиббонс умер в Кентербери, не без подозрения на чуму[907], но согласно другому мнению об оспе[908].

С 1629 года приходской клеркс-холл начал публиковать приблизительную классификацию причин смерти в Лондоне, причем оспа регулярно упоминалась из года в год. В течение первых восьми лет смертность от “флокса, оспы и кори” была следующей:

1629	72
1630	40
1631	58
1632	531
1633	72
1634	1354
1635	293
1636	127

Как мы увидим, самая крупная эпидемия была в 1634 году[909]. За 1637-1646 годы цифры утрачены (из-за того, что Граунт опустил их в своей таблице 1662 года из-за нехватки места). Но из писем известно, что осень 1641 года была сезоном тяжелой оспы, а также чумы. Таким образом, 26 августа “оба Дома сильно исхудали из-за оспы и чумы, которые есть в городе, 133 человека умерли здесь на этой неделе от чумы и 118 от оспы, всего 610 человек от всех болезней”. 9 сентября в письме с Чаринг-Кросс говорится: “Умерло на этой неделе от чумы 185 человек и от оспы 101”. Смертность от чумы продолжает упоминаться в последующих письмах, но упоминания о натуральной оспе прекращаются[910]. 16 июля 1642 года некто отменил свое присутствие по какому-то государственному делу, потому что заболел оспой[911].

После Реставрации упоминания об оспе становятся все более многочисленными[912]. В письме от 4 января 1658 (1659) года говорится о “многих болезнях в городе [Лондоне], особенно лихорадке, лихорадке и оспе”. 7 февраля 1660 года граф Англси умер от оспы. В сентябре 1660

года у лорда Оксфорда случился тяжелый приступ, и он выздоровел; в то же время 8 сентября врачи диагностировали у герцога Глостерского “заболевание, среднее между оспой и корью; смертельная опасность этого приступа, как говорят врачи, уже миновала”. Однако он умер 14 сентября, на десятый день болезни, с замечательными признаками (посмертно) внутреннего кровоизлияния, поскольку за несколько часов до смерти у него обильно пошла кровь из носа. Вначале извержение было “полным и благоприятным”, так что это не был обычный геморрагический тип. 20 декабря 1660 года принцесса Генриетта отправляется в Сент-Джеймский госпиталь, опасаясь заразиться оспой. 16 Января 1660 (? 1661) года “принцесса выздоровела от кори”. В письмах леди из Хэмблтона своему мужу в Лондон от 26 мая 1661 года говорится о свирепствующей в этом месте оспе, а в доме ее ближайшей соседки - о том, что ее собственные дети заболели коклюшем. В сводках смертности тех лет смертность в Лондоне от оспы и кори была следующей:

1647	139
1648	401
1649	1190
1650	184
1651	525
1652	1279
1653	139
1654	832
1655	1294
1656	823
1657	835
1658	409
1659	1523
1660	354
1661	1246
1662	768
1663	411
1664	1233
1665	655
1666	38

Эти цифры подводят нас к периоду Сайденхэма, который был первым точным наблюдателем оспы в Лондоне. С его трудами, а также с трудами Уиллиса и Мортонна мы начинаем новую эру в истории эпидемий в Англии. Впервые в истории мы обнаруживаем адекватное обсуждение эпидемиологических и клинических фактов самыми способными людьми в этой профессии. Но,

поскольку новая эра в одно и то же время отмечена прекращением эпидемии чумы и огромным ростом различных лихорадок, а также оспы, она выходит за рамки этого тома, являясь, действительно, подходящим началом нового типа эпидемической истории, которая характерна для Англии от Реставрации и Революции вплоть до конца 18 века. Из приведенных выше примеров ясно, что оспа уже в начале 17 века стала вредителем среди высших классов. Но любому, кто изучает историю на протяжении непрерывных периодов, одинаково ясно, что его известность тогда была чем-то новым и что ужас и тревога, которые он вызывал, становились все больше по мере приближения к концу 17 века. И чтобы у читателей “Истории оспы” на данном этапе не создалось ложного впечатления о ее общей вирулентности, можно добавить, что доктор Плот, писавший об Оксфордшире в 1677 году, говорит: “В целом здесь настолько благожелательны и добры, что, будь медсестра хоть и сносно хорошей, у пациентки редко случаются выкидыши[913]”.

Оспа в континентальных писаниях 16 века.

В задачу этой работы не входило бы проследивать историю оспы и кори на европейском континенте. Но необходимо будет сказать несколько слов о современных зарубежных работах по этим заболеваниям, поскольку в основном это учения из иностранных источников, которые мы находим у английских авторов 16 века.

Из классической работы Фракастори[914], опубликованной в 1546 году, можно сделать вывод, что оспа и корь были частыми и привычными заболеваниями для автора в Вероне. В то же время ясно, что даже он, каким бы оригинальным наблюдателем он ни был, местами просто повторяет старые утверждения арабских авторов. Таким образом, его утверждение о том, что рано или поздно каждый заболевает оспой или корью, является старой арабской традицией или опытом, обычно соединяемым с объяснением того, что причиной такой универсальности было питание плода задержанной и нечистой менструальной кровью, так что все дети рано или поздно должны были освободить свою конституцию от врожденной нечистоты. Что касается оригинальности Фракастори, то ясно, что он не считает оспу и корь серьезными проблемами. Во второй главе он говорит:

“Сначала мы должны лечить те заразные болезни, которые, хотя и заразны, не называются чумными, потому что по большей части они целебны. К таковым относятся вариолы и морбиллы. Под вариолами понимаются те, которые в простонародье называются также вароллами, из-за их сходства, я полагаю, с пустулами, называемыми вари. Под морбилли понимаются те, которые простые люди называют ферсами, так называемые, возможно, *изпылкости*. Но из них греки, по-видимому, не лечили под каким-либо другим названием, кроме экзантемы. Они встречаются в основном у детей, редко у мужчин, еще реже у стариков. Но, по-видимому, они выпадают на долю всех мужчин раз в жизни или склонны выпадать, если только преждевременная смерть не уносит человека. У мальчиков болезнь протекает более мягко, чем у взрослых. По большей части, как уже было сказано, они целебны, поскольку это кипение крови является чем-то вроде ее очищения. Это поражает в большей или меньшей степени в зависимости от плотности крови и от того, склонен порок отделяться от нее или нет. Если кровь более гипофизарная, пустулы измененной формы, белые, круглые и наполнены чем-то вроде слизи; но если она более желчная, пустулы выходят более сухими. Там, где болезнь случилась однажды, она не склонна к повторению; но есть случаи, когда это случалось более одного раза”.

В кратком отчете Фракастори все пункты указаны для кори и оспы вместе; и дважды выдвигается мнение, что атака была целебной, поскольку очищала кровь или освобождала ее от какого—либо порока - мнение, которого до сих пор придерживаются в народе.

Только во второй половине 16 века мы добираемся до реальных эпидемиологических отчетов о натуральной оспе на Континенте — работ Доната о натуральной оспе и кори в Мантуе в 1567 году и Бетеры об эпидемиях в Брешии в 1570, 1577 и 1588 годах, в которых были обнаружены более злокачественные виды натуральной оспы[915]. Наиболее часто использовался трактат Альфануса, опубликованный в Неаполе в 1577 году[916]; он был посвящен чуме и чумной лихорадке, с приложением о натуральной оспе. Либо она, либо главы Амбруаза Паре, по-видимому, составили большую часть английского эссе Келлуэя о чуме и оспе.

В упоминаниях Амбруаза Паре об оспе встречается одно примечательное замечание, которое поможет нам вернуться к этимологии и к великой оспе[917]. *Petite vérole*, по его словам, имеет сходство с *грусс-вероль*, поскольку иногда поражает кости. Он видел это в случаях натуральной оспы не только в 1568 году, но и в других случаях: и он приводит подробности двух случаев натуральной оспы, по-видимому, с периоститом и некрозом, которые он сравнивает со случаями великой оспы. Чтобы выразить одним словом значение таких случаев, он говорит, что оспа и *ружоль*, не будучи хорошо очищенными, приводят к различным неприятным происшествиям, как и великая оспа. Невозможно читать главы Паре о *большой вере* и *маленькой вере*, не обнаруживая склонности сравнивать их или классифицировать по нозологическим признакам. Сравнение или классификация ни в коем случае не являются явными; но, по-видимому, это было в его мыслях, и, соответственно, он, по-видимому, придерживался до позднего периода 16 века взгляда на две болезни, который не был необычным в начале того столетия (как в трактате Пинктора и в отчетах об ужасающей смертности индейцев на Эспаньоле и в Мексике[918]), и был выражен в популярных названиях, данных каждой болезни во Франции и в Англии.

ГЛАВА X.

ЧУМА, ЛИХОРАДКА И ГРИПП ОТ ВОСШЕСТВИЯ На ПРЕСТОЛ ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ До РЕСТАВРАЦИИ.

Последний период эпидемии чумы в Англии, с 1603 года до ее исчезновения в 1666 году, был таким же фатальным, как любой другой, который столица и провинциальные города знали с 14 века. Смертность в Лондоне в 1603, 1625 и 1665 годах была самой большой за всю историю городских эпидемий, возможно, не по отношению к численности населения, а в абсолютных цифрах. Столица быстро росла, превратившись теперь в крупнейшее торговое сообщество Европы. Опасности, которые были предвидены в провозглашении 1580 года о расширении границ города за пределы гражданского контроля, были реализованы. Старый город-крепость, как и Вена вплоть до недавнего времени, оставался как жилым кварталом, так и центром

торговли: первоначальные пригороды, находившиеся в пределах Свободы Города, были трущобами — окраиной бедности, покрытой доходными домами беднейшего класса, немощеными и без правильных улиц, но пронизанными переулками, извивающимися в бесконечном лабиринте. Действительно, в городе было немало зданий того же класса, особенно в приходе Святого Стефана на Коулман-стрит, самом густонаселенном приходе в пределах городских стен. Но то, что было редкостью в Городе, где были разбиты сады и другие открытые пространства, стало правилом в приходах за городскими стенами. Именно в Либертиз энд аутпарিশз началась чума 1603 года; ее происхождение в 1625 году менее определено; но не может быть никаких сомнений в постепенном распространении Великой чумы 1665 года от западной оконечности города по Холборну и Стрэнду к Сити, к крупным приходам на северо-востоке и востоке и через Уотер к Саутуорку. С одной точки зрения, мы можем представить более поздние эпидемии как эпизоды перехода от средневекового состояния столицы к современному - перехода, который происходил медленно и все еще не завершен в том, что касается форм муниципального управления. История общественного здравоохранения Лондона на протяжении почти двух столетий - это история нерегулярного и неконтролируемого расширения, неспособности старых муниципальных учреждений справиться с новыми обязанностями. Возможно, если бы великая концепция Рена о Новом Лондоне после пожара 1666 года была принята и претворена в жизнь Карлом II, Свободы и пригороды могли бы быть более органично присоединены к центру и извлечь выгоду из муниципальных традиций последнего. История общественного здравоохранения Лондона во второй половине 17 века и в целом в 18 веке могла бы в этом случае быть менее печальной. Эта история войдет в наш следующий том; но поскольку она началась с расширения Лондона при Елизавете и Стюартах, здесь уместно рассмотреть рост Города с того времени, когда он преодолел свои средневековые границы.

Рост Лондона в периоды Тюдоров и Стюартов[919].

Вступление Якова I на английскую корону в 1603 году соответствует по времени притязаниям Лондона стать первым городом Европы. “Лондон, - говорит Деккер в книге *”Чудесный год”*, - до сих пор никогда не пользовался спросом. Ибо она считала себя в лучшем состоянии, чем Иерусалим, она была более галантна, чем когда-либо в Антверпене, за ней больше ухаживали влюбленные и похотливые поклонники, чем за Венецией (фавориткой Италии); более высокие башни возвышались вокруг ее храмов, чем когда-либо окружали прекрасное чело Рима; Тир и Сидон были для нее как два дома для Теобалса, великий Каир - всего лишь свинарник”. Это, конечно, в манере Деккера; но цифры могут показать, что Лондон получил большой толчок в конце правления Елизаветы и рос еще быстрее при Якове.

От Ричарда I до Генриха VII Лондон был средневековым городом-крепостью, как говорит Дрейтон, “построенным на возвышающемся берегу в долине, чтобы устоять”, с населением от 40 000 до 50 000 человек. За пределами стен находилось несколько городских приходов или частей приходов, в том числе три, посвященные святому Ботолфу за пределами Олдгейта, Бишопсгейт и Олдерсгейт, соответственно, и Сент-Джайлс за пределами Крипплгейта, все они находились у ворот или близко к стенам. На западной стороне, однако, лежал обширный, но малонаселенный пригород, который был возведен в 1393 году в округе Фаррингдон Снаружи; он простирался на запад от городской стены до Темпл-Бара, Холборн-Баров и Уэст-Смитфилда и

был разделен на четыре больших прихода Святого Гроба Господня за пределами Ньюгейта; Сент-Эндрюс на другой стороне Холборн-вэллс, Сент-Данстан на западе (около Чансери-лейн и Феттер-лейн) и Сент-Брайд на Флит-стрит.

Самые ранние известные сводки смертности за 1532 и 1535 годы, из которых можно сделать вывод о численности населения около 62 400 человек, показывают, что на приходы Сент-Ботолф, Сент-Джайлс без Крипплгейта и четыре великих прихода в западных Свободах (или, правильнее, в округе Фаррингдон без него) приходилась треть всех смертей и, предположительно, около трети всего населения. В немногих записях, оставшихся от чумных ведомостей 1563 года, мы находим свидетельства того, что население увеличилось примерно до 93 276 человек, из которых примерно шестая или седьмая часть, или примерно от 12 000 до 15 000 человек, проживала во “внешних приходах”, или в приходах не только за стенами, но и за решеткой Свободы. Наиболее ценными статистическими данными для елизаветинского Лондона являются те, в которых приводятся данные о крестинах и похоронах за пять лет с 1578 по 1582 год; из данных за 1580 год, который был почти свободен от тревожного элемента чумы, можно вывести численность населения примерно в 123 034 человека, приняв коэффициент рождаемости на уровне 29 на 1000 человек и смертность на уровне 23 на 1000, или в каждом случае благоприятный показатель, соответствующий значительному превышению рождаемости над смертностью.

От введения к этим старым рукописным сводкам еженедельных рождений и смертей осталось недостаточно, чтобы показать, ко скольким приходам они относятся или какова пропорция для каждого подразделения столицы. Но, поскольку более ранняя серия счетов о смертности с 1563 по 1566 год включала Город, Свободы и внешние приходы, вполне вероятно, что в серии с 1578 по 1582 год было сделано то же самое. О перенаселении Вольностей многоквартирными домами бедного класса и расширении внешних приходов известно из преамбулы к прокламации 1580 года, которая запрещала любое строительство на новых участках в радиусе трех миль от городской стены. Следующие цифры относятся к 1593, 1594 и 1595 годам, которые показывают, что население увеличилось примерно до 152 000 человек.

Из данных за чумной год, 1593-й, следует, что смертность в городских стенах, как от чумы, так и от обычных причин, теперь стала вдвое меньше, или несколько меньше, чем “без стен и в Либертиз” — фраза, которая свободно используется даже в некоторых официальных счетах, как для Либертиз, так и для пригородов. В 1604 году у нас есть точные пропорции смертей в Городе, в Свободах и в отдаленных приходах соответственно:

	96 приходов в стенах	16 приходов в Свободах	8 приходов за пределами Свободы	Всего
всех смертей	1798	2465	956	5219
смертей от чумы	280	368	248	896
крещений	—	—	-	.

Шестнадцать приходов Либертис сейчас явно опережают девяносто шесть приходов старого города, в то время как на восемь внешних приходов приходится около 18 процентов. о всей смертности. Численность населения лучше всего подсчитывать по 6504 крещениям следующего, 1605 года, года, к которому перестали ощущаться нарушения, связанные с огромной смертностью в 1603 году; при уровне рождаемости 29 на 1000 человек численность населения составила бы около 224 275 человек. Пропорции в 1605 году, судя по отчетам о смертности за год, составляют 33,8%. в Городе - 50%. в Либертисе - 16,2%. во внешних приходах; таким образом, в Городе в тот год проживало бы около 76 000 человек, в Свободах - около 114 000, а во внешних приходах - около 37 000. К этим цифрам нам следует добавить около 20 000 или 30 000 для Вестминстера, Степни, Ламбета, Ньюингтона и т.д.

Согласно современной оценке Граунта за 1662 год, население выросло до 460 000 человек, или более чем вдвое больше, чем в 1605 году; и если в 1605 году эта доля составляла две шестых в Городе, три шестых в Либерти и одну шестую в отдаленных округах, по его подсчетам, в 1662 году она составляла одну пятую в Городе, три пятых в Либерти (включая Саутуорк) и отдаленных округах, ближайших к Барам, и одну пятую в отдаленных округах Степни, Редрифф. , Ньюингтон, Ламбет, Ислингтон и Хакни, а также город Вестминстер. Таким образом, если в 1535 году в городе проживало две трети всего предполагаемого населения, то в 1662 году - одна пятая; но с одной пятой в 1662 году в нем было вдвое больше народу, чем с двумя третями в 1535 году, и сравнительно открытый вид, придаваемый ему садами в различных местностях, например, на Тауэр-Хилл, полностью исчез.

Еще во время чумы 1563 года было замечено, что Либерти были заражены первыми и дольше всего сохраняли инфекцию; это утверждается о приходе Святого Гроба Господня доктором Джоном Джонсом из личных источников. История чумы 1593 года известна недостаточно, но из подсчета смертей Стоу за год становится ясно, что в Либерти и пригородах от чумы умерло больше людей, чем в Городе. О следующей чуме, случившейся в 1603 году, мы знаем, что она действительно началась в Либертиз и некоторое время распространялась на окраинах города, прежде чем проникла за ворота. “Смерть, - говорит *Чудесный Год*, “ разбила свои палатки в греховно оскверненных пригородах ... окраины Лондона мало-помалу прискорбно урезались, и это заметили все, кто находился за воротами” и т. Д. Затем чума, представленная как вторгшаяся сила, “вошла за стены и прошла маршем по Чипсайду”, а более состоятельные жители тем временем сбежали.

Лондонская чума 1603 года.

Самым полезным документом о лондонской чуме 1603 года является распечатанный отчет о смертности, который находится в библиотеке Гилдхолла. Счет, представленный в виде разворота, рассчитан на неделю с 13 по 20 октября и является подлинной копией, согласно отчету, представленному королю Компанией приходских клерков и напечатанному Джоном Уиндером, типографом почтенного лондонского сити[920]. Необходимо быть таким конкретным, потому что клерк Компании приходских клерков в конце 1665 года (между чумой и пожаром) опубликовал отчет обо всей статистике бывших эпидемий, сохранившейся в его офисе, и категорически отрицал, что приходские клерки представили отчет за 1603 год; по его словам, они не возобновляли свою серию после 1595 года до 29 декабря 1603 года. Но клерк ошибся, как иногда ошибаются даже самые чопорные чиновники. Дошедший до нас печатный

отчет дает обычную еженедельную сводку смертей от всех причин в одной колонке и от чумы в другой, для каждого из 96 приходов в пределах их границ, каждого из 16 приходов в Либертисе и каждого из 8 внешних приходов. На правом поле также приводится краткое описание смертей во время “первой великой чумы на нашей памяти” 1563 года, которая совпадает с *Анналами Стоу*, и смертей во время следующей великой чумы, 1593 года, которая значительно отличается от *анналов Стоу*. Затем приводится сумма цифр за 1603 год с 17 декабря 1602 года и приводится количество смертей за неделю с 21 июля по 20 октября, добавляя некоторую информацию по приходам, которые вели отдельные счета, а именно: Вестминстер, Савой, Степни, Ньюингтон Баттс, Ислингтон, Ламбет и Хакни. Этот дошедший до нас еженедельный счет, вероятно, был одним из серии; поскольку Граунт в своей книге за 1662 год приводит различные цифры еженедельных крещений в течение 1603 года, которые, по-видимому, были взяты из счетов за соответствующие недели. Но с начала 1603 года доходы не поступали регулярно из всех приходов в рамках Законопроектов. Причина, по которой еженедельные данные не суммируются дальше, чем за неделю, закончившуюся 21 июля, заключается в том, что приходы не присылали свои декларации до этой недели. Из другого источника мы знаем цифры по городу и Свободам за период с 10 марта по 14 июля, и из того же источника мы получаем итоговые данные по всем приходам в рамках Законопроектов за период с 19 октября по конец года. Сведя эти цифры в одну таблицу, мы можем представить смертность 1603 года, хотя и не полностью, следующим образом:

Еженедельные случаи смерти в Лондоне во время чумы 1603 года.

	Конец недели	Город и свободы.		Выездные приходы.		Итоги.	
		Все причины.	Чума.	Все причины.	Чума.	Все причины.	Чума.
Марта	17	108	3				
	24	60	2				
	31	78	6				
Апреля	7	66	4				
	14	79	4				
	21	98	8				
	28	109	10				
Мая	5	90	11				
	12	112	18				
	19	122	22				
	26	112	30				
Июня,	2	114	30				
	9	134	43				
	15	144	59				
	23	182	72				
	30	267	158				

Июля	7	445	263				
	14	612	424				
	21	867	646	319	271	1186	917
	28	1312	1025	398	354	1710	1379
августа.	4	1700	1439	537	464	2237	1901
	11	1655	1372	410	361	2065	1733
	18	2486	2199	568	514	3054	2713
	25	2343	2091	510	448	2853	2539
сентября.	1	2798	2495	587	542	3385	3037
	8	2583	2283	495	441	3078	2724
	15	2676	2411	433	407	3109	2818
	22	2080	1851	376	344	2456	2195
октября.	29	1666	1478	295	254	1961	1732
	6	1528	1367	306	274	1834	1641
	13	1109	962	203	184	1312	1146
	20	647	546	119	96	766	642
ноября.	27					625	508
	3					737	594
	10					545	442
	17					384	257
декабря.	24					198	105
	1					223	102
	8					163	55
	15					200	96
	22					168	74

Эти цифры могут быть приняты как реальные, насколько это возможно; и они дают общее число (37 192 от всех причин, из которых 30 519 от чумы), что почти совпадает с тем, которое обычно берется, например, Граунтом, для смертности за весь год во всем Лондоне (37 294 от всех причин, из которых 30 561 от чумы). Но очевидно, что необходимо внести важные дополнения. Во-первых, в данные не включены случаи смерти за недели, предшествующие 10 марта. Во-вторых, в Счет не включены случаи смерти в других приходах (в рамках Законопроектов) до 14 июля. В-третьих, в список вообще не включены случаи смерти в Вестминстере, Степни, Ньюингтоне, Ламбете и др. Эти упущения следует иметь в виду, когда сравнивают чуму 1603 года с чумой 1625и 1665 годов, цифры для которых полностью установлены; и мы располагаем различными данными, на основе которых можно приблизительно их представить. Одно замечательное дополнение, в котором нет ничего предположительного, касается семи

приходов, не включенных в общий список смертности, Степни является крупнейшим: они вели свои собственные счета, и цифры из них за основную часть года приведены на полях широкой страницы, как указано ниже[921]. Еще одним неожиданным дополнением является смертность от всех причин в Городе и Свободах с 17 декабря 1602 года по 10 марта 1603 года, то есть 1375 смертей, в основном не связанных с чумой. Все эти смерти, фактически известные, доводят общее количество за год до 42 945, из которых от чумы около 33 347. Следующие дополнения, о которых можно только догадываться, - это смертность от всех причин в восьми отдаленных округах (указанных в Счетах) до 14 июля и смертность в семи других пригородных населенных пунктах (Вестминстер, Степни и т.д.) До и после дат, указанных в примечании для каждого. Только первое из этих добавлений было бы значительной цифрой, поскольку на момент начала подсчета число умерших от чумы составляло уже 271 человек в неделю. Таким образом, общие данные - 42 945 захоронений по всем причинам, а только из-за чумы - 33 347 - вполне соответствуют действительности.

Сохранились некоторые подробности о распространенности этого заболевания в конкретных приходах на определенные даты. Таким образом, в большом приходе Степни, который простирался от Шордича до Блэуолла, за один только сентябрь произошло 650 смертей от чумы и 24 от других причин; так что, если чума началась в Степни примерно 25 марта, она достигла апогея только осенью. В Сент-Джайлс-Крипплгейте число захоронений, внесенных в приходскую книгу за весь год, составляет 2879, при этом самая высокая смертность была зафиксирована в начале сентября, когда три дня подряд было 36, 26 и 26[922]. За неделю с 13 по 20 октября, за которую сохранился распечатанный счет, доля городов Либертис и 8 внешних приходов за неделю составила соответственно 351, 296 и 119. Из приходов без стен наиболее зараженными были, в их порядке на тот момент, церкви Святого Гроба Господня, Святого Спасителя, Саутуорка, Святого Эндрю, Холборна, Святого Джайлса, Крипплгейта, Святого Клемента Датского, Святого Джайлса в полях, Святого Олава, Саутуорка, Святого Мартина в полях, Святой Марии, Уайтчепела и Святого Леонарда в Шордиче. Что касается Сент-Олава, Саутуорк, то у нас есть некоторые подробности о чуме от приходского священника.

В диалоге, передающем различные инструкции о чуме[923] своим прихожанам Сент-Олава, Джеймс Бэмфорд заявляет, что с 7 мая по дату написания (13 октября) в этом приходе умерло 2640 человек, и что число захоронений сократилось с 305 за неделю до 51 и с 57 за день до 4. Приход Святого Олава был типичным приходом нового Лондона. Он простирался на восток вдоль берега реки Суррей от Лондонского моста и был почти полностью построен в течение полувека с момента покупки городом Саутуорка у короны в 1550 году. В обзоре Стоу за 1598 год приход описывается следующим образом: “Затем от моста вдоль Темзы на восток идет улица Сент-Олав, имеющая непрерывную застройку с обеих сторон, с переулками и аллеями, вплоть до Баттл-Бридж, Хорсдауна и в сторону Ротерхита длиной примерно в добрых полмили от Лондонского моста” — Бермондси-Хай-стрит, идущая на юг от его конца в Хорслидауне. Церковь Святого Олава, продолжает он, стояла на берегу реки, “прекрасная и довольно большая церковь, но гораздо больший приход, особенно из пришельцев и бедняков”. Особняк прежних времен, Сент-Леджер-Хаус, теперь был “разделен на различные многоквартирные дома”. Напротив церкви, в большом доме, который когда-то был резиденцией приора Льюиса, теперь располагалась гостиница “Уолнат Три инн”, обычная гостиница.

Лондон теперь был настолько обширен по площади, что становится интересным узнать, в какой его части вспыхнула чума и каким образом протекало заражение. Эти явления известны почуме

1665 года; но для чумы 1603 года они не могут быть точно установлены. Деккер подчеркивает, что она началась в пригороде. Самое раннее упоминание об этом в государственных документах датировано 18 апреля, когда лорд-мэр написал лорду-казначею, чтобы проинформировать его о шагах, предпринятых для предотвращения распространения чумы в графствах Мидлсекс и Суррей. “Приходы в Мидлсексе и Суррее” - это выражение, которое впоследствии стало обозначать группу из двенадцати внешних приходов за пределами “Решетки свободы”, включая Сент-Джайлс в Филдз, Ламбет, Ньюингтон и Бермондси, Степни, Уайтчепел, Шордич и Клеркенуэлл, Ислингтон, Хакни и два других. Фраза, использованная мэром, возможно, не имела столь определенного значения в 1603 году, но вряд ли он имел в виду, что она применима к Городу и свободам Лондона, хотя это были единственные районы столицы, находящиеся непосредственно под его собственной юрисдикцией. Приходом, который связан с самой ранней датой в сводке эпидемии в “broadside” за 1603 год, является Степни, где учет смертей от чумы и других причин начинается с 25 марта. Возможно, было бы безопасно заключить, что чума 1603 года началась на крайнем востоке, в Степни, как и чума 1665 года, безусловно, на крайнем западе, в Сент-Джайлз-ин-Филдс.

Изучение Таблицы показывает, что в восьми отдаленных приходах смертность от чумы была выше по сравнению с их населением на 21 июля, чем в приходах в пределах границ Свободы: но максимум смертей приходится в обоих округах примерно на одну и ту же неделю. Мы можем предположить, что чума вспыхнула в одном из пригородов; и поскольку Деккер говорит о бегстве на запад, свидетельства в целом указывают на восточный пригород, возможно, Уайтчепел или Степни. Различные факты ясно указывают на март как на время, когда смертность от чумы начала привлекать внимание; и эта дата начала подтверждается следующим отрывком из эссе Граунта, основанного, по-видимому, на серии еженедельных отчетов:

“Мы наблюдаем следующее, а именно. Во-первых, это (когда с декабря 1602 года по март следующего года чума была незначительной или ее вообще не было), тогда крещения в среднем составляли от 110 до 130 раз в неделю, причем несколько недель были выше или ниже одной или другой; но когда чума усилилась с этого момента до июля, тогда крещения сократились до менее чем 90.... (3) Более того, мы наблюдаем, что с 21 июля по 12 октября из-за усиления эпидемии чумы количество крестин сократилось в среднем до 70. Теперь причиной этого, должно быть, бегство и гибель множества женщин” и т. Д. — Общее количество крестин в 1603 году составило всего 4789, по сравнению с примерно 6000 за год до чумы и 5458 за год после нее.

Распространение чумы в пригородах и пригородных районах города весной 1603 года совпадает с крупными политическими событиями. Королева Елизавета умерла в Ричмонде 24 марта и была похоронена в Вестминстере 28 апреля; по словам Деккера, “никогда английская нация не видела столько черного, как на ее похоронах”. Приближение короля Якова из Шотландии, по-видимому, вызвало взрыв веселья, его восшествие на престол, по словам того же автора, привело к заметному оживлению торговли: “Торговля, которая лежала мертвой и прогнившей, начала выходить из своего транса.... На лицах у всех было веселье, улицы были полны кавалеров, табачники заполнили целые таверны, виноделы вывесили новые кусты плюща (потому что им хотелось хорошего вина), а их старые, побитые дождями решетки были перекрашены в другие цвета, поскольку раньше они теряли и компанию, и цвет”. Джеймс медленно продвигался из Шотландии, нанося визиты по пути. Он прибыл в Теобальдс, близ

Чешанта, 3 мая и был в Гринвиче до конца месяца. 29 мая было издано воззвание, приказывающее джентльменам покинуть суд и город в связи с эпидемией чумы. 23 июня оставшийся срок действия закона Тринити был отложен. 10 июля в письме (одном из серии писем между Дж. Чемберленом и Дадли Карлтоном) говорится: “Место Пола становится очень редким [церковные проходы, где люди обычно встречались, чтобы обменяться новостями], потому что каждый человек сжимается. Наши театрализованные представления довольно дерзкие, но большинство из них - такие скромные джентльмены, что долго они не продержатся, и я сомневаюсь, что, если чума не прекратится раньше, они взбунтуются и утонут там, где стоят”. Коронация была лишена всего своего великолепия. 18 июля было объявлено, что, поскольку король не сможет проехать через Город — традиционный маршрут пролегает от Тауэра до Вестминстера, — все обычные службы по дороге будут совершаться между Вестминстерским мостом и аббатством. Церемония, сокращенная таким образом, состоялась 25 июля. 8 августа было приказано приостановить все ярмарки в радиусе пятидесяти миль от Лондона, наиболее важными из которых были Варфоломеевская ярмарка в Смитфилде и Стоурбриджская ярмарка близ Кембриджа. Новый испанский посол не смог приблизиться к королю, который переезжал с места на место — Хэмптон-Корт, Вудсток и Саутгемптон.

Вот следы, оставленные этой великой эпидемией в государственных бумагах того времени. Как и в случае с потливостью в 1485 году, которая была в Лондоне во время подготовки к коронации Генриха VII, мы вряд ли могли знать из открытых документов, что Город был в состоянии паники. Но в 1603 году мы вступаем в период, когда доступны другие источники информации. Остается собрать воедино дошедшие до нас описания Города, охваченного чумой.

Наиболее наглядные штрихи оставлены драматургом Томасом Деккером, о котором было сказано, что “он знал Лондон так же хорошо, как Диккенс^[924]”. Чтобы сначала описать состояние “греховно загрязненных пригородов”, он совершает прогулку по тихим и унылым улицам глубокой ночью. Он слышит из каждого дома громкие стоны бредящих больных, отчаянные муки уходящих душ, ударившее в голову горе, слуги вызывают к хозяевам, жены - к мужьям, родители - к детям, дети - к своим матерям. Здесь он встречает некоторых, отчаянно бегущих обрюхатить пономарей; там - других, страшно потеющих с гробами, чтобы выкрасть мертвые тела, чтобы роковой почерк смерти не запечатал их дома. Это было бы нарушением приказа, датированного 1547 годом, согласно которому никакие тела не должны были хорониться между шестью вечера и шестью утра — приказа, который был полностью отменен во время чумы 1665 года.

Когда наступает утро, зияют сотни голодных могил, и каждая из них, как за завтраком, проглотила по десять—одиннадцать безжизненных трупов; перед обедом в том же заливе пожирается вдвое больше, а перед тем, как солнце зайдет на покой, это число удваивается - шестьдесят тел, неряшливо сваленных в кучу в навозной яме^[925]! Одну ужасную историю он рассказывает о бедняге из Саутуоркского прихода Сент-Мэри Овери, которого утром бросили умирать на груду тел, а днем нашли задыхающимся и пытающимся выжить. Других жестокие хозяева выставляли за дверь, чтобы они умерли в полях и канавах, в общих клетках или под стойлами. Мальчика, заболевшего чумой, спустили на воду в лодке, чтобы он мог пристать к берегу, где только сможет, но высадиться ему отказала армия коричневоклювых, охранявших берег, так что его пришлось отвезти туда, откуда он пришел, чтобы он умер в подвале. Секстоны сколотили свое состояние, особенно в Сент-Джайлсе, Крипплгейте, в Сент-Сепулькре за пределами Ньюгейта, в Сент-Олав в Саутуорке, в Сент-Клементс в Темпл-Баре и в Степни.

Травницы и садовники также процветали; цены на цветы, зелень и гирлянды чудесным образом выросли, так что розмарин, который раньше продавался по двенадцать пенсов за охапку, теперь продавался по шесть шиллингов за пригоршню.

В то время как чума свирепствовала на бедных окраинах Города, “мало-помалу истребляя их”, зажиточные жители городских стен забили тревогу и бежали, “кто верхом, кто пешком, кто без сапог, кто в тапочках, по воде, по суше, они устремились на запад. Наемные экипажи, водники и телеги не так уж много лет были заняты; так что за короткое время в Смитфилде не осталось ни хорошей лошади, ни кареты, на которую стоило бы обратить внимание”. Но с тем же успехом они могли остаться, доверив себя “безжалостным рукам деревенских жестокосердных хоббиноллов”. Вид плоской кепки лондонца приводил в ужас любого жителя: тройной воротник бросал в пот целую деревню. Ворона, которую видели солнечным днем стоящей на вершине Поулза, была бы лучше горящего маяка, поднявшего на ноги все города в радиусе десяти миль от Лондона, чтобы не допустить ее появления. Один лондонец отправился в Бристоль, думая, что больше не увидит свой дом в это праздничное Рождество. Но в сорока милях от города его настигла чума, и он попытался найти вход в гостиницу. Когда стало известно о его случае, у дверей гостиницы “деревянные ребра разлетелись вдребезги от ударов друг о друга; створки были закрыты плотнее, чем засаленный бархатный мешочек ростовщика; окна для рисования были завешены, задернуты и разделены на четверти; ни одна щель не была заделана, ни одна мышиная нора не осталась открытой”. Хозяин и хозяйка в бегстве споткнулись друг о друга, служанки выбежали в сад, хозяин - в погреб. Несчастному лондонцу помог появившийся на сцене согражданин, и его отнесли умирать на охапке соломы в угол поля; но священник и клерк отказали ему в погребении, и его положили в яму, где он и умер. Согласно Стоу, Бэмфорду и Дэвису из Херефорда, подобные случаи с беглыми лондонцами повторялись повсюду в стране, и Деккер приводит несколько других историй того же рода, “чтобы сократить долгие зимние ночи”.

Тем временем, продолжает Деккер, чума вошла в ворота города и прошла по Чипсайду; мужчины, женщины и дети падали ниц перед ней, дома были разграблены, улицы разграблены, сундуки богачей вскрыты и поделены между блудными наследниками и недостойными слугами. Каждый дом был похож на больницу Святого Варфоломея, а каждая улица - на Баклерсбери (“вся улица под названием Баклерсбери, - говорит Стоу, - по обе стороны от нее застроена бакалейными лавками и аптекарями ближе к ее западному концу”), потому что бедный Митридатикум и Драконью воду покупали на каждом углу, и все же их выпивали каждый час за чужой счет. “Я мог бы заставить ваши щеки побледнеть, а ваши сердца затрепетать, рассказывая, как у некоторых за один раз появилось восемнадцать язв, у других - десять или двенадцать, у многих - четыре или пять; и как те, кто был четырежды ранен инфекцией в этом году, умерли от последней раны, в то время как другие, болевшие не реже, теперь почти здоровы”. Похороны последовали так быстро, что три тысячи скорбящих шли, словно толпой, с рутой и полынью, заткнутыми в уши и ноздри, и выглядели как множество кабаньих голов, воткнутых в ветки розмарина. Дружелюбный сосед навестил умирающего человека, который пообещал заказать гроб; но он сам умер на час раньше своего зараженного друга. Церковный староста с Темз-стрит, когда его спросили о месте на церковном дворе, насмешливо ответил, что оно нужно ему самому, и он действительно занял его через три дня.

Еще одна выдержка из Деккера вернет нас к истории болезни:

“Никогда не позволяй никому спрашивать меня, что стало с нашими Жертвами в этой резне. Они прятали свои синодальные головы так же, как и самые гордые, и я не могу винить их за то, что их кровопускания, потери крови и избрания, с их диакатоликониями, диакодионами, амулетами и противоядиями, имели не так много силы, чтобы сохранить жизнь и душу вместе, как кувшин пиндеровского эля и мускатный орех. Их лекарства оказались бесполезны, их лекарства были простыми вещами. Гален мог принести пользы не больше, чем сэр Джайлс Гусак. Гиппократ, Авиценна, Парацельс, Расис, Фернелиус и вся их последующая свора врачей и заклинателей воды были в растерянности, ибо ни один из них не осмеливался выглянуть за границу”.

Только банда головорезов, продолжает он, несколько эмпирических сумасбродов — ибо они никогда не стоили бархатных шапочек — вывешивали свои счета на каждую дверь. Но помимо отчаянных эмпириков, которые отважились на инфекцию ради получения золотого урожая, несколько врачей и хирургов остались на своих постах или, по крайней мере, опубликовали эссе с рецептами и правилами режима. Три такие книги о чуме были опубликованы в Лондоне в 1603 году, из которых наиболее заметной была книга доктора Томаса Лоджа^[926], поэта, подобного самому Деккеру, но принадлежавшего к академической школе, к которой Деккер не принадлежал. Процитированный отрывок о бессилии способностей, возможно, предназначен для этих книг, которые изобилуют высказываниями и максимами Гиппократа, Галена, Авиценны и им подобных, Лодж также цитирует более малоизвестное имя Фернелиуса, за которое Деккер не преминул ухватиться.

Лодж подтверждает утверждение о эмпирических головорезах, вывешивающих свои счета на каждом столбе. Один из них, “который не оплачивал свои счета”, разместил их рядом с домом Лоджа на Уорик-лейн, так что население приняло врача за рекламодателя. Его осаждали просители его целебных вод, и он написал свою книгу, чтобы прояснить собственную позицию, будучи “огорченным из-за того отвратительного принуждения, которое было наложено на меня, чтобы сделать меня доступным для продажи (что недостойно либерального и мягкого ума, гораздо более неподобающего врачу и философу), который не должен так унижительно заниматься проституцией в столь священной профессии”. Далее, подтверждая мнение Деккера о жадности шарлатанов, а также о строго деловом отношении представителей обычной профессии, он говорит о “моих бедных соотечественниках, оставшихся без руководства или совета, как помочь себе в экстремальной ситуации; ибо там, где инфекция свирепствует сильнее всего, среди простых людей царит нищета, которые, не имея запасов для удовлетворения алчных желаний тех, кто должен их обслуживать, по большей части обречены умирать без помощи”. Читатель должен задаться вопросом, говорит он, “почему среди стольких превосходных и образованных врачей этого города я один взялся оправдать ожидания толпы и нести тяжкое бремя спорной критики и порочащих фактов”. Объяснение состояло в том, что обычный профессорско-преподавательский состав по большей части уехал из города вместе с магистратами, министрами и богачами. Бэмфорд, священник Сент-Олава, Саутуорк, который остался на своем посту, не может предложить никаких оправданий ни магистратам, ни своим братьям-священнослужителям, но он чрезвычайно справедлив к врачам: “Что касается врачей, я лишь задаю этот вопрос: обязаны ли они по совести проживать на постоянной основе, учитывая их профессию и способность творить добро, или они могут использовать свою свободу для себя и (как они думают) для своей жизни, поскольку они не являются общественными лицами и живут (не на обычную стипендию, а) на то, что они могут получить”.

Доктор Лодж, датировавший свою книгу "С Уорик-лейн" 19 августа, то есть когда эпидемия была бы в самом разгаре, уже снискал лавры в области поэзии и романтики. Он был оксонианцем (Тринити-колледж, 1573) и одним из коллег Марлоу и Грина. "Наконец его разум стал серьезным, - говорит Энтони Вуд. - Он изучал физику", с этой целью выезжая за границу и получив степень доктора медицины в Авиньоне. Он имел большой успех на практике, особенно среди католиков, в принадлежности к которым его подозревали. Он умер от чумы во время следующей великой эпидемии 1625 года в Лоу-Лейтоне в Эссексе. Его книга о чуме имела бы право на место в медицинской литературе, если бы только ее стиль был выше среднего для медицинских сочинений. Я не могу удержаться от цитаты следующего сборника из-за его структуры и благозвучия:

Но прежде чем я осуществлю намеченную мной цель, давайте воззовем к той божественной щедрости, из источника милосердия которой извлекается всякая добрая польза, чтобы ему было угодно содействовать моему труду и благотворительному намерению и, таким образом, упорядочить масштабы моего усердия, чтобы оно послужило его вечной славе, комфорту наших соседей и особому благу всей нашей страны; которая, находясь сейчас под отеческим надзором Всемогущего Бога и наказанная за наши проступки его тяжелой рукой, может благодаря замечательным результатам и плодам нашего труда обрести свободу. священное искусство врачевания, получи предупреждение об их опасности и утешение в это отчаянное время посещения. Поэтому ему, Царю царей, невидимому и единственно мудрому, да будет вся честь, величие и власть ныне и во веки веков. Аминь".

Только имея дело с более публичными аспектами чумы, Лодж проявляет какую-то индивидуальность. Что касается причин, прогнозов, симптомов, средств лечения, профилактики и мер предосторожности, в его эссе мало чего такого, чего нельзя было бы найти в более старых книгах о чуме, таких как "Одна из книг епископа Орхусского" 14 века, его анатомические указания по кровопусканию дословно совпадают с указаниями епископа. Некоторые из его тезисов совпадают с эдинбургским эссе Скена 1568 года, например, указание на то, что вот-вот начнется чума, которую получают от крыс, кротов и других подземных существ, покидающих свои норы. Чтобы предотвратить инфекцию, он советует класть маленькие кусочки мышьяка в подмышечные впадины, где обычно появляются бубоны. Известно, что эта парацельсистская практика была опробована в Цюрихе в 1564 году; это был один из спорных вопросов между галенистами и врачами-химиками. Во время чумы 1603 года доктор Питер Тернер опубликовал любопытный трактат в ее защиту^[927].

От венецианского джентльмена Лодж получил также формулу предохраняющего от инфекции средства, которое содержало, среди прочего, корень торментиллы, белую диттани, боле армянский и восточный жемчуг: "Джентльмен, подаривший мне это, заверил меня, что давал это многим во время великой чумы в Венеции, которые, хотя и постоянно бывали в домах зараженных, не заразились от них".

В своей главе "Порядок и полиция, которые должны поддерживаться в городе во время чумы" он советует перенести беспорядки за городские стены в какое-нибудь отдаленное и удобное место у реки Темзы, чтобы кровь и отбросы убитых животных могли быть смыты приливом. Лодж жил на другой стороне Ньюгейт-стрит от шамблов и мог с чувством говорить о них, как это делали многие другие со времен Эдуарда III. Арийская знать, говорит он, поступила так по совету Валенолы, построив свои бойни к западу от города на реке Роне. Главный интерес книги

представляют разделы, посвященные предотвращению распространения инфекции. Он цитирует пример Александра Бенедетти из Венеции, где перина, на которой спал человек во время чумы, пролежала семь лет, “и первый, кто спал на ней в конце того же срока, был внезапно поражен чумой”. Его указания относительно уборки домов, постельных принадлежностей, одежды и т. Д. Подробны и тщательны (глава XVII)[928]. Современным читателям стоит обратить внимание на его взгляды на изоляцию и принудительную отправку в больницу. Чумной дом, который был недавно построен в полях по направлению к Финсбери, был тогда единственной специальной больницей, в которую можно было перевезти больных чумой, и его вместимость была невелика; похороны в нем за девять недель с 21 июля по 22 сентября 1603 года были соответственно 18, 18, 12, 21, 12, 6, 5, 10 и 10. В Брайдуэлле близ Флит-стрит, по-видимому, также зарегистрировано небольшое количество случаев чумы, поскольку за пять недель, с 18 августа по 22 сентября, в нем было захоронено соответственно 8, 5, 17, 7 и 19 человек. В Тотхилл-Филдс, в вестминстерской части города, также был чумной дом. Похоже, что в эти убежища отправляли в основном слуг. Лодж увидел, что принцип принудительного удаления больных не имеет шансов без дополнительных больничных помещений (на чем также настаивал Дефо в обзоре “чумы 1665 года”), и он предлагает план чумного дома с “двадцатью восемью-тридцатью отдельными камерами на верхнем этаже и таким же количеством внизу”. Он гуманно переносит тяготы принудительной изоляции:

“Ибо, по правде говоря, это великое изумление и не меньший ужас - разлучать ребенка с отцом и матерью, мужа со своей женой, жену со своим мужем, сообщника и друга со своим приверженцем и подругой; и, говоря по совести, в этом вопросе не следует придерживаться такого курса до тех пор, пока, по мнению ученого врача, болезнь не будет устранена. И когда это будет обнаружено, это заразно, но все же очень необходимо проявлять гуманность по отношению к тем, кто захвачен. И если у их родителей или друзей есть средства помочь им, и что они добровольно и с добрым сердцем готовы сделать то же самое, те, на кого возложена обязанность доставить их в чумной дом, должны позволить им использовать эту услугу милосердия по отношению к своим больным, но с тем условием, что они будут держать их отдельно и не позволят им часто бывать и беседовать со здоровыми. Ибо, по правде говоря, одной из главных причин смерти таких больных людей (помимо опасности их заболевания) является испуг, который они испытывают, когда видят себя лишенными всякой помощи и, так сказать, вырванными из рук своих родителей и друзей и вверенными доверию незнакомых людей.... И поэтому в этом деле люди должны действовать очень осмотрительно и скромно”.

Другое лондонское эссе того же года, написанное “S. H. Studios in Phisicke”, гораздо более скромное произведение. Автор пишет в превосходном тоне и дает советы “тем хирургам, которые будут вызваны или отважатся на лечение этой столь опасной болезни”, один из советов заключается в том, чтобы не пускать кровь, кроме как в начале припадка, а затем брать пять унций крови утром и еще три унции в три часа дня, повторяя опорожнение на следующий день по своему усмотрению. Он также излагает теорию чумного бубона: это был способ, созданный природой для удаления ядовитой и разлагающейся материи, которая является для нее вредной. Он советует практиковать надрезание бубона и помогать ему нагноиться, что было методом лечения во время Черной смерти 1348-1349 годов: если природа “слаба и не способна достаточно быстро вывести яд, при незаметном испарении яд возвращается обратно в сердце и таким образом в настоящее время разрушает природу”[929].

Для состояния медицинской практики и литературы в Англии в конце елизаветинского периода важно, что единственным другим трактатом, который, как известно, вызвала чума 1603 года, была мистификация[930] под именем некоего Томаса Тейра, хирурга, “на благо своей страны, но главным образом для достопочтенного лондонского сити”, подробно посвященная лорд-мэру года (по имени), шерифам и олдерменам, которым “Томас Тейр желает все духовные и мирские благословения”. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это очень точное воспроизведение, с некоторыми пропусками в конце и несколькими дополнениями, старого Трактата о чуме Томаса Файра или Фаэра, впервые опубликованного в 1547 году и, вероятно, созданного каким-нибудь книготорговцем или литературным халтурщиком. Оригинальный трактат Файра в последний раз переиздавался в 1596 году, “позднее исправленный и дополненный Томасом Файром”, хотя этот автор, должно быть, был мертв много лет. Перепечатка некоторых средств защиты и консервантов “доктора Фаэра” без даты предположительно относится к 1601 году. Оригинальное произведение времен Генриха VIII также было литературным сборником, в некоторых частях дословно скопированным из книги датского епископа Арусии 14 века, и в нем нет и следа наблюдения из первых рук. И все же ей посчастливилось быть перепечатанной еще раз, в 1722 году, врачом У. Т., который заметил, что, поскольку авторы о чуме в его время “обычно переписывали со слов других”, он хотел представить им образец “тех, кто писал о болезни, очевидцами которой они были”.

Сохранились два печатных обращения лондонских священников к чуме: одно Хеноха Клэпхэма “к своим обычным слушателям”, представляющее собой просто проповедь в форме послания, призванную улучшить ситуацию[931]; а другое Джеймса Бэмфорда, настоятеля церкви Святого Олава в Саутворке, в форме диалога, полное практических и разумных советов[932]. Трактат Бэмфорда особенно направлен против “того кровавого заблуждения, которое отрицает заразность чумы; поддерживается не только грубой толпой, но и слишком многими представителями лучшего сорта”; и его главный медицинский интерес заключается в причинах, с помощью которых он опровергает эту смертельную ересь:

“Разве язвы, нарывы и пятна (называемые Божьими знаками), сопровождающиеся бредом и смертью, не свидетельствуют о более странной инфекции, чем проказа, о которой следует судить по язвам и пятнам? [заразность проказы доказывается Откровением, Лев. xiii.]. Разве обычный опыт прикладывания живых голубей к язвам чумы и забирания их вскоре мертвыми, и это один за другим, не демонстрирует смертельную инфекцию? То, что чума свирепствует и царит особенно среди молодежи и тех, кто не очень ценит чистоту и опрятность, и когда многие сбиваются в кучу в переулках и домах, — разве это не признак заражения? Тысячи людей могут прямо сказать, где, когда и от кого они заразились.... Люди нежного телосложения или с испорченным характером скорее заболеют чумой, чем люди крепкого телосложения и здорового телосложения. Немощи многих женщин во время родов и другие болезни оборачиваются чумой. Мы видим, что умирает мало молодых людей по сравнению с детьми и младшим поколением.

“Наконец, среди тех, кто придерживается хорошей диеты, содержит продукты в чистоте и сладости, живет на хорошем воздухе, использует разумные консерванты с приправами, и их не так много в одном доме, или у них есть удобная комната для домашнего хозяйства - мы видим мало инфицированных по сравнению с теми, кто не справляется со всеми этими средствами сохранения и все же подвергает себя опасности”.

Лондонская чума 1603 года вызвала к жизни также стихотворение Джона Дэвиса, школьного учителя из Херефорда. Она называется “Триумф смерти; или Картина чумы, согласно Житию, какой она была в 1603 году[933]г. н.э.”. Описание ни в коем случае не настолько конкретное, как заставляет нас думать заголовок, и, возможно, действительно, большая его часть была взята из вторых рук у Деккера:-

“Изгоните своих мертвецов, - кричит перевозчик трупов,
Которых он грудami перекладывает в безземельные могилы...”
Лондонские переулки, стремясь таким образом спасти самих себя,
извергали своих непереваренных мертвецов,
которых на телегах везут к могиле,
Потому что все эти переулки с людьми были перекормлены ”.

Он упоминает, что заключенные в тюрьмах были сравнительно свободны от чумы[934]. Одна строка указывает на огромные размеры, которых иногда достигали чумные бубоны:

“Здесь вздувается провал настолько высоко, насколько может выдержать шкура”.

Возможно, его сведения о чуме в провинциях в 1603 году и в последующие годы основаны на его собственных знаниях. Оба университета, по его словам, были заброшены.

“Каждая свободная деревня теперь стоит на страже ...
Копны сена на лугах часто поражались
чумными телами, как живыми, так и мертвыми,
использование которых ставило в тупик человека и животное”.

Один инцидент, за который он ручается (в примечании на полях), произошел в Леоминстере: человек, заболевший чумой, был утоплен, чтобы предотвратить заражение, по приказу сэра Герберта Крофта, члена Совета Маршей Уэльса.

Чума 1603 года в окрестностях Лондона.

В 1603 году в большинстве ближайших к Лондону сельских приходов были устроены чумные захоронения, несомненно, из-за бегства к ним инфицированных лондонцев и распространения инфекции. В некоторых из этих приходских реестров[935] смертей от чумы в 1603 году больше, чем во время Великой чумы 1665 года: в Кройдонском реестре есть запись, что “многие умерли на дорогах недалеко от города”. В следующей таблице показаны показатели смертности, большие и малые.

		Похороны по любим причинам.	Захоронения после чумы.
Баркинг		381	—
Баттерси	23	23	—
24		24	26

Бромли		26	13	—
Чеам		28		9
Чигуэлл	62	28		—
20		62		.
		20		в основном чума
Кройдон		—		158
Дептфорд		235		—
Илинг	—	Илинг		—
—	Эдмонтон	145		85
Элтем		52	17	Энфилд
Энфилд		129	Финчли	129
Финчли	38	Хэрни	321	38
Наемный экипаж		7		.
Хэмпстед	7	7		—
Айлворт		75		—
,		322	—	Кенсингтон
	32	32		
566		566		117
Люишем			122	—
Стратфорд,		122	89	Стритхэм,
,36		130		89
Стритхэм		36		—
Tottenham		79		44
Твикенхэм		-		,
Уондсворт		-		100
Уимблдон	21	21		—

Сравнение этих цифр с данными за 1665 год покажет, что в северных приходах, Ислингтоне и Хакни, а также в приходах, расположенных дальше по стране, таких как Энфилд, в 1603 году умерло от чумы больше людей, чем во времена Великой чумы. Кроме того, в Баркинге, Стратфорде и Ромфорде, с одной стороны, и Люишеме, Элтеме и Кройдоне - с другой, в предыдущем году было больше смертей. Действительно, похоже, что инфекция в сельской местности недалеко от Лондона привлекла внимание еще до того, как чума в столице вызвала какую-либо тревогу. 18 апреля 1603 года лорд-мэр направил Тайному совету письмо о шагах, которые были предприняты “для предотвращения распространения чумы в графствах Миддлсекс и Суррей”. 20 июля 1603 года король выдал ордер констеблям и другим членам сотни Твайфорда в Кенте на взимание специальной платы с определенных приходов, чтобы облегчить страдания пострадавших от тяжелой чумы в деревнях Уэст-Маллинг, Ист-Маллинг,

Оффхэм и семи других[936]. Такие ставки обычно взимались, когда эпидемия почти заканчивалась; так что вспышка в Кенте, должно быть, произошла по крайней мере так же рано, как и в Лондоне.

Города и деревни Хартфордшира, которые были излюбленными курортами лондонцев во время чумы, получили свою долю посещения в 1603 году. В Грейт-Эмвелле за год произошло 41 захоронение, из которых 19 были связаны с чумой в период с 19 августа по 28 ноября, 6 из них за один день. Несомненно, реестры других приходов в родных графствах показали бы аналогичную историю, если бы их искали[937].

Ежегодная чума в Лондоне после 1603 года.

Прежде чем последовать за чумой 1603 года в провинции, будет удобно рассказать историю распространения инфекции в Лондоне за следующие несколько лет. В 1604 году чума была незначительной, а в 1605-м - незначительной; но в 1606 году инфекция снова активизировалась и сохранялась на эндемическом уровне в течение примерно пяти или шести лет. Следующая таблица из еженедельных отчетов о смертности показывает, насколько регулярно инфекция достигала пика осенью из года в год, как если бы она была продуктом почвы[938]:

Таблица из Еженедельных отчетов о смертности (Лондон), показывающая рост числа случаев чумы осенью в течение пяти лет подряд.

	1606	1607	1608	1609	1610
общее число смерт ей от чумы в году	2124	2352	2262	4240	1803
ежене дельн ых смерт ей в июле	25	27	16	60	38
	33	33	26	57	45
	50	37	24	58	45
	46	51	50	91	40
	66	43			

Август е	67	77	45	100	47
	75	69	70	126	50
	85	76	79	101	73
	85	71	73	150	60
				177	99
Сет.	116	105	123	141	96
	105	121	136	158	89
	92	114	107	210	86
	87	177	143	144	72
			147		
октябр я.	141	150	103	154	63
	106	113	131	177	79
	117	110	124	131	59
	109	82	102	55	49
	101	68			
ноябр я.	68	66	109	84	58
	41	55	72	69	40
	78	46	69	67	22
	72	21	70	59	42
				51	39

В книге Деккера "*Семь смертных грехов Лондона*", опубликованной в 1606 году, он возвращается к теме чумы. Он говорит, что он по-прежнему убивает сотни человек в неделю, утверждение, которое будет расценено как преувеличение со ссылкой на Таблицу. Но, с другой стороны, Деккер был бы правильно проинформирован. Игровые домики, по его словам, стоят пустыми, двери заперты, флаг спущен. Политика запрета спектаклей во время чумы или когда инфекция угрожала стать активной, была поддержана пуританским духовенством еще в 1577 году и действовала во время чумы 1563 года. "Плэи на время изгоняются из Лондона, - говорит Харрисон в 1572 году, - чтобы обращение к ним не вызвало чуму или, вернее, не рассеяло ее, поскольку она уже началась^[939]". В проповеди, произнесенной в Полс-Кроссе в воскресенье, 3 ноября 1577 г., во время чумы, Т. У., на текст "Горе этому отвратительному, грязному и жестокому

городу”, проповедник восклицает: “Взгляните на роскошные театральные здания, постоянный памятник расточительной глупости Лондона! Но, насколько я понимаю, сейчас они запрещены из-за чумы[940].” К 1581 году лорд-мэр стал ревностным сторонником требований пуритан о прекращении спектаклей в городе и в “Либертиз”[941]. В июле (?) 1603 года Джеймс I. выдал лицензию актерам на выступления в театрах “Занавес” и “Голова вепря”, “как только в Лондоне число смертей от чумы уменьшится до 30 в неделю”[942]. В начале зимы 1607 года, когда эпидемия чумы пошла на убыль, театрам разрешили открыться, чтобы “бедные актеры” могли зарабатывать на жизнь; но поскольку чума возобновилась в 1608 году и стала еще более серьезной в 1609 году, с достаточной уверенностью можно сказать, что театры были закрыты в течение всего лета и осени тех лет. годы.

Те годы, с 1606 по 1610 год, когда профессии актера и драматурга серьезно препятствовал страх перед чумой, соответствуют пустому периоду в личной истории Шекспира. Было высказано предположение, что он на некоторое время уехал из Лондона, прежде чем окончательно переехать в Стратфорд-на-Эйвоне. Во всяком случае, его род занятий, если и не прекратился, то подвергался значительным помехам в течение каждого из лет с 1603 по 1610 год, за исключением, возможно, 1604 и 1605 годов, которые вряд ли уложились бы в 30 смертей от чумы в неделю. В 1604 году его имя было объединено в патенте с именем Лоуренса Флетчера для театра “Глобус”. Пьесы продолжали разыгрываться и в годы чумы, при дворе или в домах знати; но аплодисментов в партере и на галерке было бы недостаточно. “Макбет”, который, судя по сюжету, был написан в честь восшествия короля Шотландии на английскую корону, был поставлен на сцену только в 1610 или 1611 году. “Король Лир” был представлен ко двору на Рождество 1606 года. В одном из квартетов “Троила и Крессиды”, опубликованном в 1609 году под именем автора, есть примечание, в котором говорится, что “эта новая пьеса никогда не ставилась на сцене, никогда не касалась ладоней черни”; но в другом издании того же года (1609) без предисловия в названии указано, что пьеса была сыграна в театре “Глобус” королевскими слугами, из чего следует, что она была сыграна в промежутке между двумя выпусками 1609 года. После 1610 года, и так непрерывно до 1625 года, в Лондоне не было чумы, которая мешала бы работе актеров и драматургов, точно так же, как период с 1594 по 1603 год был четким промежутком. Раннее время свободы было великим периодом лондонской драмы. Катастрофическая чума 1603 года и последовавшие за ней нездоровые лето и осень до 1610 года серьезно повлияли на это, а также серьезно повлияли на активное участие Шекспира в постановке пьес на сцене. Что бы он ни написал после этого, это было бы с менее определенной перспективой репрезентации или, можно сказать, не было сделано под тем же непосредственным влиянием театральной атмосферы, которая вдохновляла его более ранние комедии и исторические пьесы.

Чума в провинциях в 1603 году и последующие годы.

Возвращаясь теперь к 1603 году, чтобы проследить за распространением инфекции в городах и деревнях в провинциях, мы сначала обнаруживаем, что чума была активна в некоторых провинциальных частях Англии в течение нескольких месяцев, прежде чем она серьезно вспыхнула в Лондоне в 1603 году. В Честере великая эпидемия, упомянутая в дальнейшем, началась в сентябре 1602 года. Об эпидемии в Стэмфорде, которая в конечном итоге унесла почти 600 человек, впервые стало известно 2 декабря 1602 года, когда корпорация решила

построить “кабину” для больных чумой, и снова в январе 1603 года, когда на их помощь и содержание была собрана четвертая часть от пятнадцатой[943].

В Оксфорде, который был одним из самых ранних и сильно пострадавших городов после Лондона, впервые болезнь была замечена в июле 1603 года, и предполагалось, что она распространилась за границу из-за “непристойного поведения некоторых низменных и неуправляемых жителей”. В сентябре колледжи разошлись, перед отъездом собрав средства для оказания помощи жителям пораженного чумой города. Михайлов семестр был перенесен на 5 декабря, но прихожан пришло очень мало, чума не прекращалась до февраля. Энтони Вуд говорит:

“Правда в том, что времена были очень печальные, и на улицах не было слышно ничего, кроме стенаний. Те, у кого было богатство, удалились в страну, но те, кто нуждался, были если не забраны смертью, то почти умерли с голоду и, следовательно, были готовы взбунтоваться против своего начальства в поисках помощи”. Все ворота колледжей и общежитий постоянно держались закрытыми днем и ночью, и в них оставалось несколько человек для охраны. Городские лавки были закрыты, никто, кроме ухаживающих за больными или сборщиков пожертвований, не появлялся на улице, церкви редко открывались для богослужений, а то и вовсе никогда.

После того, как в феврале чума прекратилась, большинство ученых вернулись, а в апреле инфекция вспыхнула снова, но ее распространению помешали. Двор находился в Оксфорде в 1604 году, и после его отъезда разразилась чума, зараженных, как и прежде, отправляли в дом в Портмиде и в каюты. Среди погибших был директор Харт-Холла, по-видимому, в августе. Оно вспыхнуло еще раз в марте 1605 года, но не распространилось, то ли из-за принятых мер, то ли по естественным причинам, которые могут оставаться сомнительными[944]. С этой даты Оксфорд обладал двадцатилетним иммунитетом, до 1625 года. Кембриджские анналы менее полны, отчасти, возможно, потому, что ни один из колледжей не вел реестр по плану Мертон-колледжа; но из письма, датированного 1608 годом, явствует, что Посетитель Королевского колледжа не смог приехать в колледж, чтобы воспользоваться своими столь необходимыми полномочиями, “в связи с инфекцией[945]”.

Степень распространения чумы в 1603 году среди провинциальных городов и сельских приходов точно известна лишь для нескольких из них. Из еще значительного числа случаев имеются свидетельства вспышек той или иной степени. Так, в Кентербери счета корпорации содержат записи о суммах, выплаченных за присмотр за закрытыми домами, за вынос мертвых и тому подобное в течение двадцати четырех недель в 1603-4 гг.[946]. В Эксетере пришлось устроить чумной приют, и ярмарки не проводились[947]. Аналогичные признаки чумы поступают из Винчестера[948], Колчестера[949], Ипсвича[950], Норвича[951], Бостона[952] и Ньюкасла[953]. В реестре прихода в Дербишире (Бримингтон) указаны случаи смерти от чумы в конце 1602 года[954].

В Честере есть подробные сведения о великой чуме. Это началось в сентябре 1602 года в доме перчаточника на Сент-Джонс-лейн, где умерло 7 человек, и продолжало увеличиваться, пока еженедельное число смертей не достигло 60. В 1603 году от чумы умерло 650 человек, а от других болезней 61. В 1604 году от чумы умерло 986 человек, из которых 55 - за одной недели. С

14 октября 1604 года по 20 марта 1605 года умерло 812 человек и еще около 100 до 9 января 1606 года, когда заражение на время прекратилось. Для больных чумой были возведены хижины за городом. В некоторых домах, особенно у моряков, в течение двух-трех недель умирали пять или шесть членов одной семьи[955].

По-видимому, это было в Нантвиче и Нортвиче в одном или нескольких из 1603-1605 годов, поскольку 22 июня 1605 года в них была введена норма помощи бедным. Сведения о смертях от чумы занесены в реестры Макклсфилда и Конглтона за 1603 год. В Стокпорте 51 человек был похоронен от чумы с 9 октября 1605 года по 14 августа 1606 года, большинство из них в последний год[956]. О разрозненных эпидемиях также сообщается из Нортгемптоншира — 31 захоронение от чумы в Мерстон-Трасселле в 1604 году и 16 в Эйдоне в 1605 году[957].

Одна из самых жестоких эпидемий того периода произошла в Йорке в 1604 году. Рынки были закрыты, судебные заседания перенесены в Рипон и Дарем, а собор и Минстер-ярд были наглухо закрыты. Зараженных размещали в будках на улицах Хобмур и Хорсфэйр. Число погибших составляет 3512[958]. Дарем также посетил приход Святого Джайлса, но незначительный[959].

Однако в Шрусбери чума 1604 года была такого же катастрофического масштаба, как в Честере и Йорке: число смертей в пяти приходах со 2 июня 1604 года по 6 апреля 1605 года составило 667 человек. 11 октября 1604 года была издана прокламация против покупки или получения одежды, постельных принадлежностей и т.д., поскольку предполагалось, что таким образом в городе сильно распространилась чума[960]. Незадолго до 1606 года с жителей Манчестера взимался еженедельный налог для оказания помощи беднякам, зараженным или подозреваемым в заражении чумой[961]. Это было в Ноттингеме в 1604 году и, по крайней мере, в одном из приходов графства (Холм Пьерпонт)[962].

Есть несколько частей Англии, из которых не поступали свидетельства чумы в годы, последовавшие непосредственно за великой чумой в Лондоне в 1603 году. К уже упомянутым мы должны добавить Крэнборн в Дорсете, где 71 человек умер от чумы (в общей сложности 91) с июня по декабрь 1604 года, причем шесть смертей произошли в семье, впервые заразившейся, и восемь в другой[963]. В приходской книге Монкли в Северном Девоне есть слова “cessat pestis” напротив записи о захоронении 30 марта 1605 года[964]. В 1606 году Питерборо был посещен, заражение продолжалось “до сентября следующего[965]”. В 1606 году Итон также был “посещен”, как явствует из произведенных платежей[966].

В 1606-1610 годах, как мы видели, чума в Лондоне была обычным явлением в летний и осенний сезоны. Вспышка в 1608 году оставила несколько следов в государственных грамотах[967]. 12 сентября лорд-канцлер Элсмир написал из Эшриджа (Беркхемстед) государственному секретарю, что он будет отсутствовать до тех пор, пока не будет полностью уверен в том, что в его лондонском доме нет инфекции. 20 сентября проводилась очистка городской канавы, а работу парламента отложили до февраля. 26 ноября пришло письмо от двора в Ньюмаркете, в котором говорилось, что король разгневан тем, что милорд-камергер не прислал ему справку о болезни. В 1609 году в приходе Энфилд было зарегистрировано 13 случаев смерти от чумы, а в 1610 году несколько подозрительных случаев произошло близ Теобальдса.

В провинциях больше нет записей о чуме до 1608 года: в Честере в том же году от нее умерло 14 человек “в Тэлботе”[968]. В 1609 году инфекция распространилась на ряд провинциальных центров. 1 июня пришло письмо из Рочестера, в котором сообщается, что болезнь распространилась в Кенте, препятствуя работе уполномоченных по оказанию помощи. 15 июня уполномоченные в Херефорде просят продлить срок из-за чумы. 22 августа королевские арендаторы Лонг-Беннингтона, недалеко от Грэнтема, доведены чумой до крайней нищеты[969]. Эти сообщения относятся к графствам Херефорд, Линкольн и Кент, и к последнему можно отнести краткое упоминание о чуме в Сэндвиче[970]. Другими графствами, пострадавшими в 1609 году, возможно, лишь в нескольких местах, являются Дербишир, Норфолк, Нортумберленд и Лестершир. В первом случае в Честерфилде умерло несколько человек от чумы с 18 марта по май; в Белпере, 51 год, с 1 мая по 30 сентября; и в Холмсфилде, викарии 12 марта[971]. В Норвиче вспышка 1609 года была незначительной по сравнению с другими событиями в этом городе[972]. О его существовании в Ньюкасле в том же году известно только из реестра прихода Святого Николая[973].

Чума в Лафборо была одной из самых тяжелых. Первый случай этого заболевания, по-видимому, произошел 24 августа 1609 года у женщины, родившей ребенка 19 числа. Последняя запись о чуме в приходской книге датирована 19 февраля 1611 года; таким образом, эпидемия продолжалась около восемнадцати месяцев. За это время общая смертность составила 452 человека, из которых, безусловно, большинство были жертвами чумных захоронений. В миле от Лафборо находится участок земли, долгое время известный как Кэббин Лис, на котором многие жители “предусмотрительно построили себе хижины и разбили лагерь, чтобы избежать заражения[974]”.

В Лестере было небольшое количество случаев чумы в 1607 году, и она вновь возникла в 1608 году (выплаты в связи с этим в предыдущем году и пункт “30 барделлов, использованных в посещенных домах” в отчетах за 1608 год). Более серьезные вспышки произошли в 1610 и 1611 годах, во время и после великой чумы в Лафборо. Улицы, ведущие к замку, были освобождены; в Белгрейв-Гейт был построен чумной дом; только в приходе Святого Мартина за 1610 год было 82 захоронения (более половины - от чумы), а в 1611 году в том же приходе было 128 захоронений[975].

В 1610 году инфекция действовала в одной или нескольких деревнях графства Дарем; 78 смертей “от чумы” занесены в реестр прихода Ламсли, и тот же год, вероятно, был одним из многочисленных сезонов чумы вплоть до 1647 года в приходе Уикхэм, где, как говорят, люди, возможно, пораженные чумой, жили в хижинах на Уикхэм-Фелл[976]. В Честере в 1610 году “многие умерли от чумы[977]”; а в Ившеме произошло посещение, которое вынудило более состоятельных жителей покинуть город, и власти предприняли столь необходимое улучшение чистоты улиц (были конфискованы обнаруженные на свободе свиньи, с улиц были убраны камни, древесина, навозные кучи и падаль, а брусчатка перед каждым домом ремонтировалась и очищалась раз в неделю)[978].

Между 1610 и 1625 годами, которые были почти абсолютно ясным периодом для Лондона, есть несколько сообщений о чуме из провинций. В 1611 году в Шерборне взимались денежные сборы с “посещенных”[979], а в 1614-15 годах в Кентербери для того же класса существовала местная ставка[980]. Отчеты того же рода о Ковентри, вероятно, относятся к 1613 году[981]. Затем, когда мы приближаемся к следующему периоду великой чумы, который начался с новым

правлением в 1625 году, мы находим запись о 26 смертях от чумы в Банбери в 1623 году, “записанную в той части оригинального реестра, которая не была расшифрована в пергаментной копии”[982]: “если дата верна, Банбери был первым городом, нарушившим несколько затянувшееся перемирие с чумой, которое распространилось по всей стране в 1625 году. По-видимому, в 1623 году в Грэнтеме также было бедствие из-за какой-то болезни; в сентябре того же года корпорация Стэмфорда собрала средства “в это опасное время посещений” и отправила 10 фунтов стерлингов Грэнтему, остальное - “в Лондон или какой-нибудь другой город, если представится случай”. Но 1623 и 1624 годы были настолько поражены лихорадками, что “опасное время посещений”, возможно, и не означало чуму.

Ирландия.

Сведения об Ирландии настолько случайны, что возникает подозрение, что чумы в этой стране было больше, чем показывают записи. Так, 25 января 1604 года в Килкенни издан муниципальный приказ, согласно которому люди должны стоять у всех ворот, чтобы не впускать всех незнакомцев или подозреваемых лиц, которые могут прибыть из любого зараженного места в королевстве; а 24 октября издан другой приказ, из которого следует, что в то время в городе была чума, что необходимо было перевезти больных в отдаленные места, чтобы на открытых улицах перед дверями не было навоза и чтобы ни одна свинья не ходила и не лежала на улицах[983]. К концу 1607 и началу 1608 года в городе Корк произошла “ужаснейшая эпидемия”, которая “постепенно прекратилась сама по себе[984]”.

Чума в Шотландии, 1603-24гг.

История чумы в Шотландии, которую мы оставили в предыдущей главе в 1603 году, начинается снова в том же году и продолжается в том или ином месте непрерывно до 1609 года. С июня 1603 года по февраль 1604 года она продолжалась на юге Шотландии. В Эдинбурге в апреле 1604 года дом мистера Джона Холла был “кленгит”, потому что подозревали, что смерть служанки была вызвана чумой: инфекция, несомненно, распространилась в мае и стала настолько серьезной в июле, что люди бежали из города[985]. В письме от 18 июля из Кодрус-Коттеджа, касающемся золотодобычи и упоминающем Клозберн, говорится, что среди мужчин чума[986].

В 1605 году, ближе к концу июля, инфекция вновь появилась в Эдинбурге, Лейте и Сент-Эндрюсе[987]. 7 октября канцлер Шотландии лорд Данфермлин написал графу Солсбери, что чума распространилась в маленьких городках вокруг Эдинбурга, вероятно, в его старых излюбленных местах вдоль залива Ферт и на побережье Файф[988]. Сам канцлер, как мы знаем из другого источника, пережил это печальное событие в своем собственном доме; его сын и племянница умерли от чумы, а у его дочери “были фурункулы”, но она выздоровела[989]. Следующий, 1606 год был самым тяжелым в период эпидемии чумы в Шотландии: “Она так сильно свирепствовала во всех уголках королевств, что ни город, ни земля ни в одной части не были свободны. Города Эйр и Стерлинг были почти опустошены, и все судебные органы страны опустели[990]”. Именно к этой эпидемии, по-видимому, относится любопытная транзакция, обнаруженная Чемберсом. Два дома, расположенные на линии большой дороги, ведущей с юга

в сторону Абердина, на противоположных берегах Ди, один из которых был домом владельца, а другой - священника, были заподозрены в заражении. Джентльмены округа встретились и решили послать в Данди за двумя профессиональными “кленджерами” или дезинфекторами, выдав муниципалитету Данди залог в 500 марок за услуги его “кленджеров”[991]."

В апреле следующего, 1607 года, мы слышим о чуме в самом Данди, несмотря на экспертов, а также в Перте и других местах[992]. В июле 1608 года многие дома в Данди были заражены, и погибло так много магистратов, что Тайный совет произвел новые назначения[993]. Это снова вспыхнуло в Перте 29 августа и продолжалось до мая 1609 года, “в котором приняли участие молодые и пожилые 500 человек[994]”.

До 1624 года в Шотландии нет других упоминаний о чуме, кроме записи от 7 ноября 1609 года, касающейся прибытия в Лейт судна из Темзы, часть экипажа которого умерла от чумы, и помещения его на карантин в Инчкее[995]. В Эдинбурге произошла небольшая вспышка за год до следующей великой английской чумы, о которой мы рассказываем. 23 ноября 1624 года было обнаружено, что инфекция распространилась в нескольких домах, и заседание судов было перенесено на 8 января[996]; но Шотландия, похоже, не принимала участия в великом заражении английской земли, которое последовало немедленно.

Злокачественная лихорадка, предшествовавшая чуме 1625 года.

Период невосприимчивости к чуме как в Лондоне, так и в провинциях, начавшийся около 1611 года, был окончательно прерван в 1625 году. Здоровье Лондона, как и сельских районов, в течение двух лет назад оставляло желать лучшего, но чума не была преобладающим видом заболеваний. Таким образом, в Лондоне число захоронений увеличилось с 8959 в 1622 году до 11 102 в 1623 году и до 12 210 в 1624 году. Письма того времени позволяют нам увидеть, что именно беспокоило общественное здравоохранение. 21 Августа 1624 года Чемберлен пишет из Лондона Дадли Карлтону[997]:

“На этой неделе у нас умерло 328 человек, больше, чем за последние пятнадцать или шестнадцать лет, и все же ни слова о чуме. Боже, сохрани это от нас, ибо мы в опасности. Но эта пятнистая лихорадка, по крайней мере, родственна ей в Германии и почти так же быстро излечивается. Двое или трое детей леди Хаттон устали от этого у своего брата Фэншоу в Эссексе, и она потеряла младшую дочь, которую ее отец похоронил в Вестминстере в среду вечером; хорошенькая благородная женщина, о которой много скорбели. И снова, 4 сентября: “У нас здесь всего лишь болезненный сезон, что легко увидеть по еженедельному увеличению нашего счета, который на прошлой неделе достиг 407, и все же мы не признаем никакой инфекции [то есть чумы]. Действительно, по подробностям мы выясняем, что около 250 из них - дети, большинство остальных унесла пятнистая лихорадка, которая царит почти повсюду, в стране, где так же болеют, как и здесь.... Смертность распространяется повсюду и во многих местах охватывает целые семьи”. 9 октября: “Город по-прежнему болен, ибо на этой неделе умерло 347 человек”. 23 октября мы слышим о том, что лорда—хранителя “беспокоит быстротекущая болезнь того времени” - флюс, или фликс. 18 декабря (как и ранее 21 августа) упоминается излечение от оспы у знатного человека.

Таким образом, это были распространенные виды эпидемических заболеваний как в домах знати, так и среди бедняков — пятнистая лихорадка или тиф, дизентерия или флюс, а также оспа. Два из них продолжались до чумного 1625 года, как говорит о том случае Тейлор, поэт-водник:

“Ты видишь страшную язву, мор и лихорадку,
Которыми многие души отделяются от тел”.

Выдающейся жертвой “чумной лихорадки” был маркиз Гамильтон, который умер от нее в Мурпарке, Рикмансворт, в Пепельную среду 1625 года^[998]. Его резиденцией в Лондоне был дом под названием Fisher's Folly (упомянутый Стоу) за пределами Бишопсгейт в приходе, который теперь был “наводнен” многоквартирными домами бедняков.

Эту лихорадку не всегда называли пятнистой лихорадкой. Возможно, это была та же самая болезнь, о которой часто говорят под названием лихорадка — “лихорадка со ста именами”, как говорит Абрахам Холланд (1625). Так, Мид из Колледжа Христа в Кембридже пишет 4 сентября 1625 года: “Лихорадка становится удивительно распространенной как здесь, так и повсюду; так, один человек сказал мне вчера, что в Ройстоне и Баркузе им нужна помощь, чтобы собрать урожай с полей” — возможно, тот же вид “жгучей лихорадки”, который нам придется проследить несколькими страницами позже, как в городе, так и в деревне, как в мирное время, так и во время гражданских войн, тип болезни, которая стала распространенной в Англии, когда чума прекратилась, достигнув наивысшей точки в 18 веке. Но здесь мы снова сталкиваемся со старой трудностью, связанной с “гриппом”.

Эти исторические упоминания о пятнистых, или чумных, лихорадках в домах знати, а также среди простых людей соответствуют не только лондонским сводкам смертности за соответствующие годы, но и реестрам сельских приходов и торговых городов, составленным кропотливым доктором Шортом. Повторяя форму таблицы, использованную в предыдущей главе, в которой рассматривались эпидемии 1557-8 и 1580-82 годов, мы находим, что 1623-25 годы различаются следующим образом:

Сельские приходы.

Год.	Нет. из регистра ов рассмот рев	нет. из нездоро вого прихода в	крестьян в той же	похорон или в том же
1622	85	11	177	223
1623	84	30	601	836
1624	87	19	362	511
1625	88	13	246	327

Рыночные города.

Год.	Количес тво изученн ых реестро в	Количес тво нездоро вых городов,	Крещен ных в тех же	похорон енных в тех же
1622 г.	25	4	345	442
1623	25	16	439	2254
1624	25	9	714	978
1625	25	9	563	666

Заболеваемость в 1623 году тем более примечательна, что, по-видимому, нет никаких записей о чуме в Англии в тот год в ее наиболее обычных местах, за исключением записи в приходской книге в Банбери. Лихорадка, как мы можем предположить, была распространенным видом эпидемии как в Лондоне, так и в провинциях, городских и сельских. В другом своем трактате Шорт называет это “злокачественной пятнистой лихорадкой” и специально ссылается на приходские книги Кесвика, Пенрита и Вигтона на предмет ее распространенности в 1623 году[999].

Чемберлен в письме от 21 августа 1624 года говорит, что пятнистая лихорадка была родственницей, по крайней мере, немецкой чумы; и в нем он выразил как неспециалист мнение, которое впоследствии было официально изложено Уиллисом Сайденхэмом и Мортоном. Наряду с флюсом и оспой это означало нездоровье Лондона в 1623 и 1624 годах и в первые месяцы 1625 года, точно так же, как три эти болезни были главными причинами эпидемической смертности в столице во второй половине семнадцатого века и на протяжении всего восемнадцатого. Но в 1625 году Лондон еще не покончил с чумой. По мере того как год переходил от весны к лету, пятнистая лихорадка, действительно, не прекращалась (как мы можем заключить из случайных упоминаний и известных фактов аналогичных чумных лет, 1636 и 1665); но вскоре ее настигла, превзошла и затмила более серьезная инфекция, старая “обычная инфекция” шестнадцатого века, сама бубонная чума. Чтобы объяснить существование тифа в Либерти и отдаленных округах Лондона в 1623 и 1624 годах, мы находим готовые предоставить свидетельства перенаселенности во время затишья чумы с 1611 года; рождений в 1624 году было примерно вдвое меньше, чем непосредственно перед последней великой чумой 1603 года, а смертей было вдвое больше. Граница бедности снова выросла, несмотря на эпидемии флюса, лихорадки и оспы: урожай был готов к употреблению серпом, и жатва состоялась летом и осенью 1625 года. Заражение чумой затаилось в Лондоне, как это было на протяжении почти трех столетий; но ее активность зависела от времени года, и сезон 1625 года был благоприятным.

Лондонская чума 1625 года.

Предыдущее лето 1624 года было необычайно жарким и сухим. Погода в октябре была исключительно хорошей, и урожай фруктов был обильным. В январе погода была теплой и умеренной. 25 февраля произошел один из тех очень высоких приливов, которые случаются, возможно, раз в поколение. Темз-стрит была разрушена, Вестминстер-холл был “на целых три фута погружен в воду”. Но о больших потерях мы слышим в результате затопления болот и разрушения стен в Кенте, Эссексе, Линкольншире, Йоркшире и других местах у моря[1000]”. В течение первых трех месяцев 1625 года смертей от чумы было две или три в неделю, в отдельные недели было ясно. В последнюю неделю марта их было 11, а на следующей неделе - 10. В последнюю неделю мая их было 69, по сообщениям из двадцати приходов. Источник описан поэтом-водником как “полезный”, но начало лета было необычно холодным. 12 июня Чемберлен пишет: “В течение месяца у нас была самая холодная погода, которую я когда-либо знал в этом сезоне”. Весь июнь был временем “непрекращающихся дождей в Лондоне[1001]”. В стране был испорчен сенокос, а урожай кукурузы составил лишь половину[1002]. Другой говорит (в стихах), что летнее солнце придавало волосам желтоватый оттенок и вялый цвет лица; воздух был полон черного тумана и сырости, ночью не было ни капли росы, только густой дым[1003]. Следующая таблица еженедельных похорон (с крещениями) в Лондоне покажет, насколько усилилась эпидемия чумы после июньских дождей. Смертность в мае и июне была намного выше в течение сезона, чем в умеренно эндемичные годы чумы, такие как последняя серия с 1606 по 1611 год; но чума первой степени заявила о себе только в июле.

Таблица крещений и смертности в Лондоне за 1625 год.[1004]

Конец недели		Креще ны	Похоро нены	От Чумы	Приход ов, Зараже нных
Декабр я.	23	165	183	0	0
	30	176	211	0	0
января.	6	199	220	1	1
	13	194	196	1	1
	20	160	240	0	0
	27	178	226	0	0
феврал я.	3	178	174	3	1
	10	161	204	5	2
	17	181	211	3	1
	24	190	252	1	1
марта.	3	185	207	0	0
	10	196	210	0	0

	17	175	262	4	3
	24	187	226	8	2
	31	133	243	11	4
апреля.	7	184	239	10	4
	14	154	256	24	10
	21	160	230	25	11
	28	134	305	26	9
Мая	5	158	292	30	10
	12	140	332	45	13
	19	182	379	71	17
	26	145	401	78	16
Июня	2	123	395	69	20
	9	125	434	91	25
	16	110	510	165	31
	23	110	640	239	32
	30	125	942	390	50
Июле	7	114	1222	593	57
	14	115	1741	1004	82
	21	137	2850	1819	96
	28	155	3583	2471	103
августа	4	128	4517	3659	114
.					
	11	125	4855	4115	112
	18	134	5205	4463	114
	25	135	4841	4218	114
сентяб ре.	1	117	3897	3344	117
	8	112	3157	2550	116
	15	100	2148	1674	107
	22	75	1994	1551	111
	29	78	1236	852	103
октября	6	77	838	538	99
.					
	13	85	815	511	91
	20	91	651	331	76
	27	77	375	134	47
ноября.	3	82	357	89	41

	10	85	319	92	35
	17	88	274	48	22
	24	88	231	27	16
декабр	1	93	190	15	12
я.					
	8	90	181	15	7
	15	94	168	6	5
		6983	54265	35417	

Смертей от всех причин в мае и июне было настолько больше, чем можно было объяснить зарегистрированными случаями смерти от чумы, что те, кто следил за отчетами о смертности (Мид в Кембридже, Сальветти в Лондоне), заподозрили, что чуму скрывают. “Это странный расчет”, - говорит Мид о счете за неделю, закончившуюся 30 июня: “Существуют ли какие-то другие болезни, столь же опасные и распространяющиеся, как чума, или в отчете говорится о неправдивых сделках[1005]?” Вероятно, имело место и то, и другое; в конце года смертей от всех причин было примерно на 20 000 больше, чем было вызвано чумой; и по крайней мере половина этого превышения была сверх обычной смертности. Пятнистая лихорадка и флюс, несомненно, продолжались бок о бок с чумой, будучи ее предшественниками. Наиболее пострадавшими приходами, как и в 1603 году, были Сент-Джайлс, Крипплгейт, Сент-Олав, Саутуорк, Сент-Сепулькрес, без Ньюгейта, и Сент-Мэри, Уайтчепел, соответствующие лабиринтам переулков и извилистых проходов, “заселенных” многоквартирными домами беднейшего класса, от Лондона 18 века осталось всего несколько примеров. Ниже перечислены приходы с наибольшей смертностью в их порядке (Колокол):

	Всего смертей	чума смертей
Сент-Джайлза, Cripplegate	3988	2338
Святого Олава, Саутворк	3689	2609
Святого Гроба Господня, в Ньюгейт	3425	2420
Сент-Мэри, Уайтчепел	3305	2272
Св. Спасителя, монумент	2746	1671
ст достопримечательностей, в	2573	1653

Олдгейте		
ст	2334	714
примечательных мест, как, акций		
Святого Андрея, Холборн	2190	1636
Святого Леонарда в Шордиче	1995	1407
Святого Георгия, монумент	1608	912
Санкт-невесты, флот ул.	1481	1031
Св. Мартина в полях	1470	973
Святого Эгидия в полях	1333	947
Святого Климента у датчан	1284	755
Сент-Джеймс, Вестминстер	1191	903
Св. Магдалины, Бермондси	1127	889
Святой Кэтрин, башня	998	744
Святого Дунстана на Западе	860	642
97 приходов в стенах	14342	9197

Сохранился оригинальный печатный счет приходских клерков за худшую неделю, кроме первой, с 4 по 11 августа[1006]. Показатели смертности за неделю в каждом из 122 приходов почти точно соответствуют порядку подведения итогов за год, так что детали не проливают света на вопрос, в каком направлении распространялась инфекция или какие приходы больше всего пострадали от нее по мере приближения сезона. Общее число смертных случаев за неделю в "Уоллс", "Либертиз" и в девяти внешних приходах (в рамках Законопроектов) составило соответственно 1144, 2717 и 994. Говорят, что заражение[1007] началось в Уайтчепеле, поскольку мы заключаем, что это произошло также в 1603 году; но Город, наконец, получил причитающуюся ему долю: приходы Святого Стефана, Коулмен-стрит (с множеством извилистых переходов), Всех Святых Великих и Крайст-Черч с наибольшей смертностью.

В 97 приходах Города, 16 приходах Либертиз и 9 отдаленных приходах на конец года умерло 54 265 человек от всех причин, из них от чумы - 35 417. Но это была далеко не вся смертность. Отдельный учет велся для приходов Степни, Ньюингтона, Ламбета, Ислингтона и Хакни, а также для Вестминстерских приходов, во всех из которых с 30 декабря 1624 года по 22 декабря 1625 года умерло от всех причин 8 736 человек, из них от чумы 5896[1008]. Общее количество смертей в 1625 году составило, соответственно, 63 001, из них от чумы - 41 313.

Большой приход Степни, простиравшийся от Шордича до Блэкуолла, был одним из самых пораженных чумой районов Лондона. Он упоминается как таковой Деккером в 1603 году; а во время чумы 1665 года он возглавлял список с 8598 смертями, из которых от чумы 6583. У нас есть некоторые сведения об этом за 1625 год: за неделю с 18 по 24 июля в нем умерло 184 человека, из них от чумы - 144; а с 25 по 31 июля - 259, из которых 241 умер от чумы[1009]; и эти цифры были бы почти удвоены за недели августа. Только на Степни пришлось бы около половины смертей, указанных в дополнительном счете за год; приходская книга Ламбета содержит 623 захоронения, в Ислингтоне - 213, а в Хакни - 170[1010], в то время как на Вестминстер с Сент-Мэри Ньюингтон (или Ньюингтон Баттс, между Ламбетом и Саутуорком) и Ротерхит приходится большая часть оставшихся. В самых отдаленных приходах, расположенных на возвышенностях, таких как Хакни, Ислингтон и Сток-Ньюингтон, захоронений было меньше, чем в 1603 году.

Чума 1625 года была великим национальным событием, хотя историки, как обычно, лишь упоминают о ней. Точно совпав с восшествием на престол Карла I., это остановило всю торговлю в городе на сезон и оставило после себя большую неразбериху и обнищание; во многих провинциальных городах и в целых графствах чума того или последующих лет лишила людей возможности, при условии, что они были готовы, взять принудительный заем и предоставить корабли или деньги для них. История могла бы протекать точно так же, без чумы; но историки, несомненно, признали бы, что все причины, моральные и физические, должны быть приняты во внимание; и не будет сочтено выходящим за рамки этой истории как можно более полное описание этих событий, связанных с болезнью. Во-первых, что касается источников, отличных от статистических. Четыре или более стихотворения были написаны о чуме 1625 года — "нескончаемое" Джорджа Уитера (с привлечением других тем) в восьми песнях и около тридцати тысяч строк[1011], пьеса Джона Тейлора, поэта-водника и лодочника королевы, не лишенная графических штрихов[1012], короткая пьеса Абрахама Холланда[1013], сына Филемона Холланда, доктора медицины, и еще одно короткое стихотворение одного пивовара[1014]. Помимо стихов, там были проповеди, в основном после окончания эпидемии, и различные другие нравоучения, чтобы улучшить ситуацию. В статье под названием "*Красный крест*" приводятся несколько подробностей о бывших эпидемиях. Письма Чемберлена Карлтону, письма Мида из Колледжа Христа в Кембридже (родственник которого доктор Меддус, настоятель монастыря Святого Гавриила на Фенчерч-стрит, находился в Городе во время эпидемии) и дневник Сальветти, посланника великого герцога Тосканского[1015], содержат много подробностей; в то время как *Календарь государственных бумаг* объединяет другую информацию как по Лондону, так и по провинциям. Я не знаю никаких сведений о чуме 1625 года с медицинской точки зрения[1016].

Джеймс I., преждевременно истощенный в пятьдесят семь лет, скончался в Теобальдсе 27 марта от последствий лихорадки третьего периода, от которой он предпочел лечиться пластырями у малоизвестного знахаря из Данмоу, оставив в стороне своих врачей, которые

преуспели бы не лучше. 7 мая последовали пышные похороны, на которые было выделено 14 000 “черных”. Тем временем готовилась свадьба Карла I с принцессой Франции Генриеттой. Король встретил свою невесту в Дувре 13 июня и въехал с ней в Лондон 18-го, проплыв вверх по реке на государственной барже до Датского дома среди огромного скопления людей в домах и на судах, а также в лодках на воде, под артиллерийские залпы и демонстрации приветствия принцессе-католичке. 13-го числа лорд-хранитель написал Конуэю, государственному секретарю, что в Вестминстере произошли случаи чумы и что он, возможно, пожелал бы, чтобы его величество решил не приближаться к Гринвичу. Дворянство держали в городе в ожидании прихода новой королевы, а некоторых из них вызвали в парламент. Палаты представителей встретились 18 июня, и в речи короля им было рекомендовано ускорить свои дела из-за чумы. Однако те, кто был склонен отказываться от поставок до тех пор, пока не будут устранены претензии, могли воспользоваться чумой так же, как и король, и Мэллори и Вентворт предложили отложить рассмотрение этого дела до Михайлова Дня. Палаты заседали три недели, до 11 июля, когда они были отложены, чтобы встретиться в Оксфорде 1 августа. В один из июньских дней Фрэнсис, лорд Рассел (впоследствии граф Бедфорд), “отправляясь в парламент, попросил своего сапожника натянуть ему сапоги, который в его присутствии свалился замертво от чумы”, так что его светлость избегал появляться в Доме. В первую неделю июля двор переехал в Хэмптон-Корт, а оттуда в Вудсток и в Болье в Нью-Форесте. Коронация была отложена до октября по причинам, связанным с религией королевы, а также из-за инфекции, и в конечном итоге до 2 февраля 1626 года.

Прежде чем парламент собрался, он получил разрешение короля на торжественный пост. “Это, - говорит тосканец Сальветти, - церемония, которая совершается во всех приходах и состоит в том, чтобы оставаться в церкви весь день, распевая псалмы, слушая проповеди, одна вскоре после другой, и возносить я не знаю, сколько молитв, умолая Бога остановить чуму и непрекращающийся дождь, который вот уже месяц идет в ущерб всем видам сельскохозяйственных культур”. В этот день, 1 июля, он говорит, что чума теперь распространилась по всем улицам и достигла других частей королевства. В страну начался всеобщий исход всех, у кого были средства для переезда. Как и в 1603 году, магистраты, министры, врачи и богачи, похоже, покинули город, предоставив ему самому заботиться о себе. 9 августа Сальветти, который сам сбежал в Ричмонд, пишет: “Магистраты в отчаянии оставили все заботы; каждый делает, что ему заблагорассудится, и в дома купцов, покинувших Лондон, врываются и грабят”. 1 сентября доктор Меддус, настоятель церкви Святого Гавриила на Фенчерч-стрит, написал: “Нужда и нищета здесь самые большие, какие когда-либо знал живущий человек; торговли вообще нет; все богатые ушли; домработницы и подмастерья ручного труда просят милостыню на улицах, и это таким прискорбным образом, что заставит тосковать самое сильное сердце”. Город через час после полудня был таким же, как в три часа ночи в июне месяце, больше не шевелились люди, больше не работали магазины^[1017]. Это повторяется в стихах Абрахама Холланда:

“Полдень на Флит-стрит сейчас едва ли может показать
ту прессу, которую не так давно могла показать полночь.
Пройдитесь по печальным улицам (тот, кто осмелится
вдохнуть печальный зараженный воздух),
Вы встретите так много домов с надписями
, Как если бы город был одной улицей Красного Креста ”.

И у Воды-поэт:

“Возможно, на какой-нибудь целой улице есть лавка или два
открытых для небольшой выручки.

И каждое закрытое окно, дверь и прилавок
Превращают каждый день в торжественный праздник.
Все профессии мертвы или почти выдохлись,
Но такие, которые живут благодаря болезни и смерти”.

Обстоятельства настолько точно такие же, как в 1603 году, что нет необходимости много
повторяться: пономари, изготовители гробов, носильщики, поисковики, аптекари и шарлатаны -
все они работают с пользой;

“И, наконец, для собак-убийц существует большая выгода,
За то, что они вышибают мозги драчливым псам и навязывают их собакам”.

Часы, отбивающие время, не слышны из-за постоянного звона колоколов. “Странно”, - говорит
Холланд,

- Странно, что часы не могут определить день,
Когда Время для тысяч людей бежало так быстро.

Тейлор говорит, что среди больных были

“Некоторые неистово бредят, некоторые от боли плачут”.

— бредовый бред и крики боли (от бубонов), которые, как мы знаем из отчетов за 1665 год, не
были риторическим преувеличением. Там были те же переполненные братские могилы, что и в
1603 году, вероятно, на тех же кладбищах:

“Множество моих широко зияющих могил
Ежечасно наполняются человеческими трупами.
Те, что едва проглочены, их снова кормят”.

Или, как говорит Тейлор,

“Мертвые тела до сих пор перевозят и повторно заносят
, В то время как пятьдесят трупов едва ли заполняют одну могилу”.

Лечение, по-видимому, находилось в основном в руках шарлатанов. Тейлор говорит:

“Во многих постах я вижу счета шарлатанов,
Которым фехтовальщики бросают вызов, чтобы показать свое мастерство”.

Поэт-водник, будучи лодочником королевы, по-видимому, испытывал должное чувство ко всем
официальным властям. Осудив шарлатанов как людей, которые “зарабатывают себе на жизнь
за счет смерти других”, он переходит к восхвалению обычных практикующих, забыв добавить,
что теперь их отсутствие бросалось в глаза:

“Это резкое оскорбление, похоже, никоим образом не задевает
ученых врачей, которых я очень уважаю.
Парацельсисты и галенисты,

Знатоки философских трав —
Ими я восхищаюсь и благоговею, ибо в них
Бог хранит секреты природы,
которые они распространяют по мере необходимости”.

— распространение чумы не является одним из поводов для раскрытия доверенных им секретов.

Медицинский факультет вряд ли вообще присутствует на виду все это время. Хирургический трактат Тейра 1603 года был переиздан; в то время как полуэмпирик, некто Стивен Брэдвелл, внук Банистера, известного елизаветинского врача-практика¹, опубликовал слабое эссе о чуме, исправленное из обычных устаревших источников и заимствованное даже из диалога мирян с настоятелем Святого Олава в 1603 году[1018]. Брэдуэлл обратился к читателю 15 июля: “из моего кабинета на Мэгуэлл-стрит, готовый, насколько это в моих силах, доставить тебе любое удовольствие”.

“У меня есть два порошка. У меня также есть отличный электуарий. У меня также есть пастилки и ароматные помады. Все это изобретения моего деда, и их превосходная эффективность была доказана как его опытом, так и опытом моего отца. Я признаю, что они дороги; но легкие средства и дешевые лекарства (что бы они ни обещали) оказываются дорогими, как смерть. Первый порошок стоит 12 пенсов за драхму. Второй - 3 пенса за зернышко (количество - 10 или 12 зерен). Стоимость электуария составляет 2 шиллинга и 6 пенсов за унцию, количество - один или два драма. На Дистафф-лейн есть парень, который переводит свои счета за границу, хвастаясь лекарством, которое принадлежало моему дедушке Баннистеру. Мой дедушка был очень щепетилен в том, чтобы раздавать какие-либо специальные квитанции другим. Но если кто-то может сказать, что у него есть какая-то расписка, я уверен, что, если бы она представляла какую-то ценность, у меня была бы ее копия. Поскольку многие люди знают, что у меня есть целый том превосходных рецептов, оставленных мне моим дедом и моим отцом, и чтобы они не сочли меня слишком строгим и жадным в хранении всех секретов при себе, я счел нужным для общего блага обнародовать это превосходное противоядие следующим образом:
”...ингредиенты занимают целую страницу.

Этот предприимчивый торговец учился в Оксфорде, где ему не удалось получить степень по медицине, но он был лицензиатом Колледжа врачей. Насколько известно, он является единственным литературным представителем факультета в 1625 году; и в его эссе нет ничего, что могло бы нас заинтересовать, кроме следующего подтверждения хорошо известного характера эпидемии:

“Бедные люди из-за своей великой нужды, ведущие распутный образ жизни, питающиеся отвратительными субпродуктами или самым плохим и нездоровым мясом, а также часто вообще лишенные пищи, имеют как сильно испорченное тело, так и чрезвычайно ослабленный дух; в результате чего они становятся (из всех остальных) наиболее подверженными этой болезни. И поэтому мы видим, что чума сметает таких людей огромными кучами”.

Невозможно узнать, восстановилась ли какая-либо значительная доля. Похоже, что, как и в 1603 году, бубоны и фурункулы могли появиться у одного и того же человека более одного раза, и что наилучший шанс был связан с их нагноением:

“Некоторые, у которых только что лопнули карбункулы и язвы, тешат себя надеждой, что они избежали худшего”.

Но лучшая надежда была на бегство, как откровенно сказал Брэдуэлл, хотя он и остался со своими порошками по шиллингу и электуариями в полкроны. *Cito uscimur, longé omuscimur, tardé redi*— это вошедший в поговорку совет, который он цитирует.

Однако бежавшим людям, если только они не были дворянами или сквайрами с загородными домами, в провинциях жилось плохо. История их приема в провинциальных городах и деревнях настолько похожа на историю 1603 года, что можно предположить, что в этом, как и в других вещах, авторы 1625 года копировали у Деккера. У одного из стихотворцев, Брюера, есть раздел, специально посвященный “Рассказу о многочисленных несчастьях, в которые попадают многие из тех, кто летает по Городу, в сельской местности”. Люди с пиками и алебардами отгоняют их назад, с позором проходя через деревню за деревней, пока они не заканчивают свой путь; они спят в конюшнях, амбарах и надворных постройках или даже на обочине дороги в канавах и в открытых полях. И это был удел сравнительно богатых мужчин. Тейлор говорит, что, когда он был на королевской барже в Хэмптон-Корте и поднимался вверх по реке почти до Оксфорда, он испытывал много горя и раскаяния, видя и слыша о жалких и холодных развлечениях многих лондонцев:

“Имя Лондона сейчас как далекого, так и близкого
Вселяет страх во все города и деревни.
А прослыть лондонцем еще хуже,
чем тем, кто разрушает дом или крадет кошелек ...
В то время как haу-соск питаются жесткой стройной пищей,
им рады, как собакам в церкви.
Вот почему закоренелые хамы, бесчеловечные глыбы,
Безжалостные псы с сердцами, твердыми как камень,
Терпели, когда люди тонули в поле,
А не давали или продавали глоток выпивки.
Доярки и жены фермеров становятся такими милыми,
Что считают горожанина василиском,
А деревенские дамы становятся такими застенчивыми и бойкими,
что избегают его, как василиска”.

Тейлор приводит различные примеры в прозе:

“Человек, больной лихорадкой, лежащий на земле в Мейденхеде в Беркшире, с сильным приступом, был заброшен камнями двумя жителями тауна (которых я мог бы назвать), и когда они не смогли заставить его подняться, один из них взял молоток, или длинный багор, и зацепил больного за штаны, оттянув его назад, так что он упал лицом на землю, затащив его так под мост в сухое место, где он лежал, пока не прошел припадок, и, потеряв новую шляпу, пошел своей дорогой.

Одного из жителей Ричмонда ночью обнажили его собственные жена и сын и бросили в Темзу, где на следующий день был найден труп. Деревня Гендон отличилась тем, что оказала помощь больным, похоронила мертвых и собрала по меньшей мере восемь фунтов (поскольку это была всего лишь небольшая деревня) для бедняков Сент-Эндрюса, Холборн, помимо того, что

выделила хорошую еженедельную зарплату двум мужчинам на посещение и погребение умерших. Деревня Тоттенхэм, по-видимому, была столь же гостеприимной; но поскольку она находилась по дороге в Теобальдс и там проживали некоторые из слуг его величества, Тайный совет 19 июля направил письмо судьям Миддлсекса с приказом жителям Тоттенхэма, которые приняли в своих домах “множество обитателей”, удалить вновь прибывших и не принимать никого в будущем[1019]. Хотя короля не было в Ричмонде, все же, поскольку там находилась королевская резиденция, жители пытались прогнать горожан на основании ордера, запрещающего им приближаться к любому из домов его величества[1020]. В Вудстоке, где в августе заседал Суд, никому не разрешалось выезжать оттуда в Лондон и никому не разрешалось приезжать туда, а для нарушителей у ворот Суда была установлена виселица[1021]. Едва ли было возможно пронести письмо контрабандой в Лондон[1022]; в провинции “никто не входит в город без билета, но свободных мест мало”. В Саутгемптоне 27 августа в поле умер незнакомец: “Он приехал из Лондона. У него был при себе хороший запас денег, который забрали до того, как он простудился[1023].” Доктор Донн, настоятель собора Святого Павла, подтверждает эти переживания в письме от 25 ноября из Челси[1024]:

“Горожане бежали прочь, как из охваченного пожаром дома, и набивали карманы лучшими вещами, и бросались на проезжие дороги, и их принимали не так часто, как в амбарах, и так они погибли: у некоторых из них было при себе больше денег, чем хватило бы на покупку деревни, где они умерли. Мировой судья рассказал мне об одном человеке, который умер таким образом, имея при себе 1400 фунтов стерлингов”.

Меддус, настоятель церкви Святого Гавриила, услышал об одном печальном случае с жителем Лиденхолл-стрит, который переехал в деревню со своей семьей детьми, “но, похоронив там всех, снова приехал сюда” в июле[1025]. В октябре люди начали возвращаться, хотя заражение отнюдь не закончилось; Сальветти, который сам находился недалеко от Хантингдона, говорит, что многие из возвращающихся ремесленников подхватили инфекцию в городе, что достаточно вероятно, поскольку это произошло также в 1665 году. 15 октября корреспондент Mead's написал, что, проезжая по Лондону, он обнаружил, что улицы полны людей, а шоссе - пассажиров, конных и пеших. 24 октября мы слышим о большом бедствии среди торговцев, ремесленников и фермеров по всему Лондону и о недовольстве принудительным займом[1026]; хотя сам Двор во время чумы был в таком же отчаянном положении из-за нехватки денег, в каком мог бы оказаться любой частный дом. 22 ноября лорд-мэр и олдермены написали Тайному совету, что высокая смертность, хотя и унесла много бедных людей, все же привела к еще большей бедности из-за разложения торговцев, а нужда и нищета по-прежнему очень велики[1027]. Тем не менее, воздействие этой великой эпидемии на Лондон, уносящей около пятидесяти тысяч человек в год, или более пятой части населения, должно было заключаться, как и воздействие всех других великих эпидемий в Лондоне, в том, чтобы сократить границы бедности и разбитых состояний и повысить общий средний уровень благосостояния тех, кто остался. Торговля возобновилась бы; но затопленные десятилетия, или шестые, или четвертые, или какая бы доля их ни была, были потоплены навсегда.

Лондон вскоре заполнил пробелы, образовавшиеся из-за чумы, несомненно, свежей кровью из деревни. В 1627 году число крестин снова составило 8408, тогда как за год до чумы их было максимум 8299. В 1629 году их количество фактически превысило количество захоронений более чем на тысячу (от 9 901 до 8 771), и продолжало оставаться незначительным до следующей чумы 1636 года.

Чума 1625 года близ Лондона.

В непосредственной близости от столицы, в приходах на мелу Кентиш под Лондоном, таких как Дептфорд, Гринвич, Люишем, Элтем и Бромли, в 1625 году было больше случаев чумы, чем в 1603 году. В Кенсингтоне, по какой-то неизвестной причине, в реестре зарегистрировано 80 смертей от всех причин, по сравнению с 32 в 1603 году и 62 (из 25 случаев чумы) в 1665 году. В группе приходов Мидлсекса, таких как Энфилд, Эдмонтон и Финчли, было зафиксировано большое количество смертей, но несколько меньше, чем в 1603 и 1665 годах, и то же самое относится к Хакни и Сток-Ньюингтону, Ислингтону и Хэмпстеду. Были заражены места вверх по Темзе на всем пути от Баттерси до Виндзора, включая Уондсворт, Патни, Айлворт, Ричмонд, Кингстон и Хэмптон-Корт. Итон “посещали”; даже в изолированной деревне Сток-Погис дома были закрыты “из-за заразы”, и для их обедневших обитателей собирали пожертвования. Среди городов Хартфордшира, к которым лондонцы прибегали во времена чумы, известно, что в Уотфорде в 1625 году были случаи смерти от чумы. В Эссексе, Стратфорде, Тоттенхэме, Ромфорде и Баркинге было зафиксировано большое количество смертей от чумы, а в Суррее - Кройдоне и Стритеме. В Каршалтоне, как ни странно, самая высокая смертность была годом позже (1626) “не от чумы, а от болезни, несколько сродни ей^[1028]”.

Чума в провинциях в 1625 году и последующие годы.

Сальветти и другие сплетники того времени утверждают, что инфекция от чумы в 1625 году была разнесена по всей стране из Лондона бежавшими гражданами, и что лишь немногие места остались свободными от нее, точно так же, как впоследствии говорили о чуме 1665 года. Насколько показывают записи, нет оснований делать вывод о большом распространении чумы в провинции ни в 1625, ни в 1665 году. Чума свирепствовала в Плимуте и в юго-западных графствах, как мы увидим, при совершенно особых обстоятельствах. Была чума также в Норвиче, которую, как говорили, занесли из Ярмута, и в Колчестере годом позже. Кроме того, в Ньюкасле, который едва ли избежал заражения, когда оно было в разгаре, произошло одно из его незначительных посещений. Но, в целом, с помощью местных свидетельств невозможно показать, что чума 1625 года распространилась повсеместно по Англии ни в том, ни в следующем году, или что она переросла в крупную эпидемию лишь в нескольких провинциальных центрах^[1029]. Вероятно, все случаи смерти от чумы в провинциях вместе взятых в 1625 и 1626 годах не составили бы и пятой части смертности в Лондоне.

Центры интереса к чуме в Плимуте, с которыми связаны вспышки в Эшбертоне, Эксетере, Дартмуте, Бридпорте и, возможно, Портсмуте, Рае и других местах, могут быть связаны если не причинно, то по соседству. Первое, что мы слышим о болезни в Плимуте, датировано 26 июля 1625 года; некоторые из прибывших туда кораблей были поражены болезнью, и больных высадили на берег и разместили под парусами^[1030]. Это не называется “болезнью”, и неясно, была ли это бубонная чума. Возможно, на борту военных кораблей действительно была настоящая чума: Стоу говорит, что она была на флоте в 1603 году, и время от времени есть свидетельства ее существования на венецианских галерах более ранних времен. Но сейчас мы подошли к периоду зарождения корабельной лихорадки, как мы увидим в следующей главе; и в

настоящее время мы не должны предполагать, что болезнь на борту корабля в 1625 году была полностью или преимущественно чумой.

Корабли в Плимуте в июле, несомненно, были частью эскадры из девяти кораблей, которая отплыла оттуда осенью с десятью тысячами человек на борту, чтобы начать войну с Испанией в соответствии с антикатолической политикой, которая была навязана Якову I в последние годы его правления, а теперь проводилась Карлом I. и Бекингемом. Это был не первый плод такой политики. Непосредственным результатом ее стал ввод английских войск Мансфельдом для возвращения Пфальца под власть протестантов. Эта экспедиция, не сумевшая высадиться, была быстро разбита болезнью, и не прошло и нескольких дней, как она находилась на берегу в Голландии, как хоронила по 40-50 человек в день. Восемь месяцев спустя флот пережил аналогичный опыт. Корабли были снабжены гнилой пищей, а людей снабдили никчемной одеждой. Поскольку факты так и не были расследованы, поскольку король вмешался, чтобы защитить герцога Бекингема от нападения на него сэра Джона Элиота, казнокрадство и подкуп так и не были доказаны, хотя всем было известно, что честность - последнее качество, которого следует ожидать от тех, кто окружает короля и фаворита. Флот достиг Кадисского залива и провел там бесполезную демонстрацию. В ноябре месяце мы начинаем слышать о болезнях. 9-го виконт Уимблдон пишет с борта "Королевы Анны" секретарю Конвею, что на вахте недостаточно людей из-за болезни. 22 декабря комиссары в Плимуте пишут Совету, что туда прибыло около тридцати кораблей с 4000 солдатами "в таком плачевном состоянии, что по большей части они не способны пользоваться теми удобствами, которые могла бы им предоставить страна". Капитан Боллз, который умер после их прибытия, заявил, что причиной его болезни была нехватка провизии. Огромное количество солдат постоянно выбрасывается за борт. Вчера семеро упали на улицах. Остальные слабы и нуждаются в одежде, для снабжения которой потребовалось несколько тысяч фунтов. В депеше от 29 декабря говорится: "Они воняют по дороге, а бедные лохмотья, которые у них есть, прогнили и готовы отвалиться, если к ним прикоснуться"[1031].

Пока нет никаких сведений о чуме; с другой стороны, существует большая вероятность того, что болезнь была вызвана корабельной лихорадкой или тифом. О чуме в Плимуте упоминают только весной 1626 года. 18 марта заболеваемость в Плимуте возрастает, и чума становится поразительно распространенной. 28 марта чума распространяется по городу. 5 апреля заболеваемость резко возрастает. 11-го числа на прошлой неделе умерло 40 человек, и двадцать домов закрыты; некоторые больные умерли и были похоронены менее чем за двадцать четыре часа. 8 июня в Плимуте свирепствует чума, и город лишается своих лучших жителей. Записи городского совета свидетельствуют о том, что взималась определенная плата за помощь пострадавшим от чумы, а также о попытках еще в 1628 году взыскать свою долю с тех, кто бежал из города в 1626 году. В рукописной книге муниципальных анналов указано, что в Плимуте погибло 2000 человек[1032].

Тем временем чума появилась и в других частях Девоншира. В Эксетере болезнь распространилась раньше, чем в самом Плимуте; в письме от 17 ноября 1625 года говорится о тяжелом состоянии города и о еженедельных пожертвованиях для пострадавших от чумы. Некоторые подробности о состоянии Эксетера в то время приведены в памятном письме Тайному совету от мэра и судебных приставов города, датированном 15 октября 1627 года. Во время великой болезни, которая обрушилась на их город и не была очищена в течение шестнадцати месяцев, вся торговля была остановлена, и жители, как правило, покинули город.

Чтобы утихомирить бунт наиболее неупорядоченных людей, которые угрожали сжечь город, для города была установлена общая ставка, но поскольку большинство жителей отсутствовали, корпорация взяла эту сумму под проценты в свой собственный кредит. Лица, чьи имена указаны, будучи жителями, вернувшись в город, теперь отказываются платить плату, установленную в их отсутствие; и Совету предлагается вызвать их к себе[1033].

Сообщается, что 17 мая 1626 года чума была широко распространена “в Девоншире”, и, в частности, 28 июля в Окхэмптоне и Эшбертоне. Эпидемия в Эшбертоне была такого же серьезного масштаба, как и в Плимуте. Она началась в конце 1625 года, но наиболее смертоносной была в апреле и мае 1626 года. Смертей за год было 365, “вероятно, четвертая часть жителей[1034]”. (В 1627 году было всего 27 смертей, несомненно, из-за того, что город был пуст.) Тем же летом о нем услышали в Дорсетшире. 2 сентября заместители лейтенантов и судьи графства обратились в Тайный совет с петицией о том, чтобы 1000 солдат, которые должны были быть выведены из Девона и Корнуолла, были расквартированы не в Дорсете, а в Сомерсете, поскольку первый был поражен чумой[1035]. Возможно, упомянутым центром распространения чумы был Бридпорт. Некоторое время спустя в том же году, возможно, в ноябре, судебные приставы и горожане этого города объясняют Совету, что, хотя они подписались на заем, все же они не смогли выплатить указанную сумму, поскольку город был разорен из-за двадцатинедельной эпидемии чумы[1036].

Последняя из этой серии вспышек на юго-западе, по-видимому, произошла в Дартмуте летом 1627 года. 29 июня поступило сообщение, что чума была там настолько сильной, что жители уехали. 19 июля мэр написал Тайному совету, что жители все еще в отъезде, но чума прекратилась; заражено было только 15 домов, все обитатели которых были переселены в чумные дома, расположенные вдали от города[1037].

Дальше на восток, на побережье Ла-Манша, Портсмут накануне, 28 сентября 1625 года, посетила эпидемия чумы, возможно, в связи с флотом Кадиса; мэр и судебные приставы, срок полномочий которых истек в конце года, отказались предпринять шаги по отсечению зараженных[1038]. 27 августа в Саутгемптоне был заражен только один дом. Сообщается также о заражении во Ржи в 1625 году и в Кентербери, где знаменитый композитор Орландо Гиббонс умер в начале июня 1625 года, “не без подозрения на болезнь”, как говорит Чемберлен, но, по словам Энтони Вуда, от оспы. Король и королева поселились в Кентербери 14 июня, но 23 июля этого места пришлось избегать “из-за сильной инфекции”.

Из Оксфорда, где парламент заседал 1 августа, вице-канцлер написал 27 июля, что сэр Джон Хасси приехал туда зараженным из Лондона и умер, что доктор Чалонер, находившийся в том же доме, с тех пор мертв, что инфекция распространилась по другим частям Оксфорда и что Колледж Всех душ закрыт. В январе 1626 года он немного оживился, что привело к отмене упражнений и проповедей в церкви Святой Марии[1039]. Энтони Вуд дает почти тот же отчет, что и в 1603 году, и винит в этом значительное увеличение числа “коттеджей”, возведенных горожанами, к которым привлекались ученые.

Кембридж оставался свободным в 1625 году; но 3 октября в Трампингтоне сообщается о трех смертях — некоего Пека, его жены и горничной. В тот же день в Ройстоне были закрыты три дома, а зараженных “перевели в поля[1040]”.

Вспышка в Норвиче была одной из самых серьезных[1041]. Говорили, что он был привезен в конце июня 1625 года из Ярмута, где о нем ничего не сохранилось. Королевским приказом мэру были проведены масштабные чистки и т.д., Но число смертей от чумы увеличилось с 26 за неделю в июле до 40 в сентябре, достигнув максимума в 73 случая от чумы за неделю, не считая 18 случаев от других причин. 27 августа Мид, кембриджский преподаватель, пишет, что он встретился с норвичским перевозчиком, который сказал ему, что количество захоронений там за последнюю неделю составило 77, из них от чумы 67, а за неделю до этого - только 14. Инфекция продолжалась до декабря следующего года (1626), общее число умерших от чумы составило 1431 человек. Мэр и олдермены Норвича в письме Тайному совету от 30 января 1627 года использовали чуму в качестве предлога для того, чтобы не выделять средства на судостроительство для королевской службы; город пострадал от наводнений и чумы, "многие сотни домов" стояли пустыми. По-видимому, в конце 1625 года в Линне была какая-то чума, постановление Тайного совета от января 1626 года разрешало проводить там ярмарку, поскольку болезнь прекратилась.

В апреле 1627 года судебные приставы и олдермены Колчестера предлагают то же оправдание, что и Норвич; они не могут отправить ни одного корабля в соответствии с указаниями из-за сильного поражения их города чумой, упадка их торговли новыми тканями и сукном и потери их кораблей в море.

Лестершир, по-видимому, также посетил еще один раз в 1626 году. 28 июля сбор в этом графстве был отложен из-за того, что город шир и девять или десять других городов были поражены чумой. Об этом нет никаких упоминаний в превосходной "Истории графства" Николса. Известно, что в Лестере, как и в Бристоле и других местах, летом 1625 года был введен карантин против лондонцев. Вполне вероятно, что чума была также в Уорикшире в 1626 году[1042].

Среди других вспышек в 1625 году была одна в Ньюкасле, но она не идет ни в какое сравнение по масштабам с некоторыми более ранними и поздними эпидемиями там. 10 сентября лорд Клиффорд пишет из замка Эпплби секретарю Конвею, что Ньюкасл настолько заражен чумой, настолько плохо укреплен и с плохими соседями, что 500 человек могли бы разоружить его. В его родном графстве Камберленд в доме лорда Уильяма Говарда случилась эпидемия чумы. Супруга сэра Фрэнсиса Ховарда заразилась от нового платья, которое она привезла из Лондона, так что она умерла в тот же день, когда взяла его; все они рассеяны самым жалким образом, с величайшим ужасом в мире. Чешир также перенес инфекцию в 1625 году[1043].

После четкого интервала в два-три года история чумы снова начинается в Лондоне и в провинциях. Лондонская чума 1630 года была небольшим событием (1317 смертей), в остальном город был настолько здоровым, что количество крестин превысило общее количество похорон (с 9315 до 9237). В 1630 году, одновременно с небольшой вспышкой в Лондоне, в Кембридже произошло то, что, по-видимому, было самой серьезной чумой, но в худшем случае было очень незначительной. Это началось примерно 28 февраля, привело к распаду колледжей и переносу судебных заседаний в середине лета в Ройстон, и с начала до конца привело к 214 смертям, известным или предполагаемым от чумы[1044].

Наряду с этим было много случаев в Ваймондхэме (Виндхэм) и несколько отдельных случаев в Норвиче и Колчестере, продолжавшихся до 1631 года, около 20 или 30 человек умерли в Норвиче от чумы в последний год[1045]. Другой центр в 1630 году находился на северо-западе.

В Шрусбери, городе старого света, который редко покидали, была локализована эпидемия в приходе Святого Чада. Это началось 24 мая во Франквелле, но было ограничено этой улицей, поскольку жители были отрезаны от остальной части города, а зараженных вывезли в чумные дома в Кингсленде[1046]. Это продолжалось в Шрусбери до 1631 года, и, как слышно, также в Престоне, Рексхэме и Манчестере, в соседних местах были сделаны сборы для зараженных[1047]. Но единственная крупная вспышка тех лет обрушилась на город Лаут в Линкольншире, о котором известно лишь, что чума с апреля по конец ноября 1631 года унесла жизни 754 человек, из которых почти 500 в июле и августе[1048].

После четырехлетней ясности в Лондоне и во всех частях Англии (лет, занятых растущей ссорой между королем и парламентом) чума снова вспыхнула недалеко от Лаута, где мы видели ее в последний раз, а именно в Халле. Полтора столетия прошло с тех пор, как Халл в последний раз был сильно опустошен чумой, год за годом, с 1472 по 1478 год. Тогда это был средневековый город с цепью, протянутой через устье ручья Хамбер, окруженный великолепными аббатствами и обязанный своим значением торговле запасами рыбы из Исландии и Северного моря. Во времена Тюдоров около Блэкфрайарз-Гейт в 1576 году произошла небольшая эпидемия, в результате которой погибло около сотни человек. Точная дата вспышки в 1635 году не указана; но, как и в 15 веке, особенностью Халла среди провинциальных городов было то, что он сохранял инфекцию в течение нескольких лет, вплоть до июня 1638 года. Бизнес был парализован, школы закрыты, и город покинули более состоятельные слои населения. Количество смертей от чумы от начала до конца составляет 2730, не считая тех, которые произошли во время бегства в другие места. Говорят, что более 2500 человек, оказавшихся в легких обстоятельствах, были вынуждены обратиться за помощью, чему способствовало графство Йорк[1049]. В 1643 году Халл выдержал осаду, но больше нет упоминаний о чуме; не пострадал город и в 1665 году.

1635 год, когда началась халльская чума, в то время, когда инфекция была абсолютно спокойной в столице, ознаменовался также началом вспышки в Сэндвиче с сопутствующими случаями в Кентербери и началом в Ярмуте, Линне и Норвиче[1050], во всех этих местах инфекции сохранялись на низком эндемическом уровне в течение года или более. Даты важны только как свидетельство того, что эти провинциальные инфекции начали распространяться за несколько месяцев до того, как острая вспышка в Лондоне поздней осенью 1636 года дала о себе знать. В Сэндвиче 12 марта 1637 года было “посещено” 78 домов и инфицировано 188 человек; 30 июня закрылись 24 дома, в которых проживало 103 человека, некоторые из них жили в палатках; с 6 июля по 5 октября в приходе Святого Климента каждую неделю хоронили около десяти человек от чумы. Были понесены значительные расходы (более 40 фунтов стерлингов в неделю), в которые внесли свой вклад графство Кент и другие порты Чинкве[1051].

Помимо этих затяжных эндемиков в Кенте и Норфолке, великие эпидемии чумы 1636 года были в Ньюкасле и Лондоне. Эпидемия в Ньюкасле была как более ранней, так и относительно более серьезной, чем в столице. Для города с населением около 20 000 человек следующие еженедельные данные[1052] указывают на чуму первой степени, сопоставимую с показателями смертности в Лондоне в 1625 и 1665 годах:

Умер от чумы в Ньюкасле, на территории либерти, с 7 мая по 31 декабря 1636 года:

Недели, закончившейся		чума смертей
мая	14	59
	21	55
	28	99
июне	4	122
	11	99
	18	162
июля	25	133
	2	172
	9	184
августа.	16	212
	23	270
	30	366
сентября.	7	337
	14	422
	21	346
октября.	28	246
	4	520
	11	325
до конца декабря.		908
Итого по 31 декабря.		5027

Кроме того, в Гартсайте, с 30 мая по 17 октября, 515, что составляет в общей сложности 5542.

Говорят, что это грандиозное посещение Тайнсайда началось в октябре 1635 года в Норт-Шилдсе, где инфекция отдыхала во время зимних холодов, чтобы весной снова начаться в Ньюкасле. В разгар эпидемии летом и осенью вся торговля была приостановлена, ни на улицах, ни на соседних магистралях никого не было. Средствами, которые пытались остановить распространение инфекции, были окуривания смолой, канифолью и ладаном. Ньюкасл, как мы увидим, еще раз побывала чума в 1644 и 1645 годах, во время и после осады шотландской пресвитерианской армией; но в 1665 году, как говорят, она уцелела, хотя Дефо говорит, что инфекцию занесли угольщики, возвращавшиеся с Темзы.

Лондонская чума 1636 года.

Лондонская чума 1636 года была для столицы чумой второй степени и в остальном отличалась тем, что случилась в осенний сезон несколько позже, чем обычно,. Следующая таблица

еженедельных показателей смертности показывает, как она увеличивалась, достигала максимума и снижалась.

		В крещении	погребен ы во всех	похорони ли из чума
декабря.	24	231	170	0
	31	195	174	0
1636				
января.	7	217	189	0
	14	242	174	0
	21	220	190	0
	28	214	171	0
февраля.	4	227	183	0
	11	234	160	0
	18	207	203	0
	25	198	238	0
марта.	3	221	198	0
	10	231	194	0
	17	244	187	0
	24	215	177	0
	31	193	196	0
годовых.	7	202	199	2
	14	221	205	4
	21	202	205	7
	28	271	210	4
Мая	5	197	206	4
	12	199	254	41
	19	171	244	22
	26	160	263	38
Июне	2	189	276	51
	9	153	275	64
	16	145	325	86
	23	149	257	65
	30	141	273	82
июля	7	152	265	64
	14	142	298	86

	21	146	350	108
	28	183	365	136
августа.	4	152	394	181
	11	166	465	244
	18	167	546	284
	25	161	690	380
сентября.	1	163	835	536
	8	153	921	567
	15	166	1106	728
	22	172	1018	645
	29	168	1211	796
октября.	6	170	1195	790
	13	164	1117	682
	20	174	855	476
	27	133	779	404
ноября.	3	153	1156	755
	10	164	966	635
	17	143	827	512
	24	162	747	408
декабря.	1	168	550	290
	8	175	335	143
	15	134	324	79
		9,522	23,359	10,400

Приходы, пострадавшие в основном, были такими же, как в 1625 и 1603 годах. Степни все еще отсутствует в общем законопроекте; но после 1636 года он был включен в него вместе с Ньюингтоном, Ламбетом, Вестминстером, Ислингтоном и Хакни. Эти упущенные приходы, несомненно, внесли большой вклад, в частности в Степни, так что общее число умерших от чумы пришлось бы увеличить примерно на две тысячи. В следующих приходах было больше всего смертей:

	Общее число смертей	от чумы-смерти
Сент-Джайлс, Крипплгейт	2374	870
Сент-Мэри, Уайтчепел	1766	1060
Сент-Олав, Саутуорк	1537	847
Сент-Ботолф, Олдгейт	1506	735

Сент-Сепулькре, Ньюгейт	1327	566
Сент-Сэвиор, Саутуорк	1269	742
Сент-Ботолф, Бишопсгейт	1239	515
Сент-Джордж, Саутуорк	1044	514
Сент-Эндрюс, Холборн	922	419
Сент-Джайлс в полях	863	428

Как и более масштабные эпидемии 1603 и 1625 годов, эпидемия 1636 года, по-видимому, началась в пригородах[1053]. Тейлор, поэт-водник, перепечатывая свое стихотворение о чуме 1625 года с некоторыми примечаниями за 1636 год, говорит, что из 1076 смертей от чумы с 7 апреля по 28 июля (сумма в годовом отчете достигает 864) только 40 произошли в пределах городских стен, так что общее заражение города, должно быть, последовало за заражением Либерти и внешних приходов. Уже в начале эпидемии, 31 мая, согласно отчету заседаний Миддлсекса, “чума больше всего распространилась в Степни”, поэтому ярмарка зеленых в Стратфорде была запрещена (приход Степни простирается до Шордича)[1054]. От Тейлора мы узнаем, что Грейвсенд и Фавершем подверглись катастрофическим посещениям и что инфекция распространилась во многих других городах и деревнях.

Эпидемия 1636 года была подобна чуме 1625 года тем, что ей предшествовало большое количество случаев сыпного тифа в Лондоне и сопровождалось тем же самым: в “классифицированных причинах смерти”, которые теперь регулярно (с 1629 года) публикуются в печатных ведомостях Приходского клерк-холла, 2360 смертей были отнесены к лихорадке в год чумы. Письма и государственные бумаги того времени свидетельствуют об обычном исходе из Города, передвижениях Двора и личных происшествиях, которые больше не представляют интереса после образцов, приведенных для 1625 года. Сохранился один инцидент, относящийся к худшей неделе чумы в Лондоне в 1636 году: 5 октября одиннадцать человек были отправлены в Ньюгейт за то, что отправились с неким Сэмюэлем Андерхиллом, трубачом, который умер от чумы, к его могиле с трубами и обнаженными мечами в ночное время в Шордиче[1055]. Эта профессия до сих пор не фигурирует в эпидемиологических публикациях; но Коллегией врачей были составлены некоторые “необходимые указания”, по существу совпадающие с некоторыми статутами, изданными в связи с тревогой о чуме в 1630 году[1056].

В следующем, 1637 году, чума продолжилась в Лондоне, унося 3082 смерти из общего числа 11 763 зарегистрированных в стране. В 1638 году было зарегистрировано всего 363 случая смерти от чумы, но общая смертность составила 13 624 человека, или почти на 2000 больше, чем в предыдущем году, когда одна только чума унесла свои 3000 жизней. Какие эпидемические виды заболеваний вызвали высокую смертность в 1638 году?

Лихорадка в Лондоне.

Не должно было возникнуть никаких трудностей с ответом на этот вопрос. Причины смерти в метрополии были указаны в книгах, хранящихся в Приходском клерк-холле с 1604 года, и были напечатаны с 1629 года. Печатная серия находилась в руках Граунта с 1629 года до даты его

написания, января 1662 года; и он суммировал смерти по каждой главе от болезней и несчастных случаев с 1629 по 1636 год включительно и снова с 1647 по 1661 год; но десять лет с 1637 по 1646 год включительно он опустил, поскольку они не представляли ничего важного и “не соответствовали вместимости” его листа бумаги[1057]. Все оригиналы документов до 1658 года, по-видимому, были утеряны во время пожара 1666 года, так что упущение Граунта теперь не может быть исправлено. Можно было бы пожелать, чтобы достойный гражданин не затруднялся с размером своего документа. Пропущенные годы - это не только годы великой политической революции, которая, возможно, оказала влияние на общественное здравоохранение, но они представляют особый интерес для начала того великого периода лихорадки и оспы в Лондоне, который продолжался на протяжении всего 18 века.

Следующий раздел о смертности в Лондоне, вплоть до конца нашего текущего периода, покажет, ссылаясь на общее количество смертей, насколько важны пропущенные годы для эпидемиологической истории.

Год	чумы,	лихорадки,	оспы	общая смертность
1629	0	956	72	8771
1630	1317	1091	40	10554
31	274	1115	58	8562
32	8	1108	531	9535
33	0	953	72	8393
34	1	1279	1354	10400
35	0	1622	293	10651
36	10400	2360	127	23359
37	3082	—	—	11763
38	363	—	—	13624
39	314	—	—	9862
1640	1450	—	—	12771
41	1375	—	—	13142
42	1274	—	—	13273
43	996	—	—	13212
44	1492	—	—	10933
45	1871	—	—	11479
46	2365	—	—	12780
47	3597	1260	139	14059
48	611	884	401	9894
49	67	751	1190	10566

1650	15	970	184	8754
51	23	1038	525	10827
52	16	1212	1279	12569
53	6	282	139	10087
54	16	1371	832	13247
55	9	689	1294	11357
56	6	875	823	13921
57	4	999	835	12434
58	14	1800	409	14993
59	36	2303	1523	14756
1660	13	2148	354	12681
61	20	3490	1246	16665
62	12	2601	768	13664
63	9	2107	411	12741
64	5	2258	1233	15453
65	68596	5257	655	97306
1666	1998	741	38	12738

1638 год и четыре последовательных 1640-43 года характеризуются исключительной смертностью, которую ни в коем случае нельзя объяснить одной только чумой. В один из тех лет, 1641, мы знаем, что осенью наряду с чумой была широко распространена оспа; в третью неделю августа было зарегистрировано 118 смертей от оспы (133 от чумы), а во вторую неделю сентября 101 от оспы (185 от чумы), причем чума продолжалась с еще более высокими показателями в течение всего сентября и октября, в то время как оспа перестала упоминаться в письмах того времени[1058]. Согласно более раннему и более позднему опыту, за эпидемией оспы должен был последовать спокойный период этой болезни; так что высокая смертность, превышающая ту, которую могла бы объяснить чума, была бы вызвана каким-то другим типом эпидемии. Нет никаких сомнений в том, что это была лихорадка, о которой меньше всего писали в письмах светских людей, потому что она устойчиво распространялась из года в год и поражала многолюдные кварталы бедноты.

Примерно с этого периода мы начинаем обнаруживать, что лихорадка, или сыпной тиф, занимает то место в истории медицины Англии, которое она продолжала занимать до нашего поколения. То, что осталось от истории чумы до ее исчезновения в 1665-1666 годах, настолько тесно переплетено с историей злокачественной лихорадки, что будет удобнее рассматривать последнюю рядом с ней, а не в отдельной главе.

Первым медицинским эссе о злокачественной лихорадке, получившей название тиф в начале 19 века, было сочинение врача сэра Эдварда Гривза, опубликованное в Оксфорде в 1643 году в связи с болезнью в этом городе, когда там находились король и армия роялистов, и с болезнью в парламентской армии графа Эссекса, которая находилась в Рединге. Гривз описывает

безошибочные признаки пятнистой лихорадки или тифа и называет ее в своем названии "*Morbus Epidemicus Anni 1643*, или Новая болезнь". В своем тексте он говорит об "этом, так часто называемом Новом заболевании". Название "Новая болезнь" использовалось также для обозначения гриппа; но не может быть сомнений в том, что тиф действительно стал обычным явлением в Англии во время гражданских войн между роялистами и парламентариями, которые были первыми и также единственными осадами и кампаниями на английской земле, которые действительно затронули жизнь нации.

Европейский континент был знаком с одним и тем же типом лихорадки с начала 16 века, то в Италии, то в Испании, то в Нидерландах, или в Венгрии, или в Германии во время Тридцатилетней войны. Гривзу, нашему первому автору, писавшему об эпидемическом тифе, на целое столетие предшествовал Фракастори, чье описание лихорадки в Вероне в 1505 году, возможно, является первым отчетом об эпидемической болезни, свободным от подчинения древним или средневековым авторитетам и основанным на прямых наблюдениях, сделанных в современной Европе. В то же время сыпной тиф или пятнистая лихорадка не были чем-то новым для Англии в 1643 году. Всегда возникает трудность, следует ли называть некоторые эпидемии лихорадки гриппом или тифом; но лихорадка Черных присяжных, так же как и постоянная "болезнь дома", несомненно, была тифом, и такой же, вероятно, была "новая болезнь" 1612 года.

История лихорадки в Англии частично прослежена в главе о тюремных лихорадках в тюдоровский период и о сменяющих друг друга "горячих лихорадках", "новой болезни", "странных лихорадках" или инфлюэнцах 1540, 1557-8 и 1580 годов. В гораздо более ранний период были описаны лихорадки того же типа (с дизентерией, лиентерией и чумной ангиной), со всеми возможными подробностями, в связи с периодическими голодоморами, особенно после Завоевания. Но сейчас мы подошли к тому периоду в истории, когда в стране появились тифозные лихорадки, не связанные ни с тюрьмами, ни с голодом. Мы действительно вступаем в новую эру эпидемий, которая проявилась более отчетливо после того, как чума была ликвидирована навсегда, но на самом деле происходила одновременно с последней полuveковой эпидемией чумы, как бы готовясь прийти на смену долгому господству этой инфекции. Можно признать, что гражданские войны дали импульс новым видам болезней, но не войны их породили и никоим образом не способствовали их утверждению в качестве преобладающих форм эпидемических заболеваний на протяжении почти двух столетий. Что бы ни было в состоянии Англии, благоприятствовавшем распространению лихорадок, инфлюэнц и оспы, этот фактор начал давать о себе знать вскоре после окончания периода Тюдоров: он продолжал действовать во время всех политических изменений Реставрации, революции и правления Джорджии; и если условия в конце концов изменились, в основном к лучшему для взрослого населения и к лучшему даже для младенчества, то за этим последовал "*новый период лихорадки*" нашего времени, соответствующий его собственному состоянию общества, как это было в старые времена. отряд перед ним. Этой темой действительно должен начинаться новый том; но поскольку период чумы на полвека перекрывает следующий за ним период лихорадки, и поскольку необходимо соблюдать хронологию, остается вставить в это место некоторые факты о лихорадках.

Обзор лихорадки в Англии до 1643 года.

О распространенности злокачественных лихорадок в Англии в первые годы 17 века мы имеем лишь случайные сведения. Так, в Лондоне в ноябре 1612 года произошло несколько смертей выдающихся личностей. Принц Генрих, старший сын Якова I., умер от лихорадки в течение того же месяца, и Чемберлен так упоминает эту болезнь в одном из своих писем Карлтону, написанном 12 ноября из Лондона:

“Истинно считается, что болезнь была не чем иным, как обычной лихорадкой, которая царила и свирепствовала почти по всей Англии с конца лета, которая, как показывают наблюдения, должна протекать обычным образом, и чем меньше лекарств, тем лучше, но только потливость и упорядоченный образ жизни и управления. Крайняя стадия болезни, казалось, была у него в голове [верный признак тифа], в качестве средства от которого его побрили и прикладывали теплых петухов и только что убитых голубей, но безуспешно”.

Сэра Теодора Майерна, королевского врача (которого изгнала из Парижа нетерпимость галенистов к тем, кто использовал сурьму и другие парацельсианские средства), часто обвиняли в том, что он очистил пациента, вместо того чтобы пустить ему кровь.

Продолжая писать 19 ноября, Чемберлен пишет: “В пятницу сэра Гарри Роу, наш олдермен, и в то же утро сэра Джордж Кэри, магистр приходов, умер от этой новой болезни”. Заявление Чемберлена о том, что эпидемическая лихорадка, которую он называет “обычной лихорадкой”, свирепствовала по всей Англии с конца лета 1612 года, подтверждается выписками Шорта из приходских реестров за тот год, в то время как следующий, 1613 год, выделяется как еще более опасный для здоровья. Следующий нездоровый год в таблицах Шорта - 1616-й; и об этом болезненном времени у нас есть одна замечательная личная иллюстрация. Шекспир умер 23 апреля в Стратфорде-на-Эйвоне после трехдневной болезни от лихорадки (но, возможно, от простуды), когда ему только что исполнилось 52 года. Насколько известно, у него не было ухудшения здоровья. Странное совпадение, что он составил свое завещание 25 марта, накануне, в первый день года по старому стилю; но обычная фраза “в совершенном здравии и твердой памяти (хвала Господу!)”, возможно, была бы немного изменена, если бы болезнь подкрадывалась к нему. Итак, 1616 год - самый нездоровый в таблицах Шорта с начала века; приходские книги больше не свидетельствуют о таком количестве заболеваний до 1623 года, который, как мы видели, был годом тифа. Зима 1615-16 годов была совершенно исключительной: с ноября по февраль преобладали теплые и бурные юго-западные ветры; 8 февраля в Даунсе находились ост-индцы, которые стояли там на якоре в течение десяти недель, ожидая смены ветра, чтобы увести их вниз по Ла-Маншу. Теплые ветры принесли “вечную дождливую погоду, грязные дороги и сильные наводнения”, а также принесли раннюю весну. В последнюю неделю января архиепископ обнаружил гнездо молодых черных дроздов в своем саду в Ламбете, и примерно через четыре дня ему прислали “еще одно гнездо из Кройдона”. Это было, как говорится, то Рождество, от которого тучнеет церковное кладбище; но невозможно сказать, преобладал ли какой-то один вид болезни, такой как лихорадка, как в предыдущие болезненные годы, 1612-13, и в следующем за 1616 годом, а именно 1623-24. Следующие цифры из таблиц Шорта, по крайней мере, докажут, что смертность была чрезмерной.

В 1616 году двадцать одна приходская книга из восьмидесяти восьми обследованных показала чрезмерную смертность: захоронений было 601, крещений - 417, то есть в 1617 году состояние

здоровья несколько улучшилось. В рыночных городах за те же два года столь же поразительна чрезмерная доля погребений по отношению к крещениям: из шестнадцати изученных городских реестров в 1616 году в десяти было зафиксировано плохое состояние здоровья (714 захоронений на 568 крещений), а в 1617 году в девяти городах было 786 захоронений на 652 крещения. Но ни в городе, ни в деревне 1616-17 годы не выделяются таким нездоровым периодом, как 1623-24 годы. Эти два двухгодичных периода - единственные очень заметные в списке Шорта за первую четверть 17 века, следующим по нездоровости годом идет 1613-й.

Давайте теперь поищем любые причины, такие как нездоровые условия жизни, от которых могли зависеть эти эпидемические лихорадки. Одной из самых известных форм тифа в 18 веке была корабельная лихорадка. Проблема, как уничтожить инфекцию в корпусах транспортов и военных кораблей, занимала внимание ученых, в том числе Стивена Хейлза. Парламент, жаждущий любого средства от столь губительного вредителя, выделил несколько тысяч фунтов проектору, чей метод, когда его испробовали, не привел ни к чему, кроме сожжения трех кораблей у кромки воды. Эта корабельная лихорадка приобрела печальную известность в начале 17 века, а до этого случилась в 1588 году. Если бы военно-морские анналы елизаветинской эпохи в коллекции Хаклуйта были менее поглощены приключениями и доблестными поступками, мы, вероятно, имели бы больше проблесков нездорового состояния вещей на промежуточных палубах. Во всяком случае, нет никаких сомнений в том, что лихорадка поразила судоходство Англии, а также Франции примерно в 1625 году. Условия на борту корабля, конечно, особые; там могла быть корабельная лихорадка, когда не было тюремной лихорадки, лихорадки работного дома или домашнего тифа вообще. Но то, что произошло на борту корабля, не было плохим показателем того, что происходило на берегу. Нация, как на море, так и на суше, расширялась далеко за пределы своих старых средневековых границ, имея очень грубые представления о пространстве для маневра, в котором она нуждалась. Идеи кубического пространства, вентиляции и тому подобного, с которыми мы теперь так хорошо знакомы, тогда еще не существовали. Несколько фактов о доставке, тюрьмах и жилых домах послужат иллюстрацией к этому утверждению.

Флот, который отплыл из Плимута, чтобы начать войну с Испанией осенью 1625 года, состоял из 90 кораблей и вмещал 10 000 человек. Была ли переполненность, зависело, конечно, от размера кораблей; и можно с уверенностью сказать, что самый большой корабль флота не составлял и четвертой части размера транспорта, которому сегодня было бы позволено перевозить пятьсот человек. Экспедиция вернулась через несколько недель, разбитая болезнями и мятежом, точно так же, как и экспедиция Мансфельда на помощь Пфальцу. О плачевном состоянии тридцати кораблей, прибывших в Плимут в ноябре 1625 года, уже упоминалось. В тот же день мы читаем о французских военных кораблях, которые также ежедневно выбрасывали за борт по два-три трупа. Есть несколько более точных данных о французских кораблях в 1627 году, которые будут приведены в следующей главе, что позволит нам оценить масштабы корабельной лихорадки, вызванной условиями транспортной службы в те годы.

Помимо корабельной лихорадки, в период великого сыпного тифа 18 века ее называли тюремной лихорадкой и лихорадкой работного дома. О тюремной лихорадке в эти годы мало что слышно. В марте 1579 года в тюрьме Королевской скамьи в Саутворке было очень тяжело; в петиции от той даты жалуются, что в тюрьме содержалось вдвое больше обычного, что “домашняя болезнь” была распространена повсеместно и что за предыдущие шесть лет от нее

там умерло около сотни человек, еще многие были больны[1059]. “Болезнь дома” - это название, наводящее на мысль о том, что было обычным делом. Эти события тюремной жизни не вызывали особого ажиотажа, если только они не касались здоровья людей, далеких от тюремного сословия, как в трех памятных случаях судебных разбирательств против чернокожих в Кембридже, Оксфорде и Эксетере. Но нет уверенности в том, что даже все такие случаи были зарегистрированы, или что случаи распространения тюремной лихорадки на тех, кто находится на свободе, возможно, не были более частыми, чем кажется. Уитмор в своей книге 1659 года о лихорадках в Лондоне и сельской местности цитирует замечания Бэкона о черных судебных заседаниях тюдоровского периода и добавляет: “и в течение этих восьми или девяти лет подобное происходило в Саутурке, как мне достоверно сообщили”. Это должно было произойти в тюрьме Королевской скамьи примерно в 1650 году, что недалеко от даты, до которой мы довели историю[1060].

Переполненность кораблей и тюрем имела аналог в жилых домах Лондона и других городов, таких как Портсмут. Прокламации против возведения домов на новых участках в радиусе трех миль от городских ворот продолжали издаваться вплоть до времен Кромвеля. Результатом их было просто создание класса бедных многоквартирных домов в странных углах или переполнение существующих домов. Так, от 27 июня 1602 г.: “Городской совет заметил неудобное увеличение количества жилья в Лондоне и его окрестностях за счет строительства в странных углах, в садах и над конюшнями. Они начали сносить по одному то тут, то там, поджигая почти в каждом приходе самых невезучих, что далеко не устраняет беду[1061]”. И снова, 24 февраля 1623 года, некоторым жителям Чансери-лейн на заседаниях Миддлсекского суда были предъявлены обвинения в сдаче жилья в субаренду “из-за большой опасности заражения чумой и другими болезнями[1062]”. И снова, в мае 1637 года, в одном доме было обнаружено одиннадцать супружеских пар и пятнадцать одиноких человек; в другом домовладелец принял восемнадцать жильцов[1063]. Чудовищный налог на окна, который больше, чем что-либо другое, способствовал распространению тифа и увековечению оспы, был введен только после революции; но в Лондоне Стюартов его было достаточно, чтобы объяснить огромный рост этих заболеваний.

У нас уже были свидетельства широкого распространения пятнистой лихорадки в 1624 году, даже в домах богачей. Во время сбора урожая 1625 года Мид из Кембриджа слышал о многих болезнях, которые он называет “лихорадкой”, в Ройстоне и Баркуэе, местностях, никоим образом не подверженных малярии; так много было больных, что люди нуждались в помощи, чтобы собрать урожай с полей. Природа этих “приступов лихорадки” представляет собой вопрос большой сложности. Периоды или ремиссии деревенских лихорадок достаточно ясно описаны Уиллисом и другими, какими бы они ни были; в то же время общие признаки болезни или болезней не похожи на признаки перемежающейся малярийной лихорадки; и термин “грипп” нам не помогает. Чемберлен называет лихорадку 1624 года “пятнистой лихорадкой”, а сэр Теодор Майерн, врач Якова I. В пространном заключении о состоянии здоровья короля и лечении, датированном 20 августа 1624 года, вводит абзац “Ad Febrem Purpuream”, который, по его словам, был распространен в том году, “не столько заразен, сколько распространен из-за универсальной распространяющей причины”, поражая многих в одном доме и уничтожая множество людей, будучи наиболее вредоносным и т.д. Эти различные описания города и деревни указывают на одну из форм тифа; и мы находим, что диагноз подтвердился в отношении деревенских лихорадок, которые снова были широко распространены несколько лет спустя, около 1638 года.

Среди других статистических данных в эссе Граунта 1662 года мы находим цифры из реестра "прихода в Хэмпшире" с 1569 по 1658 год. В тот период было несколько лет чрезмерной смертности, как и в таблицах Шорта, но худшими были 1638 и 1639 годы — годы высокой смертности (не чумы) и в Лондоне. Об этой смертности в хэмпширском приходе Граунт дал краткий отчет, который, по-видимому, основан на информации из первых рук. В приходе проживало около 2700 человек, и в течение 90 лет, охватываемых этими цифрами, у него было в среднем хорошее здоровье, при этом рождаемость превышала смертность в среднем на двенадцать человек в год. В 1638 году смертей было 156, а рождений 66 (примерно в среднем); в 1639 году смертей было 114, а рождений 55. Причиной столь высокой смертности в сельском приходе была, по словам Граунта, не чума, "а злокачественная лихорадка, свирепствовавшая так свирепо во время сбора урожая, что не хватало рабочих рук, чтобы собрать зерно; это доказывает, учитывая, что в приходе было 2700 прихожан, что на одного умершего могло приходиться 7 больных; в то время как от чумы умирает больше, чем выздоравливает. Они лежали больными дольше, чем это обычно бывает при чуме", и не было никаких признаков чумы.

Эта масштабная эпидемия лихорадки, которая, должно быть, затронула несколько сотен человек, произошла в одном из приходов Хэмпшира. В то же самое время года (осень и зима 1638 года) мы слышим о том, что, очевидно, одна и та же болезнь стала эпидемией по всему графству Монмут. 23 апреля 1639 года шериф Монмутшира так объяснил свою задержку с исполнением королевского приказа о взыскании налога: "В январе прошлого года я разослал свои ордера на его сбор и взимание, но по всей этой стране распространилась такая всеобщая болезнь, называемая 'новой болезнью', что они никак не могли быть ускорены.... Кроме того, чума была очень сильной в различных частях графства, таких как Каэрлеон, Абергавенни, Бедвелти и многих других местах[1064]." Здесь шериф использует то же имя, которое Гривз поставил на своем титульном листе пять лет спустя, и он четко проводит различие между лихорадкой и чумой. Мэр и другие жители Нортгемптона, в памятной записке the Recorder от 1 мая 1638 года, касающейся исключения торговцев Нортгемптона из-за подозрений на чуму в их городе, были проинформированы врачами о том, что некоторые случаи были вызваны чумой, а некоторые - "пятнистой лихорадкой"[1065]. Такое же различие было сделано в Норвиче в 1636 году: в октябре было подозрение на чуму, "но врачи говорят, что это какая-то другая заразная болезнь, от которой умирают с пятнами"[1066]. "В Нортгемптоне сосуществование чумы и какой-то другой болезни подтверждается также шерифом (18 сентября 1638 г.), которому, как и многим другим шерифам, пришлось извиняться за то, что он не перечислил деньги за корабль: он сам и его слуги заболели, а чума в Нортгемптоне была такой сильной и продолжительной, что это привело к смерти. округ по-прежнему выделял 148 фунтов стерлингов в неделю на помощь больным. Число смертей в результате этой эпидемии с марта по сентябрь составило 533[1067]. Шериф Монтгомери, оправдываясь подобным образом 25 октября 1638 года, говорит только о чуме: "Богу было угодно, чтобы чума поразила большую часть графства и три величайших города: Мачинлет, Лланидлоус и Ньютон[1068]". Шериф Рэдноршира в своем оправдании перед Тайным советом 14 ноября говорит, что он не смог собрать деньги за корабль в Престейне "из-за чумы, которая продолжалась там два года подряд и не прекращалась до конца апреля прошлого года[1069]." Таким образом, мы можем предположить, что в Уэльсе было много чумы примерно в 1637 и 1638 годах, что также была "новая болезнь", или пятнистая лихорадка, по всему Монмуту и, вероятно, в других графствах Уэльса, что те же две формы чумы были обнаружены в Уэльсе в 1637 и 1638 годах. они сосуществовали в Норвиче и Нортгемптоне точно

так же, как они сосуществовали в Лондоне, и что в приходе Граунта в Хэмпшире в 1638 году, вероятно, была только лихорадка.

Статистические таблицы Шорта снова подтверждают конкретную историю. В 1638 году в девятнадцати сельских приходах из девяноста четырех обследованных было 699 захоронений на 542 крещения, а в 1639 году в восемнадцати приходах было 585 захоронений на 386 крещений. В рыночных городах нездоровый период (который, возможно, был в значительной степени вызван чумой) приходится на год раньше. В 1637 году в десяти городах из двадцати четырех, чьи реестры были суммированы, было зарегистрировано 1474 захоронения на 1008 крещений, тогда как в 1638 году такое же количество нездоровых городов составляло 1438 на 1025.

Это была бы одна из деревенских эпидемий тех лет, которую Богхерст упоминает в своем отчете о лондонской чуме 1665 года: “Пожилая женщина рассказала мне, что в Сомерсетшире пятнистая лихорадка была очень эпидемической, так что умирали целые семьи; но когда им сказали, что plantan [подорожник] был очень хорош, все они чуть не приняли его, что привело к замечательной перемене, потому что очень немногие умерли от него, тогда как раньше они умирали очень быстро”. Он считает, что подорожник с такой же вероятностью оказывал излечение, как и “более дорогие лекарства”. Мы найдем соответствующую распространенность лихорадки, описанную компетентным врачом Уитмором для сельских районов Чешира и Шропшира в 1651 и 1658 годах. Таким образом, мы имеем замечательное эпидемиологическое явление, несколько новое для Англии, если, конечно, мы не объединяем все эти пятнистые лихорадки и тому подобное под общим названием грипп. Это было в сельских округах в 1612-13 годах и с 1623 по 1625 год, это было широко распространено в 1638 году в таких отдаленных друг от друга местах, как Хэмпшир, Монмут и Нортгемптон, это появилось в Беркшире и Оксфордшире в 1643 году в связи с военными действиями роялистских и парламентских армий, это привело к катастрофической гибели людей в Тивертоне в течение нескольких недель после того, как армия Эссекса прошла через город в 1644 году; о нем снова слышно в Шропшире и Камберленде в 1651-52 годах, и в тех же частях в 1658 году, когда армия Эссекса прошла через город, как и в Сомерсете, так и в Лондоне стабильно из года в год.

Именно своей устойчивостью из года в год в бедных кварталах городов, а также более частыми повторениями в виде сельской эпидемии пятнистая лихорадка заслужила название “новой болезни” в правление Карла I. Но ранее в Англии не одну эпидемическую лихорадку называли “новой болезнью”; и с 1643 по 1685 год так называлось не менее пяти эпидемий, из которых только одну или две можно отнести к гриппозным.

Если бы было возможно сохранить в памяти историю болезней из века в век или даже из поколения в поколение, “новая болезнь” могла бы быть признана мало чем отличающейся от той, что поразила Англию в 1087 году, была описана Уильямом Ньюбургским в 1196 году, Мэтью Пэрисом в 1258 году и Троkelоу в 1315-16 годах. Условия, порождавшие его или благоприятствовавшие ему, действительно, не были одинаковыми во всех деталях в средневековый период, в период Тюдоров и в период Стюартов. В средневековый период крайняя нужда и нищета, которые приводили к эпидемическим заболеваниям, были вызваны периодическими острыми приступами голода с длительными интервалами из-за неурожая. В тюдоровский период эпидемии все еще были настолько редкими (насколько известно), что в них нужно винить что-то более особенное, чем толпы бродяг и преступников по всей Англии,

охватившие царствование Генриха VIII. печально известные и все еще служившие источником неприятностей до конца правления Елизаветы; четыре основных периода приходились на 1540, 1557-8, 1580-82 и 1596-97 годы, так что в те годы необходимо было предположить какую-то особую причину, объясняющую их своеобразную “эпидемическую конъюнктуру”. Почти с начала периода правления Стюартов периоды лихорадки (не говоря уже о флюсе и оспе), по-видимому, сменяют друг друга быстрее; о них слышно в 1612-13, 1623-25, 1638, 1643-44, 1651, 1658-9, и 1661-65, и о нем слышали в те годы на обширных территориях сельской Англии, а также в Лондоне и других городах. Именно из такого опыта возникла доктрина, столь непонятная нам сейчас, об “эпидемическом составе воздуха”, которая действительно может быть прослежена до гораздо более ранних сочинений, чем сочинения 17 века, но находит свое наиболее частое применение в последнем. Лихорадки были отчасти заразными, отчасти незаразными; заражение не могло объяснить их всех, и все же в них, несомненно, присутствовал инфекционный элемент. Универсальность их встречаемости объяснялась предположением, с одной стороны, о чем-то общем в состоянии воздуха и, с другой стороны, о какой-то общей предрасположенности в организме людей, которая сама по себе могла иметь сезонные причины. В настоящее время у нас есть только одно название для такой распространенной воздушной инфекции, а именно грипп; и важно, что катаральные гриппозные заболевания 1658 и 1659 годов рассматривались некоторыми в то время лишь как подходящая весенняя форма лихорадки, которая в жаркую погоду 1657 и 1658 годов преобладала почти так же, как грипп, но с симптомами тифа. Одна вещь, которую не следует упускать из виду, - это то, что чума все еще была в стране, не всегда одновременно с лихорадкой и, возможно, обычно не совпадала с ней. Еще одна вещь, которая будет раскрыта в надлежащем порядке на более позднем этапе истории, заключается в том, что после исчезновения чумы лихорадка становилась гораздо более устойчивой в городах из года в год, а в определенные годы не менее распространенной в эпидемиях, похожих на грипп, по всей стране. Можно было бы высказать некоторые предположения относительно значения этих эпидемиологических феноменов; но, возможно, будет удобнее, если критики, склонные к спекулятивным рассуждениям или стремящиеся к обобщениям, воспользуются одним или удовлетворят другое на свой страх и риск.

Наряду с распространением чумы в 1637-38 годах во многих городах Уэльса, мы можем связать вспышку 1638 года в Глостере, с одной стороны, и в небольшом салопском городке Клун - с другой. Из письма Тайного совета судьям Глостершира следует, что в декабре 1637 года в графстве была введена норма помощи пострадавшим от чумы в городе, и что инфекция все еще продолжалась в Глостере в сентябре 1638 года. Взносы, сделанные в Бриджпорте для оказания помощи пострадавшим в Ключе, по-видимому, относятся к тому же году. В Рединге налог за “посещенных” взимался один или более раз в период с 1638 по 1641 год. В 1641 году город Лестер был вынужден понести некоторые расходы (46,8 фунтов стерлингов 7д.), чтобы не допустить распространения болезни, которая преобладала в Термастоне, Бирстале, Уэтстоуне и Окхеме. Очень сильная чума в Стэмфорде в том же году была бы самой интенсивной частью эпидемии в этом уголке Англии; “Камден”, цитируя рукопись епископа Сандерсона, говорит, что она началась во время прилива Сент-Джеймс в 1641 году и закончилась в марте следующего, от чего, как говорят, умерло от 500 до 600 человек^[1070].

Другим очагом чумы в 1641 году был Конглтон в Чешире, если мы можем доверять точности даты, указанной в рукописи, написанной некоторое время спустя и, по-видимому, основанной на традиции^[1071]. Инфекция была обнаружена в коробке с одеждой, которая принадлежала

одному умершему от чумы в Лондоне и была отправлена родственникам покойного в Норт-Ред-Холл. Семья, получившая коробку, “подхватила инфекцию и умерла”. Она распространилась “по всей стране” и добралась до Конглтона, где произвела ужасные разрушения. Предания, которые зафиксировал анонимный рассказчик, действительно относятся к чуме в большей степени — истории о трупах, которые никто не хотел хоронить, о больных, брошенных на произвол судьбы, о деньгах, брошенных в воду до того, как они перешли из рук в руки. Это несколько сомнительное повествование заканчивается утверждением, что “большая часть жителей погибла”.

Период с 1643 по 1650 год включает в себя все оставшиеся вспышки чумы, будь то в Лондоне или провинциях, пока мы не дойдем до последнего взрыва в 1665 году. В Лондоне чума сохранялась на низком эндемическом уровне с момента вспышки в 1636 году до 1648 года, число смертей в 1647 году достигло значительной цифры в 3597 человек. Эта серия чумных лет не представляет иного интереса, кроме как показать, насколько регулярно в каждый сезон заболеваемость увеличивалась с нескольких случаев в мае или июне до максимума в сентябре или октябре. Один инцидент из многих может найти свое место. В августе 1647 года сэр Филип Стэплтон, один из одиннадцати членов, лидеров пресвитерианской партии, которых армия обвинила в государственной измене, отправился в Кале с еще пятью обвиняемыми и умер от чумы почти сразу после высадки. Обитатели дома, где он умер, заставили остальных участников вечеринки заплатить им 80 фунтов стерлингов, прежде чем позволить им выйти, за то, что они принесли болезнь в их дом[1072].

Эпидемии в провинциальных городах были в те годы гораздо более серьезными, чем в Лондоне. Все они произошли в городах, которые были осаждены, или были сами осаждены, или были заняты частями войск или гарнизонами. В то же время большинство из них были городами, которые ранее страдали от эпидемий. Но первые последствия войны в виде эпидемических заболеваний не были похожи на чуму.

Война-сыпной тиф в Оксфордшире и Беркшире.

Весной и летом 1643 года Англия впервые столкнулась с войной - сыпным тифом, который был знаком европейскому континенту на протяжении полутора столетий и достиг, возможно, наибольшего распространения во время Тридцатилетней войны. Хвастовство Шекспира, вложенное в уста Джона Гонта, справедливо только в смысле военного тифа:

“Эта крепость, построенная природой для себя,
Против инфекции и руки войны”.

Средневековые гражданские войны в Англии, по-видимому, не посеяли заразы среди народа, за исключением, возможно, периода анархии правления Стефана: есть основания полагать, что междоусобицы Йорка и Ланкастера не имели такого результата. Но войны парламента против роялистов вызвали военную болезнь в ее наиболее характерной форме, и это тоже в самом начале борьбы.

О существовании болезней в 1643 году среди войск парламента в Беркшире и Оксфордшире под командованием графа Эссекса кратко сообщает Рашуорт. Но впервые в истории мы находим медицинское описание типа болезни, ее обстоятельств и степени ее

распространенности, что небезынтересно даже для военной истории. Случилось так, что впоследствии прославленный доктор Томас Уиллис, химик, анатом, физиолог и терапевт, находился в Крайст-Черч, Оксфорд, в 1643 году, будучи тогда в возрасте двадцати одного года и намереваясь вступить в лоно Церкви. В 1659 году он опубликовал в Гааге свои первые медицинские очерки, один о брожении, а другой о лихорадках[1073]; и в последнем он вспоминает многие подробности того, что он видел в ранние годы в Оксфорде и его окрестностях. Болезнь 1643 года также была предметом трактата, опубликованного в том же году в Оксфорде по приказу его величества сэром Эдвардом Гривзом, королевским врачом, который, по-видимому, пользовался в городе достаточным спросом, чтобы быть переизданным в течение года[1074].

Предшествующие события можно кратко резюмировать[1075]. В ноябре 1642 года король двинулся из Оксфорда со своей армией в сторону Лондона и захватил Брентфорд. Силы парламента под командованием Эссекса сосредоточились вокруг столицы, где к ним присоединились городские обозы, так что король переправился через Темзу у Кингстона и отступил к Редингу и Оксфорду. На протяжении всех месяцев с января по апрель 1643 года продолжались утомительные переговоры по заключению договора, детали которого в основном касались мест, которые должны были быть заняты парламентскими войсками с одной стороны (вокруг Виндзора) и войсками роялистов с другой (в Оксфордшире и Баксе). В апреле переговоры провалились, и 15-го Эссекс подошел к Редингу с армией в 15 000 пехотинцев и 3000 всадников. Король и принц Руперт попытались снять осаду маршем из Оксфорда, но были остановлены у Кавершемского моста, и 26 апреля Рединг был сдан лорду-генералу, гарнизон выступил оттуда на следующий день.

Осада длилась всего одиннадцать дней; комендант-роялист был приговорен в Оксфорде к смертной казни за предательство города, но был помилован. Когда Эссекс вошел в Рединг, он обнаружил, что это место “заражено”, и среди его людей произошла большая смертность, недовольных отсутствием добычи и жалования. В июне он перевел свои войска через меловые холмы к Тейму, на границы Бакса; но из-за дождливой погоды, не по сезону для начала лета, а затем из-за жары, болезни среди них настолько усилились, что “он счел замысел относительно Оксфорда невыполнимым” (Рашуорт), и 9 июля написал парламенту, рекомендуя заключить мир. В своем письме Эссекс объяснял, что невозможно уберечь графства от разграбления, “так что они должны претерпеть много несправедливостей, а крики людей бесконечны”. В конце концов он привел то, что осталось от его армии, в окрестности Лондона и, получив 2000 рекрутов из Сити, провел сбор на Хаунслоу-Хит, когда все его силы составили 10 000 человек. Со своей набранной армией он выступил на помощь Глостеру[1076], снял осаду и 20 сентября выиграл (первую) битву при Ньюбери.

Реалии того бездеятельного лета в Рединге и Тейме можно представить из того, что Уиллис рассказывает нам о положении дел в рядах роялистов в Оксфордшире. Эти вещи, по его словам, “попали под наше собственное наблюдение”, поскольку он тогда учился в Крайст-Черч и еще не поступил на медицинский факультет.

Весной 1643 года, когда проводились чтения для короля,

“В обеих армиях начала возникать эпидемическая болезнь; однако они продолжали эту работу до тех пор, пока осажденные не были вынуждены сдаться, эта болезнь стала настолько тяжелой, что вскоре после этого обе стороны прекратили борьбу и с тех пор в течение многих месяцев

сражались не с врагом, а с болезнью; как будто не было времени переключиться на другой вид смерти

Лагерь Эссекса, двигавшийся к Тейму, раскинулся в прилегающих местах, где он вскоре потерял большую часть своих людей.

Но король вернулся в Оксфорд, где сначала солдаты, размещенные в открытых полях, а затем в городах и деревнях, пострадали ненамного меньше. Из-за его стопы (в которую она в основном вторглась), когда они собирались вместе в тесных домах, когда они наполнили все вещи грязью, нездоровой мерзостью и зловонными запахами (казалось, что сам воздух был заражен), они заболели войсками и, так сказать, эскадрильями. В конце концов лихорадка, теперь уже больше, чем лагерная лихорадка, охватила невооруженные и мирные войска, а именно, тех, кто развлекал солдат, и, как правило, всех остальных; однако поначалу (поскольку болезнь была вызвана лишь незначительно), несмотря на тяжелую и долгую истому, многие спаслись. Примерно в день летнего солнцестояния эта лихорадка также начала усиливаться с ухудшением симптомов и охватила земледельцев и других жителей страны, а затем распространилась по нашему городу и всей местности вокруг, по крайней мере, на десять миль вокруг. В то же время те, кто жил далеко от нас, в других графствах, оставались невредимыми, будучи как бы вне сферы распространения инфекции. Но здесь эта болезнь стала настолько эпидемической, что от нее погибла большая часть людей; и как только она проникла в дом, то распространилась по нему, так что почти не осталось здоровых людей, которые могли бы оказать помощь больным. Незнакомые люди или те, кого посылали помогать больным, вскоре заболели; в конце концов, из страха заразиться те, кто был болен этой лихорадкой, избегали тех, кто был здоров, почти так же, как если бы они были больны чумой.

И в самом деле, эта болезнь не сопровождалась меньшей смертностью или массовым убийством людей; потому что от нее умирали кахектические и чахоточные старики или другие нездоровые люди; также немало детей, молодых мужчин и лиц более зрелого и крепкого возраста. Я помню, в некоторых деревнях в этом году умерли почти все старики, и почти не осталось тех, кто был в состоянии защитить нравы и привилегии прихода с помощью более древних традиций^[1077].”

Уиллис вспоминает, как с течением сезона эта эпидемическая болезнь меняла свой тип. Сначала это был “гнилостный синдром”, которому, казалось, помогали пот или расслабленность; за кризисом следовал рецидив или возобновление. Позже это превратилось в непрерывную лихорадку, длившуюся шесть или семь дней, без обострений; когда лихорадка спала, больные оставались в своих постелях, иногда в ярости, чаще в ступоре, продолжалась сильная слабость, а иногда возникали судороги. Примерно в середине лета “болезнь проявила свою злокачественность появлением пузырьков и пятен”. Часто это начиналось с коварной слабости, когда силы полностью покидали организм. В конце концов у многих появились бубоны, как при чуме. В это время, в “собачьи дни”, с болезнью начали справляться не как с лихорадкой, а как с меньшей чумой — с помощью рвотных масс, промываний и потогонных средств. Приближалась осень, и болезнь постепенно ослабляла свою обычную свирепость, так что ею заболело все меньше людей, и многие из них выздоравливали. С приближением зимы лихорадка почти полностью прошла, и здоровье Оксфорда и окрестностей полностью восстановилось. Среди жертв упоминаются “некоторые из придворных короля и королевы, а также несколько ученых^[1078]”.

Говоря о причинах, Уиллис говорит, что, насколько это касалось армии, очевидными причинами были "ошибки в шести неестественных действиях". Весна была очень влажной и "дряблой", с почти непрерывными ливнями, за которыми последовало жаркое лето. Трактат Гривза об оксфордской лихорадке, небольшой фрагмент примерно на 25 страницах, написанный для использования в городе во время эпидемии, подтверждает рассказ Уиллиса, не развивая доктрину увеличения злокачественности. Он озабочен тем, чтобы доказать, что это была не чума, "как предполагали отношения и надежды ваших врагов, а также страхи других". Одним из его доказательств является коварный способ вторжения, который Уиллис приписывает болезни в ее более поздней форме — сильная слабость без появления какой-либо явной причины, такой как потливость или вялость, так что даже сильные мужчины были повержены, с быстрым, слабым и ползучим пульсом, иногда прерывистым, с головными болями, головокружением и т. Д. Самой характерной вещью были пятна; "Но зачем нам еще какие-то признаки, кроме пятен, которые появляются, по крайней мере, у половины заболевших?" Гривз, кажется, утверждает, что Оксфорд какое-то время пользовался некоторой неприкосновенностью: "Бог был очень милостив к этому городу, щадя нас до сих пор, когда наши соседи вокруг нас подвергались нападкам".

Среди причин он упоминает гнилостные выделения от зловонных веществ, навоза, туш мертвых лошадей и другой падали; "и если бы были приняты меры по устранению этих неприятных неудобств и поддержанию улиц в чистоте, это, несомненно, во многом способствовало бы ослаблению заболеваемости". Возможно, на это также повлияла диета; в частности, пивоварам следует лучше высушивать солод, дольше варить пиво и добавлять достаточное количество хмеля. Но великим делом было присутствие армии.

"Нам не нужно далеко ходить в поисках причины, по которой находится армия, о которой вспомнили афиняне в своем бедствии, или, как Гомер говорит о своих греках:

εἰ δὴ ὄμοῦ πόλεμος τε δαμῶ καὶ λοιμὸς Ἀχαιοῦς.

— редко или вообще никогда не было известно, что армия, в которой много грязи и гадостей в питании, худшие жилища, нестиранная одежда и т.д., должна долго оставаться без заразных заболеваний. "Были инфицированы целые семьи", и редко в каком доме, где расквартированы больные солдаты с обеих сторон, но жители точно так же заболевают той же болезнью".

Похоже, у некоторых умов возникло почти неизбежное сомнение в том, заразна ли болезнь: "Но если кто-то все еще упорствует и не верит, что это заразно, пусть он подойдет поближе и попробует". Среди лекарств он упоминает любимое эмпирическое средство, "порошок леди Кент", на который также ссылается Уиллис; но Гривз, как и подобает академическому врачу, не признает, что у него есть какие-либо преимущества перед лекарствами с известными ингредиентами.

Эта широко распространенная эпидемия тифа, возможно, не обошедшаяся без рецидивирующей лихорадки и, согласно тому, что говорит Уиллис в одной из своих общих глав, осложнившаяся в своей распространенной форме в окрестных деревнях "косоглазием [болью в горле], дизентерией или смертельным потоотделением", является единственной зарегистрированной с медицинской точки зрения гражданской войной. Но в следующем году оно, несомненно, было возобновлено при тех же обстоятельствах в Тивертоне; и, судя по высокой смертности, о которой свидетельствуют приходские книги в том году (1644),

представляется вероятным, что какая-то эпидемическая болезнь распространилась далеко и близко. Таким образом, в кратких описаниях похорон и крестин в сельских приходах и торговых городах 1643 и 1644 годы, и особенно последний, выделяются как наиболее нездоровые за долгое время до и после, следующим болезненным периодом, как мы увидим, были 1657-1659 годы. В 1643 году из восьмидесяти восьми изученных реестров стран в двадцати девяти был зафиксирован высокий уровень смертности, хотя диспропорция между рождаемостью и смертностью не кажется большой (821 к 847). Это был год эпидемической лихорадки в Беркшире, Оксфордшире и Баксе. В следующем году, который был годом эпидемии в Тивертоне, в стране снова зарегистрировано двадцать девять случаев необычных заболеваний (715 крещений и 938 захоронений). В девятнадцати из двадцати четырех рыночных городов те же два года оказались еще более нездоровыми (844 рождения против 1193 смертей в 1643 году и 1008 рождений против 1647 смертей в 1644 году). Реестры, изученные Шортом, были в основном из приходов Северного и Мидленда; но они включали два или три из Девоншира, и среди его торговых городов был Тивертон. Теперь мы увидим, что означают эти лысые цифры в данном конкретном случае.

Военный тиф в Тивертоне в 1644 году.

В то время Тивертон был городом с населением около 8000 человек, в основном занятым в ткацкой промышленности. 5 июля 1644 года Эссекс прибыл со своей армией в Корнуолл, чтобы подчинить принца Мориса, и простоял там до 18-го числа. В дневнике одного фермера Робертса есть запись о том, что мистер Томас Лоуренс, приехавший из Тивертон, сообщил ему, что у графа было 350 с лишним экипажей и 2000 лошадей, принадлежащих к ним в упряжке[1079]. Это был бы его большой артиллерийский эшелон, обозы с багажом и боеприпасами и т.д. Его пехота насчитывала бы около 6000 человек, а кавалерия, возможно, 1000. Королевские войска тем временем продвигались вслед за Эссексом и 25 июля стояли на большом лугу в Кредитоне. Они продвинулись к Йовилу и, возможно, прошли, а возможно, и нет, через Тивертон. Две армии подрались в Корнуолле, продолжительная серия столкновений в окрестностях Лостуитиэля в сырую августовскую погоду закончилась бегством Эссекса к побережью, отступлением его кавалерии через позиции роялистов и капитуляцией пехоты 1 сентября. Обезоруженных пехотинцев препроводили обратно в Пул и Уэйрхэм, и больше они Тивертон не беспокоили. Отступающая кавалерия прошла этим путем, но не вошла в город, который теперь удерживали роялисты. Но королевская армия возвращалась через Тивертон, которого они достигли в субботу, 21 сентября. 30-го числа они не продвинулись дальше Чарда и, возможно, остановились в Тивертоне на несколько дней. В нем был оставлен гарнизон роялистов из 200 человек, который удерживал это место до октября 1645 года, когда оно было взято Фэрфаксом после короткой осады[1080].

Таким образом, Тивертон был оккупирован обеими армиями летом и осенью 1644 года, причем эссекская армия была расквартирована в городе и его окрестностях на две недели в июле. Последовала серьезная эпидемия, особенно в пригороде на западной стороне Эксе. Сведения об этом есть в приходской книге, из которой следует, что болезнь началась в августе и продолжалась до ноября. Самая большая смертность была в октябре, когда было похоронено 105 человек, а всего за год умерло 443 человека. Обычные ежемесячные похороны вряд ли превысили бы дюжину или пятнадцать; а поскольку 105 похорон в октябре означали бы

примерно в восемь-десять раз больше больных, нет ничего удивительного в том, что город был опустошен, а на улицах росла трава^[1081]. Медицинских сведений об этой эпидемии нет, но из приходской книги явствует, что она была известна как “потная болезнь”. Вряд ли ее называли бы так, если бы потливость не была заметным симптомом. Помимо собственно английской потливости с ее пятью эпидемиями с 1485 по 1551 год, у нас была возможность заметить особый тип потливости при нескольких эпидемиях лихорадки. Этот симптом был настолько замечен во время эпидемии 1558 года в Саутгемптоне, Портсмуте и на острове Уайт, когда там было полно войск, что доктор Джон Джонс, который лично сталкивался с этим, сравнивает его с собственно потом. Это был достаточно заметный симптом оксфордской тюремной лихорадки 1577 года, чтобы можно было вспомнить *английский суд*. При английских лихорадках и инфлюэнцах 1580-1582 годов Коган упоминает пот или пощипывание как наименее редкое явление; но лихорадки тех же лет на Континенте так часто носили потный характер, что иногда говорили, что английский пот вернулся. Наконец, что касается военных лихорадок 1643 года вокруг Рединга и Оксфорда, Уиллис более чем в одном месте утверждает о возникновении потоотделения, критического или дающего облегчение на время в более легкой форме, “смертельного пота” при лихорадках обостренного типа. В качестве некоторого предвидения можно также упомянуть, что потливость отмечалась в некоторых случаях многолетнего лондонского тифа в худший период его распространения в середине 18 века.

Признавая все эти факты, мы все же должны придерживаться мнения, выраженного в главе о потливости, согласно которому потливость больше никогда не была *патогномическим признаком* целой эпидемии, как это было при английском потоотделении во время его пяти вспышек. Но если существуют градации типов или приближения тифа к потливости (а также к гриппу), то мы, возможно, можем считать, что эпидемия в Тивертоне ближе, чем любая другая, к потливости, на основании названия, данного ей в приходской книге.

Ничего не известно о болезнях в армии Эссекса, которая простояла в Тивертоне с 5 по 18 июля 1644 года. Он сильно пострадал в боях в Корнуолле, и парламент 7 сентября отправил в Портсмут оружие для 6000 пехотинцев и 6000 комплектов одежды и рубашек для пехоты, которая сдалась и была конвоирована обратно вдоль побережья. Королевские войска, занявшие Тивертон 21 сентября на обратном пути, несомненно, также пострадали от боевых действий на мокрых полях и болотистых дорогах и, как известно, были недовольны отсутствием жалования. Вероятно, эпидемия в Тивертоне была вызвана обострением обычных обстоятельств войны. Это должно быть классифицировано как форма тифа; в то время как его отличительный характер потоотделения мог бы найти объяснение по аналогии с потоотделением 1485 года в Лондоне после прибытия Генриха VII. с Босвортского поля, если бы у нас были достаточные основания предполагать, что солдаты, последовательно занявшие Тивертон, сами не страдали лихорадкой. Сам по себе контакт, особенно контакт *в массовом порядке* мужчин, ослабленных лишениями и неупорядоченных в своих привычках, иногда способствует распространению инфекции среди населения, непохожего на них в этих отношениях. Противоположность этому принципу, а именно, что заражение не обязательно должно происходить в результате распространения развитой болезни *в массовом порядке*, находит иллюстрацию в случае с самим Тивертоном спустя немногим более года после эпидемии 1644 года. В ноябре 1645 года Фэрфакс со своей армией находился в Оттери-Сент-Мэри в ожидании захвата Эксетера. Из-за многочисленных болезней и высокой смертности среди его пехоты (не описанных с медицинской точки зрения) он перевел их 2 декабря в Кредитон и, в конечном счете, в Тивертон, который считался более здоровой территорией и стал его штаб-квартирой до 8 января 1646

г.[1082]. Но ни одна вспышка в городе не упоминается, и почти наверняка ничего такого не происходило; состояние здоровья в этом месте оставалось хорошим каждый год с тех пор, как оно находилось под властью парламента, о чем свидетельствует приходская книга регистрации. С другой стороны, в Тотнессе, который был занят теми же выздоравливающими после того, как они покинули Тивертон, в конце 1646 года разразилась жестокая эпидемия чумы.

Чума в провинциях во время гражданских войн.

Типом болезни после первых двух лет войны, по-видимому, был не сыпной тиф, а всегда старая бубонная чума, характерная для городов. Насколько известно истории, военные болезни на английской земле начались в 1643 году и закончились в 1644 году, за исключением случая с войсками Фэрфакса при Оттери-Сент-Мэри в ноябре 1645 года.

Возможно, “новая модель” парламентских сил по образцу “Железнобоких” Кромвеля, возможно, имела какое-то отношение к иммунитету Англии от военного тифа во всех походах и контрмаршировках, сражениях, оккупациях и осадах, начиная с 1645 года и до конца гражданских войн. Кромвель указал Хэмпдену, что армия Эссекса состояла из “кучки бедных пивных и городских подмастерьев”, и высказал свое мнение, что это не те люди, с которыми можно побеждать. Когда первоначальные командующие Эссекс, Манчестер, сэр У. Уоллер и другие ушли в отставку в 1645 году, согласно указу о самоотречении, армия парламента приобрела новый характер при Фэрфаксе и Кромвеле: в ней было много “религиозных людей”, особенно среди офицеров; и есть достаточно свидетельств того, что война в будущем велась таким образом, чтобы вызвать как можно меньше тех последствий кампании среди широких слоев населения, которыми была отмечена Тридцатилетняя война в Германии и которые присутствовали в операциях Эссекса и роялистов в 1643 и 1623 годах. 1644 год.

То, что остается сказать об эпидемиях гражданских войн, относится почти исключительно к чуме, со случайными упоминаниями пятнистой лихорадки, которая была широко распространена осенью 1644 года. Эти эпидемии чумы в английских провинциях во время политических смут, более многочисленные, чем обычно, с 1644 по 1650 год, являются последними на английской земле, пока мы не дойдем до последнего грандиозного взрыва 1665-1666 годов.

В 1644 году существовало два основных очага чумы (помимо Лондона), а именно Банбери и долина реки Тайн. Банбери находился достаточно близко к штаб-квартире роялистов, чтобы принять участие в эпидемии лихорадки 1643 года; в том году в приходскую книгу занесены захоронения 58 солдат, помимо большого избытка захоронений среди гражданского населения (всего 225 смертей за год по сравнению с ежегодной смертностью в прежние годы от 30 до 98). Осада парламентскими войсками началась только 19 июля 1644 года и закончилась сдачей замка в октябре. Эпидемия чумы, возможно, началась еще в январе, когда 16-го числа “умер на улице” солдат; но в реестре случаев смерти от чумы появляется только в марте 1644 года. В том месяце было зарегистрировано 10 смертей от чумы, в апреле - 34, и так до ноября, когда их было 2, общая смертность от чумы составила 161. После того, как чума прекратилась, город оставался в остальном нездоровым до 1647 года[1083].

Информация о Ньюкасле и Тайнсайде исходит от наблюдательного шотландца Уильяма Литгоу, который был с пресвитерианской армией при штурме Ньюкасла 20 октября 1644 г.[\[1084\]](#). Как мы уже видели, город сильно пострадал от чумы в 1636 году, а в 1642 году произошла более слабая вспышка. Хотя положение вещей во время осады в 1644 году было крайне плачевным, похоже, что эпидемия началась только после капитуляции. Однако инфекция уже действовала в близлежащих местах. Таким образом, замок Тайнмут был сдан командующим роялистами сэром Томасом Ридделлом 27 октября: “После того, как среди них пять недель бушевала эпидемия с большой смертностью, они были рады сдаться и рассеяться за границей; но к большому разрушению и заражению страны вокруг, поскольку она заразительно началась” (Литгоу). Среди зараженных мест были Гейтсхед, Сэндгейт, Сандерленд и многие загородные деревни, о чуме сообщалось в самом Ньюкасле в 1645 году, а также в Дарлингтоне[\[1085\]](#).

1645 год был годом сильной эпидемии чумы в нескольких городах одновременно, некоторые из них были на осадном положении, и все они были заняты войсками. Наибольшая смертность была в Бристоле, пропорциональная его размерам. Город был взят принцем Рупертом 22 июля 1643 года и удерживался сильным гарнизоном в течение двух лет и нескольких недель. Ближе к концу роялистской оккупации разразилась чума, вероятно, весной 1645 года[\[1086\]](#). 16 мая сэр Джон Калпеппер написал лорду Дигби: “Число болезней в этом городе стремительно растет. На этой неделе умерло около 1500 человек в Лондоне[\[1087\]](#)”. Когда он был взят штурмом Фэрфаксом и Кромвелем в сентябре 1645 года, выяснилось, что гарнизон принца Руперта состоял из 2500 пеших и около 1000 всадников. Вспомогательные силы и обученные отряды города сократились в июне примерно до 800 человек, а из 2500 семей, оставшихся на тот момент в городе, 1500 находились в состоянии нищеты[\[1088\]](#). В депеше Кромвеля от 14 сентября мистеру спикеру Лентхоллу он говорит: “Я слышал только об одном человеке, умершем от чумы во всей нашей армии, хотя мы расквартировались среди зараженных людей и мест[\[1089\]](#)”. Число смертей от чумы во время всей эпидемии приблизилось к 3000, согласно MS. календарям[\[1090\]](#).

Пока это происходило в стенах Бристоля, в Лидсе свирепствовала эпидемия чумы, более серьезная для размеров города. Город был взят Фэрфаксом 23 января 1643 года и оставался в тихом владении парламента под руководством военного губернатора. В августе 1644 года здесь был похоронен 131 человек, “до того, как была замечена чума”, говорится в приходской книге регистрации; это означает, что чрезмерная смертность была вызвана не чумой, а, вероятно, пятнистой лихорадкой, которая царила той осенью в других местах на Севере. Собственно чума началась со смерти на Викариат-лейн 11 марта 1645 года. Еженедельные отчеты о смертности, которые были заказаны военным губернатором, показывали общую смертность с 11 марта по 25 декабря 1325 года. Больше всего он бушевал на Викарий-лейн и прилегающих к ней дворах; также был очень распространен на Марч-лейн, Коллс, Колл-лейн, Лоуэр-Бриггейт и Милл-хилл. Наибольшее количество захоронений за неделю (126) пришлось на период с 24 по 31 июля; смертность оставалась высокой весь август и сентябрь (от 60 до 80 в неделю) и постепенно снизилась до 3 за неделю, заканчивающуюся Рождеством. По оценкам Уитекера, погибла, вероятно, пятая часть населения, и он не может обнаружить среди жертв ни одного человека с известным именем. Воздух был настолько теплым и заразным, что, как говорят, собаки, кошки, мыши и крысоловы погибли (в это вполне можно поверить от крыс и мышей), и что несколько птиц упали замертво во время полета над городом[\[1091\]](#). Похоже, это был единственный случай заражения чумой в Лидсе, по крайней мере, со времен средневековья.

Чума в Личфилде в 1645-46 годах, как и в Бристоле, продолжалась в условиях постоянных военных потрясений. 21 апреля 1643 года замок был взят принцем Рупертом и удерживался как оплот роялистов до 26 июля 1646 года, когда король отправился туда после своего поражения при Нейсби в июне 1645 года и снова в сентябре. Говорят, что чума была активна как в 1645, так и в 1646 году; на двенадцати улицах произошел 821 смертельный случай, наибольшая доля (121) пришлась на Грин-Хилл[1092]. Неясно, каким образом осадное положение могло способствовать распространению чумы. На одном этапе ров был осушен досуха, а на другом - забит мусором. Судя по 4-й статье капитуляции, многие жители города укрылись со своим имуществом в укрепленном здании Кафедрального собора, которое было почти закрыто водой. Это была одна из нескольких вспышек чумы, от которых Личфилд страдал со времен ранних Тюдоров.

Небольшие вспышки чумы в 1645 году были в Дерби и Оксфорде. О последнем мы имеем представление у Уиллиса из Крайст-Черч.

“Когда-то в прошлом в этом городе [Оксфорде], а именно, в 1645 году, распространилась чума (хотя и не великая). Доктор Генри Сейер, очень образованный врач и счастливый в своей практике, в отличие от многих других, отказывавшихся от этой области, смело посещал всех больных, как бедных, так и богатых, ежедневно давал им лекарства, и собственными руками обрабатывал их бубоны и опасные язвы, и таким образом вылечил очень многих больных своим усердным, хотя и опасным трудом. Чтобы он мог укрепиться против заразы, прежде чем войти в зараженные дома, он обычно выпивал большой глоток мешковины, а затем, закончив свое хождение по границам смерти и самым челюстям могилы, повторял то же самое противоядие.

После того, как он долгое время в этом городе, как будто неприкосновенном от чумы, заботился о больных, не причиняя им никакого вреда, губернатор этого места послал за ним в Уоллингфордский замок, где эта болезнь жестоко свирепствовала, как еще один Эскулап. Но там, будучи настолько смелым, что лег в одну постель с неким капитаном (его близким компаньоном), заболевшим чумой, он быстро заразился той же болезнью; и тогда мастеру не принесли пользы искусства, которые были полезны стольким другим, но там, к великому горю жителей и без больших потерь для медицинской науки, он умер от этой болезни”. Он лечил больных на предбубонной стадии рвотными массами *Crocus Metallorum*, а затем потогонными средствами.[1093].

Ни одна из других локальных эпидемий чумы в те годы, по-видимому, не была такой масштабной. Таким образом, 22 случая смерти от чумы в Лафборо с 1645 по 14 мая 1646 года и возобновившаяся распространенность после годичного перерыва (83 случая смерти от чумы с 20 июля 1647 года по 25 марта 1648 года)[1094]- это примеры местных смертей от чумы, которые могли бы засвидетельствовать другие приходские реестры, если бы они были изучены антикварами так же тщательно, как Николс изучил данные Лестершира.

Ньюарк был одним из городов, сильно пострадавших во время Гражданской войны. Осаждаемый раз за разом, он, наконец, был сдан парламенту 6 мая 1646 года. В письме, написанном вскоре после капитуляции, говорится[1095]:

“Воистину, это жалкий, вонючий, зараженный город. Я молю Бога, чтобы они не заразили соседние округа и города.... Из-за болезней во многих местах офицеры пока не решаются

доставать оружие.... Торговцы готовятся обставлять свои лавки... но нельзя ожидать большого оживления рынка, пока в городе болезнь ”.

В приходской книге Ньюарка нет свидетельств о смертях от чумы; но в книге регистрации соседнего прихода Стоук, в котором находился замок и окружающий его пригород Ньюарк, есть многочисленные записи о смертях от чумы, начиная с одной примерно через три недели после капитуляции, 28 мая 1646 года, и продолжающейся в июле, августе и сентябре. и сентябрь. Несколько членов одной семьи хоронят в один день, одного “хоронят в поле”, другого “на своем участке”. Викарий подводит итог смертности следующим образом: “В тауне Стоук, 1646 год, восемь десятков и один, из которых на пляже семь десятков и девятнадцать”. Всего смертей в округе Стоук годом ранее было девять, а годом позже - шесть[1096]. Если бы чума была хоть сколько-нибудь распространена в самом городе Ньюарк, число смертей намного превысило бы 159; но, поскольку в приходской книге вообще не зафиксировано случаев смерти от чумы, можно сделать вывод, что инфекция распространялась в основном вокруг замка.

Уитмор говорит о том, что практиковался во время чумы в Стаффордшире в 1647-1688 годах, и есть некоторые другие свидетельства, без подробностей, эпидемии в городе Стаффорд.

Сообщается о еще одной эпидемии чумы с театра гражданской войны на юго-западе - вспышке в Тотнессе в 1646-167 годах. В приходской книге есть запись о погребении, внесенная 30 июля 1646 года, “предположительно, она умерла от чумы”. На листе реестра есть следующее: “С 6 декабря 1646 года по 19 октября 1647 года в общей сложности от чумы умерло 262 человека” — число большее, чем подробно указано в реестре. Добавляется стереотипное замечание о том, что город был безлюден и на улицах росла трава[1097]. В течение нескольких месяцев, предшествовавших первому подозрительному случаю чумы в 1646 году, Тотнесс оккупировался одним отрядом войск за другим. В ноябре или декабре 1645 года роялистская кавалерия Геринга численностью почти 5000 человек была расквартирована в Тотнессе и двух или трех других местах поблизости. 11 января 1646 года Фэрфакс прибыл со своей армией в Тотнесс для осады Дартмута, которая была взята штурмом 20-го числа. Затем лорд-генерал удалился, чтобы возобновить осаду Эксетера. Перед этим он выдал ордер четырем сотням собрать своих людей в Тотнессе 24 января. Мужчин прибыло около 3000, и из них был сформирован полк[1098]. Нелегко было бы определить, какую связь с эпидемией чумы в конце года могла иметь вся эта военная суматоха в Тотнессе. Во второй половине ноября 1645 года, когда армия Фэрфакса стояла у Оттери-Сент-Мэри, в ней было много больных. “Из-за сезона, ” говорит Рашуорт, “ и нехватки жилья, большая часть его армии, особенно пехота, заболела, и многие умерли, редко меньше семи, восьми или девяти человек в день в городе Отри, и среди остальных умер полковник Пикеринг и несколько других офицеров. Королевская свита обратила внимание на такое истощение армии Фэрфакса” и набралась смелости предпринять новые усилия. Вид болезни неизвестен, но она была такой, что 2 декабря штаб был переведен в Тивертон, на свежий воздух. Армия простояла там до 8 января, а 11-го прибыла в Тотнесс для осады Дартмута. Таким образом, Тотнесс был занят не только армией за несколько месяцев до чумы, но и армией, в которой недавно была смертельная форма болезни. Войска уходят, и исторический интерес уходит вместе с ними; то, что они, возможно, оставили после себя, касается только отечественной истории. Пятьдесят шесть лет прошло с тех пор, как Тотнесс в последний раз болел чумой, и в тот раз эпидемия была не менее катастрофической.

Вскользь упоминаются два других очага чумы в 1646-7 гг.: один в Рединге[1099], который затронул “большое количество бедных людей”, а другой в Карлайле[1100]. О последнем нет никаких подробностей, но обстоятельства, сложившиеся в городе в течение нескольких лет, были таковы, что делают вероятной вспышку чумы в 1646 году.

Карлайл сильно страдал от войны в течение ряда лет. В июле 1644 года он был захвачен роялистами, а в октябре был осажден Лесли, осада длилась много месяцев. В нем был гарнизон численностью около 700 человек, включая нескольких вооруженных горожан. Примерно в конце февраля 1645 года вся кукуруза в городе была изъята для раздачи на короткое время; 5 июня “конопляное семя, собаки и крысы были съедены”. Капитуляция состоялась 25 июня, и это место удерживалось шотландским гарнизоном до декабря 1646 года. Он снова был захвачен роялистами в апреле 1648 года, был отбит Кромвелем в октябре и удерживался сильным гарнизоном из 800 пеших и конного полка, помимо драгун для охраны границ. Весь Камберленд находился в такой нужде, что парламент распорядился собрать средства для оказания ему помощи; говорят, что множество бедняков погибло на дорогах, и 30 000 семей нуждались в хлебе[1101].

Чума в Шотландии во время гражданских войн.

В связи с эпидемиями на севере Англии, эта инфекция была широко распространена в Шотландии. После штурма Ньюкасла шотландскими ковенантерами в октябре 1644 года чума появилась в Эдинбурге, Келсо, Борроустаунессе, Перте и других местах. 1 апреля 1645 года Келсо сгорел дотла, поскольку пожар возник в доме, который подвергался “кленгиту” или дезинфекции после чумы в нем. В Эдинбурге больных чумой размещали в хижинах в Королевском парке под Солсберийскими скалами. Были собраны пожертвования в помощь жителям Лейта, обнищавшим от чумы. Говорят, что эпидемия в Перте и его окрестностях дала начало истории о Бесси Белл и Мэри Грей, которые бежали с зараженной чумой земли и построили себе шалаш на обгорелой стороне[1102]. В Глазго инфекция была серьезной в конце 1646 года и полностью прекратилась только осенью 1648 года. Есть многочисленные ссылки на это в письмах директора Бейли из Университета Глазго, из которых наиболее важными являются следующие[1103].

5 сентября 1645 года он пишет, что чума опустошила Лейт и Эдинбург и свирепствует еще во многих местах: никогда такого чумы не видели в Шотландии (возможно, в его время). Примерно в январе 1646 года он пишет о “сокрушении нашей нации эпидемией и победах Монтроза”. В конце того года чума была в Глазго: 26 января 1647 года, во время зимних холодов, “все, кто мог, бежали оттуда”. 2 июня чума рассеяла студентов Сент-Эндрюса, директор колледжа Святого Леонарда умер от нее, и это убивало многих на севере. Тем же летом директор Бейли был заперт в городке Килвиннинг, отрезанный вместе со всеми жителями от общения с внешним миром из-за подозрения на чуму в этом месте. Эдинбург и Лейт, которые пострадали раньше всех, были почти свободны осенью 1647 года, но “Абердин, Бречин и другие части севера прискорбно опустошены; школы и колледжи сейчас разбросаны по всей Шотландии, кроме Эдинбурга”. Глазго больше всего пострадал от чумы летом и осенью 1648 года, которые были сезонами дождей: 23 августа: “наше состояние на тот момент печальное; чума также в Эдинбурге и Абердине.... В то время я скорбел о состоянии Глазго.... Дом сына моего брата был заражен; дом моего брата подвергал многих опасности; однажды ночью около дюжины человек умерли от

болезни.... Продолжительные сильные дожди в течение многих недель действительно предвещали голод; но за прошедшие три дня погода также сильно изменилась; Господь да сохранит это ”. Инфекция, начавшаяся в Глазго в январе 1647 года, достигла Абердина в апреле, будучи, как говорили, переносчиком женщины из Бречина. В сентябре он все еще бушевал в Абердине, и уже в ноябре следующего (1648) года были зафиксированы отдельные случаи заболевания. Число умерших от чумы составляет 1600 человек, помимо 140 в соседних рыбацких деревнях Футти и Торри по обе стороны устья реки Ди. Эта огромная смертность наступила, несмотря на обычные строгие меры — переселение зараженных в хижины на Линкс и Вулманхилле, кордон солдат, чтобы запереть их, виселицу для непокорных и “цепы” для зараженных домов[1104]. Эта катастрофическая эпидемия 1647-1648 годов - последнее известие о чуме в Шотландии.

Чума в Честере и Окрестностях и в Ирландии, 1647-1650гг.

Две оставшиеся английские эпидемии тех лет произошли в городах, которые ранее сильно пострадали от чумы и находились в постоянном состоянии беспорядков во время войны, а именно в Честере и Шрусбери. Честер удерживался королем и сдался парламенту 3 февраля 1646 года после двадцатинедельной осады, во время последней части которой в стенах города свирепствовал голод. Только в 1647 году разразилась чума. С 22 июня по 20 апреля 1648 года в рукописи доктора Каупера указано, что число умерших от чумы составляло 2099 человек; все дела были приостановлены, и хижины для больных чумой были построены за пределами города[1105].

Чума в Шрусбери в 1650 году, как и в Честере, описывается как ужасная по своим последствиям для города. Она вспыхнула во время оккупации парламентскими войсками 12 июня 1650 года дома во Франквелле и продолжалась до января 1651 года. Только один приход, Сент-Чедс, по-видимому, вел учет смертей от чумы: в этот реестр с 12 июня по 16 января внесено 277 захоронений, из которых 250 - от чумы, при этом самая высокая ежемесячная смертность (76) была зафиксирована в августе 1650 года. Из этих 250 смертей 123 произошли в очагах заражения. В письме от 21 августа говорится, что за два месяца умерло 153 человека и что в городе насчитывалось около 3000 человек, зависящих от общей благотворительности[1106]. 21 ноября в очагах заражения все еще оставалось 200 случаев, большинство из них находились на пути к выздоровлению, как это обычно происходит ближе к концу эпидемии из-за большей готовности бубонов к нагноению.

Судя по небольшому количеству захоронений по обычным причинам в реестре Святого Чада, многие граждане бежали. О серьезности поражения некоторых домов свидетельствует тот факт, что от него умерли пятеро слуг в доме мистера Роули; и что 15 из 21 захоронения в приходе Сент-Джулианс принадлежали к четырем семьям[1107]. Это инциденты, подобные великой лондонской чуме 1665 года, которая является следующей по времени в английских анналах после посещения Шрусбери в 1650 году.

Чума в Ирландии в 1649-50 годах была связана, прямо или косвенно, с военными операциями при Айретоне и Кромвелле. Предыдущий, 1648 год, был годом голода: во время весеннего нападения повстанцев на Килдэр как английский гарнизон в городе, так и атакующие ирландцы были полуголодны, с обеих сторон наблюдалась большая смертность, а также падеж скота.

Говорят, что 4 мая кукуруза во всех кварталах повстанцев продавалась по невероятной цене в 8 фунтов стерлингов за квартал, и люди, и скот умирали в больших количествах[1108]. В 1649 году в Килкенни вспыхнула эпидемия чумы, вынудившая верховный совет католиков Конфедерации переехать в Эннис. Айртон, “думая, что ему не следует вмешиваться в то, что Господь так явно прибрал к рукам, отказался взять Килкенни в свои руки”. Но Кромвель осадил его 23 марта 1650 года, к тому времени гарнизон из 200 всадников и 1000 пеших был сокращен до 300 человек из-за разрушительной эпидемии чумы, жители также сильно пострадали[1109].

В письмах роялистов из Гааги говорится о чуме летом 1650 года как о катастрофическом бедствии в Ирландии, особенно в Дублине[1110]. ⁵/15 августа: “Леди Инчиквин приходила сюда прошлой ночью; те, кто с ней, сообщают, что чума пожрет в Ирландии то, чего нет у меча”.²12 сентября: “Все, что я слышу из Ирландии, это то, что чума произвела там ужасные разрушения; в Дублине за неделю умерло 1100 человек” — невероятная оценка[1111]. Ряды повстанцев были настолько поредели от меча и эпидемии, что “не более 200 человек пострадали от рук палача” после судебного разбирательства в высоком суде, состоявшегося в графстве Корк в 1651 году[1112]. Эпидемия, по-видимому, прекратилась осенью 1650 года, когда Государственный совет в депеше лорду-наместнику обратил внимание на благость Божью, остановившую чуму[1113].

Лихорадка в Англии, 1651-2гг.

Между этими эпидемиями 1644-1650 годов и окончательным повторным появлением инфекции на английской земле с 1665 по 1666 год промежуток времени занимает значительная лихорадка как в городах, так и в сельской местности. Болезни тех лет представляют интерес, поскольку были описаны двумя компетентными врачами, Уиллисом и Уитмором.

Было два основных периода эпидемий: 1651-2 и 1657-9 годы. В первый период болезни, по-видимому, были в основном на северо-западе. Уитмор, который практиковался во время Гражданской войны в Стаффордшире и Шропшире, по-видимому, был в Честере в 1651 году, а в 1657 году поселился в Лондоне. Именно от него в основном поступает наша информация[1114].

“Хорошо известно, ” говорит он, “ что эта болезнь в 1651 году [та же лихорадка, которую он более подробно описывает для 1658 и 1659 годов] впервые вспыхнула на побережье в Чешире, Ланкашире и Северном Уэльсе.... В Чешире в 1651 году эта болезнь больше всего поразила сельских жителей, которые были трудолюбивы, семена быстрее распространялись среди них из-за возбуждения настроения во время уборки урожая, чем среди тех, кто вел более оседлый образ жизни; и это может быть одной из причин, почему мы были так свободны в городе Честере, когда в радиусе трех-четырех миль от нас целые города были заражены ею, в маленьких деревнях, таких как Стэнни, Данхэм-он-те-хилл, Нортон и все, что было поблизости, одновременно заболело от 80 до 100 человек. у воды он сильно разбушевался”.

Уитмор ссылается на то, что он написал “для моего личного пользования” по поводу этой лихорадки еще в 1642 году; он также отмечает, что она свирепствовала каждую осень в том или ином месте королевства, и упоминает свой собственный опыт в Стаффордшире и Шропшире во время последней войны. Но он специально описывает эпидемию в Чешире, Ланкашире и Северном Уэльсе в 1651 году, наряду с эпидемиями 1658 и 1659 годов; и интересно отметить его

предположение относительно происхождения лихорадки на обоих берегах Мерси. Было хорошо известно, что лихорадка в 1651 году впервые вспыхнула на побережье в Чешире, Ланкашире и Северном Уэльсе:

“И если бы в Голландии заметили, что в туманный день инфекционная болезнь *Sudor Anglicus* пришла в Амстердам днем, и в ту ночь от нее умерло пятьсот или более человек, как сообщает Лемниус, я не знаю, почему мы не можем с таким же успехом предположить, что их противоположный сосед, Дублин, который затем два года поражала чума, не сообщил бы им о том же самом, хотя и в более небрежной степени”.

Здесь высказывается предположение, что распространенность чумы на противоположном побережье Ирландии привела к незначительному и “более запущенному” заражению вдоль побережий Северного Уэльса, Чешира и Ланкашира. Но чума была наиболее серьезной в самом Честере до того, как разразилась в Ирландии, и была серьезной в Шрусбери в то же время, что и в Ирландии. Какой бы ни была теория, важно, что уголок Англии, который был худшим и, возможно, единственным очагом чумы в 1648 и 1650 годах, был очагом злокачественной лихорадки в 1651 году, причем первая была в городах, а вторая - в деревнях.

Годом позже мы получаем представление о высокой смертности среди сельского населения в Бутле, в Камберленде, прямо через границу с Ланкаширом[1115]. 8 июля 1652 года Томас Уортон пишет из Киркдейла Эдварду Муру:

“В субботу на неделе Троицы у вдовы Робинсон умер мальчик, а в предыдущую среду он пилился в доме управляющего Уорсли со своими райтами. Мальчик и слуга управляющего спали вместе в амбаре Уорсли; к ночи мальчику стало нехорошо, и он больше не мог работать. Все это видел Джон Вигган из Киркдейла. Затем умер Джон Берч и четверо его детей — все мертвы, кроме его жены. У Джона Робинсона на прошлой неделе умерли один ребенок и его жена, а в прошлую среду умерли еще двое детей; и констебль Бутла думал, что он умрет до наступления сегодняшнего дня ночью. Вчера вечером, в среду, у Джеймса Пая умерли двое, его сын и дочь; и слуга Томаса Доуби мертв; и, как мы слышали, этот день разразился у Бриджа”.

На основании каких свидетельств антиквар, распечатавший документ, назвал эпидемию в этой стране “чумой”, не указано. Летальность болезни наводит на мысль скорее о чуме, чем о лихорадке; но сама лихорадка, по-видимому, была более злокачественной в одном месте, чем в другом, и в одно время больше, чем в другое, и, возможно, были не упомянутые случаи Бутла, которые выздоравливали. Если это была настоящая бубонная чума, то, насколько можно судить, это единственный случай за пятнадцать лет, прошедших между исчезновением чумы в Шрусбери в 1650 году и ее возрождением в Лондоне и других местах в 1665 году.

Эпидемическая болезнь, о которой мы обычно слышим в этот промежуток времени, - это лихорадка; и о лихорадке наши лучшие описания, после ссылки Уитмора на 1651 год, относятся к эпидемиям 1657, 1658 и 1659 годов.

Лихорадка и грипп, 1657-9гг.

Отчет Уиллиса о трех последовательных эпидемиях осенью 1657 г., весной 1658 г. и осенью 1658 г. представляет особый интерес по той причине, что это первое систематическое исследование по эпидемиологии, написанное в Англии, и что средней эпидемией из трех была эпидемия

гриппа[1116]. Читая повествование Уиллиса о событиях, мы можем понять, как получилось, что врачи того периода были так впечатлены доктриной об эпидемической зависимости от времени года и аналогичной доктриной о сезонной предрасположенности в конституции человека. Это учение впоследствии было изложено в нескольких эссе Сайденхэма; но в те времена его придерживались в основном, и Уиллис нашел удачные иллюстрации этого в трех эпидемиях, последовавших одна за другой в 1657-1658 годах. Давайте проследим за его повествованием и добавим к нему некоторые подробности от Уитмора.

Весна и лето 1657 года были чрезвычайно сухими и жаркими; но особенно после летнего солнцестояния жара была настолько сильной в течение многих последующих недель, что днем и ночью не было ни одного человека, который не жаловался бы на жар воздуха, почти постоянно потел и не мог свободно дышать. Примерно в конце июля лихорадка, которая поначалу была спорадической и специфической, начала вспыхивать в некоторых местах, возможно, два или три случая в одном и том же городе или деревне. Приступы лихорадки в этот период случались через день, но не было предшествующего им приступа переохлаждения или окоченения, как при обычной лихорадке, поскольку жар был сильным с самого начала. У большинства наблюдалась обильная рвота и желчный стул с последующим выделением пота, однако это было нелегкое, непрерывное и критическое потоотделение. Ремиссия лихорадочного припадка редко была полной в течение промежуточного дня, слабость, вялость, жажда и беспокойство всегда сохранялись. У некоторых тип улучшался после трех или четырех из этих квазистер-тичных пароксизмов; более поздние припадки сопровождались окоченением и стадией простуды, так что лихорадка становилась точно перемежающейся в терции. Но у большинства тип стал хуже, что, возможно, было связано с ошибками в режиме и лечении. Лихорадка действительно становилась продолжительной и могла закончиться нервными симптомами —летаргией, бредом, судорогами.

В августе болезнь распространилась повсюду, так что в каждом районе или деревне вокруг Оксфорда многие были больны ею; но в загородных коттеджах и в небольших деревнях она встречалась гораздо чаще, чем в городах. Это называлось “новой болезнью”, как называли военный тиф 1643 года и другие эпидемии как более ранние, так и более поздние.

Уиллис продолжает: Вирус переползал из дома в дом, заражая большую часть одной и той же семьи, и особенно тех, кто знаком с больными. “Да, стариков и мужчин зрелого возраста это обычно убирало”. У человека это продолжалось много дней, нет, даже месяцев, сопровождалось интенсивным опорожнением кишечника и почти ежедневными рвотными позывами и потоотделением. “Едва ли один из тысячи умирал от этого, чего я никогда не знал в эпидемическом синохе”. Эта странная болезнь, отличавшаяся от лихорадки не только отсутствием четких промежутков между приступами лихорадки, но и тем, что распространялась путем заражения, свирепствовала по всей Англии осенью 1657 года. Только в нескольких ограниченных населенных пунктах, и то лишь в некоторых случаях, это сопровождалось настоящей дизентерией. Уиллис не удовлетворен простым объяснением заражения воздуха, “маленькие тельца которых, попав внутрь, забродили вместе с кровью и жидкостями”. Должно быть, в человеческом организме было что-то столь же общее, предрасположенность, на которую так воздействовали; и причину этой склонности к лихорадке он находит в неумеренности года, а именно в сильной летней и осенней жаре.

Но самой замечательной иллюстрацией этих доктрин была эпидемия следующей весны, которая была чистой и безошибочно узнаваемой эпидемией гриппа-простуды. После очень жаркого лета и осени наступила долгая зима с сильными морозами. С декабрьских ид до весеннего равноденствия земля была покрыта снегом, ветер постоянно дул с севера. Состояние здоровья в течение зимы было довольно хорошим. Северный ветер продолжался до июня. “Примерно в середине апреля внезапно возникла чума, как будто посланная каким-то ударом звезд, которая охватила очень многих одновременно; и в некоторых городах в течение недели заболело более тысячи человек одновременно”. У них был неприятный кашель, сильное отхаркивание и катар, “распространяющийся на небо, горло и ноздри”. Болезнь сопровождалась лихорадкой, жаждой, отсутствием аппетита, усталостью, сильными болями в голове, спине, пояснице и конечностях, а также жаром в прекардии. Некоторые были очень больны в постели, с охриплостью голоса и почти непрерывным кашлем; у других было кровотечение из носа, кровавая слюна или кровавистый поток. Умерло немало старых и немощных, но более сильных, и почти все здоровые люди восстановились. Те, кто умер, “лениво истощались”, как люди, больные лихорадкой. Примерно треть человечества за месяц была поражена чумой. Уиллис объясняет это тем, что постоянный северный ветер сдерживал естественное действие крови весной. Весенняя кровь более живая, как овощные соки. Простудная лихорадка была нарушением весенней крови, подобно молодому вину, закупоренному в бутылках.

Эта вспышка примерно в середине апреля, очевидно, характерна для Оксфорда и прилегающей страны. Затем Уиллис описывает свою третью эпидемию, случившуюся летом и осенью 1658 года, которая представляла собой тот же тип лихорадки, что и летом и осенью 1657 года. Весенняя лихорадка 1658 года длилась не более шести недель. Ветер по-прежнему дул на север до дня летнего солнцестояния; незадолго до начала июля несколько дней стояла невыносимая жара, а когда начались “собачьи дни”, воздух стал невыносимо горячим, так что его с трудом можно было выносить на открытом воздухе. Новая лихорадка возникла в основном в конце августа и начала распространяться по целым регионам вокруг нас (в Оксфорде), и главным образом, как и в 1657 году, в загородных домах и деревнях; но тем временем заболели лишь немногие из жителей больших городов. Симптомы были почти такими же, как и предыдущей осенью. У одних лихорадка была постоянной; у других поначалу она носила перемежающийся характер; но очень многие были больны “своим мозгом и нервной системой” с сильной головной болью, шумом в ушах, притуплением слуха, ступором, головокружением, бодрствованием и бредом. У некоторых на первый или второй день “по всему телу медленно появлялись маленькие широкие красные пятна, похожие на корь, которые вскоре исчезали, лихорадка и головная боль усиливались”. Пациенты лежали несколько дней, как при смерти, не разговаривая и не узнавая своих друзей, после чего наступали летаргия и бред. Молодые люди в основном выздоравливали, старики умирали. У пожилых людей жар был не очень резким, но наблюдались беспокойство, метания из стороны в сторону, праздные и беспорядочные разговоры, сухость во рту, пересушенность языка и вязкая слизь. Обычно пульс был сильным и ровным; слабый, неравномерный и прерывистый пульс с контрактурами сухожилий и судорожными движениями запястий был предзнаменованием смерти. Те, кто умер, скончались в ступоре, без сознания, чтобы распорядиться своим имуществом; выздоровление других было долгим и сомнительным. Примечательной особенностью этой лихорадки была экзантема, которая больше напоминает сыпь при потливости или денге (костная лихорадка), чем пятна при сыпном тифе.

Уиллис заканчивает свою книгу о лихорадках рассказом об осенней эпидемии 1658 года “взято 13 сентября”, его работа была опубликована в Гааге в 1659 году. Уитмор, чей короткий очерк датирован Лондоном, ноябрем 1659 года, начинается с осенней эпидемии 1658 года, которая является последней из трех написанных Уиллисом; и, как ни странно, он также описывает весеннюю эпидемию гриппа — эпидемию, явно относящуюся к весне 1659 года. Если в датировках Уитмора нет какой-либо ошибки, невозможно избежать вывода, что за второй осенней лихорадкой 1658 года последовал весенний грипп, точно так же, как и за первой, 1657 года.

Рассказ Уитмора об осенней лихорадке 1658 года в основном согласуется с тем, что дал Уиллис. Он определяет это как “продолжающуюся гнилостную и злокачественную лихорадку, содержащую в себе семена заразы”. Она бушевала прошлой осенью по всей Англии, “и теперь начинается снова” (его предисловие датировано ноябрем 1659 года), поражая самых разных людей, что показывает, что это эпидемия. Поражается главным образом сердце, и поэтому некоторые называют его *cordis morbus*.

“В этом, как и в чуме при первом ее заражении, некоторые кажутся очень приятными, настолько далеки они от того, чтобы считать себя неладными, когда на самом деле сама смерть ступила своей ногой на порог их земных домов”. Были боли в голове, позывы к рвоте, внезапное упадок духа и слабость без какой-либо видимой причины, пульс слабый и иногда прерывистый, так как очень крепкие мужчины в Чешире (в 1651 году, где тогда свирепствовала эта болезнь) за очень короткий промежуток времени настолько потеряли силы, что не могли стоять или поворачиваться в своих постелях. Некоторые также проявляются кровотечением, очищением и потоотделением, и у многих появляются прыщи. Но по большей части это проявляется при каком-либо другом виде лихорадки. Злокачественность начинает проявляться на 5-й, 7-й или 9-й день с потерей аппетита, жаждой и сухим черным языком.

Письма 1658 года из Лондона подтверждают распространенность осенних болезней. 3 августа кто-то пишет, что погода жаркая и сухая, город чрезвычайно пуст и начинается наводнение. 4 января 1659 года было много болезней, особенно лихорадка, лихорадочный синдром и оспа.

Значительный интерес эссе Уитмора заключается в его аргументах против кровопускания при этой лихорадке; но это часть истории, с которой придется иметь дело в целом на более позднем этапе.

Затем Уитмор переходит к весенней эпидемии 1659 года, точно так же, как Уиллис поступил с эпидемией 1658 года. Вот его слова (4 ноября 1659 г.):

“Дав отчет о природе и способах лечения этой болезни, которая сейчас свирепствует по всей Англии, я вкратце опишу то, что этой весной повсеместно поразило Лондон; и покажу, как это согласуется и чем отличается от той болезни, которая прошлой осенью поразила всю нацию”. Затем он описывает типичный грипп, точно такой же, как у Уиллиса годом ранее, — боли в конечностях у одних, кашель и сильную чумку у других; “таким образом, через неделю или две, когда он перерос в ферментацию и вызвал гниение соковыжималок, он быстро приобрел тенденцию к росту и порастил многие тысячи людей в Лондоне, едва ли оставив семью, где были какие-либо запасы, без того, чтобы кто-то не заболел этой чумой, внезапно унесшей очень многих, будучи таким же, по мнению нехитрого врача, как прошлой осенью, хотя в новой

оболочке.” Затем Уитмор приводит причину, “почему это должно остановить их всех от кашля, чего не было осенью”.

Предполагая связь с осенней эпидемией 1658 года, он продолжает излагать обстоятельства повторного появления весной 1659 года: “Это затишье длилось всю зиму, до пасхальной недели, а затем в течение двух или трех теплых дней вырвалось на свободу, поскольку до этого не было теплой погоды, но была дождливая и черная неделя, солнце не появлялось пять или шесть дней подряд непосредственно перед праздником; когда внезапно разразилась теплая погода, горожане в своей летней пышности, многие из них были одеты тоньше, чем раньше (как пчелы на великолепном лугу). день) кишели за границей, а поры и т.д.”

И Уиллис, и Уитмор склоняются к мнению, что весенняя катаральная лихорадка была сродни странной осенней лихорадке, отличия каждой из которых соответствовали сезону. Уиллис, однако, разделяет эти два типа больше, чем Уитмор. Последний говорит об обеих лихорадках как об “этой протеаноподобной чуме”, различные формы которой “делают ее таким фокусом-покусом для изумленных и сбитых с толку людей, поскольку они справляются с ней самыми странными и разнообразными способами”. Она “настолько поразительна в своих изменениях, что, кажется, превосходит даже самого Протея”. Таким образом, самой странной частью этих повествований является не простудный грипп, который появлялся так часто, что стал привычным, а преобладание аномальных лихорадок, в некоторых отношениях похожих на перемежающиеся приступы без четкого интервала между приступами, но в отношении заразности, пятен, болей и других симптомов похожих на сыпной тиф — летучий тиф сельской местности и городов. Хотя это эпидемиологическое явление является странным, нет никаких оснований сомневаться в правильности наблюдений Уиллиса, подтвержденных наблюдениями Уитмора. Но в последующие годы действительно произойдет еще много событий подобного рода, которые выходят за рамки настоящего тома. Здесь нужно упомянуть только одного из этих более поздних наблюдателей. Третьим из знаменитого трио с Сиденхэмом и Уиллисом был Мортон. В Лондоне у него был длительный опыт борьбы с лихорадкой и оспой, о которых он написал книгу в 1692-4 годах^[1117]. Его история восходит к 1658 году — “*historia febris συνεχής в 1658 году нашей эры, 1691 год*”. В 1658 году он говорит, что лихорадка была повсюду в Англии, и ссылается на Уиллиса; единственными его собственными фактами являются то, что Оливер Кромвель и его (Мортон) отец были унесены ею в сентябре того же года, что он сам заболел ею (в возрасте 20 лет) и выздоравливал три месяца, и что весь дом (в Саффолке) был заражен. Приступ болезни Кромвеля настиг его в Хэмптон-Корте 21 августа; но это была не первая болезнь подобного рода, которой он страдал. Ему было всего пятьдесят девять, но он был измучен множеством забот и в то время тяжело переживал смерть своей любимой дочери, леди Клейпол, скончавшейся под его кровом 6 августа от какого-то болезненного внутреннего женского недуга. Лихорадку лорда-протектора называли “ублюдочным терцианом”, что, возможно, было названием лихорадки, описанной Уиллисом. 24 августа его перевезли в Уайтхолл, где воздух считался более полезным; и умер он между тремя и четырьмя часами дня 3 сентября, в годовщину одновременно “Данбар Филд и лауреатского венка Вустера”.

Эта распространенность лихорадок, разнообразных по своим типам, по всей Англии в 1657-59 годах соответствует лихорадочному периоду 1623-24 годов. В каждом случае лихорадка была незначительной чумой, и в каждом случае за ней следовало возрождение собственно чумы, которая бездействовала по всей стране в течение двенадцати-пятнадцати лет. Принципиальное отличие состоит в том, что за периодом лихорадки 1623-24 годов последовала чума в 1625 году,

тогда как за периодом лихорадки 1657-59 годов последовали несколько лет, не свободных от лихорадки, а затем чума в 1665 году. Ясно, что лихорадки 1657-1659 годов произвели большое впечатление по всей Англии, и впоследствии о них в народе говорили как о предупреждении о самой Великой чуме. В приходской реестр Олденхэма, Хартфордшир, внесено стихотворение о Великой чуме 1665 года, в котором есть следующие стихи[1118]:

“Семь лет прошло с тех пор, как Бог послал небольшую чуму,
Он потряс своим жезлом, чтобы побудить нас к покаянию.
Незадолго до этого нам прислали нехватку кукурузы
, чтобы посмотреть, повернем ли мы.

В кратких сводках приходских реестров Шорта годы, предшествовавшие 1665 году, выделяются как болезненные в сельских округах, согласно следующим цифрам:

	Нет. из регистр ов рассмот рев	нет. с болезнь ю	крещен ий в этом	захорон ений в том же
1657	98	36	991	1305
1658	96	33	704	1159
1659	101	29	553	825
1660	107	17	342	489
1661	182(?)	25	448	685
1662	105	20	376	504
1663	119	15	325	443
1664	118	12	328	364
1665	117	14	229	446

Такие нездоровые периоды, как 1657-59 гг., не повторяются до 1667-71 и 1679-84гг.

Уиллис говорит об осенней эпидемии 1658 года: “Но тем временем мало кто из жителей больших городов заболел”. Это подтверждается для Лондона в письме от 26 октября 1658 года: “Мир болезней во всех странах вокруг Лондона. Лондон в настоящее время считается самым здоровым местом”; но 4 января 1659 г.: “В городе много болезней, особенно лихорадки и оспы”[1119]. В таблицах Шорта реестры рыночных городов несут те же следы большого количества болезней за 1657 и 1658 годы, что и в сельских приходах.

Высокая смертность от лихорадки и пятнистой лихорадки сохранялась в Лондоне ежегодно с 1658 года до года великой чумы. Наибольшее число смертей от лихорадки было зафиксировано в год самой чумы, когда в отчетах о смертности их было 5257 (однако без особой уверенности из-за неразберихи, вызванной чумой). Следующие по величине показатели были

зафиксированы в 1661 году, когда от лихорадки умерло 3490 человек. Мы получаем представление об этой эпидемии от Пеписа; 16 августа 1661 года он пишет: “Но это такое болезненное время как в городе, так и в сельской местности повсюду (своего рода лихорадка), о котором почти никогда не слышали, если только это не было во время чумы. Среди прочих, знаменитый Том Фуллер умер от этого, а доктор Николлс [Николас], декан собора Святого Павла, и милорд генерал Монк очень опасно болен”. 31 августа он делает запись в своем дневнике: “Повсюду очень болезненный сезон странных и смертельных лихорадок”. У того же автора дневника от 20 октября 1663 года есть запись, что королева больна пятнистой лихорадкой и что “она вся в пятнах, как леопард”; 24-го королева была на верном пути к выздоровлению.

Именно в этот период начинаются знаменитые наблюдения Сиденхэма за сменой времен года и состоянием общественного здравоохранения в Лондоне. Осенние перебои, по его словам, которые были распространены несколько лет назад, вернулись в 1661 году с новой силой, примерно в начале июля, в основном это были терции плохого типа: в августе они усилились настолько, что почти полностью унесли семьи, но с наступлением зимних холодов пошли на убыль. Затем он проводит различие между ними и обычными терцианами. В те же годы, 1661-2-3-4, очень подробно описывается продолжающаяся лихорадка, а затем он переходит к “чумной лихорадке” и самой чуме 1665 и 1666 годов^[1120]. Взяв у Сиденхэма на данный момент единственный факт, что необычно высокая интенсивность чумной лихорадки привела к чуме 1665 года (свидетелем которой он не остался в Лондоне), мы перейдем в следующей главе к этой завершающей эпидемии данного раздела нашей истории. Кое-что еще остается сказать о лихорадках 1661 года (специально описанных Уиллисом как лихорадка мозга и нервной системы, но, в свою очередь, называемых “новой болезнью”); но поскольку это первая из “эпидемических конституций” Сиденхэма и поскольку они непрерывно регистрируются до 1685 года, когда была еще одна “новая лихорадка”, будет удобно закончить подробную историю лихорадок на данный момент замечательными эпидемиями 1657-59 годов.

ГЛАВА XI.

БОЛЕЗНИ ПУТЕШЕСТВИЙ И КОЛОНИЙ.

(Морская цинга, флюс, лихорадка и желтая лихорадка.)

Болезни первых путешествий и иностранных поселений входят в историю национальных болезней, как в отношении Британии на море, так и за его пределами, и как свидетельство болезнетворных условий тех ранних времен. В последнем отношении из путешествий и колониального опыта можно почерпнуть больше, чем отчеты о домашней жизни на родине, которые, вероятно, сообщают нам иначе, чем смутно. Англичанин того времени брал свои

привычки с собой в море и в чужие края, где обстоятельства были более тяжелыми, а последствия более очевидными.

Эта история делится сразу на несколько ветвей. Существуют случаи заболеваний во время океанских путешествий, поначалу нерегулярных, но ставших несколько единообразными после основания Ост-Индской компании в 1601 году, главным из которых является цинга. Далее следуют первые меры по борьбе с болезнями, как во время плавания, так и после высадки на берег, при создании колоний в Вирджинии, Новой Англии и Вест-Индии, среди которых проблемы Ямайки были достаточно масштабными, чтобы заслуживать подробного изучения. Наконец, среди более обширных разделов этой главы мы должны отметить начало и обстоятельства возникновения ужасного и продолжительного бедствия вест-индских колоний — желтой лихорадки. Хотя в этом отчете о болезнях путешествий и новых колоний мы в основном озабочены британской предприимчивостью, у нас будет возможность взглянуть на аналогичный опыт других наций.

Первые сообщения о морской цинге.

Болезнь, которая чаще всего фигурирует в рассказах о длительных океанских путешествиях, начавшихся в современный период, - это цинга. Во время самого первого из великих путешествий Васко де Гамы в Индию мимо мыса Доброй Надежды в 1498 году, когда корабли находились у побережья Западной Африки, возникла цинга, и за короткий период произошло пятьдесят пять смертей. Более или менее полные описания всех известных последующих событий подобного рода имеются в сборниках Хаклута и Перчаса, из которых были взяты факты, описанные в дальнейшем.

В "Путешествии Фердинанда Магеллана в Тихий океан" цинга упоминается впервые на поздней стадии; в 1520 году корабли прошли пролив, названный его именем, и три месяца и двенадцать дней плыли на запад от последней земли; их провизия подошла к концу, и "из-за этого голода и нечистого питания у некоторых из них десны так срослись с зубами, что они умерли ужасной смертью от голода". Девятнадцать человек, а также великан из Патагонии и индеец из Бразилии были мертвы, и еще около двадцати пяти или тридцати человек были больны, "так что в некотором роде не было ни одного без какой-либо болезни^[1121]".

Много лет спустя английские корабли не совершали плаваний такой же продолжительности, и тогда мы находим у них те же неприятности от цинги и других болезней. В то время как португальцы и испанцы плавали в тропических водах, англичане и французы отправляли большую часть своих экспедиций на Север. Французы пытались основать колонию на берегах залива Святого Лаврентия, в то время как англичане стремились наладить торговлю с Москвией через Белое море и открыть более близкий путь на дальний Восток через полярные регионы. Рейсы во всех этих предприятиях были короткими, корабли по большей части возвращались после четырех- или пятимесячного отсутствия и без каких-либо заметных заболеваний: только когда французы зимовали в Канаде, началась цинга. Таким образом, путешествия англичан на "Московской компании" практически не представляют интереса для нашей темы; в то время как три путешествия Фробишера в поисках Северо-Западного прохода в 1576, 1577 и 1578 годах и три путешествия Дэвиса в 1585, 1586 и 1587 годах (в последнем из

которых он добрался до 73 ° северной широты), насколько это возможно, свободны от записей о болезни.

Вторая экспедиция Жака Картье к реке Святого Лаврентия в 1535 году закончилась катастрофой из-за цинги. В своем первом плавании в 1534 году на двух кораблях водоизмещением по шестьдесят тонн каждый, на борту каждого из которых находился шестьдесят один человек, он, по-видимому, не болел, поскольку покинул Сен-Мало 20 апреля, торговал с индейцами в заливе Святого Лаврентия и вернулся 5 сентября того же года. Экспедиция следующего года с тремя кораблями перезимовала на побережье, среди тяжелых льдов, и примерно в середине зимы начала страдать от цинги[1122]. У экипажей, по-видимому, не было недостатка в припасах, как в мясе, так и в питье, а вспышка цинги, описываемая как неизвестная болезнь, была настолько неожиданной, что ее приписали заражению от индейцев, которые, как говорят, признали смерть около пятидесяти человек из своего числа от “чумы”.

“Упомянутая неизвестная болезнь начала распространяться среди нас самого странного вида, о котором когда-либо слышали или видели, до такой степени, что некоторые действительно теряли всю свою силу и не могли стоять на ногах; затем их ноги опухали, сухожилия становились черными, как уголь. У других кожа также была покрыта пятнами крови пурпурного цвета; затем она поднялась до лодыжек, коленей, бедер, плеч, рук и шеи; изо рта у них стало вонять, десны настолько сгнили, что вся плоть отвалилась даже до корней зубов, которые тоже почти все выпали. Эта болезнь распространилась на трех наших кораблях с такой заразой, что примерно в середине февраля из ста десяти человек, которые у нас были, целых не было и десяти; так что один не мог помочь другому.... Там уже было 8 погибших и более 50 больных, и, как мы думали, выздоровление прошло”. Тело одного умершего, в возрасте 22 лет, было вскрыто, чтобы узнать, что это за болезнь; было обнаружено, что у него белое, но гнилое сердце и в нем больше кварталы красной воды[1123]; его печень была безразлично чистой, но легкие черными и умерщвленными ... его молочная ткань ближе к спине была несколько сморщенной, шершавой, как будто ее терли о камень.

“С середины ноября по середину марта умерло 25 наших лучших и начальствующих людей, а все остальные заболели, за исключением трех или четырех; затем Богу было угодно обратить на нас свой жалостливый взор и послать нам знание о ремеди, о нашем здоровье и выздоровлении.... Капитан, идя по льду, спросил Домагаю [индейца], что тот сделал, чтобы исцелить себя; он ответил, что выпил сок листьев определенного дерева и этим исцелил себя! ибо это было единственное средство против этой болезни”. Совет индейца состоял в том, чтобы “взять кору и листья, отварить их вместе и пить указанный отвар через день, а его остатки прикладывать к больным ногам”....

“Считается, что это дерево сассафрас. После того, как это лекарство было найдено и доказало свою эффективность, разгорелся такой спор о том, кто должен принять его первым, что они были готовы убить друг друга, так что дерево размером с любой дуб во Франции было испорчено и срублено догола, и все это было уничтожено за пять или шесть дней, и это действовало так хорошо, что если бы все врачи Монпелье и Ловена были там со всеми лекарствами Александрии, они не сделали бы за один год столько, сколько это дерево сделало за шесть дней, ибо оно настолько преобладало, что все, кто пользовался им, по милости Божьей выздоравливали. их здоровье”.

В 1542 году, когда Картье все еще продавал за свой счет "Святого Лаврентия" из Бретани, более амбициозный проект по патенту Короны, выданному Ла-Рошелю[1124]. С Де ла Рошем, графом Робервалем, в качестве губернатора, несколько предприимчивых дворян и джентри, всего мужчин, женщин и детей в количестве двухсот человек, отплыли на трех кораблях и обосновались в Нижней Канаде со всеми формальностями оккупации. Два из трех кораблей были отправлены домой в сентябре, а самих колонистов оставили вкушать суровости канадской зимы: "В конце концов, многие из наших людей заболели определенной болезнью ног, предплечий и желудка, так что, казалось, у них отнялись все конечности; и около пятидесяти человек умерло".

Первые английские упоминания о морской цинге связаны с ранними плаваниями в Гвинею за золотым песком[1125]. Мистер Джон Лок отправился во второе плавание в Гвинею 11 октября 1554 года, его кораблями были "Тринити" водоизмещением 140 тонн, "Бартоломью" водоизмещением 90 тонн и 'Иоанн Евангелист' водоизмещением 140 тонн. После нескольких месяцев торговли у африканского побережья корабли отплыли домой: "Из наших людей в этом последнем плавании погибло около двадцати четырех человек, из которых многие умерли по возвращении в холодные регионы, например, между Азорскими островами и Англией". Название болезни не указано, но из того, что следует, вполне вероятно, что это была цинга.

Следующее плавание в Гвинею было первым для Тоурсона в октябре 1555 года из Ньюпорта, остров Уайт, на "Харте" и "Хинде"; упоминается смерть только одного человека; он умер "во сне" 29 марта; к 7 мая провизии стало так мало, что корабли причалили к берегам Ирландии, чтобы купить молоко и двух овец у диких кернесов, заплатив золотой пылью.

Во втором путешествии Таурсона нет ни слова о болезни, но в его третьем путешествии в 1577 году это важная тема повествования. Суда 'Миньон', 'Кристофер' и 'Тайгер' вышли из Плимута 30 января 1577 года. 8 мая: "все наши ткани на 'Миньоне' были проданы, я созвал компанию, чтобы узнать, будут ли они откладывать продажу ткани, взятой в качестве приза, в этом месте или нет: они ответили, что в связи со смертью нескольких из их людей и нынешней болезнью еще 20 человек они не будут задерживаться, а отправятся на другие корабли, о которых они ничего не слышали с 27 апреля". Наконец, обменявшись золотом до тех пор, пока туземцы больше не захотят торговать, три корабля отправились домой. 24 июля капитан 'Тигра' поднялся на борт 'Миньона' и доложил, что "его люди были настолько слабы, а корабль дал такую течь, что он не смог удержать его над водой". Проверка, проведенная всеми тремя экипажами в тот же день, показала, что в них было не более 30 здоровых людей. 3 сентября, когда на 'Тигре' было всего шесть человек, способных работать, с него забрали золото и припасы, и он был брошен. 6 октября, находясь у берегов Португалии, "Кристофер" сообщил о себе настолько слабым, что не смог удержаться в море. 'Миньон' обещал проводить ее до Виго; но поднялся попутный ветер, и она дала понять, что направляется домой, после чего "Кристофер" последовал за ней. 16 октября поднялся сильный юго-западный шторм; люди на "Миньоне" не смогли из-за слабости справиться с парусами, которые сдуло ветром; однако они сделали переход, чтобы достичь острова Уайт 20 октября, больше о "Кристофере" ничего не было сказано.

За английскими путешествиями в Гвинею за золотым песком вскоре последовали три экспедиции Джона Хокинса в 1562, 1564 и 1567 годах к западному побережью Африки за негритянскими рабами для продажи испанцам на Эспаньоле и Кубе и на Испанском материке[1126]. О первом путешествии сохранилось лишь краткое изложение, в котором ничего

не говорится о болезнях; во втором, по крайней мере, негры, по-видимому, пострадали во время довольно длительного перехода через тропический пояс, особенно от нехватки воды; а третье было настолько пагубным во всех отношениях, что сам Хокинс писал о нем: “Если бы все невзгоды и неприятные события этого печального путешествия были описаны совершенно и тщательно, понадобился бы болезненный человек с его пером и таким же большим временем, какое у него было, для написания жизни и смерти мучеников”. Мало или вообще ничего не говорится об одном классе мучеников этого бизнеса — неграх, которых на кораблях перевозилось от четырех до пяти сотен. Англичане гибли во время набегов на похищенных людей, как считалось, от отравленных стрел, раненые умирали “странным образом с закрытыми ртами примерно за десять дней до смерти и после того, как их раны заживали”. Именно по возвращении из Мексиканского залива, более чем через год после отъезда из Англии, болезнь на борту стала особенно острой. Они прошли Багамский канал 16 ноября 1568 года, после чего, “приближаясь к холодной стране, наши люди, угнетаемые голодом, постоянно умирали, а те, кто остался, так ослабели, что мы едва могли управлять нашим кораблем” (‘Иисус’ из Любека, 700 тонн). 31 декабря они причалили к Понте Ведро, недалеко от Виго, но свежая провизия, которую они получили, обернулась им во вред: “у наших людей от избытка свежего мяса начались ужасные болезни, и большая часть из них умерла”. Двенадцать свежих рабочих рук, доставленных в Виго, позволили судам добраться до ближайшей английской гавани в Маунтс-Бей в Корнуолле.

Тем временем мы получаем некоторые сведения о мореплавании португальцев, у которых теперь, в середине 16 века, была регулярная торговля с Индией, налаженная маршрутом Васко де Гамы вокруг мыса Доброй Надежды. Возможно, самой известной из этих записей является запись о путешествии святого Франциска Ксаверия из Лиссабона в Гоа весной 1540 года. Экспедиция, с которой он отправился, несла, как говорят, полк из тысячи человек для усиления гарнизона Гоа; во время путешествия апостол-иезуит “оказывал больным услуги, слишком отвратительные, чтобы их можно было описать, и жил среди умирающих и распутников, неутомимый служитель утешения и мира”^[1127]. Через пять месяцев корабли прибыли в Мозамбик, к тому времени Ксавье и многие другие страдали от лихорадки. До Гоа добрались только через тринадцать месяцев пути от Тежу. Более знакомый рассказ о том же путешествии португальских кораблей поколением позже приводит английский юноша Томас Стивенс в письме, написанном домой своему отцу, гражданину Лондона, вскоре после прибытия в Гоа. Как в общих чертах, так и в деталях это превосходное письмо послужит для измерения распространенности цинги, флюса и лихорадки в более ранний период торговли Ост-Индией через Капскую провинцию^[1128].

Пять кораблей покинули Лиссабон 5 апреля 1579 года, торжественность была отмечена артиллерийской стрельбой и ревом труб. На кораблях, “помимо матросов и солдат, было большое количество детей, которые в море переносят это лучше мужчин; и неудивительно, что многие женщины также переносят это очень хорошо”. После перехода вдоль побережья Гвинеи, утомительного из-за штилей и встречных ветров, 29 июля они обогнули мыс Доброй Надежды. С этого момента в плавании португальские корабли имели обыкновение следовать одним из двух маршрутов в зависимости от позднего сезона - либо маршрутом через Мозамбикский канал, в этом случае они могли получить фрукты и свежую провизию, либо маршрутом вдоль побережья Гвинеи. некоторое время вдоль более южных параллелей и проходит к востоку от Мадагаскара^[1129]. В последнем случае “из-за долгого плавания и недостатка пищи и воды они заболевают различными болезнями, их десны становятся

большими и опухают, и они охотно отрезают их, их ноги опухают, и все тело становится болезненным и настолько онемевшим, что они не могут пошевелить ни рукой, ни ногой, и поэтому они умирают от слабости. Другие впадают в приливы и отливы и, таким образом, умирают.

“И таким образом у нас был шанс выжить; и хотя у нас было более ста пятидесяти больных, умерло не более двадцати семи, и эту потерю они не слишком ценили по сравнению с другими временами”.

Корабли сильно отклонились от своего курса, увидев остров Сокотра у входа в Аденский залив, и прибыли в Гоа только 24 октября, через 202 дня пути из Лиссабона, никуда не заходя.

Первым из длительных английских путешествий за Границу было знаменитое кругосветное плавание сэра Фрэнсиса Дрейка с 15 ноября 1577 года по 26 сентября 1580 года[1130]. Дрейк, должно быть, потерял много своих людей за эти три года, но в повествовании нет ничего, что указывало бы на то, что они погибли от болезней. Экспедиция проходила через Магелланов пролив и была в основном направлена на разграбление испанцев на побережьях Чили и Перу. Дрейк отправился домой, нагруженный сокровищами, через Филиппины и мыс Доброй Надежды. Только когда повествование приводит нас на маленький остров между Тернате и Целебесом, мы слышим о болезни; там они погрузили корабль на мель и оставались там двадцать шесть дней, в течение которых “болезненные, слабые и разложившиеся” восстанавливали свои силы, а крупный вид раков, найденный на острове, был “очень хорошим и восстанавливающим мясо, в употреблении которого мы имели опыт”. Но даже Дрейку, со всей его систематической осторожностью и находчивостью, было суждено в последующие годы испытать на себе долю обычных болезней в море и обнаружить, что болезнь - более сильный враг, чем испанец.

Замечательная эпидемия во флоте Дрейка 1585-86гг.

Следующая крупная экспедиция Дрейка после его кругосветного плавания состоялась в 1585 году с шестью кораблями королевы и примерно девятнадцатью другими, на борту которых находилось 2300 человек. Большое количество частных авантюристов имели денежный интерес к предприятию, целью которого было разграбление испанских городов в Вест-Индии и на Испанском Майне, а также захват сокровищ на Панамском перешейке на пути в Испанию. Флот пережил одну из самых замечательных эпидемий за всю историю болезней[1131].

Покинув Плимут 14 сентября 1585 года, они прибыли на остров Сен-Яго в группе Кабо-де-Верде 16 ноября. Более тысячи человек были высажены на берег и прошли маршем по крутой и неровной местности к холму, возвышающемуся над столицей, которая стояла в узкой долине, с высокими утесами на востоке и западе и открытым перед ней Атлантическим океаном на некотором расстоянии на юге. Это место было окружено стеной и защищалось пятьюдесятью медными орудиями; но сопротивления оказано не было, и англичане, войдя, обнаружили, что жители бежали дальше вглубь страны. 17 ноября город был расквартирован для размещения всей армии, которая оставалась там в течение десяти дней или двух недель (даты не совпадают), забирая такую добычу, какую давало это место (вино, масло, муку и “мусор” португальской торговли с Индией). Через неделю, когда никто не пришел выкупать город, Дрейк

отправился с 600 людьми в деревню или городок Сан-Доминго, расположенный в двенадцати милях вглубь материка, в надежде найти губернатора и епископа; но, никого не найдя, он тем же вечером повел своих людей обратно. 26 ноября все силы были вновь погружены на борт, все дома в столице, а также в окрестностях были подожжены, порт Плайя, расположенный в нескольких милях к западу, также был сожжен, и в ту же ночь корабли снялись с якоря у последнего и отошли на юго-запад. Они наполнили свои бочки водой из пруда недалеко от берега моря, образованного небольшим ручьем, который протекает через столицу и спускается по южному склону. Ничего не говорится о болезнях во время оккупации Сен-Яго; по-видимому, дисциплина была несколько ослаблена (из-за неоднозначного характера экспедиции), что Дрейк быстро исправил.

Кораблям потребовалось всего восемнадцать дней, чтобы пересечь Атлантику до Доминики, преодолев расстояние около сорока меридианов. В разгар этого быстрого плавания вдоль кромки тропического пояса океана, при постоянном северо-восточном пассате, в начале декабря и при самом восхитительном и освежающем климате на земном шаре корабли внезапно поразила ярость смертельной чумной лихорадки, о которой ниже приводится отчет капитана сухопутных войск, находившегося на борту:

“Мы пробыли в море не так уж много дней, но среди нашего народа началась такая смертность, что за несколько дней погибло двести или триста человек. И примерно через семь или восемь дней после нашего выхода из Сен-Яго на всем флоте не умер от болезней ни один человек. Болезнь не свидетельствовала о его заражении, которым были поражены столь многие, пока мы не ушли оттуда; а затем охватила наш народ сильным жжением и продолжительной лихорадкой, из-за чего очень немногие остались живы, и все же те, по большей части, не без больших изменений и упадка ума и сил в течение длительного времени после этого. У некоторых умерших были отчетливо видны маленькие пятнышки, которые часто встречаются у тех, кто был заражен чумой”.

Из Доминики корабли отплыли в Сент-Кристофер, на острове которого Дрейк высадил все свое войско, почистил и проветрил свои корабли в соответствии с превосходной практикой, которой он также следовал во время своего великого кругосветного плавания. Проведя таким образом на берегу несколько дней Рождества, “чтобы подкрепить наших больных”, плавание возобновилось на Эспаньоле. Смерти продолжали происходить от той же болезни, что и вначале, как среди офицеров, так и среди рядовых, и так продолжалось в течение многих недель. Тем не менее, они смогли посадить около 1000 или 1200 человек на Эспаньоле и штурмом взять город Сан-Доминго. Затем флот поплыл на юг вдоль побережья материка к Картахене, которая, в свою очередь, была захвачена и таким же образом требовала выкуп.

Именно в этой части повествования мы в следующий раз слышим об инфекции на флоте:

“Мы пробыли здесь шесть недель [с середины января по конец февраля 1586 года], и болезнь со смертельным исходом, о которой говорилось выше, все еще продолжалась среди нас, хотя и не с такой яростью, как вначале. И те, кого коснулась упомянутая болезнь, избежав смерти, очень немногие или почти никто не смог восстановить свои силы; да, у многих из них сильно испортилась память, настолько, что стало обычным суждением, когда кто-то говорил глупости, говоря, что он был болен *calentura*, что является испанским названием этой жгучей лихорадки; ибо, как я говорил вам ранее, это очень жгучая и чумная лихорадка”.

Далее следует испанская теория о *календуре*, которая может быть, а может и нет, справедливо применена к смертельной эпидемии, внезапно вспыхнувшей на английских кораблях посреди океана:

“Первопричину этого приписывают вечернему или первому ночному воздуху, который они называют *ла-серена*, в котором они говорят и придерживаются очень твердого мнения, что тот, кто в это время находится за границей на открытом воздухе, непременно заразится насмерть, не будучи индейцем или естественной расой этих сельских жителей. Неся свою вахту, наши люди, таким образом, подвергались воздействию заразного воздуха, который в Сен-Яго был самым опасным и смертоносным из всех других мест. Из-за неудобств, связанных с постоянной смертностью, мы были вынуждены отказаться от намеченного предприятия и т.д.”

27 февраля 1586 года Дрейк проконсультировался с капитанами сухопутных войск и посоветовал, чтобы экспедиция отправилась домой из Картахены, вместо того чтобы пытаться захватить сокровища в Панаме. В своем меморандуме они написали: “И будучи дополнительно проинформированы о слабости наших сил, до которой мы теперь доведены, а также в отношении небольшого числа трудоспособных тел, а также немалой степени в отношении вялого характера большей части тех, кто остался, очень многие из лучших умов и людей были либо поглощены смертью, либо ослаблены болезнями и увечьями и т.д.”. Соответственно, путешествие в Англию было начато; Святой Августин во Флориде был захвачен по пути, и борющаяся колония в Вирджинии, первая отправленная Рэли, была захвачена и возвращена обратно. , а Портсмут был достигнут 28 июля. “За время плавания мы потеряли около 750 человек, более трех процентов из них только из-за болезней”. Названы имена восьми погибших капитанов, четырех лейтенантов и семи капитанов-старшин; кроме того, были убиты еще несколько неназванных офицеров. Когда выкупы за Сан-Доминго и Картахену были разделены, предприятие, должно быть, было признано столь же невыгодным для акционеров, сколь губительным для офицеров и матросов.

Испанское название *calentura*, которым описывается лихорадка во флоте, вероятно, использовалось в основном для обозначения различных видов лихорадки в тропиках. Но, в частности, об этой лихорадке у нас есть некоторые подробности, не лишённые диагностической ценности. Им, несомненно, заразились в Сен-Яго на островах Зеленого мыса; он внезапно вспыхнул посреди океана примерно через семь или восемь дней плавания против ветра в восхитительном климате, что указывает на регулярную инкубацию инфекционного вируса, которым заразились сотни людей, когда они в последний раз сходили на берег; смертность была огромной; симптомы были как у жгучей лихорадки; и в некоторых случаях были небольшие пятна или петехии, подобные тем, которые часто наблюдаются при чуме. Очевидно, что это была лихорадочная форма чумной инфекции, и, поскольку выздоравливали немногие, следует считать, что смертность от нее была такой, какая редко бывает при сыпном тифе и какой обычно бывает при желтой лихорадке. Ничего не говорится о черной рвоте, кровоизлияниях и шафрановом цвете кожи и глаз, которые характерны для желтой лихорадки[1132]. С другой стороны, в обоих процитированных отрывках упоминается замечательный последующий эффект - потеря памяти, ухудшение сообразительности и видимость глупости, из-за чего “калентюр” стал прощальным словом во флоте. Я не осмелюсь сказать, что это была за инфекция, но представляется вполне вероятным, что ею заразились англичане во время оккупации ими столицы страны города Сен-Яго. Более поздние посетители островов Зеленого Мыса отмечали, что их города и деревни являются очагами лихорадки, и указывали на источник

лихорадки; это не малярия и не простое влияние климата, а чумная эманация от участков почвы, издавна населенных людьми, как черными, так и белыми, и расположенных в чашах холмов таким образом, чтобы сохранять и умножать в них брожение грязи. Согласно всем аналогиям, эманации из такой почвы больше всего ощущались бы незнакомцами, не привыкшими к ним, и больше всего людьми другого происхождения и из других широт[1133].

Болезни во время путешествий, продолжение: Лечение цинги.

Экспедиция в Виргинию, которая вернулась в 1586 году с кораблями Дрейка, направлявшимися домой с испанских островов Мэйн, была первой, отправленной Роли с намерением обосноваться, более раннее путешествие в 1584 году было предпринято для изучения страны. Именно в связи со второй колонией Роли (и четвертой экспедицией) в 1587 году мы слышим о катастрофической болезни[1134]. Оставив 118 человек проживать в стране, два больших корабля отплыли домой 27 августа того же года. На борту “летучей лодки” не хватало провизии, вода стала вонючей, офицеры и матросы погибли, и судно с трудом довели до западного побережья Ирландии. Добравшись до Портсмута, они обнаружили, что адмирал прибыл туда на три недели раньше них, но с таким же катастрофическим опытом: “Капитан Фердинандо и вся его компания вернулись домой не только без каких-либо покупок, но и в такой слабости из-за болезни своих лучших матросов, что они едва смогли привести свой корабль в гавань, но были вынуждены бросить якорь без этого”.

Следующий, 1588 год запомнился в английских морских анналах поражением испанской армады. В обоих флотах было много болезней. Что касается английских кораблей, автор, имевший особый доступ к подлинным документам, говорит[1135]:

“Когда мы читаем печальную повесть о болезнях, голоде и позоре, которым так напрасно подверглись героические поборники свободы Англии против захватнической мощи Испании, мы мало задумываемся о том, из-за каких темных и незначительных причин трудности и невзгоды островных моряков могли возникнуть главным образом”, а именно из-за казнокрадства чиновников, проржавевших пайков, пустых магазинов и тому подобного. На кораблях испанского флота зараза была подобна самой чуме; основная часть экспедиции, пятьдесят человек, достигла Ла-Коруньи, Сантандера и Святого Себастьяна с такой инфекцией среди десяти тысяч человек на борту, что жители закрылись от нее в своих домах.

Двое героев той битвы, Дрейк и Хокинс, умерли от болезни у берегов Испанского Майна в 1595-156 годах. Экспедиция, состоящая из 2500 человек на шести кораблях королевы и двадцати одном другом, покинула Плимут 28 августа 1595 года[1136]. В повествовании упоминаются только смерти офицеров, но, похоже, их было немало, когда корабли находились в Карибском море. Хокинс скончался у берегов Порто-Рико 12 ноября. 7 декабря мистер Йорк, капитан ‘Надежды’, умер от болезни, 15 января от болезни умер капитан Плэт, а затем сэр Фрэнсис Дрейк начал не выходить из своей каюты и жаловаться на насморк или флюс: он умер 28 января у берегов Порто-Белло. 27-го скончались капитан Джонас с ‘Дилайта’, капитан Эджертон и Джеймс Вуд, главный хирург флота, с ‘Гарленда’. 28-го умер Абрахам Кендалл с ‘Балобана’. Несколько кораблей были потоплены, чтобы их люди могли перейти на корабли Королевы, на которых не хватало рабочих рук. Сбор, проведенный 6 февраля, показал, что во всем флоте “две

тысячи больных и невредимых”, или на пятьсот человек меньше, чем вышло в море. Некоторые люди погибли в столкновениях с врагом, но гораздо больше от болезней.

Прежде чем мы перейдем к установлению регулярной английской торговли с Ост-Индией португальским путем вокруг мыса Доброй Надежды, следует упомянуть о двух флибустьерских круизах или экспедициях на Восток южноамериканским маршрутом, написанных Томасом Кавендишем и несколько подробнее - Ричардом Хокинсом. Первое плавание Кавендиша[1137] Магеллановым проливом было совершено из Плимута 25 июля 1586 года на трех кораблях (всего 240 тонн), перевозивших 125 человек.

Добравшись до западного побережья Африки, они сошли на берег и сорвали лимоны с деревьев. У берегов Бразилии в ноябре и декабре двое мужчин умерли “от болезни под названием скорбута, которая представляет собой инфекцию крови и печени”. Прибыв в Магелланов пролив, они обнаружили двадцать три испанца, питавшихся моллюсками, “которые были всем, что осталось от четырехсот человек, которые были оставлены там [для основания колонии] в этих Магеллановых проливах три года назад, все остальные умерли от голода”. Они были только рады поскорее покинуть это место, Порт-Голод, “из-за отвратительного зловония и мерзкого привкуса, которыми оно было заражено из-за заразы от испанских чахлах и мертвых туш”. На одном из собственных кораблей Кавендиша 21 февраля 1588 года, находясь среди островов Ост-Индии, капитан Хейверс умер от “сильнейшей и чумной лихорадки, которая продержала его в ярости около семи или восьми дней. Более того, вскоре после его смерти я [Красавчик, рассказчик] и еще несколько человек на корабле серьезно заболели и, таким образом, продолжали испытывать очень сильные боли в течение трех недель или месяца из-за сильной жары и невоздержанного климата”.

Можно было бы предположить, что это были случаи корабельной лихорадки (или календулы); но в последнем путешествии Кавендиша мы встречаемся со странной болезнью, которая, возможно, опровергнет все нозологические догадки. Это путешествие, как и первое, предназначалось для Ост-Индии через Магелланов пролив[1138]. Три больших корабля и две барки, отплыв из Плимута 26 августа 1591 года, так и не прошли через пролив; в апреле 1592 года они все еще находились в своих укрытиях, многие люди “умерли от проклятого голода и ужасного холода”, а больных людей высадили на берег в лесу, в снегу. Далее повествование (автор Джон Лейн) повествует о судьбе одного из кораблей, ‘Желания’. Высадившись в Порт-Дезире в Патагонии, они обнаружили, что растет цинготная трава, которую они ели с маслом: “Эта трава настолько очистила кровь, что сняла все виды опухолей, от которых многие [умерли], и вернула нам совершенное физическое здоровье, так что мы были в таком же хорошем состоянии, как и тогда, когда впервые покинули Англию”. Там же они взяли на борт 14 000 пингвинов, которых высушили на скалах, в основном без соли; и 22 декабря отплыли на север. Поскольку из 76 человек выжили только 27, они покинули побережье Бразилии на мысе Фрио (недалеко от Рио-де-Жанейро), а затем начали свой более необычный опыт борьбы с болезнью.

“После того, как мы приблизились к солнцу, наши сушеные пингвины начали разлагаться, и в них завелись самые отвратительные и уродливые черви длиной в дюйм. Этот червь сильно разросся и пожирал наши припасы; ” он пожирал все, кроме железа, — одежду, сапоги, рубашки, даже корабельные доски! “В этом прискорбном случае, после того, как мы миновали точку равноденствия на Севере, наши люди начали заболевать такой чудовищной болезнью, о которой, я думаю, никогда не слышали: ибо у них начали опухать лодыжки, оттуда через два дня

она распространилась на грудь, так что они не могли дышать, а затем впали в кому, и их чресла и ярды действительно распухли самым тяжелым и ужасным образом, так что они не могли ни стоять, ни лежать, ни ходить. После чего наши люди обезумели от горя. Наш капитан [Джон Дэвис] с крайней душевной болью находился в таком плачевном положении, что желал только скорейшего конца, и хотя от горя он едва мог говорить, все же он убедил их набраться терпения.... Из-за всего этого ныряльщики впадали в ярость, сходя с ума, и некоторые умирали в самых отвратительных и яростных муках. Было невероятно описывать наше горе таким, каким оно было; не было ни одного человека в полном здравии, кроме капитана и одного мальчика.... Короче говоря, все наши люди погибли, за исключением шестнадцати [то есть одиннадцати погибших из числа выживших после мыса Фрио], из которых только пятеро могли передвигаться”. Эти пятеро привели корабль в Берехейвен (залив Бантри) 11 июня 1593 года и там вытащили его на берег.

Поразительная эпидемия на борту ‘Желания’ среди людей, питавшихся сушеными пингвинами, кишаскими червями, вероятно, не была цингой, или, по крайней мере, не полностью цингой: водянка и одышка предполагают одну из двух форм бери-бери, особенно тяжелого типа. Существование червей в сушеном корме может навести на мысль о паразитарном заболевании, таком как анкилостома двенадцатиперстной кишки, которое также имеет анасаркозный или отечный характер. Но диагноз бери-бери представляется гораздо более вероятным. Эта эпидемия, как бы мы ее ни интерпретировали, должна быть причислена к курьезам истории. Но в следующем, к которому мы переходим, о болезни на борту “Лакомства”, капитан Ричард Хокинс, во время путешествия в 1593 году через Магелланов пролив, болезнь является типичной цингой; и наблюдения самого Хокинса о морской цинге являются одними из лучших, которые мы имеем за этот период, и, действительно, еще долгое время после елизаветинского периода[1139].

‘Лакомство’, почти новое судно водоизмещением от 300 до 400 тонн, снялось с якоря в Блэкуолле 8 апреля 1593 года. Судно было под завязку нагружено товарами для торговли и сопровождалось 100-тонным грузовозом ‘Хоук’. Только 12 июня они вышли из Плимута. Они остановились на островах Зеленого Мыса, о климате и здоровье которых Хокинс приводит некоторые наблюдения, которые уже цитировались. Отплыв оттуда, они отошли на три или четыре градуса от Линии, когда разразилась цинга:

“Моя компания в течение нескольких дней начала заболевать болезнью, которую моряки обычно называют скарви; и, похоже, это разновидность водянки, и в этом климате она встречается чаще всего из всех, о которых я слышал или читал в мире, хотя [она встречается] во всех морях. Он овладевает всеми теми, за которые хватается с отвратительной небрежностью, что даже для того, чтобы поесть, они были бы довольны сменой сна и отдохновения, что является самым пагубным врагом этой известной болезни. Это вызывает сильное желание пить и вызывает общий отек всех частей тела, особенно ног и десен; и часто зубы выпадают из челюстей без боли. Признаки, по которым можно распознать эту болезнь в начале, различны— опухание десен, вмятины на мякоти ног от мужского пальца, незасыпающая ямка на большом пространстве; другие проявляют это своей ленью; третьи жалуются на сгиб спины и т.д., И все это по большей части является верными признаками инфекции. Считается, что причиной является слабость желудка из-за перемены воздуха в условиях невоздержанного климата, из-за употребления в пищу соленого мяса, также вареного

в соленой воде и иногда испорченного; также недостаток физических упражнений у людей или элементов, например, при штилях”.

Затем Хокинс вспоминает опыт Королевского флота в 1590 году у Азорских островов, когда корабли шесть месяцев находились в безветренной погоде: “в этом плавании, ближе к его концу, многие на каждом корабле (за исключением ”Нонперели”, который находился под моим командованием и на котором за все время плавания заболел только один человек) заболели этой болезнью и начали быстро умирать”.

Хокинс написал отчет о своем путешествии 1593 года некоторое время спустя и не печатал его до 1622 года; но можно предположить, что взгляды на цингу, выраженные в нем, были теми же, которых он придерживался и в соответствии с которыми действовал в своей прежней жизни^[1140]. Таким образом, его замечания о профилактике и излечении цинги, которые будут приведены ниже, можно рассматривать как проявление практической мудрости елизаветинского периода. Судно следует содержать в чистоте, сбрызгивать уксусом и сжигать деготь. В жарких широтах следует избегать соленого мяса, и особенно соленой рыбы. Не следует использовать соленую воду ни для разделки мяса, ни для стирки рубашек; также мужчинам не следует спать в мокрой одежде. Экипажи следует настраивать на различные упражнения и поощрять к различным развлечениям. В этот момент он, кажется, чувствует себя непрофессионалом, дающим медицинские советы, и вставляет:

“И я хотел бы, чтобы об этом написали какие-нибудь ученые люди, ибо это бедствие моря и добыча моряков. Несомненно, это была бы работа, достойная достойного человека, и самая полезная для нашей страны, ибо за двадцать лет (с тех пор как я пользуюсь морем) Я осмеливаюсь взять на себя смелость рассказать о десяти тысячах человек, пораженных этой болезнью”.

Ученый человек появился в свое время в лице Джона Вудолла, главного хирурга Ост-Индской компании; и мы увидим, что он из этого сделал. Между тем, за неимением профессионального руководства, мы можем услышать самого Хокинса:

“То, что я видел наиболее полезным при этой болезни, - это кислые апельсины и лимоны, а также вода под названием ”Доктор Стивенс, его вода”, которой у меня было совсем немного, и она быстро заканчивалась, но дарила здоровье тем, кто ее употреблял. Полезно масло витри [купорос] — две капли в небольшом количестве воды с небольшим количеством сахара. Но главное - это воздух суши, ибо море естественно для рыб, а суша - для людей. И чем чаще человек может высаживать своих людей на берег, не мешая своему путешествию, тем это лучше и выгоднее для него, чтобы освежить их силы”.

Хокинс, как мы увидим, так же как и его современники, знал, что сок лайма может помочь при цинге, и знал также пределы его действия; он был полезен, как он сам убедился; но требовалось многое другое, чтобы предотвратить цингу. После того, как опыт достаточно ясно показал, что некоторые командиры с теми же запасами, что и у других, могли переносить свои экипажи в длительном плавании без цинги; у самого Хокинса в ‘Нонпареле’ в 1590 году ею заболел только один человек, хотя это был генерал флота. Во время путешествия 1593 года, несмотря на все его знания и находчивость, он, по-видимому, столкнулся с слишком тяжелыми для него обстоятельствами. Его команда проявила свои дурные привычки, пока корабль стоял в Плимуте; как показал опыт Ланкастера двумя годами ранее, дурные привычки моряков сказались на их

телосложении, так что они стали легкой добычей монотонной жизни в море. Цинга разразилась, когда они были в пределах трех-четырех градусов от Черты: “Болезнь была острой, с каждым днем умирало все больше или меньше людей”. Соответственно, курс корабля был повернут на запад, хотя они находились слишком далеко к югу, чтобы воспользоваться северо-восточным пассатом; и в конце октября они подошли к побережью Бразилии в Сантосе, в четырех с половиной месяцах пути от Плимута. В Сантосе они получили 200 или 300 апельсинов и лимонов и несколько кур; заболевших было так много, что на долю каждого приходилось не более трех-четырех апельсинов или лимонов: “Когда мы поднялись на борт наших кораблей, среди моей компании была великая радость, и у многих при виде апельсинов и лимонов, казалось, поднялось настроение”. Великое и неизвестное достоинство этого плода, по его словам, заключается в том, что он является определенным лекарством от этого недуга. Остальная часть путешествия не представляет для нас особого интереса. Цинга “погубила более половины моих людей”, так что Хокинс забрал команду и провизию с “Ястреба” и сжег его. Он покинул побережье Бразилии 18 декабря, прошел Магелланов пролив и после некоторых флибустьерских действий у берегов Чили и Перу был схвачен испанским кораблем и отправлен домой в Испанию для получения выкупа.

Следует отметить, что Хокинс не был фанатичным “любителем выжимать сок из лайма”; хотя он знал о достоинствах антикоагулянтных кислот, он правильно понимал необходимость чистоты, сухой одежды, физических упражнений, развлечений и дисциплины, и если бы он понимал необходимость ветровых парусов для вентиляции межпалубных помещений, он имел бы такое же научное представление обо всем этом вопросе, как Блейн два столетия спустя. Но в конце периода Тюдоров и в период правления Стюартов, при изобилии предприимчивости и национальной экспансии, мало кто осознавал личную потребность в передышке, будь то на кораблях или в домах. Количество душ на борту, пропорциональное тоннажу судна, было вдвое или втрое больше, чем сейчас позволяет Торговый совет. Цинга была свойственна экипажу не только во время длительных плаваний или в условиях монотонного тропического затишья. Следующий опыт, полученный на наших собственных берегах, достаточно достоверен: в 1611 году Пурчасу показали письмо с Ньюфаундленда, в котором рассказывалось о проведенной там зиме, причем автор ставит себе в заслугу небольшое количество случаев цинги среди подчиненных ему людей: весной в роте из 39 человек не хватало только четверых; но, для контраста, он вспоминает, что произошло дома в 1600 году^[1141]:

Некто Ричард Флетчер, который является здесь главным лоцманом и руководителем рыболовного промысла, сообщил мне, что он был одним из компании, состоящей из сорока человек, которая отправилась на ипсвичском катере ‘Амити’ на север Ирландии около одиннадцати лет назад из Лондона на службе у покойной королевы под началом некоего капитана Флеминга и оставалась там в течение двух лет. За это время тридцать два человека умерли от скверны, и только восемь из них вернулись домой, одним из которых был упомянутый Ричард Флетчер ... несмотря на то, что там должны были быть свежие продукты и много другой помощи, которой у их страны [Ньюфаундленда] пока нет, но со временем, возможно, будет”.

Мы еще не пришли к какому-либо заключению профессорско-преподавательского состава по вопросу цинги; Хокинс, по-видимому, просто делится своим собственным опытом и размышлениями. Рядом с ними мы можем привести современные наблюдения и практику французских непрофессионалов, которые по некоторым пунктам явно расходятся с медицинским учением. Незадолго до 1609 года Марк Лескарбо написал отчет о ‘путешествии

месье де Мона в Новую Францию'; экспедиция отплыла из Гавра в марте 1604 года. Таким образом, их первая зима в Канаде связана[1142]:

Тем временем на них обрушились холод и снегопады.... Многие ленивые спутники пили снеговую воду, не желая брать на себя труд переправляться через реку. Короче говоря, неизвестные болезни, подобные тем, что описал нам Джеймс Кварты в своем рассказе. Лекарств от них найти было невозможно. Тем временем бедные больные создания томились, мало-помалу изнывая от недостатка сладкого мяса, такого как молоко или мясные ложки для поддержания своих желудков, которые не могли принимать жесткое мясо по причине того, что оно исходило из гнилой плоти, которая росла и переизбытком доставалась им во рту; и когда кто-то думал выкорчевать ее, она снова разрасталась за одну ночь в большем количестве, чем раньше.... От этой болезни умерло тридцать шесть человек; и еще тридцать шесть или сорок человек, пораженных ею, выздоровели с помощью Весны, как только наступило благоприятное время года. Но смертельным периодом для этой болезни является конец января, месяцы февраль и март, когда больные чаще всего умирают, каждый в свой черед, в зависимости от времени, когда они начали болеть; таким образом, тот, кто начал болеть в феврале и марте, может спастись, но тот, кто переусердствует и уложит его в постель в декабре и январе, ему грозит смерть в феврале и марте или в начале апреля Мсье де Путринкур приказал вскрыть негра, который умер от этой болезни в нашем городе. вояж, у которого были обнаружены очень здоровые внутренние органы, за исключением желудка, на котором были морщины, как будто они были изъязвлены ”.

Далее следуйте взглядам Лескарбо на лечение и профилактику цинги. Посоветовав избегать “холодного” мяса без соков, грубого и испорченного, соленого, “дымного”, затхлого, сырого и с неприятным запахом, включая сушеную рыбу, он продолжает:

“Несмотря на все это, я не был бы таким щепетильным, как врачи, которые добавляют в рацион грубое и невкусное мясо, мясо говядины, медведя, дикого кабана и свиньи (они могли бы с таким же успехом добавить к ним мясо бобра, которое, несмотря на то, что мы нашли его очень вкусным), как они делают среди рыб тонн [тунни], дельфинов и всех тех, у кого есть сало; среди птиц - грызунов, уток и всех других водоплавающих птиц; ибо, будучи чрезмерно любознательным наблюдателем этих вещей, можно было бы предположить, что они употребляют в пищу жир. подвергнуться опасности умереть с голоду. Они все же относят к мясу, которого следует избегать, бисквит[1143], фасоль и бобовые, частое употребление молока, сыра, грубого и терпкого вина и того, которого слишком мало, белого вина, а также использование уксуса”

— точно так же, как наши собственные великие мастера запретительной диетологии.

Совет Лескарбо в целом совпадает с советом сэра Р. Хокинса: мужчины должны быть хорошо обуты и одеты, следует поощрять веселье, и еще:

“Хорошее вино, взятое в соответствии с естественной потребностью, является превосходным консервантом от всех болезней, и особенно от этой. Молодые почки трав в весеннее время также должны быть очень свежими.... У нас было несколько больных, которые были (так сказать) воскрешены из мертвых к жизни за то, что дважды или трижды съели кулич, приготовленный из петуха”.

В путешествии сэра Томаса Смита в Баффинов залив в 1616 году упоминается лечение цинги овощными соками: “На следующий день, сойдя на берег на маленьком острове, мы нашли большое количество травы парши, которую мы варили в пиве и так пили из нее, употребляя ее также в салате со щавелем и перцем, которые здесь растут в изобилии; благодаря чему и благословению Божьему все наши люди в течение восьми или девяти дней обретут совершенное здоровье, и так будет продолжаться до нашего прибытия в Англию[1144].”

С другой стороны, теми, кто, по-видимому, наиболее точно представлял учение этих школ, были краснокожие индейцы. Лескарбо говорит, что при лечении цинги “часто используют потоотделение”. Возможно, у них было какое-то смутное представление о доктрине грешного юмора: во всяком случае, они цеплялись за альтернативную практику еще долгое время после этой даты с упорством, уступающим только упорству самого европейского факультета.

Цинга на кораблях Ост-Индской компании: профессиональное лечение.

До конца периода правления Тюдоров цинга была лишь случайным случаем английских путешествий. Но как только начинается регулярная торговля на Восток, мы обнаруживаем, что это обычное дело.

Английские путешествия в Ост-Индию Кейпским маршрутом действительно начались в 1591 году, когда капитан Джеймс Ланкастер впервые отправился в плавание под командованием кораблей, принадлежащих Компании торговых авантюристов; но только в 1601 году он снова отправился в Ост-Индию под командованием первых кораблей Ост-Индской компании, которая была сформирована годом ранее.

Три корабля в 1591 году, "Пенелопа", "Маршант Ройял" и "Эдвард Бонавентура", вышли из Плимута 10 апреля[1145]. Они пересекли Черту 6 июня, к тому времени двое мужчин были мертвы, а водолазы больны. В тропиках шел такой сильный дождь, что “мы не могли держать наших людей сухими три часа подряд, что было причиной заражения среди них и употребления ими соленых продуктов из-за отсутствия одежды, чтобы сменить их”. В этом первом плавании Ланкастер начал практику, которой обычно следовали, когда наладилась торговля английских судов с Ост-Индией; прежде чем попытаться обогнуть мыс Доброй Надежды, он освежил свою команду, которая была слабой и больной на всех трех кораблях, остановившись на берегу в заливе Салданья, в нескольких лигах к северу от Табла. Залив. Путешествие уже длилось более трех месяцев от Плимута и около шести недель от Линии[1146].

Во время сбора 1 августа в заливе Салданья Ланкастер обнаружил, что у него есть 198 здоровых людей, 101 из которых он приписал к "Пенелопе" и 97 - к "Эдварду Бонавентуре", отправив домой 50 более или менее непригодных людей с "Королевского торговца". Цинга, по его словам, была болезнью:

“Наши солдаты, которые не привыкли к морю, лучше всего держались, но наши моряки уходят, что, по моему мнению, является следствием их дурного питания дома”. Путешествие было продолжено в Ост-Индию, и следующее известие о состоянии его здоровья мы получили на Пенанге в начале июня 1592 года, то есть примерно через четырнадцать месяцев. Люди тогда были очень больны, и многие пали; больных высадили на берег, и двадцать шесть человек умерли там, но, как мы можем предположить, не от цинги. Теперь у них осталось всего тридцать

три мужчины и один мальчик, “из которых не более двадцати двух были найдены для работы и помощи”.

Два корабля отплыли домой из Пойнт-де-Галле 8 декабря 1592 года и достигли острова Святой Елены 3 апреля 1593 года; один человек заболел цингой, а другой девять месяцев страдал от флюса, но на острове оба вскоре полностью восстановили свое здоровье. Вместо того чтобы добраться до Англии, корабли были доставлены в Вест-Индию, где после попытки направить их на север они потерпели крушение, а небольшие остатки их экипажей рассеялись.

Первое плавание Ланкастера для Ост-Индской компании в 1601 году^[1147] было “с четырьмя высокими кораблями, а именно "Драконом", "Гектором", "Вознесением" и "Сьюзен", а также с продавцом провизии по имени Гость". Компания, основанная в 1600 году, начинала с капитала в 72 000 фунтов стерлингов, который был вложен в покупку и оснащение кораблей, а также в загрузку их товарами. Экипажи были следующими:

Дракон,	600	тонн,	202	человека.
Гектор,	300	"	108	"
Вознесение,	260	"	82	"
Сьюзен,	—	"	88	"
			480	
гостей,	130	тонн.		

Далее, “на каждом из указанных кораблей по три купца, которые должны сменять друг друга, если кто—либо из них погибнет” - достаточное указание на риски внешней торговли.

Корабли, загрузившись в Темзе, отплыли из Дартмута 18 апреля 1601 года и покинули залив Тор 22-го. 24 июля, через два месяца после перехода через Ла-Манш, они пересекли южный тропик. Но они так долго находились под Линией Фронта, что “многие из наших людей заболели”. 1 августа при 30 ° южной широты они встретились с юго-западным ветром, “к великому утешению всего нашего народа. Ибо к этому времени очень многие из наших людей заболели цингой на всех наших кораблях, и, если не считать корабля генерала, остальные были настолько слабы, что едва могли управлять парусами ”. Встречный ветер снова помешал их движению, и “теперь те немногие целые люди, которые у нас были, тоже начали заболевать, так что наша слабость была настолько велика, что на некоторых кораблях торговцы по очереди становились у руля и поднимали верхние паруса, как это делали обычные моряки”. Ланкастер, наконец, достиг залива Салданья, где он высадился, чтобы освежить свою команду во время своего первого плавания вокруг мыса десять лет назад. Состояние трех кораблей “было таково, что они едва могли бросить якорь, чтобы спастись со всеми”; но “генерал поднялся на борт одного из них и взял на борт хороший запас людей, а также спустил для них шлюпки.... И причина, по которой здоровье людей генерала было лучше, чем у матросов других кораблей, заключалась в следующем: он брал с собой в море несколько бутылок лимонного сока, который

давал каждому, пока его хватало, по три ложки каждое утро натощак, не позволяя им ничего есть после этого до полудня. Этот сок действует гораздо лучше, если участник соблюдает короткую диету и полностью отказывается от соленого мяса, поскольку соленое мясо и длительное пребывание на море являются единственной причиной размножения этого заболевания. Таким образом, генерал вылечил многих из своих людей и сохранил остальных, так что на этом корабле (имея вдвое больше людей, чем было на остальных кораблях) у него было не так много больных и он не потерял так много людей, как они, что было милостью Божьей ко всем нам”.

В заливе Салданья они выторговали у туземцев обильный запас свежего мяса и другой провизии и в свое время обогнули мыс Доброй Надежды вдвое. На Рождество, через восемь месяцев после отъезда из Англии, они зашли в бухту Антонгил, на восточной стороне Мадагаскара. Высадившись на берег, они обнаружили надпись на скалах, гласящую, что пять голландских кораблей отплыли оттуда два месяца назад, “потеряв от 150 до 200 человек, пока они бродили в этом месте”. Англичан ожидал аналогичный опыт: на борту корабля “Ланкастер” погибли помощник капитана, проповедник, хирург и еще около десяти человек; а на корабле вице-адмирала - шкипер с двумя другими. В основном они умирали от флюса, вызванного нехваткой питьевой воды, или чрезмерной влажностью в сезон, или от “открытого и холодного желудка, что часто делали наши мужчины, когда им было жарко” (Хокинс приводит последнюю причину флюса на островах Зеленого Мыса).

Упоминания о цинге до достижения Кейптауна и дизентерии на Мадагаскаре - вот и все, что говорится о болезнях в этом первом предприятии Ост-Индской компании. Но в отчетах о плаваниях, которые регулярно следовали за этим, мы часто слышим о потерях людей на фабриках, или в сельской торговле, или по пути домой, а также по пути за границу^[1148]. Директора в Лондоне, естественно, хорошо понимали, насколько серьезна угроза для их предприятий и как сильно сократилась их прибыль из-за огромной потери людей. На их собственных глазах корабли прибывали в устье Ла-Манша с экипажами, настолько ослабленными, что их приходилось встречать в Силли с помощью, чтобы провести по узкому морю к Темзе. Из своей корреспонденции из-за границы они часто слышали о мастерах, умирающих на своих заводах, о кораблях, возвращающихся с таким количеством погибших людей, и о других кораблях, брошенных на произвол судьбы, частично, без сомнения, из-за неблагоприятных погодных условий, но иногда и из-за неспособности экипажей укомплектовать их людьми. Соответственно, мы обнаруживаем, что они знали лучшие средства для предотвращения “флюса, цинги и лихорадки”. Ланкастер, как мы видели, вез сок лайма в свое первое плавание для Компании в 1601 году. В судебном протоколе от 13 августа 1607 года было предписано обеспечить экспедицию следующим: “Лимонной водой, ”аллигантом" из Аликанте, вином, очень подходящим для питья и хорошим против флюса, и старой кукурузой и т.д.". В Совете директоров 10 декабря 1614 года было рассмотрено “предложение доктора Берджиса предоставить Компании противоядие от яда, цинги и других болезней, которым люди подвержены во время длительных плаваний: сэру Томасу Роу и капитану Килингу посоветоваться с ним и сообщить свое мнение”. Также предполагалось попробовать выпекать свежий хлеб в море с измельчением кукурузы - “упражнение, пригодное для сохранения здоровья мужчин”. Предложение доктора Берджиса было принято; и 26 января 1615 года в протоколе суда упоминаются “письменные инструкции и коробки с необходимыми предметами для профилактики флюса, цинги и лихорадки, подготовленные доктором Берджисом, которые должны быть доставлены на каждый корабль; стоимость около 23 фунтов стерлингов должна

быть оплачена”. В протоколе Суда от 22 ноября 1619 года упоминается еще одно средство от цинги: “Флот должен быть снабжен 15 тоннами белого вина, которое будет выпито на линии и на мысе, который должен быть заполнен”. используется голландцами для защиты мужчин от цинги, освежает мужчин и промывает им желудки, а также открывает и охлаждает, а также лимонную воду” — последняя, по всей вероятности, не понравилась мужчинам или от нее отказались. В 1624 году “смерть моряков” стала темой заседания Совета директоров; снова, 15 октября 1626 года, Суд рассматривает вопрос о большой смертности от цинги на “Чарльзе” и “Харте”, направлявшихся домой, и о том, как это предотвратить. Некоторые придерживались мнения, что лимонная вода очень хороша, но мистер Стайлз сказал, что тамаринд - самое замечательное блюдо. Однако на борту кораблей было много тамариндов; и когда вызвали лейтенанта Хилла, он засвидетельствовал, что у всех экипажей был тамаринд, но все они были распущенными людьми.

Джон Вудолл, хирург больницы Святого Варфоломея, в то время был главным хирургом Ост-Индской компании, заведовал медицинской частью их верфи в Блэкуолле; его имя фигурирует в протоколах суда еще в 1614 году. В 1617 году он опубликовал свою книгу “Помощник хирурга”, “главным образом в пользу молодых морских хирургов, вовлеченных в дела Ост-Индской компании”, и посвятил ее сэру Томасу Смит, который сам был штурманом, а затем председателем Совета директоров. Это практическое руководство в основном посвящено лечению переломов, вывихов, ампутаций и тому подобного, части своего предмета, в котором Вудолл был полностью компетентен; но это также отражено в названии: “лечение чесотки, флюсов живота, collica и iliaca passio, tenasmus и exitus ani, каллентуры”. Раздел о цинге, занимающий двадцать шесть страниц, - это тот, который нас здесь интересует. Это было то, чего желал сэр Ричард Хокинс: “И я хотел бы, чтобы об этом написали какие-нибудь ученые люди, ибо это бедствие моря и добыча моряков”. Вудолл начинает с отрицания учености: “Ученый трактат не подобает моему перу”. Но, во всяком случае, он был голосом профессорско-преподавательского состава, и он смело погружается в патологию с первых же строк: “Цинга - это заболевание селезенки, при котором оно иногда полностью прекращается” и т. Д. Будучи человеком с большим здравым смыслом, Вудолл быстро оставляет это замечание, по крайней мере, на время. Он повторяет весь знакомый опыт Хокинса, Ланкастера и многочисленных капитанов Ост-Индии, с которыми он, должно быть, беседовал много раз (не похоже, чтобы он сам плавал). Он упоминает о большой пользе для экипажей от высадки на мысе со свежим воздухом и едой, благодаря чему цингу можно вылечить “без особой другой помощи”. Он настаивает на необходимости смены одежды и других элементов режима на борту, точно так же, как Хокинс и другие обычно делали на практике. Он так же ясно понимает достоинства сока лайма, как и Ланкастер, и в некоторой степени копирует практику последнего в 1601 году: “каждое утро две-три ложки и после этого два часа натошак”; его оригинальность проявляется в “райдере”, благодарном морякам: “и если вы добавите к нему одну ложку aqua vitae, для холодного желудка будет лучше”. Он упоминает, что “большое количество лимонного сока отправляется на каждом корабле из Англии благодаря большой заботе купцов и предназначено только для помощи каждому бедняку в его нужде”. Судовому врачу рекомендуется запастись свежими лимонами и апельсинами там, где они должны были быть в пути, и тамариндами в Бантаме.

Пока что Вудолл просто излагает то, что известно каждому капитану корабля о причинах возникновения цинги, наилучшем режиме для предотвращения ее возникновения и необычайно быстром лечебном эффекте сока лайма, а также перехода к сухопутному воздуху и

свежей пище. Но существовала определенная профессиональная доктрина цинги и лечения *eesscundum artem*, а именно мудрость ученых людей, к которой призывал Хокинс; и теперь мы должны увидеть, что это было, согласно Вудоллу. Его патология - это патология “препятствий”, любопытная фантазия ученых[1149].

Селезенка, сказал Вудолл в своих первых строках, является главным очагом непроходимости; но при возобновлении патологии он переходит также к непроходимости печени и мозга:

“Но ясно, что это заболевание представляет собой ленивую отвратительную болезнь с закупоркой печени, или селезенки, или того и другого; также очевидно, что голова сильно больна, и что в мозгу имеются большие закупорки, из-за чего глаза не только выглядят зловещего цвета, но и десны гниют, и зубы шатаются, и все жилистые части тела вносят свой вклад в болезнь, поскольку сокращение и увядание сухожилий, сопровождающееся сильными болями, которые испытывает участник, заявляют не меньшую” (стр. 180). .

Эту теоретическую патологию Вудолл подкрепляет обращением к патологической анатомии:

“Также очевидно, что у ныряльщиков из тех, кого вскрывали после смерти, печень полностью сгнила” - у других печень сильно распухла и селезенка распухла, у других она полна воды, у третьих легкие разложились и воняют при жизни (последнее, возможно, было неверным выводом из зловонного состояния полости рта).

Поскольку патология болезни такова, он переходит к указаниям на излечение; и их он берет у “известного писателя Иоганна Эхтиуса”. Это:

1. Устранение препятствий.
2. Избавление от оскорбительного настроения.
3. Изменение свойств юмора.
4. Утешение и подтверждение тех частей тела, которые заболели поздно.

Порядок лечения, *lege artis*, соответственно, следующий: назначение клизмы или клизм; вскрытие вены, если сильное (“но остерегайтесь забирать слишком много крови сразу”); на следующий день после кровотечения, “если он сможет это вынести”, дайте ему таблетки эуфорбиума или гамбожа; и, и, и наконец, “если вы увидите причину”, через несколько дней после того, как вы дадите любое из ваших прежних слабительных, вы можете заставить пациента вспотеть в постели. Таким образом, были бы выполнены указания патологии — вскрытие закупорок, удаление неприятных ощущений и изменение свойств жидкостей. В отношении Вудалла следует сказать, что его практика была лучше, чем его теория. Так, он предостерегает молодых догматиков, которые плавали хирургами в Ост-Индию, не заходить в своих принципах слишком далеко; он слышал, что они в некоторой степени любят ланцет, и он предостерегает их не брать слишком много крови в море, поскольку чрезмерное истощение “усугубляет болезнь”; он предостерегает их также относительно использования гамбоги.

Теперь мы можем перейти к еще нескольким иллюстрациям того, что на самом деле испытывали суда Компании в период, когда эти вопросы рассматривались Судом директоров[1150].

Во время шестого плавания Компании под командованием сэра Х. Миддлтона капитан 'Дарлинг' и трое его купцов погибли в Текоа, и большинство матросов были больны. Во время восьмого рейса, когда в июне возвращались домой между мысом Святой Елены и островом Св. Елены, многие из матросов заболели цингой, и кораблю пришлось зайти в Уотерфорд вместо Темзы. Аналогичный опыт постиг капитана Томаса Беста на 'Дракон' и "Хосиандре", на борту которых находилось вместе 380 человек. Покинув Грейвсенд 1 февраля 1612 года, он завершил свою торговлю в Индии и прибыл на Темзу 15 июня 1614 года, через шесть месяцев после Бантама. Цинга в этом путешествии приходит ближе к концу. 4 марта 1614 года: "Я действительно отплыл по дороге Салданья; но, несмотря на наш короткий переход, проведя от Санта-Елены всего два месяца и девять дней, половина или больше нашей компании снята с якоря [4 июня] на "скурви", а двое из них мертвы. И все же у нас было вдоволь съестных припасов: говядина, хлеб, вино, рис, масло, уксус, сахар; и все это без всяких припасов. Обратите внимание, что все наши люди, которые больны, заболели с тех пор, как мы пали вместе с Флоресом и Корво. С тех пор у нас было очень холодно, особенно во время двух сильных штормов.... От мыса Доброй Надежды до островов Флорес и Корво у меня не заболел ни один человек". Находясь на Малайском архипелаге, они похоронили в одном месте двадцать пять человек.

3 ноября 1618 года директоры получили письма от двух своих капитанов с мыса от 6 и 7 июля с известиями об их прибытии туда 26 июня и о потерях или болезнях многих людей, частично из-за вонючего пива, протухшей говядины, нехватки свежей провизии на мысе и нехватки теплой одежды. В письме от 25 февраля 1619 года сообщается о прибытии "Перчинки" на Бантам-роудс: за десять месяцев плавания между Англией и Бантамом умерло очень много людей; гнилая говядина и свинина, "не человеческое мясо", главная причина болезней. Когда они прибыли в Бантам, там не было и шести человек, способных работать; весь флот находился в таком же бедственном положении. Всего двадцать пять человек погибли или утонули. В письме из Батавии от 11 января 1622 года говорится, что капитан 'Анны' и 14 человек флота погибли: "погибло так много людей, что их не хватает, чтобы укомплектовать все корабли, которые сейчас стоят на рейде". 'Алмаз' отплыл из Англии 8 октября 1621 года и после "долгого и утомительного путешествия" прибыл в Джакатру до 24 ноября 1622 года: прилагаются отчеты тех людей, которые умерли, и девять завещаний. Другое письмо из Батавии, датированное примерно 1623 годом, содержит "краткое описание людей, погибших на кораблях".

28 марта 1624 года "Ройял Джеймс" вместе с пятью другими отплыл из Даунса; он зашел в залив Салданья и прибыл 15 ноября или раньше в Суалли бар, Батавия; хлеб был очень плохим, воды слишком мало, говядина непригодна для мужчин; прилагаю имена погибших. 'Джонас', также прибывший в Батавию 15 ноября, по-видимому, был одним из пяти других; он зашел в залив Салданья 19 июля; "благодаря целебному воздуху и травяным ваннам большая часть их больных людей оправилась за десять дней после "скурбека"". В июне 1625 года "Анна" в течение восьми месяцев находилась в Мокко в большом бедствии, большая часть ее людей погибла, а корабль был готов затонуть.

В письме от 13 октября 1625 года из Батавии Ост-Индской компании в Лондон губернатор Хоули сообщает, что 'Лондон' прибыл 23 августа, потеряв 36 человек и 80 больных. Она сообщила, что 'Дискавери' покинул мыс Святой Елены, потеряв 21 человека; экипажи двух других кораблей, "Луны" и "Рубина", были "в замечательном состоянии здоровья". 14 сентября 'Ласточка' вышла в море, потеряв всего 3 человека. Из 46 человек, отправленных на "Эбигейл" из Англии, все

погибли, кроме 5, во время ее каботажных плаваний на Суматре. Большинство рабочих и солдат, посланных на "Лондоне", прибыли, "но с тех пор в результате беспорядков погибли, как и те, кто был на 'Ласточке'. Все кузнецы мертвы; из оружейников в живых остались только Джон Спид и мальчик. Большинство других рабочих мертвы или нетрудоспособны. Это не беспечность правительства, но новоприбывших, мечтающих в Индии только о мешках и сахарных сливах, с большим трудом приводят к повиновению". Голландский корабль 'Лейден' прибыл в 1626 году, потеряв 22 человека после двенадцати месяцев плавания.

В конце октября 1628 года "Моррис" достиг устья Ла-Манша из Бантама, "который был наиболее радостно встречен близ Силли капитаном Бикли, посланным на помощь любому кораблю из Индии, находящемуся в очень слабом состоянии из-за инфекционной болезни". Она благополучно достигла Даунса с двумя другими ост-индцами; но, будучи сорвана с якоря сильным штормом, потерпела крушение у берегов Голландии накануне 19 ноября. В следующем году, примерно 28 октября 1629 года, "Мэри" Ост-Индской компании, как сообщалось, зашла в Силли, потеряв большую часть своих людей из-за болезни. Поэтому сэр Х. Мервин с корабля Его величества Лайона в Даунсе, получив ранние известия о бедственном положении "Мэри", пишет Э. Николасу, чтобы сказать, что если Компания желает получить конвой для "Мэри" от их светлостей Адмиралтейства, "поскольку она богата", он (Мервин) надеется, что Николас вспомнит о нем.

Но, хотя не было ничего необычного в том, что корабли возвращались домой с экипажами, ослабленными цингой, это не было неизменным. "Уильям" вернулся в Англию в 1628 году, самый богатый корабль, который когда-либо был у Компании из Ост-Индии, на нем не было ни одного больного человека, ни одного умершего в пути; его груз оценивался в 170 000 фунтов стерлингов[1151].

В депеше от 6 февраля 1626 года Хоули сообщает о поистине катастрофической болезни на фабрике и среди кораблей Компании в Батавии в предыдущем году, что иллюстрирует другой риск, помимо цинги или флюса, и опыт, полученный в Ост-Индии, не совсем исключительный[1152].

"12 марта я отправил "Алмаз" в Японию за досками и так далее. [чтобы починить "Быка" с помощью]; но едва прошло четырнадцать дней, как люди 'Быка' заболели и умирали ежедневно; затем люди "Реформации" умирали по пять, шесть или более человек в день; за короткое время все люди 'Быка' умерли, кроме хозяина и еще одного, которые были опасно больны, и в "Реформации" хозяин и все люди были отданы на милость Божью. Мы были вынуждены сменить их с помощью чернокожих и оттащить корабли в открытую бухту (по-видимому, они были сильно накренены), где они плыли, как потерпевшие крушение, без другой помощи, кроме нескольких человек, чтобы утешить своих больных, поскольку большего количества людей с других кораблей могло не хватить. Зараза была настолько опасной, что при слизывании собакой или кошкой их крови они опухали, лопались и умирали. На берегу она была более умеренной, и меньше всего ее было на кораблях в открытой бухте, хотя их тоже посещали ежедневно.... 'Алмаз' вернулся 11 апреля с досками и прочим; также с рабами и 44 китайцами, которые были закуплены за немалую плату, и все они заболели, а 10 или 12 человек умерли.... Думая, что смертность была вызвана не зловонным воздухом или почвой, и не каким-либо вредным деревом, а переизбытком и влажным муссоном, я издал приказ о строительстве правительственных зданий и очистке деревьев, чтобы получать больше воздуха. Не нуждался

ни в каких свежих съестных припасах; мог при желании приказать соседям ловить рыбу и приносить все, что было нужно, а сам остров снабжал оленей. 12 апреля общее мнение всех людей выглядело следующим образом:

		Английск ий здоров	Английск ий болен	Португаль ский
в	На берегу	40	58	5
	‘Чарльз’	32	10	
	" ‘косуля’	16	2	
	" ‘бык’	2	8	
	" ‘Реформа ции’	23	14	12
	" ‘Эбигейл’	8	3	
	" ‘Роза’	7	2	5
		128	97	22

— оставляя, конечно, огромную часть погибших.

Это примеры из архивов Ост-Индской компании за первые тридцать лет ее существования. Было бы утомительно, даже если бы это было практически осуществимо, постоянно следить за историей. Но пока что, чтобы показать, что его впечатления, хорошие и плохие, оставались почти такими же еще долгое время спустя, давайте совершим два путешествия в 1682 году. Губернатор Уильям Хеджес, пассажир на борту одного из кораблей Компании, записывает в своем дневнике 25 мая 1682 года, находясь в то время у мыса Доброй Надежды: “Ни один человек (за исключением мистера Ричардса) не погиб ни по болезни, ни в результате какого-либо другого несчастного случая с тех пор, как мы покинули Англию, на что требуется всего три дня из четырех месяцев, и прошло всего два месяца с тех пор, как мы пересекли Линию Равноденствия”, и ничего не говорится о болезнях в остальной части путешествия. Но другому кораблю Компании в том же году пришлось хуже: “9 декабря 1682 года корабль ‘Общество’ прибыл в Баласор. Она покинула Даунс 30 мая и, не затронув по пути ни одного места, потеряла семнадцать человек от цинги[1153].

Болезни при колонизации Виргинии и Новой Англии.

Оставив теперь долгие путешествия англичан за Границу и их фабрики на Востоке, давайте посмотрим, как у них обстояли дела со здоровьем, когда они просто пересекали Атлантику в своих широтах. Уже упоминалась самая ранняя серия путешествий в Виргинию по наущению Роли с 1585 по 1590 год. Непрерывная история атлантических путешествий и североамериканских колоний начинается с экспедиции 1609 года под командованием сэра Томаса Гейтса и сэра Джорджа Сомерса[1154].

Семь кораблей были снаряжены в Темзе и отплыли из Вулвича 15 мая 1609 года. К ним присоединились в Плимуте еще два, и флот отплыл оттуда 2 июня, а из Фалмута - 8 июня. В

экспедицию входило “множество неуправляемых храбрецов, отправленных туда своими друзьями, чтобы избежать злой судьбы”, с обычной для эмигрантов долей женщин и детей, а также лошадей и, вероятно, другого живого скота. Навигация, направленная на достижение Западной суши у 37 ° Северной широты, по-видимому, была несколько неустойчивой:

“Мы взяли курс на юг от тропика Рака, где в июле солнце находилось в шести-семи градусах прямо над нашей головой, и взяли курс на Запад; так что из-за невыносимой жары и порывистых бризов многие из наших людей заболели калентурной болезнью” — Ноа Вебстер понимает это как пятнистую чумную лихорадку, — “и с двух кораблей было выброшено за борт тридцать два человека. Говорили, что на “вице-адмирале” [“Алмазе”] была чума, но на “Благословении” у нас не было ни одного больного, хотя у нас было двадцать женщин и детей”.

Разразился шторм, в результате которого корабли были разбросаны, адмиральский корабль был отброшен к Бермудским островам и там потерпел крушение^[1155]. Во время шторма “некоторые потеряли свои мачты, у некоторых сорвало паруса с рей; море захлестнуло наши корабли, большая часть наших припасов была испорчена, наш флот разделился, а наши люди заболели, и многие умерли; и в таком жалком состоянии мы прибыли в Виргинию”.

‘Благословению’, на борту которого находился Габриэль Арчер, главный рассказчик событий, похоже, повезло больше, чем остальным: “‘Юнити’ была сильно расстроена, когда поравнялась с нами; ибо из семидесяти сухопутных жителей [эмигрантов] на ней не нашлось и десяти, и все ее матросы погибли, кроме шкипера и его мальчика и одного бедного матроса; но мы выручили их, и мы вчетвером упали в Кингз-Ривер [реку Джеймс], возможно, 11 августа”. Они обнаружили, что в колонии “все в порядке (по большей части)”. В 20 милях от форта проживало восемьдесят человек, которые в течение восьми недель не питались ничем, кроме устриц. “После того, как наши четыре корабля пробыли в гавани несколько дней, пришел вице-адмирал, срубивший свою грот-мачту за борт, и многие из его людей были очень больны и ослаблены”. Это был тот самый корабль, на котором, как говорили, была чума. Состояние здоровья адмирала и команды его корабля, потерпевшего крушение на Бермудских островах, было лучшим из всех; все 150 человек своевременно достигли Джеймстауна, где обнаружили только 60 оставшихся в живых из 350 человек, составлявших состав других кораблей. Часть смертей произошла на борту корабля, но, вероятно, большая их часть произошла после высадки; Джеймстаун “находится в марийской местности, низкой, плоской по отношению к реке, и в нем нет источников пресной воды, обслуживающих город, но то, что мы черпали из колодца глубиной шесть или семь сажень, питаемого впадающей в него солоноватой рекой, откуда, я искренне верю, произошли главные причины многих болезней, которые случились с нашими людьми, которые действительно странным образом страдают от приливов и лихорадки”. Лорд Де Ла Варр, один из первых губернаторов, перенес серию болезней — горячую и сильную лихорадку, за которой последовал рецидив, еще более сильный и длившийся месяц, “затем меня поразили флюс, продержавший меня много дней”, затем судороги с сильными болями, затем подагра и, наконец, цинга, которая последней, однако, могла быть подагрическая экзема, хотя, как говорили, ее излечивали апельсины и лимоны Западных островов и путешествие туда^[1156].

Многое в этих ранних начинаниях было связано с климатом, который на самом деле был вызван другими причинами. Конечно, существуют нездоровые климаты; но большая часть разговоров в 17-м и 18-м веках о “испорченном воздухе” “чужих краев” была просто путаницей идей. Более правильный взгляд на события был у губернатора и совета Вирджинии в письме от 30 января 1624 года Вирджинской компании в Лондон:

“Смертность, которая приписывается только стране, вызвана главным образом чумными кораблями, которые достигают Вирджинии с запасами заплесневелого хлеба и вонючего пива, на которые до сих пор так серьезно жаловались.... Роберт Бенет при жизни хвастался, что продажа четырех бочек вина купит путешествие. Гнилые вина разрушают их тела и опустошают кошельки[1157].”

Далее в письме рассказывается о том, как болезни унесли жизни огромного числа людей “с момента их последней эмиграции”. По словам Перчаса, эмиграция в Виргинию за три года, непосредственно предшествовавшие этому, 1619, 1620 и 1621 годы, составила 3570 человек на 42 кораблях. Мы можем быть уверены, что перенаселенность была правилом. Мы найдем особые доказательства этого, говоря о колонизации Вест-Индии в дальнейшем; а пока, возможно, достаточно процитировать документ от 24 апреля 1638 года, список из 110 пассажиров, следующих в Новую Англию с "Уверенностью" в 200 тонн.

Если Виргиния была заселена командой разбитных доблестных людей и их более скромных последователей, то колонией Новой Англии руководили строгие пуритане, которых сопровождали мужчины и женщины, разделяющие, насколько это возможно, одни и те же убеждения и принципы поведения. Следовательно, можно было бы ожидать, что в отчетах о поселениях в Массачусетском заливе будет меньше упоминаний о болезнях и неудачах, чем в вирджинских; и это действительно так, хотя они ни в коей мере не лишены этого. Первое плавание "Мэйфлауэра" в 1620 году с небольшой сектой браунистов, которые какое-то время искали убежища в Голландии, ничего не представляет для нашей цели. Как и поселенцам на берегах Чесапикского залива до них, этим первым жителям Новой Англии пришлось столкнуться с голодом и болезнями. Голод, по-видимому, был также причиной катастрофических эпидемий среди индейцев по всему побережью от Кейп-Кода до кейп-Чарльза, в двух случаях: один до 1614 года, а другой в 1619 году[1158]. Эмиграция в Новую Англию действительно началась в 1630 году, и об одной из экспедиций того года у нас есть достоверные сведения от ее руководителя Джона Уинтропа[1159]. На борту "Арбеллы" под датой 17 апреля 1630 года он заносит в свой дневник:

“В этот день наш капитан сказал мне, что наши сухопутные люди были очень противными и неряшливыми, и что орудийная палуба, где они жили, была такой отвратительной и вонючей от их съестных припасов и скотства, что это сильно угрожало бы здоровью корабля. После этого, после молитвы, мы приняли распоряжение и назначили четырех человек присматривать за этим и содержать эту комнату в чистоте в течение трех дней, а затем их сменят еще четверо, и так далее ”.

Больше ничего не говорится о состоянии здоровья на борту "Арбеллы". Все пассажиры "Мэйфлауэра" и 'Кита' были здоровы, но большая часть их крупного рогатого скота и лошадей погибла. На 'Успехе' пропали козы, и многие из его пассажиров были на грани голодной смерти. 'Тэлбот' потерял четырнадцать пассажиров. В свое время в колонии были случаи различных заболеваний. В 1633 году оспа оказалась смертельной для целых поселений индейцев: “англичане приходили ежедневно и ухаживали за ними; и все же немногие, всего две семьи, заразились ею[1160].” В 1646 году среди индейцев, англичан, французов и голландцев разразилась эпидемия гриппа, “ни одна семья, ни лишь несколько человек избежали ее”; умерло немного, не более 40 или 50 человек в Массачусетсе и почти столько же в Коннектикуте[1161]. Весной 1654 года правительство Коннектикута назначило всеобщий пост,

одной из причин которого, среди прочих, была “смертность, которая была среди жителей Массачусетса”. В 1655 году был еще один грипп, в 1658 году “великая болезнь и смертность по всей Новой Англии”, в 1659 году “синанш трахеалис”, возможно, круп, а в 1662 году снова всеобщая болезнь, которая, наряду с засухой, потребовала проведения дня благодарения в связи с их прекращением в октябре[1162]. Нет смысла подробно следить за эпидемиями в Америке; но прежде чем оставить эту тему, приведу следующее из письма из Филадельфии от 24 августа 1699 г., которого будет достаточно, чтобы иметь в виду условия эмиграции, царившие долгое время после первых рейсов: “Прибыла ”Британия" из Ливерпуля, которая находилась в пути 13 недель; на борту было 200 пассажиров, — 50 умерли, остальные были в тяжелом состоянии[1163]”.

Колонизация Вест-Индии: желтая лихорадка и работорговля.

Другая область английских колониальных предприятий, которая нас интересует, - это Вест-Индия. Вест-индские колонии Великобритании играют большую роль в истории торговли, в истории военно-морского флота, и в истории законодательства в связи с негритянской работорговлей и институтом негритянского рабства. С самого начала они также сыграли большую роль в истории эпидемических заболеваний; они, а также испанские, французские и другие тамошние колонии на протяжении двух столетий были своеобразным очагом желтой лихорадки, разделив это незавидное отличие спустя одно-два поколения с некоторыми портами североамериканского континента. Большая часть истории эпидемий желтой лихорадки выходит за рамки периода, которым я здесь ограничиваюсь. Но истоки лежат в нем; и поскольку истоки поднимают весь вопрос о причинно-следственной связи, эта часть предмета сводится к несколько всеобъемлющему обсуждению обстоятельств желтой лихорадки, проиллюстрированных первыми английскими колонизациями в Карибском море и связанной с ними торговлей.

Безусловно, наиболее важные болезнетворные условия в Вест-Индии возникли в результате гвинейской работорговли. Но, чтобы мы могли изложить это не более, чем оно того заслуживает, нам придется также рассмотреть более ранний опыт английских и французских эмигрантов, как во время путешествия, так и в их поселениях на Барбадосе и Сент-Кристофере, и, наиболее подробно, первую катастрофическую оккупацию Ямайки в 1655 году армией Содружества. Будет удобно начать историю, в которой так много интересного, с нескольких фактов о переправке негритянской рабочей силы в Новый Свет до того времени, когда потребности сахарных плантаций привели к ее созданию в больших масштабах.

Африканские негры были впервые завезены в Вест-Индию испанцами для работы на шахтах Эспаньолы. О них было слышно еще в 1501 году, и после этой даты появилось много свидетельств. Поначалу христианская совесть, по-видимому, была нежной. Высокой целью Изабеллы Испанской было обратить индию в христианскую веру; и жестокость ввоза негров и принудительный труд на рудниках были явно несовместимы с гуманным учением Евангелий. К протестам миссионеров прислушались при испанском дворе, и лицензии на торговлю неграми были либо выданы на строгих условиях, либо вообще аннулированы. Однако приходилось иметь дело не только смонархами дома, но и с алчными проконсулами, и грузы рабов попадали на Кубу, на Эспаньолу (Сан-Доминго) и, наконец, на Майн Испании. Каждый импорт вплоть до 1518 года все еще регулировался специальной лицензией; но вскоре после этой даты

могущественный министр продал эту привилегию генуэзцам, так что она несколько вышла из-под контроля испанского двора[1164]. С этим ввозом в первой четверти 16 века были связаны катастрофические эпидемии двух болезней с несколько похожими названиями, которые неразрывно перепутаны в записях, — великой оспы и натуральной оспы; нелегко сказать, какая из них нанесла наибольший вред коренному населению островов и материковой части, оккупированных Испанией; но говорят, что от болезней того или иного вида мексиканцы и карибцы на майне, на Эспаньоле и на Кубе были близки к истреблению[1165].

Первая доля Англии в морских перевозках негров досталась компании John Hawkins and partners, у которой не было даже оправдания в виде открытого рынка сбыта своих товаров в испанских колониях, и иногда им приходилось избавляться от своих негров тайком. Похоже, что африканские негры все еще частично нуждались в рудниках. В отчете Ричарда Хокинса о своем путешествии в Тихий океан в 1593 году он упоминает, что захватил португальское судно водоизмещением 100 тонн вскоре после того, как покинул побережье Бразилии; оно направлялось в Анголу, чтобы погрузить негров для перевозки и продажи в Ривер Плейт: “Это очень прибыльное и часто используемое ремесло. Негров везут работать в шахты Потоси”.

Только через поколение после этого мы слышим об англичанах как о рабовладельцах. 16 февраля 1624 года в английских поселениях в Вирджинии насчитывалось 22 негра, белых насчитывалось 1253[1166]. Затем стало известно, что негры в несколько большем количестве находятся во владении Англии на Багамах; но из переписки между Компанией острова Провиденс в Лондоне и их агентами в колониях следует, что политика использования принудительного труда ни в коем случае не признавалась всеми и не была свободна от трудностей. Так, в 1635 году Компания осудила как нескромное и вредное поведение мистера Рашворта в отношении сбежавших негров, “вытекающее, как представляется, из необоснованного мнения [Рашворта], что христиане не могут законно содержать таких людей в состоянии рабства во время их отчуждения от христианства[1167]”.

Какими бы неграми ни обладали английские колонисты в то время, они получили их либо в результате захвата, либо покупки у голландских и других иностранных торговцев. Так, в инструкции капитану корабля, отплывающего из Лондона, датированной 19 марта 1636 года, захваченные негры должны были быть доставлены на острова Сомерс, а те, кто умеет нырять за жемчугом, - наняты в Провиденсе. И снова в инструкциях капитану “Мэри Хоуп”, направлявшейся в Вест-Индию, от 20 января 1637 года говорится о распределении негров, “если будет взят приз”. А 7 июня 1643 года граф Уорик инструктирует капитана “Элиаса” водоизмещением 400 тонн, что захваченные негры “должны быть оставлены на моем острове Тринидад[1168]”. Торговля неграми-перевозчиками в те годы находилась в основном в руках голландцев, которые не только снабжали свою собственную колонию Суринам на материке, но и использовали свой маленький остров Кюрасоа в качестве склада рабов для снабжения колоний, принадлежащих другим нациям. Так, губернатор Антигуа, где в то время не было негров, сообщает в депеше, датированной примерно 1670 годом: “На Кюрасоа они [голландцы] отправляют огромное количество негров испанцам, и в последнее время четыре корабля с Ямайки за готовыми восьмью экземплярами доставили оттуда большой запас. Они намерены построить рынок для негров на Тортоле, чтобы расширить торговлю в Порто-Рико”.

Прямая доля Англии в торговле неграми-перевозчиками возникла благодаря монополии Гвинейской компании. История английских интересов в Гвинее и “Бинни” не должна нас

задерживать. Когда в 1624 году был выдан первый патент на единоличную торговлю, это вызвало недовольство, поскольку “с тех пор многие находились там почти пятьдесят лет”. Хартия была возобновлена 22 ноября 1631 года; но со временем те, кто был отстранен от своей первоначальной доли в монополии, вели торговлю за свой счет, соперничество внутри страны усугубилось конфликтами со шведами(в 1653 году) и голландцами на заводах на побережье. Торговля велась якобы за золотой песок и слоновую кость, но живой груз вскоре нашел место в английских низах, а также в голландском, шведском, датском, французском, португальском, испанском и других. Теперь мы можем вернуться к нашей основной теме — состоянию здоровья на первых английских и французских плантациях в Вест-Индии.

Англичане и французы прибыли в Вест-Индию почти в один и тот же момент. Их опыт, вероятно, не сильно отличался, но так получилось, что именно о французских эмигрантах у нас есть подробности, которые важно здесь представить.

В 1625 году нормандский авантюрист из хорошей семьи Д'Энамбук отплыл из Дьеппа на бригантине, вооруженной четырьмя орудиями и укомплектованной 35 или 40 людьми, в странствующий круиз в Вест-Индию^[1 169]. Потерпев поражение от испанского галеона у Кайманса, Д'Энамбук добрался до острова Святого Христофора. Он обнаружил, что там живут коренные карибцы и несколько оказавшихся на мели французов, которые были в хороших отношениях с туземцами. Вскоре после этого на сцене появляется английский капитан (“Варнард”), который присоединился к Д'Энамбуку в предполагаемом убийстве и отравлении местных жителей и разграблении острова. Нагруженный карибской добычей и большим количеством табака, д'Энамбук отплыл во Францию и, продав свой табак и другие вещи в Нормандии, прибыл в Париж в прекрасном экипаже, тем самым доказав всем людям, какая удача ожидает их в Индии. За короткое время он получил аудиенцию у Ришелье, и 31 октября 1626 года была подписана хартия Компании Островов, предоставляющая монополию на торговлю с “островными ситуациями в антре Перу”, а именно с Сент-Кристофером и Барбадосом. Компания собрала 45 000 ливров, из которых капитал Ришелье составлял 10 000 ливров на его собственное имя. Деньги были потрачены на оснащение трех кораблей — ‘Католик’ в Гавре, водоизмещением 250 тонн, и “Кардинал” и “Виктория” в Сен-Мало, два гораздо меньших судна. Многочисленные бедные крестьяне и ремесленники из Бретани и Нормандии были вынуждены отправиться в качестве колонистов: ‘Католик” (250 тонн) перевозил 322 души, “Кардинал” - 70, а “Виктория” - 140. Два последних отплыли из Сен-Мало 24 февраля 1627 года под командованием Дю Росси. Переход был долгим, провизия плохой и недостаточной, а смертность ужасной. Когда ‘кардинал’ прибыл в Пуэнт-де-Сабле Святого Христофора 8 мая, в живых оставались только 16 из ее 70 душ, и все они были больны. На других кораблях тоже “большинство людей погибло при выходе”.

Английский опыт вряд ли мог быть настолько плохим, как этот. Когда французские колонисты высадились на берег, они обнаружили четыреста англичан, обосновавшихся недалеко от главной якорной стоянки, здоровых, крепких и хорошо снабженных провизией, которые недавно прибыли сюда по патенту лорда Карлайла. Поначалу две национальности были добры друг к другу, но вскоре поссорились. Французам пришлось гораздо хуже, поскольку многие из них погибли от болезней, в то время как англичане сохранили здоровье. К первым пришла помощь из дома, и они одержали победу над англичанами. Но им приходилось считаться и с испанским флотом, и в конце концов французская колония пришла в беспорядок и бежала на Антигуа, в то время как ее лидер Дю Росси отправился домой во Францию и был брошен в

Бастилию Ришелье, одним из крупнейших акционеров. Беженцы с Антигуа вскоре вернулись на Сент-Кристофер, снова пострадали от голода и с горечью увидели, как всю прибыль от их монополии поглощают нелегализованные голландские торговцы. В 1635 году они получили новый чартер; в то же время удачный захват корабля с неграми у испанцев дал им запас рабочей силы, так что “остров начал менять свой облик”. Английская узурпация была ограничена, и французская колония росла с каждым днем за счет европейских поселенцев и “мавританских рабов, которых французские и голландские корабли отправляли покупать в Гвинею или отбирать у испанцев вдоль берегов Бразилии”. Французы на Сент-Кристофере были теперь достаточно сильны, чтобы отправить филиалы колоний на Гваделупу и Мартинику (1635). Затем настала очередь англичан столкнуться с катастрофическими болезнями среди своих иммигрантов. Сэр Томас Уорнер, основавший английские колонии на Барбадосе и Сент-Кристофере, а теперь ставший губернатором последнего, отправился в Англию в 1636 году, чтобы привезти новых поселенцев. По прибытии 10 сентября он написал домой, что один из двух его кораблей, “Плуг”, был признан потерянным, и что на его собственном корабле были “большие болезни и смертность, не 20 из 200 спаслись, а 40 умерли, некоторые были близки ему по крови и многие отличались особым качеством и пользой”.

Между тем Барбадос был главной ареной английских авантюристов, начиная с даты (1624-26), почти совпадающей с датой совместной оккупации Сент-Кристофера французами и англичанами. Его самые ранние анналы содержат лишь отчеты о соперничестве по патенту лорда Карлайла и другим патентам. Что касается болезней, то в анналах, вероятно, не было никаких событий. В 1643 году на острове были плантации, на которых работало не менее 6400 негритянских рабов, и его процветание росло так неуклонно, что к 1666 году рабов на острове насчитывалось около 50 000: “Здания в 1643 году были убогими; но в 1666 году [когда был сожжен Бриджтаун] посуда, драгоценности и предметы домашнего обихода оценивались в 500 000 фунтов стерлингов[1170]”. Это дата, промежуточная между этими двумя, которая непосредственно касается нас, — 1647 год. В том же году Лигон, историк колонии, прибыл из Англии примерно в начале сентября[1171]. Корабль, на котором он прибыл на Барбадос, был отправлен оттуда в Катчу, на африканское побережье, для обмена на негров. По прибытии они обнаружили двадцать два хороших корабля, стоявших на якоре в заливе Карлайл (Бриджтаун), оживленную торговлю и плантации, видневшиеся по всему берегу. На плантации площадью 500 акров проживало 96 негров и 28 христиан; некоторые плантации занимали 10 000 акров. Численность населения было трудно оценить, так много кораблей прибывало с пассажирами ежедневно; и оценка Лигона в 50 000 человек, “не считая негров”, несомненно, завышена. Ежегодно остров посещают около сотни парусников; они привозят “слуг” и негритянских рабов, как мужчин, так и женщин. Слуги связаны на пять лет, и с ними обращаются хуже, чем с неграми. Негров более чем вдвое больше, чем христиан; они приезжают из разных частей Африки — Бонны, Катчу, Анголы и Гамбии — и не понимают языка друг друга. Их покупают с корабля голыми, выбирают, как лошадей на рынке, самых сильных, молодых и красивых по самой высокой цене (мужчина - 30 фунтов, женщина - от 25 до 27 фунтов, дети - по более низким ценам).

Мы должны также отметить рассказ Лигона о главной гавани колонии - Бриджтауне. Весь залив Карлайл окружен возвышенностями. Бриджтаун назван так “за то, что сначала был проложен длинный мост через небольшой уголок моря, которое было скорее болотом, чем морем”. Ручей, впадающий там в залив, похож на озеро из-за отсутствия стока. Весенние приливы заполняют его, но во время неаполитанских приливов соленая вода застаивается за берегами, образуя небольшую лагуну. Весенние приливы редко поднимаются выше четырех-пяти футов, но

достаточно высоко, чтобы переливаться через низину перед домами, превращая равнину в подобие болота, от которого исходит отвратительный запах.

Лигон высадился в Бриджтауне примерно в начале сентября 1647 года, как раз вовремя, чтобы стать свидетелем разрушительных последствий смертельной эпидемии:

И все же, несмотря на всю эту видимость торговли, жители острова, а также судоходство, были так сильно поражены чумой (или смертельной болезнью), что не прошло и месяца после нашего прибытия, как живые едва смогли похоронить мертвых. Было ли это доставлено туда морским путем (поскольку в длительных плаваниях болезни разрастаются в море и уносят многих пассажиров, и эти болезни оказываются заразными), или из-за нездоровья жителей острова”, — он оставляет неясным. На одну умершую женщину приходилось десять мужчин. Корабли, стоявшие на якоре в заливе Карлайл, по большей части были заражены этой болезнью.

Что это была за болезнь? Как она появилась? О каком происхождении свидетельствуют ее признаки, симптомы или тип? На эти вопросы нам проливают некоторый свет другие работы, помимо работ Лигона, относящиеся к той же эпидемии.

Джон Уинтроп, губернатор Массачусетса, пишет в своем дневнике под 1647 годом^[1172]:

“Господу было угодно открыть для нас торговлю с Барбадосом и другими островами Вест-Индии, которая оказалась прибыльной, поэтому товары, которые мы получали там в обмен на наш скот и провизию, такие как сахар, хлопок, табак и индиго, были хорошим подспорьем для выполнения наших обязательств в Англии. А этим летом была такая сильная засуха, что пострадали их картофель, кукуруза и так далее. были сожжены; и на многих лондонских кораблях, которые ходили туда, так не хватало провизии, что, если бы наши суда не снабдили их провизией, они не смогли бы вернуться домой.... Вслед за большой нехваткой продовольствия на этих островах вскоре последовала большая смертность (будь то чума или заразная лихорадка, она убивала за три дня), так что на Барбадосе умерло шесть тысяч человек, а в Кристоферсе, англичан и французов, почти столько же, и на других островах соответственно”.

Упоминание французов о Святом Христофоре подводит нас к третьему источнику информации, отцу-иезуиту Дутертру, который был очевидцем^[1173]:

“В том же 1648 году чума (la peste), доселе неизвестная на островах, поскольку они были населены французами, была завезена туда определенными кораблями. Это началось в Сент-Кристофере, и за те восемнадцать месяцев, что оно длилось, оно унесло почти треть жителей. Эта чума, или мор, сопровождалась сильной головной болью, общей слабостью всех мышц и постоянной рвотой. Это было заразно. Корабль ‘Бьюф’ из Рошели доставил его в Гваделупу, моряки и пассажиры погибли на его борту. Священник поднялся на борт, чтобы совершить таинства, и подхватил инфекцию; он выздоровел, но 4 августа у него случился рецидив, и он скончался. Это было заразно и в Гваделупе, и продолжалось двадцать месяцев.

Это свидетельство Дутертра важно по нескольким причинам. Он прибыл в Гваделупу в 1640 году на небольшом судне водоизмещением от 100 до 120 тонн, битком набитом припасами и перевозившем, кроме того, 200 душ обоего пола и всех возрастов. Много страданий и болезней последовало за их прибытием; он упоминает почти 100 больных в кварталах месье де ла Вернад,

где можно было спать только на земле; более трех четвертей помощи для борющейся с трудностями колонии, прибывшей из Сент-Кристофера, умерло, возможно, от инфекционной болезни, переданной другими. Теперь, имея в виду этот личный опыт, а также личный опыт эпидемии 1647-168 годов, он описывает последнюю как мор, “доселе неизвестный на островах, поскольку они были заселены французами”. Подобно Лигону и Уинтропу, его наводит на мысль о самой чуме быстрота и смертельный исход инфекции; но он не упоминает никаких признаков собственно чумы и в то же время упоминает постоянную рвоту. Короче говоря, это была Желтая лихорадка; и эпидемия, разразившаяся в конце 1647 года в Бриджтауне, а вскоре после этого в Сент-Кристофере и Гваделупе, была первой, насколько известно, в Вест-Индии.

Но что же тогда представляли собой более ранние эпидемии, о которых говорил Дутертр? Колония-филиал, прибывшая на Гваделупу из Сент-Кристофера в 1635 году, пробыла всего два месяца в своем новом доме, когда в сентябре они столкнулись с голодом. Голод или скудость, по словам Дутертра, продолжалась в течение пяти лет, и за ним последовала “почти всеобщая смертность”. Это была часть той смертности, которую сам Дутертр увидел по прибытии в Гваделупу в 1640 году. Он называет лихорадку *coup de barre* — название, которое в дальнейшем иногда давали желтой лихорадке; и он упоминает симптомы, которые, по крайней мере частично, совпадают с симптомами желтой лихорадки — сильные боли в голове, пульсация височных артерий, затрудненное дыхание, вялость, боли в икрах ног, как будто они были поражены *coup de barre*. Но, говоря о болезни, которую он обнаружил распространенной при высадке на берег в 1640 году, он не упоминает неудержимую рвоту, которую он ставит на первое место, когда описывает другую лихорадку 1647-168 годов; и, повторяю, он говорит, что последняя была чумой, доселе неизвестной со времен оккупации французских Антильских островов, и такой же смертельной, как чума. Таким образом, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что болезнь на Гваделупе где-то между 1635 и 1640 годами была обычного рода, сопутствующей заселению новой колонии. Нам приходилось замечать это в Виргинии (“с чумных кораблей”, - подумал губернатор), в Сент-Кристофере и в других новых поселениях. В петиции губернатора и компании островов Сомерс от 28 июля 1639 года говорится, что около ста тридцати их колонистов переселились в прошлом году на Сент-Люсию, где они так сильно страдали от болезней, что ни один из них не был здоров[1174]. Любая из этих эпидемий среди новых поселенцев могла быть диагностирована как желтая лихорадка с таким же основанием, как и другая; но смертельная инфекция 1647-168 годов была чем-то особенным, отличным от всего предшествующего, и ее следует считать первым проявлением желтой лихорадки, будь то в Вест-Индии или где-либо еще[1175].

Желтая лихорадка получила много разъяснений в последующие годы, как в отношении ее симптомов и патологии, так и в отношении ее обстоятельств и причинно-следственной связи. Чтобы получить представление о том, на что была похожа эта болезнь, давайте возьмем следующий наглядный случай, зарегистрированный Мозли на Ямайке более чем через столетие после даты, которой мы все еще занимаемся[1176]:

“Последним пациентом, которого я видел на последней стадии желтой лихорадки, был капитан Моухуд из 85-го regt. в Порт-Ройале, на Ямайке, 24 сентября 1780 года. Это было на четвертый день его болезни. Он пробыл на острове семь недель.

Я прибыл в дом этого уважаемого молодого человека примерно за четыре часа до его смерти. Когда я вошел в комнату, его рвало черной, мутной жидкостью; и шла кровь из носа. Кровавый

ихор сочился из уголков его глаз, а также изо рта и десен. Его лицо было перепачкано кровью; и из-за тусклости его глаз оно представляло самый удручающий контраст с его естественным обликом. Его живот был раздут, и раздулся неимоверно. Все его тело было темно-желтого цвета с вкраплениями багровых пятен. Его руки и ноги были багрового оттенка. Каждая часть его тела была холодной, за исключением области сердца. У него была глубокая, сильная икота, но ни бреда, ни комы не было; и я впервые увидел его, как мне показалось, в полном здравии. Он посмотрел на изменившийся вид своей кожи и выразил, хотя и не мог говорить, своим печальным выражением лица, что он знает, что жизнь скоросдаст свою цитадель, теперь покидая остальные части его тела. Измученный рвотой, он, наконец, захлебнулся кровью, которую пытался вывести, и испустил дух”.

Одно из лучших описаний его симптомов дано преподобным Гриффитом Хьюзом, настоятелем одного из приходов Барбадоса[1177]:

“Приступ начинается с ощущения озноба, длящегося час или два. Затем наступает сильная лихорадка с сильными болями в голове, спине и конечностях, упадком сил, сильным упадком духа, неутолимой жаждой, беспокойством, иногда рвотой, покраснением глаз, и это покраснение через несколько дней становится желтым. Если пациент вскоре пожелтеет, у него практически нет шансов на жизнь, и чем раньше это произойдет, тем хуже. Через несколько дней головная боль утихает, как и лихорадка. Выступает пот, и пациенту кажется, что ему лучше; но при ближайшем рассмотрении в его глазах и на коже появляется желтизна, и ему становится заметно хуже. Примерно в это время он иногда сплевывает кровь, причем большими глотками; по мере того как это продолжается, ему становится холодно, и его пульс учащается, пока, наконец, он совсем не проходит, и пациент становится почти таким же холодным, как камень, и продолжает находиться в этом состоянии со спокойным умом. В таком состоянии он, возможно, проживет двенадцать часов без какого-либо ощутимого пульса или жара, а затем скончается. Таковы были симптомы и развитие этой лихорадки в 1715 году”. Он добавляет, что кровотечение иногда было из носа или прямой кишки. “Когда человеку, у которого была очень сильная лихорадка, вырвали шатающийся зуб, из дырки вытекло большое количество черной вонючей крови, которая все еще продолжала сочиться до третьего дня, на который пациент умер в сильных мучениях и конвульсиях”. Симптомы не были одинаковыми ни у всех, ни при каждом посещении. Чаще всего она была распространена и приводила к летальному исходу в мае, июне, июле и августе, да и то в основном среди незнакомых людей, хотя очень многие жители умерли от нее в 1696 году и очень многие в разные периоды с тех пор. (Следующая эпидемия на Барбадосе после 1647 года произошла в 1671 году.)

Теперь, что касается этой замечательной болезни, чумной лихорадки с кровоизлияниями, имеющей конечную стадию коллапса, мало чем отличающуюся от быстрого прекращения холеры, и смертность, равную только смертности от самой чумы или, в более поздние времена, от холеры, то будет трудно найти примеры в любой части мира, предшествовавшей эпидемиям на Барбадосе, Сент-Кристофере и Гваделупе 1647-1648 годов. Не только так, но и эти и другие гавани Вест-Индии долгое время были его отличительными чертами. С начала и до конца желтая лихорадка поражала определенные гавани — суда, стоящие в них на якоре, пришвартованные или накренившиеся, а также ближайшие к берегу дома. Лигон говорит, что во время эпидемии на Барбадосе в 1647 году корабли, стоявшие на якоре в заливе Карлайл, были по большей части заражены; Дутертр говорит, что экипаж и пассажиры умерли от инфекции на борту корабля, доставившего ее в Гваделупу; он также говорит, что болезнь

прибыла в Сент-Кристофер с определенными кораблями; и Лигон явно подозревает, что она могла зародиться на борту корабля: “ибо в длительных плаваниях болезни разрастаются в море и уносят многих пассажиров, и эти болезни оказываются заразными”. У нас было много случаев заболеваний во время путешествий, не только цинги, но и лихорадки. Но эти корабельные лихорадки не были желтой лихорадкой; мы знаем о них больше в более поздние периоды истории, когда они были признаны корабельным тифом. В отношении желтой лихорадки мы должны искать что-то более характерное, и это отличительное свойство мы, вероятно, найдем в своего рода путешествии, которое мы до сих пор не рассматривали с точки зрения его болезненности, — в Среднем проходе, или путешествии с неграми от африканского побережья через тропический пояс в ту или иную часть Нового Света. Давайте тогда предпримем этот особый вид плавания, поскольку мы уже предприняли рейсы кораблей Ост-Индской компании, рейсы кораблей эмигрантов из Англии в Североамериканские колонии и из Франции и Англии в Вест-Индию.

Дутертр, наш специалист по первой желтой лихорадке в Сент-Кристофере, также является свидетелем заболеваемости и смертности в Среднем течении. Из негров, говорит он, больше умирает в пути, чем высаживается на сушу. Он знал капитанов, которые брали на борт до 700 человек на одном корабле и высаживали на берег только 200; они умерли от нищеты, голода и удушающего однообразия тропического затишья. Некоторые из рабынь принадлежат к высокому сословию; в частности, была одна негритянка, на которую все остальные смотрели как на принцессу.

Африканская работорговля в целом не пользовалась такой репутацией, чтобы инциденты во время путешествий были зафиксированы с какой-либо близкой к научной полнотой. Но за тот период, который сейчас занимает нас, появилось четыре сообщения о прибытии работорговцев в Вест-Индию из Гвинеи, в которых требовалось отметить состояние здоровья участников плавания^[1178]. В письме с Барбадоса от 20 марта 1664 года говорится, что “Спидвелл” прибыл с 282 неграми, которые сильно потеряли в цене из-за вспыхнувшей среди них оспы; ‘Успех’ принес 193 чернокожих; ‘Сьюзен’ - 230, которым не разрешили высадиться на берег, пока офицеры корабля не докажут, что они не забрали их в пределах полномочий Королевской африканской компании. В другом письме Барбадоса от 31 марта 1664 года говорится, что “среди негров [? на Сент-Кристофере и Невисе] наблюдается большая смертность, которая, как уверяет их врач Африканской компании на Барбадосе Де Ла Роуз, вызвана злокачественной чумой, заразившейся, как они думают, из-за скопления стольких больных и разлагающихся негров, и, возможно, усугубленной оспой на кораблях капитана Картерета. Большинство мужчин отказались принимать какие-либо из них, а Филипп Фассейрес, хирург, которому они продали двадцать по низкой цене, потерял все до единого”. Это сбивчивое письмо, но ссылка на “больных и разлагающихся негров, столпившихся вместе”, по-видимому, означает не скоро прошедшую острую болезнь, а общее болезненное состояние и упадок сил, которые настигли их во время путешествия^[1179]. Третье письмо с Барбадоса, 25 июня 1667 г.: из Гвинеи прибыли четыре корабля, два Африканской компании и два частных; на которых произошла большая смертность негров и судовых команд. Еще раз, чтобы показать долгое заточение негров под палубами, пока работорговец заправлялся на берегу, Т. Барретт пишет из Порт-Ройяла 17 октября 1672 года Джеймсу Литтлону: “слышал, что капитан Дж. Джеймс Таллерс купил негров для Литлтона с другого корабля в Гвинее, на борту которого они находились три месяца, и что почти все они были измучены голодом и переизнанием (переизнание стало означать

дизентерию), поскольку он кормил их практически ничем, кроме заплесневелой кукурузы. Должно быть, произошло что-то экстраординарное, раз так много из них погибло”.

В одном из писем мы слышим о болезнях и смертности не только рабов во время плавания, но и членов судовых команд. Много времени спустя Кларксон показал из списков ливерпульских работорговцев, что работорговля, вместо того чтобы быть “рассадником” британских моряков, была их могилой[1180]. Медицинских подробностей, однако, немного; несомненно, многие из смертей среди членов экипажа произошли на побережье от лихорадки, дизентерии и тому подобного, вызванного развратом и во время торговых походов вверх по реке на баркасе; но из третьего процитированного письма явствует, что были и смертельные случаи во время плавания. Из болезней среди негров больше говорится о натуральной оспе, чем о какой-либо другой болезни в предшествующих отчетах. Но оспа в обычных обстоятельствах не была очень смертельной или очень тяжелой болезнью среди негров, хотя и была очень распространена. Один из первых медицинских писателей о болезнях Гвинейского побережья, как белых, так и негров, доктор Обри, “который много лет прожил на побережье Гвинеи”, может сойти за заслуживающего доверия свидетеля в этом вопросе, тем более что его книга показывает, что он был компетентен в своей профессии[1181].

“Корь и оспа, - говорит он, - не так опасны и не доставляют столько хлопот, как в странах с холодным климатом, и при этом они не так сильно болят, когда выходят, и от них не остается никаких заметных признаков после выздоровления. Множество этих бедных созданий гибнет на борту кораблей, к большому ущербу владельцев и скандалу хирурга, просто из-за невежества хирурга; потому что он не знает, чем они больны, но, предполагая, что это лихорадка, пускает им кровь и очищает или вызывает у них неизлечимый понос, и через несколько дней они становятся пищей для какой-нибудь голодной акулы. Когда они болеют этими болезнями в лесу, они не пьют ничего, кроме холодной воды, и сосут апельсины, и все же выздоравливают, чему я сам много раз был свидетелем; и с детьми дедушек во время их болезней не обращаются иначе, и они выздоравливают от оспы меньше чем за половину месяца ” и т. Д. Возможно, однако, что оспа, предоставленная самой себе, не имела бы такого благоприятного течения в трюме работорговца, как в туземных хижинах негров. На борту корабля больные оспой умирали от осложнения в виде диареи; и, согласно тому же автору, диарея или дизентерия были основной причиной смертности во время плавания, наиболее застарелой формой этого заболевания (согласно его твердому убеждению), возникающей у тех, кто был конституционально поражен фрамбезией: “Это (флюс фрамбезии) - смертельная болезнь, которая отрезает три части тела у четырех негров, которые обычно гибнут на борту судов”. Но тот же автор сообщает достаточно, чтобы мы поняли распространенность флюса как основного заболевания. Пища рабов на борту корабля, не говоря уже о режиме, была для них отвратительной. Им не хватало пальмового масла и других привычных продуктов питания. Утром и вечером их кормили горохом, фасолью и тому подобным, смешанным с “тухлой соленой сельдью”, иногда с соленой говядиной или свиной и небольшим количеством воды.

“Это продукты, которые очень немногие из них будут есть. Очень часто они подвергаются насилию со стороны матросов, которые избивают и пинают их до такой степени, что иногда они никогда не оправляются; и тогда хирурга обвиняют в том, что он позволил рабам умереть, когда они были убиты, частично от ударов, частично от голода; потому что, если они не едят таких соленых блюд, которых достаточно, чтобы их уничтожить, они должны голодать до ужина; и тогда они теряют аппетит и, возможно, заболевают, частично из-за голодания, а частично от

горя, что с ними так обращаются; и если однажды они примут что-нибудь близко к сердцу, все искусство хирурга никогда не сохранит им жизнь; потому что они никогда ничего не едят, когда с ними так обращаются. честные средства или подлые, потому что они предпочитают умереть, чем подвергнуться жестокому обращению.... Когда они становятся требовательными и измученными [соленой пищей], они остаются между палубами и ничего не едят; но плачут *тьфу, тьфу*, и, возможно, заползают под одну из платформ и прячутся, и умирают там, и хирург не может понять, что это значит ... Я очень хорошо понимаю, что невозможно содержать рабов на борту после того, как они покинут Берег, без запасов соли; но тогда можно было бы позаботиться о том, чтобы полить говядину и свинину перед тем, как их сварить, а также облить их пальмовым маслом. раскладывайте от каши к каше, а также перчите, и пусть каждый берет, что ему заблагорассудится.... Другой основной причиной их гибели является то, что их каждый день заставляли погружаться в ванну с холодной водой и выливали воду им на головы полными ведрами” - несомненно, ради чистоты, хотя они были слишком больны, чтобы выносить такое мытье.

От чего бы еще ни умирали негры во время плавания из Гвинеи, они умерли не от желтой лихорадки: вряд ли найдется другая столь хорошо обоснованная общая патология, как та, что чистокровные африканцы оказались невосприимчивыми к этой инфекции при любых обстоятельствах на берегу или на плаву — защищенные не акклиматизацией, а какой-то странной привилегией своей расы. И все же мы должны думать о желтой лихорадке как о чем-то связанном с перевозкой негров по морю. Два примера из более поздней истории помогут нам конкретизировать стоящую перед нами проблему. В 1815 году британский транспорт, ‘Регалия’, использовался для перевозки новобранцев с Западного побережья Африки в негритянские полки в Вест-Индии. Состояние корабля, когда он находился у африканского побережья, было хорошим; но во время плавания с недавно завербованными неграми среди последних произошло много болезней, в основном дизентерийных, после чего вспыхнула желтая лихорадка с большой злокачественностью, поразившая всех на борту, кроме чернокожих солдат, которых она от начала до конца не затронула. Основываясь на подобном опыте, сэр Гилберт Блейн сформулировал несколько расплывчатую доктрину о том, что причины, вызвавшие дизентерию у негров, вызвали желтую лихорадку у белой расы. Но более вероятно, что дизентерийные заболевания негров сами по себе, в свою очередь, вызвали заражение белой желтой лихорадкой. Возьмем другой случай: в 1795 году, после захвата Мартиники французами, один из фрегатов ‘Ла Пике’ был укомплектован британской командой и отправлен на Барбадос. Во время плавания они спасли двести негров с корабля, который вот-вот должен был затонуть. Негры были заперты в трюме “Ла Пике”, и за короткое время среди английского экипажа вспыхнула желтая лихорадка, унесшая жизни ста пятидесяти человек, хотя среди чернокожих она вообще не была распространена. “Такое смешение людей, ” говорит Гиллеспи, “ незнакомых друг с другом, часто было причиной болезней на кораблях; и, наряду с другими причинами, фатально действовало здесь до прибытия корабля на Барбадос.... Это печальный пример возникновения смертельной эпидемии на борту корабля в то время, когда жители Барбадоса и экипажи других кораблей компании оставались свободными от какой-либо подобной болезни[1182].”

Но такие случаи сравнительно редки, в то время как эпидемии желтой лихорадки на берегу или среди судов на якорной стоянке были обычным явлением. Возможно, что желтая лихорадка на ‘Регалии’ и ‘Ла Пике” часто случалась с белыми командами работорговцев; мы никогда этого не узнаем. Что мы точно знаем, так это то, что порты высадки работорговцев стали эндемичными

очагами желтой лихорадки. Теория состоит в том, что вещества, вызывающие желтую лихорадку, были доставлены в гавани Вест-Индии, отложены там, оставлены для брожения и накопления и таким образом загрязнили почву, грязь и воду, превратившись в постоянный источник ядовитых миазмов. За фактами, подтверждающими эту точку зрения, далеко ходить не приходится.

Давайте вернемся к обстоятельствам в Бриджтауне, Барбадос, когда в 1647 году впервые вспыхнула желтая лихорадка. В предыдущие годы довольно много работоторговцев выгружали свои грузы в Бриджтауне (в 1643 году на острове проживало по меньшей мере 6400 негров), и каждый из них оставил после себя значительное количество грязи во время плавания, вероятно, подвергшейся очистке и капитальному ремонту. До сих пор сохранились предания о том, что уборка невольничьего корабля после плавания из Африки была исключительной задачей, которой раньше занимались крумены. Как бы то ни было, нужно лишь немного поразмыслить, чтобы понять, что толпа из нескольких сотен негров под решетками в трюме или между палубами брига или шхуны, страдающая поначалу от морской болезни, а по мере продвижения по тропическому поясу - от более неприятного течения, должно быть, пренебрегла всеми правилами чистоты. Трюмы и балласт судна были бы загрязнены сверх всякой меры: и только содержимое его трюмов, с самим балластом или без него, было бы откачено или выброшено, когда судно было бы пришвартовано в гавани или шлепнулось бы на ил. В Бриджтауне не было сильных приливов, подобных тем, которые мы наблюдаем у наших собственных берегов, уносящих грязь в море. Весенние приливы, говорит Лигон, поднимались всего на четыре-пять футов; прилив переносил воду через берега в лагуну, а отлив уносил ее прочь; но при приливах некоторое количество воды оставалось стоячим за берегами, согласно известному опыту в подобных обстоятельствах. Плоский берег, говорит Лигон, превратился "в подобие болота, источающего такой отвратительный запах, что не может не вызывать болезни крови и (без сомнения) является причиной многих болезней у тех, кто там живет". Солоноватое устье с затрудненным стоком часто сильно пахнет от гниющих морских отложений или других разлагающихся веществ; но нам еще предстоит узнать, что любые столь обычные условия могут вызвать смертельную эпидемию, подобная той, что впервые возникла в Бриджтауне осенью 1647 года. Залив Карлайл, несомненно, был подветренной гаванью, окруженной возвышенностями, с медленными приливами и отливами, подверженными штилям и палящему солнцу; но помимо всего этого, причал в устье залива год за годом был постоянным местом скопления навоза с невольничьих судов. Путешественники и писатели с богатым воображением иногда изображали заливы и бухты островов и мэйн Карибского моря так, как будто простое увядание тропической растительности сделало их чумными[1183]. Риск, конечно, есть в таких ситуациях, но в основном тогда, когда мужчины по очереди подвергаются полуденной жаре и ночному ознобу. Дурная репутация гаваней Вест-Индии с их душной грязью, мангровыми болотами и ленивыми приливами - это сложное и запутанное представление. Не столько Природа сделала их нездоровыми, сколько человек. Желтая лихорадка, в частности, - это не миазмы отдаленных и первозданных бухт или лагун, в которые команда лодки может заходить время от времени; это не лихорадка, охватившая все без исключения части побережья тропического острова; это лихорадка лишь в нескольких населенных пунктах на обширных берегах земного шара; и все эти очаги, насколько она была устойчивой или периодической по своему распространению, являются гаванями, которые в то или иное время считались прибежищем работоторговцев и ничем иным не отличались от многих других портов обоих полушарий. Все в последующей истории желтой лихорадки указывало на то, что это был яд,

скрывающийся в грязи или даже в воде невольничьих портов, а также в почве их прибрежных зон, пристаней и домов вдоль пляжа. В последних случаях миазмы поднимались с земли, отравляя воздух города в определенное время года; яд также попадал в трюмы кораблей, пришвартованных или накренившихся в гавани, и поднимался из трюмов в виде ядовитых паров, заражая экипажи. Миазмы были смертельны по большей части для вновь прибывших, особенно из более холодных широт, хотя акклиматизированные жители не были исключением во время эпидемии; но существует очень общее мнение, что они не представляли опасности для чистокровных негров.

Что же такого особенного было в обстоятельствах 1647 года, что привело к первому вспышке эпидемии желтой лихорадки? Во-первых, это было накопление специфической бродящей грязи в грязи и почве, которое продолжалось в течение нескольких лет. Во-вторых, существовала оживленная торговля, на что указывало большое количество кораблей в гавани, а большое скопление вновь прибывших часто отмечалось в более поздней истории как одно из условий вспышки. Но более важными были особенности сезона: это был один из тех сезонов, когда регулярных дождей в июне и последующие месяцы не было. То, что мы знаем по этому поводу, почерпнуто исключительно из "Дневника" Уинтропа, который уже цитировался. По его словам, была такая сильная засуха, что их картофель, кукуруза и т. Д. Сгорели; и вслед за "большой нехваткой продовольствия на этих островах вскоре последовала большая смертность". Но смертность, конечно, была не от голода и не от последствий голода. На самом деле эпидемия последовала за изнурительной засухой, а не просто за дефицитом продовольствия, который действительно был устранен кораблями из Новой Англии, но ощущался так слабо, что Лигон об этом не упоминает. Пропущенный или почти пропущенный сезон дождей в тропической стране означает сильное понижение уровня грунтовых вод; это означает, что поры земли необычайно сильно заполнены воздухом; и таково состояние любой почвы, если она уже полна бродящих органических веществ, которые порождают самые опасные полупродукты разложения, или, другими словами, самые ядовитые миазмы. Всегда требуется какой-то особый определяющий фактор, чтобы объяснить эпидемические вспышки желтой лихорадки; в более поздней истории мы увидим, что первая крупная эпидемия на Ямайке последовала сразу за землетрясением, разрушившим Порт-Ройял.

Иллюстрации обычного принципа, согласно которому сезонное и периодическое заражение зависит от состояния грунтовых вод, более подробно приведены в главах, посвященных более поздним эпидемиям чумы в Лондоне. То, что применимо в этом отношении к одному почвенному яду, применимо и к другому; и в соответствующем месте будет показано, что это с наименьшей двусмысленностью применимо как к азиатской холере, так и к брюшному тифу. По клиническим признакам желтая лихорадка больше похожа на сыпной тиф, чем на брюшной тиф; но это почвенный тиф, тогда как распространенный и гораздо менее смертельный тиф обычной домашней жизни в более холодных широтах является инфекцией, распространенной над землей — воздуха, стен, полов и обстановки в комнатах. В этом отношении между желтой лихорадкой и обычным тифом существует такая же связь, как между чумой и обычным тифом. Когда обычный сыпной тиф переходил в почвенный яд в результате ухудшения условий, как это было в арабских лагерях в Северной Африке, он в то же время становился бубонной лихорадкой, или, приблизительно, собственно чумой. Желтая лихорадка имела свою среду обитания в основном в почве, в силу особых обстоятельств (ввоз ее сырья судами, занимающимися работорговлей); и обычная чума, или согласно европейскому опыту, также имела свою среду

обитания в почве, в силу обстоятельств, которые в другом месте были приведены в качестве ее вероятных условий.

Возможно, именно потому, что они являются почвенными ядами, эти две болезни занимают столь высокое место по своей летальности и скорости протекания, в этом отношении они напоминают азиатскую холеру и отличаются от большинства других инфекций. Уинтроп говорит, что первая желтая лихорадка убила за три дня и поэтому была сравнима с чумой. Лигон говорит, что это была такая же смертельная болезнь, как чума (с которой и он, и Уинтроп имели бы старый опыт дома), и он использует расхожую фразу о том, что живые едва ли были в состоянии похоронить мертвых. Уинтроп говорит, что на Барбадосе погибло 6000 человек, а один из его корреспондентов на острове, Вайнс, пишет, что “в нашем приходе за неделю хоронили двадцать человек, а за многие недели вместе - пятнадцать или шестнадцать”. Дутертр говорит, что почти треть колонистов Сент-Кристофера умерла от него, и что он оставался там восемнадцать месяцев, и еще двадцать месяцев в Гваделупе, куда, как полагали, его доставили на корабле "Ле Бюф".

Барбадос, Сент-Кристофер и Гваделупа (с небольшими поселениями на Мартинике, Невисе и др.) были самыми ранними английскими и французскими колониями в Карибском море. Испанцы оккупировали Большие Антильские острова (Эспаньола или Сан-Доминго, Кубу, Порто-Рико и Ямайку) задолго до этого. Ничего конкретного не известно о состоянии здоровья этих колоний, за исключением первых лет 16 века, когда коренное население было опустошено великой и натуральной оспами. Но когда Ямайка была захвачена у испанцев армией Содружества в 1655 году, мы начинаем располагать достоверной информацией, и состояние здоровья, пожалуй, является самым заметным (хотя историки и не обращают на это внимания) в депешах. Этот инцидент во время экспансии Англии, относящийся к основанию того, что долгое время было нашей величайшей островной колонией, и иллюстрирующий риски тех ранних предприятий более полно, чем любое другое подобного рода, может уместно войти в эту главу и завершить ее.

Большая смертность при оккупации Ямайки.

План лорда-протектора в 1654 году по приобретению одного или нескольких испанских Антильских островов в качестве английской колонии был продуман более методично и более энергично поддерживался ресурсами государства, чем любая предыдущая попытка колонизации. Это сопровождалось бедствиями соответствующего масштаба, а поначалу позором и неудачами, которые, должно быть, серьезно усугубили бремя последних лет правления Кромвеля. Первоначальный план, согласно запечатанным приказам адмирала, состоял в том, чтобы захватить старую испанскую колонию Эспаньола или Сан-Доминго^[1184]. В Портсмуте был снаряжен флот, который вышел в море 19-21 декабря 1654 года с сухопутными войсками численностью в три тысячи человек. После благоприятного плавания флотилия из тридцати кораблей, половина из которых была с продовольствием, прибыла на Барбадос 1 февраля, где они находились до 31 марта, привлекая поселенцев для предполагаемой новой колонии, а также участников кампании, включая отряд кавалерии, из не очень избранного класса английских подданных на этом острове. Около двадцати голландских кораблей были захвачены и превращены в склады продовольствия или транспорты. Экспедиция также получила призыв с Невиса, и, зайдя в Сент-Кристофер, они взяли с собой еще 1300 человек, в

общей сложности к их первоначальным силам добавилось более 5000 колониальных мужчин, не считая женщин и детей. 13 апреля флот вышел из гавани Сан-Доминго. Впоследствии выяснилось, что вид такого количества английских фрегатов и других кораблей обратил горожан в мгновенное бегство, так что столица была бы захвачена англичанами без единого удара. Но посадка в гавани не предпринималась из-за трудностей с пилотированием, незнания глубины воды и тому подобного. Было решено высадить войска в бухте в устье реки примерно в шести или десяти милях (двух лигах) к востоку, где Дрейк высадился в 1586 году. Большинство кораблей, однако, прошли мимо назначенного места и бросили якорь в другой бухте в тридцати милях (десяти лигах) к востоку от Сан-Доминго; там около 7000 солдат и колонистов со своими женщинами и детьми были высажены на берег с трехдневным пайком. Несколько кораблей высадили своих людей в первоначальном месте встречи в двух лигах от Сан-Доминго, численностью около 2000 человек в трех полках. Более крупные и удаленные силы начали продвигаться к Сан-Доминго через густые леса; об их присутствии в стране вскоре стало известно на всех плантациях, откуда люди бежали в столицу в поисках безопасности, так что жители Сан-Домингана смогли импровизировать и собрать значительные силы для обороны. Наступлению англичан препятствовала удушающая жара; измученные жаждой, они неумеренно ели апельсины и другие фрукты и тем или иным способом подхватили дизентерию. Генерал Венейблс в депеше Кромвелю говорит, что по этим причинам они “были обеспокоены сильными наводнениями, сотни наших людей пали по дороге, некоторые больные, другие мертвые”. Тем временем ближний и меньший отряд численностью примерно в 2000 человек продвинулся к Сан-Доминго; они преодолели одну из двух лиг, отделявших их от столицы, но старый форт, укомплектованный на этот случай личным составом, преградил им путь, и полки отступили к реке, откуда они выступили, и отдыхали там пять дней, а основные силы тем временем подошли к ним. Предпринималась одна попытка за другой пройти форт на полпути, но испанцы удерживали свои позиции и фактически нанесли поражение англичанам в открытом бою и обратили их в позорное бегство, некоторые из доблестных офицеров которого отдали свои жизни в тщетной попытке повести за собой своих людей. Все это время эта сломленная и деморализованная толпа находилась без надлежащего снабжения с флота, офицеры которого были либо неспособны поддерживать связь с сухопутными войсками, либо безразличны к своему долгу. Состояние здоровья 25 апреля, примерно через десять или двенадцать дней после высадки, так описывается в письме: “И лившие каждую ночь дожди с туманами и росой вдоль реки настолько пропитали наши тела инфекцией, и никто не избежал этого насилия, что наше подкрепление [отступлением к реке] оказалось ослаблением, а не поддержкой”. В другом письме, датированном двумя днями позже (27 апреля), говорится: “Дожди усиливаются, наши люди слабеют, все находится на грани летального исхода, моряки на борту пренебрегают работой, — это вынудило нас съесть всех наших войсковых лошадей”. Была предпринята попытка восстановить дисциплину; офицер высокого ранга был уволен за трусость, его шпага была сломана над головой; солдат был расстрелян за дезертирство; несколько распущенных женщин в мужской одежде с Барбадоса были наказаны, и за другими подобными последователями лагеря велось зоркое наблюдение. В конце концов Венейблз и его совет решили, что от покушения на Сан-Доминго следует отказаться; вероятно, было видно, что переход Барбадоса и острова Святого Христофора был фатальным препятствием на том этапе, тем более что сезон дождей был в разгаре. К третьему мая вся экспедиция была вновь отправлена, причем испанцы не предпринимали никаких попыток помешать операции. Говорят, что число повторно отправленных кораблей было на тысячу семьсот меньше, чем за три недели до этого: многие пали в боях, другие были убиты испанцами или неграми в лесу, а некоторые, по-

видимому, умерли от гриппа. Поскольку попытка штурма Сан-Доминго провалилась, было решено совершить высадку на Ямайке, наименее важном из испанских Антильских островов. По пути туда Уинслоу, один из трех общественных комиссаров, или “политических деятелей”, участвовавших в экспедиции, умер “очень внезапно от лихорадки”.

10 мая корабли вошли в бухту Кагуя. Адмирал Пенн, решив не повторять ошибку, совершенную ими в Сан-Доминго, продолжал плыть на галере "Мартин", пока она не была выброшена на берег под небольшим фортом Пролива, в начале залива, чтобы прикрывать высадку своими орудиями. Однако несколько испанцев, живших на берегу, бежали, и все силы численностью около 7000 человек были высажены к полуночи. Затем Венейблс вернулся на свой корабль для своего обычного отдыха, оставив матросов под ружьем на всю ночь. Только в девять часов следующего дня, к этому времени утрачивалась утренняя прохлада, начался марш к столице, Сан-Яго-де-ла-Вега (“Сент-Джеймс Равнинный”), расположенной на возвышенности у реки Кобре, посреди аллювиальной равнины с амфитеатром холмов за ней, примерно в шести милях от места высадки. Около двух часов дня они подошли к городу и вошли в него той ночью: они нашли его пустым, “ничего, кроме голых стен, кроватей, стульев и воловьих шкур”. Говорят, что в городе было около 1700 домов (слишком много для его населения), две церкви, две часовни и аббатство; там все испанцы жили в легкости и праздности, “имея своих рабов на нескольких небольших плантациях, которые постоянно приносили им запасы провизии и фруктов”. На этом огромном острове насчитывалось всего около 3000 жителей, половина из которых, если не больше, были рабами. Там не было мануфактур или местных товаров, за исключением очень небольшого количества сахара и какао. Четыре корабля, пришедших туда за год, торговали в основном только шкурами и жиром.

Испанская колония вывезла столько своего имущества, сколько смогла во время своего первого побега, и вскоре отправила своих главных людей со своим губернатором, “старым дряхлым сеньором, полным французской болезни”, которого двое носильщиков несли в гамаке, лечить их при возвращении в город. Впоследствии Венейблса много обвиняли в том, что он ответил испанцам взаимностью на вежливость; он получил от них подарки в виде свежей провизии и фруктов, принял их обещания постоянного снабжения своих людей и предоставил им право свободно распоряжаться своими домами в течение недели или около того, к этому времени они, как говорят, унесли все свои ценные личные вещи. Они возражали против того, чтобы покидать остров, говоря, что Ямайка - их дом и что у них нет друзей ни в Новой Испании, ни в Старой. Наконец они покинули свое старое поселение с явной целью отплыть на Кубу из бухты на той же стороне к западу. Мнения англичан относительно обращения с испанцами разделились, и полковник Буллард был послан к заливу с большим отрядом, чтобы перехватить их во время бегства. Однако они дали ложноенаправление, а на самом деле пересекли горы на север, на другую сторону острова, по пути очищая местность от скота и всевозможных продуктов. Некоторые из них, в том числе восемь семей из высшего сословия, в конце концов добрались до Кубы, но большее число осталось на севере острова, где через несколько месяцев их настигли голод и мор, и они были почти истреблены. Их негры ушли в горы и стали маронами, прославившимися в более поздней истории Ямайки.

Преследуя испанцев, английские войска бродили по стране, просто беспричинно уничтожая свиней и крупный рогатый скот и оставляя их туши разлагаться. За короткое время множество англичан в Сан-Яго-де-ла-Вега (испанский город) оказались на скудном пайке, и вскоре “собаки и кошки стали лучшей частью их рациона”. Припасы с кораблей были оставлены на

берегу, незащищенные от непогоды, и вскоре заплесневели, так как матросы отказались нести их из-за отсутствия повозок через шесть миль между берегом и штаб-квартирой. Кроме того, два или три корабля с продовольствием прибыли из Англии в течение недели или двух после первой высадки, но, несмотря на все это, экспедиция умирала с голоду. Многие из мужчин страдали от флюса, которым они подхватили в Сан-Доминго. Венейблс в частном письме от 25 мая, или через две недели после высадки, называет число больных около 3000 человек; в депеше Кромвелю от 4 июня он говорит:

“Недостаток, который мы испытывали до сих пор в хлебе (поскольку мы не могли внезапно получить его из флота или наших запасов из-за нехватки повозок и других удобств для его транспортировки), в сочетании с нехваткой питьевой воды, уже привел как офицеров, так и солдат к такому сильному истощению, что они больше похожи на мертвецов, выползших из своих могил, чем на живых людей; и это настолько распространено, что у нас не более двух полковников в здравии, трех майоров, всего около семи полевых офицеров; кроме того, многие уже были унесены этой болезнью. Мы потеряли мистера Уинслоу очень внезапно, когда плыли к этому острову, из-за лихорадки.

9 июня состоялся общий сбор сухопутных войск, “численность которых, как было обнаружено, в последнее время значительно сократилась не столько из-за какой-либо чумы или сильной болезни, сколько просто из-за нехватки естественных источников питания; что, по здравому смыслу, может показаться странным, что из всех людей солдаты должны голодать в поварне, как говорится^[1185]”.

В депеше от 13 июня Венейблс сообщает, что “около 2000 человек больны. Наши мужчины умирают ежедневно, питаюсь кореньями и свежей рыбой (когда есть какая-либо еда), без хлеба или очень мало”. Он сам был болен, у него был флюс в течение пяти недель. Адмирал Пенн (отец основателя Пенсильвании) решил вернуться домой с двумя третями кораблей, полагая, что в его услугах больше не нуждаются, и получив совет, что он мог бы больше послужить Кромвелю в Англии. Он отплыл 21 июня, оставив фрегаты и голландские призы под командованием Гудсона; а Венейблс последовал за ним через четыре дня с уцелевшим “политическим”, оставив поселение во главе с Фортескью, который написал домой: “Я вынужден действовать без приказа”.

Тем временем Кромвель подготовил подкрепление, не жалея сил и средств дома. Экспедиция в помощь покинула Плимут 11 июля 1655 года под командованием Седжвика и прибыла на Барбадос 26-31 августа после прекрасного перехода; они снова отправились 7 сентября, почистив свои бочонки и прихватив воду с другими закусками. Эти силы были в наилучшем состоянии до отъезда с Барбадоса. Седжвик пишет:

“Я думаю, никогда еще столько кораблей не плавало вместе с меньшими неприятностями, горем или опасностью, чем у нас; только Бог ненадолго посетил нас между этой [Ямайкой] и Барбадосом с какой-то болезнью, я полагаю, вызванной какой-то заразной болезнью, заразившейся там [? желтой лихорадкой]; в результате этого посещения, я думаю, во всем флоте мы потеряли от 20 до 30 моряков и солдат”.

Обнаружив, что испанский флаг развевается над Сан-Доминго, они прибыли на Ямайку 1 октября и там обнаружили катастрофическое положение вещей.

Что касается армии, то я нашел ее в самом печальном, прискорбном и растерянном состоянии, какое только можно себе представить: командиры, кто-то бросил их, кто-то мертв, кто-то болен, а у некоторых слабое здоровье; среди солдат много мертвых, их тела лежат непогребенными на дорогах и в кустах, туда и обратно; многие из тех, кто был жив, ходили как призраки или мертвецы, которые, когда я шел по городу, лежали, стона и взывая: “Хлеба, ради Бога!”

Седжвик привез с собой в четырех повозках тысячу тонн провизии, которую он запас в хранилище, построенном специально для этого случая на пляже. Среди его войск был 831-й полк полковника Хамфри, состоявший из “крепких, здоровых, доблестных людей, которые воодушевляли всю армию”. Но теперь мы начинаем видеть, что болезнь в Сан-Яго-де-ла-Вега приобрела инфекционный или морный характер. Вновь прибывшие, какими бы здоровыми они ни были, сразу же начали болеть и умирать. Из полка Хамфри, 5 ноября:

“На сегодняшний день 50 из них мертвы, из них два капитана, лейтенант и два прапорщика, сам полковник очень слаб, подполковник при смерти. Солдаты умирают ежедневно, я думаю, 140 раз в неделю, и так происходит с тех пор, как я приехал сюда. Странно видеть крепких мужчин, внешне здоровых, а через три-четыре дня лежащих в могиле, в одно мгновение схваченных лихорадкой, ознобом, флюсом и водянкой - сочетанием многих болезней. Теперь мы снабдили армию 60 бочонками мадеры, а каждый полк - бочонком бренди и одной-двумя бочками сладкого масла. Наши солдаты уничтожили все виды фруктов, провизию и скот. Куда бы они ни пошли, их не сопровождает ничего, кроме разорения”. 24 января 1656 года Седжвик снова пишет Турлоу: “Если бы вы только видели лица этой бедной маленькой армии вместе с нами, как они похожи на скелеты, это вызвало бы жалость; и когда я думаю о тысячах людей, поверженных в прах таким образом, каким Бог посетил их, мое сердце скорбит. Со многих Наветренных островов к нам пришли разные люди с намерением сесть за стол переговоров с нами, но по прибытии сюда они либо заболевают и умирают, либо настолько напуганы и встревожены, что, хотя и сильно обнищали, все же не поддаются уговорам остаться с нами”.

Здоровье людей на флоте было лучше; но среди них также “некоторые умирают, а некоторые болеют настолько, что нам нужен хороший рекрут, чтобы полностью укомплектовать наши корабли боевыми людьми”. В тот же день (24 января 1656 г.) адмирал Гудсон в письме Турлоу оценивает выживших офицеров и рядовых в 2600 человек, не считая женщин и детей; и в другой депеше от того же числа от Седжвика и Гудсона совместно Кромвелю говорится:

“Численность армии значительно уменьшилась с момента получения наших последних писем [5 ноября]; в целом она не превышает 3000 человек, многие из них больны и слабы, у лучших и наиболее здоровых значительно поубавилось сил и бодрости, и Бог продолжает с каждым днем сокращать наше число. Мы умираем ежедневно, не менее пятидесяти человек в неделю, что немало, учитывая нашу малочисленность”.

По мере приближения сезона здоровье военнотружущих на берегу улучшалось. В письме от 12 марта говорится, что состояние армии значительно улучшилось; солдаты гораздо более здоровы, но сильно подавлены и испытывают отвращение к этому месту. Флот был в хорошем настроении и с нетерпением ждал действий; однако на кораблях также были болезни; со времени последней отправки они потеряли около восьмидесяти человек; и 30 апреля в отчете говорится: “Здоровье наших моряков относительно хорошее; все же некоторые больны, и Бог

ежедневно сокращает их, так что нашему флоту потребуется пополнение”. Несколько фрегатов были поражены червями и отправлены на ремонт. Сообщения о болезнях на кораблях поступали еще 10 октября 1656 года.

Болезни среди всех чинов были настолько повсеместными и серьезными, что едва ли было возможно найти старших офицеров для управления страной. Фортескью умер в октябре 1655 года, и его временно сменили Д'Ойли и другие, в конце концов Кромвель передал единоличное правление Седжвику, который умер через несколько дней после получения своего нежелательного назначения. Брейн, переведенный из Лохабера на Ямайку, тоже умер, и в конце концов на плечи Д'Ойли, умелого человека, которому все на месте доверяли, выпала задача помочь колонии справиться с ее трудностями. Кромвель не жалел сил дома. Было отправлено огромное количество провизии; плантаторы со своими семьями, ‘слугами’ и рабами, числом около 1700 человек, были перевезены на Ямайку с Невиса под командованием Стокса, губернатора этого острова; жителей Новой Англии также поощряли переселяться в новую колонию; и около тысячи молодых мужчин и девушек на выданье были доставлены из Ирландии вместе с пионерами, описанными как более грубые, из Шотландии. “И вот, в конце концов, - говорит Карлайл, - интерес к Вест-Индии действительно укоренился; и по сей день там продаются специи, яды и другие продукты”.

Болезни и смертность среди первых английских колонистов Ямайки принесли острову дурную славу и, должно быть, немало усилили путаницу представлений, уже существовавших относительно пагубного характера тропического климата[1186]. Более старые сахарные колонии, такие как Барбадос, которые видели в Ямайке грозного конкурента, по-видимому, поощряли представление о том, что климат на Ямайке сильно различается, а климат на Ямайке плохой. Вскоре после Реставрации Карла II. призвали вернуть Ямайку Испании, и, как говорят, он серьезно преследовал эту цель. Среди государственных бумаг есть документ, предположительно написанный в ноябре 1660 года, в котором излагаются естественные преимущества Ямайки, а также два набора причин, по которым Англии следует сохранить ее[1187]:

“Воздух здесь более умеренный, чем на любом из Карибских островов, он более северный и такой же терпимо жаркий, как и во многих других местах.... Ветры здесь постоянно в течение всего дня дуют восточные, настолько прохладные, что в полдень это делает любую работу невыносимой.... Мы обнаруживаем здесь не такую уж сильную антипатию между конституцией англичан и климатом, чтобы болезнь не была неизбежной и случайной; ибо мы экспериментально обнаружили, что люди, соблюдающие хорошую диету и использующие умеренные физические нагрузки, наслаждаются некоторым (?) состоянием здоровья. Упомянутыми причинами смертности армии при их первом прибытии были нехватка провизии, нежелание трудиться или заниматься физическими упражнениями и непростительное недовольство тем, что их заставляют оставаться здесь. Болезни, которым чаще всего подвержены незнакомцы, - это водянка (часто вызываемая неправильным питанием и ленью), календулы (столь часто возникающие из-за переизбытка), а также лихорадки и озноб, которые, хотя и доставляют много хлопот, никогда не бывают смертельными.... Кагуэй [Порт-Ройял] - это место, где проживают все торговцы, самое здоровое место на острове; сюда приезжают все мужчины, часто посещающие Индию, из-за чего дома становятся настолько дорогими, что обычный дом в этом городе стоит 40-60 фунтов стерлингов в год. Там около 200 домов, все построены англичанами. Около 50 домов было построено англичанами в форте Пассаж [в

начале гавани и ближайшей точке к Спэниш-Тауну]; из домов в старой столице, Сан-Яго-де-ла-Вега, около 800 разрушены. Что касается численности англичан на острове, остатки шести полков действительно насчитывают 2200 человек, и вполне вероятно, что плантаторов, торговцев, моряков и других может быть столько же”.

Приведенные выше утверждения о здоровье Ямайки в 1660 году были повторены доктором Трафамом в его работе о климате и болезнях колонии в 1678 году[1188]. Этот самый ранний автор-медик, действительно, более оптимистичен, чем те, кто последовал за ним, в отношении заразных болезней; натуральной оспы не было, по крайней мере, очень редко, за исключением случаев, иногда привозимых неграми из Гвинеи; и “никогда прежде я не слышал о такой обезлюдившей чуме”, за исключением чумной лихорадки, занесенной победоносным флотом, вернувшимся из сигнальной панамской экспедиции в 1670 году. Случаи желтой лихорадки в Порт-Ройяле и Кингстоне произошли в основном, если не полностью, после этих дат. Но, поскольку желтая лихорадка была на Барбадосе, Сент-Кристофере и Гваделупе еще в 1647-48 годах, считалось вероятным, что огромная смертность на Ямайке в 1655-56 годах была вызвана одной и той же эндемической причиной[1189]. Несомненно, эпидемия в Спэниш-Тауне в конце концов вышла за рамки дизентерии, которая была занесена некоторыми войсками из Сан-Доминго или была вызвана у других из них плохой пищей и водой; это стало вирулентной специфической инфекцией, поражавшей здоровых и хорошо найденных подкреплений из Англии и вновь прибывших с юга. Наветренные острова и уничтожить их быстро, “за три-четыре дня”. Лихорадкам даны особые названия, так же как флюсам и водянкам; и возникает вопрос, не была ли чумная лихорадка желтой лихорадкой.

Здесь, конечно, ничего не сказано о поразительных и ужасающих симптомах *негритянской рвоты*. Более того, почти все заболевшие были в городе Сан-Яго-де-ла-Вега, в шести милях от залива, расположенном на возвышенности, спускающейся к реке Кобре, - месте, которое после пережитого было лишь в исключительных случаях очагом желтой лихорадки. Так, судья Лонг, способный историк Ямайки, говорит[1190]:

“После серии жарких, сухих и безветренных погодных условий в мае 1761 года восемь дней продолжался дождь. Испанский городок стал более болезненным, чем когда-либо, насколько я его знал, ни до, ни после. С того периода по август здесь было похоронено 29 белых жителей, из которых 15 были солдатами. Их заболевание, по всей видимости, было настоящей желтой лихорадкой, и предполагалось, что сообщение поступило с какого-то корабля в Кингстонской гавани: ”

—Кингстон и Порт-Ройял или пришвартованные поблизости от них корабли являются обычным местом обитания вируса, как и в соответствующих случаях на других островах Вест-Индии.

Но если инфекционная лихорадка в Спэниш-Тауне в 1655-56 годах почти наверняка не была желтой лихорадкой, то, вероятно, была близка к ней по типу. Дизентерия была почти повсеместной; не было никакого ухода за больными и, насколько можно было слышать, никакого медицинского обслуживания, никаких больниц, никакой уборки мусора, никаких мер предосторожности для поддержания чистоты водоснабжения — короче говоря, ничего из того, что сейчас называется санитарией. Седжвик, прибывший 1 октября 1655 года, обнаружил даже непогребенных мертвых у дорог и в кустах. Корреляция между дизентерией и морной лихорадкой не является новой гипотезой: сначала возникает флюс, а затем лихорадка, что неоднократно наблюдалось как при осадах, так и при обычном домашнем голоде.

Происхождение желтой лихорадки на Барбадосе и в других местах в 1647-1688 годах, которое было описано в этой главе, является лишь особым применением того же принципа: дизентерийные вещества, являющиеся непосредственным источником инфекции, были занесены в трюмах и балласте невольничьих судов, выброшены в грязь почти без приливов гаваней, оставлены бродить среди жары и влаги на берегу и таким образом превращены в почвенный яд, который в должное время года выделял бы эманации, смертельные, особенно для вновь прибывших. Порт-Ройял и Кингстон в полной мере испытали это повсеместное влияние в последующие годы, впервые в 1692 году, после землетрясения и нарушения грунта, которые разрушили бывший город и послужили причиной строительства последнего на другой стороне залива. К тому времени в заливе было достаточно работоторговцев, чтобы привезти весь необходимый для этой гипотезы навоз. Но вплоть до 1655 года испанцы торговали только шкурами и салом примерно на четырех кораблях в год, и штаб-квартира их выращивания находилась в городе на равнине, примерно в шести милях от берега. Через четыре или пять лет после их изгнания мы обнаруживаем, что весь облик порта изменился, согласно уже приведенному описанию. Не похоже, что Кромвель рассчитывал на негритянский труд в своей колонии, хотя плантаторы Невиса привезли своих чернокожих с собой. Карл II. не прошло и нескольких месяцев на троне, как Джеймс, граф Мальборо, обратился к нему с просьбой побудить Королевскую африканскую компанию сделать Ямайку основным продуктом для продажи чернокожих и заключить контракт с этой компанией на поставку ста негров на остров[1191]. С этого времени негры действительно начали прибывать на Ямайку, хотя поначалу Порт-Ройял был скорее центром торговли и пиратства, чем невольничьим портом, подобным Бриджтауну, возможно, потому, что Наветренные острова были достаточно сильны, чтобы сохранять свои привилегии безраздельными. Еще в 1670 году негритянских рабов на Ямайке насчитывалось не более 2500 человек, не считая старых испанских маронов[1192]. 20 сентября того же года сэр Томас Модифорд, губернатор Ямайки, направил министру Арлингтону некоторые предложения по благоустройству колонии, из которых следующее имеет отношение к нашей теме[1193]:

“Что они могут получить лицензию бесплатно или по умеренным расценкам на торговлю неграми в Африке. Если бы эти достопочтенные люди, которые делают эту Королевскую [Африканскую] компанию такой славной, но рассудили, насколько больше его Величество заинтересован в увеличении числа своих подданных, чем в золотых или серебряных слитках (которые по закону могут импортировать все страны), они бы добровольно согласились на это предложение не только для нас, но и для всей нации, а также для иностранцев. Человечество - главное, золото - вспомогательное средство: значительно увеличьте первое, и за ним должно последовать другое. Барбадос никогда бы не достиг своего позднего совершенства, если бы голландцам, гамбургерам, всей нашей нации и любому другому не разрешалось ввозить и продавать своих чернокожих или любых других слуг в период зарождения колонии”.

В конечном итоге гавани Порт-Ройяла и Кингстона действительно стали главным пристанищем невольничьих судов в Британской Вест-Индии, где на протяжении 18 века высаживалось до десяти тысяч рабов в год. Они также стали одними из главных очагов желтой лихорадки, и так продолжалось до недавнего времени. Последующее распространение желтой лихорадки там и в других гаванях Вест-Индии, а также в портах некоторых североамериканских колоний - не менее важная из тем, относящихся ко второму периоду этой истории.

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКАЯ ЛОНДОНСКАЯ ЧУМА И ПОСЛЕДНЯЯ В АНГЛИИ.

Литература о Великой чуме.

Труды, вызванные непосредственно лондонской чумой 1665 года, едва ли были более многочисленными или лучшего качества, чем те, что были написаны в 1603 и 1625 годах. В начале этого периода, в июне или августе, появилось несколько трактатов предприимчивых практиков, содержащих несколько банальных замечаний о причинах и тому подобном, а также рекламу лекарств — Дж. Харви, Кемпа, Гарренсьера (“Чума - одна из самых легких болезней в мире, поддающихся лечению, если” и т.д.) и астролога Гэдбери. Инструкции, составленные Коллегией врачей в 1636 году для сохранения здоровья и выздоровления больных, были переизданы, а по приказу мэра был опубликован превосходный свод “предостерегающих правил” Х. Брука. Труды, содержащие описания Великой чумы, относятся к двум периодам — годам, непосредственно последовавшим за 1665 годом, и годам с 1720 по 1723 год, когда в Лондоне произошло внезапное возрождение интереса к этой теме в связи с великой чумой в Марселе в 1720 году. Ко второму периоду относится самая известная работа о чуме 1665 года, “Дневник чумного года” Дефо, в котором в живописной форме воплотилась суть различных предшествовавших ей произведений вместе с традициями, известными Дефо. Краткий обзор тех произведений, которые предшествовали Дефо в оба периода, послужит одновременно для того, чтобы показать источники большей части его информации.

Еженедельные отчеты о смертности, выпускаемые Приходским клеркс-холлом, в которых еженедельно указывалось количество смертей в каждом из ста сорока приходов Лондона с приблизительной классификацией причин смерти, были переизданы в конце 1665 года в томе под названием *Ужасное посещение Лондона* [1194]. Счета, собранные таким образом в удобной форме, широко использовались Дефо и действительно стали основой его творчества. Следующим по значимости, хотя и не уверен, что Дефо использовал его, является трактат о медицинских аспектах Великой чумы, которому так и не посчастливилось быть опубликованным. Автором его был Уильям Богхерст, молодой аптекарь, практикующий в “Уайт Харт” в Сент-Джайлс-ин-те-Филдс, который дал объявление в “Интеллидженсер” от 31 июля 1665 года, в разгар эпидемии чумы в его приходе, что он вылечил сорок, пятьдесят или шестьдесят пациентов в день, что он готов взяться за лечение больных в Городе, пригородах или сельской местности и что у него есть вода, пастилки и электуарий, а также противоядие за восемь пенсов унция [1195].

После окончания эпидемии он потратил свободные полчаса на написание книги о своем опыте, “учитывая, что никто ничего не печатал ни после этой чумы, ни сорок лет спустя - чему я несколько удивляюсь”. Он утверждает, что ничего не брал из слухов, или из книг, или из свидетельств других людей; он пишет по—английски “для широкого круга читателей и на

продажу”, и он опустил многое, “чтобы не сделать книгу слишком утомительной и слишком дорогой для чтения”. Рукопись была завершена для печати, с титульным листом, в конце внизу стоит то, что, по-видимому, является именем издателя (фамилия сейчас оторвана); но она так и не была опубликована, хотя автор жил до 1685 года. Вполне возможно, что печатные листы или набранный шрифт могли быть уничтожены во время пожара в сентябре 1666 года, и предприятие было заброшено. Рукопись перешла во владение сэра Ханса Слоуна и сейчас находится в Британском музее[1196]. В ней приведены гораздо более полные клинические подробности чумы, чем в любом другом английском труде, хотя и в несколько афористичной форме; и можно признать оригинальность, на которую претендует автор, за исключением некоторых более систематизированных глав, демонстрирующих влияние Димербрука.

Другим медицинским эссе после чумы было сочинение доктора Ходжеса с Уотлинг-стрит, впервые написанное на английском языке в 1666 году (8 мая) под названием *Письмо знатному человеку*[1197], а в 1671 году расширенное до латинского трактата[1198]. Помимо нескольких страниц в начале, на которых излагаются некоторые общие факты о лондонской вспышке (которые использовал Дефо), это в основном систематическое расследование, хотя несколько случаев перемежаются. Известно еще одно медицинское сочинение 1666 года (16 июня), написанное доктором Джорджем Томсоном из Дьюкс-Плейс близ Олдгейта, парацельсистом или врачом-химиком; оно содержит отчет о вскрытии тела больного чумой, но в основном посвящено полемике против галенистов, которую автор продолжал в течение ряда лет во многих других работах[1199].

Описательные фрагменты в прозе или стихах, такие как описанные эпидемии 1603 и 1625 годов, совершенно отсутствуют в описании 1665 года. Но был обычный набор религиозных и моральных упражнений, призванных улучшить ситуацию. Похоже, что они исходили в основном, если не исключительно, от инакомыслящих. “Многие полезные и благочестивые трактаты, ” говорит диссидент в 1721 году, - были опубликованы по случаю последнего посещения, например, мистером Заком. Крофтон, мистер Шоу, мистер Дулиттл и другие. Но единственным произведением, которое приобрело популярность, выдержав сразу пять изданий и часто переиздаваясь, даже в 1851 году, был “*Ужасный глас Божий в городе*”[1200]преподобного Томаса Винсента из Крайст-Черч, Оксфорд, который был изгнан из своей обители Святой Марии Магдалины на Милк-стрит и тогда был лидером Инакомыслия. Винсент проповедовал в нескольких приходских церквях (покинутых их пастырями) на протяжении всего периода чумы и постоянно служил среди больных. Его книга, в которой также морализируется великий пожар 1666 года, будет продолжена в дальнейшем.

Далее мы переходим к возрождению интереса к Великой лондонской чуме, вызванному марсельской эпидемией летом 1720 года - событием, которое встревожило Западную Европу, как будто старые рецидивы чумы вот-вот начнутся заново после длительного перерыва. В Лондоне в 1721 году было опубликовано несколько книг о самой марсельской чуме; а за годы с 1720 по 1722 год появилось множество работ — новых эссе и перепечаток старых - о последней лондонской чуме 1665 года. Среди переизданных книг были “*Лоимология*” Ходжеса в английском переводе Куинси, его *Письмо высокопоставленному лицу, необходимые указания Коллегии врачей, приказы, составленные лорд-мэром и олдерменами города* (эти три в 1721 году вошли в *Собрание очень ценных и редких произведений, относящихся к последней эпидемии 1665 года*), и “*Ужасный глас Божий в городе*” Винсента. Новые медицинские книги о Великой чуме были написаны Скарборо, Хэнкоком и Брауном.

Когда Дефо в 1722 году писал свой *Дневник года чумы*, у него под рукой были эти недавние переиздания и оригинальные книги. Ему пришлось вернуться к 1665 году, чтобы собрать еженедельные отчеты о смертности в год чумы (в сборнике под названием "*Ужасное посещение Лондона*"), и он, возможно, сверился с рукописью Богхерста, которая, вероятно, тогда находилась во владении сэра Ханса Слоуна. Но невозможно проследить все его обширное повествование о Великой чуме по этим источникам, даже если мы должным образом примем во внимание его законное построение событий на основе обобщений современных авторов. Вполне возможно, что у него была какая-то неизвестная рукопись, менее техническая, чем у Богхерста, из которой он мог черпать вдохновение. Во всяком случае, он, скорее всего, помнил много историй о чуме. Ему было четыре года, когда в Лондоне свирепствовала чума, он был сыном мясника по имени Фо из Сент-Джайлса в Крипплгейте, который был одним из самых посещаемых приходов. Наиболее яркие части его *дневника* - это те, которые содержат истории, которые ему, возможно, рассказывали в детстве, о чуме в Крипплгейте, о сцене, когда их везут в Олдгейт, напротив Мясницкого ряда (все еще там) на Уайтчепел-Хай-стрит. У него, должно быть, были какие-то свидетельства, на основании которых он описал поездку в Блэкуолл, вид кораблей, пришвартованных вверх и вниз по Темзе, и другие подробности о населении на берегу реки во время чумы. Суровый опыт трех мужчин из Степни в деревне недалеко от Лондона описан в духе *Робинзона Крузо*, и потребовалось лишь несколько намеков из рассказов Деккера или авторов 1625 года. Его рассказ о погребениях на телегах в чумных ямах также наводит на мысль о Деккере. Несколько скудных упоминаний Ходжеса могло бы быть достаточно для его частой темы тягот и ужасов закрытых домов, даже если бы он не видел двух других трактатов 1665 года на ту же тему. Рассказы о марсельской чуме, одной из самых страшных в истории, помогли бы ему правильно представить себе чуму в Лондоне.

Какие бы материалы Дефо ни брал у Ходжеса, Винсента или авторов, рассказывающих о других эпидемиях, он расширил их благодаря своей способности выстраивать обстоятельства в повествование, которое в целом должно быть правдивым. Он основывался на цифрах, когда только мог их раздобыть; кажется, он даже искал в городских архивах отчеты о денежных средствах, распределенных среди бедных. Он полностью печатает приказы мэра и олдерменов и утверждает, что приводит текст официального постановления, которое они приняли, чтобы оставаться на своих постах на протяжении всего кризиса. Его таблица числа умерших от чумы в каждом из двадцати шести городов или деревень близ Лондона, действительно, не согласуется с цифрами в приходских книгах, как покажет таблица на следующей странице; но вряд ли она была составлена на основе предположения.

Лучшим примером умелого использования Дефо подлинных документов является его описание того, как инфекция охватывала одну часть Лондона за другой, от западных пригородов до восточных, так что ее интенсивность почти прекратилась в одном месте, прежде чем началась в другом. Это самый интересный эпидемиологический факт во всей вспышке, и Дефо отдал ему должное. Богхерст изложил это с такой же ясностью и акцентом в своей рукописи 1666 года, которую Дефо, возможно, видел, а возможно, и нет[1201]; однако последний заново вывел это и проиллюстрировал многочисленными таблицами из отчетов о смертности, которые показывали заболеваемость чумой в каждом из ста сорока приходов от недели к неделе.

Предпосылки, начало и ход эпидемии чумы 1665 года.

Когда лондонская чума 1665 года дала признаки того, что она перерастет в одну из крупнейших вспышек этой инфекции, в ретроспективе много говорилось об одной смерти от чумы, которая произошла ближе к концу декабря 1664 года в доме в Лонг-Акре или поблизости от него. С этим делом была связана одна из тех тривиальных цепочек доказательств, которые так часто приводятся в качестве простого решения сложной проблемы. Тюк шелка прибыл в дом из Голландии, и этот тюк шелка можно было проследить до Леванта; следовательно, семена великой лондонской чумы были импортированы из Леванта. Это было довольно хорошо для города, в почве которого со времен Черной смерти 1348 года постоянно отмечались случаи заражения чумой. Но легкоеверие могло игнорировать факты более поздние, чем история за три столетия. Смерть в Лонг-Акке в декабре была единичной и имела не большее значение для последующих событий, чем любая из пяти других спорадических смертей от чумы в 1664 году^[1202]. Только еще одна смерть от чумы произошла в США (в середине февраля), до последней недели апреля 1665 года; даже тогда в течение следующих двух месяцев распространение инфекции было медленнее, чем во многие предыдущие сезоны умеренной чумы, такие как пять лет 1606-1610 и восемь лет 1640-1647, или чем это было в годы великой чумы 1603, 1625 и 1636 годов. Предполагалось, что их завозили из-за границы еще во время великой чумы 1563 года, а именно из Гавра, который тогда удерживал английский гарнизон. Но в тот раз эпидемия в Лондоне набирала силу еще до того, как болезнь в Гавре объявила себя чумой, и была бубонной, в то время как последняя все еще была злокачественной лихорадкой. Возвращение всего английского гарнизона из Гавра с семенами болезни среди них вполне могло привести к заражению; но это возвращение произошло только в конце июля, к тому времени смертность в Лондоне росла уже два месяца. Столь же мало оснований для заявления Стоу о том, что чума 1603 года была занесена в Лондон из Остенде, или для соответствующей теории происхождения чумы 1625 года. О внешнем источнике не думали до тех пор, пока чума не приобрела более серьезные масштабы. Год за годом в Лондоне регистрировалось несколько случаев чумы, и иногда в течение ряда лет смертность от чумы стабильно держалась на уровне от тысячи до трех тысяч. Действительно, было несколько лет с 1348 по 1666 год, когда инфекция не заявляла о своем присутствии в Лондоне. Перерастут ли несколько угрожающих весенних случаев в эпидемию в большей степени, зависело от стечения обстоятельств — от промежутка времени после последней великой эпидемии, от количества приезжих, толпившихся в столице, и от предшествующей погоды. В 1665 году различные определяющие факторы случайно сошлись воедино, и последовала эпидемия чумы первой степени. Единственное, что примечательно в истории, это то, что подобное совпадение больше никогда не повторялось, или что условия настолько изменились (конечно, не в лучшую сторону), что типом эпидемического заболевания больше не была бубонная чума.

Согласно прецеденту, великая чума несколько запоздала в 1665 году. Два его великих предшественника (не считая меньшей чумы 1636 года) произошли каждый в начале нового правления — в 1603 году при восшествии на престол Якова I и в 1625 году при восшествии на престол Карла I. Реставрация 1660 года была временем следующего большого взрыва, но это было отложено на пять лет. Эти пять лет были заняты большим количеством лихорадок и других инфекционных заболеваний в Лондоне, и лихорадка в начале 1665 года была, по словам Сайденхэма, ярко выраженного чумного типа. Можно сказать, что это привело к чуме; но сама бубонная болезнь нуждалась в чем-то в дополнение к определяющим причинам пятнистой

лихорадки. Общеизвестно, что Лондон был необычайно переполнен беднейшими классами, чьего труда требовала роскошь богатых (Дефо говорит, что в списке для лорд-мэра было указано 100 000 ленточных ткачей в восточных пригородах, хотя это число невероятно). Имело место также общее ослабление нравственности, что, возможно, предрасполагало многие конституции к распространению инфекции. Другим фактором в данном случае была погода.

Предыдущее лето было примечательным огромным количеством домашних мух, других насекомых и лягушек. С ноября до конца марта земля была покрыта почти непрерывным черным инеем. Богхерст говорит, что ветер был западным в течение семи месяцев. За все время не было ни одного дождя, за исключением небольшого дождевания в конце апреля. Сухие холода продолжались и после того, как начались заморозки, и привели, по словам Сиденхэма, к необычному количеству случаев плеврита, пневмонии и стенокардии. Ричард Бакстер говорит о временах года, предшествовавших великой чуме, что это были “самые засушливые зима, весна и лето, которые когда-либо знал живой человек или о которых когда-либо слышали наши предки; так что земли были выжжены, как дороги, на лугах, где я жил [Эктон], было всего четыре стога сена, а раньше их было сорок^[1203]”. Урожай сена был “плачевным”, говорит Богхерст, из-за продолжительных холодов и засухи. Но лето было приятным благодаря освежающим бризам, а также изобилию всевозможных зерновых, овощей и фруктов.

Только в начале июня число умерших от чумы во всем Лондоне, согласно сводкам смертности, достигло 43 человек за неделю. Но смертность была чрезмерной с начала года, и возникло подозрение, что, как и при аналогичных обстоятельствах в 1625 году, исследователи скрывали существование чумы или называли случаи заболевания другими именами, чтобы спасти зараженные дома от закрытия. Мотив для подкупа и сокрытия, несомненно, существовал; власти первого института поисковиков держали его в поле зрения, которые торжественно поклялись перед деканом Арок установить истинную причину смерти. Во время всех великих эпидемий, в меньшей степени в 1563 и 1603 годах, чем в другие годы, были основания предполагать, что значительная доля смертей, приписываемых другим причинам, помимо чумы, на самом деле были случаями чумы. Однако нет никаких сомнений в том, что в первые месяцы 1665 года, как и в начале 1625 года, в Лондоне было много случаев пятнистой лихорадки, не говоря уже об оспе и дизентерии. Сезон был болезненным, таким болезненным, какие часто случались во второй половине семнадцатого века и на протяжении всего восемнадцатого, когда уже не могло быть и речи о чуме. Еженедельные сводки содержат информацию о многочисленных смертях в нескольких приходах от “лихорадки” и от “пятнистой лихорадки” в течение нескольких месяцев, прежде чем в них будут указаны более чем случайные случаи смерти от чумы. Не было никаких причин, по которым эти и другие болезни не увеличивали счета до трехсот-четырехсот в неделю; в 1739 году, когда Лондон был, вероятно, не на треть больше, чем в 1665 году, Стротер говорит, что из-за лихорадки еженедельный счет доходил почти до тысячи. Примечательно, однако, что Богхерст утверждает, что лечил больных чумой с ноября 1664 года; Ходжес также говорит, что в середине рождественских каникул его вызвали к молодому человеку с лихорадкой, у которого через два дня в паху появились очаги чумы размером с мускатный орех, и он выздоровел. Богхерст признает, что “признаки”, под которыми он подразумевает признаки чумы, отличные от бубона, “появлялись не часто примерно до середины июня, а карбункулы - до конца июля”. Он подозревает, что сводки смертности не говорят всей правды; и, в качестве примера уклонения, он говорит, что за три или четыре года до этого в Сент-Джайлсе, Сент-Мартинсе, Сент-Клементе и Сент-Павле в Ковент-Гардене была чума (в сводках смертности указано только 12, 9 и 5 смертей соответственно на весь Лондон в

1662, 1663 и 1664 годах), “как мне, несомненно, сообщили сами люди, у которых она была в домах в этих приходах”.

Но, заявляя о более раннем начале чумы, чем это признается в законопроектах, и отвергая диагноз лихорадки как недостаточный, Богхерст придерживается “онтологической” точки зрения, известной в спорах о природе и сходствах чумы: иными словами, он видит в чуме фиксированную и однородную сущность, и то же самое он видит в лихорадке. Другой взгляд - это эволюционный, который признает переходы от одного типа чумной болезни к другому. Великие писатели того времени, Уиллис, Сайденхэм и Мортон, не были ни одними из “онтологов”. Все они учили шкале злокачественности, на одном конце которой была простая продолжающаяся лихорадка, затем более тяжелая лихорадка с пятнами и “околоушными железами”, затем лихорадка с бубонами, а на самом дальнем конце шкалы была настоящая чума с ее бубонами, карбункулами и признаками. Компетентные наблюдатели, такие как сам Богхерст, также не отрицают, что к концу эпидемии чума в целом снизила вредоносность, так что бубоны нагноились, и трое из четырех или трое из пяти пациентов выздоровели. Если это имело место при спуске кривой, то почему не должно было быть чего-то соответствующего при подъеме? Если в некоторых случаях преобладающей лихорадки в начале года развились бубоны с нагноением (как в случае, который лечил Ходжес на Рождество 1664 года), следует ли их называть чумой или лихорадкой? Уиллис ответил бы в пользу лихорадки, по крайней мере, до тех пор, пока “эпидемический состав” сезона определенно не изменится на чуму^[1204]; по сути, он отвечает так в конкретном случае оксфордской лихорадки 1643 года, которая в некоторых случаях была бубонной, тогда как в 1645 году он не сомневается, что болезнь, преобладающая в Оксфорде и Уоллингфорде, была настоящей чумой.

Более общее обсуждение этой темы можно найти в заключительном разделе главы о Черной смерти, где приведены иллюстрации того, как сыпной тиф переходит в бубонную лихорадку и чуму, на примере недавних аномальных вспышек чумы в арабских деревнях или стойбищах, в некоторых индийских деревнях и в других местах. Вывод, к которому они пришли, заключался в том, что тип чумы, или бубонный тип, преобладал, когда заражение грязных жилищ начинало подниматься из почвы со сменой сезона, тогда как формой заболевания была сыпной тиф, пока инфекция находилась преимущественно в атмосфере жилищ.

Таким образом, мы можем признать, что в первые месяцы 1665 года существовала некоторая двусмысленность в названии и классификации случаев чумы. Если мы будем следить за счетами — а больше не за чем следить, — то смертей от чумы во всех приходах Лондона за семь недель с 18 апреля по 6 июня было соответственно не более 2, 0, 9, 3, 14, 17 и 43, причем смертей от “лихорадки” и “пятнистой лихорадки” гораздо больше.

Определив к настоящему времени дату начала, мы подходим к следующему этапу распространения чумы 1665 года. Это было из западных и северных пригородов в сторону Города, восточных пригородов и Саутурка. Богхерст, практиковавший в Сент-Джайлс-ин-Филдс, говорит:

“Сначала чума поразила возвышенность, потому что наш приход находится на самой высокой точке Лондона и с лучшим воздухом, и там она была заражена первой. Хайгейт, Хэмпстед и Экстон также разделили это.” Из западной части города, - продолжает Богхерст, - вирус постепенно проникал и расползлся по Холборну и Стрэнду, затем в Город и, наконец, в восточную часть пригорода, так что в западной части города прошло полгода [по его опыту],

прежде чем ист-энд и Степни были заражены, что было примерно в середине июля. Саутуорк, будучи южным пригородом, был заражен почти так же быстро, как и вест-энд.” Но тот же автор далее объясняет, что “дождь обрушился на несколько мест в городе и пригородах — сначала на Сент-Джайлс, Сент-Мартин, Чансери-лейн, Саутуорк, Хаундсдич и некоторые места в черте Города, например, на Прокторз-хаусс”.

Медленное продвижение с запада на восток во многом объяснялось Дефо, который использовал данные о смертности, чтобы установить рост заболеваемости в нескольких округах. Его вывод в основном совпадает с наблюдением Богхерста того времени; только то, что он делает вывод о заражении Саутуорка позже и, насколько показывают счета, обоснованно:

Сейчас была середина июля, и чума, которая в основном свирепствовала на другом конце города и, как я уже говорил, в приходах Сент-Джайлс, Сент-Эндрюс, Холборн и ближе к Вестминстеру, теперь начала распространяться на восток, в ту часть, где я жил. Действительно, следовало заметить, что он не направлялся прямо к нам; ибо Город, то есть внутристен, был все еще безразлично здоров; и тогда он не очень-то переправлялся по воде в Саутуорк; ибо, хотя на той неделе умерло 1268 человек от всех болезней, из которых, как можно предположить, более 900 умерли от чумы [в списке всего 725 человек], все же во всем Городе внутри стен было всего 28, и только 19 в Саутуорке, включая Ламбет; тогда как в приходах Сент-Джайлс и Сент-Мартин умерло всего 28 человек. только на Полях погиб 421 человек.... Я говорю, что мы почувствовали смуту, которая проложила наш путь, а именно. в приходах Клеркенуэлл, Крипплгейт, Шордич и Бишопсгейт, последние два прихода которых присоединяются к Олдгейту, Уайтчепелу и Степни, инфекция, наконец, распространилась с предельной яростью и насилием в этих частях, даже когда она утихла в западных приходах, где началась. Было очень странно наблюдать, что именно за эту неделю, с 4 по 13 июля, когда, как я заметил, от чумы умерло около 400 человек в двух приходах Сент-Мартин и Сент-Джайлс только в Филдс, в приходе Олдгейт умерло всего четверо, в приходе Уайтчепел - трое, а в приходе Степни - только один”. На следующей неделе июля, когда в общей сложности умер 1761 человек, из них от чумы - 1089, только 16 произошли на стороне Саутуорка. Однако вскоре инфекция достигла пика в Крипплгейте, а заодно и в Клеркенуэлле, приходе Святого Гроба Господня, Сент-Брайде и Олдерсгейте. “Пока это было во всех этих приходах, Город и приходы Саутуоркской части залива, а также весь Степни, Уайтчепел, Олдгейт, Уоппинг и Рэтклифф были очень мало затронуты; так что люди беззаботно занимались своими делами, вели свою торговлю, держали открытыми свои магазины и свободно общались друг с другом по всему Городу, восточным и северо-восточным пригородам и в Саутуорке, почти так, как если бы среди нас не было чумы”.

В другом отрывке Дефо раскрывает мораль его постепенного продвижения. Он показал

“как это началось в одном конце города и постепенно и медленно переходило из одной части в другую; и подобно темному облаку, которое проходит над нашими головами, которое, сгущаясь и затуманивая воздух с одного конца, рассеивается с другого конца: так, в то время как чума продолжала свирепствовать с запада на восток, продвигаясь на восток, она утихла на западе, а это значит, что те части города, которые не были захвачены или которые были оставлены, и где она израсходовала свою ярость, были, так сказать, пощажены, чтобы помогать другим; тогда как если бы смута распространилась по всему Городу и пригородам сразу, свирепствуя одинаково во всех местах, как это произошло с тех пор в некоторых местах за границей, все население, должно быть, было бы поражено” и т.д.

Вот как Дефо выстраивает конкретную картину на основе сухой статистики еженедельных заметок. Он определил этапы и указал на мораль более твердой рукой, чем, скорее всего, того требовала реальность. Но ни один научный писатель не смог бы более верно оценить общий факт постепенного вторжения с западной окраины города.

Будет установлено, что эти поразительные факты постепенного распространения Великой лондонской чумы с запада на восток соответствуют теории о вирусе чумы, которая была проиллюстрирована в различных частях этого тома. Вирус чумы является почвенным ядом, или почва является его средой обитания; его состояние покоя или активности зависит от того, способствует ли состояние почвы ферментации содержащихся в ней особых органических веществ, которые мы здесь рассматриваем как продукты трупного разложения. Вывод о том, что яд чумы находится в почве и что он поднимается в воздух в виде эманаций или испарений, был навязан всем тем, кто много думал об этом вопросе, начиная со средневекового периода. Так, аптекарь Богхерст говорит в своей первой главе: “И поэтому мое мнение полностью разделяется с теми, кто превращает землю в рассадник этих ядовитых паров и заразных испарений, которые отравляют воздух и, следовательно, вызывают чуму”. И еще: “Чума - это самое тонкое, вкрадчивое, ядовитое, вредоносное дыхание, возникающее в результате созревания фермента сил (?) земли, выделяемого в воздух солнечным теплом”. Это правда, что Богхерст, подобно зарубежным писателям шестнадцатого века, таким как Амбруаз Паре, находит яд в таинственных полостях и недрах земли и подробно останавливается на воздействии землетрясений на его высвобождение. Но он переходит к более обычным причинам в своем перечислении благоприятных вещей — “навозные кучи, экскременты, непогребенные трупы, слишком переполненные гниющими кладбищами кладбища” и снова “разрушение могил там, где давно похоронены мертвые тела”. Однако, в противовес последнему, он добавляет: “Когда снесли склеп в соборе Святого Павла, в Финсбери увезли тысячу телег с костями умерших, но чума за этим не последовала”.

Действие этого почвенного яда зависит от процессов в почве, которые протекают настолько медленно, что причинно-следственную связь легко упустить из виду. В конечном счете, они зависят от подъема и спада уровня грунтовых вод. Вне всякого сомнения, в качестве закона в Нижнем Египте соблюдался тот факт, что чума разражалась ежегодно после того, как Нил начинал спадать, и что своего пика она достигала в марте, апреле и мае, когда почва была наиболее сухой или поры земли были заполнены исключительно воздухом после наполнения водой. Было также замечено, что зона распространения чумы и зона затопления были одинаково обширными. Нижний Египет, конечно, несколько своеобразен (Нижняя Бенгалия приближается к нему) в этом регулярном чередовании только воздуха и только воды в порах почвы. Но иногда в других странах наблюдается такой же резкий контраст, и в Лондоне этот контраст был очень заметен в 1664 и 1665 годах. Месяцы с ноября 1664 по июнь 1665 года, некоторые из которых должны были принести снег или дождь, чтобы поднять уровень воды в колодцах и родниках до максимальной периодической отметки в начале года, были весьма примечательны засухой: Ричард Бакстер говорит, что никто не помнил ничего подобного. Уровень грунтовых вод, вместо того чтобы подниматься в течение всей зимы, должно быть, опускался все ниже и ниже по мере наступления весны и лета. Поры почвы были заполнены воздухом на необычную глубину, и присутствие воздуха в этих условиях дало повод к той ферментативной активности в особых органических веществах старой заселенной почвы, которая произвела вирус чумы. Слой грунта высохнет первым в более возвышенных частях; и поскольку грунтовые воды продолжают спадать, воздух со временем достигнет непривычного

слоя в более низких местах. Дефо говорит, что они добрались до воды на глубине восемнадцати футов, когда рыли чумные ямы в Уайтчепеле. Такое же сезонное распространение почвенной инфекции с возвышенностей на низменности наблюдалось в наше время в других городах и при других заболеваниях, помимо чумы. Засуха в течение семи месяцев, с ноября по июнь, сама по себе не вызвала бы серьезной эпидемии. Но это был важный член сотрудничающей группы вещей; и это, вероятно, само по себе определило сезон, когда великая чума должна была прийти снова и увести огромное количество бедных людей.

Смертность и случаи Великой чумы.

Чуму 1665 года справедливо называли Великой чумой, и иногда о ней говорят как о “лондонской чуме”, как будто она была уникальной. Но это было ненамного более жестоко, чем эпидемии 1603 и 1625 годов для Лондона их поколения; и когда Лондон был маленькой столицей, было много эпидемий, таких как эпидемии 1407, 1479, 1500, 1513 и 1563 годов, которые унесли значительную часть (от пятой до шестой части) населения. В 1665 году численность населения составляла около полумиллиона человек, что почти вдвое больше, чем в 1603 году, и примерно на треть больше, чем в 1625 году. Возросшая смертность в 1665 году была несколько более чем пропорциональна увеличению численности населения, как показывает следующая таблица:—

Год	Предполагаемая численность	, Общее	число смертей	чумы	Самая высокая смертность	за неделю,	Худшая неделя
1603	250 000		33,347	3385	3385		25 августа -1 сентября
320 000	320,000	5205	41,313		5205		11-18 Августа
1665 г.	460,000	97,306	68,596		8297	12-19 сентября	.

Исходя из данных о крестинах и похоронах в ведомостях приходских клерков, население в 1605 году составляло 224 275 человек, а в 1622 году - 272 207. Но в те годы (и до 1636 года) некоторые из новых приходов (известные как Семь приходов), включая Степни и Вестминстер, вели

отдельные счета, из которых некоторые цифры за 1603 и 1625 годы приведены на стр. 477 и стр. 511. Население Семи приходов, по-видимому, составляло около одной девятой всей метрополии в 1603 году и около одной седьмой в 1625 году, в то время как современник Граунта составляет одну пятую в 1662 году. Эти доли были добавлены в таблицу, чтобы сделать 1603 и 1625 сопоставимыми с 1665 годами. В 1603 и 1625 годах самая высокая смертность за неделю не отражает смертей в тех приходах (Вестминстер, Степни и др.), которые не отправляли свои декларации в general bill до 1636 года, но их цифры были включены в итоговые данные за те годы. Будет видно, что чума 1665 года полностью соответствовала темпам роста населения. В старом городе внутри городских стен за год умерло 15 207 человек от всех причин. С начала правления Елизаветы он стал перенаселен из-за застройки его садов и церковных дворов, а его особняки превратились в доходные дома для беднейшего класса; и все же в 1563 году смертность от чумы и других причин в Городе и его Свободах, при населении, едва ли превышающем население одного только города в 1665 году, составляла 20 372 человека. Огромная сумма 1665 года в основном состояла из густонаселенных пригородов Крипплгейт, Уайтчепел, Степни, Сент-Мартин-ин-Филдс, Сент-Джайлс-ин-Филдс, Саутворка и Вестминстера, которые до середины трети шестнадцатого века вносили лишь незначительный вклад в общую сумму.

В следующих таблицах будет показан ход эпидемии от недели к неделе, еженедельные показатели смертности от всех причин и от чумы, а также заболеваемость в нескольких частях Лондона. Так называемые обычные случаи смерти намного превышают средний показатель и, должно быть, включали многие из тех, которые на самом деле были случаями чумы. Однако отчасти это превышение было вызвано большой распространенностью лихорадки и пятнистой лихорадки, которые привели к высокой смертности в первые месяцы перед началом чумы. Болезни кишечника также являются причиной многих смертей. Другие, более важные статьи в счетах - это чахотка и детские проблемы. Богхерст, однако, говорит: "Почти все другие болезни превратились в чуму. В течение пяти или шести месяцев подряд почти не было замечено никаких других болезней, кроме чумы и нескольких жертв, что бы ни говорилось в Отчетах; и Фукидид говорит то же самое о чуме в Афинах". Что касается общего числа смертей за год от всех причин (97 306), Ходжес считает, что это не отражает всей смертности. Самое большое количество захоронений за одну неделю - 8297; но он думает, что за эту неделю было похоронено 12 000 человек и что 4000 были похоронены за один день и ночь. Но, похоже, нет причин откладывать подсчет пономарей до такой степени; отчеты еженедельно поступали из ста сорока приходов и легко могли быть точными с точностью до нескольких в каждом.

Счет о смертности от чумы в Лондоне в 1665 году.

Конец недели	Крещены	Похоронены	Чума
Декабря. 27	229	291	1
января. 3	239	349	0
10	235	394	0
17	223	415	0
24	237	474	0
31	216	409	0

февраля.	7	221	393	0
	14	224	462	1
	21	232	393	0
	28	233	396	0
марта.	7	236	441	0
	14	236	433	0
	21	221	363	0
	28	238	353	0
годовых.	4	242	344	0
	11	245	382	0
	18	287	344	0
	25	229	398	2
мая	2	237	388	0
	9	211	347	9
	16	227	353	3
	23	231	385	14
Июня	30	229	400	17
	6	234	405	43
	13	206	558	112
	20	204	615	168
Июля	27	199	684	267
	4	207	1006	470
	11	197	1268	725
	18	194	1761	1089
августа.	25	193	2785	1843
	1	215	3014	2010
	8	178	4030	2817
	15	166	5319	3880
сентября.	22	171	5568	4237
	29	169	7496	6102
	5	167	8252	6988
	12	168	7690	6544
октября.	19	176	8297	7165
	26	146	6460	5533
	3	142	5720	4929
	10	141	5068	4327
	17	147	3219	2665

	24	104	1806	1421
	31	104	1388	1031
ноября.	7	95	1787	1414
	14	113	1359	1050
	21	108	905	652
	28	112	544	333
декабря.	5	123	428	210
	12	133	442	243
	19	147	525	281
		9,967	97,306	68,596

Случаи эпидемии чумы в приходах в 1665 году.

Девяносто семь Приходов в пределах этих Стен.

	Все умершие от	чумы
97 городских приходов	15 207	9 877

(Приходами с наибольшим количеством смертей были церковь Святой Анны, Блэкфрайарз; Крайст-Черч, Ньюгейт; церковь Святого Стефана, Коулмен-стрит; церковь Святого Мартина, Винтри; Аллоуз-Баркинг, Грейт и ин-Уолл; Церковь Святого Андрея, Гардероб).

Шестнадцать приходов без Стен и в условиях Свободы.

Сент-Джайлза, Cripplegate	8069	4838
ст достопримечательностей, в Олдгейте	4926	4051
Святого Олава, Саутворк	4793	2785
Святого Гроба Господня в	4509	2746
Св. Спасителя, монумент	4235	3446
Сент-Эндрю, Холборн	3958	3103
ст примечательных мест, как, акций	3464	2500
ст невесты, Флит-стрит	2111	1427
Георгиевский, Саутуоркский	1613	1260
ст примечательных мест, как, Aldersgate	997	755
Святого Дунстана на Западе	958	665
Святого Варфоломея Великого	493	344
Сент-Томас, Саутворк	475	371
Брайдвелл участок	230	179

Святого Варфоломея менее	193	139
Троицы, примером	168	123
чумной барак	159	

Двенадцать внешних приходов в Мидлсексе и Суррее.

Запаска	8598	6583
Уайтчепел	4766	3855
Святого Эгидия в полях	4457	3216
Святого Леонарда в Шордиче	2669	949
Св. Магдалины, Бермондси	1943	1362
Сент-Джеймс, Вестминстер	1863	1377
Сент-Мэри, Ньюингтон	1272	1004
Святой Кэтрин, Башня	956	601
Ламбет	798	537
Самом	696	593
Ротерхит	304	210
Км	232	132

Пять приходов в городе и свободах Вестминстера.

Св. Мартина в полях	4804	2883
Святой Маргарет	4710	3742
Святого Климента у датчан	1969	1319
Святого Павла, Ковент-Гарден	408	281
Сент-Мэри, Савойская	303	198
чумной барак	156	

Великая чума вернула все знакомые инциденты 1603 и 1625 годов и не выявила ничего нового. Как и прежде, все, кто мог себе это позволить, сбежали в самом начале. Сиденхэм, бежавший вместе с остальными, говорит, что две трети населения покинули Город; что, возможно, верно для самого города, но уж точно не для густонаселенных Вольностей и пригородов по обе стороны воды, как указывает Дефо. Беднейшие классы оказались в затруднительном положении и, как и всегда, приняли на себя основную тяжесть бедствия. Бегство, несомненно, было лучшим шагом, поскольку мотивом было желание “выйти на чистый воздух”, как выразился кардинал Вулси в 1515 году. Те, кто остался позади, знали, что они находятся на плохом воздухе, и знали, что мало что значит, вступают ли они в контакт с больными или нет^[1205]. Их работа и заработная плата в основном прекратились по мере того, как эпидемия

распространилась из пригорода в пригород и в город, так что в условиях голода с одной стороны и чумы с другой они обходились дешево и вели себя с беззаботностью, которая была странной для богатых. Их отчаянное положение объясняет, как правильно заметил Дефо, легкость, с которой мэр всегда мог заставить людей выполнять за плату неприятную и рискованную работу дневных и ночных сторожей множества закрытых домов, носильщиков мертвых, похоронщиков, сиделок и распространителей общественной благотворительности. Как только кто-либо падал в этих скромных рядах, другие были готовы занять их место; так что ни в один период эпидемии не было никаких сбоев в работе по оперативному захоронению или какого-либо нарушения надлежащего порядка и приличий. Чтобы помочь бедным пережить великий кризис, требовалось много денег; Дефо говорит, что они поступали со всех концов Англии, и он оценивает распределение помощи в тысячи фунтов в неделю, хотя ему не удалось найти точных счетов, которые, как он думает, были уничтожены во время пожара 1666 года. По его словам, тысяча фунтов в неделю выдавалась из королевского кошелька. Вся эта великая система помощи находилась под руководством лорд-мэра сэра Джона Лоуренса, который доказал, что достоин лучших традиций своего ведомства. В отдаленных приходах были мировые судьи, которые выполняли аналогичные обязанности.

Обычное духовенство по большей части покинуло город, но двое достойно упоминаются как оставшиеся с пораженными чумой людьми, доктор Энтони Уокер из Сент-Мэри Олдерманбери и мистер Меритон[1206].

Где-то в августе лорд Арлингтон написал епископу Лондона, что королю сообщили о том, что многие министры и лекторы отсутствовали на своих постах в это время распространения эпидемии и что нонконформисты ворвались на их кафедры, чтобы проповедовать мятежи и доктрины, противоречащие Церкви. Его величество желает, чтобы епископ предотвратил подобное зло Церкви и государству[1207]. Епископ ответил из Фулхэма, 19 августа, что трезвое духовенство остается, что он отказал некоторым, предложившим занять вакансии, подозревая, что они принадлежат к фракционной партии, хотя они обещали подчиниться, что большинство его офицеров покинули его и уехали в деревню, но он не мог узнать, что какие-либо нонконформисты вторглись на кафедру[1208]. Епископ, однако, вряд ли много слышал в стенах своего сада в Фулхэме о том, что происходило в Олдгейте. Не может быть никаких сомнений в том, что церковные кафедры были заняты во время чумы служителями, которые были изгнаны в 1662 году. Главным среди них был Томас Винсент, бывший священник церкви Святой Магдалины на Милк-стрит, который проповедовал в церкви Святого Ботолфа, Олдгейте, Грейт-Сент-Хелен и Олхоллоуз Стейнинг[1209]. Винсент говорит, что это была возможность для нерегулярных практикующих как в Церкви, так и в медицине, и он расположен сказать доброе слово в адрес последних из чувства товарищества с ними. Помимо Винсента, говорит Ричард Бакстер[1210], были “несколько незнакомцев, которые пришли туда после того, как им заставили замолчать, такие как мистер Честер, мистер Джейнуэй, мистер Тернер, мистер Граймс, мистер Франклин и некоторые другие”. Все они стали заметными в лондонском нонконформизме; и Бакстер ясно связывает их последующую силу с возможностью, которую дала им чума:

“Но одно большое благо принесла городу чума, а именно то, что она побудила замолчавших служителей более открыто и усердно проповедовать Евангелие к вящему утешению и пользе

народа; в такой степени, что по сей день [1670] свобода проповеди, к которой это привело, не может быть ограничена ни ежедневной охраной солдат, ни заключением в тюрьмы множества людей. Министры, которых заставили замолчать за несоответствие, с 1662 года выполняли свою работу в частном порядке”.

Бакстер не знал ни одного из оставшихся в Лондоне министров-нонконформистов, кто стал бы жертвой чумы, за исключением “мистера Грунмана, немца, очень скромного, святого, способного священника, но, будучи молчаливым нонконформистом, был настолько беден, что не смог перевезти свою семью”. Двое других членов секты, которые бежали, лишились жизни: “Мистер Кросс, бежавший от чумы в деревню, умер вместе со своей женой и несколькими детьми, как только прибыл туда, в доме этого ученого достойного человека, мистера Шоу, еще одного священника, вынужденного замолчать”, и мистер Робертс, “благочестивый валлийский священник, который также бежал от чумы, заболел аж между Шрусбери и Освестри и умер на соломе, но никто не осмелился его развлечь”. Сам Бакстер нашел убежище в доме Хэмпденов в Баксе[1211], оставив свою семью, как он говорит, в разгар эпидемии чумы в Эктоне. Дефо извлекает из инцидента с нонконформистами на церковных кафедрах несколько сентиментальную мораль; он не видит в этом ничего агрессивного, а просто уравнивание различий страданиями и недолгую перспективу примирения.

Нерегулярные лекари, по-видимому, были в большой силе, как и во время прежних эпидемий, когда их счета были на каждом столбе. Дефо утверждает, что приводит образцы их рекламы, которые он, возможно, адаптировал из реальных объявлений в газетах ‘Интеллидженсер’ и ‘Ньюс’. Эмпирики были обоего пола, как иностранного происхождения, так и местного.

Среди обычных врачей, которые, по крайней мере, какое-то время практиковали во время чумы, были знаменитый профессор Глиссон, доктор Натан Пейджет (близкий друг Мильтона и двоюродный брат Элизабет Миншалл, на которой поэт в 1664 году женился в третий раз), доктор Уортон из больницы Святого Томаса, выдающийся анатом, доктор Бервик или Барвик, доктор Брук, доктор Ходжес и доктор Коньерс. Последний был одним из двух членов его ордена, умерших от чумы. Два парацельсиста, или врача-химика, доктор Дей и доктор Старки, умерли от этого, а доктор Джордж Томсон говорит, что он пережил три приступа бубонов, причем первая язва продолжалась четыре месяца. По словам Дефо, жертвами стало значительное число хирургов и аптекарей. Пепис говорит, что на первом собрании Грэшем-колледжа (Королевского общества) после чумы, состоявшемся 22 января 1666 года, доктор Годдард “действительно засыпал нас речами в защиту того, что он и его коллеги-врачи уезжали из города во время чумы”, ссылаясь на то, что их конкретных пациентов не было в городе, и они уехали на свободе. Но это оправдание игнорирует тот факт, что время было чрезвычайным, и ставит защиту на ложную почву.

Годдард сопровождал Кромвеля во время ирландской и шотландской кампаний в качестве армейского врача. В течение короткого времени он был членом Государственного совета и в течение нескольких лет был магистром колледжа в Оксфорде. Он был профессором физики Грэшема и одним из первых членов совета Королевского общества. Этот выдающийся ученый был изобретателем и владельцем “капли Годдарда”, секрет которой он продал Карлу II. говорят, что за крупную сумму в 6000 фунтов стерлингов. Доктор Мартин Листер говорит, что король показал ему квитанцию и что капли были ничем иным, как летучим спиртом шелка-сырца, ректифицированным маслом корицы, и ничем не лучше обычного спирта хартсхорна. Другой

автор утверждает, что капли содержали также череп повешенного человека и сушеную гадюку. По словам Сиденхэма, капли Годдарда были предпочтительнее других летучих спиртных напитков для определенной цели, а именно для выздоровления людей от различного рода обмороков. Даже если бы доктор Годдард остался в городе, он был бы таким же наркоторговцем, как и эмпирики; и, судя по всему, что мы знаем, маловероятно, что он смог бы применить эпидемиологические принципы к борьбе с эпидемией среди бедных. Лучшим учением того времени было то, что он сам практиковал, а именно бегство.

Дефо говорит, что лорд-мэр (сэр Джон Лоуренс), шерифы (сэр Джордж Уотерман и сэр Чарльз Доу), Палата олдерменов и некоторые члены Общего совета или их заместители пришли к решению и опубликовали его, а именно:

“Что они сами не покинут Город, но что они всегда будут под рукой для поддержания хорошего порядка во всех местах и для отправления правосудия во всех случаях; а также для раздачи общественной милостыни бедным; и, одним словом, для выполнения долга и оправдания доверия, оказанного им гражданами, в меру своих сил”.

Сохранились протоколы многочисленных встреч мэра и Совета с вынесенными распоряжениями (11 мая, 17, 19 и 27 июня, 12 июля и с небольшими интервалами после этого)[1212]. Двое олдерменов умерли от чумы.

Кажется, все признают, что поддерживался хороший порядок, мертвых хоронили быстро, дневные и ночные сторожа обслуживали огромное количество зараженных домов (пока, как говорит Винсент, зараженных домов не стало так много, что закрывать их стало бесполезно), носильщики мертвых и могильщики, нанятые для заполнения мест умерших, и были услышаны просьбы о помощи. Одной из вещей, которые по праву вызывали восхищение Дефо, были обильные предложения на всех рынках и почти неизменный вес пшеничного хлеба за пенни, который каждую неделю выдается в конце списка смертных случаев. Приходские клерки регулярно выставляли счет, хотя Ходжес говорит, что пономарям так и не удалось в конце концов вести точный учет количества трупов. Сначала всех умерших хоронили в гробах и со всеми церемониями; но когда в августе и сентябре эпидемия стала самой острой, особенно в многолюдном Ист-Энде и Саутуорке, тела, как говорят, привозили в ямы на телегах и бросали туда, иногда даже без покрытия[1213]. Это утверждается авторами о чумах 1603 и 1625 годов, и то же самое, должно быть, в какой-то степени произошло в 1665 году, но можно ли сомневаться в том, что подразумевается в графическом описании Дефо.

Похороны происходили ночью до тех пор, пока, как говорит Винсент, “теперь ночи не стали слишком короткими, чтобы хоронить мертвых”. Это была отмена приказа, впервые изданного в 1547 году и, вероятно, приведенного в исполнение во время эпидемии чумы 1603 года, о том, что никакие похороны не должны были проводиться между шестью вечера и шестью утра. Даже в самое неподходящее время для большинства, казалось бы, были приготовлены гробы. Винсент говорит: “Теперь мы вряд ли сможем идти дальше, но встретим много гробов”, - и он упоминает одну женщину, которую встретил с маленьким гробиком под мышкой. Эвелин записывает в своем дневнике 7 сентября, в самую тяжелую неделю эпидемии: “Я обошел весь город и пригороды от Кент-стрит до Сент-Джеймс-стрит, мрачного и опасного проезда, чтобы увидеть так много гробов, выставленных на улицах, где сейчас мало людей”. Странное описание Дефо чумной ямы в Олдгейте в полночь, с семью или восемью фонарями, установленными на

кучах земли по краю, и постоянными поездками туда-сюда телег с трупами, вероятно, максимально отражает реальность этого дела.

Письмо Пеписа леди Картерет, написанное из Вулвича 4 сентября, дает нам представление о состоянии города:

“Я оставался в городе до тех пор, пока за одну неделю не умерло около 7400 человек, из них более 6000 - от чумы, и ни днем, ни ночью не было слышно никакого шума, кроме звона колоколов; пока я не смог пройти Лесную улицу и не встретить двадцать человек от одного конца до другого, а не пятьдесят на бирже; пока целые семьи, 10 и 12 вместе взятых, не были сметены; пока сам мой врач, доктор Бернет, который взялся обезопасить меня от любой инфекции, пережив месяц своего заключения, сам умер от чумы; до тех пор, пока ночи, хотя и значительно удлинившиеся, не исчезли. они стали слишком короткими, чтобы скрыть похороны тех, кто умер накануне, и из-за этого люди были вынуждены использовать дневной свет для этой службы”. Мясные лавки посещены повсюду, его пивовар закрыт, а его пекарь мертв вместе со всей своей семьей.

20 сентября он записывает в своем дневнике:

“Но, господи! какое это печальное время для всех: на реке нет лодок, вдоль Уайтхолл-корта повсюду растет трава, и на улицах никого, кроме бедняков”.

Примерно три недели спустя (11 октября) Эвелин записывает в своем дневнике: “Проехал через весь город, имея возможность выходить из кареты в нескольких местах по денежным делам, когда меня окружали толпы бедных надоедливых существ, просящих подаяния. Магазины повсеместно закрываются”. Винсент говорит, что он встречал “многих с язвами и хромящихся на улицах” (из-за гноящихся бубонов в паху). Снова:

“Было бы бесконечно рассказывать о том, что мы видели и слышали: одни в исступлении вскакивают с постелей и прыгают по своим комнатам; другие плачут и рычат у своих окон; некоторые выходят почти голыми на улицы”

— бред иногда бывает мягким или глупым, а иногда жестоким. Эти инциденты значительно расширены Дефо, который утверждает, что крики и стоны (упомянутые Деккером и другими при более ранних эпидемиях) были вызваны болью от твердых и напряженных бубонов. Богхерст говорит, что лечение прижиганием и другими эшаротиками вызывало больше боли, чем бубоны.

В дополнение к более ужасной картине, представленной Дефо, о том, как все обитатели дома умирают вместе, их тела находят сторожа и увозят на тележке для перевозки трупов, мы можем обратиться к простому рассказу Винсента о том, что произошло в доме, где он жил, вероятно, в окрестностях Олдгейта или Бишопсгейта, когда он приехал из Ислингтона, чтобы помочь больным.

“Нас было восемь человек в семье — трое мужчин, трое юношей, пожилая женщина и служанка; все они пришли ко мне, услышав о моем пребывании в городе, одни, чтобы сопровождать меня, другие, чтобы помочь мне [он был знаменитостью в религиозном мире с большим количеством последователей]. Был последний конец сентября, прежде чем к кому-либо из нас прикоснулись.... Но, наконец, нас посетили.... Сначала наша служанка была

поражена; это началось с дрожи в ее теле и быстро отразилось на ее настроении.... Я вернулся домой, а горничная лежала на смертном одре; и еще одна взывала о помощи, оставшись одна в обмороке, покрытая потом. Это было в понедельник, когда горничная была сражена наповал; в четверг она умерла, набитая подарками. В пятницу у одного из юношей появилась опухоль в паху, и в день Господень он умер со следами болезни на теле. В тот же день заболел другой юноша, а в следующую среду он умер. Вечером в четверг его учитель заболел этой болезнью и в течение дня или двух покрылся прыщами, но, как ни странно, выздоровел.... Остальные были законсервированы”.

Оба мальчика, по-видимому, были в сознании до конца и умерли в безмятежном настроении, которое часто наступает в последние часы чумы, как и при других распространяющихся инфекциях, таких как желтая лихорадка и холера. За эти две недели, в конце сентября и начале октября, во всем Лондоне было похоронено 6460 человек (от чумы 5533) и 5720 человек (от чумы 4929).

Главной профилактической мерой, которую мэр должен был осуществить, было закрытие зараженных домов. Дефо говорит, что он проводил эту одиозную политику осмотнительно. Этот полис был традиционным и мог быть основан, а мог и не быть, на медицинском предписании. Это практиковалось, как мы видели в предыдущей главе, в начале правления Генриха VIII, если даже не раньше. Доктриной, лежащей в основе этого, была заразность чумы, которая была гораздо более доктриной профессорско-преподавательского состава, чем народа, и в первую очередь доктриной Двора. Первоначально догма о заразности во всей ее строгости была создана для особ тюдоровских монархов, и уже в 1665 году именно в атмосфере Двора заразность чумой приобрела самые мощные свойства. Простые жители Лондона не обращали на это внимания, потому что они ежечасно видели, что это вопрос безразличия; средние классы относились к этому с пониманием, зная, что трупов от чумы следует опасаться меньше, чем зараженной чумой земли; но короли придерживались всеобъемлющего взгляда на это, не допуская исключений или научных оговорок, и придворным врачам, таким как Мид в 18 веке, в конце концов удалось внедрить высокую доктрину о заразности чумой. Из дошедших до нас петиций известны два случая его строгого применения к придворным слугам в 1665 году: один в случае с королевским трубачом, а другой - в случае с домашним цирюльником. В последнем случае, очевидно, когда Двор находился осенью в Солсбери, незнакомец, которого, как предполагалось, посетила болезнь, забежал в палатку цирюльника в его отсутствие; после чего палатка и все его имущество и средства к существованию были сожжены, сам он был заключен под стражу, а его слуги отосланы, согласно приказам о сохранении Двора, “так что он потерял свое ремесло и совершенно разорился”^[1214].

Наиболее разборчивые представители этой профессии знали и учили, что семена чумы могут таиться в свертке одежды, или в постельных принадлежностях, или в других вещах, или в тюках товаров, и что они становятся более заразными в результате ферментации, которая происходит в этих обстоятельствах. Считалось, что заражение происходит *per fomitem* и *на расстоянии*; с другой стороны, опыт был скорее направлен против заражения через выдохи больных: иммунитет медсестер был таким же поразительным, как и при многих других инфекциях. Люди были инстинктивно правы в своем убеждении, что они в основном заразились чумой, потому что инфекция витала в воздухе этого места; пока они жили в пораженном чумой месте, они подвергались риску; и если и была какая-то разница в безопасности между жилыми домами и улицами, рынками или магазинами, то предпочтение, по-видимому, отдавалось первому.

Традиционная или официальная доктрина, однако, заключалась в том, что источником заражения были больные чумой, что все, кто приближался к ним, были под подозрением, и что безопасность колодца зависела от строгого содержания больных и подозреваемых вместе. Опыт эпидемии за эпидемией мог бы показать, что это теоретическое рассуждение, столь привлекательное для “основательного” склада ума, на практике ничего не стоило. Великая чума продолжалась до тех пор, пока зараженных домов не стало так много, что их пришлось закрывать; если в течение многих лет чумы не возникало эпидемий первой степени, это соответствовало какому-то эпидемиологическому закону, а не потому, что профилактические меры были эффективны в один год, а в другой - неэффективны. Однако традиционная доктрина всегда переживет немало неблагоприятных событий; и к закрытию домов, которое явно провалилось в 1563, 1593, 1603, 1625 и 1636 годах, прибегли еще раз в 1665 году, и, возможно, с большей строгостью, чем когда-либо, чтобы дать ей справедливый шанс. Дефо с большой справедливостью описал связанные с этим трудности и вслед за Ходжесом и Богхерстом назвал это ошибкой и провалом. Большинство ужасных случаев чумы произошло из-за закрытия домов; те, которые Дефо приводит в этой связи, не превышают вероятности. Трудно сказать, оказало ли бы осуждение затворничества, получившее широкое распространение во время чумы 1665 года и сразу после нее, какое-либо влияние на традиционную доктрину и практику. Такой случай больше не возникал в Лондоне, за исключением нескольких месяцев 1666 года, когда старая практика, по-видимому, была введена в действие. Соответствующей доктриной и практикой, возникшей на ее месте, был карантин против иностранного ввоза; он основывался, во-первых, на софистическом утверждении всемогущего Мида о том, что чума была экзотикой для Англии, и, во-вторых, на доктрине заражения чумой в ее наиболее всеобъемлющей и наименее дискриминирующей форме. Но на самом деле карантинный закон датируется периодом правления королевы Анны, и любопытная история его возникновения, прогресса и ниспровержения относится к другой части этой работы.

Другой общей превентивной мерой, помимо закрытия “посещаемых” домов, было разжигание костров на улицах, что также было традицией со времен Тюдоров. Мэр добросовестно выполнял и это; до тех пор, пока в начале осени стечение обстоятельств не положило конец этой практике. Этими неблагоприятными факторами были, во-первых, сильные ливни, которые потушили пожары; во-вторых, различия во мнениях врачей о том, что лучше - сжигание угля или дров и следует ли вообще рекомендовать разведение костров; и, в-третьих, распространенное мнение, что пожары не повлияли на ход эпидемии.

В целях индивидуальной защиты и лечения Коллегия врачей выпустила трактат, полный указаний и рецептов, которые, по словам Богхерста, все были старыми и взяты из Де Виго (†1520). То, что они старые, не обязательно противоречит практическим методам; но нельзя не заметить, насколько точно средневековому учению о чуме, ее причине и лечении в совокупности, до последнего следовали в Англии: в течение двух столетий авторы, посвященные чуме, почти без изменений воспроизводили главы и параграфы, которые мы находим в трактате епископа Орхусского, который распространялся в рукописи в Англии в 15 веке и был впервые напечатан около 1480 года. Самым популярным профилактическим средством было что-нибудь “для запаха”, не сладкое, *атерпкое*. Отсюда и использование коробочек для циветт, паунсе-боксов и помандеров, которые изготавливались для всех сумочек. Были также чумные воды, одна из которых, “чумная вода Матиаса”, фигурирует в рецептах Коллегии врачей как в дешевой, так и в дорогой форме. Рецепт Колледжа “разрушить опухоль” заключается в следующем:

“Возьмите большую луковицу, сделайте в ней углубление, положите в него инжир, мелко нарезанную руту и ложку венецианской патоки; заверните ее плотно во влажную бумагу и поджарьте на углях; горячим приложите к опухоли; положите три или четыре, одну за другой; оставьте одну на три часа”.

Парацельсист или врач-химик Томсон дает рецепт, который выявляет мистические тенденции этой в остальном достойной уважения секты. Это относится к методу лечения чумы с помощью жабы.

“Большая трудность в том, чтобы довести это животное до настоящего Зенекстона, заключается в его изысканном приготовлении, способ которого этот великий исследователь истины Ван Гельмонт использовал таким образом, поскольку он получил инструкции от Батлера, ирландца, который (насколько известно Гельмонту) вылечил несколько тысяч от чумы в Лондоне. Он распорядился, чтобы большой Буфо, снятый днем в июне месяце, был подвешен за ноги, поближе к огню, над сосудом с желтым воском” и т.д.

Табак, который курили или жевали, вошел в большую моду в 1665 году как средство от чумы. Хирн, антиквар, говорит:

“Мне говорили, что во время последней великой эпидемии чумы в Лондоне [1665 г.] никто из владельцев табачных лавок не болел чумой. Несомненно, что копчение считалось самым превосходным консервантом; настолько, что даже дети были вынуждены коптить. И я помню, что раньше слышал, как Том Роджерс, который был старшиной бидлом, говорил, что когда он был в тот год, когда свирепствовала чума, школьником в Итоне, все мальчики той школы были обязаны каждое утро курить в школе, и что его никогда в жизни так сильно не пороли, как однажды утром за то, что он не курил^[1215].”

Лучшие медицинские подробности Великой чумы получены от Богхерста, который утверждает, что все наблюдения были его собственными.

Относительно распространенности этого заболевания он говорит: “поначалу большинство мужчин заразились им из-за употребления одурманивающих средств, переедания, перегревания и беспорядочного образа жизни”. Опять же: “Те, кто женился в разгар болезни (если они не болели ею раньше), почти все заболели ею через неделю или две после нее, как в городе, так и в деревне, из которых большинство умерло, особенно мужчины”. Одна из историй Деккера, относящаяся к 1603 году, иллюстрирует то же самое. “Обычно это касалось всего сородича, хотя и проживавшего в нескольких местах; что и было причиной того, что это унесло жизни многих целых семей.... В некоторых домах умирали десять из двенадцати и шестнадцать из двадцати”. Меланхолия по поводу потери друзей предрасполагала к этому, в то время как жизнерадостность и мужество укрепляли некоторых против этого. Старики, у которых было много язв, особенно карбункулов, почти всеумирали. Естественное телосложение, предрасположенность или цвет лица “во многом способствовали развитию болезни”. Люди с ввалившимися глазами обычно умирали. Те, кто пил бренди и крепкие напитки, сходили с ума, дико озирались по сторонам и быстро умирали в течение двух дней. “Все, кого я видел, кому пускали кровь, если они болели два, три, четыре или пять дней или больше, умирали в тот же день”. Изобилующим женщинам жилось плачевно; они были не более подвластны, чем другие; но выжила едва ли одна из сорока (это расширено Дефо). Многие люди болели пятнистой лихорадкой и чумой одновременно, и многие - французской оспой и чумой одновременно, и все

же оба вида обычно выживали (кто-то говорит, что мужчины целенаправленно заражались французской оспой[1216]). Умирали все, но хороших было больше, чем плохих, больше мужчин, чем женщин, больше с тусклым цветом лица, чем со светлыми. “Из всех обычных наемных проституток Лютнерс-лейн, Дог-ярда, Кросс-лейн, Болдуин-гарденз, Хаттон-гарден и других мест, обычных продавцов апельсинов, устриц, фруктов и т.д., Всех наглых пьяных распутников бейлз и феллоуз и многих других *сруж—роут*, не хватает лишь нескольких - подтверждающих показания Димербрука о том, что чума оставила гниющие тела и забрала звук[1217]”. Она не очень сильно поражала пожилых людей примерно до середины или разгара болезни, и в основном по мере ее ослабления. Кошки, собаки, крупный рогатый скот, домашняя птица и т.д. были свободны от инфекции.

Некоторые умирали через двенадцать-двадцать дней, но большинство - через пять-шесть. Летом умирала примерно половина заболевших; но к зиме трое из четырех оставались в живых. Никто не умер внезапно, как от удара молнии: “Я не видел, чтобы кто-то умер раньше, чем через двадцать-двадцать четыре часа”. После того, как один нарыв, или бубон, лопался и опадал, обычно в нескольких частях тела поднимался еще один и еще, так что у многих болезнь поражала их полгода; некоторые нарывы не исчезали раньше, чем через полгода, находясь так глубоко в плоти.

Это объясняет заявление Деккера в 1603 году о том, что у некоторых людей бубоны появлялись неоднократно, а у одного человека было восемнадцать язв. У самого доктора Томсона бубоны появлялись трижды. Ходжес также знал о многих случаях, приводивших к летальному исходу при третьем приступе, причем более поздние приступы были не рецидивами, а новыми инфекциями; некоторые даже падали на пятый или шестой раз, не успев полностью восстановиться. Во время одной из ранних лондонских эпидемий, произошедшей в 1563 году, Джонс наблюдал случай с женщиной недалеко от Темпл-Бара, который закончился смертельно при третьем нападении, бубоны нагноились дважды, но не в третий раз. Богхерст продолжает:

Дурным предзнаменованием было “белое, мягкое, внезапное вздутие опухоли на шее за ушами, в подмышечной впадине или на боку”; также “большая расширенная твердая опухоль под подбородком, отекающая книзу на горле и образующая большой компас” (мускулистый отек подчелюстных слюнных желез и окружающих тканей). Токены появлялись после сильного потоотделения, которое часто намеренно вызывалось медсестрами, которые говорили: ‘Кошениль - прекрасное средство для выведения токенов’. Медсестры часто убивали своих пациентов, поливая их холодными напитками. Многие также были убиты из-за закрытия домов, порочности (медсестер?), самоуверенных и невежественных шарлатанов, из-за чрезмерно поспешного вырезания и сжигания бубонов. Слуги и бедняки, переселенные в чумной дом или в другие дома во время своей болезни, получали от этого вред. Люди, использующие разъедающие средства, настоящие прижигания и множество непереносимых аппликаций, причиняют своим пациентам больше боли, чем сама болезнь.

Бляшки, или бубоны (увеличенные лимфатические узлы на шее, подмышках или в паху), были наиболее характерным признаком чумы, давшей ей старое название “бляшка”. Помимо них, существовали “жетоны” (специально ограниченные по значению багровыми пятнами на коже), карбункулы бляшки. Карбункулы, говорит Богхерст, обычно образуются на самой плотной, грубой, упругой плоти, такой как бедра, голени, зад, ягодицы; насколько он видел, они никогда

не появлялись на голове среди волос или на животе. Их не видели до конца июля, наиболее часто они наблюдались в сентябре и октябре, обычно у пожилых людей, но никогда у детей.

Ходжес увидел один карбункул на бедре, размером с две ладони, с большим волдырем на нем, “который был вскрыт хирургом и сделана скарификация там, где действительно началось омертвление, пациент скончался во время операции”. Но чаще всего карбункулы не превышали ширины трех-четырех пальцев. Богхерст продолжает:

“Бляшки - это что-то вроде миниатюрного карбункула, но они не такие твердые, черные и огненные; иногда в них есть небольшая сердцевина. Обычно они не крупнее двухпенсовика или крупки в крайнем случае, с пузырьком, полным ликера, который, если его немного открыть, получится беловатым, лимонного или соломенного цвета”. “Помимо блейна, есть нечто, что вы можете назвать волдырем, вздувающим кожу, длиной с чей-то палец в рисунке, похожее на волдырь, образованный кантаридами; и такие обычно умирают”. Следующий опыт примечателен, но сомнительно, что Богхерст не позаимствовал его у Димербрука: “К концу эпидемии у многих людей, которые остались, и у других, которые вернулись, появляются небольшие воспаленные пустулы и нарывы, особенно на руках, при этом они вообще не болят. Но такие никогда не умирают и не заражают других; и я помню, как Димербрук говорит и т.д. ” Может ли это быть значением слова “оспа”, следующего за чумой, как в книгах Альфануса, Келлуэя и других 16 века?

Собственно признаками, по словам Ходжеса, были пятна на коже, “вытекающие из выделившейся крови”. Тело юноши, препарированное Томсоном, было “покрыто пятнами черного и синего цвета”, некоторые из которых при вскрытии “содержали свернувшееся вещество”. Эти признаки, как следует из названия, были сделаны наиболее отличительным признаком чумы; но они были далеко не такими постоянными, как ботчи или бубоны. Богхерст говорит, что “симптомов было немного примерно до середины июня”; и, согласно письму от 14 сентября, они, должно быть, были очень непостоянными даже в разгар чумы: “Практикующие врачи поражаются, сталкиваясь с таким количеством различных симптомов, которые они находят у своих пациентов; одну неделю общая чума проявляется в виде пятен и фурункулов, на следующей неделе кожа становится такой же чистой, как может быть, но смерть не щадит ни того, ни другого; одна неделя полна пятен и симптомов, а на следующей, возможно, их вообще не будет”^[1218].

Отчет о вскрытии Томсоном тела юноши, умершего от чумы, - это, пожалуй, вся дошедшая до нас патологическая анатомия. Он обнаружил то, что, по-видимому, было инфарктами в легких; поверхность была “стигматизирована несколькими большими неприятными отметинами, сильно опухшими и вздутыми”, из которых при разрезе исходили “вменяемое, мутное разложение и бледный ихор без примеси крови”. В желудке находилось черное, вязкое вещество, похожее на чернила. Селезенка при разрезе выделяла ихористую субстанцию. Печень была бледной, а почки обескровленными. На внутренней поверхности кишечника и желудка были обнаружены “неясные крупные следы”. В брюшной полости содержался “ядовитый сукровичный порошок или жидкая жидкость желтоватого или зеленоватого цвета”. В правом желудочке был обнаружен обесцвеченный сгусток, но “в этом зараженном организме нельзя было получить ни одной ложки той красноватой жидкости, которая на самом деле называется кровью”. У всех других трупов, которые он когда-либо вскрывал, он обнаружил, что в правом желудочке сгустилась черноватая кровь, но у этого был бледный сгусток, “похожий на

баранью косточку, разрезанную надвое”, что его сильно озадачило; возможно, предполагает он, это произошло из-за количества простого сырого молока, которое неосмотрительная медсестра дала мальчику незадолго до его смерти.

Среди симптомов смертельного исхода Богхерст упоминает следующее: икота, непрерывная рвота, внезапная слабость или два или три стула подряд, одышка, остановка мочеиспускания, сильное внутреннее жжение и наружный холод, постоянная сильная жажда, срывающийся голос, речь с комками в горле, иногда вздохи, с легким втягиванием одной стороны рта при разговоре, сон с полуоткрытыми глазами, дрожание губ и рук, тряска головы, шатание при ходьбе по комнатам, нежелание говорить, охриплость, нарушение речи, судороги в ногах, скованность одной стороны шеи, сжатие челюстей, рвота, вытекающая из уголка рта, длительное кровотечение из носа, язвы уменьшаются и внезапно чернеют.

Следует отметить, что Богхерст очень мало говорит о мягком или буйном бреде, который живописно расширяет Дефо; он также не подчеркивает крайнюю боль от твердых и напряженных бубонов, что является еще одной темой Дефо. Ходжес, однако, говорит, что “некоторые из зараженных бегут, шатаясь, как пьяные, падают и умирают на улицах; в то время как другие лежат полумертвые и в коматозном состоянии.... Некоторых рвет, как будто они выпили яд”.

На ход эпидемии, по-видимому, мало повлияли погода или то, что было сделано, если только закрытие домов не способствовало усилению распространения вируса. Богхерст говорит: “Если за проливным дождем следовала очень жаркая погода, болезнь значительно усиливалась”; и еще: “Если в разгар болезни дул очень резкий и холодный ветер, люди умирали очень быстро, многие лежали больными всего один день”. Однако Ходжес сообщает нам, что “все лето освежали умеренные бризы” и что “жара была слишком мягкой, чтобы способствовать разложению и брожению”. Сам воздух, по его словам, “остался незараженным”. В конце лета время от времени шли дожди, достаточно обильные, чтобы потушить пожары на улицах. Был по крайней мере один очень жаркий день, незадолго до начала эпидемии, 5 июня, который, по словам Пеписа, был “самым жарким днем, который я когда-либо испытывал в своей жизни”. Однако 20 сентября, по его словам, распространения чумы нельзя было ожидать “из-за холодов в конце сезона”.

Чума свирепствовала в Лондоне в течение всего 1666 года, вызвав в общей сложности 1998 смертей. В январе 1666 года этот показатель все еще был таким же высоким, как 158 смертей за неделю, а за неделю, закончившуюся 18 сентября, он снова вырос до исключительного уровня в 104 смерти. За первые три недели декабря число смертей составило 2, 4 и 3; и с этого низкого уровня чума больше никогда не поднималась в Лондоне. Несколько ежегодных смертей продолжали упоминаться в счетах вплоть до 1679 года, когда они окончательно исчезли.

Чума близ Лондона в 1665 году.

Между тем различные районы Англии были поражены чумой во время и после великой эпидемии, а в одном или двух случаях незадолго до нее. В непосредственной близости от столицы во всех городах и деревнях, обычно затронутых массовым исходом из Города, были случаи чумы, как показано в следующей таблице. Он был составлен из метрических книг, а

добытые в Lysons'окрестностей Лондона, Дефо широко противоречивые цифры даются для сравнения в третьем столбце.

	всех причин	Чумной	список Дефо.
Лай	230		200
Барнс	27		
Барнет и Хэдли			43
Баттерси	113		
Бекенхем	18		
Брентфорд	103		432
Брентвуд			70
Бромли	27	7	
Камберуэлл	133		
Чарльтон	7	3	
Чертси			18
Chiselhurst	21		
Клэпхем	28		
Кройдон		141	61
Дептфорд	548	374	623
Илинг	286	244	
Эдмонтон			19
Элтем	44	32	85
Энфилд	176		32
Эппинг			26
Финчли	38		
Гринвич	416		231
Хэмпстед	214		
Хестон	48	13	
Hodsdonбы л			30
Хартфорд			90
Хорнси	53	43	85
Islewort	195	149	
Кенсингтон	62	25	
Кингстон			122

Люишема	56			
Мортлейк	197		170	
Ньюингтон, Сток				17
Норвуд	12		2	
Патни			74	
Ромфорд	90			
Стратфорд- Боу	139			
139	Стейнс			
82	Тоттенхэм	нет заявок		42
Твикенхэм			21	
Аксбридж				117
			68	Уондсворт
	68			
Уондсворт			245	
		45	Виндзор	
				103
Вудфорд	33			

Самый поразительный факт, который выясняется, заключается в том, что в большинстве приходов по всему Лондону в 1665 году на самом деле от чумы умерло меньше людей, чем в 1603 году. Исключением из этого правила в 1665 году были деревни на Темзе или вблизи нее выше Лондона - Баттерси, Уондсворт, Патни, Мортлейк, Брентфорд, Айлворт и Илинг, где была очень высокая смертность, и Барнс был почти исключением. В нижнем течении Темзы, в Баркинге на берегу Эссекса, а также в Дептфорде, Гринвиче и Люишеме на другом берегу, инфекция распространилась очень сильно; но эти три места в Кенте подверглись еще более серьезному поражению в 1666 году, наряду с другими городами этого графства.

9 сентября Эвелин написал из своего дома в Дептфорде, Сэйс-Корт, что "в этой несчастной деревне мы посетили около тридцати домов". Инфекция распространилась и на корабли военно-морского флота; 29 августа на борту "Лояльного подданного" в Диле внезапно скончались капитан Фортескью и шесть человек, опасались чумы.

Чума в провинциях в 1665-6 гг.

Самые ранние сообщения о чуме в провинциях поступают из Ярмута в ноябре 1664 года. Говорят, что 18-го числа его привезли на корабле из Роттердама; в одном доме умерли трое, из которых один заболел чумой. 30 ноября чума распространилась, если верить поисковикам (пьяным женщинам, однако). 8 февраля 1665 года произошла еще одна смерть от чумы, и по мере того, как лето шло к концу, смертность быстро росла. 16 июня за неделю умерло тридцать человек, жители бежали, город напоминал провинциальную деревню, а оставшиеся бедняки одновременно жаловались на отсутствие работы и благотворительности. 21 августа король написал из Солсбери судебным приставам Ярмута письмо по поводу чумы. За недели, закончившиеся 30 августа и 6 сентября, было зарегистрировано 117 смертей (96 от чумы) и 110 смертей (100 от чумы), а по состоянию на 6 ноября за неделю было зарегистрировано 22 случая смерти от чумы. В марте 1666 года эпидемия подошла к концу[1219]. Меньшие вспышки произошли осенью 1665 г. и весной 1666 г. в Линне, Норвиче, Ипсвиче и Харвиче. Великая эпидемия в Колчестере началась летом 1665 года, но в основном прекратилась в 1666 году, в то время, когда в других местах чумы было немного, так что она практически завершает историю чумы в Англии и будет описана естественным образом в конце главы.

Большинство вспышек в провинциях в 1665 году были небольшого масштаба и, вероятно, были вызваны заносом вируса из Лондона. В долине Тайн, где часто случались серьезные эпидемии, произошла небольшая эпидемия, которая, как говорят, была вызвана шахтерами, вернувшимися с Темзы. 18 июля было закрыто семь домов в Сандерленде, один в Уирмуте и один в Дареме[1220]. В абзаце в 'Ньюз' из Дарема от 13 октября говорится, что болезнь на севере в настоящее время значительно ослабла. Ньюкасл оставался почти свободным (хотя Дефо говорит иначе), два дома были закрыты 30 января 1666 года, и два в Гейтсхеде. Похоже, что весь северо-запад Англии, который больше всего пострадал во время последнего периода эпидемии, во время гражданских войн, полностью избежал этого.

На юге летом и осенью 1665 года в Саутгемптоне было много случаев заражения; 6 июля "бедные не допустят, чтобы богатые покидали город и оставляли их голодать"[1221]. Об этом слышали также в Пуле и Шерборне в Дорсете (в ноябре), в Солсбери, где Двор находился несколько недель, и в битве[1222] в Сассексе; но ни в одном из этих мест в сколько-нибудь значительной степени. В 1665 году в разных местах Кента были случаи заболевания — в Рочестере, Чатеме, Сэндвиче, Истри, Уэствелле, Диле, Дувре и Кентербери[1223]; но только на военно-морских станциях в 1665 году было больше, чем несколько случаев; в то время как в 1666 году всем им было намного хуже. Другие центры в 1665 году находились в Нортгемптоншире и Кембриджшире.

В Питерборо, Оундле и Ньюпорт-Пагнелле произошли события более сурового характера, сопровождавшиеся бегством более богатых жителей и обычным прекращением работы и торговли. В приходской книге Ярдли, Гастингс, записано, что 60 человек умерли от чумы в этом городе с 5 июня 1665 года по 3 января 1666 года. Также была острая эпидемия в Кембридже и в окрестностях, о которой мы получаем представление в письме от 19 октября 1665 года, написанном из Клэр-Холла одному из стипендиатов Клэр[1224]:

"Олдермен Майнелл пивовар и один из его детей умерли от чумы в прошлый понедельник; всего у него умерло от нее четверо детей. Клейтон, парикмахер из Петти-Кюри, и один из его детей умерли в прошлую субботу от болезни. К сожалению, это недавно вспыхнуло в колледже Христа

(хотя все они сбежали из колледжа после того, как мистер Банчли, их ученик, умер от чумы) — где Николсон-кузнец, его жена и двое детей умерли в течение трех дней, а остальные его дети смертельно заболели в доме. Но больше всего она свирепствует в приходе Святого Климента, где редко проходит и дня, чтобы кто-нибудь не умер от этой болезни.... Бедный мистер Браун, старик, один из университетских музыкантов, и мистер Сондерс, поющий глубоким басом, заперты в доме мистера Сондерса на Грин-стрит, чей ребенок, предположительно, умер на прошлой неделе. Два дома в Бартоне заражены двумя детьми олдермена Майнелла, которые там умерли. Диттон разорен только из-за мясника, у которого мы покупали мясо, что заставило нас поспешно перебраться в Грантчестер. Х. Глентон, перевозчик, бежал из этого города в Шелфорд, где он умер в течение двух или трех дней, подозреваемый.... К сожалению, Ройстон находится в двух или трех местах, последнее из которых находится как раз в центре города. Говорят, инфекцию занес туда человек из Кембриджа, которого они поймали и заперли; но с тех пор ему удалось сбежать”.

Эпидемия чумы в Эйаме, 1665-66гг.

Еще одним из английских городов, пораженных чумой в 1665 году, был Дерби; независимо от того, было ли случаев много или их было немного, они вызвали большую тревогу: город был заброшен, улицы заросли травой, а рынок открылся по-новому, на который фермеры и торговцы приходили накачанными, с табачной пробкой во рту в качестве консерванта. Но интерес к самой эпидемии в Дерби был полностью затмеваем экстраординарной вспышкой чумы в маленькой деревушке Эйам, на противоположном конце графства, в Норт-Пик, примерно в двенадцати милях к западу от Шеффилда. Эйамская чума - действительно, самая известная из всех английских эпидемий; история о ней много раз рассказывалась в прозе и стихах, ее традиционные происшествия хорошо подходят для второстепенных поэтов и писателей-моралистов, а все действие драмы удобно сосредоточено в пределах полумили в чашечке вересковых холмов^[1225].

Эйам был деревней с населением около трехсот пятидесяти жителей, стоявшей среди лугов, вокруг которых возвышались холмы. В ней не было постоянного врача, но было два священника. Одним из них был настоятель, преподобный Уильям Момпессон, двадцатисемилетний молодой человек с женой и двумя детьми, который поселился в Эйаме всего год назад, и ему там не понравилось; другим был бывший настоятель, преподобный Томас Стэнли, который был изгнан за нонконформизм в 1662 году и остался продолжать свое служение как раскольник среди тех из своей старой паствы, которые были приверженцами его. Более состоятельные домовладельцы жили в западной и более высокой части деревни, по другую сторону ручья, протекавшего под дорогой; как мы увидим, они почти, если не совсем, избежали заражения. Ежегодные деревенские поминки состоялись в августе 1665 года, и на них собралось больше обычного людей из близлежащих деревень. 2 или 3 сентября деревенскому портному, жившему в маленьком домике на западном конце церковного двора, из Лондона прибыла коробка; в ней была старая одежда, которую, как предполагается, кто-то в Лондоне купил для него по дешевке, и несколько портновских выкроек ткани. Предполагается, что этот ящик был открыт неким Джорджем Викарием, слугой, который, несомненно, стал первой жертвой чумы. Он обнаружил, что содержимое отсырело, и повесил его сушиться у огня. Его быстро охватила сильная болезнь, он впал в бред, у него появились бубоны на шее и в паху, на третий день на груди появился знак

чумы, и он умер в плачевном состоянии 6 сентября. Его тело, которое, как говорят, вскоре начало разлагаться, было похоронено на церковном кладбище 7-го. Прошло почти две недели, прежде чем произошел другой случай, связанный с юношей, предположительно сыном портного, которого похоронили 22 сентября. До 30-го числа умерли еще четверо, а в течение октября еще двадцать два человека были похоронены от чумы. Число смертей в ноябре сократилось до семи, а в декабре их было девять. Теперь на земле лежал снег с сильными морозами, и в начале января 1666 года чума распространилась только на два дома. Четверо умерли в январе, восемь - в феврале, шесть - в марте, девять - в апреле и только трое - в мае. 2 июня состоялись еще одни похороны, а затем наступила еще одна пауза. Но через неделю или больше эпидемия вспыхнула с новой силой: трое были похоронены 12 июня, трое - 15-го, один - 16-го, трое - 17-го, и так далее, пока общее число за июнь не достигло девятнадцати. Более состоятельные жители вест-энда забили тревогу раньше и в основном сбежали весной; те, кто остался, сидели в своих домах или, по крайней мере, не переходили ручей. Теперь, когда инфекция возобновилась в жаркую июньскую погоду, жена ректора также предложила бежать, но, получив отказ мужа, она решила остаться с ним и отправить двоих своих детей к родственнику в Йоркшир. В то же время жители деревни в целом инстинктивно стремились сбежать с зараженного места; но Момпессон использовал свою власть, чтобы помешать им, и вокруг деревни была проведена пограничная линия примерно в полмили в окружности, отмеченная различными знакомыми предметами, дальше которой никто не должен был заходить. Мотивом Момпессона, по-видимому, было предотвращение распространения инфекции по всей стране, и его прихожане пассивно подчинились. После конца июня жителям деревни было бы трудно сбежать из-за ужаса, который само название их деревни вызывало по всей стране. Некоторые из них покинули свои коттеджи и поселились в убежищах, построенных вдоль скалистой долины внутри кордона. Граф Девонширский, находившийся тогда в Чатсуорте, пообещал Момпессону, что деревня не останется без припасов; и люди из близлежащих деревень приносили свои рыночные продукты в определенные указанные пункты на границе, куда за ними приходили жители Эйама, а уплаченные деньги бросали в воду. Запертые таким образом в своей узкой долине, жители деревни беспомощно гибли, как подстреленное стадо овец. К концу июня церемониальные похороны подошли к концу, церковь и погост были закрыты, умерших выносили завернутыми в простыни одним из жителей деревни, известным своей геркулесовой силой, и клали в неглубокие могилы на лугах или на склонах холмов. В июле число смертей возросло до пяти-шести в отдельные дни, а общее число за месяц достигло пятидесяти семи. В августе число погибших составило семьдесят восемь человек, среди них жена священника 25-го числа, после прогулки со своим мужем по лугам, во время которой она, как говорят, сделала зловещее замечание о том, что в воздухе сладко пахнет^[1226]. Сентябрь добавил к общему числу двадцать четыре человека, и теперь в этом месте в живых оставалось всего около сорока пяти. Из них пятнадцать умерли к 11 октября, когда смертность прекратилась. Некоторые из выживших перенесли приступ чумы, среди них человек священника, у которого нагноились бубоны. Сам Момпессон, у которого все время была открытая рана в ноге, избежал инфекции, как и его горничная. Молодая женщина из Эйама, вышедшая замуж в деревне Корбор, в двух милях отсюда, однажды пришла навестить свою мать, которую нашла больной чумой; вернувшись домой, она заболела и умерла, но больше никто в Корборе ею не болел. По соседству также находился на свободе человек с подозрением на чуму, к которому граф Девонширский направил врача. Врач и пациент встретились по предварительной записи на противоположных берегах ручья, и диагноз, поставленный на другом берегу, оправдал мужчину от чумы; даже в этих необычных

обстоятельствах консультация не закончилась без рецепта (сохранившегося до сих пор) на бутылку “дряни”. Семьдесят шесть семей в Эйаме были инфицированы, и из этих двухсот пятидесяти девяти человек были похоронены от чумы. За то время, пока длилась инфекция, еще восемь человек умерли от других причин. Когда болезнь прекратилась, Момпессон принялся сжигать зараженные вещи в пустых коттеджах. Три года спустя, в 1669 году, он был представлен к лучшей жизни в Икринге, в Ноттсе; но по прибытии для исполнения своих обязанностей жители деревни отказали ему в приеме, и ему пришлось поселиться во временной хижине в Раффорд-парке до тех пор, пока не будут преодолены предрассудки его новых прихожан. Он женился на другой жене и в течение тридцати девяти лет жил в Экринге, где и умер 7 марта 1708 года. Стэнли, его коллега-диссидент по Еуат, умер там через несколько лет после чумы.

Несколько факторов в совокупности усугубили катастрофу в Эйаме. История о коробке с одеждой из Лондона вполне правдоподобна и может быть сопоставлена со многими другими примерами в истории чумы и холеры[1227]. Ничто так не усиливает вирус таких заболеваний, как брожение без доступа воздуха в тканях одежды или белья; одного дуновения из открытой коробки или свертка достаточно, чтобы человек, вдохнувший его, упал ниц. Яд в Эйаме с самого начала был сильным, и вполне вероятно, что тело первой жертвы действительно быстро разложилось. Высокая смертность с редкими случаями выздоровления, которые последовали с двухнедельным интервалом и продолжались всю зиму, также свидетельствует о том, что вирус достиг необычной силы. Но для возрождения инфекции в июне 1666 года мы должны искать другие причины. Эйам был одним из тех бассейнов, в почве которых, как в больших, так и в малых масштабах, часто сохранялась инфекция. Вирус, должно быть, проник в поры земли после первых шестидесяти или более захоронений на церковном кладбище вплоть до зимнего затишья эпидемии; с подъемом уровня грунтовых вод весной он был бы сравнительно неактивен; но в июне, когда вода снова уходила в почву и сильная жара поднимала эманации от сухой земли, он вырвался наружу с такой силой, что отравил весь воздух долины. Захоронения после конца июня без гробов и в неглубоких могилах на лугах или на склонах холмов были вызваны добавлением большого количества фермента в почву, уже пропитанную им. Бегство из такого места было единственным спасением, и настоятель из самых лучших побуждений посоветовал людям остаться. Поведение Момпессона всегда рассматривалось как образец героизма, как будто обстоятельства были отчаянными, как у троянцев, когда греки были на их улицах и в домах:

Una salus victis nullam sperare salutem.

Не следует говорить ни слова умаления в адрес того, кто мужественно выполняет то, что он считает своим долгом перед соседями; но жители деревни Эйам все равно были принесены в жертву идее, и идее, которая, как мы теперь можем сказать, не была научно обоснованной. Когда у них возникло желание бежать, они могли бы оставить свою зараженную почву без особого риска для окружающей местности, если бы не собирали ее в одном месте и не носили с собой постельные принадлежности или тому подобные восприимчивые предметы: известно, что те, кто сбежал из домов на верхнем конце деревни, не разнесли инфекцию в другие места, а молодая женщина, которая принесла ее в Корбор, больше никому ее не передавала. Но мудрость бегства может быть расценена некоторыми как все еще спорная, в то время как все признают, что Момпессон действовал наилучшим образом в соответствии со своими представлениями.

Чума в 1666 году сильно свирепствовала в ряде городов, в то время как в Лондоне она продолжалась. Информация из Винчестера расплывчата; говорят, что мертвых вывозили на телегах и хоронили на холмах к востоку[1228]; эпидемия закончилась к 1 декабря, так что Колледж возобновил работу[1229]. Пепис записывает в своем дневнике (4 апреля 1667 г.): "Один из сидевших за столом [герцога Албемарльского] рассказал странный отрывок из "Поздней чумы", что в Питерсфилде (кажется, он сказал) на одной стороне улицы почти все дома в городе были заражены, а на другойни один не закрывался". Возможно, были и другие подобные очаги чумы, и над ними были сделаны не менее интересные наблюдения; но, похоже, это простая случайность, записано ли о них что-нибудь вообще, или кому-то посчастливилось наткнуться на записи.

Крупные очаги чумы в 1666 году имели некоторое отношение к флоту и находились в основном в Кенте и Эссексе. В Дептфорде и Гринвиче в тот год было больше случаев чумы, чем годом ранее, общее количество смертей в первом составило 715 (от чумы 522), а во втором - 423. Элтем и Люишем также были посещены пропорционально. Другим интенсивным очагом инфекции в Кенте был Дил. 26 августа от чумы умерло семеро, а за всю неделю - двадцать. На тот момент, как говорили, было всего 16 домов, в которых не было чумы. 9 декабря во всех домах было чисто, хотя команды кораблей по-прежнему избегали города. Осенью в следующих за Дилом городах Сандвич, Дувр, Кентербери и Мейдстон произошли значительные вспышки. В Портсмуте летом 1666 года также произошла острая вспышка чумы: двадцать один человек умер от нее за неделю в начале июля.

В восточных графствах чума в значительной степени возродилась в 1666 году в Норвиче, Ипсвиче, Харвиче и Вудбридже, вспышка в Ярмуте, которая была самой крупной в этом квартале годом ранее, прекратилась весной. Но именно в Колчестере эпидемия привлекла к себе внимание в 1666 году. В Колчестере действительно было два сезона чумы подряд, или, скорее, ее непрерывное распространение с лета 1665 года по декабрь 1666 года. Чума в Колчестере в 1665-1666 годах была величайшей из всех провинциальных эпидемий со времен Черной смерти, если, конечно, мы не верим цифрам (11 000 или 12 000), приведенным для чумы в Йорке в 1390 году. Он воспроизвел смертность от Великой лондонской чумы в масштабах, более чем пропорциональных ее размерам, и, несомненно, вызвал тот же класс инцидентов — бегство более богатых классов и почти полное истребление бедных. Однако об этой чуме не сохранилось никаких документов, кроме клятв, данных тем, кто искал и нес мертвых (напечатано ниже), и еженедельных сводок смертей от чумы и других причин[1230]. Еженедельные ведомости, действительно, являются настолько красноречивым свидетельством, насколько могло бы быть любое подробное описание; и поскольку они являются наиболее полными в своем роде для провинциального города, я полностью переписал их из рукописи. Небольшое количество смертей от обычных причин указывает на пустоту лучших кварталов города; общее количество смертей за семнадцать месяцев - 5345, включая 4817 смертей от чумы и 528 от других причин, - должно было означать огромную очистку от беднейших слоев населения. Колчестер в то время был довольно богатым местом, с процветающей голландской торговлей и значительной голландской колонией. Возможно, связь с Голландией, где незадолго до этого чума была широко распространена, может объяснить происхождение вспышки; но местные условия почвы, перенаселенность и тому подобное следует искать в причинах ее необычайной стойкости и смертельного исхода.

Еженедельные случаи смерти в Колчестере с 14 августа 1665 года по 14 декабря 1666 года от чумы и других болезней.

1665

Недели, закончившейся		чума	другие
августа.	21	26	2
	28	62	2
сентября.	8	122	4
	15	153	22
	22	159	25
	29	100	25
октября.	6	161	27
	13	122	23
	20	106	15
	27	60	41
ноября.	3	104	13
	10	88	22
	17	88	18
	24	62	8
декабря.	1	38	10
	8	39	6
	15	67	4
	22	53	7
	29	21	3

1666

января.	5	23	6
	12	46	8
	19	36	13
	26	26	10
февраля.	2	34	9
	9	25	3
	16	23	7
	23	33	6
марта.	2	53	2
	9	26	11
	16	37	5

	23	48	4
	30	66	1
апреля.	6	73	2
	13	90	2
	20	68	4
	27	90	4
Мая	4	169	8
	11	167	7
	18	150	11
	25	98	12
Июня	1	89	10
	8	110	10
	15	139	3
	22	195	6
	29	176	4
Июля	6	167	8
	13	160	9
	20	175	3
	27	109	4
Августа.	3	109	2
	10	85	4
	17	70	1
	24	51	1
	31	53	4
сентября.	7	31	6
	14	22	2
	21	16	2
	28	10	2
октября.	5	7	2
	12	7	0
	19	7	2
	26	4	2
ноября.	2	4	2
	9	4	2
	16	2	6
	23	1	4
	30	1	8

декабря.	7	1	7
	14	0	0
		4817	528

Чтобы уменьшить бедность, вызванную этим великим бедствием, в различных других частях графства Эссекс был введен налог, и частные лица внесли пожертвования, лондонские церкви собрали 1311,10 фунтов стерлингов за время передышки между чумой и пожаром. К концу 1666 года Колчестер настолько оправился, что смог, в свою очередь, внести около ста фунтов на помощь Лондону после пожара[1231].

Последняя вспышка чумы в Англии.

Историю чумы в Англии следует закончить одиночной эпидемией в Ноттингеме в 1667 году, но не без некоторых опасений относительно правильности даты. Доктор Дириг, историк города в 1751 году, мало обращал внимания на эпидемии, хотя медицина была его делом; но он упоминает об одной из случаев оспы в 1736 году, с которой, вероятно, столкнулся на собственном опыте, и продолжает:

“Я сильно сомневаюсь, было ли подобное со времен чумы, которая посетила город в 1667 году и произвела жестокое опустошение в верхней части Ноттингема, поскольку в нижней умерли очень немногие; особенно на улице под названием Узкое Болото, было замечено, что инфекция не имела силы, и что за все время, пока свирепствовала чума, ни один человек, живший на этой улице, не умер от нее, что побудило многих людей из более богатого сословия собраться там и нанять жилье по любой цене; спасение людей приписывалось отходам кожевенных заводов. узе (ибо в том месте тогда было 47 кожевенных дворов), кроме того, они вызывали образование дыма, обжигая влажные дубильные ручки[1232].”

Если бы там была какая-либо ссылка на приходские книги или протоколы заседаний корпорации, у нас не было бы причин сомневаться в том, что эта эпидемия была правильно отнесена к 1667 году. Последняя эпидемия в Винчестере была названа под 1668 годом, сначала одним местным историком, а затем другим, который его переписал; но когда третий обратился к записям рукописи, он обнаружил, что это был 1666 год, поскольку, действительно, случайная ссылка на повторное открытие школы в Винчестере 1 декабря 1666 года, “когда болезнь, по всей видимости, прекратилась”, могла бы послужить основанием для заключения. Это уникальный опыт - вести историю чумы на протяжении нескольких столетий, не без указания времени и цифр, и быть вынужденным закончить ее во второй половине 17 века с неустановленной датой. Ноттингемская эпидемия, возможно, была исключением из общего правила о том, что вся Англия была окончательно избавлена от чумы в 1666 году; это заслуга, по крайней мере, местного историка, который, за отсутствием доказательств против, указал дату 1667 года. Трудность подтверждения столь простого факта в столь поздний период может побудить читателей этой работы быть терпимыми к любому отсутствию определенности и точности, которое они могут обнаружить в ее истории более отдаленных времен.

КЕМБРИДЖ: НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ C. J. CLAY, M.A. And SONS B UNIVERSITY PRESS.

Сноски:

[1] Упоминания о юстиниановой чуме современными и более поздними историками были собраны Валом вместе с частично не относящимися к делу материалами о предзнаменованиях и землетрясениях. Seibel, *Die grosse Pest zur Zeit Justinian's I.* Dillingen, 1857. Автор, непрофессионал, не проливает света на его происхождение.

[2] Беда, *История*. Экклз. Английский. История. Society's ed. p. 243: "qui ubi Romam pervenit, cujus sedi apostolicae tempore illo Vitalianus praeerat, postquam itineris sui causam praefato papae apostolico patefecit, non multo post et ipse et omnes pene, qui cum eo advenerant, socii, pestilentia superveniente, deleti sunt."

[3] *История Флореса*. автор: Роджер Уэндоверский. Англ. История. Издание общества. I. 180.

[4] Там же. I. 228.

[5] *Разные работы покойного Роберта Уиллана, доктора медицины, F.R.S., F.A.S.* Под редакцией Эшби Смита, доктора медицины, Лондон, 1831. "Исследование древности оспы и т. Д.", стр. 108.

[6] *Анналы четырех Мастеров*, изд. О'Донован, Дублин, 1851, I. 183. "543 год нашей эры. По миру прокатилась необычайная всеобщая чума, которая унесла треть благороднейшей части человеческой расы".

стр. 187. "548 год н.э. От земной жизни, которая называлась Cron Chonaill — и это был первый Buide Chonaill [*flava ictericia*], — умерли эти святые", далее следует несколько имен. Записи об этой эпидемии относятся к разным годам в различных оригинальных летописях.

[7] "Eodem anno dominicae incarnationis sexcentesimo sexagesimo quarto, facta erat eclipsis solis die tertio mensis Maii, hora circiter decima diei; quo etiam anno subita pestilentiae lues, depopulatis prius australibus Britanniae plagis, Nordanhymbrorum quoque provinciam corripuens, atque acerba clade diutius longe lateque desaeviens, magnam hominum multitudinem stravit. Qua plaga praefatus Domini sacerdos Tuda raptus est de mundo, et in monasterio, quod dicitur Paegnalaech, honorifice sepultus. Haec autem plaga Hiberniam quoque insulam pari clade premebat. Erant ibidem eo tempore multi nobilium simul et mediocrium de gente Anglorum, qui tempore Finani et Colmani episcoporum, relicta insula patria, vel divinae lectionis, vel continentioris vitae gratia, illo secesserant.... Erant inter hos duo juvenes magnae indolis, de nobilibus Anglorum, Aedilhun et Ecgberct," etc. *История Беды*. Экклз. изд. Стивенсон. Англ. История. Соч. I. стр. 231.

[8] Там же. стр. 240.

[9] *Анналы четырех Мастеров*, I. 275.

[10] Торп в своем издании "Флоренс Вустерская" для англ. История. Общество, I. 25.

[11] Первый из рассказов Беда о монастыре Баркинг связан с чудесным знамением на небесах, показывающим, где должно было находиться кладбище. It begins: "Cum tempestas saepe dictae cladis, late cuncta depopulans, etiam partem monasterii hujus illam qua viri tenebantur, invasisset, et passim quotidie raperentur ad Dominum."

[12] "Erat in eodem monasterio [Barking] puer trium circiter, non amplius annorum, Æsica nomine, qui propter infantilem adhuc aetatem in virginum Deo dedicatarum solebat cella nutriri, ibique medicari. Hic praefata pestilentia tactus ubi ad extrema pervenit clamavit tertio unam de consecratis Christo virginibus, proprio eam nomine quasi praesentem alloquens 'Eadgyd, Eadgyd, Eadgyd'; et sic terminans temporalem vitam intravit aeternam. At virgo illa, quam moriens vocabat, ipso quo vocata est die de hac luce subtracta, et ilium qui se vocavit ad regnum coeleste secuta est." Беда, стр. 265. Затем следует история монахини, умирающей от чумы в том же монастыре.

[13] Беда, Lib. IV. cap. 14. В дополнение к примерам в тексте, которые я собрал из *Церковной истории* Беда, я нахожу два, упомянутых Вилланом в его "Исследовании древности оспы" (*Miscell. Сочинения*, Лондон, 1821, стр. 109, 110): "Около 672 года святой Седда, епископ восточных саксов, находясь с визитом в Лестингемском монастыре, заразился заразной хворью и умер на седьмой день. Тридцать монахов, пришедших навестить могилу своего епископа, также были заражены, и большинство из них умерло" (*Vita S. Ceddæ*, VII. Январь. стр. 375. Ср. Беда, IV. 3). И снова: "В течение 685 года болезнь вновь появилась в Линдисфарне (Святой остров), аббатстве Святого Катберта, а в 686 году распространилась по соседнему району, где особенно сильно поразила детей" (*Житие С. Катберта*, глава 33). Эрудиция Уиллана была использована в поддержку самой невероятной гипотезы о том, что эпидемией тех лет в монастырях и других местах была оспа.

[14] *Historia Abbatum Gyrvensium*, анонимный аукцион, §§ 13 и 14. (Приложение ко второму тому сочинений Беда. Английский. История. Издание Общества, стр. 323.)

§ 13. Qui dum transmarinis moraretur in locis [Benedict] ecce subita pestilentiae procella Britanniam corripiciens lata nece vastavit, in qua plurimi de utroque ejus monasterio, et ipse venerabilis ac Deo dilectus abbas Eosterwini raptus est ad Dominum, quarto ex quo abbas esse coeperat anno.

§ 14. Porro in monasterio cui Ceolfrius praeerat omnes qui legere, vel praedicare, vel antiphonas ac responsoria dicere possent ablati sunt excepto ipso abbate et uno puerulo, qui ab ipso nutritus et eruditus.

В статье "Баэда", под ред. Нац. Биог. Преподобный У. Хант указывает, что мальчиком, упомянутым в приведенном выше отрывке, мог быть сам Беда.

[15] История названия *pestis flava ictericia* приведена О'Донованом в примечании к отрывку из "Анналов четырех Мастеров", I. 275: "Icteritia vel aurigo, id est abundantia flavae bilis, per corpus effusae, hominemque pallidum reddentis", - это объяснение П.О. Бир. Самое раннее упоминание о "желтой чуме", по-видимому, содержится в древнем житии святого Джеральда из Майо, в "Святом акте" Колгана, датированном 13 марта по календарю.

- [16] *Полихроникон*, издание Rolls, V. 250.
- [17] *История Англии*, серия Rolls, изд. Фернивалл, II. 569.
- [18] Серия Rolls, изд. Торп, I. 136, 137 (Перев. II. 60). Также в книге "Джерваз Кентерберийский", серия "Роллс", изд. Стаббс, II. 348.
- [19] *Хроника Abbatiae Ramesiensis*, издание Rolls, 1886, стр. 397.
- [20] Согласно инквизиции 2-го Эдуарда III, аббатство Кройланд содержало в 1328 году сорок одного монаха, помимо пятнадцати "корродиариев" и тридцати шести слуг. *Хроника Кройланда* в книге Гейла, I. 482.
- [21] *Кантуарные эпистолы*, серия Rolls, № 38, изд. Стаббс, Послание. CCLXXII, стр. 254, и Введение, стр. lxvii.
- [22] Уильям из Ньюбурга, изд-во Rolls, стр. 481.
- [23] Ральф из Коггсхолла, серия "Роллс", № 66, стр. 112.
- [24] Роджер Уэндоверский, III. 72.
- [25] В Жизнеописании святого Гуго Линкольнского, умершего в 1200 году, или за восемь лет до Папского интердикта, есть четкое указание на трудности, с которыми сталкивались священники при погребении, особенно бедных, и, возможно, во время эпидемических заболеваний, таких как 1194-6 годы. См. *Vita S. Хьюгонис Линкольненсис*, серия Rolls, № 37, стр. 228-233.
- [26] Эдмер, I. с.
- [27] *Полихроникон*, Изд. VII. 90.
- [28] *Gesta Pontificum*, издание Rolls, стр. 171. Другим рассказчиком истории Святого Эльфийца и датчан является Генри Хантингдонский (изд-во Rolls, стр. 179); он ничего не говорит о чуме, но описывает разграбление Кентербери. Эдмер также (*Historia Novorum in Anglia*, Rolls ser. 81, стр. 4) опускает мор.
- [29] Цитируется Хигденом, *Полихроникон*, изд. II. 18. Возможно, это было одно из стихотворений Генри Хантингдона, которые существовали во времена Лиланда, но сейчас утрачены.
- [30] *Полихроникон*, II. 166.
- [31] Маршан, *Этюд об истории и эндемиях моей жизни* (Thèse), Париж, 1873, стр. 49, со ссылкой на Фукса, "Дас хайлиге Фейер им Миттелальтер" в *Анналене* Геккера, том 28, стр. 1, с журналом которого я не смог ознакомиться.
- [32] Giraldus Cambrensis, *Topographia Hiberniae*, в издании Rolls of his works, № 21, том V.
- [33] "Итинерариум Уолли" и "Дескрипция Камбрии", *Опера*, том VI.
- [34] *Полихроникон*, I. 410.
- [35] Уильям Ньюбургский, *sub anno* 1157, I. 107.
- [36] *Европа в средние века*, глава ii. IX.

[37] Я использовал для этой цели "*Историю районов*" Мереуэзера и Стивенса, 3 тома. 1835.

[38] *Пиявочные мастерские, приготовление сусли и Звездное ремесло Ранней Англии*. Отредактировано Кокейном для серии "Роллс", 3 тома, 1864-66.

[39] Показательно, что путаница, возникающая из-за небрежного копирования более поздними составителями истории, заключается в том, что Роджер Уэндоверский в своем *Flores Historiarum* (англ. Хист. Издание общества I. 159), берет ссылку Беды в Сассексе на голод и относит ее к 665 году в связи с великой всеобщей чумой 664 года, очевидно, упустив из виду совершенно отчетливый отчет Беды о последнем.

[40] *История. Eccles.* § 290:—"Siquidem tribus annis ante adventum ejus in provinciam, nulla illis in locis pluvia ceciderat, unde et fames acerbissima plebem invadens inopia nece prostravit. Denique ferunt quia saepe quadraginta simul aut quinquaginta homines inedia macerati procederent ad praecipitium aliquod sive ripam maris, et junctis misere manibus pariter omnes aut ruina perituri, aut fluctibus absorbendi deciderent. Verum ipso die, quo baptismi fidei gens suscepit illa, descendit pluvia serena sed copiosa, refluunt terra, rediit viridantibus arvis annus laetus et frugifer."

[41] Грин *Краткая история английского народа*, стр. 39: "Сами поля были опустошены, и земля была поражена голодом и чумой". Я пропустил это упоминание о чуме в первоначальных источниках. Отрывок из *Полихроникона* Хигдена (ст. 258) может относиться к тому периоду, хотя он относится к мифическому времени Вортигерны.

[42] Стоу, перечисляя примеры общественной благотворительности в своем *Обзоре Лондона*, приписывает переплавку церковной посуды Этельвальду, епископу Винчестерскому в правление короля Эдгара, примерно в 963 году.

[43] Муррей был потоком, *англичанином* "scitha" (роджер из Хоудена) или "schitta" (Бромтон).

[44] Симеон Даремский, серия "Роллс-ройс", II. 188. Что касается беглецов, см. Гл. Ившем, стр. 91.

[45] *Gesta Pontif.* Англ. стр. 208.

[46] Симеон Даремский, "О чудесах святого Катберта", *Труды*, II. 338-40.

[47] Англосаксонская хроника. Малмсбери добавляет "смертность людей".

[48] Уильям Малмсберийский, *гест. рег.* англ. История. Соч. II. 452.

[49] Конструкция Малмсбери повторяется Генри Хантингдонским, изд-во Rolls, стр. 209. Флоренс Вустерская просто говорит: "primo febribus, настоящая слава".

[50] Генри Хантингдонский, стр. 232.

[51] *Анналы Винчестера, к югу от 1096 года*.

[52] "Septimo anno propter tributa quae rex in Normannia positus edixerat, agricultura defecit; quae fatiscens fames e vestigio; ea quoque invalescente mortalitas hominum subsequuta, adeo crebra ut deesset morituris cura, mortuis sepultura." *Gest. Reg.* II. 506. Скопировано в "Анналах Маргана", изд. II. 506.

[53] "*Рас Мала*", А. Кинлох Форбс, 2-е изд. стр. 543.

[54] *Там же*.

[55] Томас Уайт, "Отчет о болезни, которая преобладала в Каттиваре в 1819-20 годах". *Пер. Мед. Физ.-соц. Бомбей*, I. (1838), стр. 169. См. также Gilder, *там же*. стр. 192; Фредерик Форбс *там же*. II. 1 и Диссертация о чуме, Изд. 1840.

[56] В 1110 году налог взимался с приданого дочери короля при ее замужестве. Это также было параллельно с феодальным правом в Гуджерате: "Когда вождь должен разделить дочь или понести другие подобные необходимые расходы, он имеет право взимать налог с земледельцев, чтобы покрыть его". А. Кинлох Форбс, *Раса Мала*, 2-е изд. стр. 546. Отказ пахать, *временно*. Генри I. изложено Пирсоном, I. 442.

[57] Малмсбери, *Гест. Понт.* стр. 442; X. Хантингдонский; Анналы Маргана; Роджер Хауденский.

[58] Также в "Анналах Осни": "Mortalitas maxima hominum в Англии".

[59] "Attenuata est Anglia, ut ex regno florentissimo infelicissimum videretur." Уильям из Ньюбурга, изд-во "Роллс-Ройс", стр. 39.

[60] Генрих Хантингдонский, *южнее anno* 1138.

[61] *Геста Стефани*, серия "Роллс", № 82, том. III. стр. 99. Предполагается, что автор был иностранцем, состоявшим на службе у епископа Винчестерского, брата короля.

[62]

"Affluit ergo fames; consumpta carne gementes
Exhalant animas ossa cutisque vagas.
Quis tantos sepelire queat coetus morientium?
Ecce Stigis facies, consimilisque lues."

[63] Уильям Ньюбургский, *южнее* 1149 года.

[64] *Обзор Лондона* Стоу, Популярное издание (1890), стр. 116.

[65] "Recentium esus carniū et haustus aquae, tam insolitus quam incognitus, plures de regis exercitu panis inedia laborantes, fluxu ventris afflixit in Hybernia." Radulphus de Diceto, *Imagines Historiar.* I. 350.

[66] Бенедикт Питерборо, I. 104, и, в идентичных выражениях, у Роджера Хауденского.

[67] Говорящий представлен как еврей во Франции. Примечательно, что массовое убийство евреев в Линне в 1190 году, по утверждению Уильяма Ньюбургского, было спровоцировано *иностранцами* торговцами.

[68] Ricardus Divisiensis. Англ. История. Изд-во Общества. стр. 60.

[69] Описание Лондона, предваряющее книгу Фицтивена "Жизнь Бекета". Воспроизведено в "*Обзоре Лондона*" Стоу.

[70] *Omnia opera Petri Блезенсиса*, изд. Джайлс, Послание. CLI. Количество церквей может показаться населению большим, но следует иметь в виду, что эти городские приходские церкви были всего лишь часовнями или молельнями, подобными приделам большой церкви. Действительно, в Ярмуте они были фактически построены по бокам единственной большой приходской церкви; в то время как в Норвиче их было шестьдесят, каждая на своей небольшой приходской территории, причем собор, как и другие монастырские церкви, были самыми крупными местами поклонения. Говорят, что в Линкольне было 49 таких маленьких церквей, а в Йорке - 40. Один из них сохранился в соборе Святого Петра в Кембридже.

[71] Уильям Ньюбургский, стр. 431.

[72] *Там же*.

[73] “His quoque nostris diebus, ingruente famis inedia, et maxima pauperum turba quotidie ad januam jacente, de communi patrum consilio, ad caritatis explendae sufficientiam, propter bladum in Angliam navis Bristollum missa est.” *Начало. Уоллиа*, Рулоны, изд. VI. 68. Маршрут епископа Болдуина, которому следует автор, был в 1188 году; но “его quoque nostris diebus” явно относится к более поздней дате, которая, возможно, была годом позже, или, возможно, была более жестоким голодом 1195-7 или 1203 годов.

[74] *История. Перев. Англ.*, серия Rolls, № 82, том I. стр. 460, 484.

[75] Ральф из Коггсхолла, *южнее Анно*.

[76] “Variis infirmitatibus homines per Angliam vexantur et quamplures moriuntur,” *Annals of Margan*, Rolls series, No. 36.

[77] Роджер из Уэндовера, *Флорида. История*. Изд. Роллса.

[78] Мэтью Пэрис, *Большая хроника*, серия Rolls, № 57, изд. Луард, том V.

[79] Ришангер в *Хронике. Монастырь С. Альбани*, серия Rolls, № 28.

[80] Джон Трокелоу, *там же*.

[81] Уэндовер, II. 162, 171, 190, 205.

[82] Уэндовер, III. 95, 98.

[83] “Qui ex avaritia inopiam semper habent suspectam.”

[84] Альболдсли, или Эбботсли, был приходом, настоятелем которого был знаменитый Гроссетесте, епископ Линкольнский (возможно, нерезидент) вплоть до 1231 года, или в течение трех лет с даты приведенного выше анекдота. Существующая церковь очень древняя и вполне могла быть тем самым зданием, в котором разыгрывалась эта сцена.

[85] Уэндовер, III. 96.

[86] *Там же*. III. 19, 27.

[87] Уэндовер, III. 381.

[88] Уильям Ньюбургский, *южнее 1196 года*.

[89] С другой стороны, Джон Стоу, по-видимому, приобрел из какого-то неустановленного источника чрезвычайное предубеждение против него.

[90] Мэтью Пэрис, *Хроника. Майор* эд Луард, Ст. 663, 675.

[91] *Анналы Тьюксбери* в *"Монашеских летописях"*, серия Rolls, № 36.

[92] *Большая хроника*, IV. 647; Стоу, *Обзор Лондона*.

[93] *Хронология. Майор* IV. 654.

[94] *Chr. Maj.* Против 660. Другие подробности встречаются то тут, то там до конца хроники.

[95] Это число, указанное Мэтью Пэрисом. Оно предполагает большее население столицы, чем мы могли бы предположить. Тот же автор говорит, что Лондон был так полон людей, когда годом ранее (1257) заседал парламент, что город едва мог вместить их всех в своей просторной груди. Согласно "Анналам Тьюксбери", общая смертность от голода и лихорадки в Лондоне в 1258 году составила 20 000 человек. Но все население, вероятно, не превышало 40 000 человек.

[96] 1274 год стал началом настолько исключительного мураша овец, что заслуживает упоминания здесь, хотя мураши не входят в сферу нашей работы. Это записано более чем одним современником. Ришангер (стр. 84) говорит: "В тот год ужасная овечья чума охватила Англию, так что из-за ее распространения овчарни были повсюду опустошены. Это продолжалось двадцать восемь последующих лет, так что ни одна ферма во всем королевстве не обошлась без этого несчастья. Многие приписывали причину этой болезни, с которой жители раньше не были знакомы, некоему богатому человеку из франкской нации, который поселился в Нортумберленде, привезя с собой некую овцу испанской породы, размером с небольшого двухлетнего быка, которая заболела и заразила все стада Англии, передав им свою болезнь". Под следующим годом, 1275 годом, он снова упоминает это, используя термин "чесотка". Торольд Роджерс (*Hist. из Agric. и цены*, I. 31) обнаружил "паршу" овец, часто упоминаемую в счетах судебных приставов примерно с 1288 года; предполагается, что она стала постоянной из-за дегтя, регулярно встречающегося в счетах; но деготь обычно использовался для маркировки. Возможно, это была оспа овец, которую Фитцгерберт в своей *Книге по земледелию* (издание 1598 г.) описывает под названием "оспа", давая четкий отчет о способе борьбы с ней путем изоляции. Что касается мюррейнов в целом, читатель может обратиться к "*Чуме животных*" Флеминга, 2 тома. 1871-1884, работа, которая в основном составлена (со скудным указанием только на "библиографию") из действительно ученой работы Хойзингера, "*Сравнительные патологические исследования*", Кассель, 1844. Флеминг использовал только "обосновывающие пьесы" и не довел историю до того уровня, на котором ее оставил Хойзингер.

[97] Продолжение Wm. of Newburgh, серия Rolls, № 82, том II. стр. 560: "Факт есть великая слава для универсама Англии и высшей части Запада. In Hibernia vero tres pestes invaluerunt, sc. mortalitas, fames, et gladius: per guerram mortalem praevalentibus Hybernicis et Anglicis succumbentibus. Qui vero gladium et famem evadere potuerunt, peste mortalitatis praeventi sunt, ita ut vivi mortuis sepeliendis vix sufficere valerent."

[98] Смотрите также продолжение хроники Флоренс Вустерской, серия Бона, стр. 405.

- [99] Анналы Ришангера, 1259-1305, и Трокелоу, 1307-1323, напечатаны в томах *Хроники монастыря С. Альбани*, № 28 серии Rolls.
- [100] Изд-во Фернивалла. Серия "Рулоны", № 87, том II. 569, 573.
- [101] Хроника Уильяма Грегори, Общество Кэмдена, изд. Гайрднер, 1876.
- [102] *Лондонские летописи*, серия Rolls, № 76, изд. Стаббс. Введение, стр. lxxvi.
- [103] Там же. (*Annales Paulini*), p. 238.
- [104] Там же. стр. 304.
- [105] *Кантуарные эпистолы*, серия Rolls, № 38, II. Введение Стаббса, стр. xxxii.
- [106] *Кантуарные эпистолы*, серия Rolls, № 38, II. Введение Стаббса, стр. cxix.
- [107] Ральф из Коггсхолла, серия "Роллс", № 66, стр. 156.
- [108] Он мог быть и, вероятно, был прототипом врача Натана Бен Израэля из 35-й главы "Айвенго".
- [109] Адам де Мариско в Гроссетесте, *понеделник. Франциск.* изд. Брюер, I. 113.
- [110] Мне не удалось найти это в работах автора, и я цитирую это из вторых рук.
- [111] Quoted, without date, by Marchand, *Étude historique et nosographique sur quelques épidémies et endémies du moyen âge*. Париж, 1873.
- [112] Я привожу этот отчет о очевидных свойствах споротой ржи на основе недавнего наблюдения за ее выращиванием.
- [113] Одна из крупнейших эпидемий была в Вестфалии и Кельнском округе в 1596 и 1597 годах. Оно было описано двумя учеными писателями, Сеннертом и Хорстом, чьи рассказы кратко изложены в "*Воздухе, погоде, временах года и т. Д.*" I. 275-285.
- [114] Переведено в *Philosophical Transactions*, № 130, том XII. стр. 758 (14 декабря 1676 г.) из *Journal des Sçavans*.
- [115] *Studien über den Ergotismus*, Marburg, 1856.
- [116] Simeon of Durham and Roger of Howden have the following, under the year 1048: "Mortalitas hominum et animalium multas occupavit Angliae provincias, et ignis aereus, vulgo dictus sylvaticus, in Deorbensi provincia et quibusdam aliis provinciis, villas et segetes multas ustulavit."
- [117] "Je crois qu'ils ont voulu indiquer l'ignis sacer ou de St Antoine, qui dans ces années et surtout 1044 sévit en France." *Recherches de Pathologie Comparée*, vol. II. p. cxlviii.
- [118] С другой стороны, Шорт в своей *Общей хронологической истории воздуха, погоды, времен года, метеоров и т.д.* (2 тома. Лондон, 1749) говорит, что эпидемия 1110 года состояла "в особенности из эпидемии рожистого воспаления, от которого многие умерли, части тела были черными и сморщенными"; и что в 1128 году "пожар Святого Антония был смертельным для многих в Англии". Он не дает никаких полномочий ни в том, ни в другом случае. Но одна

ошибка допущена во французской записи 1109 года “membris instar carbonum nigrescentibus” (Sig. Gembl. ауктар. стр. 274, Migne); другой, скорее всего, в *игнисе* около Шартра, 1128 год (Стефан Канский, Букет, xii. 780).

Возможно, это лучшее место, чтобы выразить общее мнение о работе Шорта, которая является единственной книгой подобного рода на английском языке до моей собственной. Она повсюду не критична и легковажна и часто крайне неточна в датах, иногда повторяя одну и ту же эпидемию в разные годы. По-видимому, она была составлена, по крайней мере, в более ранней части, из иностранных источников, таких как Хроника Магдебурга, и в значительной степени из работы Колле де Беллуно (fl. 1631). Многие факты об английских эпидемиях приведены почти так же, как в оригинальных хрониках, но без ссылок на них. Английский опыт болезни теряется в общей хронологии эпидемий по всей Европе и рассматривается чисто вербалистическим образом. Насколько простирается этот том (1667), я нахожу книгу Шорта бесполезной, разве что время от времени она привлекает мое внимание к чему-то, что я упустил из виду. Другая его работа, “*Новые наблюдения за счетами смертности в городах и графствах*” (Лондон, 1750), демонстрирует автора с гораздо большей выгодой, и я использовал его статистические таблицы за шестнадцатый и семнадцатый века.

[119] Факты были доведены до сведения Королевского общества Чарльтоном Волластоном, доктором медицины, Ф.Р.С., проживавшим в то время в Саффолке, и преподобным Джеймсом Боунсом. Доктор Г. Бейкер направил их к Тиссо из Лозанны, который ответил, что они соответствуют типичному гангренозному эрготизму. См. *Фил. Пер.* т. 2 (1762), стр. 523, стр. 526, стр. 529; и т. LX. (1768) с. 106.

[120] Ошибочное утверждение об эпидемии гангренозного эрготизма, или Крибелькранкхайта, в Англии в 1676 году каким-то образом стало популярным в немецких книгах. Ему есть место в последней хронологической таблице эпидемий эрготизма, составленной Хиршем в его *Справочнике по историко-географической патологии*, том II. 1883 (англ. Перев. II. с. 206), ссылка на Берча, *Philos. Transact.* Эта ссылка на эрготизм в Англии в 1676 году дана также в таблице Т. О. Хойзингера (1856), где она представлена в форме “Schnurrer, nach Birch”. Обращаясь к “*Хронике исследований*” Шнуррера (II. 210), мы обнаруживаем, что ссылка звучит так: “Берч, *Фил. Пер.* тома. XI. и XII.”; и, переходя, наконец, к *Философским трудам*, выясняется, что тома X., XI. и XII. связаны воедино, что том XII. (1676), стр. 758, содержит выдержку из *Journal des Sçavans* о спорынье во ржи в определенных частях Франции, и что ни в томе XI, ни в томе XII ничего не говорится об эрготизме в Англии. Что касается доктора Берча, то в следующем столетии он был секретарем Королевского общества.

[121] Knighton, *De Eventibus Angliae* in Twysden, col. 2580: “In aestate scilicet anno Gratiae 1340 accidit quaedam execrabilis et enormis infirmitas in Anglia quasi communis, et praecipue in comitatu Leicestriae adeo quod durante passione homines emisierunt vocem latrabilem ac si esset latratus canum; et fuit quasi intolerabilis poena durante passione: ex inde fuit magna pestilentia hominum.”

[122] *Филос. Пер.* XXIII. стр. 1174 (26 июня 1702 г.).

[123] *Указ. соч.* I. часть 2, стр. 366.

[124] *Филос. Пер.* XXII. (1700-1701), стр. 799, письмо на латыни от Иоанна. Фрейнд датирован Крайст-Черчем, Оксфорд, 31 марта.

[125] Самые ранние религиозные истерии Швеции приходятся на 1668-1673 годы, что не соответствует годам эрготизма в этой стране, хотя эрготизм наблюдался во Франции в 1670 году и в Вестфалии в 1672 году. Более поздние шведские психопатии приходились на 1841-2, 1854, 1858 и 1866-68 годы, некоторые из которых действительно близко соответствуют периодам эрготизма в Швеции.

[126] “Moriebantur etiam plures morbo litargiae, multis infortunia prophetantes; mulieres insuper decessere multae per fluxum, et erat communis pestis bestiarum.” Walsingham, *Hist. Англ.*, *sub anno*; и в идентичных выражениях в *Английской хронике* монаха Святого Альбани.

[127] “Magna et formidabilis pestilentia extemplo subsecuta est Cantabrigiae, qua homines subito, prout dicebatur, sospites, invasi mentis phrenesi moriebantur, sine viatico sive sensu.” Walsingham, *Hist. Angl.* II. 186. Под тем же 1389 годом продолжатель “*Полихроникона*” Хигдена (IX. 216) говорит, что король, находясь на юге и “увидев некоторых из своих поверженных внезапной смертью, поспешил в Виндзор”.

[128] Например, в Sloane MS. 2420 (трактат Константина Африканского из Салерно) есть главы “О литературе”, “О ступоре мыслей” и “О фразах”.

[129] Th. O. Heusinger, *Studien über den Ergotismus*, Marburg, 1856, p. 35: “Es werden freilich in den Beschreibungen einiger früheren Epidemieen öfter typhöse Erscheinungen erwähnt; die Beschreiber behaupten aber auch dann meist die Contagiosität der Krankheit, und es liegt die Vermuthung nahe, dass die Krankheit dann eigentlich ein Typhus war, bei dem die Erscheinungen des Ergotismus ebenso constant vorkommen, wie sie sonst in vereinzelteren Fällen dem Typhus sich beigesellen” (cf. ‘Dorf Gossfelden,’ in Appendix).

[130] *История сельского хозяйства и цен*, I. 27.

[131] “Sed in fructibus arborum suspicio multa fuit, eo quod per nebulas foetentes, exhalationes, aerisque varias corruptiones, ipsi fructus, puta poma, pyra, et hujusmodi sunt infecta; quorum esu multi mortales hoc anno [1383] vel pestem letalem vel graves morbos et infirmitates incurrerunt.” Уолсингем, *История. Англ.* II. 109. Продолжатель Higden записывает под тем же годом в одном месте “великую эпидемию в Кенте, которая уничтожила многих и не пощадила ни возраста, ни пола” (IX. 27), а на другой странице (IX. 21) - великую эпидемию в Норфолке, которая поразила только молодежь обоего пола в возрасте от семи до двадцати двух лет!

[132] Уолсингем, II. 203; *Обзор Лондона* Стоу, стр. 133.

[133] Написание и несколько целых слов были изменены из текста Скита, чтобы сделать смысл более понятным.

[134] Симпсон, *врач и хирург. Journ.* 1842, vol. LVII. с. 136.

[135] Ральф Коггсхоллский (изд. в Rolls, стр. 156) описывает смерть Хьюберта 13 июля 1205 года, но не упоминает имени его врача.

[136] *Английский сборник лекарств*, изд. Майкл де Капелла. Lugduni, 1512, Lib. VII. cap. “De Lepa,” pp. 337-345.

[137] Бернарди Гордоний *Lilium Medicinae*. Лугд. 1551, стр. 88.

[138] *Сборник. Мед. Изд. цит. по стр. 344.*

[139] *Lilium Medicinae*. Лугд. 1551, стр. 89.

[140] *Там же*. стр. 89.

[141] Для более подробной справки см. стр. 103.

[142] *Философ. Пер. С англ. Королевского общества*, XXXI. 58: “При настоящей проказе мы никогда не встречаем упоминания о каком-либо заболевании в тех частях тела, которое, если его нет, должно полностью обезопасить человека от передачи этой болезни ему при совокуплении с прокаженными женщинами; но это доказывает, что среди них была болезнь, которая не была проказой, хотя и носила такое название; и что это не могло быть ничем иным, как венерическим, потому что оно было заразным”.

Затем он цитирует из перевода Тревизы Бартоломью Гланвила "*De proprietatibus rerum*" Тревизы, отрывки, которые, по его мнению, относятся к сифилису, хотя они, очевидно, являются отличительными признаками лепры, взятыми почти дословно из Gilbertus Anglicus. Он подразумевает, что более поздние так называемые лондонские лепрозории действительно были основаны из-за сифилиса, когда он стал эпидемическим. В завещании Ральфа Холланда, купца Тейлора, упоминаются три приюта для прокаженных: "Лок", "Хакней" и "Сент-Джайлс за барами Холборна", как будто это все, что существовало в 1452 году. Но в царствование Генриха VIII. помимо Сент-Джайлса, их было шесть— Найтсбридж, Хаммерсмит, Хайгейт, Кингсленд, Лок и Майл-Энд; и они, по словам Беккета, использовались для лечения французской оспы, которая стала чрезвычайно распространенной после 1494-146 гг.

[143] Martin, *Histoire de France*, VII. 283.

[144] Одна из ссылок Гаскойна была скопирована Беккетом (*Фил. Пер.* XXXI. 47), beginning: “Novi enim ego, Magister Thomas Gascoigne, licet indignus, sacrae theologiae doctor, qui haec scripsi et collegi, diversos viros, qui mortui fuerunt ex putrefactione membrorum suorum et corporis sui, quae corruptio et putrefactio causata fuit, ut ipsi dixerunt, per exercitium copulae carnalis cum mulieribus. Magnus enim dux in Anglia, scil. J. de Gaunt, mortuus est ex tali putrefactione membrorum genitalium et corporis sui, causata per frequentationem mulierum. Magnus enim fornicator fuit, ut in toto regno Angliae divulgabatur,” etc. In the *Loci e Libro Veritatum*, printed by Thorold Rogers (Oxford, 1881), the following consequences are mentioned: “Plures viri per actum libidinosum luxuriae habuerunt membra sua corrupta et penitus destructa, non solum virgam sed genitalia: et alii habuerunt membra sua per luxuriam corrupta ita quod cogebantur, propter poenam, caput virgae abscindere. Item homo Oxoniae scholaris, Morland nomine, mortuus fuit Oxoniae ex corruptione causata per actum luxuriae.” p. 136.

[145] *Самый превосходный и исчерпывающий метод лечения ран на голове и в других частях тела; переведен на английский Джоном Ридом, хирургом; with the exact cure of the Caruncle, "трактат о свищах в основании", из Joh. Ардерн и др. Лондон, 1588.*

[146] Г-жа Харл. 2378: —№ 86 гласит: “Возьмите линсовую или лининскую одежду, наденьте ее и надушите, и бросьте ее своему больному животу”. Также: “Возьмите льняное полотно и утрамбуйте его, а также немного оливкового масла олифа и немного коровьего молока определенного цвета, обжарьте их вместе на сковороде и обмакните в тесто”. № 87 - “для

болнынга из пинтеле”. № 88 - “Для канка на пинтеле”. На стр. 103 есть еще одно “Для вас, болнынг, из менис ерде.... Привяжите это везде, где вы живете, и это принесет вам пользу”. На листе 19: “Ибо вы никогда не заболите проказой... в третий день это будет дыра”. “Для тебя, канкер” могло означать рак или твердый шанкр. Рецепты в книге Моултона “*Это Майрур, или Гляссе Хелта*” (? 1540) тесно перекликаются с рецептами в вышеупомянутом харлейском рукописи. В печатной книге приводится одно из них (глава 63): “Для человека, который является Проказой, и оно застревает у него в ногах и поднимается вверх”. Существует также рецепт на “морфью”.

[147] Николас Масса, в Луизини.

[148] Фримен, *Правление Уильяма Руфуса*. Приложение. том II. стр. 499.

[149] L. c. V. 679, “Episcopus Herefordensis polipo percutitur.—Episcopus Herefordensis turpissimo morbo videlicet morphea, Deo percutiente, merito deformatur, qui totum regnum Angliae proditiose dampnificavit;” and again V. 622.

[150] *Сборник. Мед. Изд. цит. по стр.* 170.

[151] *Лилия Мед. Изд. цит. по стр.* 108.

[152] Брассак, статья. “Слоновость” (стр. 465) в *редакции. Энцикл. des Sciences Médicales*.

[153] *Rosa Anglica*. Papiae, 1492.

[154] То, что болезнь Болдуина IV вызвала к нему интерес, ясно из упоминания Уильяма Ньюбургского, который называет его (стр. 242) “princeps Christianus lepram corporis animi virtute exornans”.

[155] *Chronicon de Lanercost* (Bannatyne Club, p. 259): “Dominus autem Robertus de Brus, quia factus fuerat leprosus, illa vice [anno 1327] cum eis Angliam non intravit.” Рубрика на листе 228 рукописи озаглавлена “мертвая проказа”.

[156] Оригинальный отчет составлен Гаскойном, *Locis и др.* ред. Роджерс, Оксон. стр. 228.

[157] “Item matrimonium inter dominum regem et quandam nobilem mulierem nequiter impedivit, dum clanculo significavit eidem mulieri et suo generi, quod rex strabo et fatuus nequamque fuerat, et speciem leprae habere, fallaxque fuerat et perjurus, imbellis plusquam mulier, in suos tantum sacvientem, et prorsus inutilem complexibus alicujus ingenuae mulieris asserendo.” Matthew Paris, *Chron. Майор*, изд-во “Роллс-ройс”, III. 618-19.

[158] *Chronicon Angliae* in Twysden, col. 2600.

[159] *Хроника Джеффри ле Бейкера* под редакцией Э. Монде Томпсона. Оксфорд, 1889, стр. 100.

[160] Профессор Робертсон Смит любезно написал для меня следующее примечание: “Более поздним евреям было дано сокращать имена собственные; и в Талмуде мы находим сокращение *Лазар* (с гортанным звуком, который греки не могли произнести, между *a* и *z*) для Элиэзера или Елеазара. *לָאָזָרוֹס* - это просто *Лазар* с греческим окончанием и встречается как мужское имя не только в Новом Завете, но и у Иосифа Флавия (*Б. Иуд.* Ст. 13, 7). Это было вполне понятно первым читателям Евангелий; сирийский Новый Завет, переведенный с греческого,

восстанавливает утраченный гортанный звук и использует сирийскую форму, как это используется в 1 Макк. viii. 17 для перевода греческого ἑλάζαρος. Более того, латинская и греческая *ономастика* объясняют, что Лазарь означает "помощник", что показывает, что они взяли это из (иврита) 'помогать' — второго элемента в составе Элизер. Этимология 'адъютус' (или подобная ей) 'с Божьей помощью', без сомнения, оказала бы мощную помощь в выборе названия "лазарь" (для прокаженных). Суицер в своем *Тезаурусе* цитирует проповедь Феофана, где предлагается называть Лазарем каждого бедняка, нуждающегося в помощи со стороны тех, у кого есть средства".

Хирш (*Геогр. и хист. Путь*. II. 3) говорится, что арабское слово, обозначающее падучую болезнь, происходит от того же корня (означающего "брошенный на землю"), что и еврейское слово "сараат", которое является термином, переведенным как "проказа" в Книге Левит xiii. и xiv. В Книге Исаяи liii. 4 в Вульгате есть "et nos putavimus eum quasi leprosum", тогда как в английской Библии есть "и все же мы считали его больным".

[161] Роджер из Хаудена. Под редакцией Стаббса. Серия "Роллс", № 51, том I. стр. 110. Элред, главный собиратель чудесных исцелений Эдуарда Исповедника, похоже, опустил это.

[162] Ailredi Abbatis Rievallensis *Genealogia Regum Anglorum*. In Twysden's *Decem Scriptores*, col. 368. "Cum, inquit [David], adolescens in curia regia [Anglica] servirem, nocte quadam in hospicio meo cum sociis meis nescio quid agens, ad thalamum reginae ab ipsa vocatus accessi. Et ecce domus plena leprosis, et regina in medio stans, deposito pallio, lintheo se precinxit, et posita in pelvi aqua, coepit lavare pedes eorum, et extergere, extersosque utrisque constringere manibus et devotissime osculari. Cui ego: 'Quid agis,' inquam, 'O domina mea? Certe si rex sciret ista, nunquam dignaretur os tuum, leprosum pedum tabe pollutum, suis labiis osculari.' Et illa surridens ait: 'Pedes,' inquit, 'Regis aeterni quis nescit labiis regis morituri esse praeferendos? Ecce, ego idcirco vocavi te, frater carissime, ut exemplo mei talia discas operari. Sumpta proinde pelvi, fac quod me facereintueris.' Ad hanc vocem vehementer expavi, et nullo modo id me pati posse respondi. Necdum enim sciebam Dominum, nec revelatus fuerat mihi Spiritus ejus. Illa igitur coeptis insistente, ego—mea culpa—ridens ad socios remeavi."

[163] *Buma C. Hugonis Lincolnensis*. Серия "Рулоны", 39, стр. 163-4.

[164] Епископ оставил по своему завещанию 100 марок для распределения "за дом проказы" в своей епархии и такую же сумму "за дом госпиталей", а также по три марки каждому лепрозорию в Селвуде и за пределами Бата и Илчестера. *История. РУКОПИСЬ. Комиссар*. X. часть 3, стр. 186.

[165] *Monumenta Franciscana*. Серия "Роллы", № 4. Вступление. автор: Брюер, стр. xxiv.

[166] Уильям Малмсберийский, *Gesta pontificum*, изд-во Rolls, стр. 72.

[167] В 1574 году было обнаружено, что он обеспечивает облегчение в помещении для пятнадцати братьев и пятнадцати сестер и на открытом воздухе для еще стольких же.

[168] Роджер из Уэндовера. Изд. Роллов. II. 265.

[169] В рукописи "*Большой хроники*" Мэтью Пэриса в библиотеке колледжа Корпус-Кристи, Кембридж, № 26 в коллекции Паркера, стр. 220. Покойный преподобный С. С. Льюис, коллега и

библиотекарь Колледжа, который щедро снабдил меня факсимиле рисунка, сделанного для меня, датировал его чуть раньше 1250 года. (Издание Rolls, автор Луард, II. 144.)

[170] *Rotuli Chartarum*, 1199-1216. Конфирмационная хартия, 1204 (5 иог.), стр. 117 б.

[171] В *Книге "Доблесть духовная"* Генриха VIII. его доход оценивается в 100 фунтов стерлингов.

[172] Командорства рыцарей Святого Лазаря были многочисленны в каждой провинции Франции. For an enumeration of them see *Les Lepreux et les Chevaliers de Saint Lazare de Jerusalem et de Notre Dame et de Mont Carmel*. Пар Эжен Винья, Орлеан, 1884, стр. 315-364.

[173] *Joannis Sarisburiensis Opera omnia*, ed. Джайлс 1, 141 (письмо Джосселину, епископу Солсберийскому).

[174] "Vix seu raro inveniuntur tot leprosi volentes vitam ducere observantiis obligatam ad dictum hospitale concurrentes." Уолсингем, *Жест Аббатства*, изд. в "Роллс-Ройс". II. 484.

[175] Мэтью Пэрис, *Хроника. Майор* Против 452.

[176] Walsingham, *Gesta Abbatum*, II. 401.

[177] "Сестры Сент-Джеймса не были связаны никакими обетами, и в этот период [1344] не все или даже ни одна из них не были прокаженными; и, как следствие, место в больнице было очень востребовано нуждающимися придворными". Отчет о рукописи декана и капитула Кентерберийского, в *Исторической рукописи. Отчеты комиссии*, IX. стр. 87.

[178] "*История Уорикшира*" Дагдейла, стр. 197.

[179] 24 ноября 1200 года король Иоанн подписал в Линкольне простые охранные письма прокаженным из церкви Святого Варфоломея в Оксфорде (*ром. Диаграмма. 1199-1216*, стр. 99).

[180] *Rotuli Hundredorum*, II. 359-60. Знаменитая Стоурбриджская ярмарка первоначально выросла из права взимать рыночную пошлину, предоставленного в помощь больнице для прокаженных.

[181] Постановления Третьего Латеранского собора приведены несколькими историками того времени, в частности Уильямом Ньюбургским, стр. 206-223.

[182] Роджер из Хаудена, издание Rolls, II. 265.

[183] Уильям из Ньюбурга, издание Rolls, стр. 437.

[184] Смотрите различные хартии и мемориалы в "*Истории Дарема*" Сертуса.

[185] Двумя более крупными домами для прокаженных, не упомянутыми в тексте, были больница Святого Николая в Карлайле и больница в Болтоне в Нортумберленде, каждая на тринадцать коек.

[186] Собрав все упоминания о прокаженных или лазаретах в книге Таннера "*Notitia Monastica*" или в книге Дагдейла "*Monasticon*", сэр Дж. Я. Симпсон составил таблицу с указанием нескольких сотен лепрозориев в Британии (*Edin. Med. and Surg. Журн.* 1841 и 1842 гг.). Таблица Симпсона была дополнена мисс Ламберт в "*Девятнадцатом веке*", август-сентябрь 1884 г.,

преподобным Х. П. Райтом ("*Проказа*" и др., 1885), который говорит в конце своего длинного списка: "Их было на сотни больше", и мистером Р. К. Хоупом ("*Прокаженный в Англии*", Скарборо, 1891), чей список насчитывает 172.

Возможно, наиболее примечательное развитие вербалистического подхода к этому вопросу принадлежит недавнему автору-медику, который на основе общепринятого списка больниц для больных проказой составил карту *географического распространения проказы* в средневековой Британии. (*Британский медицинский журнал*, 1 марта 1890 г., стр. 466.)

[187] Замок, несомненно, был домом "лепрозориев апуда Бермондси", которые указаны в Королевской хартии 1-го Хр. IV. (1399 г.) в качестве получателей, наряду с *лепрозориями* Вестминстера (Сент-Джеймсского), "пяти или шести тысяч фунтов стерлингов". (*Картофельные ротули*, 1 Курица. IV.)

[188] Беккет, *Фил. Пер.*, т. 31, с. 60.

[189] Стоу, *Обзор Лондона*, изд. 1890 г., стр. 437.

[190] Беккет, л. с. Дом Найтсбриджа был раньше. Смотрите следующее примечание.

[191] *Обзор Лондона*, поп. изд., стр. 436. Завещания прокаженным встречаются в различных завещаниях жителей Лондона, в *Календаре завещаний доктора Шарпа*, том II. Последний, 1890. В завещании, датированном 21 апреля 1349 года, завещание адресовано "бедным лазарям за пределами Саутверкебарра и в Хакени" (стр. 3). 1 июля 1371 года другой завещает деньги "трем колледжам прокаженных близ Лондона, а именно. в *Ле Локе*, в Сент-Джайлз-де-Холборн и в Хакени" (стр. 147). 7 апреля 1396 года были завещаны "прокаженным в *ле-Локке*, недалеко от Сен-Жоржа Барре, из Сент-Джайлса, без Холбурнбара, и *ле-меселькотам де Хакони*" (стр. 341). "Дом лазаря в Найтбридже" впервые упоминается в завещании, датированном 21 февраля 1485 г., вместе с "больными в лазаркотах, следующими по Лондону" (стр. 589).

[192] *Счета лорда-главного казначея Шотландии*. Серия Rolls I. 1473-1498, стр. 337, 356, 361, 378, 386.

[193] Это все так называемые "средневековые больницы для прокаженных", собранные Белчером (*Дубл. Кварт. Journ. of Med. Sc.* 1868, август, стр. 36), главным образом из книги Архидалла "*Monasticon Hibernicum*". Он указывает, что самые ранние упоминания о проказе в "*Анналах четырех Учителей*" включали различные виды кожных заболеваний.

[194] *Chronicon Abbatiae Rameseiensis*. Серия "Роллс", 1886, стр. 157. Хронисту больше нечего сказать о причине проказы, кроме мнения "некоего философа", что все, что обращает нас от здоровья к порокам болезни, действует из-за слишком большого количества крови, избыточного тепла, избытка влаги или из-за того, что духи с непривычной расслабленностью текут по тихим коридорам.

[195] Эдмер, *Вита С. Ансельми*, Правка Роллов., стр. 355.

[196] Уолсингем, *Геста Аббатум*, редакция журнала Rolls. II. Приложение С. стр. 503.

[197] Brassac, Art. "Éléphantiasis," in *Dict. Энцykl. des Sc. Méd.* p. 475, says: "Il y avait aussi des vagabonds et des paresseux qui, sans nulle crainte de la contagion, et désireux de vivre sans rien faire, simulaient la lèpre pour être admis aux léproseries. On y trouvait encore des personnes qui s'imposaient une réclusion perpétuelle pour vivre avec les lépreux et faire leur salut par une vie de soumission aux règles de l'Église."

[198] Постановление полностью переведено из Городского архива Х. Т. Райли, *Лондон в тринадцатом, четырнадцатом и пятнадцатом веках*, стр. 230-231. Ниже приводится его преамбула:—

"Эдвард, милостью Божьей и так далее. Поскольку нам было дано понять, что многие люди, как из вышеупомянутого города, так и другие, приезжающие в указанный город, будучи пораженными пороком проказы, публично проживают среди других граждан и здоровых людей, и там постоянно пребывают и без колебаний общаются с ними, как в общественных местах, так и наедине; и что некоторые из них, пытаясь заразить других этим отвратительным пороком (чтобы, к их собственному жалкому утешению, у них было больше товарищей по несчастью), а также путем взаимного обмена информацией. связи и заражение их зловонным дыханием, а также плотские сношения с женщинами в закулочных и других тайных местах, отвратительно часто посещаемые ими, таким образом заражают здоровых людей, как мужчин, так и женщин, к большому ущербу для людей, проживающих в вышеупомянутом городе, и явной опасности, которую представляют другие лица, прибегающие в тот же город: "Мы" и т.д.

[199] Райли, стр. 384.

[200] *Диалог о лихорадочном море*. Ранняя англ. Текст Соч.

[201] Райли, стр. 365.

[202] Rymer's *Foedera*, v. pt. 2, стр. 166. В

[203] *Священная Англия* Уортона, 11. Преф., стр. 32.

[204] Выражение "проказа Содоморум" встречается в латинском стихотворении из средневековой рукописи, найденной в Швейцарии. Стихи полностью напечатаны Хенслером, *Geschichte der Lustseuche*, стр. 307.

[205] Эти и другие сведения, касающиеся прокаженных в Шотландии, приведены в издании Симпсона "Антикварные заметки о проказе в Шотландии и Англии" (*Edin. Med. and Surg. Журнал*. Октябрь 1841, январь и апрель 1842), серия превосходных статей, которые на протяжении многих лет были источником большей части того, что было написано о средневековой проказе в этой стране.

[206] Письмо Баррингтону, 8 января 1778г.

[207] Эти цифры, по-видимому, обозначают содержимое кладовых во всех поместьях Де Спенсера.

[208] Мистер Джонатан Хатчинсон год за годом добавляет доказательств того, что полусгнившая рыба, которую едят в таком состоянии по предпочтению или по необходимости, является

главной причиной современной проказы, и он успешно столкнулся со многими очевидными исключениями. В некоторых провинциях Норвегии на протяжении веков была проказа; и знаменательно, что Уильям Малмсберийский, имея в виду тех, кто отправился в первый крестовый поход, говорит: “Scotus familiaritatem pulicum reliquit, Noricus cruditatem piscium”. (*Gesta Regum*, англ. Hist. Soc. II. 533.)

[209] В своем разделе *О сохранении лепры* (стр. 345) Гилберт советует избегать, среди прочего, соленой рыбы и мяса, а также вяленого бекона.

[210] Деяния Роберта III. в *Королевском регионе*, стр. 414 (цитируется Симпсоном, *Ред. мед. и хирург. Журн.* т. 57, с. 416).

[211] У доктора Гилберта Скена из Абердина, а затем из Эдинбурга, в его книге о чуме (1568) есть случайное замечание о “злом и испорченном мясе”, которое может быть понято буквально: “Поскольку мы видим, что каждый чистый человек подвержен ни одному бедствию, ни сильнодействующему, потому что он связан нищетой с любым злом и развращением людей, и болезнь - это контракт, наследник того, что мы называем пандемией”. (Издание Bannatyne Club, стр. 6.)

[212] Higden’s *Polychronicon*. Отредактировано для серии “Роллс” Бабингтоном и Ламби, том. VIII.

[213] *Анналы Ирландии*. Брат Джон Клин, из монастыря малых братьев в Килкенни, и Тэди Доулинг, канцлер Лейлина. Отредактировано по рукописи и др. Р. Батлером, деканом Клонмакнау. Дублин, 1849 (Ирландское археологическое общество). Последней записью самого Клина, по-видимому, являются слова “великая каристия” и т.д., датированные 1349 годом. Добавлено “Видетур для автора и его обиход”, а затем две записи о море, сделанные в 1375 году другим почерком.

[214] Хенрикус де Найтон, *Английская хроника*, написанная декабрем Твисдена. *Angl. col.* 2598 et seq. Готовится издание “Хроник Найтона”, написанное Ламби для серии “Роллс-ройс”.

[215] *Хроника Джеффри ле Бейкера*. Под редакцией Э. Монде Томпсона, Оксфорд, 1889.

[216] Robertus de Avesbury, *Historia de Mirabilibus Gestis Regis Ed. III.*, Охон. 1720. Также в серии “Роллс”. Под редакцией Э. Монде Томпсона.

[217] *Eulogium Historiarum*. Серия “Роллс”, № 9. Под редакцией Хейдона, III. 213.

[218] *Itineraria Symonis Simeonis et Willelmi de Worcestre*. Отредактировано Нэсмитом из рукописи, хранящейся в библиотеке колледжа Корпус-Кристи, Кембридж. *Cantab.* 1778, p. 113: “parum ante nativitatem Domini intravit villam Bodminiae, ubi mortui fuerunt circa mille quingentos per estimacionem.”

[219] История. Рукопись. Комиссия, vi. 475.

[220] Wilkins, *Concilia* II. 745: “Contagium pestilentiae moderni temporis undique se dilatans etc.”

[221] Rymer’s *Foedera*, V. 655:—“Quia tamen subita plaga Pestilentiae Mortalis in loco praedicto et aliis partibus circumvicinis adeo indies invalescit, quod de securo accessu Hominum ad locum illum formidatur admodum hiis diebus.”

[222] *Ibid.*—“Et quia dicta Pestilentia Mortalis in dicto loco Westmonasteriensi ac in civitate Londoniae, ac alis locis circumvicinis, gravius solito invalescit (quod dolenter referimus) per quod accessus Magnatum et aliorum nostrorum Fidelium ad dictum locum nimis periculosus foret,” &c. Это второе продление было неизбежным.

[223] *Календарь завещаний* (Хастингс-Корт, Лондон), изд. Шарп, Лондон, 1889, I. 506-624.

[224] Клайн. Но его рассказ о Килкенни, где он жил, указывает на то, что эпидемия там началась либо раньше, либо позже, чем в Дублине: “Ista pestilencia apud Kilkenniam in XL^a invaluit; nam VIto die Marcii viii fratres predicatorum infra diem Natalem obierunt”, - говорится либо о Великом посте 1349, либо о 1350 году. Трудность при отнесении высадки инфекции близ Дублина в начале августа к 1348 году заключается в том, что английский ввоз произошел только тогда. Но, конечно, Ирландия могла получить его непосредственно из-за границы.

[225] *Op. cit.* p. 98: “Torserunt illos apostemata e diversis partibus corporis subito irrumpencia, tam dura et sicca quod ab illis decisis vix liquor emanavit; a quibus multi per incisionem aut per longam pacienciam evaserunt. Alii habuerunt pustulos parvos nigros per totam corporis cutem conspersos, a quibus paucissimi, immo vix aliquis, vitæ et sanitati resilierunt.”

[226] “Nam multi ex anthrace et ex apostematibus, et pustulis quae creverunt in tibiis et sub asellis, alii ex passione capitis, et quasi in frenesim versi, alii spuendo sanguinem, moriebantur,” p. 36.

[227] *Трактат, правдиво и ясно излагающий способ предотвращения, предохранения от и излечения от этой самой страшной и заразной болезни, называемой чумой. С Чумой и другими страшными симптомами и несчастными случаями, связанными с ней.* Джон Вудолл, хирург больницы Святого Варфоломея, Лондон, 1639 год.

[228] Роберт де Эйвсбери, изд-во Rolls, стр. 177.

[229] *Eulogium Historiarum*. Рулоны, серия № 9, III. 213.

[230] Rymer’s *Foedera*, V. 668.

[231] “Pro quorum defectu [referring to the fugitive villeins] mulieres et parvuli invise missi sunt ad carucas et ad plaustra fuganda.” *Eulogium*. Изд. Роллса. III. 214.

[232] Николс, *История Лестершира*, I. 534.

[233] Николс, *l. c.*

[234] В течение ряда лет захоронения в реестре Святого Мартина были следующими:

1610	82
1611	128
1612	39
1613	25
1614	34
1615	60
1616	41

1617	31
1618	37
1619	28
1620	25
1621	43
1622	27
1623	37
1624	24

[235] *История и древности Оксфордского университета*. Ред. Гатч I. 449. Он также говорит: “Двери школ были закрыты, колледжи и залы покинуты, и почти не осталось никого, кто мог бы сохранить владение или составить достаточное количество людей, чтобы похоронить мертвых”. Остальная часть его рассказа о Черной смерти скопирована из “Хроник Осни” Ле Бейкера.

[236] *Итинерариум*, l. c.

[237] Stow’s *Survey*. “Палата в Портсокене”.

[238] “Лежащий за стенами в северной части города между землями аббата Вестминстерского и приора святого Иоанна Иерусалимского”. Французская хроника Лондона (стр. 56), цитируемая Стаббсом в предисловии (стр. lxxxi) к *Лондонским анналам*, серия Rolls, № 76.

[239] Robertus de Avesbury, *Historia Edwardi III*. Изд-во Поллса, стр. 407. “Quotidie multos vita privavit, et in tantum excrevit quod a festo Purificationis usque post Pascha, in novo tunc facto cimiterio juxta Smithfeld plus quam cc corpora defunctorum, praeter corpora quae in aliis cimiteriis civitatis ejusdem sepeliebantur, quasi diebus singulis sepulta fuerunt.... In festo Pentecostes cessavit Londoniis.”

[240] Меморандумы *Смоу*. Камден, 1880.

[241] “*Britannia*, изд. Гоф, II. 9.

[242] Рикман, *Резюме демографического возвращения 1831 года*. Лондон, 1832. Введение, стр. 11.

[243] Stow’s *Survey*, стр. 392.

[244] О населении Лондона сообщается на основании достоверных данных, данных его архидьякона, в письме папе Иннокентию III. (*Omnia Opera Petri Благословенного*, изд. Джайлс, том II, стр. 85), их было 40 000 примерно в 1190-1200 годах, в период большого расширения или активности. По обычному подсчету подушной подати в 1377 году население составляло бы 44 770 человек; и в 1349 году оно, вероятно, было недалеко от этих цифр. Этот вопрос снова поднимется в следующей главе.

[245] *Мемориалы Лондона 13, 14 и 15 веков*, отредактировано из архива города, 1246-1419 гг. н.э., Х. Т. Райли. Лондон, 1868, стр. 219.

[246] *Там же.*, стр. 239-40.

[247] Бломфилд, *История Норфолка*, III. 93.

[248] Петр из Блуа, который как архидиакон Лондона имел возможность знать, называет в своем письме папе количество приходских церквей в городе - 120.

[249] Попхэм, “Список субсидий 51 Эдуарда III”, в *Археологии*, VII. (1785) стр. 337.

[250] *Итеринария и др.* изд. Насмит, кант. 1778, стр. 344. См. также Уивер, *Погребальные памятники*, стр. 862, согласно которому запись о великой смерти находилась на хронологической таблице, висевшей в церкви.

[251] Walsingham, *Gesta Abbatum*. Рулоны, изд. II. 370. Abbot Michael, he says, “tactus est communi incommodo inter primos de suis monachis qui illo letali morbo percussi sunt.”

[252] й. Стаббс *Хроника-Йорке* в Twysden, цв. 1732.

[253] *Хроника монастыря Мельса*, изд. III. 36.

[254] Rymer’s *Foedera*.

[255] Лоут, *Жизнь Уильяма Уайкемского*, стр. 93, со ссылкой на Regist. Эдингдон, пт. 1. фол. 49.

[256] Бентам, *История. из Эли*.

[257] Клайн.

[258] Джессопп, “Черная смерть в Восточной Англии” в *Девятнадцатом веке*, апрель 1885 г., стр. 602. Источники этих интересных подробностей не приводятся.

[259] “*Антикварные анналы Стэмфорда*” Пека, Вк. XI. стр. 47.

[260] *История. РУКОПИСЬ. Commission’s Reports*, IX. p. 127: “Hi quatuor tantum moriebantur de pestilencia.” Репортер из рукописи декана и капитула предполагает, что монастырь, возможно, был обязан своей сравнительной неприкосновенностью тому факту, что он снабжался водой по закрытым трубам с холмов на северо-востоке города.

[261] Walsingham, *Gesta Abbatum*.

[262] Найтон.

[263] *История Норфолка*, III. 94.

[264] Оуэн и Блейквей, *История Шрусбери*, I. 166: “Среднее число учреждений, получающих пособия по вакансиям в связи со смертью в архидьяконстве Салопа за десять лет до 1349 года и десять лет после, составляет полтора в год, или пятнадцать в целом; только в этом году число учреждений, освободившихся в связи со смертью, составляет двадцать девять, не считая других учреждений, причина вакансий которых не указана и, следовательно, также могла быть такой же”.

[265] Ф. Сибом, “Черная смерть и ее место в истории Англии”, *Fortnightly Review*, 1 и 15 сентября 1865 г.: “В библиотеке декана и капитула Йоркского собора хранятся объемистые рукописи, известные под названием *РУКОПИСИ Торра*., которые содержат список духовенства каждого прихода Йоркской епархии, и в которых, в гораздо большем количестве случаев, указывается не

только дата каждой вакансии, но и было ли это вызвано смерть, отставка или иное действие действующего лица”. *L. c.* стр. 150.

[266] Джессопп, “Черная смерть в Восточной Англии”, *Девятнадцатый век*, апрель 1885 г., стр. 600-602. Этот автор отмечает, что свидетельствам из списков мэнор-корта и Институтских книг духовенства “до сих пор почти не уделялось внимания, само их существование полностью игнорировалось, более того, о нем даже не подозревали”.

[267] Г. Пулетт Скроуп, член парламента, F.R.S., *Поместье и баронство Касл-Комб*. Лондон, 1852, стр. 168.

[268] Придворные списки поместья Сниттертон, Норфолк, в Британском музее. Профессор Мейтленд недавно отредактировал некоторые из самых ранних списков усадебных дворов для Общества Селдена.

[269] Г. Пулетт Скроуп, указ. соч. стр. 151-2.

[270] Ф. Сибом, *Английская деревенская община*, Лондон, 1882. Списки мэнор-корта Уинслоу, на которых мистер Сибом основывает свою работу, находятся в библиотеке Кембриджского университета.

[271] Откр. Огастес Джессопп, доктор философии “Черная смерть в Восточной Англии”, *Девятнадцатый век*, декабрь 1884г.

[272] Под заголовком “Черная смерть в Ланкашире” мистер А. Г. Литтл напечатал с замечаниями в “*Английском историческом обзоре*”, июль 1890 г., стр. 524, данные, представленные присяжным из восемнадцати человек, которым было поручено разрешить спор между архидьяконом Ричмонда и Адамом де Киркхэмом, деканом Амаундернесса, касающиеся отчета декана, как проктора архидьякона, о гонорарах, полученных за предоставление свободных средств к существованию, за утверждение завещаний и за управление имуществом по завещанию. Сообщается, что отчет декана архидьякону простирается “с праздника Рождества Пресвятой Богородицы [8 сентября] в год от Рождества Христова 1349 по одиннадцатый день января следующего года”; но это не может означать и почти наверняка не означает, что вакансии в бенефициях, завещания и административные письма или соответствующие смерти отдельных лиц приходились на период между этими датами. Архидьякон утверждает, какие гонорары получал Адам де Киркхэм, но не отчитался в них, и присяжные выясняют, что Адам действительно получал. Девять бенефиций того или иного рода упоминаются как вакантные, три из них дважды. Число умерших в нескольких приходах, как утверждает, с указанием количества завещаний и наследственного имущества, я извлек из данных и привел в таблицу следующим образом:

Приход	Мертвые мужчины и Женщины	С завещаниями (свыше 100 шилл.)	Беззавещания (свыше 100 шилл.)
Престон	3000	300	200
Киркхэм	3000	—	100
Пултон	800	—	40

Ланкастер	3000	400	80
Гарестанг	2000	400	140
Кокрам	1000	300	60
Грудинка	[неразборчиво]	70	40
Литэм	140	80	80
Сен - Мишель	80	50	40
Пултон	60	40	20

Из предполагаемых 300 человек, умерших в приходе Престон, оставив завещания, названы имена пяти супружеских пар, плата за оформление завещания составляет соответственно ½ марки, 6 шиллингов, 40 д., 4 шиллингов и 40 д. Вся претензия архидьякона на 300 долларов составила 20 марок, которые присяжные снизили до 10 фунтов. Из предполагаемых 200 завещателей в том же приходе названы две супружеские пары, одна женщина и “Джакке о'хил”. В приходе Гарстанг названы душеприказчики 6 умерших, чьи гонорары за оформление завещания в общей сложности составили 16 шиллингов 10 д., общая сумма иска архидьякона за 400 умерших, оставивших завещания, составила 10 фунтов стерлингов, а награда жюри - 40 шиллингов. В приходе Киркхэм по иску в размере 20 марок о неучтенных сборах за оформление завещания “присяжные говорят, что он получил 4 фунта стерлингов”; по иску в размере 10 фунтов стерлингов об увольнении присяжные говорят, что 20 шиллингов. Говорят, что в этом приходе умерло 3000 человек, количество завещаний не указано. Цифры, очевидно, были введены с целью судебной экспертизы и, конечно, даже приблизительно не соответствуют фактической смертности, или фактическому количеству подтвержденных завещаний, или выданных административных писем. Общая сумма наград жюри составила 48,10 фунтов стерлингов. Смотрите также *англ. История. Ревью*, январь 1891г.

[273] Торольд Роджерс, *История сельского хозяйства и цен*, I. 296-7.

[274] Cussan's *Хартфордшир*, том I. Сотня Одси, стр. 37.

[275] *Сб. откр.* 16 января 1886 г., стр. 82.

[276] Джессопп, *l. c.* апрель 1885 г., стр. 611-12.

[277] Приорат Крайст-Черч, Кентербери, потерял следующее поголовье скота во время забоя скота в 1349 году: быков - 757, коров и телят - 511, овец - 4585. (*История. РУКОПИСЬ. Комиссия*, V. 444.)

[278] Автор *Панегирика*, который написал не позднее 1367 года и для своего времени является таким авторитетом, как Найтон, называет следующие цены: пшеница - 12 пенсов за четверть, ячмень - 9 пенсов, бобы - 8 пенсов; хорошая лошадь - 16 шиллингов (раньше стоила 40 шиллингов), крупный бык - 40 пенсов, хорошая корова - 2 шиллинга или 18 пенсов. Of the scarcity of servants he says: “Pro quorum defectu mulieres et parvuli invise missi sunt ad carucas et ad plaustra fuganda.”

[279] “Английское поместье”; две статьи в *Saturday Review*, 9 и 16 января 1886 г., стр. 82 [профессора сэра Фредерика Поллока], источники информации пока неопубликованы. Он говорит: “Перспектива улучшения условий привела к появлению новых арендаторов”.

[280] Стаббс, *Конституционная история Англии*, 1875, II. 434. Хенигер, рассматривая немецкие свидетельства Черной смерти, приходит к выводу, что большая смертность почти не имела значения для политического хода дел; что большая гибель людей была неспособна остановить возрождение торговли и промышленности, которое уже началось, или затормозить великолепное развитие немецких вольных городов; что низкое состояние нравов относилось к тому периоду и после эпидемии было не хуже, чем до; что не было дано никакого нового импульса или выдвинуто новой точки зрения, за исключением, возможно, идеи санитарного регулирования; и что нехватка рабочей силы была просто инцидентом, которым можно было воспользоваться в борьбе против существующего порядка, который уже существовал. (*Der schwarze Tod in Deutschland*. Берлин, 1882, стр. 133.)

[281] Richter, *Geschichte der Medicin in Russland*, I. 215.

[282] *Histoire des Huns*, V. 223-4.

[283] *Ib.* стр. 226, примечание.

[284] *Der schwarze Tod im vierzehnten Jahrhundert*, Berlin, 1832. Английский. Перевод. Бабингтона, Лондон, 1833. В этой хорошо известной работе представлены наиболее живописные аспекты Черной смерти в разных странах, без какой-либо детализации. Англии отведено большое место в книге, но автор не продвинулся в своих сведениях дальше главы о черной смерти в “Жизни Эдуарда III” Барнса.

[285] Printed in Häser’s *Archiv für die gesammte Medicin*, 1842, II. pp. 26-59; and reprinted in his *Geschichte der Med. u. epid. Krankheiten*, III. 157, 3d ed., Jena, 1882.

[286] *Geschichte der Medicin*, Bd. III. “Epidemische Krankheiten.” Йена, 1882, с. 139. Он подчеркивает важность этой фразы рассказом о местных эпидемиях недавнего времени в Гуджерате и Кумаоне.

[287] Его эссе является одной из рукописей Escorial и было напечатано с переводом на немецкий М. Х. Мюллером в *Sitzungsberichte der Münchener Akad. der Wissensch.* 1863.

[288] *Путешествия Ибн Батуты* в 4 т., для Азиатского общества, Париж, 1853, I. 227-9 и IV. 309.

[289] Смотрите “Катаю и путь туда” сэра Генри Юла (2 тома. Общество Хаклюйт) и его издание *Книги Марко Поло*, в котором содержатся многочисленные сведения о сухопутной торговле с Китаем по северным параллелям в 14 веке.

[290] Этапы, расстояния, расходы и т. Д. От Таны до Пекина приведены в “Справочнике по торговле” Пеголотти (написан около 1340 г.), в “*Китае и пути туда*” Юла, том II.

[291] К. А. Гордон, доктор медицины в *отчетах мед. офицеров Императорской морской таможни Китая*, Лондон, 1884.

[292] Gaubil, *Histoire de Gentchiscan*, Paris, 1739.

- [293] *Голод в Китае*, Лондон, 1878 г. — перевод китайского призыва к благотворительности с иллюстрациями.
- [294] Парламентские документы, 1878, Китай, № 4.
- [295] В *Китае Йоля и пути туда* (Общество Хаклюит), I. 156.
- [296] Etienne Pariset, *Causes de la Peste*. Париж, 1837 год.
- [297] Volney, *Voyages en Syrie et en Egypte*. Париж, 1792 год.
- [298] Корнелиус де По, *Философские размышления о египтянах и китайцах*, англ. Пер. Л. 1795, 2 тома.
- [299] Примечательно, что Геродот представляет вопрос об избавлении от мертвых как поднятый египтянами: они решили в пользу бальзамирования и погребения в камне, а не кремации или погребения, причем предпочтение отдавалось тому, что в одном случае огонь был “диким зверем”, в то время как в другом случае пожирающим зверем был червь. Б.К. III. § 16.
- [300] Достаточно любопытно, что именно среди христиан Египта споры о *развращенных и неподкупных* бушевали с наибольшей яростью. Увидеть Гиббона.
- [301] Clot Bey, *Peste en Egypte*. Париж, 1840 год.
- [302] Benoit de Maillet, *Description de l’Egypte*. Париж, 1735, стр. 281. См. также Уилкинсон, *Древние египтяне*, III. 456, 465.
- [303] Юстус Дулиттл, *Общественная жизнь китайцев*, 2 тома. Нью-Йорк, 1867, I. 33, 198, 213.
- [304] Т. Т. Купер, *Путешествия пионера торговли*, Лондон, 1871, стр. 23, 33.
- [305] Вот одно из замечаний в “Трактате о чуме” доктора Гилберта Скена, Эдинбург, 1568 г. (переиздано в “Баннатайн Клаб”, 1840): — Среди причин: “действительно, кариес необратим, особенно для человечества, поскольку сходство природы столь же важно для человека, как звери brutalл наиболее заразен и чумной для таир авин кинд”, стр. 6.
- [306] A. von Kremer, “Ueber die grossen Seuchen des Orients nach arabischen Quellen.” *Sitzungsber. der Wien. Akad.*, Philos.-история. Класс, Bd. 96 (1880), стр. 69.
- [307] Ч. М. Даути, *Путешествия по пустыне Аравии*, 2 тома. Кембридж, 1888.
- [308] Сообщено герру фон Кремеру (л. к.) Нури Эфенди, который посетил Ассирию и написал отчет, сохранившийся в рукописи в архивах Константинополя.
- [309] “Отчет о Махамурри в Кумаоне и Гарвале в 1851-52 гг.” Ф. Пирсона и Мукерджи. Агра, 1852 (Выдержки из *Ind. Annals of medicine*. Sc., I. 358). Также выдержки (*ib.*) из отчета Ренни за 1851 год.
- [310] Планк, *Девятый отчет санитарного комиссара, N. W. Prov.* Аллахабад, 1877, стр. 40-95. (Выдержки, стр. 39, из документов, касающихся чумы, *Parl. Documents*, 1879 г.)

- [311] Бабер, в *Парламентских документах*, 1878, “Китай”. № 6. Роше (провинция Кунтай-де-Юньнань) цитируется без ссылки в мед. *Отчеты Китайской императорской морской таможни*, № 15, 1878, Шанхай, стр. 25.
- [312] Дж. Х. Лоури, мед. представитель. *Китайский Мар. Таможня*, № 24, 1882, стр. 27.
- [313] Д. Дж. Макгоуэн, *Ib.* 1882. Отправляйся в Вэньчоу.
- [314] Томас Уайт, “Отчет о болезни, которая преобладала в Каттиваре и др. в 1819-20 гг.”. Пер. с англ. *Phys. Soc. Бомбей*, I. 155. Бомбей, 1838.
- [315] Я сократил свидетельства из Гуджерата; их можно найти в широком доступе у следующих авторов: Гилдер, *Bombay Med. Пер.* I. 193; Макадам, *ib.* 183; Ф. Форбс, *ib.* II. | I, и Диссертация о чуме, Изд. 1840; Глен, *Кварт. Журнал. Cal. Med. Soc.* I. 433; Ранкен, *Отчет о палийской чуме*, Калькутта, 1838; и Уайт, как указано выше.
- [316] L. Arnaud, *Peste de Benghazi*, Constantinople, 1875; *Essai sur la Peste*, Paris, 1888; *Une Mission pour la Peste*, Paris, 1888.
- [317] Т. Фаркуар, доктор медицины, “Сыпной тиф в Эусофзае”, *инд. Анналы медицины. Sc.* II. 504; Р. Лайелл, доктор медицинских наук, “Лихорадка долины Юсуфзай”, *Ib.* II. стр. 16.
- [318] Главный хирург Дж. Мюррей, доктор медицины, Эпидемиологического общества, 11 мая 1878г. *Мед. "Таймс энд Газ"*. I. 1878, стр. 597.
- [319] Алекс. Rittmann, *Chronik der Pest*. Brünn, 1879.
- [320] Томас Лодж, *Трактат о чуме*, Лондон, 1603 г., глава. III. Сkene в своем эдинбургском эссе о чуме в 1568 году приводит в качестве признака надвигающейся чумы кротов и “змей”, покидающих свои норы: “Как когда плесневая змея покидает землю, так и моль становится источником пара в кишечнике самина”. Он добавляет то, что еще больше согласуется с современным опытом в Юньнани: “Если домашние птицы становятся чумными, это признак наиболее опасного вредителя, за которым следует следить”. (Изд-во Bannatyne Club, стр. 9).
- [321] Автор статьи “Чума” в *Dict. Энцykl. Доктор медицинских наук*, доктор Маэ, в целом склоняется к мнению, что чумной яд каким-то образом связан с продуктами жизнедеятельности трупов: “Среди обвинений общественности есть и те, кто спокойно отдыхает в объективном плюс позитивном проявлении”, а именно. the “miasme des cadavres.”
- [322] *Письмасэра Тоби Мэтьюза*. Lond. 1660, стр. 110.
- [323] *Epist. de rebus familiar.* Глава viii. epist. 7. Цитирование этих современных иллюстраций Черной смерти было начато в прошлом веке Шпренгелем (*Beiträge* др., стр. 37).
- [324] *Foedera*, III. 184; он был продлен 30 июня еще на год.
- [325] Эйвсбери.
- [326] *Foedera*, III. 192.
- [327] *Ib.* 193.

[328] *Ib.* 200, 201.

[329] "Хроники Осни" Бейкера. Эйвсбери.

[330] *Foedera*, III. 221.

[331] Эйвсбери, Роллс-ройс, изд. 425.

[332] Бломфилд (*Хист. из Норфолка*, III.) говорится, что распоряжение Норвичу в 1355 году предписывало отправить 120 латников в Портсмут к воскресенью в середине Великого поста.

[333] Эйвсбери, стр. 427-8.

[334] *Ib.* стр. 425.

[335] *Ib.* стр. 461.

[336] Эйвсбери, стр. 431.

[337] Торольд Роджерс, *историк. из Agric. и цены*, I. 367, "согласно отчету, цитируемому Мисселденом в его *Круге общения*". В мешке с шерстью было 52 зубчика по 7 фунтов. каждый, или 364 фунта. Из закона 5 Ric. II. явствует, что 240 валков шерсти были эквивалентны по пошлине одному мешку шерсти. В таблицах Роджерса валяная шерсть обычно оценивается примерно в 1½ фунта. шерсти, что в то же время составляло примерно среднюю стрижку овцы. Нынешняя средняя обойма была бы как минимум в четыре раза больше. Тюк шерсти в колониальном стиле имеет тот же вес, что и средневековый мешок, но составляет от 40 до 60 рун вместо примерно 240. По наименьшей из приведенных в тексте оценок, за год была бы экспортирована шерсть 7 680 000 овец. По оценкам Эйвсбери, ежегодный экспорт в зарубежные страны поголовья составляет около 24 000 000 овец. Средняя цена мешка шерсти непосредственно перед Черной смертью составляла около 4 фунтов стерлингов в деньгах того времени; период, непосредственно последовавший за чумой, был периодом низких цен; но с 1364 по 1380 год цена была неизменно высокой.

[338] *Foedera*, III. 186.

[339] *Ib.* III. 191.

[340] Джессопп (*l. c.*), давая общую ссылку на *Федерацию* и, вероятно, имея в виду письмо с Сэндвичем, говорит, что была "безумная, беспричинная, бессмысленная паника среди зажиточных классов - торговцев и богатых людей, *буржуазии* городов" и "паническое бегство" (предположительно в зарубежные части). Но к 1 декабря 1349 года всеобщая смертность прекратилась; и массовый исход, какие бы мотивы у него ни были, почти наверняка был преднамеренным.

[341] *Foedera*, III. 198.

[342] Последний пункт постановления подразумевает, что не только рабочие, но и работодатели рабочей силы пользовались естественным преимуществом сложившейся ситуации. По-видимому, есть некоторые особые свидетельства этого для Бристоля (преподобный У. Хант, *Бристоль*, стр. 77): число мастеров различных ремесел настолько сократилось, что оставшиеся в живых могли брать с них столько, сколько им заблагорассудится. Таким образом, попытка

принудить рабочих и квалифицированную прислугу была односторонней; хотя на практике это касалось в основном сельскохозяйственного труда, где односторонность отсутствовала.

[343] *Foedera*, III. 210.

[344] *Гниль. Parl.* II. 225.

[345] Это был первый парламентский статут о рабочих (25 Изд. III. глава 2). Королевский указ от 18 июня 1350 года (переиздан для Саффолка и Линдси 18 ноября) обычно считается первым Статутом о рабочих и неизменно относится к 23-му году правления Эдуарда III, будучи внесенным таким образом в *Статуты Королевства*. Однако из текста постановления в *Федерации* ясно, что оно относится к 24-му году правления Эдуарда III, а его точная дата - 18 июня 1350 года. Лонгман в своей *Истории жизни и времен Эдуарда III*. в одном месте (I. 309) правильно утверждает, что указ от 18 июня 1350 года был “первым шагом”, но уже на следующей странице, после заявления о том, что указ не удался, он продолжает в соответствии с обычной хронологией 23 Изд. III. и 25 Изд. III., чтобы сказать, что “следовательно, два года спустя” закон от 25 Изд. III. был принят парламентом. Интервал составлял всего около восьми месяцев.

[346] *Гниль. Parl.* II. 234.

[347] Найтон в *"Декабрьских скрипториях" Твисдена*, I. с.

[348] Сибом, *Английская деревенская община*. Глава I.

[349] Статут о рабочих был повторно введен в действие с повышенной строгостью шесть лет спустя (31 Изд. III.), и снова в 1360 и 1368 годах. Все трудовые законы были утверждены на 12-м году правления Ричарда II (глава 34). Законодательные попытки того же рода продолжали предприниматься вплоть до 5-го правления Елизаветы (1562-153 гг.), с особым упором на крепких нищих. См. Подробные выдержки из Статутов в *"Истории английского законодательства о бедных" сэра Джорджа Николлса*, том I., 1854. “Закон о регулировании работы портных-подмастерьев” был принят в 7 Гео. I (глава 13).

[350] “Нет никаких следов деревенской жизни, описанной в Гланвилле и Брэконе, среди арендаторов поместья 500-летней давности. Все обычные услуги заменялись денежной выплатой; все арендаторы-вилланы были уверены во владении своими землями; и единственное различие между socage и villaine occupation заключалось в освобождении первых от определенных унижительных инцидентов, которые затрагивали последние”. Торольд Роджерс, “Последствия черной смерти и т. Д.”. *Форт. Rev.* III. (1865) стр. 196.

[351] Сибом, *Английская деревенская община*. Лондон. 1882. Глава I.

[352] Сибом, стр. 31. Подобные попытки землевладельцев вернуться к личной службе у своих арендаторов-вилланов, по-видимому, стали более систематическими в следующем поколении и стали причиной крестьянского восстания в 1381 году. См. В. Оценковский, *Английский журнал wirtschaftliche Entwicklung*, Йена, 1879, подтверждающий мнение Торольда Роджерса.

[353] Смит, *Жизнь Беркли*, стр. 128: “в 24 Эдуарда III”. (Цитируется Дентоном, *Англия 15 века*.)

[354] Морант, *История. из Эссекса*.

[355] Нибур, *Лекции по древней истории*. Английский. перевод. Лондон, 1852, II., стр. 53.

[356] *Eulogium Historiarum*. Роллс-ройс ред. III. 230.

[357] *Loci e Libro Veritatum*, ed. Роджерс. Оксон. 1880, стр. 202; и, из рукописи Гаскойна, в Энтони Вуд, *История. и антиквариат*. Унив. Оксфорд, Изд. Гатч, I. 451: “Что я далее замечу, так это то, что до того, как это началось, среди людей было мало жалоб и просьб; также как и мало легистов в Англии и очень мало в Оксфорде”.

[358] *Поместье и баронство Касл-Комб*, около 1361 года.

[359] Оуэн и Блейквей, указ. соч. I. 165.

[360] *История Ричмонда* Кларксона. Ричмонд, 1821 (источник не указан).

[361] Градина, *История Боттишема и приората Англси*. Camb. 1873. (Сделка. Camb. Antiq. Серия Soc. 8vo, том XIV.)

[362] Цитируется Джессопом, l. с.

[363] См. стр. 141.

[364] Клаттербак, *История Хартфордшира*.

[365] Сибом, “Поместье Уинслоу”, указ. соч., стр. 34.

[366] Торольд Роджерс, *Форм. Rev.* III. (1865), стр. 196. В своей *Истории сельского хозяйства и цен*, IV, тот же образованный и проникательный исследователь английских событий таким образом резюмирует аграрные последствия Черной смерти: “Косвенные последствия этого великого события были еще более замечательными. Крупный землевладелец перестает заниматься сельским хозяйством на свой собственный капитал, и арендная плата фермеров в фиксированном и почти неизменном размере заменяется обработкой земли лордом с помощью судебных приставов. В течение различных периодов времени предпринимались попытки сохранить старую систему, особенно корпорациями. Вполне возможно, что система аренды скота и земли, которая стала очень распространенной после начала изменений, возможно, была предложена в надежде на то, что старое положение вещей может быть восстановлено.... В конце концов все крупные землевладельцы смирились с неизбежными изменениями и сдали свои земли в краткосрочную аренду, как правило, по низкой и почти фиксированной арендной плате, фермерам-капиталистам”.

[367] Торольд Роджерс, указ. соч., I. 376.

[368] Гниль. *Parl.*, II. 260. а.

[369] Сибом, л. с. *Форм. Rev.*, II. (1865), стр. 157.

[370] Бломфилд, III. *sub anno*.

[371] Бломфилд, III. *sub anno*.

[372] “*Britannia*. Изд. Гофа. II. 9.

[373] *История. РУКОПИСЬ. Комиссия*, VI. 299. Реестр монастыря Эли в рукописи лорда Леконфилда.

[374] Сибом, “Черная смерть и ее место в английской истории”. *Форт. Откр.* II. (1865), стр. 278.

[375] Эти и другие законы о труде собраны в *Истории английского законодательства о бедных*, сэра Джорджа Николлса, 2 тома. Лондон, 1854, I. 37-77.

[376] Г. Пулетт Скроуп, указ. соч.

[377] С 1416 по 1424 год три разных человека были оштрафованы судом поместья за содержание в своих домах общего борделя. Пресечение продажи масла, сыра и яиц по дороге на рынок рассматривалось судом в 1418 году.

[378] В суде поместья в 1417 году Томас Селвин, мясник, был признан виновным в том, что выбрасывал субпродукты и другие оскорбительные предметы на общую улицу и устраивал там свою навозную кучу во вред обществу; также упомянутый Томас Селвин “tarde et de novo erexit unam latrinam foetidam in shope sua ad commune nocumentum”. Ideo ipse in misericordia.” Следующее упоминание о неприятностях, насколько можно судить по выдержкам, относится к 1590 году — различные правонарушения на улице и церковном дворе, а также перчаточник, стирающий свои шкуры в ручье или иным образом загрязняющий воду, текущую возле его дома.

[379] Цитируется в книге Оуэна и Блейквея “ *История Шрусберги* ”, II. 524: “per advenas qui in dicta villa post ultimam pestilenciam de novo sunt habitati ... at regimen dictae ville ad se attrahere ... machinantes.” Под “ultima pestilencia” вряд ли можно было подразумевать pestis secunda 1361 года, года выдачи патента, как предполагают ученые антиквары.

[380] *Ротул. Parl.* IV. 60. 7. Петиция Честертона, недалеко от Кембриджа: “А также они обнаружили, что в том же поместье Честертон было полностью опустошено Жилье, то есть Холлы и Палаты, а также другие административные здания, которые были необходимы в том же поместье, и в нем не осталось ни одного стоящего дома, кроме разве что Шепкоута, или Берна, или Свинсти, и нескольких домов рядом с путе в бестесе”.

[381] “После прекращения Черной чумы повсюду была замечена большая плодовитость женщин — грандиозное явление, которое, начиная с его возникновения после каждого разрушительного мора, убедительно доказывает, если это вообще возможно, преобладание высшей силы в направлении общей органической жизни. Браки почти без исключения были плодовитыми” и т.д.

[382] *Eulogium Historiarum*, III. 213.

[383] *Фасцикули Зизан*. Серия “Рулоны”, № 5, изд. Shirley, p. 263: “Dimitto alias rationes palpabiles: quod exhinc regnum nostrum sensibilter depauperetur pecunia; quod, praetextu subtractionis hujus thesauri, qui expenderetur in Anglia, decrescit populus;” etc.

[384] *Политические песни и стихи*, Изд. II.-Ric. II. Серия Rolls, № 14, изд. Т. Райт, I. 2. 53.

[385] Единственная монография, которую я знаю, - это "*Вредитель в Штайермарке*" Пейнлиха, 2 Bde. Грац, 1877-78. С 1349 по 1716 год семьдесят лет отмечены в анналах Штирии как годы чумы. Корради описывает годы чумы в Италии в своих *Анналах*.

[386] Ги де Шолиак из Авиньона, в Häser, III. 176. Другие иностранные ссылки в той же работе.

[387] *Политические песни и стихи. Изд. II.-Ric. II.* Серия Rolls, № 14, под ред. Т. Райта, I. 173, 190 и др.

[388] Там же. I. 229, из рукописи, хранящейся в библиотеке Кембриджского университета.

[389] Орфография была модернизирована, несколько старых слов изменены, а деление на стихи опущено.

[390] *Английская хроника*, написанная монахом из Сент-Олбанса. Изд. в роллах.

[391] Харлейская рукопись № 1568, "Хроника Англии до 1419 года нашей эры". (Напечатано с дополнениями в издательстве "Сент-Олбанс пресс" около 1484 года.)

[392] Скит, чье большое издание "Видения Пирса Пахаря" было выпущено Обществом раннего английского текста, считает, что ироническая ссылка (Passus XIII. 248) на то, что папа посылает мазь от чумы, особенно применима к "Четвертой чуме" 1375 и 1376 годов, которая была *pestis tertia* в некоторых хрониках.

[393] Флюс и лихорадка от голода упоминаются только в стихотворениях Джона Бридлингтонского, которые охватывают период от Черной смерти до правления Ричарда II.

[394] Эджертон МИСС № 2572, Слоун МИСС 443 ("xiv век"), а также несколько копий 15 века.

[395] Лэнсдаун, МИСС 285, фол. 220.

[396] Мистер Уорнер отождествляет его с человеком, который изобрел "сэра Джона Мандевилля" и "путешествия сэра Джона". Смотрите статью в *Quarterly Review*, апрель 1891 г.

[397] Слоун МИСС (Британский музей) № 2276, фол. 191-199.

[398] 'Проходящий год является необходимым и приличествующим случаю Чумы'. Британский музей, корпус 31, стр. 13, 4то, двенадцать листов. Рукопись начинается следующим образом: "Здесь начинается совершенно необходимая и приличествующая случаю встреча".

[399] Дибдин (*Антик. Typogr.* II. 19) назначает печать Махлинии и воспроизводит страницу в качестве образца его обычного шрифта. Блисс (*Reliquiae Hearnianae*, II. 117) говорит, что этот образец страницы не соответствует экземпляру из Британского музея. Он добавляет, что в библиотеке Колледжа Святого Петра в Кембридже есть фрагмент печатной книги, "вставленный в деревянные переплеты издания (1499 г.) *Проповедей учеников*".

[400] В самых ранних печатных латинских текстах этого произведения (антверпен, 1485? Лейпциг, 1495? и переведен стихами в Альбертусе Магнусе, 'De Virtute Herbarum', 1500?) его зовут Камитус, епископ Арусии, города в Датском королевстве. В копии английской версии в Британском музее кто-то назвал его Рамициусом, написав на листе: "Ramicius Episcopus Arusiensis civitatis Daciae Regimen contra pestem" с датой 1698. Название Камитуса, на первый взгляд кажущееся невероятным, было изменено в каталоге библиотеки Британского музея на

Канутус. Но среди епископов Орхуса не было ни Канута, ни Камитуса, ни Рамиция. Два епископа, которые, по-видимому, подходят больше всего, - это Олаус, или Олаф, который был епископом с 1371 по 1388 год, и Ульрик, или Удальрикус, или Олрик Стика, который унаследовал престол в 1425 году и занимал его до 1449 года. Достаточно любопытно, что последний, когда он отправился в Рим в 1425 году, чтобы представлять Эрика, короля Померании в тяжбе с герцогами Шлезвигскими, фигурирует во всех записях о тяжбе как “Олаус, епископ Аросиенский”, хотя Олаус, епископ Арусии, принадлежал к предыдущему поколению. Это, конечно, всего лишь предположение; но я склонен думать, что автором эссе о чуме был либо епископ Олаус 1371-1388 годов, либо епископ Удальрикус 1425-1449 годов, человек с характером и способностями, также известный под именем Олаус; и что в любом случае рукописная версия эссе на английском языке, скорее всего, относится к началу пятнадцатого века, чем к четырнадцатому. Приведенные выше факты собраны из различных частей *сценария Лангбека. Рер. Дан.*: “Серия Episcoporum Arhusiorum” находится в т. VII. стр. 212. Там ничего не говорится о том, что какой-либо епископ Орхусский написал книгу или был врачом в Монпелье.

[401] Эти слова (“впечатления”) сокращены в печатной книге точно так же, как и в рукописи. Я по большей части модернизировал орфографию.

[402] “Когда человек почувствует, что заражен, как только он сможет, пусть ему дадут много крови, пока он не упадет в обморок; затем остановите вену. Небольшое кровопускание движет или размешивает яд.... Пустите ему кровь на ту сторону тела, где появляется опухоль. Поэтому, если под правой рукой появится припухлость, пустите кровь в середину той же руки, в вену, называемую *медиана*. Если она появится под левой рукой, пустите ему кровь в середину той же самой вены или в печеночную вену, которая находится около мизинца. И если речь идет о доле, пусть он прольет кровь из-под пятки с той же стороны. Если опухоль находится на шее, пустите ему кровь в вену, называемую *головной*, около большого пальца руки с той же стороны; или в вену, называемую *средней*, той же руки, или в руку с той же стороны, около мизинца. И, более того, если опухоль появляется около уха, пустите ему кровь в вену, называемую *головной*, с той же стороны, или в вену, которая находится между длинным и большим пальцами, чтобы много ядовитых веществ не попало в мозг.” Если опухоль в плечах, пускайте кровь из *средней*, если на спине - из *большой ножки* так далее.

[403] Уолсингем, *История. Англ.* I. 309. Адам Муримутский, *англ. История. Соц.*

[404] Описание стратфордских хлебных тележек приведено в “Обзоре Лондона” Стоу (“Район Лайм-стрит”). Во время голода 1512 и 1527 годов они были осаждены по дороге голодными горожанами, и их приходилось охранять. Та же фраза о том, что хлеб “гесен”, или дефицитный, встречается в письме Томаса Броука Кромвелю, государственному секретарю, от 4 сентября 1535 года: “никогда не видел, чтобы в Лондоне в это время года так гесен был хороший хлеб; он такой затхлый и из такой злаковой пшеницы, что скорее ядовит, чем питателен; то, что продавалось за полпенни, когда вы были здесь, теперь стоит пенни”. (*Кал. Государственные документы*, Генрих VIII. том. IX. § 274.)

[405] Торольд Роджерс. *Краткая английская хроника*, Camden Soc. 1880: “45 Эдуард III. Этого йере звали грете дере йере, и тот же самый йере был четвертью знати уайта в iiiii”.

[406] Уилкинс, *Concilia*, III. 74: “De orando pro cessatione pestilentiae”, датировано Слиндоном, 10 кал. Август XVIII века н. э.

[407] Шарп, *Калифорния. о завещаниях*, том II.

[408] Оттерборн (изд. Хирн, стр. 133) говорит, что *чумная терция* произошла в 1368 году и продолжалась два года. Николя (*Хронол. of History*, стр. 389) приводится из рукописи Лансдауна (№ 863, стр. 107) времен Карла I. Продолжительность *терции чумы* со 2 июля по 29 сентября 1369 г., которая, вероятно, должна гласить “2 июля 1368-29 сентября 1369 г.”.

[409] *Мемориалы Лондона* и т.д. из отчетов Совета. Под редакцией Х. Т. Райли. Lond. 1867, стр. 339 и 356.

[410] Уолсингем, *История. Англ. I.* 319; Адам из Муримута.

[411] Летописцы не пришли к единому мнению относительно хронологии различных эпидемий 14 века, начиная с первой (Черная смерть) и заканчивая пятой. Некоторые из перечислений явно ошибочны. Так, в *краткой английской хронике* из Ламбетской рукописи (изд. Гайрднер для Камденского общества, 1880), чуму 1361 года ошибочно называют “тредской язвой”, в то время как четвертая дата отнесена к 1369 году, а пятая - к 1377 году (для 1375 года). Оттерборн относит *кварту* к 1374 году (вместо 1375), а *квинту* (как и другие) к 1391 году; но в “*Жизни Ричарда II*” монаха из Ившема мор 1382 года более правильно считать пятым после Черной смерти.

[412] Уолсингем, *История. Англ. I.* 409. *Chronicon Angliae*, p. 239.

[413] *Гниль. Парл. IV.* 806.

[414] *Там же. III.* стр. 139 а, 147 а.

[415] “История Норфолка” *Бломфилда*, III. стр. 111.

[416] Продолжатель Хигдена, IX. 14.

[417] *Политические песни и стихи. Серия “Роллс”, № 14, I.* стр. 252:—

“Восстание общин в лонде,
мор и землетрясение в орте -
Те три вещи, которые я понимаю”.

[418] Уолсингем, *История. Англ. II.* 109.

[419] Продолжатель Хигдена, IX. 21, 27.

[420] *Eulogium Historiarum*, III. 369. Оттерборн, изд. Хирн: “От рождества святого Иоанна Крестителя до праздника святого Луки”, 1391.

[421] Продолжатель Хигдена, IX. 216.

[422] *Там же.* 237.

[423] Уолсингем, *История. Англ. II.* 186.

[424] “История Норфолка” *Бломфилда*, III. 113: “1390 год. В Норфолке и во многих других графствах Англии резко возросла смертность, и это, казалось, мало чем отличалось от сезона

великого мора: он был вызван большой нехваткой продовольствия, что вынудило многих людей есть нездоровую пищу и таким образом навлекло на них чуму. Этот дефицит начался под серпом и продолжался до следующего урожая [1391 г.], но был вызван не столько нехваткой зерна, сколько денег для его покупки, вызванной законом, принятым в отношении шерсти, по которому шерсть стала собачьей дешевкой; ибо косточка отборной шерсти лучшего сорта продавалась за 3 шиллинга, а некоторые - за 22 пенса или 2 шиллинга, так что в те времена шерстяное производство было большой поддержкой нации”. По словам Торольда Роджерса, такие высокие цены на шерсть наблюдались с 1364 по 1380 год.

[425] Уолсингем, II. 203. Продолжатель Хигдена (IX. 259) говорит о 12 000. Эти оценки, конечно, являются простыми предположениями и крайним преувеличением. Все население Йорка составляло бы менее 15 000 человек.

[426] Хигден, *там же*.

[427] Уолсингем, II. 213; Сент-Олбанские анналы Рика. II. и Курицы. IV.

[428] Уолсингем, II. 276. Хроника Уильяма Грегори (Общество Кэмдена, изд. Gairdner) вступает в 1407 год, в сильный мороз, на двадцать пять недель. Было бы по-настоящему научным интересом точно знать хронологию, последовала ли чума за долгой холодной засухой или предшествовала ей; но год чумы является спорным, если обращать внимание на дату 1406 года, указанную более поздними составителями.

[429] Уолсингем, II. 297. Оттерборн под 1411 годом сообщает о чуме в Гаскони.

[430] Анналы Бермондси, в *Монастырских анналах*. Рулоны изд. III. 485.

[431] *Rot. Parl.* IV. 143 а. Вероятно, под 1420 годом следует отнести “великую чуму” в Ньюкасле, столь подробно описанную в *Истории* Брэнда под 1410 годом.

[432] *Там же*. 148 б.

[433] *История. Коллекция гражданина Лондона, 15 век*. Камден, Соч. изд. Гэрднера, 1876:

“С каждым днем они умирают все быстрее,
Чем мужчины, видевшие их в прошлом”.

[434] *История сельского хозяйства и цен в Англии*, IV. 105.

[435] Хроника Кройланда, в книге Гейла, I. 518; Роджерс, IV. 233.

[436] Дентон. Лондон, 1886, стр. 92.

[437] Маккей, *Английская беднота*. Лондон, 1890, стр. 40.

[438] У. Каннингем, *Рост английской промышленности и торговли*. 2-е изд. Camb. 1890, стр. 105. Он воспроизводит утверждение Дентона о том, что “в городах был хронический брюшной тиф”. Дентон утверждает, что нашел это в Хекере, который определенно ничего не знал об английских городах 15 века и, в целом, скорее занимателен как философ, чем заслуживает доверия с точки зрения эрудиции.

[439] В 1741 году, во время эпидемии лихорадки по всей Англии, мы слышим о хлебе, приготовленном из конских бобов, гороха и грубого некачественного ячменя, как о главной пище бедняков. (*Джентльмен. Журнал*. письма от 27 ноября 1741 г. и 11 января 1742 г.). Торольд Роджерс (*агроном. и цены*, в. Предисловие) считает, что основной продукт питания английского рабочего, пшеничный хлеб, впервые был заменен, особенно на Севере, на ржаной, ячменный и овсяный хлеб, в 17 веке во время гражданских войн.

[440] *Письма Пастона*. Изд. Гэрднер, 1872, II. 254: Джон Ваймондхэм из Феллбригга Джону Пастону, 10 ноября. “И поскольку в Астелее умер ребенок, и еще один, похожий на мертвеца, в том же месте, в то время, когда я выезжал за своими скромными средствами к существованию, мы с миледи оба сжалились над моей госпожой, вашей женой, увидев, что она пребывает там, и пожелали, чтобы она пришла в мой бедный дом до тех пор, пока у вас не появятся другие возможности”.

[441] *История. Рукопись. Комиссия*, IX. 127 б.

[442] *Календарь государственных документов*. Венецианский, том I. § 236.

[443] *Протоколы и постановления Тайного совета*. Изд. Николас, III. стр. xlv.

[444] *Гниль. Парл.* IV. 420 г. до н. э.

[445] *Хроники Арнольда*, стр. xxxii.

[446] *Текст и Распоряжение. Тайный совет*, IV. стр. lxxx. Сэр Харрис Николас в этой связи замечает, что Фабиан и все другие хронисты (он упустил из виду Арнольда) опускают упоминание о море, в то время как они упоминают гораздо менее важные вещи; но вряд ли его вывод о том, что эпидемии были настолько обычным явлением, что их не зафиксировали. Низкий уровень чумы не был бы замечен, но большая эпидемия наверняка была бы.

[447] Йоханнес Амундешам (из Сент-Олбанса), *Анналы*. Изд. II. 127.

[448] *Гниль. Часть V*. 31 б.

[449] Это единственная чума в первой половине пятнадцатого века, о которой упоминает Энтони Вуд; но он говорит, что под 1500 годом “не менее тридцати вредителей, как больших, так и малых, произошло в этом последнем столетии”, то есть в Оксфордском университете. Я расскажу об их общем воздействии в другой главе.

[450] *Письма Пастона*. Изд. Гэрднер, 1872, I. 302-3.

[451] *Три хроники пятнадцатого века*. Ред. Гайрднер, для Камденского общества, 1880, из Ламбетской рукописи, стр. 163.

[452] Сэр Дж. Пастон Джону Пастону, 30 апреля 1465 г. В другом письме от 18 августа говорится: “Ибо чума в Норвиче настолько свирепствует, что они больше не осмеливаются там оставаться, так что да поможет Бог!” (*Письма Пастона*, изд. Гайрднер, II. 226), который, вероятно, также относится к 1465 году. Бломфилд об этом не упоминает.

[453] *Хроника Кройланда*, в Гейле, I. 541.

- [454] Сообщено мне преподобным У. Хантом из нового тома Камденского общества под редакцией А. Ф. Лича, *Посещения и мемориалы Саутвеллского собора*, стр. 11.
- [455] Тикелл, *История Кингстон-апон-Халла*, 1798.
- [456] *Хроника Уоркворта*. Камденское общество, стр. 23 (под 13 годом, изд. IV.).
- [457] *Хроника Грейфрайарз*. Общество Кэмдена, № 53, 1852, стр. 22.
- [458] "Хроника Англии" Роберта Фабиана (издания 1516 и 1533 годов, а также Эллиса, 1808), *sub anno*.
- [459] *Хроника Графтона*, стр. 742.
- [460] *История бренда Newcastle*.
- [461] *Посещения и мемориалы*, стр. 41.
- [462] Бломфилд.
- [463] Пастон, 6 ноября 1479г.
- [464] Фордун, *Scotichronicon*, изд. Хирн, Оксон, 1722, стр. 1039.
- [465] *Scotichronicon*, стр. 1056: "eadem ... sicut prius jubileo ... in toto regno Scotiae mirabiliter saeviebat."
- [466] *Казначейские списки Шотландии*. Введение к т. II. стр. xlviii.
- [467] *Scotichronicon*, стр. 1141.
- [468] *Казначейские списки Шотландии*, III. 650.
- [469] *Там же*. III. 310.
- [470] *Там же*. III. 553.
- [471] *Там же*. III. 579.
- [472] *Scotichronicon*, стр. 1287 и стр. 1298.
- [473] Цитируется Р. Чемберсом (*Внутренние анналы Шотландии*, I. 57) из Хроники, напечатанной Томасом Томсоном.
- [474] *Scotichronicon*, стр. 1565. Издание Хирна.
- [475] Феррериус, стр. 393, цитируется в *Excheq. Шотландские свитки*. VIII. p. lx.
- [476] *Обмен. Шотландские свитки*. VIII. 364. Отчеты Уильяма, епископа Оркнейского, с 5 августа 1475 г. по 3 августа 1476 г.: "et decem martis liberatis, de tempore pestis, egrotantibus in Inchescheith". Еще один лот (30,13 фунтов стерлингов 4д.) предназначен для сорока шести витрин, уничтоженных "проптер лонгам морам" в логовищах Лейта, "anno pestis, videlicet anno ultimo".

[477] Но в "МИСС анналы" приводится дата 1361 года в "*Древнем и нынешнем состоянии графства и города Корк*". Чарльз Смит, доктор медицины, 2 тома. Дублин, 1774. 2-е изд. II. стр. 23.

[478] Тади Доулинг [Елизаветинец] "1370. Pestilentia magna in Hibernia, adeo quod propter immensitatem mortalitatis vocabatur ab antiquis tertia," p. 24.

[479] Даулинг, стр. 27.

[480] *Англ. История*. Василий. 1555, стр. 567.

[481] Шрифтом Гейла, . *Англ.* I. 573.

[482] Дополнение Британского музея. Ср., № 27 582.

[483] *Материалы, иллюстрирующие правление Генриха VII*. Серия Rolls, № 60, s. d.

[484] *Tractatus contra pestilentiam thenasmonem et dissinteriam* [Rouen, 1490]:—"Causae pestilentiae ut alias scripsimus: in quodam opusculo quod composuimus de quadam rabiosa febre pestilentiali, quae in duodecim horis patientes cum calore et sudore continuo interficiebat. Cujus febris adventus incepit sua vexilla extendere in Anglia in civitate Londoniarum decima nova die mensis Septembris 1485, in qua die [planetary signs] posuerunt. Ex qua febre pestilentiali plus quam quindecim millia hominum ab hoc seculo morte repentina, tanquam ex pugnitione divina, recesserunt, multique sine mora per vicos deambulantes absque confessione obierunt."

[485] Рукопись. Хлопок. Vitellius A. XVI. *Хроника Англии от 1-го Генриха III. до 1-й Курицы. VIII*.

[486] *Хроника Кройленда* (по сценарию Гейла. *Англ.* I. 570 и 576) в одном месте указано 14 ноября, а в другом - 14 октября. Но ясно, что последняя дата верна, поскольку письмо приора Кройленда Генриху VII, извещающее о смерти аббата и молящее о *соутии* душ, датировано 14 октября. (*Материалы, иллюстрирующие правление Генриха VII*. том I. s.d. от 21 октября 1485 г., серия Rolls, № 60.)

[487] Энтони Вуд, I. 462.

[488] *Мэр Бристоу - Календарь* (автор Роберт Рикар, городской клерк Бристоля, 18 изд. IV.). Общество Камдена, 1872, стр. 46.

[489] В бристольском календаре написано: "Этот йере Хари, эрл из Ричмонда, высадился в Милфорд-Хейвене.... И вскоре после этого во всех местах Англии появились содейны сикены, называемые светинг сикнес, которые люди моче красили".

[490] Дата 1506 года в "Хекере" ошибочна, поскольку была взята из очень расплывчатой записи в "Хронике Холла" (скопированной Графтоном), которая с таким же успехом могла относиться к 1507 году. Датировка Бернара Андре 1508 годом безошибочна; его летописи продолжают непрерывно до смерти Генриха VII. в апреле следующего года.

[491] *Работы* Бернара Андре. Серия "Роллс", № 10, стр. 126-8.

[492] *История Честера* Хемингуэя, I. 142.

[493] "История и древности Оксфордского университета" *Энтони Вуда*. I. 665.

[494] Составлен для серии "Роллы" Брюером на большую часть правления Генриха VIII (1509-1530), а после него Гэрднером, в настоящее время вплоть до 1538 года. Факты, приведенные на следующих нескольких страницах, могут быть взяты из Календаря государственных документов под соответствующими датами, если в примечаниях не указано иное.

[495] По-видимому, это было общее направление. В письме Томаса Лика из тюрьмы Флит от 12 августа 1517 года своему брату сэру Джону Лику (*Hist. MSS. Отчеты комиссии*, X. pt. 4, стр. 447), автор говорит, что он был сильно измучен потом и находился в опасности для жизни: "Если у кого-нибудь из вас это случилось, молитесь, чтобы вы были здоровы и держались поближе к своей груди и сердцу в течение двадцати четырех часов, и тогда, по милости Божьей, в этом нет никакой опасности: за столь короткое время произошла чудесная великая смерть".

[496] В письме от 12 августа из тюрьмы Флит, которое уже цитировалось (*Hist. MSS. Отчеты*, l. c.), утверждается, что в доме кардинала погибли пятнадцать человек, включая мистера Каупера, управляющего, Талбойса, лорда Кайма, молодого Уастнесса и некоего Гренелла. В доме милорда Дарема умерли доктор Порт и доктор Фиш вместе с несколькими другими. Из придворных - милорд Клинтон, мистер Морган, управляющий королевы, и один Мат. Джонс из королевского гардероба был похоронен в Ричмонде в прошлую пятницу, и многие придворные мертвы.

[497] *Жалкая жизнь короля Эдуарда Пятого*: "Учитывая, что, как говорят врачи и как мы также обнаруживаем, рецидив вдвое опаснее, чем при первой болезни", стр. 230. Издание Камелота.

[498] Энтони Вуд, *историк. и Antiq., sub anno* 1517.

[499] "История Честера" Хемингуэя, l. 142.

[500] На письме стоит дата 8 июня, что делает начало пота таким же, как в письме Тьюка; но Брюер говорит, что дата должна быть 18 июня.

[501] Пивовар (*кал. Государственные газеты*) гласит письмо: "Во вторник одна из камеристок, мадемуазель де Булан, заразилась потом". Но П. Фридманн (*Анна Болейн*, 1884, Лондон, l. 72) говорит, что правильное прочтение - это *fille-de-chambre* мадемуазель де Булан; и известно, что Анна Болейн начала потеть только через несколько дней после этого.

[502] В *Истории Корка* К. Смита, доктора медицины (2-е изд., 1774) под 1528 годом есть запись: "злокачественное заболевание, называемое потливостью в Корке", со ссылкой на "МИСС анналы". Обычно предполагалось, что вирус не попал в Ирландию или Шотландию ни во время одной из пяти вспышек.

[503] Немецкие авторы предположили, что пот был распространен за границей действительно тем же летом или осенью, что и в Англии, объясняя расхождения в датах разницей в английском календаре. Но в старом году в Англии считались только месяцы январь, февраль и март до 24-го числа; месяцы июнь, июль, август и т. Д. годы, в которые произошел пот, совпадают в английском и зарубежном календарях. В английской хронологии пота эти месяцы совершенно четко относятся к 1528 году; а в немецкой, швейцарской и нидерландской хронологии пота столь же четко - к 1529 году. Спад на Континенте был на год позже, чем в Англии.

[504] Книга Грунера "*Scriptores de sudore Anglico superstites*" в 1847 году была переиздана Хезером с дополнительными цитатами и примечаниями. Геккер (*Der Englische Schweiss*, 1834)

ссылается на работу Грунера "*Английский маршрут ex actis designatum*", Йена, 1805, которую я не смог увидеть. Соответственно, изложение немецкого вторжения в тексте взято из вторых рук.

[505] *Бок или защита от пота*, Лондон, 1552 год. "*Эфемерная британика*", Лондон, 1555.

[506] "Это был самый суеверный сикнессский рейнджид в Англии, и начался он сначала в этом городке Шроусбери в XXII Марке, и прошел через королевство, и начался в Лондоне 19 июля". Цитируется из г - жи Хроника в "*Истории Шрусбери*" Оуэна и Блейквея, стр. 345.

[507] Указ. соч. 1552, fol. 10. В латинской работе дата в "Салопии" - "17 Кал. Мая".

[508] Николс, *Лестершир*, III. 891.

[509] Эдрихус, *In libros aliquot Pauli Eginetae*, &c. Лондон, 1588 (без перевода).

[510] "Дневник Эдуарда VI" в "*Истории реформации*" Бернета. Стоу (Анналы) говорит, что это началось 9 июля и было наиболее ожесточенным 12-го.

[511] *Календарь государственных бумаг*. Внутренний (под датой).

[512] *Дневник Мачина*. Camden Society, № 42, под редакцией Дж. Гофа Николса, стр. 7. Мэчин был гробовщиком и регистрирует смерти и похороны.

[513] Machyn.

[514] Там же. стр. 8.

[515] Письмо из Лондона, в Харл. рукописи № 353, стр. 107, цитируется Николсом в примечаниях к Мачину.

[516] Кай, *Боке или Консул*, 1552, ff. 10-11.

[517] Венецианский посол (*Cal. S. P. venetian*, v. 541) говорит, что волнения в Лондоне закончились через двадцать дней. Он также говорит, что дети младше десяти лет не подвергались "квесто инфлюссо". Волнение, вызванное лондонской эпидемией, отражено в записи о деньгах в записях корпорации Кентербери: "1551 год. Одному из слуг короля, который сообщил, сколько диди в свитте". (*История. РУКОПИСЬ. Комиссар. IX. 154 б.*)

[518] Эдуард VI. Фицпатрику.

[519] Drake's *Eboracum*, стр. 128.

[520] Николс, заметки для Мачина, дающие ссылку на *Гента. Magaz.* 1825, II. 206.

[521] Фуллер (изд. Николс, стр. 183) говорит под 1551 годом: "Многие в Кембридже умерли от этой потливой болезни, пациенты поправлялись или заканчивали лечение в течение двадцати четырех часов". Смерть двух молодых аристократов послужила поводом для перепечатки стихов сотрудниками университета.

[522] Страйп, *Мемориалы*, III. глава 7 (цитируется в примечаниях к Мачину).

[523] Лайсонс, *Великая Британия*, VI. 539.

[524] *Календарь государственных бумаг*. Венецианец, Ст. 541, под датой 18 августа 1554 г.

[525] Томас Коган, 'Оазис здоровья: создан главным образом для комфорта студентов и, следовательно, для всех тех, кто заботится о своем здоровье', дополняет предыдущие слова Гиппократовы, написанные Epid. 6. Труд, Мясо, Выпивка, Сон, Венера.... Далее добавляется отрывок из "Мора: с кратким осуждением поздней болезни в Оксфорде". Лондон, 1589. Новое изд. 1596, стр. 272.

[526] Есть единственное упоминание о потоотделении на континенте в 1551 году, которое, возможно, действительно было одной из тех эпидемий тифа (или гриппа) с потливостью характера, которые наблюдались в 1557-8 и 1580 годах. Брассаволус, пишущий "О Галлико" и иллюстрирующий тот факт, что эпидемии иногда вызывались засухой (хотя в основном влажностью), говорит, что в прежние годы пот в Англии появлялся вместе с засухой, и что на момент написания статьи, 15 сентября 1551 года, эта болезнь поразила Фландрию, поскольку сезон был чрезвычайно засушливым, и поразила многие тысячи людей. Впервые это заметил Хазер, Указ. соч. III. (1882), стр. 332. Отсылка к Брассаволусу сделана почерком Луизини. *de lue venerea*. Lugd. Bat. 1728, f. p. 671.

[527] *Увеличение и уменьшение числа заболеваний*. Лондон, 1801, стр. 70.

[528] Смотрите ссылки в Gruner, стр. 444, 448.

[529] "Автономная жизнь специфических инфекций", в *Brit. Med. Журнал.*, 4 августа 1883 г.; "Происхождение желтой лихорадки", в *North American Review*, сентябрь 1884 г.; *Иллюстрации бессознательной памяти при болезнях*, Лондон, 1885, глава XIII. "Опосредованная инфекция".

[530] Полидор Вергилий, стр. 553. Филипп де Комин говорит: "три больших корабля и значительное количество сухопутных войск". (Хроники короля Людовика XI. Английский перевод. II. 674.)

[531] Мезерей, II. 762. Он добавляет: "Бретонцы хвастаются тем, что также оказали помощь этому принцу". В его первой экспедиции участвовали исключительно бретонцы, но вторая состояла в основном, если не полностью, из норманнов.

[532] Этот момент, который важен для теории, первоначально был изложен в статье об "Эпидемиях" в "Ежеквартальном обзоре" за январь 1887 г. и там заявлен как оригинальный. Автор статьи о "Потливости" в *Энциклопедии Брит.* принял это как общее место; это достаточно очевидно, когда на это указывают, но Хекер этого не сделал.

[533] Приведенный выше отчет кратко изложен в главе из книги Хирша, *Geog. и История. Путь*. Англ. пер. I. 88.

[534] Дарвин, *Кругосветное путешествие натуралиста*, стр. 435-6.

[535] Bernard André's *Annales Henrici VII*. Серия "Рулоны", № 10, стр. 120. Под датой в январе 1508 года он пишет: "Вопрос о том, как умереть нунцию в невероятной урбанизации, для чего нужны первые плоды во временном флоридском периоде, для посещения, для обсуждения". И Фабиан, и анонимный автор рукописи MS. Коттон, Вителлий, А. XVI. (*Хроника Англии с 1 ст. III. по 1 ст. VIII.*) описывают зиму 1506-7 годов как "чудесную [легкую] и мягкую зиму без штормов и морозов", но не упоминают погоду 1507-8 годов.

[536] Хроника Райотсли.

[537] Фабиан, Стоу.

[538] Анналы Стоу. Геккер ошибочно принимает это исключительное время года за то, которое непосредственно предшествовало поту летом 1528 года.

[539] *Кал. Государственные бумаги*, под датой.

[540] Краткое изложение в Hirsch, l. c.

[541] Продолжатель Фабиана.

[542] Райотсли, II. 139.

[543] Эборакум Дрейка, (из отчетов городского совета).

[544] *История. и Антик. Унив. Оксфорд*, I. 651.

[545] В Кембридже в октябре 1578 года две смерти от чумы в Квинс-колледже “побудили многих уехать”. *Cal. Рукопись Сесила*. II. под датой 13 октября.

[546] Энтони Вуд, младше соответствующих лет.

[547] Ссылаясь на эпидемию в Оксфорде в 1448 году, Вуд говорит: “вызванная, как считалось, разливом вод и отсутствием быстрого прохода для них из-под земли. Также из-за того, что многие ученые лежали в одной комнате или общежитии почти в каждом коридоре, что вызывало неприятный воздух и запахи и, следовательно, болезни”. *Указ. соч.* I. 596.

[548] *Материалы, иллюстрирующие правление Генриха VII.* Рулоны, сер. 60, II. стр. 136.

[549] *Хроника Англии*, под ред.

[550] *Ист. Англ.*, стр. 609 (Базилик, 1546).

[551] Стоу, *Анналы*.

[552] В *Федере* Раймера все эти вакансии епископств указаны под 1501 годом, начиная с Кентерберийской (Мортоновской) кафедры 9 января 1501 года.

[553] *Переписка Пламптона*, Camden Soc. № 4, стр. 138: Письмо от ? 1499, Р. Левенторп, из Левенторп-Холла, Йоркшир, сэру Р. Пламптону: “И хотя я с трудом могу сказать, что ваш слуга скончался от болезней, которые способствовали вашей болезни, поэтому я искренне сожалею”; он советует поститься и надеется, что “вы больше не будете огорчены этими болезнями”. В следующем письме (сviii) сэру Р. Пламптону от его сына: “Также, сэр, я очень сожалею, что смерть наступила не в Пломптоне”.

[554] *Документы Хардвика*, Лондон, 1778, I. 2 (из харл. рукописи).

[555] Фримен, *Эксетер*, в серии “Английские города”, стр. 99.

[556] *Annales Henrici VII.* Серия “Роллы”, стр. 88.

[557] Информация на следующих нескольких страницах взята из *Календаря государственных бумаг Генриха VIII.*, *Внутренний*, если в примечаниях не указано иное.

[558] *Хроника Серых монахов*, Общество Кэмдена, № liii. 1852, стр. 29. Стоу относит смертность к 1513 году.

[559] Письмо из тюрьмы Флит, датированное 1517 годом. *История. Рукопись. Ком. X.* часть 4. стр. 447.

[560] Филлипс, *История Шрусбери*, стр. 17.

[561] *Личная казна Генриха VIII.*, стр. 79.

[562] Ссылка на стр. 290 (примечание 2) на “ни один приход в Лондоне не свободен” под датой 25 октября 1517 г. может означать, что во время этой эпидемии велись записи о смертности, что, безусловно, было поводом, когда Генрих VIII вмешался другими способами, чтобы остановить распространение чумы.

[563] Недавно приобретен для коллекции Эгертона. № 2603, фол. 4.

[564] Существовал, однако, английский перевод небольшого иностранного эссе о чуме непризнанного авторства, опубликованного в Лондоне в 1534 году Томасом Пейнелом, каноником Мертон, литературным хакером того времени.

[565] В архиве. Государственные документы, Генрих VIII., № 4633. Брюер ошибочно внес его в календарь как отчет о смертности от потливости в 1528 году.

[566] *Мэр Бристоу, его календарь*. Кэмденское общество, 1872, стр. 53.

[567] Говорят, что чума была в Эксетере в 1535 году (Фримен, *Эксетер*, в серии "Английские города").

[568] Экземпляр находится в библиотеке Ламбета, № 432.

[569] Оуэн и Блейквей, I. 311.

[570] Продолжатель Фабиана.

[571] "*История Хартфордшира*". и др.

[572] *Лондонская хроника Курицы. VII. и Курицы. VIII.* Камденский сборник, 1859.

[573] *Акты Тайного совета*. Новая серия, 1542-1547, стр. 136.

[574] *Анналы Стоу*.

[575] *Кал. Рукопись Сесила.*, I. 15.

[576] Отчеты Гилдхолла (Выдержки Фернивалла в приложении к "*Анатомии Вайкери*"). Общество раннего английского текста).

[577] Brand's *History of Newcastle* История Ньюкасла

[578] Hasted's *History of Canterbury*, стр. 130 (из приходских регистров). В

[579] Энтони Вуд, указ. соч. II. 74. В Банбери, вероятно, примерно в том же году. *История Банбери Бизли* (из Брэсбриджа).

- [580] *Реестр Тайного совета Шотландии*, I. 5.
- [581] *Акты Тайного совета*. Новая серия, 1542-1547, 28 апреля 1546 г., стр. 397.
- [582] *Там же.*, 13 ноября 1546 г., стр. 552.
- [583] *"Британия"* Кэмдена, изд. Гоф, I. 262.
- [584] *Там же.* II. 265.
- [585] *Календарь государственных бумаг*. Отечественный сериал, Том X.
- [586] *Заметки и запросы*, 6-я серия, III. 477.
- [587] Николс, *Лестершир*, III. 891 (295 смертей от чумы и ок. 1555-59 гг.)
- [588] *Чешир* Ормерода, I. под 1558 годом, со ссылкой на "Харл. рукописи". Рукописи Харлея, относящиеся к Честеру, занимают многие страницы каталога.
- [589] *Календарь государственных бумаг*, Изд. I. стр. 122.
- [590] *Три хроники пятнадцатого века*. Камденское общество, изд. Гайрднер, 1880, стр. 123, 144.
- [591] Письмо из Лондона графу Шрусбери, *История. Рукопись. Сот.* VI. 455, а.
- [592] Без даты, но, вероятно, 1564 год. Уотт предполагает 1556 год, но книга содержит ссылки на эпидемию лихорадки 1558 года и, как указано выше, на чуму 1563 года.
- [593] Мунк, *Список коллегии врачей*, I. стр. 32, 63.
- [594] Эта и другая информация, которая следует непосредственно за ней, взята из *Cal. Государственные документы*. Зарубежные сериалы.
- [595] *Рукописный календарь Сесила*, под датами.
- [596] *История Гловера из Дербишира* (21 случай смерти от чумы в регистре Святого Михаила, май-август 1563 г.).
- [597] Николс; Келли, в пер. *История. Соч.* VI. 395.
- [598] *"История Личфилда"* Харвуда, стр. 304.
- [599] Хастед - это *История. Кентерберийский*, стр. 130 (приходские книги).
- [600] *Заметки и вопросы*, 2-я серия, XI. 69.
- [601] 'Как и должен ли христианин спастись от ужасного бедствия Чумы. Проповедь из псалма "Qui habitat in adjutorio altissimi" Эндрю Осиандера. Переведен с Хе Алмейна на английский, 1537. Копия в Британском музее. Инициалы М.К. приняты за инициалы Майлза Ковердейла.
- [602] Соранцо в сенат Венеции. *Календарь государственных бумаг*, венецианский, V. 541 (18 августа 1554 г.).
- [603] *Кал. Государственные документы*, Генрих VIII. Домашний.

[604] Из *Аннотации нескольких приказов, относящихся к чуме*. СР. Дополнение. (Брит. Музей), № 4376. Вероятно, оригиналы этих тезисов находятся среди записей Гилдхолла. Я цитирую из наиболее доступного источника.

[605] Выдержки из записей Гилдхолла, составленные Ферниваллом, в приложении к *"Анатомии человеческого тела" Вайкери*. Общество ранних английских текстов.

[606] *Кал. Государственные документы*, Венецианский, VII. 649.

[607] *Аннотация*и др. на британском языке, как указано выше.

[608] Ниже приводится пример, которым он поддерживает рекомендацию убивать собак во время чумы: "Не так много лет назад я знал перчаточника в Оксфорде, который вместе со своей семьей, численностью десять или одиннадцать человек, умер от чумы, которую, как говорили, принес в дом собачий скинн, купленный его женой, когда болезнь распространилась по городу" (*Poor Man's Jewel*, глава VIII. Лондон, 1578).

[609] *Стенограммы из MS. Архивы*, изд. Бейли, 1856 год.

[610] Новостное письмо графу Шрусбери, *История. Рукопись. Комиссия*. VI. 455.

[611] *Дневник Мачина*, изд. Дж. Гоф Николс. Camden Soc., № 42, стр. 310.

[612] Там же. стр. 396 (примечание Николса); и записи Гилдхолла, в Фернивалле, *l. c.*

[613] *Аннотация*и т.д., как указано выше.

[614] *Stow's Memoranda* (Ламбетская рукопись), Camden Soc., 1880, стр. 123.

[615] *Аннотация*и т.д., как указано выше.

[616] Стоу, там же.

[617] Архивное управление. *Государственные документы*, Элизабет, том. XLVIII., № 70.

[618] Одобрил "Краткое изложение таких приказов, которые были отданы до сих пор для предотвращения и уменьшения распространения чумы в Лондоне и его окрестностях".

[619] Искатели упоминаются в Шрусбери еще в 1539 году (Филлипс).

[620] *Обзор Лондона*, изд. цит. по стр. 119.

[621] Холинshed, III. стр. 1260.

[622] Джон Белл, *лондонский летописец*. Лондон, 1665 год.

[623] *Liber Albus Londinensis*. Серия "Роллс-ройс", изд. Райли. Следующие примеры встречаются в отчете уполномоченных от 1343 года: Стр. 446: Водные ворота "перекрытие выхода из туалета" и т. Д. Стр. 449: выход, перекрытый определенными лицами, названными: "qui fecerunt in eadem venella latrinas supra dentes, quarum putredo cadit supra capital hominum transeuntium". На той же странице: Вендегослане "обструкция для тела и гардероба". На той же странице: Перекрыты Петерсгейт "для тела и алии худжусмоди фетиды". Та же страница: Даугейт. Два домовладельца, названные "in eisdem aedificiis diversas latrinas fecerunt, pendentes ultra vicum ejusdem venellae;

quarum putredines cadunt supra homines per eam venellam transeuntes”. С. 450: в Квинхите “коммунальная уборная”. С. 451: в Солтварфе путь к реке преградил “pulvere et aliis putredinibus in eadem projiciendis”. С. 452: Лекингеслейн имеет два отхожих места и непроходим из-за отсутствия мощения. Та же страница: Еще один венель, перекрытый графом Маршаллом; в нем три уборных. В "обходе земли за стенами", 26 Изд. III. (1552), среди прочих отмечены следующие посягательства: За пределами Ладгейта кто-то возвел сарай (камера) размером 16 × 12½ футов и сделал там "unum profundum puteum et quadratum pro latrina" - глубокий колодец и выгребную яму вместе. Также за пределами Ладгейта у Уильяма из Вирсестре есть дом, два убежища для животных и уборная, а часть указанного дома имеет размеры 14 футов × 7½ футов.

[624] *Статуты Королевства*, 17 Рик. II.

[625] Райли, указ. соч., стр. 614.

[626] Stow's Survey.

[627] Ст. "Шекспир", *Энцykl. Британец*.

[628] "Мемориалы Ипсвича" Уоддерспуна, стр. 285, стр. 259.

[629] "Напечатано впервые". Эксетер, 1765, стр. 181.

[630] Пулетт Скроуп, указ. соч. стр. 333.

[631] *D. Erasmi Epistolar. lib. XXX*. Лондон, 1642, Книга xxii. Послание. 12 (без даты).

[632] Ричард из Девизеса. Англ. Hist. Soc. p. 60: "Apud Bristolliam nemo est qui non sit vel fuerit saponarius; et omnis Francus saponarios amat ut stercorarios."

[633] William Harrison's *Description of England* (в Холинshed) дает достаточное доказательство того, что грязных полов, описанных Эразмом, не существовало два поколения спустя даже среди беднейших слоев населения. В

[634] Переписка находится в "Воспоминаниях" под заголовком "Чума".

[635] Из меморандума лорда Берли, датированного замком Хартфорд 21 ноября 1582 г., выясняется, что обследование показало, что 577 кроватей доступны для незнакомцев в одном приходе Хартфорда и 451 в другом, "так что по две кровати на 2000 человек". *Кал. Государственные документы*. Серия "Домашнее хозяйство", Элизабет 1581-90, стр. 75.

[636] Stow's Survey.

[637] *Воспоминание*, стр. 332.

[638] *Воспоминание*.

[639] Бэддели, приход Сент-Джайлз, Крипплгейт. Лондон, 1888 год.

[640] Там же., под датой августа 1672 г., стр. 193.

[641] Листовки из собрания Общества антикваров. Цитируется У. Рендлом, F.R.C.S., *Старый Саутуорк и его жители*. Лондон, 1878, стр. 198. Мистер Рендл в одном месте, по-видимому, намекает на неодобрение этого способа захоронения без гроба; но в другом (стр. 225,

примечание) он говорит, что это было “своего рода предсказанием мудрых предложений мистера Сеймура Хейдена”. Его первые мысли, по-видимому, были самыми лучшими.

[642] Проповедь в третье воскресенье Адвента 1552 года.

[643] Меморандумы Стоу. Камденское общество, N. S. XXVIII., 1880, стр. 125.

[644] Стоу, *Анналы*, стр. 662.

[645] *Кал. Государственные документы.*

[646] *Кат. Рукопись Сесила.*

[647] 15 июля 1570 года герцог Норфолк потребовал освободить его из Тауэра из-за большого риска для его физического здоровья и распространения чумы в этой части города. (*Рукопись "Календарь Сесила"*)

[648] *История отчета. Рукопись. Commis.*

[649] Энтони Вуд, указ. соч.

[650] *Воспоминание*, стр. 38.

[651] *"История Хартфорда"* Тернора, стр. 236, 268.

[652] *Рукописи Лосли*, изд. Кемпе. Лондон, 1836, стр. 280.

[653] Холинshed, III. стр. 1240.

[654] Письмо Сесилу, *Кэл. Рукопись Сесила.*, II. 106 (под 1575 годом).

[655] Записи корпорации, в *заметках и запросах*, 6-я серия, II. 524.

[656] *Примечания и запросы*, 6-я серия, II. 390.

[657] *История Ормерода. из Чешира*, I. Харл. мисс 2177 (смерть от чумы, 3 ноября 1574 г.).

[658] *Кал. Рукопись Сесила.*, II. 107: —За неделю, закончившуюся 9 сентября 1575 г., в церкви Святой Маргариты 25 смертей (13 от чумы), в церкви Святого Мартина 3 от чумы, в Савоие - ни одной, в церкви Святого Климента 3 (2 от чумы).

[659] Сесил графу Линкольну. *Там же*. 10 Сентября 1575 года.

[660] *Мэром Бристоу является Календар.* Camden Soc. 1872, стр. 59.

[661] *Рукопись корпорации Уэллса.*, *История. РУКОПИСЬ. Ком.*, I. 107.

[662] Оуэн и Блейквей.

[663] *Календарь государственных бумаг*, Отечественный, 1591-94, стр. 269.

[664] *История Тикелла из Кингстона-на-Халле*, 1798.

[665] Записи города Кирккадбрайт. *История. Рукопись. Комиссар.*, IV. 539.

[666] *Воспоминание*, стр. 333 (27 ноября и 6 декабря 1582 г.).

[667] С разрешения маркиза Солсбери. Содержание этого небольшого тома не было включено в опубликованный Календарь Рукописи Сесила.

[668] "Проповедь, произнесенная на Паулз-Кросс в воскресенье, третьего ноября 1577 года, во время чумы" Т. У. Лондона, 1578 (20 февраля).

[669] Изд. обзора Стоу Страйпа, Вк. IV. стр. 34. Подобное было недалеко от Эпсума.

[670] *Воспоминания Лондонского сити*, стр. 331.

[671] *Рукопись Календаря Сесила.*, Часть II. под датами.

[672] *История Тернора. из Хартфорда*, стр. 236.

[673] *Кал. Рукопись Сесила.*

[674] Бломфилд, том. III. ("Норвич" под датой).

[675] Там же. "Ярмут".

[676] *История Моранта из Эссекса*, I. 50.

[677] *История. РУКОПИСЬ. Комиссия*, IX. 277 б.

[678] *Заметки и запросы*, 6-я серия, II. 524.

[679] *Кал. Государственные документы.*

[680] Николс, *историк из Лестершира*.

[681] *Cal. S. P.*

[682] *Кал. Государственные документы.* Издание 1581-90 (Лимон), стр. 45, 70.

[683] *Размышления Граунта о счетах смертей.* 3-е изд., 1665, стр. 135.

[684] *История. РУКОПИСЬ. Сот.*

[685] Сондерс, *История Бостона*, стр. 228.

[686] *Рукопись герцога Ратленда. История. РУКОПИСЬ. Ком.*, 24 мая 1586 г.

[687] Сондерс, л. к.

[688] *Заметки и вопросы*, 2-я серия, XI. 497.

[689] Бломфилдс *Норфолк*.

[690] Там же. и Gawdy MSS. *История. РУКОПИСЬ. Сот.*

[691] *История ДербиГловера*, стр. 613.

[692] *Archaeologia*, VI. 80.

[693] *История Леоминстера* Таунсенда, стр. 59.

[694] Сайкс, *Местные отчеты Нортумберленда и Дарема*, стр. 80.

[695] *Cal. S. P.*, Отечественный, Изд. Лемон.

[696] Рукопись корпорации Плимута. *История. РУКОПИСЬ. Ком. X. часть 4*, стр. 539.

[697] *Заметки и запросы*, 6-я серия, III. 477.

[698] *Dunsford's Historical Memoirs of Tiverton*, стр. 38.,

[699] *Список смертных за неделю, закончившуюся 20 октября 1603 года*. Разворот в библиотеке Гилдхолла, с кратким описанием смертей на полях в 1563 и 1592-93 годах.

[700] *Кал. Государственные документы*, 1591-94, стр. 312.

[701] *Там же*. стр. 340.

[702] *Там же*. 1595-97, стр. 45, 26 мая 1595 г.:

Аргументы в доказательство преимуществ, которые получит Лондонский сити от перекрытия городской канавы: — Это источник инфекции и единственное зловонное место в городе. Во время последней великой эпидемии чумы там умерло больше, чем в трех других приходах; эти поля - главное место отдыха горожан, и хотя канавы засыпали раз в два года, все же вода, поступающая из псарен и бойни, будет очень заразной. Это не является материальной защитой для города, и половина рва была перекрыта за эти много лет ”.

[703] *Лондонский летописец*, автор Джон Белл, клерк Компании приходских клерков. Лондон, 1665 год. Он говорит: “Я начну с 1593 года, который был первым годом, когда велся какой-либо отчет о крестинах и похоронах. Я не могу найти более древних записей, чем за этот год в ”Компании приходских клерков Холл”. Однако теперь мы можем указать на оригинальные еженедельные отчеты о смертности за 1532 и 1535 годы, на краткие отчеты о еженедельных чумных погребениях в 1563-66 годах, на цифры из одного еженедельного отчета серии за 1574 год и на краткие отчеты за 1578-83 годы.

[704] Общее число 25 886 было скопировано, вероятно, с разворота 1603 года, в анонимное эссе 1665 года под названием *Размышления о счетах смертности*, при этом общее число только случаев чумы указано как 11 503, очевидно, из-за опечатки 15 003. В то же время была приведена таблица, в одной колонке которой якобы были указаны еженедельные случаи смерти от всех причин, а в другой - от чумы с 13 марта по 18 декабря 1593 года. В столбце смертей от чумы суммируется 11 110, но общая цифра 11 503 (которая возникла из-за опечатки) напечатана внизу столбца, как если бы это было суммированием. В столбце смертей от всех причин суммируется 25 886 смертей, при этом фактическая сумма составляет 25 817 смертей. Но еженедельные показатели смертности в нем за те недели, когда чумы было мало, являются абсурдом для 1593 года. Каким бы ни был источник этой таблицы, она не является подлинной для 1593 года и была опровергнута Беллом, клерком приходского Клеркс-холла, чье эссе было написано в 1665 году, чтобы исправить эту и другие ошибки о бывших эпидемиях в Лондоне.

- [705] *Кал. Государственные документы. Дополнения. Элизабет.*
- [706] *История Куссана. из Хартфордшира.*
- [707] *История Тернера. из Хартфорда*, стр. 268.
- [708] *История Дерби Гловера*, стр. 613.
- [709] *История Личфилда Харвуда*, стр. 304.
- [710] *Николс, Лестершир* (Городские записи Лестера); *Келли*, в *перев. Roy. Hist. Soc. VI. (1877)*, стр. 391 (закрыто не менее 20 домов).
- [711] *Оуэн и Блейквей.*
- [712] *Приходские книги Таунсенда в Леоминстере*, стр. 59.
- [713] *Рукопись корпорации. Кентербери*, в 9-м отчете *Hist. Рукописи. Комиссия*, стр. 159 а, 160 а, б. “Эта чума продолжалась с конца сентября по январь месяц”.
- [714] *Приходской реестр Пенрита*: “В 1593 году в Лондоне, Ноттингеме, Дерби и Линкольне был сильный пожар” (*Джефферсоновский Камберленд*, I. 19).
- [715] *Кал. Устаревшие документы. Дополнения. Элизабет.*
- [716] *Бристольские мемориалы Сьера*. Чрезмерная смертность в Леоминстере (41 захоронение в сентябре 1597 года), возможно, была следствием голода. (*История Таунсенда*, стр. 59.)
- [717] *Кал. Государственные бумаги, Отечественный, 1597, § 10*, стр. 347.
- [718] *Кал. Государственные документы, Отечественный, 1597*, стр. 501.
- [719] *Сайкс, Местные отчеты*, стр. 82.
- [720] *Clarkson’s Hist. of Richmond.*
- [721] *Камденская Британия*, стр. 175.
- [722] *Jefferson’s Cumberland*, I. 273. Но это те же цифры, что и для Пенрита.
- [723] *Там же*. I. 391.
- [724] *Приходская книга Пенрита в Джефферсоне, округ Колумбия*
- [725] *Примечания и запросы. 6-я серия, II. 524.*
- [726] *Казначейские списки Шотландии*, X. 594. Edin. 1887.
- [727] *Burgh Records из Абердина (Spalding Club)*, I. 66.
- [728] *Казначейские ведомости Шотландии.*, XI. стр. lxviii.
- [729] *Там же.*
- [730] *Отчеты Бурга*, стр. 88, 90, 130, 165.

- [731] *Реестр Тайного совета Шотландии*, I. 5.
- [732] *Кал. С. П. Шотландец*. (Торп).
- [733] *Записи Бурга*, стр. 222, 231, 244, 246.
- [734] *Кал. С. П. Шотландец*. 18 Ноября 1548 года. Рейнгрейв оправился и прибыл в Эдинбург 26-го.
- [735] *Reg. P. C. Scot.* I. 279-81.
- [736] *Там же*. I. 281-2.
- [737] *Краткое описание вредителя*, Изд. 1568. Перепечатано для the Bannatyne Club Джеймсом Скином из Rubislaw. Edin. 1840.
- [738] *Дневник событий в Камерах*.
- [739] Цитируется Р. Чемберсом (*Внутренние анналы Шотландии*, I.) из заметок М. Нейпира к изданию *Истории Споттисвуда* клубом Споттисвуда.
- [740] *Указ. соч.* I. 53.
- [741] *Записи Берга о Кэнонгейте*. Мейтлендский клуб, Сборник, II. 313 (в палатах).
- [742] *Палаты*, I. 94.
- [743] *Записи Бурга из Глазго, 1573-1581 гг.* Мейтлендский клуб, стр. 27.
- [744] *Reg. P. C. Scot.*, II. 415.
- [745] *Там же*. стр. 419.
- [746] *История. РУКОПИСЬ. Ком.*, IV. 539.
- [747] *Reg. Шотландский П. С.*, III. 229.
- [748] *Там же*.
- [749] *Там же*. III. 679.
- [750] *Reg. Scots P. C. s. d.*
- [751] *Хроника Перта*, Баннатин Клуб, стр. 4, и *Палаты*, I. 154.
- [752] *Reg. Шотландский П. С.*, III. 727.
- [753] "*История Кирка Шотландского*" Калдервуда, IV. 366: "Впервые стало известно, что он находился в доме Саймона Мерсербанка". *Дневник* (1532-1605) в Чемберсе, I. 157.
- [754] *Scots P. C.*, III. 746.
- [755] *Там же*. V. 56.
- [756] *Мойзи*, в "*Чемберс*", I. 157.

[757] *Дневник мистера Джеймса Мелвилла, 1556-1601*. Баннатинский клуб. Издание. 1829, стр. 153.

[758] *Marioireybank's Annals*, в сборнике Chambers.

[759] *Melville's Diary*, стр. 162.

[760] Мелвилл, стр. 173; Калдервуд, цитируется Чемберсом; *Кал. Документы Сесила*, III. 298, 310.

[761] *Кал. Документы Сесила*, III. 321.

[762] *Памятные вещи Глазго*, в Чемберсе.

[763] *Тайный совет Шотландии*.

[764] Бирелл, в кабинете.

[765] *Шотландский П. К.*

[766] Колдервуд, Против 655.

[767] Двое мужчин, посланных купить нолт в Галлоуэе для нужд района Дамфрис, были остановлены с 38 головами крупного рогатого скота мэром и другими жителями Уигтона у воды Кри, причем скот был конфискован в Уигтоне на восемь дней, так что он стал тощим. Была потребована компенсация в сто мерксов. *Тайный совет Шотландии*, Против

[768] *Scots P. C.*, VI. 164.

[769] *Записи сессий Абердинской Кирки*, Сполдинг-клуб, 1846 год, Калдервуд (цитируется Чемберсом, I. 319), говорят, что 1600 год был годом голода, и что также было много смертей маленьких детей, шесть или семь человек были похоронены в Эдинбурге за день.

[770] *Тайный совет Шотландии*, VI. под соответствующими датами.

[771] *Burgh Records*.

[772] Пробка *Смита*, II. 34.

[773] *Кал. Государственные документы*. Домашний.

[774] Пробкаот, по свидетельству МИСС анналс.

[775] *Анналы озера Лох-Су*. Изд-во Rolls, II. 289.

[776] Брабазон - Т. Кромвелю. *Кал. Государственные документы*. Ирландский.

[777] *Кал. Государственные документы*. Ирландец, 1566-7.

[778] *Государственные документы* (Архивное управление), Ирландия, 1567 г., № 54. Письмо от лорда-казначая Винчестера и Изд. Баеше, к лорду-наместнику. Мистер Фрауд резюмирует это так: "липкий пар проник в их легкие и отравил их", и снова: "зловонный пар склепа". У меня возникли трудности с расшифровкой письма, но я могу разобрать: "это кладбище, где все их хоронят" и т.д.

[779] *Кал. Государственные документы. Ирландец.*

[780] Тэди Доулинг, стр. 41.

[781] *Кал. Государственные бумаги. Домашние. 1 Сентября 1575 года.*

[782] Стаббс в своем издании "Роджера из Хаудена" (серия "Роллс", № 51, II. 249), посвященном свидетельству о рулоне труб 1166 года.

[783] *Памятники Лондона 13, 14 и 15 веков*, изд. Райли.

[784] *Stow's Survey of London*, поп. изд. (1890), стр. 66.

[785] *Хроника Холла*, изд. 1809, стр. 632.

[786] Этот отчет о черных судебных заседаниях в Оксфорде в 1577 году был обнародован, как и многие другие сведения из "Реестра Мертон", впервые Энтони Вудом в его *Истории. и Антик. из Оксфордского университета* (ред. Гатч, II. 189). Она была полностью скопирована с оригинального латинского текста в 1758 году Джоном Уордом, доктором права, и отправлена в Королевское общество, в *фил. Пер.* (т. 1, стр. 699) напечатано с примечаниями Тхо. Берч, д.Д., сек. Р. С.

[787] Говард, *Состояние тюрем в Англии и Уэльсе*. 3-е изд., Уоррингтон, 1784, с. 342.

[788] *История и античность. Унив. Оксфорд*, изд. Гатч, II. 188-192.

[789] Georgius Edrichus, 'In Libros aliquot pauli Aeginetae Hypomnemata quaedam.' Londini apud Tomam East 1588 (without pagination).

[790] Отрывок, который, по мнению Энтони Вуда, относится к тюремной лихорадке в Оксфорде в 1577 году, следующий, под заголовком "De morbis publicé grassantibus": "Publice grassari morbos vidimus Oxonii, et una nocte simul plus sexaginta agrotasse (*так в оригинале*) novimus, et in vicinis postridie pagis, eo forte aere delato, fere centum. Quod etiam eodem tempore, regnante tum Edwardo sexto, Cantabrigiae evenit, cum duo simul liberi ducis inclyti Suffolchiae ibi morerentur. Nec tamen Oxonienses ulli fere interierunt, quod coeli constitutio apud nos quam ibi salubrior sit. Sed iis ita succurrendum morbis putamus, ut Brittanico sudore (sic enim vocant) opitulari solemus."

[791] Энтони Вуд, как мы видели в тексте, собрал свою версию лихорадки 1577 года из реестра Мертонского колледжа, из *Анналов Стоу* и из упоминания Этреджа о поте 1551 года. В 1758 году Джон Уорд, доктор юридических наук, скопировал отрывок из "Мертон реджистер" и отправил его в Королевское общество; секретарь которого, преподобный доктор Томас Берч, приложил к нему в "*Философских трудах*" несколько примечаний — "скопировав", как сказал о нем Карлайл по поводу какого-то дела Кромвеля, "из "Атеней" Вуда; и допустил — а кто этого не делает? — несколько ошибок", его примечания были "тщательными, но безрезультатными" - вплоть до того, что к первоначальному правильному повествованию прибавилось множество ошибок (600 за 60, потливость при тюремной лихорадке и т. Д.). Доверившись уважаемому Берчу, Бэнкрофт в своем *Эссе о желтой лихорадке с наблюдениями относительно лихорадочного заражения и т. Д.* (Лондон, 1811) основал теорию о том, что оксфордская эпидемия вовсе не была тифом. Мерчисон (*Продолжающиеся лихорадки Великобритании*, 2-е изд. 1873 г., стр. 103) также был введен в заблуждение и поэтому оказался в невыгодном

положении, отвечая на пустые словоблудия Бэнкрофта о неизменном воспроизведении тифа из какого-то предыдущего случая. Ф. К. Уэбб в статье “Исторический отчет о тюремной лихорадке”, пер. С англ. *Эпидемия. Сокр.* ибо 1857, стр. 63, не использовал оксфордский случай в каких-либо аргументационных целях, но он, как и другие, привел факты ошибочно. Он не сообщает никаких подробностей о судебном разбирательстве в Эксетере Блэке.

[792] Говард, *О лазаретах в Европе* др. Уоррингтон, 1789, с. 231: “Но поскольку я обнаружил, что в некоторых тюрьмах за границей камеры и подземелья столь же отвратительны и грязны, как и все, что я наблюдал в этой стране, где, однако, чумка была неизвестна, я вынужден искать какую-то дополнительную причину ее возникновения. Я придерживаюсь мнения, что внезапная смена *диет* и жилья настолько влияет на *настроение новых* заключенных, что общие причины гнилостной лихорадки оказывают на них немедленное воздействие. Поэтому часто можно видеть, как они заболевают и умирают за короткое время с очень незначительными признаками болезни”. Последние слова важны.

[793] Сильва Сильварум, или *Естественная история*. Через десять веков. 10-й век, §§ 914-15. Изд. Спеддинга. II. 646.

[794] *Хроника*. Новое издание Хокера, Лондон, 1587, стр. 1547-8.

[795] Эти утверждения Хокера, камергера Эксетерского, достаточно обстоятельны; но они не совсем соответствуют теории автора *Dict. Nat. Биог.*, в графе “Дрейк, сэр Бернард” указано, что корабль был “великим португальским кораблем” под названием “Вианский лев” с английским капитаном, захваченным Бернардом Дрейком в Бретани. Несомненно, о таком захвате говорится в *Кал. Государственные документы*, 1585, стр. 295 (ссылка дана), корабль сэра У. Роли “Джоб” включен в ту же петицию; но ничего не говорится о Дартмуте как о порту, в который были доставлены два судна, или об Эксетере как о месте, где их капитаны были заключены в тюрьму. Для теории тюремной лихорадки Эксетера важно знать, были ли заключенные Дрейка португальскими рыбаками или нет, и можно предположить, что Хокер знал об этом.

[796] Автор этого злключения. Ему удалось добраться домой в Кредитон, где он скончался 12 апреля, через четыре недели после начала судебных слушаний.

[797] Сэр Джордж Николлс в своей *Истории английского закона о бедных*, 1854, I. 113, опроверг предположение, что упадок происходил в старых городах, обнесенных стенами, и что это компенсировалось ростом населения в менее стесненных местах. Эта теория была принята некоторыми более поздними авторами.

[798] *Календарь государственных бумаг*. Домашняя птица. VIII.

[799] *Сочинения Бекона*, 3 тома. II. фол. 15-16.

[800] Продолжение *хроники*.

[801] *Хроника Грейфрайарз*, Камден, Сокр. LIII., 1852. Предисловие Дж. Г. Николса, xxiv.

[802] Ред. *Обзора Лондона*.

[803] В протоколах заседаний Миддлсекского общества звукозаписи (Middlesex Record Society) встречаются многочисленные записи о расследованиях смертей в тюрьме Ньюгейт, начиная с

25-го года правления Елизаветы: некоторые из них вызваны чумой; но гораздо большее число вызвано "томительной болезнью", недугом, который иногда уносил жизни нескольких заключенных за одни и те же несколько дней и после непродолжительной болезни. Во время одной из таких эпидемий (декабрь 1586-февраль 1587) единичный случай называется "чумной лихорадкой", остальные семь - "изнуряющей болезнью". В следующем году, 19 июня, зафиксирован случай кровавистого поноса, а 24 июня - случай "изнуряющей болезни". Другими периодами, когда болезнь, названная так, была эпидемией в Ньюгейте, были февраль-май 1595 года, июнь и июль 1597 года, март 1598 года и март-апрель 1602 года. Изнуряющая болезнь, вероятно, была общим термином и, возможно, включала хроническое заболевание; известен единственный случай, когда болезнь длилась целых восемь месяцев, при этом обычная продолжительность болезни составляла от одного, двух или трех дней до трех-четырёх недель.

Это место поможет обратить внимание на странное учение о "приходской инфекции", получившее распространение среди писателей с хорошей репутацией авторитетов. Гай (*Общественное здравоохранение, Лекции*, 1870, I. 23) говорит, что тюремная чума была давним преступлением, известным как *болезнь дома*: "Мне кажется, я узнаю ее в лондонских счетах с 1606 по 1665 год как *приходскую инфекцию*". Столбец цифр в лондонских ведомостях, который был взят для показа еженедельной распространенности болезни, иначе неслыханной, "приходской инфекции", на самом деле показывает количество "инфицированных приходов". В более ранних счетах в соответствующей колонке указывалось количество очищенных приходов ("parish.cleric" или "paroch.cleric"). Суммируя количество приходов, инфицированных в каждую из 52 недель тяжелого чумного года, получаем в общей сложности несколько тысяч, и это общее количество было принято за ежегодную смертность от "приходской инфекции" — чистый миф. Первоначальным автором этой странной ошибки, по-видимому, был Маршалл в его "*Смертности метрополии*", Лондон, 1832, стр. 67. В "Приходской инфекции" он говорит: "Нижеприведенная болезнь описана мистером Беллом в его "*Летописце*" [1665]; вероятно, это то же самое, что проявляется под названием пятнистая лихорадка". Белл "указывает" не на другую болезнь, а на количество приходов в Городе и пригородах, зараженных чумой за каждую неделю в году.

[804] *Монашеские анналы*, серия Rolls, № 19. Хроника неизвестного автора (Сент-Олбанс) временная. Hen. VI., 1422-31:—"Quaedam infirmitas reumigata invasit totum populum, quae mure dicitur: et sic senes cum junioribus inficiebat quod magnum numerum ad funus letale deducebat."

В отчете Медицинского департамента Совета местного самоуправления Ирландии за 1890 год грипп обозначен под названием "слаэдан", или прострация, эпидемия которой разразилась в Ирландии в 1326 или 1328 году, та же эпидемия называется "мурре" в *Анналах Клонмакнуаза*. Слово "мур" в "Хронике Сент-Олбанса" используется всего столетие спустя. Муррейн (или *морена* в латинских хрониках), вероятно, является современным продолжением "муре" или "мурре".

[805] Я беру это краткое изложение у Шорта (*Хронология* и т. Д. I. 204), который опускает свой авторитет, вероятно, иностранных авторов, которым он обычно обязан в более ранний период. Первая часть *Анналов гриппа* Теофилуса Томпсона (Сиденхэмское общество) представляет собой не что иное, как выдержки из краткого и, следовательно, иностранного происхождения.

[806] *Кал. Государственные документы*. Внутренний, *sub dato*.

[807] Так, в продолжении Хроники Фабиана под 1512 годом говорится, что маркиз Дорсет, отправленный в Испанию с 10 000 человек, “вернулся зимой по причине фликса (дизентерии)”. А в “Хронике Холла” (изд. за 1807 г., стр. 523) у нас есть сведения об очень серьезной болезни в его армии в Бискайе; из-за того, что их рацион состоял в основном из чеснока и фруктов, а в жаркую погоду они пили горячие вина, “там заболело 3000 фликсов, и от этого умерло 1800 человек”.

[808] Продолжатель Хроники Фабиана, sub anno. В Лондонской хронике Генриха VII есть почти идентичная запись. и Генрих VIII. (Камденский сборник, том V. 1859), но моложе 1539 года, жарким и сухим летом. Наиболее противоречивые даты и обозначения эпидемии тех лет приведены в книге Хардимана “История Голуэя” (стр. 40): “Это благотворительное учреждение [больница Святой Бриджит], к счастью, было завершено в 1543 году, когда вспыхнула потливость, и она свирепствовала с большой силой, уничтожив множество местных жителей, и особенно городских торговцев”.

[809] Термин “горячая лихорадка” встречается еще в 1518 году, в письме от 18 июля (кал. Государственные документы).

[810] Райотсли, Хроника Англии периода правления Тюдоров (1457-1559). Кэмденское общество, II. 139.

Энтони Вуд также поступает в Оксфорд в 1557 году: “Чумная болезнь, приводящая к оседанию некоторых и изгнанию многих; причины которой связаны с употреблением в пищу зеленых фруктов, Комиссар приказал, чтобы ни один из них не продавался на рынке или где-либо еще в Оксфорде”.

[811] Хроника Фабиана, стр. 711.

[812] Анналы Стоу, изд. Хауз, стр. 631. У Спида также есть необычный для него абзац о состоянии здоровья в год смерти королевы Марии (1658), в котором особо упоминается смертность среди духовенства.

[813] Выдержки из рукописи Харрисона. Хронология Фернивалла, в приложении к “Елизаветинская Англия”. Серия “Камелот”, 1890, стр. 267. Его цены во время голода и их огромное падение после сбора урожая совпадают с данными Стоу.

[814] Государственные документы, Архивное бюро.

[815] Джон Джонс, доктор медицины, Дайалл от лихорадки, Лондон, 1564 год?

[816] Календарь государственных бумаг. Иностранский, II. 1558, стр. 398.

[817] Календарь государственных бумаг. Иностранский, II. 1558, стр. 400.

[818] Новые наблюдения, естественные, моральные, гражданские, политические и медицинские, о смертности в городах, поселках и деревнях. Томас Шорт, доктор медицины, Лондон, 1750 год.

[819] 2 тома. Лондон, 1749.

[820] Рукопись Календаря Сесила, II. 525.

[821] *Филос. Пер.* XVIII. 105

[822] Граунт, *Размышления о счетах смертности*, 3-е изд. 1665.

[823] *Опера*, изд. Гринхилл, стр. 160.

[824] *Там же*. стр. 169.

[825] Giraldus Cambrensis, серия роллов, № 21, т. V. *Топогр. Hiberniae*, p. 67:—“Advenarum, tamen, una his fere est passio et unica vexatio. Ob humida namque nutrimenta, immoderatum ventris fluxum vix in primis ullus evadit.” Перемены в английских войсках в Ирландии в 1172 году упоминаются Радульфом де Дицето, *Имаг. Историк*. I. 348.

[826] *Сочинения Джеймса I.*, стр. 301.

[827] *Слоун МИСС* (Брит. муз.) № 389, листы 147-153. На нем нет даты, но в каталоге он помечен как “XV и XVI века”, как будто относится либо к концу пятнадцатого века, либо к началу шестнадцатого.

[828] Хенслер, который воспроизвел в 1783 году (*Geschichte der Lustseuche*, Приложение, стр. 53) эти и другие подробности из одного из двух оставшихся экземпляров работы Пинктора (находящихся во владении профессора Котунни из Неаполя), сопоставил с другим экземпляром в библиотеке Гарелли в Вене, находит в заключительном посвящении книги Александру Борджиа зловещий смысл, как будто верховный понтифик сам стал жертвой *великой болезни по-модному*; проще говоря, он говорит, чтобы прояснить смысл, а не синтаксис отрывка.

[829] В 1539 году вышло еще одно издание, и за ним последовало еще несколько. Пейнел также добавил короткий раздел “Средство от французских карманов” в свою книгу под названием “*Более прибыльный трактат против чумы*”. Переведенный на английский Томасом Пейнелом, канон аббатства Мартин [Мертон], Лондон, 1534 год.

[830] *Выдержки из реестра муниципалитета города Абердин, 1398-1570гг.* Отредактировано для Клуба Сполдинга [доктором Джоном Стюартом], том I. 1844, стр. 425.

[831] *Фил. Пер.*, том 42 (1743), стр. 420: “Часть письма мистера Маки, профессора истории, мистеру Мак Лорину, профессору математики в Эдинбургском университете, и переданного им президенту Королевского общества; это Выдержка из Книг городского совета Эдинбурга, касающаяся тамошней болезни, предположительно венерической, в 1497 году”.

[832] Симпсон (*l. c.*) цитирует Прокламацию из оригинального протокола, почти в приведенном выше написании; она находится в томе I. *Отчетов городского совета*, fol. 33-34, и озаглавлена в рубрике “Закон Ани Грейнджор”.

[833] “О сифилисе в Шотландии в пятнадцатом веке”, *Пер. Эпидемия. Соч.* N. S. 1. (1862), стр. 149. Две записи опубликованы в “*Уголовных процессах Шотландии*”, 1. 117; остальные были собраны для Симпсона мистером Джозефом Робертсоном со счетов Главного казначея в Регистрационном доме в Эдинбурге. С тех пор эти отчеты были опубликованы в серии the Rolls (т. I. 356, 361, 378 (*бис*), 386).

[834] *Указ. соч.* I. 437.

[835] *Расходы личной казны Елизаветы Йоркской*. Под редакцией Николаса, Лондон, 1830, стр. 104.

[836] Обзор Лондона Стоу, "Улица бриджа снаружи". Он приписывает эту информацию "Роберту Фабиану", как в тексте, так и на полях. Это заявление, конечно, не сделано в "*Хронике Англии*" Фабиана под 1506 годом или другим годом десятилетия, и оно не указано как имеющее место в какой-либо более ранней связи.

[837] Работы Бернара Андре. Серия "Роллс", № 10.

[838] *Erasmi Epistolae*, folio. Лондон, 1642, стр. 1789 г. н. э.

[839] Энтони Вуд, *историк. Университет. Оксфорд*, изд. Гатч, I. 514. Фрейнд (*Hist. of Physic*, Pt. II. стр. 345) говорится, что французская оспа упоминается в завещании Коле, декана собора Святого Павла, 1518.

[840] *Мольба попрошайек*, составленная Саймоном Файшем. Anno MCCCCXXVIII. Лондон, 1546 год.

[841] *История парламента*, I. 494.

[842] "*Диалог Буллейна о лихорадочном море*", 1564. Общество раннего английского текста, Дополнительная серия, 1888, стр. 122.

[843] "*Оплот защиты от всех болезней*" Буллейна, 1562, стр. 2, 68.

[844] *Некоторые работы по хирургии, недавно составленные и опубликованные Т. Гейлом*. Лондон, 1563 год.

[845] *Смерть от лихорадки*, глава. VIII. - От чумной лихорадки, или *plage*, или *boche*.

[846] Уильям Клоуз, *Краткий и полезный трактат, касающийся лечения болезни под названием (Галльский морб) помазаниями*, Лондон, 1579.

[847] Рекомендуемая практика для всех молодых хирургов, касающаяся прижигания порохом и ран, нанесенных огнестрельным оружием, Мечом, Алебардой, Пикой, Лонсом или чем-то подобным. К нему примыкает Трактат о французских или испанских оспинах, написанный Джоном Альменаром, испанским физиком. А также обширное собрание афоризмов, как английских, так и латинских, взятых из старого рукописного сборника. Опубликовано на благо своей страны Уильямом Клоузом, магистром хирургии.' Новое изд., 1591.

[848] *Самый превосходный и краткий методи* т.д. Лондон, 1588 год.

[849] Рид использует, среди прочих терминов, тот, который сыграл большую роль в современной патологии сифилиса. Среди моментов, на которые следует обратить внимание, следующие: "если язв или пузырей много, появляются ли гнойничковые образования или липкая субстанция".

[850] Джон Банистер, 'Совершенно новый и необходимый трактат по хирургии, кратко излагающий общее и конкретное лечение язв ... написан многими достойными писателями.... К настоящему прилагаются некоторые эксперименты моего собственного изобретения'. Лондон, 1575 год.

[851] Питер Лоу, *Простой, надежный и совершенный метод лечения и профилактики испанских болезней*, 1596 год. Подробнее об этой книге читайте в "*Жизни и работах мэтра Питера Лоу*". Джеймс Финлейсон, доктор медицины Глазго, 1889г.

[852] *Трактат о чуме и оспе, раскрывающий также средства, как уберечься от опасности этих инфекционных заболеваний или как вылечить тех, кто заражен любым из них*. Лондон, 1652 год.

[853] Бернет (*История его собственного времени*, I. 395-6, Оксфорд, 1823) приводит множество неприятных сплетен о болезни благородных и княжеских особ после Реставрации.

[854] *Естественные и политические наблюдения над счетами смертности*. Автор: капитан Джон Граунт, Предисловие Ф.Р.С. датировано Берчин-лейн январем 1662 года.

[855] Происхождение сифилиса от проказы подтверждается в современной работе Фридра. Алекс. Simon, *Kritische Geschichte des Ursprungs, der Pathologie und Behandlung der Syphilis, Tochter und widerum Mutter des Aussatzes*. Hamburg, 1857-8.

[856] Хирш, *Географическая и историческая патология* (Переведено), II. 67, 68, 81.

[857] В Hensler, стр. 14, и Приложении, стр. 11.

[858] Там же., Приложение. стр. 15.

[859] У Хенслера, Приложение, стр. 66.

[860] Распространение оспы во время итальянских войн с ее распространением по всей Европе описано в "Оспе, поэме" Эндрю Трайпа, доктора медицины", Лондон, 1748:

“ Хлыст! в обоих лагерях, эй! оно убежало,
И незараженный не оставил ни одного человека...
Следовательно, вскоре через Италию оно пролетело,
Скрывшись на некоторое время от глаз смертных,
Когда внезапно в различных формах
Оно засияло, проявившись в шейках, узлах,
Распухших паху и покалывающих голеньях, головных болях
И длинной-предлинной череде ужасных болей ...
Оттуда с распущенными парусами
Он пересек почти весь мир ...
Пока, наконец, эта стигийская ярость
Не проложила свой грязный путь в наш благословенный Друри,
Где она по-прежнему правит Верховным лордом,
Беременным острыми ночными болями” и т.д.

[861] Я не включаю в число веских доказательств часто цитируемое письмо Петра Мученика профессору греческого языка в Саламанке, датированное "nonis Aprilis, 1488", в котором используется "галльский морбус", а также испанское название "лас бубас". Мне кажется несомненным, что дата должна быть 1498 или что-то другое, кроме 1488 года, поскольку переписка продолжалась до 1525 года. Такого же рода ошибки встречаются и в печатных письмах Erasmus.

[862] Это письмо напечатано в его *Сочинении*, Pariae, 1496. Впервые внимание к этому привлек Тьене в своем эссе, опровергающем доктрину о вест-индийском происхождении сифилиса.

[863] У Хенслера, Приложение, стр. 108.

[864] Manardus, *Epist. Med. lib. VII. epist. 2.* Василий, 1549, стр. 137 (цитируется Хиршем). Первая буква Манардуса “de erroribus Symp. Писторис де Липчк из Галльского морба” был напечатан в 1500 году (Хенслер, стр. 47).

[865] I quote it from Hensler, *Geschichte der Lustseuche die zu ende des xv Jahr hunderts in Europa ausbrach.* Альтона, 1783, Приложение, стр. 109.

[866] Mezeray, *Histoire de France*, II. 777.

[867] Диагноз в тексте Де Комина, по-видимому, поразил редакторов главного издания его работы, вышедшего в 1747 году; поскольку они приложили к отрывку сноску, которая является излишеством, если только не предназначена для выражения удивления: “Карл VIII. болезнь маленькой героини в возрасте двух лет”.

[868] Martin, *Histoire de France*, VII. 257, 283.

[869] *Справочник по географической и исторической патологии.* Переведено К. Крейтоном, 3 тома. Лондон, 1883-86, II. 92-98.

[870] *Различные работы покойного Роберта Уиллана, доктора медицины, F.R.S., содержащие исследование древности оспы, кори, скарлатины и т.д.* Под редакцией Эшби Смита, доктора медицины, Лондон, 1821.

[871] Th. Nöldeke, *Geschichte der Araber und Perser, nach Tabari.* Лейден, 1879, стр. 218, 219.

[872] Термин “автономия” в приведенном выше тексте используется в соответствии с изложением, которое я первоначально дал по этому поводу в обращении к Британской медицинской ассоциации (1883 г.) “Автономная жизнь специфических инфекций” (*Brit. Med. Журн.*, 4 августа 1883 г.). Полунезависимость конституционных государств рассматривалась в моей книге “*Иллюстрации бессознательной памяти при болезни*”. Лондон, 1885.

[873] Южноафриканский спор, который стал острым, продолжался в журналах колонии (вероятным источником информации является *южноафриканский медицинский журнал* за 1883 и 1884 годы), но некоторые отголоски этого были услышаны в письмах в *Британский медицинский журнал*, 1884. Несколько лет назад аналогичная диагностическая трудность возникла, но не у представителя африканской расы, а у пациентов парижской больницы. В оспенных отделениях больницы Сент-Антуан произошло несколько случаев, один из них у медсестры, другой у помощника врача, определенного кожного заболевания, которое было либо дискретным, либо сопутствующим, длилось около десяти дней и сопровождалось повышением температуры до 40 ° C или 41 ° C. Тем не менее, эти случаи отличались от натуральной оспы; они были диагностированы и зарегистрированы как эпидемия эктимы. (Du Castel, *Gazette des Hopitaux*, 1881, № 122, цитируется в *Jahresbericht*.)

[874] *Krankheiten des Orients.* Erlangen, 1847, p. 127.

[875] *История физики*, II. 190.

[876] Грунер, ученый профессор из Йены, составивший сборники работ или отрывков, относящихся к сифилису и английскому поту, опубликовал также в 1790 году сборник средневековых глав или предложений о натуральной оспе “*De Variolis et Morbillis fragmenta medicorum Arabistarum*”, включающий всю главу Гаддесдена, но опустивший более раннюю и важную главу из Гилберта. Грунер правильно говорит в конце своих выдержек: “хотя арабисты пишут таким образом, они, по-видимому, следовали своим арабским наставникам и повторяли то, что они получили от последних”. Это очевидно из текста самих глав: некоторые чаще других цитируют Авиценну, Разеса и Исаака; но ясно, что все они основаны на арабах. Суть во всех них одна и та же; это просто словесная обработка арабских наблюдений и теорий. Нет никакого конкретного опыта или оригинальных дополнений, из которых можно было бы сделать вывод, что они были не понаслышке знакомы с оспой и корью. Однако Хазер, по-видимому, рассматривает эти главы в средневековых сборниках как свидетельство общей распространенности оспы в Европе в средние века. Поскольку он мало пишет о натуральной оспе, когда зарождалась современная медицинская литература, он приходит к парадоксу, заключающемуся в том, что эпидемии натуральной оспы на самом деле снова стали реже в шестнадцатом веке (III. стр. 69). Но упоминания об оспе в шестнадцатом веке, хотя они действительно скудны, в то же время являются самыми ранними достоверными свидетельствами о ней в Западной Европе.

[877] Это намерение наиболее четко выразил Валескус де Таранта: “Тогда пусть он будет завернут в шерстяную ткань персидского или, по крайней мере, красного цвета, чтобы при виде красной ткани кровь могла выйти наружу и, таким образом, не подвергалась чрезмерному нагреванию, согласно принципу шестого канона [Авиценны]”. Алуд Грунер, стр. 46.

[878] *История физики*, Часть II. стр. 280.

[879] *Rosa Anglica*. Papiae, 1492.

[880] *Большая хроника*. Рулоны, изд., Ст. 452.

[881] *Списки членов парламента*.

[882] Издание Общества раннего английского текста Скита. Passus xvi. (108), and Passus vii.

[883] Тренч в своем *Избранном глоссарии* использовал производное кори от *misellus*, очевидно, не зная, что Джон из Гаддесдена на самом деле использовал “mesles” для обозначения формы *morbilli*. Происхождение кори от *misellus* было категорически отвергнуто Скитом, который считает, что “написание с простой гласной е вместо ae или ea имеет решающее значение. Путаница между словами, вероятно, вполне современная”. Возможно, мне не следует противоречить филологу на его собственной почве; но ничего не поделаешь. Я знаю четыре случая, когда простая гласная используется при написании названия болезни, которая ассоциируется с оспой, английского эквивалента *morbilli*. В письме Пейса, настоятеля собора Святого Павла, Уолси от 14 июля 1518 г. (*Кал. Государственные документы*, Генрих VIII. II. п. 1), сказано: “Они действительно умирают в этих краях [Уоллингфорде] повсюду, не только от мелких покке и мезилей, но и от великой болезни”. В *Описании вредителя*, составленном доктором Гилбертом Скене из Эдинбурга (изд. 1568, перепечатано для the Bannatyne Club, 1840, стр. 9), он упоминает определенные погодные условия: “куилкис также означает Покис, Мезиллис и сикликозис боди, которым предстоит следовать”. И если не принимать обычай шотландца, то оксонианец Коган говорит: “когда кишат маленькие карманы и мезели”, а другой

оксонианец, Томас Лодж, в своем *“Трактате о чуме”* (Лондон, 1603, глава iii) говорит: "Когда Лихорадка сопровождается оспой, мезелями с пятнами" и т. Д. С другой стороны, Элиот в *“Замке здоровья”* (1541), Фаер в *“Книге для детей”* (1553), Клоуз в *“его доказанной практике”* и Келлуэй (1593) пишут это слово с помощью *ea*. Действительно, здесь нет единообразия, как можно было бы ожидать в шестнадцатом веке. Опять же, Шекспир (*Кориолан*, Акт III., сцена I) произносит это слово через *ea*, где это явно то же самое слово, которое используется в *“Видении пахаря Пирса”* в общем смысле и в написании *“meseles”*: "Те мизели, которыми мы презираем, должны вызывать у нас отвращение". Наконец, в словарях елизаветинской эпохи нет двух слов, одно с *e* обозначает прокаженных, а другое с *ea* обозначает прокаженных. болезнь *морбиллов*. В *словарном запасе* Левинса мы находим *“ye Maysilles” = variolae*, но там нет слова *“mesles” = leprosi*. Существовало только одно слово с обычными вариантами написания; и со временем его значение стало ограничено *морбилли*, раннее употребление Гаддесденом *“месле”* в этом смысле, несомненно, помогло определить употребление.

[884] Харл. CP., № 2378. Насколько я заметил, нет рецепта на *“меслес”* или на оспе под ее латинским названием или под каким-либо английским названием, которое могло бы ему соответствовать. Книга Моултона *“Это миррор, или Гляссе Хелта”* (? 1540), в которой воспроизводятся эти средневековые рецепты с их заголовками, в равной степени умалчивает об оспе и кори.

[885] *Разные работы* Уиллана. “Исследование древности оспы, кори и скарлатины”. Лондон, 1821, стр. 98. Рукопись написана в харлейском стиле, № 585.

[886] Sandoval, cited by Hecker, *Der Englische Schweiss*. Берлин, 1834, с. 80.

[887] МИСС Харл., 1568 г.

[888] В Британском музее есть прекрасная копия самой ранней печатной версии с надписью *“Sanctus Albanus”* для колофона. Один и тот же текст часто перепечатывался в последующие годы лондонскими типографиями — в 1498, 1502, 1510, 1515 (дважды) и 1528 годах.

[889] Общество Кэмдена, изд. Гайрднер, 1876, стр. 87.

[890] Уолсингем, *История. Англия*, I. 299. Also *Chronicon Angliae a quodam Monacho, sub anno* 1362.

[891] “Также мани умерли от мелких поносов, как мужчины, так и женщины и дети”.

[892] *История оспы*, 1817 год. Бломфилд также в своей *Истории Норфолка* правильно цитирует отрывок о *“поки”* из *“Плода времен”*, применяет его к Норвичу, к городу, к которому оно не имело особого отношения, а затем говорит, что это первое упоминание о *“маленьких поках”*.

[893] *Хроника* Фабиана. Изд. Эллис, стр. 653.

[894] Levins, *Manipulus Vocabulorum*, 1570. Издание Общества Кэмдена, колонка 158.

[895] *Lettres du Roy Louis XII*. Брюссель, 1712, IV. 335.

[896] Калифорния. Государственные документы.

[897] “Item, que à son grand desplaisir il ait esté naguaires mal disposé d’une maladie nommée la petite verolle, dont à present, graces à Dieu, il est recouvert et passé tout dangier.” *Lettres du Roy Louis XII.*, IV. 260. Брюссель, 1712 год.

[898] *Калифорния. Государственные документы.*

[899] *Калифорния. Государственные документы.*

[900] Отредактировано Гэрднером для Камденского общества, 1880.

[901] Переиздание Bannatyne Club, 1840, стр. 9-10.

[902] *Рукописи Лосли.* Под редакцией Кемпе. Лондон, 1836, стр. 315.

[903] *Защитное средство от чумы ... к которому прилагается краткий трактат о оспе "Как управлять теми, кто ею заражен, и помогать им".* Лондон, 1593.

[904] Поэтическая рапсодия Фрэнсиса Дэвисона. Стихотворение Спилмана встречается на стр. 189 издания 1611 года. В пиратском издании 1621 года, после смерти Дэвисона, “small” опущено перед “Rocks”, а имя Спилмана опущено в конце стихов. Ошибка типографа привела к тому, что доктор Фармер, автор книги о Шекспире, пришел к выводу, что слово “оспа” в елизаветинский период означало оспу, даже в таких ругательствах, как “оспа на нем”.

[905] *Письма сэра Тоби Мэтьюза (1577-1655),* Лондон, 1660. (1) Донн миссис Кокейн, стр. 342; (2) Донн сэру Р. Д., оба без даты.

[906] *Двор и времена Якова I.*

[907] *Двор и времена Карла I.* (Камергер Карлтона), I. 28.

[908] Энтони Вуд.

[909] Что касается Честера, то в приходской книге церкви Святой Троицы (Харл. MS. 2177) напротив 1636 года есть запись: “за эти два или три года в Честере от оспы умерло несколько детей”.

[910] *Калифорния. Государственные документы.*

[911] *Там же.*

[912] *История. Рукопись. Комиссия, V.* 146, 151, 156, 168, 174, 201. Смотрите также Дневники Пеписа и Эвелин.

[913] *Естественная история Оксфордшира.* Оксфорд, 1677, стр. 23.

[914] *De contagione et contagiosis morbis, etc.* Venet. 1546.

[915] Названия в Häser, III. 383.

[916] *Opus de peste ... necnon de variolis,* Neap. 1577.

[917] *Les œuvres de M. Ambroise Paré*. 5-е изд., Париж, 1598, Книги XIX и XX. Главы о чуме, оспе и т.д. Были первоначально опубликованы, по словам Хасера, в 1568 году.

[918] См. Purchas, *Pilgrimes*, III. 996, где сифилис и оспа включены вместе как “инфекционные или чумные оспы”, причем Рамузио указан как специалист по натуральной оспе, а Овьедо - как специалист по великой оспе.

[919] Для получения подробной информации об увеличении населения Лондона с указанием источников доказательств, я прошу сослаться на мое эссе “Население Старого Лондона”, *Журнал Блэквуда*, апрель 1891г.

[920] Листовка в библиотеке Гилдхолла, переплетенная в том с надписью “*Политические трактаты*”, 1680.

[921] “Время, когда это началось в городе Вестминстере и следующих за ним местах:

“Похоронен в Вестминстере с 14 июля по 20 октября, всего под номером 832, из которых от чумы 723. Похоронен в Савоие с 1 июня по 20 октября, всего 182 человека, из которых после чумы - 171. Похоронен в приходе Степни с 25 марта по 20 октября всего 1978 года, когда случилась чума 1871 года. Похоронен в Ньюингтон-батсе с 14 июня по 20 октября, всего 626 человек, из них от чумы - 562. Похоронен в Ислингтоне, всего 201 человек, 170 от чумы; в Ламбете, всего 373, 362 от чумы; в Хакни, всего 192, 169 от чумы. Похоронен всего в пределах 7 нескольких мест, последнее из которых названо 4378, из них от чумы - 3997. Общее число захороненных за все время [до 20 октября], как в пределах Лондона, так и в Либертиз, а также в 7 других местах, упомянутых последними, составляет 39 380 человек, из которых 32 609 умерли от чумы”.

Из приходских реестров известны захоронения за весь год: Степни, 2257; Ламбет, 566; Ислингтон, 322; Хакни, 321 (от чумы 269).

В *Анналах Стоу* смертность за 1603 год указана следующим образом: “В Лондоне и его окрестностях с ххiii дня декабря 1602 года по ххii день декабря 1603 года умерло от всех болезней 38 244 человека, из них от чумы 30 578”.

[922] Бэддели, л. к.

[923] *Короткий диалог о чумной инфекции*. Опубликовано для preserve Bloud с благословения Божьего. Лондон, 1603.

[924] *Чудесный 1603 год, на котором изображен Лондон, лежащий больным чумой*. Лондон, 1603 год.

[925] В своих “*Семи смертных грехах Лондона*” (1606) он возвращается к способу погребения во время чумы: “Все полагающиеся им церемонии были отменены, их было сложено десять в одну кучу, двадцать в другую, доблестный и нищий вместе, муж увидел свою жену и своего смертельного врага, которого он ненавидел, на паре простыней”. В результате такого способа погребения “Какая гнилая вонь и заразная сырость ударила бы в твои ноздри!”

[926] *Трактат о чуме*. Автор: Томас Лодж, физический врач. Лондон, 1603 год. Она была переиздана, среди других работ Лоджа, Хантерианским клубом Глазго в 1880 году.

[927] *Мнение Питера Тернера, доктора медицины, относительно Амулетов или Чумных лепешек, из которых, возможно, одни содержат слишком много, а другие слишком мало.* Лондон, 1603, стр. 10. Тернер занимал высокие посты в Колледже врачей и умер в 1614 году. Был еще один врач с таким именем, также высокопоставленный сотрудник колледжа, доктор Джордж Тернер, вдовой которого была печально известная миссис Энн Тернер, казненная за то, что была орудием отравления сэра Т. Овербери. Скотт перенял у нее образ миссис Саддлчоп в "*Судьбе Найджела*", произведении, бесценном для понимания Лондона времен короля Якова. Упоминание в отчетах графа Нортумберленда под датой 6 февраля 1607 года о докторе Тернере, которому заплатили десять шиллингов за "помадку" от чумы, подошло бы либо доктору Питеру, либо доктору Джорджу (*История. MSS. Коммис. VI. 2, 29*).

[928] В письме из Хэмпстеда от 27 августа 1603 года говорится о "неосторожном выставлении зараженных кроватей на улицах". (*Кал. Государственные документы.*)

[929] *Новый трактат о Море и др. подобные ранее не публиковались и, следовательно, необходимы для всех людей в это время заражения.* S. H. Studiosus в Phisicke. Лондон, 1603 год.

[930] На эту мистификацию было указано в примечании к "Тайре" (издание 1625 года) в печатном каталоге библиотеки Королевского медицинского и хирургического общества.

[931] *Послание, в котором говорится о нынешней эпидемии, рассказывается о том, что это такое и как народ Божий должен вести себя по отношению к Богу и своим ближним в этом случае.* Перепечатано, с некоторыми дополнениями, Хенохом Клэпхемом. Лондон, 1603.

[932] *Короткий диалог и т.д., выше.*

[933] В томе с другими произведениями. Лондон, 1605.

[934] Но несколько стражей в Башне умерли от этого. (*Кал. Государственные документы, 16 сентября 1603 г.*)

[935] В Лайсонсе, окрестностях Лондона.

[936] *История. РУКОПИСЬ. Ком. X. пт. 4, стр. 5.*

[937] Например, чума в Датчете (*Заметки и запросы, 3-я серия. VI. 217*).

[938] Джон Белл, лондонский летописец. Лондон, 1665 [1666].

[939] Выдержки из рукописи Харрисона. *Хронология* Фернивалла в приложении (стр. 268) к "*Елизаветинская Англия*". Серия "Камелот", 1890.

[940] *Проповедь, произнесенная на Паулз-Кросси т. Д.* Лондон, 1578 год.

[941] *Воспоминания* (многочисленные выдержки из городских архивов, в разделе "Пьесы").

[942] *Кал. Государственные документы, Дополнения, Джеймс I. стр. 534.*

[943] *Заметки и вопросы, 6-я серия, II. 524.* Смертность указана на основании приходских книг церковей Святого Георгия и Святого Михаила, где умершие были "похоронены в кэббине Уайтфрайерс".

[944] Есть *Отчет о чуме в Оксфорде в 1603 году* рукописи Слоуна № 4376 (14), извлеченной из реестра Мертон-колледжа, который также был источником отчета Энтони Вуда, как кратко изложено в тексте.

[945] *Кал. Государственные документы. Дополнения, 1580-1625.*

[946] *История. Рукопись. Commis. IX. 160.*

[947] "Мемориалы Эксетера" Изакке (в *N. and Q.*, 3-я серия. VI. 217).

[948] Бейли, *Стенограммы из рукописи MS. Архив Винчестера, 1856 г.*, стр. 109.

[949] Кромвель.

[950] *История. РУКОПИСЬ. Commis. IX.*

[951] Там же. X. часть I, стр. 89.

[952] Томпсон в *Бостоне*.

[953] *История. РУКОПИСЬ. Ком. IX.*

[954] *Археология*, VI. 80.

[955] Рукопись Роджерса в "*Истории*" Хемингуэя. из Честера. Харл. МИСС 2177.

[956] Ушастик, *Восточный Чешир*, II. 471; I. 406.

[957] Бриджес и Уолли, II. 53; I. 124.

[958] ЭборакумДрейка. Lond. 1736, стр. 121.

[959] Сайкс, *Местные архивы Нортумберленда и Дарема*.

[960] Филлипс, Оуэн и Блейквей.

[961] *Кал. Государственные документы. Дополнения, 1580-1625.*

[962] Приходская книга (в местной истории).

[963] *Заметки и вопросы*, 6-я сер. II. 390.

[964] *Ib.*

[965] *Ib.*

[966] *Ib.*

[967] *Кал. Государственные документы, 1608-9.*

[968] Хемингуэй.

[969] *Cal. S. P.*

[970] *История. РУКОПИСЬ. Ком. V. 570.*

[971] *Археология*, VI. 80.

[972] Бломфилд.

[973] Сайкс.

[974] Николс, III. 892-3.

[975] Николс (приходские книги); Келли, *Пер. Рой. История. Соч.*, 1877, VI. 395.

[976] Сайкс.

[977] Хемингуэй.

[978] Май, *История. из Ившема*, 1845; стр. 371.

[979] Добавить. Г-жа 29,975. f. 25.

[980] *История. Рукопись. Сот.* IX. 162.

[981] *Ib.* I. 101.

[982] Бизли, *история Банбери*.

[983] Примечания дина Батлера к *Анналам Клайна и Доулинга*.

[984] Смитова пробка, из рукописи "Анналы".

[985] Палаты, *Домашние летописи*.

[986] *Калифорния. Государственные документы*.

[987] Палаты.

[988] *Калифорния. Государственные документы*.

[989] "Анналы Шотландии" Бальфура (в Чемберсе, I. 399).

[990] *Тамже*.

[991] Палаты.

[992] *Aberdeen Burgh Records*.

[993] Палаты.

[994] *Хроника. из Перта*.

[995] Покои.

[996] *Тамже*.

[997] Бесценные письма Чемберлена, а также Мида (из Кембриджа) и других были собраны доктором Томасом Берчем в прошлом столетии и напечатаны в 1848 году под названиями "*Суд и времена Джеймса I.*" и "*К. и Т. Чарльзы I.*", без указателя, но с некоторыми полезными примечаниями.

[998] Чемберлен Карлтону, К. и Т. Джеймс I., II. 504.

[999] *Хронологическая история воздуха, погоды, времен года, метеоров и т.д.* 2 тома. Лонд. 1749, I. 306: “Эта лихорадка началась и ужасно свирепствовала в Англии в 1623 году; она мало чем отличалась от чумы, если вообще отличалась”.

[1000] Камергер Карлтона при дворе и во времена Карла I., I. 28.

[1001] *Дневник Сальветти в истории. Рукопись. Ком. XI. часть I, стр. 26.*

[1002] *Cal. S. P.* 15 сентября

[1003] Голландия.

[1004] Белл, лондонский летописец.

[1005] К. и Т. Карл I., письмо от 2 июля 1625 г.

[1006] В томе топографических документов Британского музея, 1298, м. (18).

[1007] В. Хеберден, июнь., *Увеличение и уменьшение числа заболеваний*. Lond. 1801, стр. 66. Он не дает никаких полномочий; “1626” - явная опечатка.

[1008] *Календарь государственных бумаг*, 1625-26, стр. 184.

[1009] *Красный Крест* (бортовой залп). Лондон, 1625 год.

[1010] *Истории приходов и в окрестностях Лондона Лайсонов.*

[1011] *Британский летописец, содержащий рассказ о недавно прошедшей чуме*. Лондон, 1628 год.

[1012] *Страшное лето, или Лондонское бедствие*. Напечатано в Оксфорде, 1625 г. (перепечатано с дополнениями в конце 1636 г.).

[1013] *Постхума Голландии*. Кантаб. 1626.

[1014] *Плачущая леди, или Лондон, подобный Найниви во вместище*. Т. Б. Лондон, 1625.

[1015] *История. РУКОПИСЬ. Комиссия*, XI. часть I, стр. 6.

[1016] Книга Брэдвелла, которая будет упомянута в дальнейшем, была написана для практики во время чумы. Есть ссылка на что-то из книги сэра Теодора Майерна о чуме 1625 года, которую мне не удалось найти. В его “*Медицинской опере*” описаны обычные случаи, которые он лечил в Лондоне в декабре 1625 года, но нет упоминания о случаях чумы. Эссе Вудалла о чуме, опубликованное в 1639 году, таким образом, ссылается на его опыт участия в эпидемии 1625 года: “В 1625 году у нас было много признаков, противоположных эпидемиям в другие времена; да, и многие красились ежедневно, вообще без каких-либо признаков или отметин на теле”.

[1017] К. и Т. Чарльз I. I. 48.

[1018] *Сторож от Чумы, обучающий истинным Правилам защиты от Чумной заразы, в это время наводнившей этот знаменитый Лондонский город. Собрано из лучших авторов,*

смешано с многолетним опытом и преобразовано в новый и наиболее простой метод. Стивен Брэдвелл из Лондона, Physition. 1625.

[1019] *Кал. Государственные документы.*

[1020] *Ib.*

[1021] Т. Локк - Карлтону, Калифорния, С. П., 14 августа.

[1022] Сальветти.

[1023] Локк - Карлтону, 27 августа.

[1024] *Cal. S. P.*

[1025] Мид, письмо в С. и Т. Ч. I. I. 43.

[1026] *Cal. S. P.*

[1027] *Там же.*

[1028] В основном из приходских книг в окрестностях Лондона Лайсонов.

[1029] Винчестер, вероятно, был хорошим образцом. В городском архиве под 1625 годом есть такая запись: "Пункт, также решено, что ветхий коттедж, в котором жил Ленорд Эндрюс, недавно умерший от чумы, должен быть сожжен дотла из-за страха перед угрозой заражения, которое может возникнуть, если он устоит". (Бейли, *Стенограммы* т.д. Винчестер, 1856, стр. 110.) В петиции, касающейся Фарнхэма, от января 1628 года, город описывается как "обнищавший из-за чумы и множества обвинений", что может означать, что чума распространилась в Суррее и Гэмпшире.

[1030] *Кал. Государственные документы.*

[1031] *Калифорния. Государственные документы.*

[1032] Рукопись Плимутской корпорации. *История. РУКОПИСЬ. Commis. IX. 278.* Приводятся отчеты (стр. 280) о денежных средствах, собранных для оказания помощи бедным и больным жителям Плимута "во время распространения эпидемии с 29 сентября 1625 г. по тот день 1627 г. н.э.". Но это не означает, что заражение продолжалось все это время. Гражданский год начался 29 сентября, и счета - это те, которые приходится на два полных финансовых года.

[1033] *Калифорния. Государственные документы.*

[1034] *Примечания и запросы, 6 сер. III. 477.*

[1035] *Cal. S. P.*

[1036] *Ib.*

[1037] *Cal. S. P.*

[1038] *Ib.*

[1039] *Cal. S. P.*

[1040] Письмо Мида в С. и Т. Чарльзу I. I. 51.

[1041] Бломфилд.

[1042] В Ковентри в 1626 году бедным было выплачено 20 фунтов стерлингов вместо праздника в Ламмас из-за инфекции. (Дагдейл, *Уорикшир*.)

[1043] Следующая любопытная выдержка была отправлена Дж. А. Пиктоном в *Notes and Queries*, 6-я сер. I. 314 из приходской книги Малпаса, Чешир, 1625:

“Ричард Доусон (брат вышеупомянутого Томаса Доусона из Брэдли), заболев чумой и поняв, что он должен умереть, в это время встал со своей постели и приготовил ему могилу, и велел своему племяннику Джону Доусону набросать соломы в могилу, которая находилась недалеко от дома, и пошел, и положил его в указанную могилу, и велел постелить одежду, и так покинул этот мир. Это он сделал, потому что был сильным мужчиной и тяжелее, чем смогли похоронить его упомянутый племянник и еще одна девушка. Он умер примерно 24 августа. Так много я достоверно знал. Он умер в 1625 году.

“Джон Доусон, сын вышеупомянутого Томаса, пришел к своему отцу, когда его отец послал за ним, будучи больным, и, уложив его в канаву, умер в ней ночью 29 августа 1625 года.

“Роза Смит, служанка вышеупомянутого Томаса Доусона и последняя в этом доме, умерла от чумы и была похоронена У.М. Готовьте 5 сентября 1625 года неподалеку от указанного дома”.

[1044] Записки преподобного Томаса Арчера из Houghton Conquest. Рукопись. Дополнение. Брит. Музей.

[1045] Бломфилд.

[1046] История Филлипса из Шрусбери. История. РУКОПИСЬ. Ком. X. часть 4. стр. 498.

[1047] История. РУКОПИСЬ. Ком. II. 258.

[1048] История. из графства Линкольн, II. 187. *Notitiae Ludaе*, p. 41.

[1049] История Тикелла из Кингстона-на-Халле. Халл, 1798 год.

[1050] Чудная РУКОПИСЬ. (История. РУКОПИСЬ. Com. X. п. 2), различные письма от 14 сентября 1636 г. по 26 ноября 1638 г., относящиеся главным образом к Норвичу.

[1051] Мальчики, История сэндвича, стр. 707-8.

[1052] Р. Дженисон, доктор медицинских наук, Обращение Ньюкасла к своим соседям и городам-побратимам. Лондон, 1637 год.

[1053] Хеберден говорит, что это началось в Уайтчепеле, но не говорит, откуда он получил информацию.

[1054] Записи округа Мидлсекс, III. 62.

[1055] Там же.

[1056] Коллегия врачей также сообщила в мае 1637 года о причинах чумы — перенаселенности, неприятностях и т. Д.; Среди названных причин следует отметить следующее: умершие от чумы были похоронены в черте города, и некоторые кладбища были настолько переполнены, что частично разложившиеся тела были убраны, чтобы освободить место для свежих захоронений. (Цитируется С. Р. Гардинером, *История и др.*, VIII. 237-9, из государственных документов.)

[1057] *Естественные и политические размышления о счетах смертности*. Лондон, 1662 год.

[1058] *Калифорния. Государственные документы*.

[1059] Изд. обзора Лондона.

[1060] Рендл (*Old Southwark*, 1878, стр. 96) цитирует следующее из письма, написанного в 1618 году Джеффри Миншаллом из тюрьмы королевской скамьи: “Что касается здоровья, в ней преобладает больше болезней, чем в чумном приюте во время чумы ... воняет сильнее, чем собачья будка лорд-мэра или парижский сад в августе ... трое мужчин в одной постели.

[1061] *Cal. S. P.* 1601-3, стр. 209.

[1062] *Отчеты округа Мидлсекс*, II.

[1063] Цитируется Гардинером, *История*, VIII. 289.

[1064] *Календарь государственных бумаг*.

[1065] *Cal. S. P.*

[1066] *Там же*.

[1067] *Там же*. Сосуществование злокачественной лихорадки с чумой в Нортгемптоне в 1638 году убедительно показано подробными описаниями случаев, опубликованными Вудоллом, *Or. cit.* 1639. См. также Freeman, *История. из Нортгемптона*, стр. 75 (но под 1637 годом).

[1068] *Там же*.

[1069] *Там же*.

[1070] *Камденская Британия*, изд. Гоф, II. 244.

[1071] *Заметки и вопросы*, 6-я серия, IV. 199.

[1072] *История. РУКОПИСЬ. Ком. V. 173.*

[1073] *Diatribae duae de Fermentatione et de Febribus*. Hagae, 1659.

[1074] *Morbus Epidemicus anni 1643; или Новая болезнь*. Опубликовано по приказу его Величества. Оксфорд, 1643.

[1075] Из Рашворта.

[1076] “Город с большим волнением подчиняет свои обученные отряды Эссексу: формирует для него Армию и отправляет его на смену Глостеру. Он выступает 26-го [августа]; неуклонно продвигается вперед, несмотря на дождливую погоду и принца Руперта; на запад, на запад; в ночь на десятый день, 5 сентября, жители Глостера видят, как среди темного дождя горит его

сигнальный костер ‘на вершине холма Пресбери’; и понимают, что они будут жить, а не умрут. Король ‘поджег свои хижины’ и без промедления выступил маршем. У него больше никогда не было никаких реальных шансов одержать победу в этой войне.... Уверенный марш-бросок в Глостер и обратно через Эссекс был главным подвигом, который он совершил во время войны; значительным подвигом, и очень характерным для него, медлительного, невнятного, возмущенного, несколько слоновьего роста человека ”. Карлайл, *Письма и речи Кромвеля*.

[1077] Из перевода С. Пордиджа. Лондон, 1681.

[1078] Энтони Вуд, II. pt I. стр. 469.

[1079] *История Дансфорда. Воспоминания о Тивертоне*, стр. 184.

[1080] Военные события в Рашворте.

[1081] Дансфорд, *история. Мемуары Тивертонна*. Хардинг, *история Тивертонна*.

[1082] Рашворт. Мур, *История Девоншира*, I. 149.

[1083] *История Бизли из Банбери*, стр. 387.

[1084] В *трактатах* Сомерса. Изд. Скотта. V. 294.

[1085] Сайкс.

[1086] Кларендон, ссылаясь на предполагаемый королевский визит в Бристоль в апреле, говорит: “Чума начала свирепствовать там очень часто для этого времени года”.

[1087] *Калифорния. Государственные документы*.

[1088] Рашворт.

[1089] *Письма и речи*, Я

[1090] Сейеровские мемориалы Бристоля, II. 466.

[1091] Уитакер, *История Лидса*, стр. 75.

[1092] Харвуд, *История Личфилда*, стр. 306.

[1093] Перевод Пордеджем *оставшихся работ* Уиллиса, стр. 131.

[1094] Николс, III. 893.

[1095] Корнелиус Браун, *Анналы Ньюарка*. Лондон, 1879, стр. 164.

[1096] *Там же*.

[1097] *Заметки и вопросы*, 6-я серия, III. 477.

[1098] Рашворт.

[1099] *История. Рукопись. Ком. XI. 7, с. 190.*

[1100] *Там же*. IX. 1, стр. 201.

- [1101] *История. из Карлайла*, 1838.
- [1102] *Палаты, Внутренние анналы Шотландии*.
- [1103] *Письма* Бейли. 3 тома. Отредактировано Д. Лэйнгом для the Bannatyne Club.
- [1104] Кеннеди, *Анналы Абердина*, I. 270 (расходы на эпидемию из Реестра Совета, том. LIII. стр. 130).
- [1105] Хемингуэй, Ормерод. *Отчет Hist. MSS. Комиссия* (V. 339) отмечает, что рукопись доктора Каупера содержит сведения о 2099 смертях, но не воспроизводит ни одной из них.
- [1106] *История. РУКОПИСЬ. Комиссар*. V. 342.
- [1107] Оуэн и Блейквей.
- [1108] Рашворт, Часть 4, том II., стр. 1100, 1109.
- [1109] "*Анналы Ирландии*" Клайна и Доулинга, заметки дина Батлера, стр. 64, 65 (ссылка на "*Жизнь герцога Ормонда*" Карт).
- [1110] *Кал. Государственные документы*.
- [1111] Еженедельные отчеты о смертности в Дублине за 20 июля—2 августа 1662 года показали только 14 крещений и 20 похорон в десяти приходах; но вряд ли это были все рождения и смерти в городе.
- [1112] Smith's *Cork*, том II. из рукописи Кокса.
- [1113] *Cal. S. P.* 21 сентября 1650 г.
- [1114] Х. Уитмор, доктор медицины, *Аномальная лихорадка, или новая болезнь, которая сейчас свирепствует по всей Англии, с кратким описанием Болезни, которая этой весной больше всего поразила Лондон*. Лондон, 1659 год (4 ноября).
- [1115] *История. РУКОПИСЬ. Комиссия*, X. часть 4, стр. 106.
- [1116] Willis, *Diatribae duae*. Hagae, 1659.
- [1117] *Пиретология*. в 2 т. Лондон, 1692-4. Приложение к 1-му тому, стр. 415.
- [1118] Отправлено в *Заметки и запросы*, 1-я сер. XII. 281, мистером Х. Хаксом Гиббсом.
- [1119] *История. РУКОПИСЬ. Комиссар*. Против 146 (Письма Сазерленда).
- [1120] Издание Гринхилла (Сиденхэмское общество, 1844), стр. 37, 93, 95-98.
- [1121] Перчасс, *Его паломники*. 4 тома., фолио. Лондон, 1625, том I. Книга II. стр. 36.
- [1122] Хаклюйт, *Основные навигации* с. 3 тома. Лондон, 1599, III. 225-6.
- [1123] Скорбящий перикардит — заболевание, которое в последнее время наблюдается в основном в России. Белизна сердца могла быть вызвана фибринозным слоем лимфы на его поверхности, вызванным перикардитом.

[1124] Хаклюйт, III. 241.

[1125] Хаклюйт, II. Часть II., стр. 22, 36, 48.

[1126] Хаклюйт, III. 501.

[1127] *"Очерки церковной биографии" сэра Джеймса Стивена*, поп. изд., стр. 125.

[1128] Хаклюйт, II. часть 2, стр. 99.

[1129] Знаменитая фигура в *"Потерянном рае"* (IV. 159) взята с маршрута в Индию, проходящего по Мадагаскару, — поэтическая окраска унылой и болезненной реальности:—

Как тогда, когда для тех, кто плывет
За мыс Надежды, а теперь миновал
Мозамбик, далеко в море северо-восточные ветры доносят
сабейские ароматы с пряных берегов
благословенной Аравии; с такой задержкой
они были бы рады сбавить ход, и многие лиги
Приветствовали бы благодарный запах, старый океан улыбается:

[1130] *Окружающий мир* и др., Общество Хаклюйт, изд. Во, стр. 149, и Хаклюйт, III. 740.

[1131] *Краткое и правдивое изложение путешествия сэра Фрэнсиса Дрейка в Вест-Индию, начатого в 1585 году*. Опубликовано М. Томасом Кейтсом. Сокращено в Hakluyt, III. 542. Более ранняя часть повествования написана капитаном Бигджесом, а после его смерти в Вест-Индии - его лейтенантом Крофтсом.

[1132] Мистер Фрауд (*История*, XII. 150), должно быть, несколько обрадовался своей смелой догадке о "желтой лихорадке". В то же время энтимема, с помощью которой он пришел к своему выводу, совершенно неверна: во-первых, в предположении, что инфекция "вспыхнула" после взятия Картахены, игнорируя факт ее катастрофического распространения в середине океана двумя или тремя месяцами ранее, вскоре после выхода с островов Зеленого Мыса; и, во-вторых, в предположении, что желтая лихорадка, которой Картахена и другие гавани Испанского Материка стали печально известны в более поздние времена, существовала там как инфекция в 16 веке.

[1133] Сэр Ричард Хокинс, командовавший галиотом "Утка" в экспедиции Дрейка 1585 года, таким образом, ссылается на острова Зеленого Мыса по случаю посещения их в своей собственной экспедиции в Тихий океан в 1593 году (Purchas, IV. 1368):

Эти острова - "один из самых нездоровых климатов в мире. За два раза, что я был в них, любой из них стоил нам половины наших людей, лихорадок и приливов разного рода, кого-то трясло, кого-то жгло, кто-то испытывал и то, и другое; одни страдали френси, другие слутом; и в одном из них это стоило мне шестимесячной болезни с немалой опасностью для жизни". Затем он объясняет причину большого риска для здоровья: северо-восточный бриз около четырех часов дня редко стихает, "приходя холодным и свежим и заставляя поры тела открытыми и по большей части обнаженными, проникает до самых костей и, таким образом, вызывает внезапное повышение температуры и различные формы заболеваний, поскольку испытываемые являются водолазами, над которыми они работают. Покидая спокойные Острова и попадая под свежий

бриз, это вызывает то же самое; и я видел, что в течение двух дней после того, как мы подышали свежим воздухом, из двух тысяч человек более ста пятидесяти сошли с ума по своему здоровью”. Это, по-видимому, относится к эпидемии во флите Дрейка, как указано в тексте; но это явно неполное изложение фактов и теоретически совершенно невероятно, поскольку пассатному ветру в тропиках нельзя приписать такие эффекты, даже если эти формы болезни предположительно были вызваны похолоданием.

Дарвин (*"Путешествие натуралиста на "Бигле"*, стр. 366) говорит: “Остров Сен-Яго в Кабо-де-Верде представляет собой еще один ярко выраженный пример страны, которую любой ожидал бы найти наиболее здоровой, но на самом деле все совсем наоборот. Я описал голые и открытые равнины как поддерживающие в течение нескольких недель после сезона дождей скудную растительность, которая сразу же увядает и высыхает; в этот период воздух, по-видимому, становится довольно ядовитым; как местные жители, так и иностранцы часто страдают от сильных лихорадок. С другой стороны, Галапагосский архипелаг в Тихом океане, с похожей почвой и периодически подверженный такому же процессу вегетации, совершенно здоров”. Но Галапагосские острова были необитаемы, за исключением недавних событий, когда двести или триста человек были изгнаны из Эквадора. С другой стороны, считается, что острова Зеленого Мыса когда-то были густо поросшими лесом и не лишенными плодородия; и португальские поселения на них, не говоря уже о деревнях коренных негров, имели изрядное население. Нелегко понять пагубный характер их лихорадок, не предполагая, что участки почвы стали зараженными из-за присутствия человека; но в то же время ясно, что степень загрязнения почвы, которая была бы безвредной в обычной ситуации, породила бы там смертельные миазмы из-за замечательного чередования засухи и влажности под тропическим солнцем.

[1134] Хаклюйт, III. 286.

[1135] Мистер Хьюберт Холл из архива в книге *"Общество елизаветинской эпохи"*. Лондон, 1886, стр. 120.

[1136] Хаклюйт, III. 583.

[1137] Хаклюйт, III. 804, 820; и другие подробности в 1-м изд. (1589), стр. 809, 810.

[1138] Хаклюйт, III. 842-52.

[1139] Purchas, IV. Вк. 7, глава 5 (перепечатано по собственному рассказу Хокинса о путешествии, опубликованному через несколько месяцев после смерти автора в 1622 году).

[1140] Мистер Дж. К. Лоутон (*Национальный биографический словарь*. Рисунки. “Хокинс, сэр Ричард”) указывает на то, что рассказ Хокинса о путешествии ‘Лакомства’ не всегда подтверждался ссылками на заметки или документы. Также, судя по его замечаниям об эпидемии на флоте Дрейка после выхода с островов Зеленого Мыса в 1585 году, представляется вероятным, что он слишком доверял своей памяти. Но это возражение писать по памяти не имеет силы против его общих наблюдений и размышлений о цинге.

[1141] Покупки, часть IV. стр. 1877.

[1142] Там же. стр. 1623.

[1143] Вудолл защищает использование бисквита в своей книге "*Помощник хирурга*", опубликованной в 1617 году.

[1144] Закуп, III. 847.

[1145] *Путешествия сэра Джеймса Ланкастера, рыцаря, в Ост-Индию*. Общество Хаклюит, изд. Клементс Маркхэм, 1878; и в книге Хаклюйта "*Основные навигации*", II. пт. 2, стр. 102.

[1146] Медлительность прохождения вокруг мыса Доброй Надежды в старые времена была обусловлена не столько конструкцией кораблей, сколько курсом: вместо того, чтобы направиться на юго-запад от Мадейры через Атлантику почти до побережья Бразилии у мыса Сан-Роке, чтобы поймать северо-восточный пассат, а оттуда другим галсом широко обогнуть мыс с юго-восточным пассатом, более ранние мореплаватели плыли мимо островов Зеленого Мыса и вдоль побережья Гвинеи, держась в пределах меридианов на 20 градусов восточнее современного пути, а затем направились к нему. таким образом, на одной части пути наступает тропический штиль, а на другой части рейса - непостижимый юго-восточный пассат, сила которого меняется в зависимости от сезона.

[1147] Пурчасъ, I. 147.

[1148] *Календарь государственных документов*. Ост-Индия (под соответствующими датами).

[1149] Это, по-видимому, вошло в обиход как "лежать в холодном помещении и гнить" (*Meas. для Мэс*. III. 1), и сохранялся в нем после того, как факультет отказался от него — если, конечно, строчка Байрона "Где холодная непроходимость вызывает апатию" сохранилась в медицинской терминологии. Есть пример того же рода выживания в употреблении слова "скорбутик"; одно время цинга на суше была обнаружена (под влиянием теории) во многих формах, и мы находим в *Пиквикских бумагах* позднее воспоминание об этой странной догме в "молодом джентльмене с выражением скорбутика".

[1150] Три более ранних экземпляра из Purchas, I. 248, 466, более поздний из *Cal. Государственные бумаги* Ост-Индии.

[1151] *Калифорния*. С. П. Колониальный. Ост-Индия. 24 Декабря 1628 года.

[1152] Там же. 6 февраля 1626 г., стр. 146.

[1153] *Дневник Уильяма Хеджеса*. Общество Хаклюйта, 1887, I. 24, 54.

[1154] *Письмо М. Габриэля Арчара*, в Purchas, ч. IV, стр. 1733; Смит в *Вирджинии*, в Пинкертоне, XIII. 99; У. Стрейчи, в Purchas, ч. IV, стр. 1753.

[1155] Теобальд превращает это в шторм и кораблекрушение, которые Шекспир привносит в "*Бурю*".

[1156] Пурчасъ, IV. стр. 1762.

[1157] *Калифорния*. С. П. Америка и Вест-Индия.

[1158] Дермер, в Purchas, IV. стр. 1778: *Американская биография* Белкнапа ("Жизнь ущелий"), I. 355.

[1159] John Winthrop's *Journal*, стр. 11.

[1160] Уинтроп, I. стр. 119, 123.

[1161] Там же. II. 310.

[1162] Ссылки. в *Истории Ноя Вебстера. из Epid. и мор. Болезни*. Хартфорд, 1799, I. 189, 191, 193.

[1163] Письмо Норриса, в *Истории С. Каролины*, I. 142.

[1164] Сако, *История африканского рабства в Новом Свете* (испанский). Барселона, 1879 год.

[1165] Овьедо, в Purchas, III. 996: —“Отрывок из Гонсало Фердинандо де Овьедо: ‘Я был знаком с ныряльщиками, участвовавшими в первом и втором плаваниях Колумба; среди них был Питер Маргарите, комендант второго плавания, пользующийся большим уважением у короля и королевы, который жаловался на эти боли. [Сифилис был распространен в Барселоне и Валенсии до 1494 года. См. Главу VIII.] Вскоре после этого, в 1496 году, болезнь начала поражать некоторых придворных; но в те времена она была распространена только среди низших людей с небольшим авторитетом; и считалось, что они заразились ею, имея дело с простыми женщинами. Но впоследствии болезнь распространилась на важных персон, и врачи не могли сказать, что об этом думать, так что многие умерли’.... Но на самом деле его привезли с Эспаньолы, где он является обычным лекарством, а также [гваяком]. Наш автор (l. c. civ.) и Рамузио в своем предисловии к третьему тому говорят, что душегубы Памфило де Нуни, страдающие оспинами, заразили индейцев, которые никогда прежде не слышали об этой болезни; настолько, что из 1 600 000 душ на этом острове осталось так мало, как вы скоро услышите.... Жадность шахтеров, пренебрежение диетой, все более ухудшающаяся смена режима питания привели к тому, что они травились, убивали и вешались, помимо тех, которые были поражены инфекционными или чумными оспами (упомянутыми ранее в Рамузио) и другими болезнями”.

[1166] *Календарь государственных бумаг*. Амер. & W. I., I. 57.

[1167] Там же.

[1168] *Cal. S. P. Amer. & W. I.*, под соответствующими датами.

[1169] Нижеследующий отчет взят из книги отца Дутертра "*Генеральная история жителей Антильских островов во Франции*", 4 тома., Париж, 1667-1671, которая заменила его более раннюю работу 1654 года.

[1170] *Cal. S. P. Америка. & W. I.*, II. 529.

[1171] Лигон, *история Барбадоса*. Лондон, 1657 год.

[1172] Winthrop's *Journal*, II. 312.

[1173] Дутертр, *историк. des Antilles habitées par les François*. 4 тома. Париж, 1667-1671.

[1174] *Кал. Государственные документы*, Амер. и W. I., I. 301.

[1175] Хронология эпидемий желтой лихорадки в Хирше (I. 318) начинается с Гваделупы, 1635 и 1640 годов, по свидетельству Дутертра (как указано выше), эпидемия 1647 года в Бриджтауне является третьей по порядку.

[1176] Бенджамин Мозли, доктор медицины, *Трактат о тропических болезнях и климате Вест-Индии*, 3-е изд. (1803), стр. 476.

[1177] Хьюз, *Естественная история Барбадоса*. Лондон, 1750, стр. 37.

[1178] Cal. S. P. Амер. и W. I., под датами.

[1179] Во втором путешествии сэра Джона Хокинса в качестве работорговца (1565) ему было разрешено торговать на Испанском майне только своими “худыми неграми”, которые были по средствам более бедным испанцам. Путешествие было утомительным, а запасов воды не хватало “для такой большой компании негров.... Многие никогда не думали, что доберутся до Индии без большой гибели негров и самих себя; но Всемогущий Бог, который никогда не допускает гибели Своих Избранных” и т. Д. Хаклюйт, III. 501.

[1180] Кларксон, *История отмены африканской работорговли*. Новое изд., Лондон, 1839, стр. 307, 352. Он показал Питту подготовленный документ: —

“Мистер Питт с большим терпением переворачивал лист за листом, на которых содержались копии списков призывников; и когда он аккуратно просмотрел около ста страниц и обнаружил, что проставлены имена каждого моряка, его прежнее место жительства или службы, время его поступления и то, что с ним стало в результате смерти, увольнения или дезертирства, он выразил свое удивление большими усилиями, которые были предприняты в этой области расследования; и с некоторым волнением признался, что его сомнения относительно разрушительного характера этой службы полностью рассеялись ”. . 273.)

[1181] Т. Обри, доктор медицины, *Морской хирург, или Вейд Мекум Гвинейского человека*. Лондон, 1729, стр. 107.

[1182] Gillespie, *Obs. о болезнях на эскадре его величества на станции Подветренный остров в 1794-6 гг..* Конец 1800 г.

[1183] Например, мистер Р. Л. Стивенсон в поразительном отрывке из "*Острова сокровищ*."

[1184] Государственные документы Турлоу, III. IV. и V.; Харл. Ошибка. III. 513; *История Ямайки* Лонга, 3 тома. Лондон, 1774; Cal. S. P., амер. и У. И.

[1185] Харл. Ошибка. I. с.

[1186] Сэр Энтони Ширли посетил Ямайку в 1596 году и сообщил: “мы не нашли в Индии более приятного и полезного места”. Хаклюйт, III. 601. Лонг (*История Ямайки*, 1774, II. 221) очень справедливо излагает этот случай в связи с неудачной экспедицией Венейбла в 1655 году: “Климат острова несправедливо обвинялся многими авторами по этому вопросу, один копировал у другого и представлялся почти чумным, без изучения реальных источников этой смертности, которая, будучи справедливо изложенной, окажется, что те же самые люди,

несущие подобное бездумное поведение и пороки в любой другой необитаемой части земного шара, безошибочно должны были быть вовлечены в подобное катастрофическая ситуация”.

[1187] *Г-жа Государственные документы, Colonial* (Архивное управление), том XIV. № 57 (1660).

[1188] Томас Трафам, доктор медицины, *Беседа о состоянии здравоохранения на Ямайке*. Лондон, 1679 год.

[1189] Мозли, указ. соч. стр. 421, без указания причин; за ним следует Хирш. *Геог. и Хист. Патол.* (Английский перевод), I. 318.

[1190] *История. Ямайки*, III. 615.

[1191] *Cal. S. P.* Амер. и W. I.

[1192] *Cal. S. P.* Амер. и W. I. 1669-74, § 144.

[1193] *Там же*. § 264, III.

[1194] С предисловием Печатника к читателю, начинающимся с "перепечатки этих печальных листов". Отпечатано и будет продано Э. Котсом, проживающим на Олдерсгейт-стрит, типографией указанной Компании.

[1195] Реклама цитируется в издании Брейли *"Дневника года чумы" Дефо*.

[1196] Слоун МИСС № 349. *Лоцоурафия, или экспериментальная связь чумы с тем, что произошло примечательного во время последней чумы в Лондонском ситии* т.д. Уильям Богхерст, аптекарь в Сент-Джайлз'ин-Филдс. Лондон, 1666 год.

[1197] Перепечатано в *Сборнике очень ценных и редких произведений, относящихся к последней эпидемии чумы в 1665 году*. Лондон, 1721 год.

[1198] *Лоцоолоуа*. Лондон, 1671 год. Перевод Куинси, 1720 год.

[1199] *Лоцоториа, или Анатомированный вредитель*. Джордж Томсон, доктор медицины, Лондон, 1666 год.

[1200] Лондон, 1667г.

[1201] Среди множества книг, вызванных Марсельской чумой в 1720 году (также непосредственной причиной появления книги Дефо), была книга Ричарда Брэдли, Ф.Р.С., писателя по ботанике, о *Марсельской чуме*. Также наблюдения взяты из оригинальной рукописи дипломированного врача, который проживал в Лондоне в течение всего времени последней эпидемии чумы в 1665 году. Лондон, 1721 (и еще два издания в том же году). Титульный лист этого пронизательного джентльмена выполнен в мелкую копеечку. Все, что сказано об оригинальной рукописи, занимает примерно столько же строк в тексте, сколько и в названии, и могло быть извлечено в ходе пятиминутного исследования; она состоит всего лишь из перечня нескольких вещей, которые предположительно являются отличительными признаками чумы — необычайный внутренний жар, затрудненное дыхание, боль и тяжесть в голове, склонность ко сну, частая рвота, неумеренная жажда, сухость языка и неба, а затем возвышения, припухлости или бубоны. Третья глава Богхерста посвящена двадцати одному такому знаку, а четвертая глава - еще сотне знаков и обстоятельств, разбитых на

пронумерованные абзацы. Возможно, что это была рукопись, из которой ботаник сделал заглавную букву на своем титульном листе; но его скудный список признаков мог быть почерпнут практически из любой работы по почти любому лихорадочному расстройству, и его недостаточно, чтобы идентифицировать Богарста, хотя слово или фраза здесь и там совпадают. Однако Дефо увидел бы титульный лист Брэдли и, возможно, поинтересовался бы мисс Слоун

[1202] Из шести смертей от чумы в 1664 году трое были в приходе Уайтчепел и по одному в Олдгейте, Крипплгейте и Сент-Джайлс-ин-те-Филдс.

[1203] *Reliquiae Baxterianae*. Лондон, 1696, I. 448. Эта запись в его дневнике датирована 28 сентября 1665 года в Хэмпдене, Бакс.

[1204] *Изд. цит. по* Глава XIV. стр. 131: “Болезни, которые кажутся наиболее близкими по своей природе (чуме); которые в основном представляют собой лихорадки, называемые чумными и злокачественными; ибо обычно отмечается, что лихорадки иногда преобладают в народе, которые из—за остроты симптомов, большого количества убитых и большой силы заражения редко уступают место чуме; которые, однако, поскольку они имитируют тип гнилостных лихорадок и не так определенно убивают больных, как чума, или так определенно заражают других, они заслуживают названия ”чумные лихорадки”. название, но не чумы, а более точное обозначение чумной лихорадки”.

[1205] В письме из Лондона, 9 мая 1637 г. (Рукопись Гауди в Норвиче, *Hist. MSS. Commis.* X. п. 2. с. 163) сказано: “Здесь, среди бедняков, бытует странное мнение, что навещать своих соседей при любой болезни - дело совести, даже если они знают, что это инфекция”.

[1206] Эванс в предисловии к изданию книги Винсента 1721 года.

[1207] *Кал. Государственные документы*.

[1208] *Там же*.

[1209] Эванс, л. к.

[1210] *Reliquiae Baxterianae*. Лондон, 1696, II. 1. 2.

[1211] Милтон со своей женой и дочерьми провел лето и осень в том же тихом районе, в Чалфонт-Сент-Джайлз, в коттедже, который снял для него Эллвуд, сохранившем низкие потолки и алмазные оконные стекла. Там он показал Эллвуду рукопись "*Потерянного рая*", которая была опубликована в 1667 году. Стихотворение не содержит упоминания о чуме, если, конечно, бегство в деревню не придало значения строкам из 9-й книги:

“Как тот, кто долго жил в густонаселенном городе,
Где толстые дома и канализационные трубы портят воздух,
выходя летним утром подышать
Среди приятных деревень и ферм”, —

Возможность появляется в 12—й книге, где египетские язвы входят в пророческое видение событий после Грехопадения; но движение слишком быстрое, чтобы допустить задержку, и у нас есть не более чем...

“Вся его плоть должна быть испорчена,
И все его люди”.

Гиббон полагал, что комета 1664 года (которая обычно рассматривалась как предзнаменование последовавшей за ней чумы), возможно, подсказала строки II. 708-11

“и подобно сгоревшей комете,
Которая испепеляет Змееносца во всю длину
В арктическом небе, и от его ужасных волос
Веет мором и войной”.

Гиббон, по-видимому, допускает ошибку, принимая их за “знаменитые строки, которые поразили лицензиара”; обычно считается, что это I. 598-9, фигура солнечного затмения, которая

“страх перемен
Ставит монархов в тупик”.

[1212] *Брит. Муз. Дополнение. Ср.* 4376 (8). “Краткое изложение нескольких приказов, относящихся к чуме”, из 35-й главы. VIII. до 1665 года.

[1213] При раскопках фундамента конечной станции Брод-стрит Северо-Лондонской железной дороги рабочие наткнулись на слой в четырех футах под поверхностью и спускающийся на восемь или десять футов ниже, который был полон неопознанных скелетов. Несколько сотен из них были собраны и перезахоронены. (*Заметки и запросы*, 3-я сер. IV. 85.) Земля была частью старой ограды Бетлемской больницы (St Mary's Spital за пределами Бишопсгейт) и была приобретена под кладбище площадью в акр сэром Томасом Роу в 1569 году. Вероятно, в нем были вырыты чумные ямы не во время одной из великих эпидемий, с 1593 по 1665 год.

[1214] *Кал. Государственные документы*, Отечественный, 1665, стр. 579.

[1215] *Реликвии Святых*. Изд. Блисс, 1869, II. 117 (под датой 21 января 1721 г.).

[1216] *Городской Летописец*. Лондон, 1769 г. (якобы это заметки Гидеона Харви).

[1217] Procopius (*De Bello Persico*, II. cap. 23, Latin Translation) says the same of the great Justinian plague in A.D. 543 at Byzantium: “ut vere quis possit dicere, pestem illam, seu casu aliquo seu providentia, quasi delectu diligenter habito, sceleratissimos quosque reliquisse. Sed haec postea clarius patuerunt.” По этому поводу Гиббон замечает: “Философия должна пренебречь замечанием Прокопия о том, что жизни таких людей охранялись особой благосклонностью фортуны или Провидения”; и большинство людей согласятся с Гиббоном. Но, если бы мы могли быть уверены в факте иммунитета (а показания Богхерста немного ослаблены его уважением к Димербруку, который знал классические традиции чумы), возможно, было бы возможно объяснить это чисто патологическими причинами.

[1218] Джон Тиллисон доктору Санкрофту, 14 сентября 1665 г. Харл. Рукопись. цитируется Хеберденом, *Увеличение и уменьшение числа болезней*. Лондон, 1801. Вудолл, писавший в 1639 году и основанный на своем опыте борьбы с лондонской чумой в 1603, 1625 и 1636 годах, аналогичным образом подчеркивает, что симптомы сильно различались у отдельных людей и в зависимости от времени года.

[1219] *Кал. Государственные документы. История. РУКОПИСЬ. Сот. IX. 321.*

[1220] *Кал. Государственные бумаги. Кал. Рукопись Флеминга. стр. 37 (также для Cockermouth).*

[1221] *Там же.*

[1222] Мид, похоже, знал, что в битве в 1665 году были случаи чумы.

[1223] *Cal. S. P.*

[1224] *История. РУКОПИСЬ. Ком. II. 115.*

[1225] *История и древности Эйама с полным и подробным описанием Великой чумы, опустошившей эту деревню в 1666 году н.э. Уильям Вуд, Лондон, 1842.* Эта небольшая книга, интерес к которой вызван исключительно происшествием с чумой, выдержала по меньшей мере пять изданий. Среди тех, кто писал в прозе или стихах на ту же тему, Вуд упоминает доктора Мида, мисс Сьюард, Аллана Каннингема, Э. Родса, С. Т. Холла, Уильяма и Мэри Ховитт, С. Робертс и Дж. Холланда. Эта история также есть в *Книге золотых деяний*.

[1226] Бэкон (*Сильва Сильварум*, ст. X. § 912. Спеддинг II. 643) говорит: “Как уже было сказано, чуму часто принимают без явного смысла. И они сообщают, что там, где его находят, у него запах спелого яблока; и (как говорят некоторые) майских цветов; и также известно, что запахи спелых и сочных цветов опасны для чумы: белых лилий, шиповника и гиацинтов”.

[1227] Сэр Томас Элиот в “*Замке здоровья*” (1541) говорит, что “зараженный материал, пролежавший два года в плотно закрытом сундуке, а затем открытый, заразил тех, кто стоял рядом с ним, которые вскоре после этого умерли”. (Цитируется Брэсбриджем, “*Драгоценность бедняка*”, 1578, глава VIII.)

[1228] *История Милнера. из Винчестера.*

[1229] “*Городской летописец*”, конец 1769 г., том I. — отчет о чуме, пожаре, шторме 1703 г. И т. Д., Который, как утверждается, был “собран из любопытных и подлинных документов, первоначально составленных покойным ученым доктором [Гидеоном] Харви”. Но раздел о “чуме” написан почти исключительно Дефо и Винсентом, с некоторыми моментами из Мида.

[1230] Эти рисунки с двумя клятвами были скопированы антикваром Морантом для его *Истории Эссекса* и хранятся в № 87. ff. 55 и 56 рукописи Стоу в Британском музее, где мистер Дж. А. Герберт из отдела рукописей указал мне на них. В своей печатной *истории болезни* Морант суммировал количество смертей от чумы за месячные периоды.

Клятва носителей, фол. 57:—

“Вы должны поклясться, что предадите земле и похороните тела всех тех людей, которые в это заразное время будут заражены чумой в этом Городе или на его территориях, или стольких из них, о ком вы заметите, и которым будет разрешено похоронить, всегда перенося их на захоронения в ночное время, если мэром этого города не будет иного распоряжения; И вы должны быть всегда наготове для этой цели в вашем жилище, куда вы будете назначены, держась отдельно от ваших семей вместе со поисковиками, и не допускать их к месту захоронения”. отсутствовать оттуда дольше, чем того требует ваша должность Носильщика. Вы всегда должны на своей прогулке, насколько это возможно, избегать общества людей,

держаться от них как можно дальше и открыто носить в руках белую палочку, по которой люди могут узнать вас и сторониться вас. И должны делать все другие вещи, относящиеся к должности Носителей, и при этом вести себя честно и добросовестно, руководствуясь чистой совестью; И т.д.

Август 1665 года. Джеймс Бартон и

Джон Кук: —приведенные к присяге, которые должны получать за свои труды по 10 шиллингов в неделю за штуку; и по 2 шиллинга за похороны каждого, вычтя 2 шиллинга из имущества умершего. Если нет средств, приход должен это вынести.

Клятва 6. стр. 44.

Клятва тех, кто ищет чуму, 1665 год.

“Да, и любой из вас должен поклясться, что вы будете усердно просматривать и обыскивать корпус всех таких лиц, которые в это инфекционное время появятся в этом Городе или на его территориях, или столько из них, к которым вы будете или можете иметь доступ или о которых будете уведомлены; И должны, в меру своих навыков, определить, от какой болезни умер каждый такой мертвый корпус. И немедленно сообщите ваше заключение об этом констеблям прихода, где будет найден такой труп, и Носильщикам, назначенным для захоронения такого зараженного трупа. Вы не должны сообщать о причине чьей-либо смерти лучше или хуже, чем того заслуживает природа заболевания. Вы будете жить вместе там, где вам будет назначено, и не будете выходить за границу больше, чем того требует необходимость, и то только при исполнении ваших обязанностей Поисковиков. Вы должны прийти в упадок и удалиться от своих семей, и всегда избегать общества людей. И в своем хождении держись как можно дальше от людей, всегда держа в руках белую палочку, по которой люди могут узнавать тебя и сторониться тебя. И вы должны хорошо и истинно выполнять все другие действия, относящиеся к службе Поисковиков, в меру вашего умения, мудрости, знаний и силы, поступая во всем верно, честно, непритворно и беспристрастно. Так что помогите” и т.д.

[1231] Морант, *История. из Эссекса*, I. 74.

[1232] Диринг, *Ноттингем*, ветус и нова, 1751, стр. 82-83. Скопировано в издании Торсби "*Истории Ноттингема*" Торотона, II. 60.